

“Во второй половине XX века Россия медленно и неуверенно подплывала к материку, который назывался “Общество потребления”. Это был путь к глобализации. А если говорить честно, то к громадному супермаркету, называемому “Апокалипсис”. Этот путь потребовал от человечества создания новой суператеистической культуры, и наши шестидесятники вольно или невольно этот сатанинский заказ выполнили”.

Читайте в ближайших номерах “Нашего современника” новую работу Ст. Куняева “Поэт в России больше не поэт” о кумирах шестидесятничества.

НАШ СОВРЕМЕННОК

№ 9 2017

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 9 2017

**Поздравляем с юбилеем
нашего верного друга
выдающуюся русскую певицу
Татьяну Юрьевну Петрову!**

“Россия достойна того, чтобы о ней петь, её любить, любить её героев, их поступки, и песня — самое высокое состояние души. Она, конечно, отражает в себе историю, быт, чаяния и надежды. Всё это есть в русской песне, и она необыкновенно сильная. Русь, приняв Крещение, выбрала Слово, и от культово-жреческих моментов жизни перешла к Слово, которое укоренилось в её сознании. И песня стала проповедью жизни, проповедью любви, отношения к земле, к родине, к семье. Все известные нам народные песни, которые пел весь народ, это были песни авторские. Просто народ, избравший Слово, которое отражало его простоту, понимание языка, любимых тем, — он всегда это воспевал. Поскольку тогда всё из уст в уста передавалось, поэтому народ менял где-то что-то”.

Полностью беседу Т. Ю. Петровой с Мариной Воропаевой читайте на стр. 203.

200 лет со дня рождения Алексея Константиновича Толстого

Алексей Константинович Толстой занимает в истории русской литературы особое место. Человек многогранного таланта, он, представитель древнего и знатного рода Толстых, был известен как писатель демократического направления. Воспитанный при царском дворе, близкий друг наследника престола, а после – императора, знаменитого “царя-освободителя” Александра II, он, тем не менее, сотрудничает с журналом “Современник”, его талант отмечает Белинский. В сотрудничестве с молодыми авторами “Современника” А. К. Толстой создаёт неподражаемый образ Козьмы Пруткова, автора сатирических стихов и лукавых афоризмов.

Писал он также многочисленные исторические стихотворения, баллады из русской истории, из времён Древней Руси, всякий раз подчёркивая удаль и мощь русского человека, достоинство и величие нашей страны. Но более известен А. К. Толстой как создатель знаменитой драматургической трилогии – пьес “Смерть Иоанна Грозного”, “Царь Фёдор Иоаннович” и “Царь Борис”. В этих пьесах А. К. Толстой отстаивает исконные русские традиции вольности и неприятия всякого тиранства, выводит на сцену самобытные, яркие персонажи русской истории. В своём знаменитом историческом романе “Князь Серебряный” А. К. Толстой выписывает тип благородного русского человека, патриота своей страны, исполненного внутреннего достоинства и чести. Обладая не только драматургическим, но и удивительным лирическим талантом, Алексей Константинович Толстой является автором стихов, на которые выдающиеся русские композиторы написали великолепные романсы – истинные жемчужины русской лирики. Но даже если бы он написал только:

*Средь шумного бала случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты... —*

только это, всем известное стихотворение, положенное на музыку самим Чайковским, то и тогда бы он занял одно из первых, лучших мест в истории русской культуры, в славянской душе.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРЕНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

Михаил ТАРКОВСКИЙ
Фарт. Повесть 15

Анатолий КИРИЛИН
Купите девушке цветы.
Рассказ 73

Вячеслав ЩЕПОТКИН
Дуэль алмазных резидентов
Главы из новой книги 86

Поэзия

Валентина СИДОРЕНКО
Я счастлива была... 3

Владимир СКИФ
Мы всё-таки те,
кто Россию спасёт... 8

Андрей РУМЯНЦЕВ
Ты не отдашь свою свободу... 12

Сергей ДОНБАЙ
"Мы путники из детства,
из природы..."
(С предисловием В. Лютого)..... 67

Дмитрий МИЗГУЛИН
Жизни коромысло 82

Очерк и публицистика

Елена ГУСЬКОВА
Судьба свела меня
с Балканами... 108

Анатолий ЮРКОВ
Дары Байкала 123

Георгий ЦАГОЛОВ
Свет и тени Льва Троцкого 142

Валерий ГАНИЧЕВ
Встреча с песней 162

Слово читателя

Несдавшийся
"Наш современник" 186

Монолог бывшей узницы 197

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

Отдел прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Критика

Татьяна ПЕТРОВА
Чувство живого сердца 203

Анатолий БАЙБОРОДИН
Поле брани
Виктора Астафьева 211

Валерий ХАЙРЮЗОВ
Вода пахнет вечностью 248

Ирина ПРИЩЕПОВА
У нас на Байкале 253

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
Дождём умыт
и пятерней причёсан... 270

Книжный развал

Диана КАН
У истока эпохи..... 268

В конце номера

Сергей РАСПУТИН
Замысел или умысел? 274

Владимир БУШИН
Мадам, рукопись на бочку! 280

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 04.09.2017. Формат 70х108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 4032-2017. Тираж 5000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ВАЛЕНТИНА СИДОРЕНКО

Я СЧАСТЛИВА БЫЛА...

* * *

Я вышла из дому...
Из дому я вышла. Саяны
Клубились снегами
под серую дымкой небес.
Узорная изморозь
белую кистью тумана
Стыдливо украсила
травы, плетени и лес.

Ах, осень спешила,
как женщина вслед за годами
Спешит насладиться
последней утехой любви.
Вершины, как старцы
с сомкнутыми вечно устами,
Вещали безмолвно,
но ясно, как "Спас на крови".

Глядела я кротко,
я кротко глядела на скалы,

СИДОРЕНКО Валентина Васильевна — поэт, живущий и работающий в Иркутске, автор трёх стихотворных и четырёх прозаических книг, состоит в СП России. В 90-х годах прошлого века главный редактор легендарного патриотического издания "Литературный Иркутск".

На лист, что румянится
яблоком в ржавой траве.
И ветер утих,
и светила лучи запоздало
Погладили землю,
как чадушко по голове...

Ведь вышла из дому,
я шла из родимого дома
К высокому лесу,
к алмазным студёным ключам
Змеиной тропюю,
чьи росы мне с детства знакомы,
Какой убегали мы
вместе с тобой по ночам...

Давно седина надо мною,
как снег на Саянах,
И слабые ноги
едва приминают траву.
И вовсе не грезятся
ныне далёкие страны,
Молчать бы как старцы,
как скалы глядеть в синеву.

Всему свой черёд. Время песни
и время из сердца
Её изгонять,
как зажившихся гонят гостей.
И Бога молить,
чтоб открылась бы чуждая дверца
В пределы, где нет
ни болезней мирских, ни страстей...

* * *

Я уже ничего не смогла,
Я уже ничего не успела.
На исходе земного тепла
И моя голова поседела.

Ночью птица влетела в окно,
Закричала, забила крылами.
Ах как всё это было давно!
Это было давно и не с нами...

И не мы, повстречавшись с тобой
В редкой встрече... старик и старуха,
Взглянем кратко, услышим вполуха
И пройдем, простучим стороной.

А когда обернёшься назад,
Обернуся и я ненароком,
И в черты дорогие с упрёком,
Словно в вечность,
сопьётся наш взгляд...

* * *

А два своих великопостных платья
Я привела в порядок. И беда
Раскрыла свои горькие объятия,
Когда чужой с твоим лицом и статью
Из дома вышел молча. Навсегда...

Ну что ж, прощай! Что завывать, как ветер?
Уж заморозки на родном дворе.
Одна ль я одинока на планете,
Когда рябин багряных гаснут плети,
И прядь волос — как травы в октябре!

Ни плакаться не буду, ни стонать я,
Так много дадено — чего ещё просить:
Я русская, я женщина и мать я,
И два своих великопостных платья
С достоинством мне надобно сносить...

* * *

Июль на вершине. Цветасто играя,
Несёт разнотравье дыхание рая.
В валках его влажных светло и могуче
Сверкают литовки, как молнии в тучах.
И ветры, как гребни в густеющей гриве,
Прочешут колосья на зреющей ниве,
Осушат росу на заросшей дороге,
На той, где ступали родимые ноги.
Туда и обратно они прошагали,
А ныне шаги их услышу едва ли.
И память о прежнем спокойно и ловко
С травой июльской подрежет литовка,
И вервью тягучей от края до края
Слетит первый лист, словно память о рае,
Как инея прядь в разнотравье полей,
Как отзвук шагов твоих в жизни моей.

* * *

Провожала его по калёной заре,
До высоких небес провожала.
Травы стыли в земном серебре,
Взоры жгли, как змеиные жала.
Полуслова не молвил в ответ,
Полувзгляда не кинул вослед.
Взмыл, как ястреб, над белой дорогой.
От ладоней моих в два ряда
Полетели за ним провода.
Свечкой стаявшая звезда
Пала в лоб ему метою Бога.
Возвратилась я в стылый свой дом,
В одинокий свой сон возвратилась.
Засыпать свою память о нём,
Запивать свою память о нём,

Зимний свет, ветра свист под окном
Принимать, словно Божию милость.
И забыла. Но в сумрачном сне
Ночью, ясной от звёздной метели,
Дрогнет сердце тревожно во сне...
Это там, на чужой стороне,
Бьётся память его обо мне...

* * *

Лица старух, как байкальские плашки,
Выжжены жизнью. И запах ромашки...
Господи, дождь в полумгле!

Я ль не стою пред Тобою в апреле
В той несказанной весенней купели,
Той, что цвести повелел!

Я ль разгибаю усталую спину —
В небе весёлом косяк журавлиный
Кличет, кричит и поёт величаво.
Господи, вместе поём тебе славу.
Я отжила на земле!

Я отхожу, как косяк журавлиный,
Снег прошлогодний и песня старинная,
Смятой травой в колее...

Той, что весеннею полнится влагой,
Дождь по которой с ретивой отвагой
Долбит, как беркут молодой.

Как я любила поля золотые,
Там, где склонились колосья литые,
Звёзды над ясной водой,

И издалече нарядно и прямо
Купол высокий родимого храма,
Русские лики святых.

Свет непалящий закатного солнца,
Свет немудрящий отцова оконца,
Речь из созвучий родных.

Как же неистово в этом апреле
Я полюбила распев колыбельный,
Скрип колыбели земной!

Может, с того, что с младенчества чистого
Всё, что ждала и любила неистово,
Вместе исчезнет со мной...

* * *

Июль, только солнце совсем не спешит
Земные приветить просторы.
В забытых истоках забытой души
Все грёзы да разговоры.

Пора же, пора, о любезный мой друг,
Готовиться к госте студёной...
Над дальнею сопкою высветил круг
И выбелил вершние кроны.

То грозный и верный приблизился срок,
Огнём закровились рябины.
Пора возвращаться в родимый исток,
Очистить пути для кончины,

Для нового царства и горних путей,
Последнего Богу ответа...
Ты Родину, милый мой друг, не жалея,
Вся там она, здесь её нету.

Здесь только пути к ней — молитва да песнь,
Ветла за рекою у брода,
Свет кроткий старушек — то ясная весть
Остатка святого народа.

Пора, мой любимый! Закроем уста.
Прощально на век обернёмся...
Была наша жизнь, как холстина, проста,
И мы к ней уже не вернёмся...

ВЛАДИМИР СКИФ

МЫ ВСЁ-ТАКИ ТЕ, КТО РОССИЮ СПАСЁТ...

* * *

Мир тяжёлый вокруг, он и новый, и древний,
От орудий глубокие в нём колеи...
А я снова свою навещаю деревню —
Крутояры мои, глухомани мои.

Светит грустная даль и угрюмится осень,
По откосам дорог конский щавель стоит.
Терпкость прошлого дня
тёплый воздух приносит,
И щемящую боль в птичьих криках таит.

Запахнула печаль до китайской границы
Пустоту одичавших и жухлых полей.
Снится им или нет золотая пшеница,
Молодых колосков сладкий запах и клей?..

СКИФ Владимир Петрович родился в 1945 году в пос. Куйтун Иркутской области. Автор 25 книг стихов и прозы. Секретарь Правления Союза писателей России. Советник губернатора Иркутской области по культуре. Лауреат Международных премий им. П. П. Ершова (2009), “Имперская культура” им. Э. Ф. Володина (2014), “Югра” — за перевод “Слова о полку Игореве” (2015), им. Николая Клюева (2014). Живёт в Иркутске.

Но лежит пустота целиной поднебесной,
И молчит пустота над деревней моей,
Обернулась земля нескончаемой бездной,
И не стало на Родине хлебных полей.

Мне охота кричать, чтобы лоно земное
Стало жить и рожать, пить дожди и ручьи.
Слышу: стонут во тьме, убегая за мною,
Крутояры мои, глухомани мои...

ПЛАСТИНКА

1

Пластинка моя, как судьба, долговечная.
Пластинка моя — вечеринка моя.
Вдруг ты появилась — девчонка беспечная,
Упавшая с неба, чтоб высмотрел я

Живые глаза, в коих огонь вылетающий
Сжигает дотла, призывает любить.
Я, жизнью избитый и сердцем не тающий,
Не смог ни пластинки, ни глаз позабыть.

Пластинка, будь нежной и долгоиграющей,
Как в юности жизнь, что нельзя покарать...
Мне в жизни греметь.

Жизнь беспечная та ещё,
Где мне веселиться, в любви угорать.

Пластинка из детства пропавшего катится,
Где летнего запаха пряный настой.
Там песни и боль, там желаний сумятица,
Там солнца пластинка и сон золотой.

2

Пластинка, пластинка. Звучали то Глинка,
То Григ, то Вивальди. Утёсова хрип.
Но в тёмной ночи разрывалась пластинка,
И дыбилося время, как атомный гриб.

Я время царапал в скучающем классе,
Крутилась земля, просыпалась семья
И пела: “Давно не бывал я в Донбассе”,
Хрипела: “Тянуло в родные края...”.

И первые рифмы сквозили так рано,
В ночи учащённо дышала земля...
Пахнуло горячей резиной с Майдана,
Жабрей, как татарин, стремился в поля.

Что стало с Донбассом, скажи мне, пластинка?
На съезд верлибристов я ездил в Донецк,
А нынче другая предстала картинка:
Там бомбы и танки. Неужто конец

Тебе, моё доброе воспоминанье,
Тебе, мой усталый и верный Донбасс?
И где ты, из детства живое дыханье,
И где ты, пропавший во времени класс?

3

Пластинки не стало и поля не стало,
Качаются в небе стихи и цветы...
И льются дожди... Кто-то скажет устало:
— Ты пишешь ещё и влюбляешься ты?!

Мне верится, что возродится пластинка,
Могучий Утёсов взойдёт, как утёс...
И ласковый колос взойдёт из суглинка,
И явится Родина та, что я нёс

На сердце и в сердце с любовью, тревогой,
Какие в себя ещё в детстве вобрал...
Просторы земли были верной подмогой,
Чтоб свет нашей Родины не умирал...

У края судьбы появилась тычинка
И стала цвести. Это ты или я?!
Но, чу! Некий звук... Зазвучала “Калинка”...
Вернулась пропавшая даль бытия...

Запели Шульженко и поздний Вертинский,
И, вздрогнув, ожили родные края.
И крикнула ты: — Прикатилась пластинка!
Пластинка твоя — журавлинка твоя...

* * *

За кедровой далью и осиновой
День-другой в зимовье проведу,
Посижу у лампы керосиновой,
И от битвы дух переведу.

Вышепчу тоску свою осеннюю
Узкому, дремучему окну.
Подожду летучего Есенина,
Блоку проходящему махну.

Мне от Блока тайна будет выдана,
И от Слова отданы ключи.
Зазвучит мелодия Свиридова,
И в тайге очнутся кедрачи.

Зазвенит метелица осенняя,
Чёрный космос высветит луна.
Я в зимовье приглашу Есенина
И налью убойного вина.

Сядем на сосновую колодину,
И, тревожа сонную тайгу,
Беспробудно будем пить за Родину,
За любовь и русскую тоску...

* * *

Николаю Зиновьеву

Чтобы только с ума не сойти,
Я к тебе улетал многократно.
Среди Млечного встану пути,
А потом возвращаюсь обратно.

Мимо чёрное небо плывёт,
Опустевшие русские дали...
И ознобом меня обдаёт
Среди русской беды и печали.

Стало небо черней во сто крат,
Но с земли его светом пронзает.
Это Коля Зиновьев, мой брат,
Нашу грешную землю спасает...

ПОЭТЫ РОССИИ

Анатолию Аврутину

Мы — скитальцы, мы возле небес, мы такие...
Нас по тёмным трущобам, по свету несёт.
Мы — усталая жизнь, мы — загадка России,
Но мы всё-таки те, кто Россию спасёт.

О бесстрашии помним, о времени помним,
Мы себя из себя каждый день достаём,
Святорусскую отчину музыкой полним,
Ту, которую в звонких стихах создаём.

Мы стоически держим земное пространство,
Замирая порой над погибелью дней.
Мы — российская мысль, мы её постоянство,
И она не исчезнет, поскольку мы в ней

Вечной сутью и русской судьбою пребудем,
Неотступно идём по священной земле.
И в бою, и в скитаньях её не забудем,
И не сможем предать в наступающей мгле...

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

ТЫ НЕ ОТДАШЬ СВОЮ СВОБОДУ...

* * *

Отец пришёл, когда уже дымилась
Победы чаша над родной землёй.
Она ему четыре года снилась
Над прахом разрушенья
И золой.

Он взялся за топор,
И плуг,
И косу,
Любое дело делая взahlёб,
Спины не разгибая, —
Кровь из носу! —
В поту горячем расшибая лоб...

И встал забор,
И задымилась баня,
И задышала пустошь чёрных лет
Парною пашней,

РУМЯНЦЕВ Андрей Григорьевич родился в рыбацьем селе Шерашово на Байкале. Окончил Иркутский университет. Автор многих поэтических и прозаических книг, в том числе биографических повествований о Валентине Распутине и Александре Вампилове, вышедших в серии "ЖЗЛ" издательства "Молодая гвардия". Заслуженный работник культуры России, народный поэт Бурятии. Постоянный автор журнала "Наш современник". Живёт в Москве.

И, смеясь, папаня
Увидел свет —
Полей зелёный свет!

И солнце грело жарче,
Печка ярче
Пылала в нахоложенной избе.
Всё было по-другому.
Всё иначе.
В деревне.
В поле.
В воздухе.
В судьбе.

* * *

Я стоял в этом храме
Под куполом дня,
И глядели страдальцы
С икон на меня.

О страданье!
Своё роковое крыло
Надо мной простирало не раз уже зло.

Эта птица клевала мне сердце не раз.
Эта птица терзает отчизну сейчас.
И терзает, и топчет родных мне людей,
И клюёт их сердца всё лютей и лютей.

Но откуда-то сверху,
Увиделось мне, —
Тонкий свет появился
В небесном окне.

Всё смелее, всё ярче охватывал он
Лики многих страдальцев, смотревших с икон.

И душа потянулась туда, где светло,
И сказала себе, что не вечно же зло,
Что крепка и смиренна любая душа
Против зла, не боится в миру мятежа.

И Георгий с копьём,
И незримая рать
Знают, что на Руси
Есть за что пострадать!

* * *

Ни эти грозные минуты,
Что иногда пророчат смерть,
Ни эти новые малюты —
Они не могут власть иметь.

Ты не отдашь свою свободу
Брататься с ветром, петь с листвою
И целовать траву и воду,
Что не забудут облик твой.

Как у дождя или у снега,
У слова путь лежит во мгле.
Оно к тебе приходит с неба
И лечит души на земле.

* * *

Не постиг я чужую науку,
Как за морем удачу ловить,
Но приемлю сердечную муку —
Эту родину горько любить.

Грозное шершавое небо,
Как большая родная ладонь...
Мне достаточно скудного хлеба
И печурки, что теплит огонь.

Плотных елей живая ограда
И реки не тускнеющий луч —
Это всё, что душе моей надо,
Чтоб не чувствовать тяжести туч!

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

ФАРТ

ПОВЕСТЬ

Напильники

— Я ещё посплю... — тихо и полувопросительно проговорила Леночка и, отвернувшись к стене, добавила: — Ты придумал, что детям девятого числа скажешь?

Баскаков на минутку прилёг-пробрался к ней, чуть не придавив коленом чёрно-блестящий экранчик, в котором Лена успела что-то успокоительное нащупать, не разлепя глаз. Там стояла теперь синяя картинка, которая глупо перевернулась, увидя сбоку подвалившегося Баскакова.

Он подошёл к чёрному окну. Оно было нового, неиндееющего образца, и округе гляделось в него стерильно, оголённо и как-то пристально. “Первый раз, что ль”, — подумал Баскаков в ответ Леночке. Девятого января ему предстояло выступить перед школьниками на Рождественских чтениях.

На градуснике было под сорок. Он приблизил лицо к стеклу: темно, только звезда еле шевельнулась в мёрзлом воздухе, и показалось — вот-вот замрёт, завязнув, не провернув мерцающего зеркала. Он вышел в кори-

---

ТАРКОВСКИЙ Михаил Александрович родился в 1958 году в Москве. Закончил Московский педагогический институт им. В. И. Ленина по специальности география/биология. В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где работал сначала полевым зоологом, затем охотником. В 1991 году закончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг “Стихотворения”, “За пять лет до счастья”, “Замороженное время”, “Енисей, отпусти!”, “Тойота-креста”, “Избранное”, “Сказка о Коте и Саше”. Главный редактор альманаха “Енисей”. Лауреат премий журналов “Наш современник”, “Роман-газета”, “Новая юность”, Литературной газеты имени Антона Дельвига, а также премии “Ясная Поляна”. Член Союза писателей России. Живет в с. Бахта Красноярского края.

двор, бурая в рябь железная дверь с заиндевевшими, ворсисто-белыми болтами выпустила его во двор. Прошёл к гаражу, завёл Ленину машинку. На обратном пути гребанул горсть снега и умылся до скрипа, до перехвата дыхания. Влажная рука магнитно прилипла к дверной ручке. С чайной кружкой снова застыл у окна.

Морозно-рассеянным светом розовел восход, и сизо стелилась понизу долина Чауса. Вдали за незримой Обью еле различимо дымил трубами Новосибирск. Клубы эти Баскаков хорошо знал. Если к ним подъехать, они восставали громадно и нависали гигантскими монументальными формами, освещёнными рыжеватым солнцем. От их каменной недвижности охватывало задумчивостью, какой-то зимней углублённостью и ощущением, что можно, наконец, разглядеть время в упор, что время это больше не сносит течением, и его судьба на твоих плечах.

Пора было в дорогу. Выехал за ворота, и когда пробрался на трассу через Тузлуки, густо и медленно заполняющиеся дымками, то с нарастанием скорости стало расправляться, разрежаться всё, что слежалось за ночь и казалось таким давяще-плотным и неразрешимым.

...Из-за стола поднялся длиннолицый, похожий на ящера человек очень прямой осанки. Длинный выгнутый нос, небольшая, тоже длинная, коротко стриженная голова. Жиллистая шея, переходящая в затылок и череп в одну линию. Очень живая, извивающаяся, она длинно торчала из ворота, как из норы, и словно хотела вылезти, а её изнутри кто-то осаживал, дёргал, а она оборачивалась огрызнуться.

— Здравствуйте, Валерий Ирари... — сбился Баскаков и протянул книгу: — Это вам, подписанная!

— Илларионович, — зычно, напористо-чётко и как-то уставно поправил Илларионыч и без паузы резанул: — Ну, что у вас?

Протянутую книгу он, кивнув, бросил в ящик стола, как в лоток, и громко задвинул.

Баскаков, заражаясь скоростью, изложил дело.

— Да, базы объединили, не один вы погорели. Регламент, правда, обжаловали... Но на это рассчитывать... — покачал головой Илларионыч. — В общем, скажу так: бесполезное дело. Можно ехать на Владивостокскую таможню и искать концы... Но это всё деньги. И время ваше...

— Да то на то и выйдет.

— Дак в том-то и дело! — радостно подхватил Илларионыч и закрутил: — Мой совет — продавать.

И вдруг возмущённо сыграл шеей:

— Только пэтээс* не отдавайте ни в коем случае. Будут просить — ни под каким видом! Удачи!

Баскаков всё давно решил, а к Илларионычу сходил больше для проформы, и чтобы не обидеть знакомого, устроившего встречу. Таких Илларионычей он за год навидался. Сейчас начиналось главное...

В назначенный час приехал Анатолий. Подошёл вразвалочку, полнозвучный, губастый до какой-то рубленности — губы как кубы, с гранями. Слова выговаривал с особой спокойностью, как-то олепляя губами согласные “б”, “п” и “ль”.

— Ребята щас подъедут, — и, глянув в телефон, брякнул буквой “б”: — Хе, зара-бо-тались.

Будто в уплату за их опоздание начал неторопливо рассказывать, куда ездил, что пытался купить и как всё дорого.

Наконец, подъехали двое. Анатолий изо всех сил показывал, что он сам по себе, а они сами. Баскаков негромко поинтересовался, как они погонят машину без документов, а Толя бросил небрежно:

— Д-да! — И добавил с оттенком одновременного и отстранения, и пренебрежения, и восхищения: — Эти безбашенные разберутся!

* Пэтээс (ПТС) — паспорт технического средства. Основной автомобильный документ, без которого машину нельзя использовать.

Безбашенных звали Серёга и Валера, и они были, как пара сказочных механиков, каких-нибудь Болтиков-Напильников. Небольшие, сухие, с рельефными лицами — серые, не то в щетине, не то в металлической пыли. На жуликов не походили, а скорее напоминали инженерных студентов, проходящих практику в заваленном металлом цеху, где с потолка сыплются железные опилки. Спорые, слаженные, нацеленные. И одновременно какие-то предельно изношенные.

Баскаков завёл машину. Открыл капот.

— Так, так, так... — вязко заметались Напильники. — Где от закрылков половинки? Чо, накладки на педаль нет? Так, а туманка? Серый, чо там вторая туманка? Целая? Где? В этой коробке? Ага, вот она...

— Парни, короче магнитофон отдельно пять тыщ, — веско сказал Баскаков. — Я специально не стал вынимать.

— А может, отдадите? А?

— Нет, двести сорок пять. С магнитофоном.

Упёрлись в магнитофон и в двести сорок, будто припирает стена или на билет не хватает. Баскаков, чтобы не сбиться с главного, уступил.

Толя был полукотдельно, полурядом. Привалившись к верстаку, копался в телефоне.

— Так, — подводя итог, быстро проговорил Валера-Серёжа, — Анатолий не говорил, нам пэтээс нужен?

— Как пэтээс?

— Пэтээс нужен, — вторил, не отрываясь от телефона, Толя.

— Так. Погодите... — Баскаков чувствовал, будто под ним лестница пошатнулась и пошла в сторону. — Э, парни. Я раз нагрелся и хорош. Мне вообще никак. Я и так теряю половину. И в пэтээсе стою, фамилия моя. Не... — отрезал Баскаков.

Происходило именно то, чего он опасался. И совсем не с той стороны, откуда ждал. Он зашагал по гаражу. Зазвонил телефон. Звонила мать его друга Серёжи Шебалина, которого все с детства звали Ёжиком:

— Игорёк, — пела-плакала она голосом, бессильно разбухшим, размокшим от слёз, — я очень расстроена, может, хоть ты поможешь? Надо что-то делать с Серёжей. Он не просыхает... Я не сплю с трёх ночи. Это страшно! Я во сне видела, как его уволакивают, просто уволакивают маленькие, чёрные такие люди... правда... они по пояс ему, Серёже, и они его волокут, а он цепляется за мебель, за косяки... Ты не поверишь... ты знаешь, как я ко всякой мистике отношусь, я преподаватель... но тут всё по правде, поверь мне... — Она совсем заплакала: — Вы же друзья... были... Он цепляется, и они его уволакивают, и он оборачивается, а у него... Игорёчек... у него зрочки зелёным горят, Игорёчек, и такие... ну... вертикальные, как у кошек, не могу-не-могу-не-могу... помощи, пожалуйста, не могу... это не придумаешь... это видеть надо... ааааа...

— Милая моя, миленькая, пожалуйста успокойтесь... Лидия Григорьевна... Пожалуйста, я вам попозже перезвоню... Молитесь за него...

— Да молось, как могу, я же не молилась... а теперь молось... Всё, Игорёк... Позвони, пожалуйста, как освободишься.

Баскаков, побледневший, уничтоженный, возвращался к разговору.

— Да вы не волнуйтесь... — наседали ребята.

— Да чо не волнуйтесь?! Не, ребят... Какой пэтээс!? — говорил Баскаков, изо всех сил пытаясь собраться.

— А мы можем, Толь, расторгнуть договор купли-продажи? — будто не слыша, обратился Валера к Анатолию.

— Да как мы расторгнем, — возмутился Баскаков, — если тот хмырюга в Уссурийске, и у меня даже его телефона нет? Не-е... обождите, мужики. Мужики, короче...

Зазвонил телефон:

— Игорь, Пете позвони, — сказала Лена, — по-моему, он не знает, что снимать можно только по пятьдесят тысяч. И ты не забыл, что нам на исповедь послезавтра?

— Да не забыл, не забыл! Всё. Пока, — отвечал с раздражением Баскаков.

— Свинога, — попрощалась Лена.

Пока с ней говорил, слышал, как поверх разговора лёг гудочек. Прорывался-звонил как раз Петро:

— Михалыч, здорóвеньки! Как вы там, зимогоры, не вымерзли ещё? Да-а, морозцы-то придавили. Слушай-ка, тут такое дело. Плохо, когда ни в зуб ногой в житейских делах. Короче говоря, я договорился снять всю сумму...

— Ну и снимай, в чём проблема-то? — нетерпеливо перебил Баскаков, зная витиеватость и обстоятельную многословность Пети.

— Да ты почему такой торопыга-то? Всё бегом, бегом... Дай обскажу. У меня же, я вспомнил, срочный вклад какой-то... — “какой-то” он произнёс с брезгливкой. — Если я снимаю, то у меня проценты сгорают... Но я всё равно снял. Уже снял... Хе-хе... Выручать-то надо классика, а как же...

— Да ты чо! Спасибо, Петро. Я щас занят. Позвоню вечером... Парни, я не хочу второй раз влететь... — начал снова Баскаков.

— Не, Игорь. Подождите. Давайте так... — прикрывая глаза, говорил Серёжа или Валера, Баскаков уже не понимал. — Мы сейчас вам объясним.

Анатолий захлопнул телефон, спрыгнул с верстака и вразвалочку подошёл к Игорю:

— Вот смотрите, — заговорил он на тон спокойней стоявшего гвалта, сдержанно ощупывая слова своими гранёными губами, — люди забирают у вас авто-мо-биль, и дальше он будет готовиться к продаже. Без документов всё это теряет смысл. Это как человек без паспорта. Вы сами уже с этим столкнулись...

Зазвонил телефон, который Баскаков не отключал, ожидая очень важного звонка:

— Игорь Михайлович? — раздался твёрдый и чуть надтреснутый, подрагивающий голос — есть у пожилых людей такие глухо-высокие голоса. “Ч” звучало по-западному, будто пародировали белорусских чиновников.

— Да, я. Говорите... — резко ответил Баскаков.

— У меня к вам как к редактору альманаха адресное предложение. Адресное! — налёг голос на словцо.

— Давайте после праздников, мне не с руки сейчас. А откуда у вас мой телефон?

Звонящий будто не слышал:

— Это очень важно, и вы сейчас поймёте, — в слове “очень” снова зазвучало мягкое “тчэ” с сильным придыханием. — Вы петчётесь о русском языке, — голос был очень настойчивый, и Баскакову мгновенно представился рослый с костистым крепким черепом дед из тех, что на мероприятиях хулигански рвутся к микрофону, потрясая своими книгами. — И я как почтительный книготчэй внимательно тчытаю все ваши статьи. Я хотчу передать вам для петчати свою работу. Люди отчэнь бестчувственные — им тытчэш пальцем, тытчэш, но они не слышат. Так вот, мою работу... Там рассказывается, как вывести язык из-под удара. Поскольку тчысло семь является сакральным, — звонящий говорил о своём труде, как некоем бесспорном и независимом от него самого факте, и Баскаков уже догадался, в чём дело, — предлагается сократить колитчество букв до семи, но ввести в алфавит дополнительное катчэство: цвет. Каждая буква может иметь один из семи цветоу... Таким образом, если помножить тчысло оставшихся букв на колитчыство цветоу...

— Извините! Я не могу говорить, — прервал монолог Баскаков. Его уже потряхивало.

Анатолий продолжил:

— Ребята сейчас попробуют решить всё... в обоюдных интересах... и вас ос-во-бо-дить от возможных неприятностей... — “авто-мо-биль” и “ос-во-бо-дить” он произнёс безо всякого усилия, словно его губы сами свободно повторили, побрякивая, неровности согласных.

Раздался звонок, Анатолий, раздражённо покачал головой и переглянул с Напильниками. Баскаков не видел без очков номера:

— И утчытываая тчаяния книготчээу...

— Слушайте внимательно! — закричал Баскаков. — У меня к вам адресное предложение: три буквы, но в цвете и звуке. Трудитесь. Вам позвонят.

Баскакова подлихораживало. Дело, глубиной давившее целый год, навалилось и грозило привалить, если он споткнётся об этот пэтээс, и уже сминалась Илларионычева инструкция: похоже, на неё предстояло плюнуть.

Зазвонил телефон. Анатолий возмутился:

— Да выключите вы его!

Звонил, наконец, Артём.

— Нас на связи не было, — говорил он негромко и приторможенно. — Да, идёт машина. У них там одна улетела с дороги, скользко. Звоните. Нет. Сегодня не будет, — рассказывал Артём варёно, будто одновременно рассматривая что-то невразумительное. — Комплектация у вас нормальная. С люком. Звоните завтра.

Баскаков медленно опустил руку с телефоном:

— Ну, давайте, ладно. Только я не понимаю...

— Короче, делаем расторжение договора, — говорил Валера, — и снимаем с вас всю эту проблему. Вы уже не хозяин будете.

— Уже это не ваш головняк будет. А того человека, который купит, — вставил Серёжа, желая окончательно успокоить Баскакова, — и который столкнётся с той же проблемой, — как кувалдой добил Баскакова Серёжа, тоже считая, что успокаивает. — Поэтому мы хотим вас обезопасить.

— Так, Серый, Жанка сможет нам расторжение сделать? Давай тогда на рынок едем. Жанка до сколько работает? Звони ей!

Ещё минуту назад ни о ком, “кто купит”, и речи не было. Баскаков чувствовал, как, не успев появиться, меркнет световым пятном внезапный человек, который столкнётся с этим гиблым пэтээсом, и что он допускает это. Сдаётся, признаёт силу обстоятельств. Лестница кренилась и почти разваливалась на ступеньки, и он уже собрался выключить телефон.

Напильники, наконец, пробилась к Жанке, у которой долго было занято:

— Жан, ты сделаешь нам расторжение договора купли-продажи? Поняли. Да. С пэтээсом. Паспорт надо? Ясно. А щас скоко? Тогда завтра с утра. Пауза.

— Короче... Договор купли-продажи расторгаем. Прямо на пэтээсе пишем, что расторгнут. С печатью. Да. Смотрите, — особенно строго сказал Серёжа-Валера, — если придут там из милиции, скажете, что приезжал этот... олень с Уссурийска...

— Да как он так приезжал? — возмутился Баскаков.

— Скажете, — подключился Анатолий, — приезжал пред-ста-ви-тель с Уссурийска, вернул деньги, забрал авто-мо-биль. Всё, — сказал он недовольно и взгромоздился на верстак.

— Да. Приезжал по делам, — сказали Напильники. — Встретились. Всё порешали миром. Спросят — когда, скажете: “Не помню, закрылся”.

— Да никто не спросит, — пробурчал Анатолий, не отрываясь от телефона.

— Чо, завтра тогда к десяти на рынок, — полуспросил, полутвердил Серёжа-Валера и, глянув на Баскакова, успокоенно кивнул и подытожил: — Тогда чо? Советуйтесь с юристом. И звоните сразу.

— Да всё нормально будет, — буркнул Толя.

На том и расстались.

Баскаков позвонил юристу. Тот куда-то ехал. Баскаков рассказал обстановку и спросил, как действовать.

— Нормальная практика. Если кто-то будет докапываться, — участковый там или следователь, — говорите, что приезжал человек, вернул деньги. Только... слышите меня? Алё! Обязательно возьмите копию чего там... расторжения и пэтээски. Обязательно. В случае чего покажете — вот. Я не хозяин. Всё. Какие вопросы? — и протянул, успокаиваясь: — Дава-а-йте...

Страшно хотелось пить. Баскаков зашёл в кафешку и, заказав чайничек чаю, с облегчением бросил телефон на стол. Он продолжал лежать, излучая опасность, широкий, как шоколадка, с гладким бескнопочным экраном.

Леночка подарила его Баскакову около года назад, но он так и не привык к его ненормальной чуткости. Как осторожно ни ухвати, начинал мигать, переворачивать картинку, включать камеру и даже в ней умудрялся перейти на режим самостёмки, так что Баскаков вместо номера Лены видел своё лицо, искажённое объективом и досадой.

Лена была в текущих веяниях: считалось дурным тоном звонить друг другу, а хорошим — без остановки переписываться, дескать, невежливо, человек занят или задумался, а тут звонят.

Чтобы ответить на письмо, надо было напарить в телефоне некую область, где выскакивала мельчайшая клавиатурка с буквами, половину которой Баскаков накрывал пальцем. В расчёте на это агрегат был обучен способности предугадывать и даже подправлять неправильно натякиваемые слова. Предлагал варианты, исходя из своего уровня развития и, как говаривал Баскаков, “мировоззренческих приоритетов”. И представлял заточённую в телефон и утянутую в чёрное недалёкую девицу, науськанную на навязчивую подмогу. Звали её Нинкой.

Бывало, едет он с писателями выступать по библиотекам, сам, как обычно, на своей машине и за рулём. Вдруг по-чаечки вскрикивает телефон, и Баскаков умудряется его ухватить и увидеть Леночкин вопрос: “Какой следующий пункт?”

Он начинает натякивать “Пих... тов... ка”. Телефонная Нинель бросается на выручку: недописанная Пихтовка тут же превращается в “психов”, а потом в “рихтовку”. Или едут из Иркутска, Баскаков натопчет на ощупь: “Прошли Канск”, а Лена получает: “Пришли скан”, — и вскипает...

Девушка иногда правила бездумно, а иногда курьими мозгами пыталась обобщить предпочтения, но, бывало, обнаруживала и суть: переправила Чебуку в “чепуху”, и вдруг отважилась, вывезя: “чо бухой?”, а потом спохватилась: “Сеул”.

Уже несли чайничек, как вдруг пискнула Нинка. Писал Ёжик:

“Знаешь, Игоряша, пошёл ты из моей жизни со своей моралью, своими попами и правильными базарами. Пошёл навсегда и окончательно...”

Баскаков медленно допил чай. Вернувшись в Тузлуки, он рухнул без задних ног... Проснулся по обыкновению в шестом часу. Было третье января.

Разрешилось

Год назад Баскаков неладно совместил два дела: поездку в Уссурийск по приглашению филологов из пединститута и покупку машины на знаменитом Уссурийском авторынке. Ещё дома Серёжа Шебалин дал в подмогу телефон Ивана из Находки, который как раз гостил в Уссурийске. Дальнейшее Баскаков записал так:

“Океанским чем-то повеяло от Ивана, когда он подкатил на яхтово-белом “сафаре” с тигром на запаске и вышел в спортивную развалочку, рослый и очень загорелый, несмотря на зимнюю пору. Ваня лицом походил на чайку или даже на олущу — есть такая морская птица. Треугольное на клин лицо, узкий длинный нос с горбинкой, внимательные, холодные глаза в тёмных ресницах и бровях. При этом волосы крайне светлые и квадратно подстриженные в плоскость. Боковыми гранями они сходили к вискам, так что причёска походила на кивер. Волосы слегка вились, и крышка кивера была будто с игрой — под карельскую берёзу, только светлую.

Для начала он забраковал те машины, которые я выбрал из-за нехватки денег, а потом, когда я нашёл нечто приемлемое, приехал на окончательные смотрины. Машина стояла не на рынке, а во дворе каких-то складов. “Продаван” Вова, в отличие от Ивана, был очень обычной, привычно-трудовой внешности.

В Приморье стояло тепло, и Ваня вышел из машины без шапки в тёмном с отливом костюме. С силой надавил на передок машины и покачал — по очереди с каждой стороны. В несколько эффектных движений-прыжков, с изгибом корпуса, прищуром и замиранием у прицельной линии кузова, как у орудия, он некоторое время проверял машину на битость-небитость. Линий прицеливания было несколько, и у каждой он, сменив позицию, замирал, выцеливаясь, и исполнял целый танец, будто был ледовый фигурист. Меня просто заворожили эти упражнения.

Заглянув под капот и проведя пальцем, бросил: “Помпа сопливит”, — на что Вова только полуснисходительно-полупрезрительно улыбнулся и пожал плечами, переглянувшись со мной. Ваня взялся за салон. Нагнулся и кропотливо, не боясь испачкать костюм, облазил нутро.

— А чо накладки нет? — ткнул он на площадку возле педали тормоза — там не было резинки, и тускло блеснул потёртый металл. Нашёл несколько прокуров, царапин и пятно на сиденье. Глянул документ и вернул, ничего не сказав. Потом предложил сбросить цену, намекнув, что мол, “если чо, ты смотри”, и хохотнул, ослепительно сверкнув зубами и тоже со мной переглянувшись...

Цену Вова не сбавил. Ваня пожал плечами, мол, если решено брать дрова, то он бессилен.

Я отработал для успокоения ещё пару машин и позвонил Вове, что беру. “Ну, отлично”, — не ломая ваньку, весело ответил Вова. Всё быстро оформили, и я отпраповал Лене: “Серебро, бензин, только запаска снизу и без люка, поздравляй”. В Нинкиной редакции это выглядело: “Ребро, бензин, только запуск снизу, злюка, поздравляй”.

Подъехал Иван и подарил автомобильный магнитофон с экраном, а на вопрос о расчёте хохотнул:

— Да какие деньги! Это так... два раза моего крокодила заправить, — и кивнул на белого “сафаря”. — Считай — подарок от приморских ребят. Давай, счастливо!

Улыбнулся белоснежно, глянул в сторону бензобака: “Всегда под жвак!” — и, рокотнув дизелем, унёсся с истинно приморским шиком...

К Тузлукам подъезжал ночью, и шесть тысяч вёрст так напирала в спину, что городок промелькнул непривычно быстро. Родной облик огней, заснеженные улочки с фигурными надувами на крышах казались по-детски маленькими, требовали всматривания и тихого шага, домашнего дыхания.

Леночка, чудо моё, в накинутаой куртке и тёплых калошках стояла в гараже, заворожённо глядя на машину. Морозная, та тускло серебрилась сквозь дальневосточную и забайкальскую грязь, сквозь ледяную глазурь и узорную изморозь.

— Большая машинюка...

— Сколько завтра? — спросил он про температуру.

— Ой! А я и не знаю... — отвечала расслабленно Леночка.

В дороге следил за погодой, и даже ночью оставался напряжённо вживлённым в неё, как датчик, — что ждёт: мороз ли, потребляющий ночных прогревов, снег и тепло, грозящие кашей и докупкой омывателя? Теперь и небо, и выстужающая сизота как-то отошли, и жаль было этой отставной погоды и дорожного собранного строя. И пока не ушла сила пройденных вёрст, хотелось довести до конца: поставить машину на учёт. С утра рванул в город.

Уже стояли на площадке с открытыми капотами, как вдруг Баскакова вызвали по громкоговорителю. В окне раздражённо-сосредоточенный офицер сказал, что у Баскакова “большие проблемы с документами” и спросив: “Сколько денег отдали?” — покачал головой.

После резкого повышения пошлин люди стали возить машины в разобранном виде и оформлять на документы от старого или битого автомобиля. Образовался спрос на документы, их стали плодить в виде дубликатов, выписанных взамен якобы утерянных. На одну автомобильную душу оказывалось оформлено сразу несколько машин. Для борьбы с таким широкодушьем объединили базы регионов, и много народу пострадало. Ни поставить, ни снять

с учёта подобную машину стало нельзя. Находкинский Ваня, увлѣкшись “ходовочкой”, документы проморгал.

Баскаковская машина была оформлена как раз на дубликат такого пѣтѣаса, выданного “взамен утерянного” в Усолье Иркутской области, где автодуше было отказано в регистрации. До выяснения причины Баскакову разрешалось на машине ездить, продлевать каждый месяц транзиты и по всем вопросам обращаться в межрайонное отделение государственной автоинспекции. Через четыре месяца пришѣл ответ, что машине, на чьи документы был оформлен его автомобиль, было отказано в регистрации по причине “наличия сведений о представленных документах в числе утраченных или похищенных”.

Хрушкая девушка в кительке из межрайонного отделения твѣрдо положила тонкую ручку на стопку бумаг:

— Игорь Михалыч. Всѣ. К сожалению, машинка ваша как транспортное средство... больше не существует. Никто, конечно, у вас её не заберѣт. Но ездить на ней вы не можете. — И добавила неофициально, сжалившись: — Если только на севере в тайге где-нибудь... Где милиции нет.

Машину Баскаков поставил в ведомственный гараж к знакомому. Ездил на Лениной машинке, много писал и работал, а к зиме серьёзно озаботился продажей. Решение постепенно назревало — сначала казалось диким, потом притиралось к сердцу, а потом уже ярко и победно заманило освобождением. Настала новая полоса. Если в “эру транзитов” силы шли на поиски милицейских знакомых, то теперь Баскаков колесил по мастерским.

— Да, наворотили делов... — говорил очередной автомеханик. — Это всё из-за регламента. У меня знакомый, он тоже то ли раму пилил, то ли чо.

— А чо за знакомый?

— Генка один...

— Искать “биток” с документами, — отвечал Генка, здоровый полный малый с блестящим неровным лбом и прозрачным по-над ним ѣжиком, — резать и переваривать раму. И на двигле перебивать. Парни аккуратно делают... Но всё это стрѣмно. Не знаю... — он прищипнул языком и покачал головой: — Если продавать... На запчасти только. За четверть цены уйдѣт. Либо самóму — ключ в руки, х-хе и вперѣд. По узлам дороже. Но однозначное скидывать надо. Толку не будет. Удачи. Не за что...

Баскаков уже въехал в город и полз по пробке, упираясь в красные фонари японского микроавтобуса, рвано парящего выхлопом. На бугре микрик шлифанул, прочертив шипами по льду. Лѣд красно блеснул в фонарном отсвете. Рядом парень в обшарпанной тѣмно-зелѣной “висте” курил в открытое окно. “Как я когда-то...” — с теплом подумал Баскаков.

Баскаков всю жизнь или сидел безвылазно в Тузлуках за письменным столом, или нѣсса по тѣмной утренней дороге, врываясь в город мимо огромного бетонного забора с рѣбрами и колючкой. Забор этот он знал ещё со времѣн, когда ехал на крепкой русской машине — чѣрной, с форточками, малиновым салоном и воздуханом, похожим на диск от ППШ. Он тоже тогда курил, опуская стекло в любой мороз, и было что-то великоленно-несовместимое в студѣном трепете за окном и смеси морозного ветра с табачной едкостью, на границе которых завязывался целый фронт неуюта, резкости и ангинальной стыни, бывшими Баскакову так же ничѣм, как дыры в асфальте — листовым рессорам его “двадцать четвѣртой”.

Парень бросил окурок на дорогу, тот рассыпался на искры необыкновенно ярко и тревожно. Баскакова не отпускали три вещи: передача денег, встреча с тягучим, как столярный клей, Петей и покупка новой машины.

Встретились уже без Толи с Напильниками, помчались на авторынок и там всё сделали в павильончике у Жанны, оказавшейся красивой и ушлой девахой с косой белѣсой чѣлкой. На документе появилась надпись, что договор расторгнут и что Баскаков больше не хозяин. И печать.

Баскаков хотел, чтобы деньги передавались при свидетелях, поэтому надо было успеть, пока мужики из гаража не уехали по делам. Встряли из-за аварии. Из гаража звонили, торопили. Дамочка на новой и уродливой корейской

машине подалась по диагонали, не включив поворот, ещё кто-то рядом не так ехал, и парни особенно злились, матерились. “Но, чучело!” — рывкнул Серёжа-Валера на пешехода, который замешкался и не решался, идти или ждать: сначала было пошёл, потом остановился, Валера выждал, но, едва тронулся, и тот рышнулся.

В гараже передали деньги. Баскаков пересчитал и дал перечеть механику: всё было правильно, только часть пачки пухло темнела мелкими измызганными бумажками. Не веря, что всё случилось, вышел во двор. Ребята выехали на его серебристой машине и стали перед воротами — он видел их через лобовое стекло: сидели слаженным экипажем, устремлённые в свои дела, и, не глядя на Баскакова, о чём-то судача, ржали.

Баскаков на всякий случай проверил в банке деньги — как и думал, они были не фальшивые. Встретился с Петей и забрал недостающее. Звонил Артёму, тот не брал трубку, потом всё-таки объявился, и на следующий день Баскаков поехал встречаться. Артём оказался невзрачным худеньким пареньком. А машина — отличной.

Утром оформили. Поставили на учёт. Артём предложил натереть мастикой бесплатно (“наш салон делает предпродажную подготовку!”), но Баскаков отказался. Привинтил номера, поменял у знакомых ребят масло и победно вернулся в Тузлуки. Предстояла вечерняя исповедь.

Вид из космоса

Лена все дни не то болела, не то капризничала, и лежала, читая и что-то записывая в тетрадку. Была бледной, вялой и раздражала Баскакова, приехавшего усталым и одновременно звенящего событиями и требующего ответного перезвона.

Отец Лев был другом семьи. Жил он при монастыре в Боеве в двухстах километрах от Тузлуков, куда Баскаковы собирались на Рождество. Сейчас по сложившейся традиции он приехал в Тузлучинский монастырь. Исповедь была вечерняя, могло прийти много народу, но Баскаков знал правило отца Льва исповедовать столько времени, сколько потребуется. Помимо исповеди, Баскаков хотел спросить у отца Льва духовного совета по его отношениям с Ёжиком и не знал, позволит ли время.

Серёжа Шебалин был знаменитый, с гусарскими повадками парень. Когда просили его описать, отвечали: “Помните казака с картины Сурикова “Покорение Сибири Ермаком”? Там один с веслом. А другой, второй с кормы — с ружьём который: вот это он! Не помните — обязательно посмотрите”.

Сходство было удивительное: совпадало именно стремительно-грозное выражение лица, летящий покат лба и свирепые белки. Только Сергей был поплотней, поухоженней, посинеглазей. И нос имел, что называется, орлиный, а усы поменьше и позолотистей. Со школы был необыкновенно взрослый, крепкий, брился и курил класса с восьмого, а в студенчестве был на коротке с мужиками-преподавателями.

Чудил Ёжик напрадую. Будучи коноводом, потащил как-то всех в пивную. По дороге поймал белого голубя, и тот доверился ему и как привязанный ходил по столу меж кружек. Пивнушка закрывалась, и ребятам пришлось взять пива с запасом. Запас оказался столь основательным, что, несмотря на приказ Ежа допивать, пиво встало столбом в пищеводах. Добыли где-то прозрачных пакетов и по-хозяйски залили остатки. Собрались в гости. Долго ловили машину — компанию с янтарными пакетами никто не брал. Пузатые подушки подтекали с углов. Ёж одной рукой придерживал пазуху с голубем, другой писал на асфальте пивом: “Баскак дурак”. Наконец, он ухитрился остановить “скорую помощь”, компания в неё взгромоздилась и помчалась под крик Ежа: “Шеф, включай сирену, гони на красный!”

В гостях уже были какие-то тихие посетители. Ёж моментально перелил пиво в кастрюли, сгонял кого-то за водкой и, всю разойдясь, влил в чтение на память “Чёрного человека”. Читал кусками, а когда сбился, маленькая, похожая на землеройку, девушка Соня с цигейковой шевелюрой пискнула:

— Как вы относитесь к Бродскому?

— Так же, как к Троцкому! — рыкнул Ёж и так сверкнул белками, что девушка задрожала и спряталась в другую комнату.

Вскоре поджало пиво, и Ёж рванул в уборную, находившуюся в конце длиннейшего коридора, гэобразно ломающегося к кухне. Комната, где притаилась Сонечка, тоже выходила в коридор. Девушка отправилась в экспедицию за чаем и на беду оказалась перед Ёжиком. Решив, что его пытаются опередить, он надал, а девушка, услышав за спиной угрожающий топ, обернулась и надала тоже, стремясь к укрытию — к той самой уборной, куда рвался и Ежина. Началась гонка, но девушка оказалась шустрее, и Ёж не успел: раздался щелчок шпингалета. Он несколько раз колотнул в дверь ногой, и, не теряя секунд, выскочил на улицу, вернувшись с которой обнаружил, что ни этажа, ни квартиры не помнит. Сев в лифт, взялся обзванивать все подряд квартиры на каждом этаже. Нужный, видимо, прозевал и, отчаявшись, влез в лифт и нажал все кнопки сразу. Кабина застряла. Он принялся молотить ногами. Жильцы вызвали милицию. Приехал наряд, но Ёж с такой убедительностью пробасил: “Товарищ сержант, поставьте свой автомат на предохранитель. Я Ёжик, ни головы, ни ножек”, — что наряд посмеялся и уехал, а подоспевшие лифтеры пленника освободили.

Дальше Ёж рассказывал, как проснулся в незнакомой комнате и в рассветной синеве увидел на буфете фарфоровую троицу: “Пёсик, котик и голубчик. Когда голубь почесал клювом крыло и пошёл, я понял, что надо остановиться”. К сожалению, это так и осталось анекдотом, хотя пивная каллиграфия “Баскак дурак” имела продолжение.

Одним из первых Ёж обнаружил спутниковые американские карты, отражающие местность в мельчайших подробностях. Подговорив друзей и приехав в Тузлуки, он подпол Баскакова, а наутро на лужайке рядом с домом компания выложила огромными ветками “Баскак дурак”. Фотоснимки карт в те годы обновлялись редко, и удивительным образом обновление произошло как раз тем утром, так что карта висела чуть ли не год. Потом, правда, оказалось, что Ёж подглядел задумку хохмы у журналиста Алексея Тарасова, но про то помалкивал и продолжал утверждать, что сам всё придумал, изучил, да ещё и подстроил, и распространял целые фоторепортажи с подписями: “Усадьба писателя Игоря Баскакова. Первый снег”, “Тузлуки. Бабе лето”. “Осенний звон. Дума”. “Усадьба классика — вид из космоса”.

Между двумя надписями “Баскак дурак” целая жизнь прошла. Шебалин закончил исторический факультет по кафедре археологии и этнографии. Хорошо знал английский язык и в нужный момент успел завязаться с иностранцами и отхватить выходы на международные археологические программы. В то время на коне оказывался тот, кто без запинки мог произнести словосочетание, вроде “sustainable development”*. Потренируйтесь: састенебл девелопмент, састенебл девелопмент... Ну как? Вот то-то и оно. А Ёж мало того, что великолепно справлялся с девелопментами, но и обладал даром вписать их в чиновничьи планы, без чего никакой серьёзной деятельности не могло быть и в помине. Среди кабинетных бытовала легенда, как Шебалин, “пинком открыв дверь, врывается в кабинет министра и с пылающим взором и криком “састенебл-девелопмент!” убеждает его в чём угодно”. Подобное действительно случалось и давалось искренней и открытой повадкой, умелым и убедительным словом и глазами, горящими то свирепо, то восторженно. Чиновников подкупал его сугубо мужской вид, компанейская манера, то вкрадчивая, то армейски-горластая, способность перепить любого начальника и героем выходить из любого заезда на всякие базы с банями, бассейнами и их обитательницами.

Но, пожалуй, главный его талант заключался в сочетании двух умений: бескорыстно сиять идеей науки и, чувствуя людей, оказываться рядом в нужный момент. Всем казалось, будто за ним кто-то всегда стоит, так умел он обобщить своим видом дух любого из кругов — чиновники думали, что за

---

* Sustainable development – модное басурманское выражение. Означает “устойчивое развитие”.

ним наука и иностранные деньги, наука — что иностранные деньги и чиновники. Иностранные деньги жили по своим idiotическим правилам: их не разрешалось тратить на строительство, но при этом поощрялось просаживание тысяч на никому не нужные рок-фестивали. Ёж был хитёр и умудрялся хотя бы часть выручить и пустить на дело.

При всей любви жить на широкую ногу, он стоял на принципах братства за идею и свои успехи делил на друзей: кураж и товарищество были его главными опорами. Очень поддерживал Баскакова, когда тот жил впроголодь, и издал его первый сборник рассказов “Бичутан из Богучан”.

Шла совместная долгосрочная программа по исследованиям в Горном Алтае. Ёж с совершенно невозмутимым видом произнёс словосочетание “The Altai Mountains — the territory of sustainable development”, после чего на въезде в республику появился огромный щит “Горный Алтай — территория устойчивого развития”, а Ёж открывал пинком уже любые двери.

В это время позакрывали региональные киностудии, зато приехала из Франции некая кино-старушенция учить сибиряков документалистике, и её тут же облепили непризнанные дарования, которых Ёж умудрился растолкать и так закорючиться с этой Катрин Водё, что вместе с ней и своим фотографом они отсняли документальный фильм “Принцесса Укока”. Монтировали его во Франции, где Ёж завёл кучу знакомств и раздобыл для института новейший георадар, с помощью которого на Укоке открыли поселение афанасьевцев. До сих пор считалось, что они туда откочёвывали только летом и вряд ли укрепляли быт.

Шебалин работал в институте и одновременно был экспертом в одном международном совете. Вскоре его как специалиста по Горному Алтаю, владеющего английским, свели с премьер-министром, который должен был вести на Укок некоего “азиатского принца”. И Ёж настолько удачно провёл поездку, попутно устроив рыбалку, родоновые грязи, пантовые ванны и охоту на козорогов, что оказался небывало подтянутым к сферам. Как на шарах поднятым, неудобно поджатым к потолку и поглядывающим оттуда стеснённо, но невозмутимо.

Ёж был так уверен в своих силах и так ненавидел бездельников и хитрованов, что не заботился о тылах. Непривычка к уступкам и резкость привела к порче отношений с директором института, который попытался присоединиться к Ежиным достижениям. Ёж взбрыкнул и попытался сам вырулить на очередную взлётную полосу под названием “Плато Укок — урок экологического штиля”, но его наработки и заслуги моментально были приписаны различным захребетникам, и он оказался отёртым в разгар самых дерзких планов. В то время заговорили о русско-китайском плане газопровода через “зону покоя Укок”, и Ёж на совещании у министра назвал его “безобразной авантюрой, замешанной на карманных интересах группы нефтегазовых дельцов, не имеющих ни малейшего представления ни о научных, ни о государственных интересах”. Досталось и науке: “Наука?! — возмущённо крикнул Ёж. — Помните моё слово: едва всем этим трупоедам покажут газовые бабки, они забудут о научных идеалах и засунут языки в одно место...” Так оно и вышло.

Враги ликовали, и Ежа постепенно выдавили из нескольких проектов, а в самый решающий момент ему прилюдно изменила жена, руководившая одним из смежных направлений, и он выгнал её из дому, оставив дочку, которую та обманом забрала.

С криком: “Састенебл-девелопмент, суки!” — Ёж шархнул ногой в приёмную президента Сибирского отделения Академии наук, но его не приняли. Ёж не справился. И не оттого, что не привык проигрывать, а оттого, что всё его победное организационное бытие было изначально пропитано застольем, и никто из друзей, которых он щедро трудоустроивал вокруг себя и вовлекал в летящий и полный планов кураж, не понимал, что вечный коньяк на столе был для Ежа намного важнее, чем для всех остальных. Его карьера была, как хмельной полёт на снегоходе ночью, в мороз, по наледи, когда ледяной ветер бодрит, пока несёшься, а при первой поломке гробит. Она случилась, и пришлось спешиться. Тут коньяк навалился и стал забирать — по-хозяйски, как ночная стужа.

Баскаков писал:

“Выходит, чем больше печатаюсь и утверждаюсь в опорах и внешних и внутренних, тем сильнее рушится Серёжа. Он уже поменял с десятков работ, с которых всё чаще вылетает, потому что или пьёт, или пребывает в таком звеняще-придирчивом и гневном раздражении, что от него стараются избавиться. Питёе совмещается с ночным рыгтьём в новостях и отслеживанием моих выступлений и интервью, где Ёж наполняется бесконечным несогласием и осуждением, которые он выплёскивает при встрече.

Начинается спор, тяжкий ещё и тем, что Ёж ничего на свете уже не любит, кроме “нескольких людей” и общей идеи “организованности”. Когда его спрашивают, что он сам предлагает сделать сегодня в России, отвечает, что каждый должен заниматься “своим делом”, что не его обязанность что-либо предлагать, что не берёт на себя такую ответственность, в отличие от “некоторых”, и вывернув на поле нападения, разворачивает атаку.

Говорит дежурные три вещи: что в “нормальных странах” всё по-другому, что хватит нам идей — пусть каждый “на своём месте хорошо дело делает” — и что *здесь* ни при какой идеологии ничего *путнего* не выйдет.

Разговоры о Родине не выносит, называет пафосом и морщится. Морщиться он любит, и существует с десятком разновидностей Ежиного сморщенного носа. Весёлое, короткое, затрагивающее только переносицу, — когда кто-то что-то глупое говорит, а он со мной переглядывается. Кабинетное, будто на случай прослушки, когда спрашивают про нового губернатора: “Ну, как он?” А сморщенный и несколько крысиный нос означает, что надеяться не на что. Просто сморщенный нос — от весёлого настроения. А бывает нос-сигнал — когда, устав сидеть над письмами, Ёж смешно шевелит очками, намекая на коньячок.

Средне-брезгливая наморщенность означает, что тост за Россию так же неприличен, как разговор о героизме среди военных или обсуждение таёжного риска промысловиками. В молодости нам всем так и казалось: патриотизм ассоциировался с пропагандой чего-то, набившего оскомину. Среда, где рос Ёжик, была пронизана щепетильностью и бабыми страхами кого-то обидеть, и потребностью без конца защищать тех, кто и не подозревал о том, что нуждается в защите. Пестовался обострённый нюх на некое настоящее, на неприятие поддельного, массового, и способность рассекретить и отсечь как можно больше постыдно-поддельного считалась сословной доблестью.

Ёж с одинаковой ненавистью относился к любому “ненастоящему”, и замечательна была реакция на него дам, падких на текущие ценности. Он выглядел очень внушительно, весь в породистых штучках, водоплавающих телефонах и дорогущих карабинчиках для путешественников. За этим дыханием заграницы недалёкие девы чуяли большой буржуазный достаток. А поскольку он был намного интересней и обеспеченней краснолицых коммерсантов в меховых кепках и с маленькими портфельчиками на ремешках, то невесты на него так и клевали. А когда он вваливался в клетчатой рубахе в какой-нибудь священно-заповедный псевдояпонский ресторан, то настолько шокировал спутницу простецкой повадкой и презрением к новомещанским нормам, что слетали все девчонкины настройки.

О русском народе говорит так:

— Да, дерьмо народ, завистливый, ленивый, тупой. Ни мне, ни соседу. Лишь бы дальше носа не видеть. У Толстого хорошо на эту тему написано — как казаки на французский арьергард напоролись, сбили их, и вместо того, чтоб гнать до талого, знаешь, чем занялись? Сёдла с убитых лошадей сдирать. Х-хе! На хрена наступать? Сбруя важней. (Да, девушка, я же сказал: малосольный муксун, два стейка из оленины и ноль семь “Белухи”...) Духовность?! В Приморье батёк церкву строит — китайцев нанимает! Ваши-то православные где? Чо молчишь? А? Хрен на. Да на здоровье... Ни тачку собрать не могут, ни рубаху шить... — лицо Ежа особенно багровеет, а белки сверкают: — Уезжал тут в Рино на охотничью выставку, а мать в больницу попала. Прихожу — она в коридоре на койке голая лежит, мимо мужики ходят, она орёт, ни одна падла не подойдёт! Ни од-на! А нянька, мерзбта, сидит в ординаторской на стуле в телефон базарит и бутерброд жрёт... С салом.

Сука жирная... — и начинал тянуть медленно, таинственно: — Не-е-ет. Ничего здесь не будет. Нич-че-го. — И обрубал: — Давай! За маму мою! — и краснел глазами. — Чудесная женщина! Закусывай... — И сам, закусив, выходил на новый круг: — Игорь, я был на ранчо в Монтане. До чего там прекрасно всё организовано. Тебе бы *просто* понравилось! Просто. Ты не представляешь, сколько там ручного труда! И всего натурального. Традиционного. И как они берегут это. И так же всю эту хрень тоже терпеть не могут... Нью-Йорки всякие. У них даже выражение: “PlasticWorld”. Да вот! Вот! Казак твой, Михайлов, рассказывал, как их в Швейцарии принимали. В горах. Какие там деревни, музеи, спевки-гармошки! Прекрасно живут именно тем традиционным, за которое вы ратуете, — и снова отстранённо, как мохом проложит: — Не-е-е. Ничего не будет... — И следующее бревно наваливает: — Это у *вас* тут не могут порядок навести. Элементарные вещи. На Урале человек сделал музей, а орава дармоедов из управления культуры его в такой угол загнала, что он кони двинул. Игоряшенька, дорогой. Ник-ко-му ни-че-го не надо. Одни бабки на уме. Бабки и халява. Всё! Давай! За нас!

Пытаешься возразить, что в *тебе* дело всегда! Не в том, *какой* народ, а в том, что *ты* для него сделал. И что на тонущем судне можно сколько угодно в гармошки играть.

— Не надо ничего ни *для кого*, и ни *за кого* делать, — дидактически по складам доносит Ёж. — Все оч-чень взрослые люди. (Девушка, а у вас есть море?) — Переглядывается: — Симпатичная, хм... (Девушка, а вы в Горном Алтае были? Напрасно...) Баскак, а хочешь, я тебе исследование закажу? По Горному проедешь, посмотришь, с людьми поговоришь, ещё и денег заработаешь. А? Давай? Девушка, а принесите-ка нам листочек бумаги, э-э-э... автоматическую ручку и грузочков со сметаной! Хорошая, кстати, работа могла бы получиться... Как же она будет называться-то? Так. Давай! За тебя! Э-э-х! Хороша! И грузочки... просто зашибос... “Обзор...”. “Обзор состояния... Так, так... обзор состояния и перспективы развития традиционных укладов на территории... хе-хе... — и он посмотрел с победной хитринкой и подмигнул: — устойчивого развития Горного Алтая”. Ты и староверов туда воткнёшь, пока живые, и казаков, и алтайцев... Это ж история! Это твоё всё! Ну? К Кучугановой съездишь. А? Ну что? За нас!?

...Пить он мог бесконечно и никогда не терял облика. Все уже не вязали лыка, а в Европе едва подходило деловое время и ему начинали звонить. Он не только отвечал, как ни в чём не бывало, а ещё и горящим мозгом ухитрялся нащупывать новые задумки, а закончив разговор, садился за стол и до утра, припивая коньячок, писал письма на великолепном английском.

Картина из юности, которую никогда не забуду... Ёжик сидит у костра на пихтовом лапнике. Волосы — небрежным шёлковым горшком. Борода, уже настоящая, крепкая, с золотцем... Он обожает рубахи в клетку и сидит как раз в такой вот, красной в чёрную клетку, и снимает её... А у него торс, смуглый от природы, бицепсы, грудные мышцы выпуклые... причём он спортом не занимался, а сам по себе такой. И волосы дорожкой породистой на груди... И он эту рубаху снимает и швыряет... и так небрежно, под нос говорит: “Женщины, зашейте рубаху”... И они, прямо несколько штук девушек, как чайки, пикируют за его пропотевшей рубахой... А здоровый был кабанюка, мы его вдвоём с Костей не могли заломать, на руках висим и ничего сделать не можем.

В молодости у Ёжа были густые волосы. Потом они стали редеть, появилась маленькая, похожая на китовый ус, карманная расчёсочка с короткими зубчиками, с которой он стал задерживаться у зеркала. Потом он очень сильно полысел, и сейчас напоминает уже не орла-беркута, а стервятника или скорее сипа: худая костлявая голова с орлиным носом, и особенно страшный меловой с похмелья вид — трупно-синие мешки под глазами и в самих глазах сумрак... Могильный сумрак... Не могу... Не могу... Серёжа, прости...

Пришедшие к вере его бесят, и с ними он расправляется, как Губошлёп с Егором Прокудиным: казнит за прошлое. Беспощадно. И ненавидит “попов”. И так же ненавидит шваль всю мелкокусачую. Логика никакой нет. А есть сердце большое и доброе. И больное. Но что-то мешает... сословная

гордыня, воспитание, не знаю... В душе-то он всё любит, и мешает только точка, с которой он смотрит, и если бы его чуть с неё сместить, даже вместе со стопкой, то, может, всё бы и наладилось?

Куда-то нас пригласили, а он прознал и рвался к нам, не мог найти, и пришлось ехать навстречу, забирать... А там... шашлыки, лаваш, чача-мача. Шум-гам. А потом вдруг — как звук убрали, и мы смотрим друг на друга. И я вижу его красные веки толстые, и эти глаза набрякшие, разъезжающиеся, будто они... упали, с краёв обвисли, но всё равно — глаза. Язык что угодно молоть может, а глаза не обманут. И я гляжу в них и спрашиваю: “Ну ты как, Серёг?” А он говорит немножко нараспев и совсем не побоевому, не по-Ежиному: “Всё хо-ро-шо. Всё бу-дет хо-ро-шо”. И я смотрю в эти обвисшие глаза, и всё внутри рвётся: “Прости меня, братка, прости! Ну как? Ну, как мне тебя спасти!? Было б на войне — на руках вынес бы! Иль полегли бы оба! А сейчас — как помочь? Если ты даже сам себе помочь не хочешь! Сколько уж всего переговорено. Ну как? Как?! Да что же за горе-то!” И я смотрю в эти глаза и погибаю, каменею, молчу, и всё больше и больше в этом молчании лжи и предательства. А в глазах его чёрным по белому: “Пристрели меня! Или без войны тащи...”

Исповедь

Александр-Невский храм в заштатном купеческом городке Тузлуки был построен в конце девятнадцатого века после убийства в 1881 году императора Александра II. Тузлучинский купец Никифор Вытнов обратился в Святейший Синод с просьбой разрешить построить на свои средства храм во имя небесного покровителя убиенного царя — князя Александра Невского. А в конце двадцатого века вокруг храма была основана женская обитель. Монастырь был небольшой, но аккуратный и ухоженный: белые постройки, твёржо-белый собор с золотыми куполами, кованые ворота.

Народу в храме было немного, видимо, больше рассчитывали на Рождество. Баскаков пропустил Лену вперёд, и сам оказался последним. Отец Лев — рослый, светлоглазый, немного напоминающий доброго волка из “Иван-царевича”, с лицом собранным, утянутым к некоей точке впереди носа. И в очках, каких-то особенно прозрачных, круглых, в тонкой серебряной оправе. С седоватой раздвоенной бородой и взятыми в пучок власами, нависающими с боков расслабленно и выпукло и тоже седеющими и немного в зелень. Он с Юга России, гхакающий, но не по-украински придыханно, а пожётсче, по-донски. Замечательна его улыбка, особенно захватывающая глаза, — радостно-смущённая, всепонимающая, от которой на душе тепло и надёжно. Очень он пришёлся Баскакову с Леной по душе своей доброжелательностью, рассудительностью, неприятием формализма.

Отец Лев велел Баскакову читать на клиросе, а пока исповедовал Лену. Баскаков читал вполборота и поглядывал на Лену, видел, как двигалась её голова, когда она говорила. И как отец Лев, улыбаясь, склонялся к ней и тоже говорил, то глядя на неё, то озирая храм. А потом накрыл ей голову плотной и будто твёрдой епитрахилью, приложил ладонью и, сняв освободительно плат епитрахили, кивнул на Евангелие. Лена поцеловала Евангелие и крест и отошла сначала быстро, а потом медленно, сбавив шаг и описав задумчивый полукруг. Отец Лев кивнул Баскакову.

— Готовился?

— Да. Батюшка, благословите... Исповедуется раб Божий Игорь. — Игорь замолчал, а потом заговорил робко как-то, ещё пуще смущаясь от этого и теряясь: — Батюшка, грешен, и честно — будто никакого движения нет. Всё... всё то же самое, что в прошлый раз. Раздражение на близких, на жену, требую от неё слишком многого, старинного какого-то бесконечного духа, затворничества, неприятия всего... этого... ну, понимаете... Батюшка, знаю, что надо грехи перечислить, не раскрывая, но если можно, если у нас есть время, всё-таки прошу разрешения...

— Благословения.

— Благословения... на более подробный разговор. Есть у нас время?

— Время есть, если с ним... не тягаться, — улыбнулся отец Лев.

— Да... Чревоугодие, батюшка... В пост, когда гости, не всегда могу удержаться от спиртного. Ещё... ммм... похотливые мысли посещают. Ещё не сквернословить стараюсь уже много лет. Но бывает, когда оказываюсь с кем-то простым-трудовым, кто ругается, не могу удержаться. Не потому что подумает: чистопой... А вроде как ругнусь — и будто обозначаю, что свой. Что оттуда же вышел. Стыдно. Ну, и главное... Маловерие. Мало сил. На всё, что угодно есть, а с вот душой помолиться — не могу. Не всегда могу. Хотя мог раньше.

— Вот послушай. Ты, когда писать начинал и ничего не получалось, верил, что ты уже писатель? Что уже там? В литературной вечности? Хоть ничего не умеешь. Верил?

— Верил, батюшка, — с жаром сказал Баскаков, — сквозь всё верил.

Он смотрел то на Евангелие, то на отца Льва.

— И тебя ничто не могло ни остановить, ни поколебать... А тут-то в чём дело? Господь сказал: “Будьте как дети”. Отец ребёнка подбрасывает вверх и ловит. И тому в голову не придёт, что его уронят. Маловерие — это недоверие. Ты не доверяешь тому, кто тебя...

— Подбрасывает...

— Подбрасывает... Судись по своей слабости. Мы думаем: чем плохо молиться, лучше вовсе не буду. А ты сверяйся. Сверяйся... Не хочешь молиться или спешишь. Не бойся, пожалуйся на себя, но чтоб Он слышал, знал... — отец Лев помолчал, немного нахмурился: — Нам на путь к Божьей благодати даётся целая жизнь. Да, конечно, это духовный подвиг. Но иначе зачем мы тогда всё это затеваем? В храм ходим? Так, обозначиться?

— Нет конечно, батюшка. Но вот грешен... батюшка, молось по-настоящему только, когда... ну... припрёт. А бывает, напашешься и такое бессилье духовное. И мне легче штабель брёвен перекидать, чем пять минут на молитве выстоять.

— У нас в монастыре, — медленно сказал отец Лев и внимательно посмотрел на Баскакова, — одна замечательная барышня, жившая трудницей, катала тяжеленные чурки, и новоприбывший галантный господин бросился ей на выручку. — Отец Лев улыбнулся: — А она ему знает, что сказала? “Спаси Господи, это моё. Ну, а хотите помочь, так помолитесь за меня”. Дальше! — с каким-то почти азартом сказал отец Лев.

Баскаков покачал головой.

— Гордыня, батюшка, писательская заедает. Люблю говорить бесконечно о своих достижениях. Когда выпадает слава — питаюсь ею.

— Преподобный Амвросий рассказывал: “Одна исповедница говорила духовнику, что она горда. “Чем же ты гордишься? Ты, верно, знатна?” — “Нет”. — “Ну, талантлива?” — “Нет”. — “Так, стало быть, богата?” — “Нет”. — “В таком случае, можешь гордиться”! Дальше! — говорил отец Лев, и в этом “дальше” было требование какой-то необходимо-важной обшей дороги, которая теперь зависела лишь от Баскакова.

Отец Лев сосредоточенно смотрел на крест и кивал, будто знал всё, что скажет Баскаков, и теперь строго сверял его слова с неким оригиналом.

— Чем большую глубину стараюсь придать героям, тем меньше глубины оставляю себе самому, своим поступкам, вообще перестаю *поступать* и всё меньше участвую в жизни, живу в каком-то оцепенении. Правда. Мысли в глубь, а сам-то наверху где-то, как плёнка полиэтиленовая.

— Плёнка тоже нужна. Яблони заворачивать. На всё воля Божья. Молись. И помни слова: “Будьте не мёртвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай, иначе есть тать и разбойник”. Кто это, кстати?

— Теряюсь, батюшка.

— Гоголь.

— Не знал! Позор. И ещё рассудите. Вот для меня Православие неотделимо от России... А вдруг я шёл в Церковь только ради Русского мира? А не

ради Бога... в чистом виде? Что-то говорю такое... И ради, и не ради... запутался, и так не так, и эдак.

Отец Лев схватился за голову и так катастрофически и безнадежно наморщился, что Баскакову стало страшно.

— Ну, что же... за несчастье! Ты же о Русской идее пишешь. А она Богочеловеческая. Это, если хочешь, завет, замысел Божий о нашем народе. Потому что Бог сохранил Россию как *свою* Церковь. Как говорил отец Тихон: “Мир в когтях, и мы ему помеха. Это и есть Русская брань, и Бог в ней воевода. А с ним всегда победа”.

Но только воюй с умом! Сейчас многие хотят стать православными писателями. И к нам в Боево приезжают. Я говорю: братья дорогие, не перегружайте книги церковной риторикой, не красуйтесь цитатами из писания, пишите житие современного человека, в котором воплощается русский духовный идеал. Православие — это истина для всех народов, и чем больше мы в нём продвинемся, тем больше возвеличим наше Отечество... Люби Бога. Люби Родину. Помогай их единству. Дальше! — почти вскричал он, словно, если не узнать, что дальше, случится непоправимое.

— Стараюсь... — смиренно сказал Баскаков, — И ещё, батюшка, у меня с другим беда. И я не то, что совета прошу, я грех какими-то исповедую... огромный... а слова не найду... Есть у меня такой Сергей... Он очень деятельный был, с честолюбием, с планами. Всё получалось. И меня так поддерживал, что не забуду. Звонил, спрашивал, что я ем, — буквально. И самое главное — я *сам* потом так же поступал. Голодным помогал. Да. И он очень многого добился... И всё в одночасье рухнуло: предательство сослуживцев, потеря работы, измена жены. Всё в один год. А была привычка к пьянству, в котором мы все участвовали за его же счёт. Я его долго не видел, он уезжал, а когда вернулся через пять лет, оказалось, что всё это время он шил каждый день. Он привык побеждать. А тут... не справился с управлением. И все виноватыми стали. А уж как России досталось... Я ему пытаюсь... объяснить — всё в водке. Освободись от неё. А он: “А ради чего?” Я говорю: “В таком состоянии ты не можешь ни о чём судить, тут не одна трезвая неделя нужна — у тебя внутри руины одни”. Не соглашается. Не хочет. Не может. А пли-то вместе... И он начал меня терзать, лезть в душу, судить, как я жил, что говорил, что теперь говорю, что пишу, во что верю. Причём матом. Оскорблять то, чем мы занимаемся с Костей, с Михайловым, ну, такое... созидательное, наше. При этом к нам же и тянется — все гладкие знакомые давно на него плюнули. Только мы и остались. А тут заявил: “Пошёл ты из моей жизни навсегда со своими попами и моралью, и Россией...” Вот и спрашиваю, что это всё: мой грех равнодушия? Помочь-то можно разве, пока сам не захочет? Общаться нельзя. Каждый разговор — как обстрел... Чем живее откликаешься — тем беспощадней нападки. Что ему надо? Если он так ненавидит нашу любовь ко всему этому, — Баскаков повёл рукой, очертив окно и купол, — зачем к нам же стремится? Вообще, что означают все эти упрёки?

Отец Лев отвечал немного холодно, режуще:

— Это значит, что человека так скрутили, что не вздохнуть, не пошевелиться, что он уже хрипит о помощи, просит в голос, кричит!

— Как я могу ему помочь? Только молитвой?

— Пьянство — это попытка благодати без духовного подвига и тягчайший грех. Иоанн Кронштадтский лечил через покаяние, через обет трезвости. Но для этого хотя бы минимальное воцерковление нужно. Хотя бы чтоб он в храм пришёл.

— Да какой храм! Он в баню-то войти не может. Его корёжит.

— Молись. Молись молитвой Иоанна Кронштадтского: “Господи, призри милостиво на раба Твоего... Сергия, прельщенного лестью чрева и плотского веселья. Даруй рабу Твоему Сергию познать сладость воздержания в посте и προϊстающего от него плодов Духа. Аминь”. Можно заказывать молебен с Акафистом Пресвятой Богородице в честь иконы “Неупиваемая Чаша”. Можно молебен с Акафистом Святому мученику Вонифатию и Великомученику и Целителю Пантелеимону.

— А если... всё-таки?... Идти к нему...

— Называется идти на духовную жертву. Это только тебе решать. Дальше...

— Батюшка, я часто выступаю перед школьниками. Как к чему-то призывать, если сам несовершенно?

— Ни в коем случае не поучать от своего имени. Никто не совершенен. Тем более тебя не мораль читать ставят, а разъяснять слово Божье. Так у священников, по крайней мере, а у писателей...

— Тем более. Спаси Господи, батюшка...

Вернувшись с исповеди, Баскаков попытался прилечь, но Лена, которая его почти не видела последние дни, обиделась, и Баскаков выполз к столу, красный от усталости и насупленный. Обычно бывало наоборот — он Лену тормошил, особенно по утрам. Теперь, отпиваясь чаем, сидел Баскаков, и это будто было продолжением какого-то извечного спора, в котором каждый отстаивал свою правду и пытался прижизнить другому.

— Ну, что ты? — улыбнулась Лена, завернув губку, и Баскаков ожил:

— Ты не представляешь, как он помогал мне.

— Кто? Отец Лев?

— Ёжик... На каком он коне был... И насколько не умел не делиться... добычей... А сейчас получается, есть я — такой сытый своим созданием, своим служением Русскому миру, что аж свечусь... И есть он, у которого ничего — только одиночество и... это поселившееся в нём чудище, при котором он уже как гэсэмщик замызганный... Топливо принимает... Закачка-раскачка...

Помню, мне так одиноко было под Новый год, куда податься, не знал. А Серёга тогда только женился на своей капризуле, но он *все* праздники со мной провозился, притащил к себе... И мало того, что притащил, а ещё и уложил жену в другую комнату, а меня заставил лечь на огромную кровать их, а потом ещё и припёрся, и мы чуть не до утра с ним разговаривали. Причём он буквально проламывал её неудовольствие, мол, ничего не знаю, это товарищ мой...

— Да ему выпить хотелось.

— Да при чём тут выпить! — взъярился Баскаков. — Просто он друзей не бросал.

— Игоряш, иди спать.

Баскаков ушёл, но едва приложился к подушке, позвонил Петя. Баскаков так и не поблагодарил его за помощь и переживал. Никудышный литератор, Петя был настолько тёплым человеком, что вокруг него все и кучковались, как вокруг очажка. Одно время он мёл метлой, и Баскаков представлял его, когда писал рассказ “Дворник”. После разговора Баскаков окончательно прибордился и вышел к Леночке. Она сказала:

— Отец Лев звонил, его срочно в Боевое вызвали.

— Значит, в Боевое и причастимся, — сказал Баскаков и снова завёл про Ёжика: — И ты понимаешь, ладно, я не могу его вылечить, не могу заставить этот мир вернуть-полюбить. Но были случаи, когда он просил простого поступка, *простого*, а мне настолько невыносимо было на него смотреть, что... э-э... — Баскаков крикнул и махнул рукой: — У меня этот случай с рубашками из головы нейдёт.

В стирку

Баскаков занимался альманахом, литературным фестивалем, семинарами и образовательными программами. А кроме рассказов и повестей, писал ещё и очерки, и открыв какого-нибудь самородка, носился с ним, как с писаной торбой. Однажды случайно подвёз бывшего замполита танковой бригады, который ушёл в запас и стал делать танки. Замечательному броневому мастеру режиссёры из Москвы заказывали технику. Раз сварил “тигра” и поехал на нём по водку, а тут попался дорожный патруль. И обошлось бы

штрафом, но Тузлучинский прокурор прилепил ему пропаганду фашистского дела. Пришлось Баскакову звонить прокурору области и выручать.

Писал о музыканте Василии Вялкове, его песнях прекрасных и трагической кончине в упавшем вертолётё с начальством на отдыхе — истории сколь шумевшей, столь и замятой. Ездил в Турочак к его жене Марине.

Писал о Мариинском самородке Юрии Михайлове — создателе музея бересты, архитекторе, музыканте и казачьем подвижнике.

Пропадал в Уймонской долине у Раисы Павловны Кучугановой. В небольшой избёнке чудная женщина устроила музей старообрядческой культуры, славный не столь предметами быта, сколь душевным обычаем: каждая экскурсия Раисы Павловны — духовное наставление, и ни слова от себя. “Старообрядцы-то скажут: “Глагого накорми, нагого одень, босого обуи. Найди человека ласковым словом”. Та-а-ак они скажут”.

Казаков и старообрядцев Баскаков равно любил за верность. Однажды его познакомили с Фёдором Шлыковым.

Основатель и руководитель ансамбля “Казачий струг” Фёдор Григорьевич Шлыков был крепкий лысоватый человек лет шестидесяти пяти, жизнь положивший на изучение и поиск народной песни. Хор у него был исключительно мужской, дониковского звучания. Шлыков был мастеровой человек, краевед, собиратель Русского мира и музыкант. Голосистой владел могучим, брал от низов до “дишканта”. Шлыков имел староверские корни и просил отвезти его к староверам в Уймонскую долину, где хотел записать крюковое пение. Ехал с сыном Никитой — иконописным чернобровым юношей, заведовавшим у отца студией звукозаписи. Шлыковы двигались из Подмоскovie, с подарками и справой, с гармонью, балалайкой и колёсной лирой.

Баскаков больше всего на свете любил сводить дорогих людей, и когда они входили в согласие, как голоса в Шлыковском хоре, был счастлив. Что для него значила смывка Григорича с Кучугановой, даже Лена не знала.

Уймонская долина Катуня — это меж Катунским и Теректинским хребтом. До Усть-Коксы, где собирались стать, от Новосибирска девятьсот километров, смотря по какой дороге сворачивать с Чуйского. Происходило всё между Рождеством и Крещеньем, стояло под тридцать, а в Уймонской яме меж двух хребтов воздух за ночь слёживался до полтинника. Днём южное солнце разрыхляло его вполювину.

Баскаков встретил и привёз Шлыковых в Тузлуки, куда уже приехал Михайлов из Мариинска вместе с Ежом, который прогостил у него праздники: лежал пристольным лёжнем на диване, приподымаясь лишь на стопку. Последнее время такое гостевание стало ему привычным.

Приехав к Баскакову, Ёж воодушевился, но, когда все повалили в баню, остался — бледный, с бугристой сипьей головой и тёмным взором. В дорожной одежде из старых запасов, малиновой водолазной кофте, от которой начинал распространяться запах, как от бродяг. Баня была аварийно несовместима с Ежом.

Внешняя часть Ежиной души спасалась близостью друзей, а главное существо было на бессонной приёмке горячего. Как есть кто-то, живущий тепло по-домашнему, и есть — кто век в плаще на берегу под дождём и снегом. Не расслабиться: то танкер подойти не может — вал, то ёмкость отпотели, то раскачка, то промывка, то замеры по рейке... Работа. Какая тут баня? Дойти до неё Ёж бы и дошёл, и даже стянул бы обтягивающее, будто резиновое бельё, но ни вспотеть, ни вынести жар не смог бы, не говоря о хлестании венником и валянии в снегу, куда Баскаков с Михайловым падали крестами. Отпечатки на склонах сугробов так каменели, что приходилось в другой раз начинать новую часть снега, чтобы не отшибить задницы. По числу копий могло показаться, что парилась рота. Но про снег речь и не шла: с Ёжом, когда-то главным банником и парщиком, несовместимо было даже простое сидение на лавке с тазом. Что-то буйное он бы ещё выдержал по привычке к куражу, а вот кропотливое, вроде намачивания и намывливания мочалки — ни под каким видом. Всё его проспиртованное нутро химически, животню противилось любому очищению и приковывалось к столу.

Придвинули диван, и он лежал, изредка сам наливая и разговаривая с Леной, возившейся у плиты, — гостей принимали в большой гостиной-кухне. Почти ничего не ел и время от времени отваливался заснуть — чутко и неглубоко, до первого перезвона.

Вернулись банщики, с блестящими лицами, с багровой сыпью на матово-розовых плечах. Прочитали молитву, и Шлыков басовито обратился к Баскакову: “Хозяин, благослови стол”, — выпили по три стопки самогонки, закусили капустой, огурцами и холодцом с хреном. И затянули песню. Пошло, загудело разливом многоголосье, то расходясь рукавами-протоками, то сливаясь в могучее русло, и потекло по жилам, мурашками осыпало спины, подкаатило под горло, под глаза, соединило дорогими словами. Ёжа подняло, он сидел, зажмурившись и мотая головой. Сжатой в кулак рукой отбивал такт и взрывал: “Жги!”

Зажгли так, что Лена еле выжила. Ёж, шарахаясь, разбил зеркало в прихожей. Неуклюжий тяжёлый Шлыков потянулся за хлебом и, с изломом наклонив стул на двух ножках, сломал его. Со Шлыкова упали очки, он беспомощно глядел близорукими глазами и повторял:

— Я ведь хлебца хотел! Только хлебца... Ой, Шлыков! Ой, Шлыков. Ну, теперь только песню.

О хлебце — особо... Баскаков не признавал магазинного хлеба и заставлял Лену стряпать домашний в духовке. Лена компромиссно упирала на новые тогда хлебопечки, и Баскаков купил дорогую и редкую японскую. Месил тесто похожий на угловатое крылышко тестомес, который надлежало выковыривать из горячего хлеба специальным крючком и быстро убирать в надёжное место.

На протяжении казачьего гостевания Лена старательно следила за тестомесом, и с вечера положила отмачиваться от теста в стакан с водой подле раковины. Утро началось с бодрого Баскаковского выкрика: “Как ночевали, казаки?” — и басовитого нестройного: “Слава Богу”. Взялись завтракать и собираться. Лена что-то насупленно искала: исчез тестомес. Кто-то из гостей мыл ночью посуду, и Лена подозревала, что в пылу приборки выбросил дорогой предмет вместе с мусором. Перерыли кухню, помойные вёдра и разобрали пылесос — тестомеса не было. Шлыков перемазался в пыли и глядел на всех добрыми, в складочках глазами. Был он несколько рассеянным и находился под укоризненной опекой Никиты, который говорил: “Батя, ты опять мои носки надел?”

Шлыковы долго собирались, таскали справу, чуть не забыли пакет с напильниками — точить цепи от бензопилы: кто-то сказал Григорьичу, что у староверов их вечная нехватка. Баскаков нашёл его под столом и унёс в багажник. Позвонили из Усть-Коксы и ещё раз предупредили про “морозяки”.

Ёжик тоже поехал, но не в Коксу, а к знакомым на Чуйском тракте, километра два в сторону, в деревеньку. Когда его привезли и сдали хозяевам — востроженно-тихой паре из академгородка, — он не хотел расставаться, поставил на капот бутылку самогонки, велел пить и наливать... Обнимался, бился лоб в лоб с Баскаковым, вытирал слёзы.

Ехали долго; самую красоту, где дорога пересекает Теректинский хребет и тянется по-над Коксой, проехали в темноте. В Коксе ночевали у друзей. Машину загнали в гараж.

Наутро стояло пятьдесят, и котловина меж хребтов была в синем волокнистом тумане, только печные думы поднимались веретённо-тонко, медленно и окаменело. И одновременно ликование шло от прибывшего дня, от южного солнца. Днём потеплело, и они поехали в Верхний Уймон — знакомиться с Раисой Павловной. Теплейшие заповедные люди Кучуганова и Шлыков были настолько сильны и самобытны, что требовали вокруг свободного поля, людей с разреженной яркостью, способных лишь на поклонение, — и Баскаков, веря в каждого, переживал, как они сойдутся.

У музея едко парил выхлопом автобус. Перед избой была загородка из толстых жердей, а калитку заменял распространённый в скотоводческих районах мосток: с каждой стороны забора — по наклонной плахе, косой одноногой лавке, по которой ты и всходил. Шлыков, как был в форме казачьего

донского войска и с гармонью, так и перелез забор по доске, моментально оценив приспособление, и, сияя, переглянулся с Баскаковым.

У Кучугановой были посетители, которым она рассказывала про обожаемых ею старообрядцах-старожилах, описывая каждого, величая по имени и проповедуя его словами. В доме находилась целая экскурсия из Санкт-Петербурга, несколько многодетных семей русских взглядов, рослые мужья с бородами и прямыми лицами, ненакрашенные жёны в платках и тёплых юбках. А дальше...

Шлыков зашёл в избу, как в своё родное-кровное, — с торжественным наигрышем, с монументальной снежной симфонической нотой, которую так хорошо чувствовал Свиридов. Шёл медленно, озаряя присутствующих по кругу ликующей улыбкой. Открытое курносое лицо его было начисто лишено натужной мышечной игры, которая так утомляет у гармонистов из электричек... и выражало только счастье и гордость за музыку и место.

Конечно, Кучуганова была сто раз предупреждена и ждала, и готовилась... но тут... Господи, как потянулось родное к родному! Как всплеснула женщина руками! Как вскрикнула: “Гости дорогие!” И как они обнялись — невысокие, крестьянски крепкие, сбитые, подсушенные жизнью... И как пол-России попутно стиснули объятием, к сердцам прижали! Видно, одной минуты ей хватило, чтобы с безоглядным доверием представить гостям Шлыковых как родных своих, и одному Богу ведомо, поняли экскурсанты или нет, при чём присутствовали. Баскаков-то не просто понял, а на двор вышел — отхлебнуться стужей.

Кучуганова, конечно же, согласилась свести Шлыкова и со старовойрами, и с Мамаевыми из Тихонькой, и с их ансамблем “Товарочка”, свозить в Мульту. Баскаков с Леной успокоенно вернулись в Кокеу. Назавтра предстояло ехать в Новосибирск, у Лены был эфир послезавтра утром, она тогда ещё работала. Днём собирались готовиться к Крещению и встречаться с отцом Львом, который должен был прибыть из Боева в Тузлуки.

Вечером к баскаковским друзьям в Кокеу приехали парень с девчужкой из Горно-Алтайска. На баскаковской машине стояла сигналка с ночным прогревом разных типов. Она отлично работала при тридцати и даже тридцати пяти градусах. Не то чтобы Баскакову очень хотелось узнать, как она поведёт себя в полтинники, но что-то близкое его мальчишескую душу искусило. Он гордился и сигналкой, и свежепригнанной машиной, ещё надеясь на благополучное разрешение истории с пэтээсом. Увидя горноалтайский дровяной “фордишко”, ещё и без прогрева, он тут же уступил место в гараже — мол, его-то красавец в любой мороз заведётся! Лена на него наворчала, не можешь, мол, не “выдрышываться”.

В шесть его уже свербило предчувствие, и он вышел к машине. Серебристая, она стояла в еле заметном инее, кружевной побежалости и казалась особенно стеклянно-хрупкой. И какой-то лёгкой, пустой, как елочный шарик. Обычно после ночных прогреваний на заиндевевшем капоте темнело талое пятно. Сейчас пятна не было, а под выхлопушей чернел кругляш копоти. Он потянул хрустальную ручку. Сел в каменно твёрдое кресло, закрыл по привычке дверь, но та не защёлкнулась и чуть отошла скрипуче. Еле установил ноги — коврик деревянно завернулся, не поправить. Когда вставлял ключ, брелок, качаясь, стукнулся, как камушек, о пластик. Жидкокристаллический значок, пульсируя, замирал, туманно мазался, рассыпался на копни — игрушечное существо, завоевавшее планету, не выдерживало правдивой этой стужи.

Только железному ключу всё нипочём — вошёл в замок, не дрогнув... Двигатель несколько раз слабо и замедленно шевельнулся. После пары таких попыток окончательно забросало свечи.

Достали солярную пушку. Она оказалась не заправленной. Канистра стояла в холодной, и соляра в ней взялась бледно-зелёной шугой. Оттаяли соляру у печки, заправили пушку, и Баскаков долго грел поддон и задний мост. Машина не завелась. Пришлось созывать народ и катить машину в гараж, где как раз освободилось место. Туда поставили и пушку. Вывинтили и просушили свечи и завели машину.

Лена ничего не спрашивала — просто быстрёхонько села в машину. Едва отъехали, позвонил Ёж и попросил Баскакова, чтоб он заехал и забрал узел с его рубашками в стирку: потом, мол, Баскаков или кто поедет за Шлыковыми и завезёт. Баскаков сказал: “Посмотрим”, — и раздражился — неужели нельзя на месте постираться!? Тоже момент нашёл, а тут ещё Лену напрягать заездами и стиркой... Бррр... Представляю, что за узелок...

Предстояло одолеть девятьсот километров. Асфальт был только от Усть-Кана. Баскаков решил срезать от Усть-Кана до Черги и выиграть ещё километров восемьдесят — там была щебёнка, но вполне приличная. Ехали хорошо, слушали шлыкковские записи, а Баскаков, чтобы расслабить Лену, ощущивал слово Черга, превращая в “кочергу”, а потом перекинулся на названия, вроде Элекмонар и Джазатор, будто бы технические. Леночка совсем было оттаяла, когда раздался хлопок и прерывистое затихающее шипение. Баскаков пропорол заднее левое колесо, объезжая каменную кучу, — колесо прошло по левой обочине и поймало острый камень. Прорвало нехорошо — длинная рваная дыра по самому углу колеса.

Баскаков бодро поддомкратил машину и приступил к запаске. И тут случилось непредвиденное. Запаска была не на “калитке”, а внизу, на цепной лебёдке, доступ к которой был через лючок над бампером. Баскаков вставил крючок, но оказалось, что на лебёдке ещё и секретка. Она открывалась специальной насадкой — Баскаков перерыл машину, но такой не нашёл. На улице было градусов тридцать, чистое небо обещало студёную ночь, и до посёлка оставалось вёрст полста. Среди сопок на безлюдной дороге связь не брала.

Роясь в багажнике, Баскаков обнаружил, что Шлыков перепутал пакеты — баскаковский со свечами и лампочками утащил, а свой с круглыми напильниками оставил. Баскаков заполз под машину и за час перепилил цепь, вылезая греться и ругая “идиота, изобретшего нижнюю запаску”.

Баскаков посчитал, что заезда за Ёжиковым узлом Лена не выдержит, и проехал мимо. Домой добрались к трём ночи. На следующий день после работы Леночка из-за пустяка раскричалась, расплакалась и расколотила своё любимое блюдо. “Я так готовилась к Крещенью, спасибо тебе, дорогой муж!” А Ёжик написал: “Просил-просил тебя заехать. Устал я от твоей невнимательности”.

А Баскаков завёл прогревочный набор: брезентовую юбку и специальную паяльную лампу с отдельным большим бачком на шланге.

Редколлегия

Ранним утром шестого января Баскаков по обыкновению стоял у чёрного своего окна. Ночь выдалась особенно морозная, тридцать девять градусов, но уже было слышно, как задувал юг, клоня к потеплению. Трёхкамерное стекло держало ветер с невозмутимой недвижимостью, и лёгкие шторы висели, как каменные.

Баскаков встал в седьмом часу, и какая-то его часть по привычке рванула по делам, но, описав круг, вернулась — не надо было куда ни нестись, ни что-то решать.

Взбурлил и, щёлкнув, облегчённо затих любимый баскаковский чайник — круглый, фарфоровый с узором, привезённый из Китая. Кружка была прозрачно-чёрного стекла, подарок Леночки. Баскаков заварил в ней алтайский травяной сбор — чабрец, курильский чай, бадан. Кусочки травы сначала сухо взмелись и закрутились в водовороте кипятка, а потом напитывались водой и тихо ложились на дно, будто воспоминания.

Баскаков отпивал чай небольшими глотками и проверял почту. Из Уссурийска писала студентка Аня:

“Дорогой Игорь Михайлович! Я вспоминаю ваше выступление в центральной библиотеке. Вы тогда сказали, что у слова два смысла. Один — литературный, а другой — наш, личный. Незаметненький такой, будто одно и то же слово из книги кричит, а когда тебя касается, быстрёхонько притихает. А тому грозному машет: “Ты кричи погромче! А я отдохну пока...”

Вы рассказывали, как в одном дорогом для вас месте вы читали из новой книги. И что слова были метр в метр об этом месте, и были намного сильнее вас... И как на самых главных словах... у вас сорвался голос...

Игорь Михайлович, я правильно поняла, что любовь — это когда говоришь о земле, которая у тебя под ногами, словами, которые сильнее тебя. Да? Я начинающий поэт... Вы сказали, что слова должны быть сильнее, лучше, больше тебя? Я правильно поняла? Скажите, пожалуйста, как их... увеличить? С уважением, Аня Сивакова”.

“Дорогая Аня. Вы не начинающий поэт: вы... действующий. Конечно, я хорошо помню ту беседу в библиотеке. И как вы сказали про типы писателей. Что одни до полу секут, а другие повдоль, слоями, на близость к земле снимают. И что Достоевский и так, и так берёт, поэтому у него все герои... в кубе. Это здорово. Правда. А насчёт слов: их не надо увеличивать. Да и некуда. Надо уменьшить себя”.

Он перешёл к другим письмам. Джирджина писала по-русски:

“Здравствуйте, Игорь! У меня несколько вопросов про рассказ “Ёмкость”. Вы начинать рассказ так: “Сан Саныч Тагильцев пошёл под Новый год за ёлочкой и провалился в ёмкость”. Он пошёл за ёлочка в место, куда их продают? Я не совсем понимать, что такое “ёмкость”. Это объём? Он провалился поэтически? Это русский метафизика? Я не могу находить термин. И почему он сказал “какая хрен-разница”. “Хрен” — это сексуальный слов?”

“Дорогая Джирджина! Ёмкость — это большая металлическая штуковина для жидкости. Она похожа на консервную банку, лежащую на боку. Для хранения бензина или солянки. Container for diesel fuel (Баскаков слезил в словарь). Обычно их красят серебряной краской, чтоб не грелись на солнце. Ёмкость, в которую провалился Сан Саныч, была вкопана в землю. Видимо, в ней хранилась вода для какой-то противопожарной безопасности.

Там была военная часть, постройки, службы. Потом всё было брошено и пришло в упадок (...благодаря совместным усилиям... — хотел написать было Баскаков, но сдержался и махнул рукой: “Какая теперь... хрен-разница”).... “Хрен-разница” — это грубое выражение, заменяющее сквернословный аналог. Но в данном случае оно выражает неунывающий и смекалистый характер Сан Саныча, который не растерялся и выбрался из ёмкости с помощью проволоки, верёвки и лыжины, потому что был мороз сорок пять градусов, и он бы там замёрз... на хрен, — хотел написать Баскаков, но написал “на смерть”.

“О! Теперь я понимал, — отвечала Джирджина. — Я ещё приготовила вам вопросы:

1. Почему Сан Саныч не позвонил по телефон, когда упал?

2. Проволока-восьмёрка — это модель проводов?

3. По рассказу “Фарт”. Пожалуйста переведите в нормальный предложение: “Шнаццатый, как понимаешь? Слышал чо? У “Делимакана” росомага нагрезила: все кулёмки изнахратила, а которые соболя попали, двух схрямкала, а остальных закопала. А потом “косачи” на “мотолабе” проезжали и весь путик на лыжах выгнали. И он после них ходил, как санёр, еённые копанины раскапывал, а потом по радиии ка-а-к трёкнет: “Во до чего дожили с этой нефтью: всю жизнь росомагу падиной считал — а тут вишь — в кормилицы вырвалась!”

Баскаков, откинулся на спинку... Прикрыл глаза, потом расхохотался. Ну, как ей объяснить-то?

Баскаков всегда брал быка за рога, и рассказ начинался с фразы, кратко передающей сюжет. У промысловика с позывным “Делимакан” росомага разорила путик с ловушками, двух попавшихся соболей съела, а остальных закопала в снег про запас. Мимо проезжали работяги из сейсморазведки. Их задачи — таскать к датчикам провода, сплетённые в “косу”, наподобие девичьей. Ехали они на вездеходе, прозванном “мотолабой” — от МТЛБ (многоцелевой тягач лёгкий бронированный). “Косачи” решили пробежать по путику охотника и ободрать с него попавшихся соболей, но их опередила росомага. Всего-то навсего. Ленка проснётся — расскажу.

Переводчице он ответил:

“1. Сан Саныч не позвонил, потому что там не было сотовой связи, да и вряд ли бы он из ёмкости поймал сигнал.

2. Проволока-восьмёрка — стальная проволока толщиной 8 мм.

3. По “Фарту”. Даже не знаю, с чего начать. Начну с технического, как с самого понятного. “Мотолаба” — это МТЛБ — Light Armured Multipropose Tracked Tractor... — Баскаков сползал на пол от хохота — мультипропёс какой-то! — Там сложно. Извините... Мне сейчас нужно срочно... — Баскаков собрался с силами, — отойти к соседу, у которого замёрзла машина. Начало рассказа я объясню попозже, а вы пока попробуйте прочитать до конца и — всё поймёте.

Пишите. С уважением, Игорь”.

Уже светало и розовато светлело небо. Баскаков подошёл к окну: “Какой же вид великолепный! Только ради одного этого стоит в Тузлуках жить”. Лена просила разбудить рано, чтобы подольше побыть вместе. Едва он сварил кофе и поставил на поднос, из-за спины раздалось:

— Игорь, ну почему? Я же просила! — Леночка с непроснувшимися глазами стояла, чуть скосолопя ступни в пухлых тапочках-собаках.

— Что такое?

— Сколько раз я просила не заваривать в кружке, — и она дрыгнула икрой. — Это же *мне* выковыривать! Иначе всё в раковину выливается, а она засоряется. Ну, почему нельзя заварить в чайнике?

— Лен, ну ладно тебе... — пробно сказал Баскаков. Лена была полуночного склада и вставала трудно, долго молчала, а если её тормозили, потешно вскрикивала: “Перестань со мной говорить!”

— Я не понимаю, почему ты так поступаешь!

Баскаков не только заваривал в кружке, но и всякий раз брал новую, и кружки с пересохшим сеном копились на тумбочке, на полу, на столике в коридоре — везде, где он слонялся в сочинительском поиске. Баскаков обожал густой тувинский хан-чай, куда добавлял мёд с верховьев Катуня. Особенно возмущала Лену кружка от этого лишнего пойла около дивана на полу: намертво приклеенная, с засохшими следами-кольцами вокруг. Казалось, её проще разбить пинком, чем оторвать.

— Я пойду поработаю, — очень быстро сказал Баскаков, и вышел на улицу огребать снег, который уже был огребён до немыслимости: стояли морозы, и сугробы напоминали огромные заправленные койки. Вернулся морозный и в надежде, что сухой хрустящий простор через него охладит и Лену. Действительно, когда он вошёл, она уже спокойно пила кофе. Для закрепления дела он рассказал про Джирджину:

— Ржака, — улыбнулась Лена. Улыбка была замечательная — верхняя губка подворачивалась кверху и чуть задиралась, и посередине между нею и носом получалась необычная поперечная складочка. Розовая рисочка, некоторое время сохраняющаяся, когда улыбка уже прошла:

— И что ты ответил?

— Что мне некогда. Что у соседа машина замёрзла, и я помогать пошёл.

— Токо попробуй... — шуточно нахмурилась Лена. — У нас один день за всю неделю. Давай никуда не торопиться, — потянулась Леночка. — Спокойно поза-а-а... — она глубоко-глубоко зевнула, смешно и как-то судорожно окаменев и росисто прослезившись: — Ой, Господи, поза... втракаем...

Сели за стол. Лена съела овсяную кашку на воде и перед тем, как приступить к печёному яблоку, замерла и сказала:

— Тут новость. Вчера хотела сказать, но ты заснул.

— Что такое? — нахмурился Баскаков.

— Нас с премией прокатили.

— От тварины... — как бы между делом бросил Баскаков.

— В конце декабря объявили, но я решила не портить тебе Новый год. Ты и так был издёрганный... И решила...

— И решила испортить Рождество.

— Ну тебя, — Лена отвернулась.

— Какого им надо? Я не понимаю, если честно.

— Скотинюги. Я тоже ничего не понимаю.

— Чо-т-то мне потихоньку начинает всё это надоедать, — очень распевно и задумчиво сказал Баскаков. — Только непонятно, почему вся эта раздающая медали кувырколлегия ничего не боится. Хотя оно, конечно, познавательно.

Лена была моложе мужа и ребёнком в отношении некоторых современных явлений, которые у неё вызывали ощущение отличительной, натальной вроде бы близости. Иные взгляды Баскакова она принимала за “стариковство” и каждый выпад мужа воспринимала, как подчёркивание разницы в возрасте. В обострённой же душе Баскакова резь вызывало любое проявление антирусского, и он опасался спутать в Леночке это антирусское с бездумно-молодёжным и техническим. И шёл спор — не спор, но соревнование, которое оба старались обратить в шутку, чтоб не “рассобачиться”. Но Баскаков нет-нет да свою позицию подвыпячивал и поддразнивал Лену, хоть и та в долгу не оставалась:

— Я всем долдонил, что у нынешних коммерческих издательств есть чёткая идеология, направленная на внедрение западных ценностей в сознание русского человека. Именно этим я и объяснял, что меня не печатают... Но потом я написал очередную бескомпромиссно-русскую вещь, в которой уронил градус художественности с температурой...

— ...Колхозной густопсовости...

— Мировоззренческого накала...

— И добился...

— ...И долбился в прошлогодние двери...

— И добился такого вектора тяги, что сейчас...

— ...В тебя полетит мясорубка...

— С изменяемым вектором тяги. Теперь мне понятно, кто *ланьсь* провёл запуск беспилотного тестомеса...

— Игорь, я тебя просила! — взвизгнула Лена, не переносящая, когда он произносил старосибирские слова, например, “дивно”, в смысле “много”, и “ланьсь”, то есть в прошлом году. Сама притом всю говорила “ково”, “подсобирываться” и “каляешься” (про его щетину).

— Тих-тих-тих... Дак вот — книгу вдруг взяли в издательстве, от которого я этого не ожидал вовсе. Мгновенно Костя Чебунин направил туда же недоработанную рукопись, и его завернули на скаку. Так как справедливая его идея, не подкреплённая характерами и драматургией, настолько голо маячила, что более напоминала пугало для... в общем, напоминала пугало. И он закричал: “Вот оно! Вот! Идеология! Не печатают из-за идеологии!” Но главное, что заблажил Константин Алексеевич ровно теми же словами, которыми ещё недавно блажил и я. О чём это говорит?

— О том, что демагогия — профессиональная черта писателей.

— Это говорит о том, что навязанное нам современное мироустройство стоит на всемогуществе денег, и этим всемогуществом всякие штуки вроде идеологий не воспринимаются серьёзно, несмотря на то, что само это могущество примитивно, как расчёты в автолавке. Поэтому никакого единого специального вражьего центра управления *внутри* нашей страны нет — наоборот, всё сделано так, чтоб никакие центры и штабы не мог решить ничего, а всё автоматически решал механизм — такая центрифужка от стиральной машины: этих туда — этих сюда.

Ещё минуту назад Леночка и сама так думала насчёт “специального вражьего центра”, но её возмутил нарочито лекторский тон мужа:

— Пресь... Чуть собачья! Сразу видно, что ты никогда не стирал рубахи. Культурную политику диктуют конкретные люди. Раньше были Катков и Сытин... А щас...

— А щас понятно. Но им не обязательно объединятся в штаб-ссс! — Баскаков смешно надул валиками губы и по-мышачьи пискнул, выпучив глаза. — Хотя они не могут без помощников, и тут-то начинается самое интересное. Оказываются, несмотря на всю безыдейность денежного мироустройства, его подручниками выступают силы, которые всегда были самыми идейными, например, так называемая интеллигенция, выродившаяся до такой степени,

что уже не кипит идеалами, а глухо и ватно блокирует всё, что не подпадает под её ценности. Это могут быть бывшие редакторы всяких “Либрикусов”, когда-то крайне мягкие и вкрадчивые дамы, искушённые в “хорошей литературе”, и прочая околохудожественная челядь, включая самих писателей, вышестованных этой средой и в неё вросших. И представители этой силы, будучи полнейшими нерусями по духу и, что самое возмутительное — уже независимо от породы — настолько обнаглели и сами себе изыравилились, что считают хорошим тоном называть своими именами редакции: “редакция Норкиной”, с претензией, с одной стороны, на нечто купеческое, промышленное, пушное, а с другой — на эксклюзивно-личное, именное, подчеркивающее, что попасть сюда — особая честь. И каким-то образом эта шобла, объединённая, сложносплетённая и связанная и с редакторами, и “жюрями” премий, начинает пестовать писателей, выбирая их подчас самым неожиданным образом... Причём пестуется любое направление! Любое! Лишь бы отвлекло от главной темы!

Баскаков глянул на Леночку и тут же громко и протяжно-угрожающе спросил за неё:

— Какóй?

— Что какой? — вздрогнула Леночка, которая тайком подглядывала в свой будурного вида экранчик.

— Какой темы? А вот какой: русский человек в наши дни! Да! И уже придумано два метода: уход в проблемы других наций и эскапады в прошлые эпохи, оправдываемые демагогическими рассуждениями о том, что, разобравшись в прошлом, мы, дескать, правильной поймём настоящее и заложим будущее. Поэтому я моментально стану самым облизываемым писателем, — “обли-зы-ва-ем-ым” он произнёс по слогам, — если напишу роман э-э-э... “Р-р-роман-Магадан”, — раскатисто произнёс Баскаков. — “Р-р-роман-Магадан” о... злключениях лопарских шаманов в Колымских лагерях. Потом его командно переведут на все языки, поскольку в нём будет показано безобразное и бесчеловечное русское государство и стоящий его бесполезный русский человек. — Баскаков наморщился и сказал растерянно: — Да, только я всё это вёл к чему-то...

— К литературным дамам, которые не стали тебя оближивать, — язвительно сказала Леночка.

— Ну, не только к дамам, — Баскаков удовлетворённо кивнул, — а вообще к этой публике, которой, несмотря на весь гуманитарный лоск, особое удовольствие доставляет лезть именно к самому заповедному, и даже прикасаться своими холёными лапами к Сибири и Дальнему Востоку. Я тебе прочитаю один любопытный материал, опубликованный в дальневосточном журнале “Охота и литература”. Потерпишь? Он короткий.

Баскаков откашлялся и начал с выражением:

“Друзья, сразу скажу, что от слов “автор” и “текст” меня всегда корбило. Они казались кощунственными, конторскими и свидетельствовали о падении культуры. Действительно, как же так: были писатель и литература, а стали автор и текст?”

— Очень оригинально, — фыркнула Лена, — дальше так же интересно будет?

— Да слушай ты! Не перебивай! *“...Потом я понял, что такое разделение позволяет называть вещи своими именами. Недавно попалась мне в руки нашумевшая книжища одного как раз автора. Он пишет о нашей прекрасной приохотской тайге, с которой его связывает единственная ассоциация — самая страшная, самая трагическая страница истории нашего Отечества в двадцатом веке, рана, еле начавшая рубцеваться: гражданская война на Дальнем Востоке. Судя по всему, больше ему о Хабаровском крае сказать нечего.*

Тем не менее книга весьма познавательна, так как из неё мы узнаём о сенсационном научном факте; он следует из одной скупой оброненной, но ключевой фразы: американские кушцы скупают в Аяне “песцов, белок и куниц”. Да. Ни больше ни меньше. Далёкая западная куница, обитающая в Европейской части России, совершает невиданную миграцию на Дальний Восток, продвигаясь вместе с театром военных действий, и доказывает в очередной раз,

что жизнь природных систем находится в теснейшей взаимосвязи с социально-политическими процессами в России. Но это всего лишь, что называется, полдела. Хороша, как говорится, куничка, да не про то страничка! — Баскаков восторженно взглянул поверх очков: — Появление куницы приводит к полному вытеснению ею соболя и тотальному падению его заготовок, о чём свидетельствует всё тот же приведённый автором перечень. А поскольку именно соболь во многих районах Сибири и Дальнего Востока является важнейшим экономическим и укладообразующим ресурсом, как для коренного и малочисленного населения Севера (в дальнейшем — КМНС), так и для русского, то эти изменения не могли не привести к серьёзным последствиям как для природы, так и для жителей этих удалённых районов”.

— Ой, зануда какой! — прозудела монотонно Лена. — Игорь, ещё долго?

— Чем больше ты будешь перебивать, тем дольше я буду читать. “...Вы мне скажете: “А как же харза, уссурийская куница?” Не принимается! Как говорится, “хочется добыть пушнину, да придётся порвать спинку!” Ареал харзы находится далёко к югу, к тому же харза не относится к массовым видам и не является экономически значимым объектом пушного промысла. Как говорится, “не та харза, что борза, а тот калан, что делает план”.

— Кто такой калан?

— Морская выдра. Так вот: “...Надо отдать должное скромности автора, который мастерски замаскировал своё открытие, переключив внимание читателя на посторонние вещи, для чего не поленился развернуть целое повествование, протерев не одни штаны в архивах, — и всё ради одной-единственной фразы... Но как говорится: “За одного соболька дают белок два кулька!”

Да... Другой бы стал своё открытие выпячивать. А этот лишь скромно обозначил — имеющий уши да слышат! А ведь сколько в этой фразе смыслов: возьмём хотя бы первый попавшийся, так сказать, лежащий на поверхности: вытеснение к востоку куницей-западницей славянофила-соболя. Или вот: баба-куница, озверевшая от отчаяния, пошла боем на соболя-мужика и столкнула его в Охотское море. А можно и так: Запад пошёл походом на Восток, и автор предупреждает нас об опасности, уже не деля на КМНС и русских. Остаётся гадать, сколько невспаханных смыслов лежит под спудом лаконичного афоризма! Не зря говорят: “Краткость — сестра таланта”. Зимний денёк короток, да кормит роток, так сказать, весь годок!

Можно ещё долго ёрничать, но пора поставить все точки над этим самым “ё”: тему-то не раскрыл. Обозначил, поманил, но не раскрыл. Видать, тяму не хватило. Тут архивной задницей не обойдёшься, тут пока хребёт в тайге не надорвёшь — ничего путнего не выкоптышишь. Как говорят промысловики: “Хорош собольёк на пялке*, да поди сыграй с ним в догонялки!”

— Сколько можно слушать это занудство!? Ладно если б я была какая-нибудь гримзятина из клуба охотничьего собаководства...

— “...А теперь эмоции в сторону и сообща подумаем: почему несмотря на такое вызывающее нераскрытие темы, книга всё-таки вышла в одном из ведущих столичных издательств и собрала множество литературных премий? А ответ прост. Книга была издана не абы где, а в “Редакции госпожи Норкиной”. Ничего не замечаете? Есть нечто, подозрительно роднящее издательство и изданную в нём книгу? Совершенно верно! Те-ма. Пушная тема! И ничего, что она не раскрыта! Пролезет! Какая художественность! Какие народность и доказательная база! Это пустяки. Главное, формально обозначить — и дело в шляпе. А в шляпе ли? Может быть, в шапке? Или в воротнике? Или в муфте? Или даже в... гор-жэ-э-этке? — артистически протянул Баскаков. — Подводя итог, хочется вот что сказать: а не пора ли навести порядок в нашем обществе? Подумать, кто и по какому принципу формирует у народа представление о цвете современного писательства? И долго ли вместо качественной корневой литературы будет предлагаться

* На пялке. — Пялка — специальная, особым образом излаженная дощечка, на которую садят шкурку пушного зверя для просушки. Потом шкурку отминают и выворачивают.

читателю её клеточный или искусственный заменитель? А будет! Будет, пока во главу угла издателей и их авторов будет ставиться не искреннее служение русской словесности, а... шкурные интересы узкой шайки московских литераторов, которым так же далеко до Сытина, как их авторам до истины, а нам с вами — до сытости. Извиняюсь за каламбур.

Как говорится: “Не та куница, что критика боится, а тот соболёк, что читателя увлёт”.

— О-о-о... — зарычала Леночка, — где ты это выкопал? Тебя прямо так и тянет ко всякой заскорузлой тягомотине... Тебя и не печатают из-за неё. Не можешь шаг сделать навстречу читателю... Помнишь, как какой-то весельчак из модного журнала хотел опубликовать твой рассказ и сказал замечательные слова: “Ты слишком “там”. Переделай и напечатаем”. Ты, конечно, не переделал.

— Можно я тебе прочитаю письмо? Ка-ак раз про “там” и “тут”. Женщина пишет, директор районной библиотеки, Людмила Иванна.

“Дорогой Игорь Михайлович, читала ваше интервью, где корреспондент с горечью говорит о том, что Ваши книги выходят значительно меньшими тиражами, чем того заслуживает масштаб Вашего дарования. Как библиотечкарь, хочу это подтвердить и сказать: дарование Ваше яркое, самобытное, а главное, близкое людям. Вы подаёте свой мир... да не свой, а наш обычный русский мир как нечто само собой разумеющееся, единственное, а по нынешним правилам, заданным горсткой далёких... недалёких людей, требуется некое извинение, усмешка, означающая: “Конечно же, вы и ваш мир — главные! И я такой же или очень стремлюсь на вас походить, но всё-таки посмотрите, как разнообразна иногда жизнь”.

Вы рассказали, что редактор журнала, который нынче руководит самой большой денежной премией, сказал, прочитав вашу первую повесть: “Вы хорошо пишете, и вас с удовольствием возьмут в любом другом журнале... А что касается нас... То, как вам сказать-то? Слишком уж явно у вас получается: там всё настоящее, а здесь — нет”.

А в нашем с вами мире говорят по-русски, живут трудно и как-то копошно, и любят свою землю независимо от того, водитель ты самосвала, руководитель завода электродатчиков для буровых (знаю такого) или библиотечкарь. А все эти далёкие-недалёкие для них не более, чем горстка дармоедов, ничего не знающая о своей стране и обслуживающая интересы книжных дельцов. И когда они открывают вашу книгу, из которой валит морозом и где рёв тягача мешается с колокольным звоном, то они начинают испытывать комплекс неполноценности: больно неуютно им на ваших просторах.

Я вас уверяю: вы талантливы, у вас прекрасный язык и глубокие характеры. У вас есть всё, и если добавить извиняющуюся улыбку — вы давно были бы с **НИМИ**. Но тогда... забько стало бы нам...” — голос Баскакова дрогнул.

— Хм, — с задумчивым удивлением сказала Леночка, — хорошее письмо. Что это за директор?

— С этого... забыл... Неважно... Важно, что тут и там — это география страны, а речь о географии духа, потому что линия раздела пролегает через души. А тот человек, который говорил, что там настоящее, а здесь нет, до сих пор ничего не понял. А простая женщина всё расставила по местам: важно не где ты, а с кем.

Лена пожала плечами.

— Всё равно, дело не только в них. В тебе тоже.

— Не понял. Ко мне-то какие вопросы? Обожди. Вот тут ещё один материал.

Леночка только пожала плечами.

— “Фарт — старинное промысловое слово”... — вступает Игорь Баскаков к своей книге с одноимённым названием. Вступает невозмутимо, будто не замечая, насколько архаично звучит такое вступление”, и те-те-те, — пропустил Баскаков. — “...Да, действительно, несусветными соболятниками и золотарями веет от этого слова. И пусть оно изначально и одесское блатное... “Но, — восклицает автор, — как же бесцеремонно выморозила из него Сибирь изначальный смысл и наполнила своим, трудовым, таёжным, народным!”

Почему же автор назвал так книгу? Ведь рассказ с одноимённым названием не является центральным. С него лишь начинается новый сборник прозы писателя.

Рассказ будто иллюстрирует народную мудрость, что худой человек хуже иного зверя. Построен он на анекдоте: “покость” росомаха, злейший враг охотника, “зарящая” ловушки, становится невольной его помощницей. Не в состоянии сожрать богато попавших соболей, росомаха зарывает их в снег и спасает от работяг-экспедишников, проезжавших по участку охотника на вездеходе и решивших проверить ловушки и собрать чужую пушнину.

Случай вопиющий, но, по-видимому, вполне реальный. Соболей потом находит охотник, распутав следы росомахи. Новая роль таёжной разбойницы по-своему забавна, а вот картина вымершего радиоэфира в тайге, когда звучит лишь китайская речь, наводит на грустные размышления. Для справки: несколько лет назад радиовещание ведущих станций убрали с обычных частот и перевели на ультракоротковолновый диапазон, доступный только в городах и их окрестностях.

Но автор будто предостерегает: “Пессимизма не будет! Не на тех напали!” — и тому пример невозмутимый и неунывающий Сан Саньч из рассказа “В лесу родилась ёлочка”. Под Новый год он отправился за ёлкой и провалился в ёмкость на территории расформированной военной части, откуда выбрался по всем правилам народной смекалки. И без пресловутых воспоминаний о не так прожитой жизни. А ведь перспектива не самая весёлая: пятьдесят градусов и звёздочки в круглой амбразуре над головой!

За бодрой новогодней “Ёлочкой” следует самый грустный в книге рассказ с говорящим названием “Последний путь”. В его основу взята традиция: когда несут умершего на кладбище, на дорогу бросают ветви пихты. Рассказ будто продолжает ряд “Последних”: “Свиданий”, “Срока” и “Поклона” и провозглашает “непоследность” и наследность всего последнего и одновременно расставляет литературные бакенá? Баскакова: Бунин, Астафьев, Распутин. Пересказывать рассказ бессмысленно и даже кощунственно. Но кратко, очень кратко фабула: одинокий и ещё очень крепкий пенсионер из северного посёлка знакомится по переписке с пожилой женщиной из-под краевого центра. В этом центре они и встречаются, и решают жить вместе: у Андрея Пальча на севере большой дом, хозяйство, да и руки крепкие — ни сетей в мороз не бояться, ни топора, ни лопаты. Галина Ивановна продаёт дом и участок, садится на паром и приезжает... на похороны. Тромбоэмболия лёгочной артерии... Пихтовыми ветками выстеленная дорога на кладбище. И отступление об этих ветках... Собственно, на образе этих веток и держится рассказ. А начинается с того, как рассказчик едет по зимнику, и зимник “из ходовой и безлюдной трассы превращается на короткое время в главную улицу посёлка, в которую вдруг впадает, вливается усыпанная пихтовыми ветками дорога, а потом так же неисповедимо её покидает. Ветки, стеклянно хрупкие на морозе, размолоты проехавшими “Уралами”. Кажется, будто их оборвало ураганом”... И снова освещённый фарами, укатанный сахарный зимник, по которому рассказчик едет дальше и вспоминает историю Андрей Пальча и Галины Ивановны. А финал такой: после похорон все идут на высокий речной угор. “А когда бескрайняя даль вытянула из глаз, приняла на серебряные свои плечи людское горе”, внучка Пальча, маленькая Алёнка взяла Галину Ивановну за руку и сказала: “Пойдём, бабушка, домой”.

“Последним путём” писатель будто подводит черту, кланяется в ноги учителям, и нарочито ученическая простота рассказа оправдывается строгейшей и родниково-чистой интонацией, в которой, как в куске нежно-голубого неба после грозы, есть что-то прощальное.

Рассказ с говорящим названием “Весы” про директора завода, разработавшего точнейшие весы для взвешивания вагонов, которые так и оказались не востребованы железной дорогой — точность никому не нужна.

“Вечный огонь” автор посвятил памяти Василия Шукшина. В мороз что-то случилось с подачей газа в Вечном огне на городском бульваре, а подвыпивший герой попытался устранить беспорядок и сунулся туда с зажигалкой. Газ рванул, и человек чуть не обгорел насмерть.

Герой рассказа “Дворник” — малоизвестный сочинитель, не участвующий в писательской жизни и живущий не то как святой, не то как юридивый, не то как солдат. Особого сюжета в рассказе нет, и держится он на финальном монологе, который не привожу, — прочитаете сами. А так — что можно сказать о герое? Живёт в попытках разобраться в происходящем с Россией, успокаивает себя примерами из других эпох, когда казалось, что Россия кончилась, “а она не кончалась, и только нынешнее положение казалось особым, и он не знал: собственные ли это сомнения в силе России, или по правде времена небывалые, требующие особой верности. И жил верно”.

“В проголландском самодурстве первого императора при всей безобразности поприания русского была своя рациональная, личная, а главное — понятная логика, в то время как нынешняя логика настолько спутана, что надежды на подъём внешней силы России становятся бессмысленными на фоне целенаправленной измены не только национальному и историческому, но порой и попросту здравомысленному”. Действительно, редкие времена порождали столько загадок, догадок и упреков власти в несамостоятельности.

Ну и, конечно, главное место в книге занимает повесть “Лестница”. Героем автор сделал священника, который возвращается в родной посёлок, где возводятся деревянный храм. Отец Александр участвует в заключительном этапе стройки: ему достаётся изготовление двухпролётной лестницы на колокольню. Желая увидеть выражение Православия в каждом штрихе жизни, он предлагает свой план лестницы: количество ступеней должно совпадать с числом заповедей Христианства и числом заповедей Блаженства. По проекту предполагается четырнадцать и тринадцать ступеней, а он хочет десять и девять. Строители против — отклонение от проекта. Начинается обсуждение с благочинным, который опасается, что такое совпадение будет означать поприание заповедей стопами, но отец Александр твердит, что совпадение не означает буквального уподобления ступеней заповедям, что количество ступеней будет просто по их числу. Отец Александр проявляет недюжинное упорство и убеждает благочинного, а строители попросту машут рукой: “Делай, как знаешь”. Времени мало, да и денег, как обычно, не хватает.

В рассказе подробно и с любовью описано, как батюшка работает, выбирает пахучие сосновые плахи на **косоуры**, как рассчитывает **проступь** (слова-то какие забытые, чудесные!), готовит каждую ступень, врезает. Даже как-то на ней сучочки...

Храм построен, и уже несколько лет идут службы. Помогает отцу Александру пономарь Геннадий и клирос, состоящий из нескольких женщин. Взаимоотношения отца Александра и церковных женщин составляют одну из линий повествования, в которое вмешивается одно событие: батюшка, однажды искупавшись в Катунь, заболел ангиной и получил осложнение на сердце. Здесь Баскаков остаётся верен себе — другой бы обязательно сделал батюшку ещё и спасителем тонущего ребёнка.

Сибирский климат, резкие перепады давления — нелёгкая доля выпадает отцу Александру, который особенно серьёзно относится к звону и нередко сам поднимается на колокольню. Однажды он едва не теряет сознание.

Мороз, Чуйский тракт с пронсящими тягачами. Батюшка, для которой служба в любой момент может превратиться в подвиг.

Финал составляет описание Рождественского богослужения, которое батюшка проводит один, потому что пономарь слёг с гриппом. “С вечера сильный мороз даванул, и тяжко батюшке — давление полезло, одышка”. Трудно говорить, не то что петь. И “как тропка, набитая по крепкому январскому снегу”, привычное размышление: остановить службу или нет? “Славная кончина для священника отдать Богу душу на службе”. И что верней: умереть или довести службу? И каково людям будет, если он... грохнет? Извечный вопрос: служение Богу и служение людям? Спасение своей души или спасение мира? И правомочно ли противопоставление?

Службу батюшка доводит и идёт звонить. Десятьнадцать непреодолимых ступеней. На каждой останавливается отдышаться. Вспоминает, как рубил их тем летом... видит каждый сучочек — как раз напротив лица... Никогда так внимательно не всматривался... в прошлое.

Поднимается на колокольню и начинает осторожно раззванивать промёрзшие колокола. И несётся по-над Катунью, над дивным Алтаем этот звон — звон жизни, звон победы духа над плотью, звон нового рождения человека и Рождества Христова. Прихожанки всё видят, всё понимают, и одна из них говорит тихонько: “Что-то отец Александр раззвонился сегодня...”

Таким образом, книга состоит из семи произведений, написанных породистым русским языком, с доскональным знанием народной лексики, в которой чуткие к слову сибиряки творчески преобразуют подчас нелепые реалии современной жизни. В рассказах даются правдивые образы... Отставить! Отставить, господа... Давайте лучше попробуем выписать в столбик содержание книги:

“Фарт”

“В лесу родилась ёлочка”

“Последний путь”

“Весы”

“Вечный огонь”

“Дворник”

“Лествица”.

Ничего не заметили? Чего? А того, что книга являет собой архетипическую лестницу, каждый пролёт которой символизирует ступени духовного становления личности. Человек ставящий ловушки (“Фарт”), человек, попадающий в ловушку (“В лесу родилась ёлочка”), дорога жизни и осознание конечности земной участи (“Последний путь”), взвешивание и, так сказать, обдумывание выбора пути (“Весы”), ну и... путь, наконец, выбран, состоялась передача огня (“Вечный огонь”), охрана огня (“Дворник”) и, наконец, образ лестницы, объединяющий практическое созидание и духовное восхождение. Вот такой предложил нам Игорь Баскаков ребус, и смысл его открывается только по прочтении книги, вектор которой можно сформулировать так: от слепой удачи к Божьему промыслу. Что ж, неплохо напромышлял наш автор безо всякой россомахи, так что теперь остаётся пожелать и самой книге литературного форта”.

— Хм. Кто это написал?

— Струкачёв.

— А ты разве... действительно так задумывал?

— Да вообще ни ухом... Ни духом.

— Интересно. Нда... — Лена покачала головой. — Не утро с мужем, а редколлегия альманаха “Бережок”...

Лена порылась в своём экранчике, а потом вдруг оторвалась, пристально посмотрела на Баскакова и сказала намеренно артистически и, что называется, нараспев:

— А скажи-ка, пожалуйста, как та статья называется? Про куничку. А? Фартовой ты мой! — Лена вскочила, подбежала и стала лупить Баскакова по круглой его голове: — Гад, гад, гад! Говори, подсевинок, ведь ты это написал?! Ты? Ты? Надул, как дуру. Какой ты твёрдый, чу-гу-няка! Руку отбила... Та-ак... — Лена открыла рот и остолбенела... — А библиотечка? А этот Стручков?! От ведь овечка!

— Да я разве так напишу? Я просто к чему всё это вёл, — начал отворачивать Баскаков, — к этой премии! Что даже хорошо, что не дали, на кой леший она спёрлась, эта премия? Ну вот скажи! Скажи, зачем она нам нужна? Прямо по пунктам, один, два, три... Давай только серьёзно...

— Ты что, придуриваешься?

— Я не придуриваюсь. Мне по правде интересно.

— Прись... — фыркнула Леночка. — Но только серьёзно. Да?

— Да.

Она снова подошла, стала Баскакову за спину, занесла кулачок над круглой баскаковской головой и стала объявлять, на каждом слове отстукивая по черепу, как по кафедре:

— Во-первых (удар), тебя (удар) пустят к трибуне. — На слове “трибуна” она треснула особенно сильно. — Во-вторых, о твоей книге на всю

страну объявят в новостях. В-третьих, тебя будут печатать в совсем иных количествах. И, в-четвёртых, тебя будут переводить.

— Хорошо, — покладисто сказал Баскаков. — Редколлегии не повториться. Но раз так — я тебя сейчас разнесу по всем кочкам. На спор? На что спорим?

— Кто проигрывает — моет посуду.

— Не-е-е... — таинственно-тихо, умудрённо и немного по-ягн्याчи проблеял Баскаков и помотал головой. — Не так. Если я выигрываю, я сколько хочу завариваю чай в кружках и говорю старинные слова.

— Не-е-е... — в свою очередь проблеяла Леночка. — Если ты проигрываешь, то покупаешь мне...

Баскаков насторожился. Лена, глядя куда-то впереди себя и чуть улыбаясь, произнесла негромко и отчётливо:

— Посуду... моечную... машину. — И протянула ручку: — Идёт?

— Ладно, — пожал плечами Баскаков.

— Но только все четыре позиции. Я их записываю.

— Да. И спор заканчиваем *одним разом*. Без переносов на вечер. Вот... — он посмотрел на стену, — до двенадцати. И без этих... А то я тебя знаю. Начнёшь юлить. И речь *только* о книге “Фарт”, выставленной издательством на премию.

— Что-то многовато условий. Ладно. Согласна. Только тогда... э-э-э... шестьдесят на восемьдесят пять. На двенадцать комплектов. — И добавила полувопросительно-поуутвердительно: — С йонообменником и... предполоскателем.

— Ладно, с полоскателем. Ну что, поехали? Что у нас там? Трибуна. Кхе-кхе. Чтобы попасть к трибуне....

— Стоп-стоп-стоп! — закричала Леночка. — А если два на два ляжет? Что я скажу: отпилите мне закрешинки?

— Так... Ну да... — Баскаков сморщился и сосредоточенно почесал у глаза. Такое выражение у него было, когда приходилось соглашаться, подозревая о подвохе. — Тогда придумывай пятое достоинство премии!

— Да запросто.

— Ну-ну. А я пока подумаю. Только давай... не тяни резину...

Леночка было открыла рот, но задумалась, а потом сказала:

— Ну... это повысит твою репутацию среди литераторов.

— Ничего подобного. Наоборот, все только отвернутся. Скажут: “Да-а-а, Баскаков... Чо-т-то в фаворе ты у либералишек”.

— Так-так-так... — Лена не на шутку нахмурилась. — Ладно, я пока посижу... — Покачала головой: — Анекдот. Не знаем, на кой премия!

Лена, сидела, кряхтела. Бледенькая, сероглазая, посмотрела на Баскакова с беспомощной улыбкой, так что губка завернулась, а когда легла на место, над ней зарозовела поперечная рисочка. И вдруг хлопнула себя по лбу, подскочила:

— Овцизна! Мы же деньги получим!

— Ну да, — сосредоточенно сказал Баскаков и подумал о том, что, если большой тираж ещё можно вывести в нищью, то тут явный гол. — Ладно, поехали.

И начал говорить медленно и будто диктовать:

— Для того, чтобы попасть к трибуне, не надо получать премии — раз, — сказал он аукционно, и вдруг крикнул, взглянув на Лену: — Стоять! При чём тут пятая позиция? Мы разве с ничьими играем! Я же должен всё отспорить. Чо ты тут путаешь сидишь!

Леночка помалкивала.

— Убирай давай пятую позицию к бабайм, — быстро сказал Баскаков.

— Что-о-о-о? А что это я её буду убирать, когда эта самая главная, можно сказать, единственная даже позиция, остальные так... абстракции. Ничего мы не будем убирать. Шевели давай полушарьями или... сразу мойку гони!

— Ладно, — будто предупредил Баскаков и снова задиктовал: — Дорогу к трибуне надо *строить*, и это отдельная работа — два. И коло трибуны надо жить — три! И это ты сама мне говорила, когда подбивала свалить в

Москву, — четыре. А пять: для настоящей художественной прозы нужен заговор. Ну что — один ноль?

— Ну, допустим, — согласилась Леночка. Она была полностью уверена в тиражном, переводческом и финансовом пункте и опасалась только неожиданной помехи, вроде каких-нибудь гостей или аварийного фортепьяно Подчасовой, которая сидела на даче неподалёку. Поэтому, зная риторические способности Баскакова, она рвалась к беспроектной дальней части.

— Что у нас там дальше? — развязно спросил Баскаков и почесал спину о стул.

— Тебя покажут по телевидению в новостях, ты попадёшь в... медиа-пространство, то есть будешь на слуху, и все коммерческие структуры заинтересуются тобой и предложат сотрудничество...

— Ерунда. Раз показали и забыли. Чтобы быть на слуху, нужно из кожи лезть и напоминать о себе. И сколько сейчас знаменитых людей, которых и близко к телевизору не подпускают! Самый несерьёзный из доводов. Плюс тебе всё равно не дадут сказать, что думаешь. А если сдуру дадут, то так смонтируют твоё выступление, что будешь конченный обалдён. Принимаешь?

— С натяжкой.

— Так-то. С этим разделались. Что у нас? Переводы. Дак вот, я категорически...

— ...Подожди! Какие переводы? Что ты прыгаешь? Сейчас третья позиция — большие тиражи.

— Я хочу сначала с самыми трудными разобраться. Пока не устал. А потом уже со всякой ерундой.

— Ты жухлишь!

— Не понял. Мы разве договаривались, что я обязательно по порядку иду? Ну, и всё. Так вот, я категорически... — он снова задиктовал, — против перевода на европейские языки вещей, где есть рассуждения о состоянии сегодняшнего общества в России.

— Почему?

— Потому что не хочу выносить сор из избы.

— Что за сор такой?

— Ты не знаешь, что такое сор? Объясню. Муж пришёл с праздника с подвыпившими друзьями. Жена вместо того, чтоб улыбнуться и накрыть стол, устроила скандал. Сначала фыркнула. Потом бумкнула пару тарелок с закусками. И вышла. Муж попросил как-то... ну, поприветливей быть. А та, не стесняясь малознакомых людей, начала кричать, припоминать что-то совсем личное, что только их касается... и...

— Ну, она просто невоспитанная.

— Ну вот. Значит, за границей большой спрос на невоспитанных писателей из России.

— При чём тут граница? Это всё на их территории было. Незачёт.

— Ладно, — тонко и покладисто сказал Баскаков, — давай так. Мужик пил два дня, баба бузила, получила в нюх... — и Баскаков сменил тон на эпический: — Но вот нужно идти в гости к соседям. Те — обеспеченные, надутые и жадные до чужого горя люди, с которыми натянутые отношения. Оба причипуриваются, пшикаются и идут. А там уже сидит такой вертлявый и падкий на закуску обмороч, который пришёл без жены, потому что её стесняется, но зато жрёт за двоих и рассказывает, какая скотина тёща...

Лена закатила глаза, шумно выдохнула и резанула:

— Ну, и сиди на своём соре задницей. Может, чо высидишь. Только когда ты узнаешь, кто на Западе из русских писателей в почёте, ты сам в обмороч рухнешь! Обмороч... — она покачала головой.

— Лена, — сказал Баскаков твёрдо, — ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Да. Я склоняюсь перед твоим доводом, он сильный, но всё равно — есть вещи... — и махнул рукой. — Я вообще не ставил цели переводиться, мне наш читатель в сто раз важнее. Ну, смешно это всё в переводе звучит, дико, ей-Богу! И половина смысла пропадает.

— Кажется, немец один сказал, что всё, что в книге непереводимо, можно оставить за скобками.

— Ты знаешь, оно может и так... — покладисто и не спеша заговорил Баскаков, — но есть Достоевский и Чехов, — и он продолжил, понизив тон, — а есть Лесков и Бунин...

Лена стрельнула глазами на часы, как урядник из “Захара Воробьёва”.

— Хотя немец, может, и прав. Но кроме одного-единственного случая, знаешь, какого?

Лена вопросительно подняла лицо.

— Когда язык... является... главным... героем... повествования, — непробиваемо сказал Баскаков, на каждом слове глубоко кивая головой. И продолжил: — Хотя я согласен, что надо распространять за границей образ мощной России, и буду над этим работать!

— Ты баскак, Бара...

— Я не Баранов! — закатился Баскаков.

— Ты баран, Баскаков! Я жалею, что с тобой связалась. Хотя уже поздно. Чо ты резину тянешь? Ну, чо? Чо там у нас с тиражами?

— Большие тиражи не дают совершенно ничего, — нагло вывел Баскаков. — Помнишь, что мне сказали про путевой крест на обложке книги? Что крест, стоящий у дороги, “у части покупателей может вызвать негативную ассоциацию с авариями на дорогах”. Полный бред. Хотя у выживающих людей возможны фобии на почве борьбы за коммерческий эффект... Так вот, внимание, уделяемое обложке, говорит о том, что покупателя завлекают. То есть предполагаются случайные читатели, которые, позарившись на эффектный вид, книгу купят, а читать, возможно, и не станут. Разве только первые страницы. И количество этих обманутых читателей тем больше, чем больше что?..

Лена уже не отвечала.

— ...Совершенно верно — чем больше тираж. Поэтому количество тиража совершенно не означает, что произведение достигло цели, то есть подержало страждущего или изменило его душу. Следовательно, небольшой тираж — верный способ защитить покупателя от обмана, а страну — от растраты бумаги. Ведь это всё-таки ле-е-е-с... а не Бабы-Манин-малинник... — протянул Баскаков. — Поэтому я бы обязал издателей: для всех книг — белую обложку. И без букв. Купил — и купил. Зато честно.

— Чуть собачья. Незачёт. Да и там тоже незачёт. Я сразу не сообразила... Чо ты мне втирал с этими переводами? Про сор из избы...

— Я всё чётко разложил. И про сор. И про сыр. И про бор, который на бумагу скосят.

— Какой сыр? — Леночка начала раздражаться. — Ты что, серьёзно? Баскаков, я просто поражаюсь! Как можно быть таким тонким в книгах — и в жизни таким стоеросовым! Ты же знаешь, что всё сложнее! Если художник начинает жеманничать, что-то скрывать, занимается оглядками — ему полный кириндык. Литература — это не застолье! Это исповедь.

— Да перед кем исповедь-то? — рывкнул и махнул рукой Баскаков. — Перед соседями? Не мечи бисер...

Вдруг зазвонил телефон Баскакова.

— Кбво лешего несёт! — взорвалась Леночка.

— Перед свиньями... Да, на связи, братка, — собранно заговорил Баскаков. — Дома. Да погоди ты! — прицыкнул он на Лену, прикрыв трубку. — Едрё-ё-ё-ё-ный пуп! Ну, вы даёте. Кто же так делает? Только с ключа сейчас. Да, на мази... По-моему, даже заправленная. Добро. А куда вы денетесь! Х-хе. Давай.

— Скажи — не можешь!.. — вскричала в отчаянии Леночка. — Заболел свинкой!

Сор из избы

Позвонил Костя Чебунин и сказал, что у него Михайловы проездом из Сросток, что Тане Михайловой нужно срочно в Прокопьевск и что машину заводили в мороз с сигналки и, по-видимому, залили. Баскаков сгрёб брезент и паяльную лампу и ушёл на подмогу.

Костя Чебунин жил на обособленном отъярке, отделённым двумя оврагами, где морозный ветер задувал и закручивал особенно свирепо. Когда-то Костя привёз с карьера серого гранита и увалил им угор. Машина — серо-стылого цвета “сурф” — стоял на этих камнях, немного вверх мордой, как памятник самосвалу у гидростанции или Колькиной “аме” на Чуйском.

У Кости шла гулянка. С Михайловыми приехал ещё здоровенный казачина в штанах с лампасами и синем бешмете. У него были широченные щёки и сложного устройства растительность: густые усы с подусниками и щетинистое щёчное поле; они соседствовали, как лес и тальники. Сам весь пышущий, сопящий — целый завод. Такие обильные, грузные люди устроены трудней обычных, кажется, им нужны особые механизмы для управления массой. Своя гидравлика, пневматика... То потом покроется, как градирия, то остынет, стравит пар.

Компания моментально попытались заткнуть Баскакова за стол, но он отказался и пошёл работать. Вывалили на подмогу — Баскаков прогнал, чтобы не мешались, и оставил только Костю — помочь обвесить машину брезентом. А вскоре и его отправил:

— Иди гостей развлекай. Надо будет — позову.

— Ну, а...

— Не-не-не... Я не пью до Праздника. Давай-давай... Не отвечивай тут. Хе...

Уже нагнало мутно-сизую хмарь, но мороз не спешил сдавать. Всё было серо-чёрно-белым. Судорожно дрожала выдутая травка. Ветер драл брезент с ружейным хлопаньем. У Кости топились баня и дым срывало с искрами и наваливало на Баскакова, добавляя беспорядка... Спрятавшись за ветром с паялкой, попытался налить бензин в ванночку — игольно-тонкая струйка засеребрилась бодро, но тут же заметалась, плоско скособочилась и опала. Баскаков плюнул и пошёл к Косте за проволочкой. Там будто намагничено было, чтоб его зазвать: все разом обернулись и с горластой силой потянули за стол. Он каменнороже вызвал Костю, и тот нашёл кусок многожильного провода. Зачистил ножиком. Обнажённые жилки замахрились, как кисточка. Баскаков снова нырнул в упругий и обжигающий ветер и засел с паялкой. Перчатки мешали, и пришлось с одной руки снять. Мокрая от бензина, она резиново тянулась.

Проволочный венчик был из сталистых волосин. Анестезия бензина и ветра так сильно работала, что он не заметил, как наколол палец, стыло-чужой. Долго попадал в отверстие форсуночки, но, наконец, прочистил, и бензин брызнул родниковой нитяной струйкой и наполнил копчёную ванночку. Кровь кашнула и разбежалась по детгарному озерцу. Баскаков поджёт. Кольхаясь, рыжее пламя затрепетало, наконец, и форсунка запела турбинно — сначала плевалась длинным рыжим хвостом, потом рыжину подобрала и осталась прозрачная синева у сопла, побелевшего до солевой седины. Чем жарче, тем незримей. Установил лампу под машину, завесил юбку, долго поправлял её на звереющем ветру. Стянул перчатку со второй руки — пальцы-крючки не чувствовали. Загрёб снегу и стал растирать. Сел в проколевший салон. Глянул на мёртвый бортовой экранчик, потом на свои руки: смесь крови, копоты и снега.

Едва отогрелся, полез проверять лампу. Мелкий, еле сеющийся снежок рябел на фоне серого гранита. Лампа ракетно гудела, под машиной за юбкой было жарко и чадно. Но не оставишь без присмотра. И снова сидел в ледяном салоне и думал о чувстве границы. Где-нибудь в тайге нет подмоги, а тут вот она — за дверью. А так же недосыгаема. Самое трудное — в миру рубеж держать.

Баскаков уже открыл капот и вывинчивал свечи, жалея, что не огрел стопарёк самогонки. Отошедшие пальцы ломило. Ветер пронизывал насквозь, и он чувствовал себя огромным беспомощным ситом.

— Соседушка, не побрезгуй! — вдруг раздался громовой окрик, и на крыльцо вывалил без шапки и в бешмете широченный казачина с подносом и белым в красный ромб рушником. — Не отврати! — С подноса ветер урвал кусок хлеба. Повалилась бутылка. Подошел к Баскакову, он пал на колени с криком:

— Не отвори лице и не отрини... ибо не врази! Не врази, но муж строг пришед сквозь мраз и ветер дасти (он пробасил именно “скрозь” и “дасти”) радость и веселие заколевшему в расселинах каменных. Ибо сказано в Писании: “Кто аще препоясан силою духа новосибирскаго и тузлчинскаго к землям проколевшим и снегоукрашенным, тот, восстав, яко кедр, возвёл на сей яр огнедышащую Евлампию... — Ломящий ветер попытался вдавить сказанное обратно ему в горло, широченное, как дымоход, но он будто выюшку перекрыл и, отдышавшись, открыл вновь и с пылом завёл: — И силой её упования затеплил... — он увидел в руке Баскакова свечи, — затеплил сии свечи, вдунув в них искру Божию и долгожданную!” Прости, Господи!

— Ша, мужики, маленько осталось! Тащите аккумулятор! Надо ещё форсунок отцепить! — пригибаясь от ветра, прокричал Баскаков. Его больше всего волновало, заведётся или нет. Мужики были в защитном хмельном красносиянии, жар держали и могли ещё с пару минут простоять, но уже стыли с выступающих частей:

— Уйми гордыню, сын мой! — рявкнул казачина. — Не уподобься нисходящим в ров... Угаси шатания духа и прими сию... — он хотел сказать и “чашу”, и одновременно “чарку”, — чару... Чару сию... — И сам засмеялся: — Чару... — он уже торжественно держал это нежданно добытое слово. — И да будет чара сия чревосогревна, благоутробна и душеутешиста!

В ту же минуту, чуть прихрамывая, подбежал с гармонью Юрка Михайлов в папаче, и оба загремели:

*По горам Карпа-а-атским метелица вьё-ё-ётся,
Сильные моро-о-озы зимою трещать...*

Баскаков сглотил стопку самогонки, закусил сжавшимся огурчиком. Поставили аккумулятор, он продул двигатель. И теперь жарил свечи. Надо было попасть в гнезда, в резьбу, вставить в ключ, и он еле терпел пальцами, держа раскалённую свечу, и через неё грелось всё тело, и пятки благодарно оживали. Это было обратно тому, как втекал холод в дом через заиндевелые дверные болты. Машина со второго раза, сотрясаясь, завелась.

— Пускай греется! — победно вскрикнул Баскаков, и все рванули в дом, где в него вкатили целую череду стопарей, которые, накопясь, лезли без очереди и будто ревнуя друг друга.

Запели. Казачина, которого все звали Добрынечкой, время от времени взрыкивал: “Четвертя надо брать спокойней!” Баскаков глянул на часы:

— Мужики, мне домой надо!

— Братка, мы отвезём.

— Никого не повезём! — сказал Михайлов. — Пойдём по селу, как положено! С гармошкой.

Костя предусмотрительно остался. По приближающимся звукам и истошному лаю Лена всё поняла.

*Колыванским ящичкам он руку жал,
А на площади его уж унтер ждал...*

Добрынечка так и ввалился с подносом и рушником. На подносе стайно взгромыхнули стопки:

— Мир вашему дому. Как ночевала, хозяйка?

— Слава Богу, — холодно отозвалась Лена. — Игорь, я не поняла.

— Лен, завели, причём со второго раза! — восторженно воскликнул Баскаков. — Собери нам чо-нибудь похрюпать.

— Ты не забыл, куда нам завтра? — И добавила с прохладным недоумением: — Ну, проходите...

Ленино недовольство угрожало победной волне, и он сказал увесисто:

— Собери на стол, не видишь, люди пришли.

— Игорь, ты на себя смотрел?

Добрынечка выдвинулся, защищая Баскакова:

— Не смей, юница, преко... глаголить мужу... э-э-э... во мраз и хлад воздувшего вторую жись стальному онагру, что, сложив копыта, возлѣг обессилев... Огромное извините! — с недоумением сказал он упавшей вешалке. — Мужу! — строго подняв палец, сочно повторил Добрынечка, видимо наслаждаясь тем, что слово “муж” работало и в прямом, и одновременно в высоком смысле. По-самолѣтному посадив поднос на стол и разбрызгивая самогон, он наполнил стопки: — Елена! Сию чару подними с нами во знак *го-сте-при-им-ства*. Ибо скудорадушие есть тяжкий грех, подобный волку, грызущему душу, и да будет он звероуловлен в самом корне адамовом и завулоновом!

Вздымаясь и пыша, отекая с заиндевелых усов, становясь всё более красноречивым и сложносочинѣнным, он сказал громогласно и уважительно:

— Не будем глядеть на сей стол, яко овн на новоизлаженные воротья! За этот дом, стоящий на взлора... на взороласкающим взлобье! Да посетит его лихва и минует лихо. За тебя, жена! — обратился он к Лене. — Будь глазоприглядна, лобзообильна и плодовита, ибо придѣт время, и сыновья твои, взлобзя... взрастя в гобзях... — он тяжело замер, тряхнул головой и громко продекламировал: — *Взрастя* в лесах и куцах, гобзящих дичью, добудут еленя и вепря и сокрушат кедры, а мы распротрѣм... тучные телеса свои как... э-э-э, — прорычал он с досадой, — как насаждения масличныя окрест трапезы твоея!

— Вешалку вы уже сокрушили... Так что кедрями не обойдѣтся... — проворчала Лена.

— И словеса твои нам же в притчу! Сей самогон настоен на кедровой шишке, *младой и мягкой, аки ананас*. Снятой с самой верхушки и рассечѣнной начетверо шашкой...

— Так! — сказал по-хозяйски Баскаков. — Где... хлеб у нас?

Он сильно отяжелел и казался подбитее мужиков...

— Там же, где тестомес! — отрезала Лена и, бумкнув на стол тарелки с капустой и солѣными помидорами, вышла в соседнюю комнату.

— Что за тестомес?! — живейше поинтересовался Добрынечка.

Лена всё слышала и тут же открыла дверь, словно сидела в скраде:

— Да это не к вам претензия! Тут год назад тестомес потеряли, а хозяин новую хлебопечку до сих пор покупает. А я в магазин не ходила. Сильно холодно. Извините, — и снова ушла в скрадок.

Баскакову хотелось, чтобы Лена восседала с ними за столом, чтоб всё было честь по-честь, и он пошѣл к Лене.

Едва она увидела Баскакова, глаза её набрякли слезами, и она закричала:

— Не подходи ко мне! Не подходи!

— А ну, дура, перестань вопить! — ледяно взрычал Баскаков. — Не видишь, к нам люди пришли!

— Что?! Что ты наделал! Ты не представляешь, что ты наделал! — закричала Лена. Глаза у неё наполнились смесью ненависти и слѣз. Вокруг глаз тоже вспухло, отѣчно очертились мешки. Он протянул руку, но она отшатнулась, вся напружиненная, дрожащая. Ненавидящие глаза ослепили Баскакова. Он продолжал на неё надвигаться, и она выскочила обратно в гостиную.

— Препознавательно! — удивился тучный Добрынечка. — У нас в левой кухне тестомес был — весьма плугоподобен! В толк не возьму, как возможно гостеприимной хозяйке потерять сие орало. Разве славный подбесаул Шлыков перековал его на меч-кладенец иль востросекущую шашку!

Подойдя вплотную к Лене, Баскаков сказал негромко и твёрдо:

— Изволь, девушка, быть с гостями и принимать их, как подобает хозяйке!

Ленины глаза снова наполнились слезами и ненавистью, и она закричала:

— Пошѣл вон от меня!

— Счастье, девица, не в тестомесе, а в семейном согласии, — сказал Добрынечка.

— Да что ж это? — в растерянности воскликнул Михалыч и развѣл руками.

— А я объясню, — демонстративно громко сказал Баскаков. — Тестомес, о котором... крикоглаголила гостеприимная и мужепокорная фемина,

был славным подьесаулом Шлыковым... звероуловлен и ликвидирован, как самое басурманское изобретение — хозяйке в наущенье, ибо несть на земле Сибирской и Среднерусской тестомеса душеласкательней, нежели ея заботливые длани!

— Та-а-ак!

— Ввиду же того, что хлебостряпательная автомашинка была, э-э-э... наиредчайшей... э-э-э... разновидности, то достать необходимый тестомес было решительно невозможно. Покупку же нового механизма я не только... ик... не благоприблизил, а исключил вовсе, дабы не вносить в жилище устройство, содержащее в себе кратнопомянутый тестомес как предмет семейного раздора.

В этот миг Елена вышла на середину зала с любимым баскаковским фарфоровым электрическим чайником, привезённым из Китая, и сказала:

— Если ты сейчас не замолчишь, я его расшибу.

— И в урок бабе, которое как эсь существо неразумное и более способна жужжать про тестомес, аки песия муха, нежели чем э-э-э... настропо... искуситься стряпать хлеб у духовом шкапчике.

Лена с размаху шарахнула чайник и выбежала, хлопнув дверью.

— За сходную мизансцену я был изгнан из Мариинского театра “Жёлтое окошко”, — сокрушённо провозгласил Добрынечка.

Михайлов просто очень горько наморщился. А Баскаков с ещё большей невозмутимостью продолжал:

— Сие было истолковано моей супругою особенно превратно. Наливай, Добрыня, ввиду ожидания... э-э-э действия, ответного вручению... ею... мне, — Баскаков забуксовал, — в дар телефона, с жинко... с жидкокристаллическою Нинкою, внесшей в наш уклад не менее раздора, чем многожды указанный тестомес. Потому как Нинка, желая навредить и ревнуя меня к вышеуказанной особе... не раз истолковывала сие слово превратным образом... гобзуя сомнительной лексикой и внося смуту в и так непростые отношения... И теперь... “Между нами молчанья равнина и запутанность сложных узлов”... Телефонная девушка Нина, как ты много попортила слов! Давай, Михалыч, песню!

Михалыч дал. И не одну. Вдруг Баскаков насторожился и ринулся на улицу. Михалыч с Добрынечкой тоже выскочили и увидели спину Баскакова, бегущего в тапочках к воротьям. Ворота́ были открыты, и за ними стояла Ленина машина. Машина была праворукой: правая дверь открылась и из неё показалась нога в остром сапоге. Лена хотела закрыть ворота, но, увидев Баскакова, захлопнула дверь и уехала.

Михалыч аккуратно свернул гулянку, организовал шадящий ступенчатый посорок и увёл сопящего Добрынечку.

Баскаков пошёл в ванную. “Чтоб буйну головушку в курган да не сложить!” — пропел он и посмотрел в зеркало. Вид был чужой, страшный, глаза набрякшие, тяжёлые, старые. Лицо в мешках и складках. Краем души он надеялся, что Лена одумается и извинится за полные ненависти глаза и крик: “Пошёл вон!”... Пискнула Нинка — она писала: “Подключите новый тариф “Жужжите с нами”.

— Жужжи дальше! — сказал Баскаков и шарахнул телефон о кафельный пол. Полетели чёрные осколки, отскочила мощная плоская батарейка, тёмно-серебристая и будто подкопчённая.

Баскаков проснулся в четыре утра. Почти мгновенно его настигло и пригвоздило произошедшее, но какую-то долю секунды он всплывал из небытия, и неомрачённая и счастливая эта доля была страшнее всего: она будто показывала, как мгновенно может рухнуть то, что строят годами.

Остановка

Лена рванула к Подчасовой.

В мороз дорога, что называется, потеет, поэтому, несмотря на всё душевное сотрясение, Лена ехала аккуратно, зная, что ледяная корочка может

быть настолько тонкой и незаметной, что из машины выйдешь и ноги разъедутся. Баскаков учил, выбравшись на дорогу, притормозить и понять, насколько скользко. На трассе никого не было, Лена притормозила, и тут же противно заскворчала абээска*.

Да он и виден был — белёсый налёт. “Надо будет ещё попробовать”, — подумала Лена, и вскоре снова поглядела в зеркала и попробовала дорогу, и снова с царапающим скрежетом отозвались колёса... Слово “пробовать” будто прорвало обиду, объяснило: “Да! Он будто пробует! Как будто меня пробует на терпение... На скольжение — сорвусь или нет в занос? Зачем он так делает? — Лена закусила нижнюю губку, и опять полились слёзы. — Да, мир мужской, никуда не денешься. Это понятно. И если женщина приходит в ярость, то по единственной причине: от слабости. Оттого, что ничего не может с собой поделаться. А он знает эту позорную особенность... и продолжает, и продолжает! Да он вообще... какой-то... дикий...”

Баскаков, когда ухаживал за Леной, старался быть галантным, водил в рестораны и театры, возил в Горный Алтай на всякие “Серебряные Родники” и “Бирюзовые Катунь”. Потом, правда, выяснилось два обстоятельства. Первое: он не умеет отдыхать и единственное, что может, — нестись на машине в Горный Алтай. Лена мечтала пожить под соснами на берегу Катунь, на базе с душем, а он тащил её в самую голо-каменистую даль или загонял в комары на север Телецкого озера, куда пробирался в окружную по Улаганскому тракту. Уланское плато почти отвесно обрывалось над долиной Чульшмана, лежащего внизу тёмно-зелёной лентой. К нему по крутейшему склону вёл грунтовый серпантин, похожий на белёсую многоугольную молнию. Баскаков сажал Лену за руль и заставлял позировать у истрелянной из карабина таблички “Будьте предельно осторожны. Начинается горный перевал Катунь-Ярык. Протяжённость 3,5 км”.

А во-вторых, Баскаков менялся с такой скоростью, что Лена еле успевала к нему приспособливаться. И настолько продолжал при ней выковываться, что она то восторгалась им, то чувствовала себя надуренной.

“И ведь знает, что нельзя меня вводить в это состояние, что мне трудно, я же... у бабушки спрашивала... И ста... и стараюсь, но срываюсь”. Она то успокаивалась, то её снова окатывало: “Ну, как же он мог после всего, после исповеди, перед Причастием?”

По тому, как её все обгоняли, Лена понимала, что перебарщивает с осторожностью. Асфальт был тёмный, и она потихоньку осмелела, и тоже обогнала грузовичок. Её мощно оплыла чёрная леворукая “камрюха”, и ей представился её водитель: лет сорока самоуверенный мужичок, умеренно деловой, умеренно народный, умеренно лиходеистый. Умеренные матерки и холёные щёки. Она даже в соревнование вступила с ним, чуть поддала и, почувствовав уверенность, с налёту обошла девчонку на красном “фунтике”.

“Камрюху” уже не было видно, как вдруг левый поворот, в который входила Лена, оказался круче, чем выглядел издали. Что она разогналась, выяснилось, когда увидела снежную кашку вдоль загибающейся обочины. Всем телом Лена почувствовала хрупкость полёта по заледенелой дороге, и что одно движение рулём — конец. Слитая с машиной, она вынужденно повторила изгиб, и тут её нечеловечески-размашистым рывком бросило на встречку, и так же размашисто вернуло обратно. Ей показалась, что она было поймала машину, но её снова неистово рвануло. Это был второй вылет и второй возврат. Пронзённую ужасом, её кидало, как камень на верёвке. И уже резче, сильней подножка, и на четвёртом рывке её совсем заломило к дороге и понесло на левую обочину. Там было расширение дороги, площадка, у которой стояла под углом автобусная остановка без крыши, с приваленным гофрированным железом — её, видимо, ремонтировали. Лена вскользачку пропахала передком вдоль железа, снесла боковую стойку остановки и завалилась на бок на снежном пятачке, куда дорожники грейдером сгребали снег. Будто специально пятачок был завален снегом и имел свой

* Абээска (АБС) — антиблокировочная система, предотвращающая блокировку колёс тормозами и потерю управляемости машиной.

подъём, гнездом выступая над откосом. Машина завалилась неестественно мягко, и теперь лежала на правом боку. Лена оказалась внизу. Продолжал работать мотор и играла музыка. Трясущейся рукой Лена не сразу нашарила и повернула ключ. Сверху открылась дверь:

— Живые?

— Живые, живые... — ответила Лена и протянула руку.

Напротив остановки стояла кафешка, из которой и выбежал пожилой мужичок. Лена выбралась. Машина лежала на крепком комковатом снегу. Передок был разбит: бампер разлетелся на куски, валялись обломки решётки и номер. Зашла сбоку: точно, смято крыло и, точно, передняя дверь. Задняя — непонятно.

Мгновенно остановился чёрный “прадик”. Вышли отец с сыном, какие-то стремительно отзывчивые. Парень тут же подобрал номер: “На, убери! Так. Рамка! Давай собирай бампер! — крикнул он чуть ли не весело. — Спасается! Всё собирай только! Туманка вот. Она денег стоит. Батя, строп давай. Да это место такое... Здесь сколько побились, знак-то стоит поворот, а чо толку, туда надо “сорок” ставить”.

“Так, куда цепляем”... Зацепили Лениного “тэриоса”, но “прад” забуксовал. “Да бесполезно. Надо “КамАЗа” грузёного”. Навстречу ехал яркий дорожный “КамАЗ” с ножом и посыпалкой. Лена бросилась, замаха-ла рукой. “КамАЗ” остановился, вылез мужичок, буркнул: “Так-то сообщить надо, это ж дэтэпэ”, — мощно и проворно попятил огромный “КамАЗ”, зацепил стропу. “Прадовский” парень по-флотски сруководил выбором слабьны: “Набей!” — и махнул. “КамАЗ” мгновенно поставил “тэрика”, игрушеч-но подпрыгнувшего. Лена для порядка крикнула: “Что-то должна?” — а мужик только отмахнулся и уехал.

Лена осмотрела потери: вдавленное крыло, вдавленная передняя дверь, вторая дверь помята, но несильно.

— Ну, заводи, — сказал парень.

Мятая возле петли дверь не открывалась до конца, Лена протиснулась и повернула ключ — машина завелась.

— От-т японец! — восторженно крикнул парень. — Ну чо, помощь не нужна больше?

— Всё! Спасибо вам!

Лена села в “тэрик”, переехала на другую сторону дороги, остановилась и позвонила Игорю. Телефон был выключен. Набрала Подчасову, сказала, что машину разбила. “Ну, да доеду потихонечку”, — и едва собралась отды-шаться и успокоиться, как увидела медленно едущий милицейский “уазик”. “Сообщил кто-то. Надо было дёргать сразу. Курятина!”

Вышли двое.

— Ну, что у вас? Почему не сообщили? У вас дэтэпэ.

— Да какое дэтэпэ?

— Как какое? Вы уехали с места дэтэпэ. А это что? — ткнул гаишник на капот — на его обресе зеленела краской вмятина от стойки. — Тем бо-лее камера вон, — он указал на кафешку, и Лена не знала, на пушку берёт или по правде камера. — И след вот... — он кивнул на след “тэрика”, пе-ресекающий дорогу от остановки.

Пошли к остановке. Асфальт был покрыт тонкой и чёрной, как лак, мел-ко-пузырчатой плёнкой. Лена поскользнулась, но удержалась и прочертила стальным каблучком полосу. Белую, с крошкой.

— Да вот... — подняв осколок бампера, полууворительно-полупрезри-тельно хмыкнул милиционер. — Повезло ещё... — и покачал головой. — Пойдёмте в машину.

Сели в “уазик”, показавшийся допотопным, прямым каким-то, трактор-но-железным, пахучим. Лена оказалась спереди на пассажирском сидении.

— Документы.

Посмотрели, положили на панель.

— Ну что? Права забираем...

— А как же?..

— Суд будет решать. Вы с места дэтэпэ скрылись.

— Ребят, ну... ладно вам. Может... Ну, вы видите, — её трясло. — Честно, я с мужем разругалась. Муж мой Баскаков... писатель. Слышали, наверно.

Они переглянулись неопределённо.

— Погодите, я сейчас вернусь. — Лена сбегала за книжкой, которые у них на такой случай всегда лежали в машине: — Вот.

— “Фарт”... — недоумённо хмыкнул гаишник.

— Да уж подфартило... Ну, может, как-то... это? Он, главное, телефон выключил! Разругались ещё... вдребезги... — у Лены задрожал подбородок...

Мужики ещё раз переглянулись.

— Вы же остановку вон поломали.

Лейтенант вздохнул долгим вдохом и таким же ровным голосом, как уличал её в аварии, сказал:

— Давайте так, сейчас звоним в бригаду. Они приедут, будете с ними разбираться, сколько там за ущерб.

Полчаса протянулись пыткой. Наконец, показалась “газель” с двойной кабиной, там сидели в ряд трое дорожников в рыжих жилетах. Вышли, поздоровались. Пошли все вместе к остановке. Потом гаишник сказал: “Ну, вы пойдите пока у машины побудьте”. Какое-то время шло совещание у остановки. Лена ходила взад-вперёд. Наконец, подошёл гаишник:

— Сейчас Ваня начальству позвонит.

И отдал документы.

Ваня был главный. Подошёл. Молодой, полный, очень белый. Размашистой какой-то хозяйской повадки. Лицо гладкое, бесщетиное, неестественно даже молодое:

— Подождите. Щас позвоню... — отошёл с телефоном за “газель”. Долго набирал, ходил, о чём-то говорил. Потом вернулся к Лене. Лена сжалась.

— Ну, короче, нам заплатите за остановку четыре тысячи. И всё.

— Ну, конечно... Ой, Господи... Слава Богу... Только, вы знаете, у меня вот тысяча, а остальное на карте.

Протянула тысячу.

— Ну, давайте, — невозмутимо, негромко, вскользь как-то ответил Ваня.

— А вы мне номер карты дайте.

— А... — будто даже удивившись, сказал: — Ну, давайте, пишите.

— Я только не знаю, могу не успеть сегодня.

— Да ладно, потом там... — махнул рукой. — Тысячу там ещё... — так же будто по поверхности пробормотал Ваня и сказал отчётливо: — Езжай с Богом.

Когда Лена села в машину, уже темнело. Замешкавшись, она проехала свороток к Подчасовой, стала разворачиваться, но колесо задевало крыло, разворот получился чересчур широким, и правые колёса провалились в снег на обочине. Лена ударила двумя руками по рулю и заплакала. Сумерки... Грязный снег... Помятый бок. Скособоченная, окончательно подбитая машинёшка, изуродованным боком влипшая в грязный комкастый снег. Еле открывающаяся дверь, которой ещё и снег мешал открыться. Неудобство перекошенного вытискивания. Тонкие чёрные сапожки... Обессиленность полная. Ещё не пережитый свой улёт. Попытка звонка Баскакову: “Гад! Пьёт с Добрынечкой!”

Вышла на дорогу и стала останавливать машины. Самосвал проехал мимо (“Сволочь!”). Двое ребят на “буханке”. Остановились, вытащили. “Спасибо, ребята! — Да не за что!” Едва собралась трогаться, позвонила Подчасова, сказала, что едет Бузмаков в Боево. “Твой телефон дала, мало ли”. Тут же позвонил мужской голос: “Галина сказала, вам помощь нужна. Вы где?” Объяснила. “Ну, стойте”. Это было хорошо — сил не оставалось. Со стороны города подъехал микроавтобус, мигнул фарами, развернулся и стал впереди Лены. Вышел Бузмаков и ещё один человек — рослый, с выпуклым животом, линию которого повторяла длинная очень выгнутая поясница. И живот, и поясница были плотно обтянуты курткой — синей, блестящей, набранной из пухлых полос. Сели в машины. Двинулись. Гуськом добрались до Подчасовой.

В автобусе ехало человек шесть, все в Боево на Рождество.

— Галь, я, наверно, с ними поеду. Там отец Лев. А машину у тебя брошу. Возьмёте меня?

— Да возьмём, конечно. Только вы в чувство придите... Так, а Игорь где? — спросил Бузмаков.

Галя сделала моментально зверское лицо, и он понимающе поджал рот.

— Давайте чаю.

Сели за стол. Лена несколько раз пересказала своё приключение. Больше всех взбудоражился и восхитился человек с гнутой поясицей, оказавшийся московским писателем. Звали его Леонид. У него было большое, немного баклажанистое лицо. Тёмная кожа вокруг глаз с мелким напылением прыщиков, будто пшёночкой посыпанное. Увесистый подбородок. Когда он говорил, большой рот смещался-выдвигался ковшом. Леонид всем восторгался. Говорил громко и быстро, частил немного: “Да шикарно! Спасибо, Галечка! Это что? Папоротник? Ммм... Шикардос, шикардос”... Смесь мёда с кедровыми ядрышками его вовсе обезоружила. Он ломанулся к вешалке и притащил плоскую бутылочку и плоский пакетик...

— Ой, извините! — вскрикнула Галя. — Я не сообразила, — и пошла к буфету.

— Галя, никаких водок ему! Мы в монастырь едем, — крикнул Бузмаков.

— Лена, будете? Бог простит, — отхлебнул Леонид коньячку. — Вот ещё хамон — берите... Ну ладно, ладно... Ну, всё же уладилось...

— Лен, может, вина? — спросила Подчасова.

— Да завтра Праздник... И главное, я ещё подумала, надо было быстро в сторону отъехать куда-нибудь. Гаишники эти. Я только дух перевести собралась... Трясусь ещё вся.

— Да это сообщил, сообщил кто-то! — громогласно частил Леонид.

— Тот с “КамАЗа” и позвонил! — сказал кто-то.

— Да ну, какой ему смысл — он же сам и растаскивал? Не. Это кто-то, кто ехал. Или из кафешки.

— Из кафешки! Мужик, который подбегал.

— А главное, я так и не поняла, что это за история с остановкой? То ли они захотели за мой счёт её отремонтировать? То ли что?.. Как-то непонятно. Если бы они поделили деньги — гаишники и дорожники? Нет. Ваня этот... Как он рукой махнул: “Езжай с Богом!” — Лена поджала губку и отвернулась.

— Шикардос-шикардос! — закричал Леонид. — Давайте за вас, Лена, за остановку! Ну как же хорошо! Леночка, у меня ещё кальвадос есть! Шикарный кальвадос! Шикардос-шикардос!

Быстрое это “шикардос-шикардос” звучало, как присказка, как отдельное что-то и производственное, вроде “как понял — приём”. Если он произносил отдалённо “шикардос”, то мог автоматически добавить двойной шикардос.

— Да, а знака там не было?

— Да не помню! В том-то дело. Могла прозевать спокойно. Я знак прозевала. Эта “камрятина” ещё, я прямо представила такого... Баскакова... в ней. “Бэ-бэ-бэ” такого... “Я скэзэ-эл”... “никаких хлебопечек! В духовке стряпать будешь!” — басом изобразила Лена, и все засмеялись, — Бр-р-р, терпеть не могу... И в общем, я вижу этот поворот, уже вхожу... И понимаю, что копец... Ну и ка-ак меня ки-инет на встречу.

— Лена. Ты в рубашке родилась!

— Шикардос-шикардос!

— А меня опять потом ка-ак поведёт, и главное, я ничего сделать не могу. Вот тебе и полный привод!

— Леночка, полный привод выручает, пока не сорвёшься... Как у сильных людей... Тянет до конца, а как сорвался — не поймать. Отдельный навык нужен. Газ нельзя бросать.

— Да я почти поймала. В том-то и дело! А потом снова... и эта остановка! И куча эта. Прямо как ладонь... кто-то подставил!

— Остановка! Лена, вы прелесть! Ха-ха-ха! Вот это сюжет! Менты с дорожниками бабки загребают на остановке! Даже нет! Таскают! — он зашёлся

от хохота, — Слышь! Они её таскают туда-сюда! На повороты ставят! Кормилицу. Ха-ха! Кино можно снять: “Кормилица”! Я Шнапсу в газету напишу! — крикнул Леонид, одновременно шарясь в широченном, похожем на изразец телефоне: — О! Чернявского убрали.

— То есть они, смотри, — говорил он уже целенаправленно Лене, — они ищут поворот, привозят остановку... Ха-ха! Вызывают, погоди, Валер, подгоняют поливалку! Поливалку! Представь! Заливают дорогу, а потом ставят остановку! Четыре тысячи с одной машины, это сколько долларов? Так, какой курс сейчас? — он слазил в изразец: — Ага... Тридцать девять. Четыреста баксов... С десяти тачек тысяча шестьсот!

— Да, Ленк... — свозь гвалт глядя на Лену, задумчиво сказала Подчасова, — конечно, дала ты... А если б на встрече?... Подумать страшно.

— На ладно тебе, Галк! — вдруг улыбнулась Лена. — У тебя вообще машина сама поехала ночью.

— Как сама поехала? Шикардос-шикардос! — восхищённо округлил глаза Леонид.

— Взяла и поехала. У нас в Сибири автоматика. Галь, я расскажу? У неё “механика”. На скорости оставила. А машина на автозапуске. Ну, и поехала.

— Как на запуске? А-а-а, — догадался Леонид, — мороз же! Ну да. Вот это да! Шикардос! Ну, вы даёте! А мы не ставим на запуск.

— Дак у вас тепло.

Леонид хлопнул кистями ковш в ковш:

— И представь, представь, Ген! Менты остановку притащили, асфальт залили, сидят в “УАЗике”, караулят. Тут такая тачка врезается. Они туда: “Документы! Порча имущества!” А там нет никого! Шикардос! Скрытие с места дэтэпэ! Вот чижики! Лена, так они прямо сразу вам стали предьявлять? Про дэтэпэ?

— Ну да.

— Не спросили, как самочувствие, может, помощь нужна? Не, ну какие суки!

— Нет, ну, они видят. Я же сижу, нормально, — Лена тоже думала о холодке того разговора, но сейчас почему-то стала защищать ребят.

— Да в Америке вас бы успокоили сначала и в чувство привели...

— Да ладно тебе, Лёнь, — резанул Бузмаков, — успокоили, а потом такого штрафа бы впаяли, что... — махнул рукой.

— Бузя, не бузи! Ты гонишь!

— Ленк, пойдём, тебе кофту покажу... — сказала Галя.

— Пошли, — быстро встала Лена.

Галя повела к себе в комнату:

— Ну, что у тебя? — сели.

— Да не могу! — снова затряслась Леночка. — Рассобачились с Игорем вдрызг. Просто вдрызг. — Бросилась к Гальке. Та обняла:

— Ну всё, всё. Мужики есть мужики. Щас-то где он?

— Да пьёт с казаками этими. Телефон выключил. Главное, я его таким не видела никогда... Бывает, конечно, выпьет. А тут — как животное... Ещё прёт на меня: “Ты чо, дура? Ты чо, дура?” Я понимаю, конечно, что он с машиной с этой, ну... с документами перенапрягся... Ну, до этого всего... ты знаешь... И меня ещё взбесило, что он предсказал всё, и я, как дура, действительно!

— Да что предсказал?

— Ну, там началось, что нас с премией прокатили, ну и... ой, Господи, ладно...

— Ну что ладно? Рассказывай уж. Смотри, какие духи Валя подарил.

— Шикардос... — Лена кивнула. — Короче, разговор про литературу, ну про сор из избы... И он прямо рассказывает вот эту всю историю... До этого! Как они пьяные пришли, а я, а я... гостеприимства не проявила! Сволочь такая...

Вернулись.

— Не, ну вы чудо, Леночка! А?! Остановку протаранили! Не, ну, а те чижики! Только надо дальше допридумать? Финал нужен убойный. А! Вот!

В неё все врезаются, в кормилицу-то! Она вся уже такая латаная-перелатанная... Бронированная... А дальше... — он сосредоточенно наморщился, и вдруг, сияя, оглядел всех: — А дальше слушай! Дальше едет полкан! Ну, ты рассказывал-то... танковый. Которому этот... как его... Шахназаров “тигр” заказывал. Как раз поехал за бухлом и тоже впилился в остановку! Раскастал её в блин! Ха-ха! Шикардос-шикардос!

— Поехали, шикардос! Спасибо, Галюнь, за чай. Лен, вы готовы?

— Ха-ха-ха! Блуждающая остановка! — не обращал внимания Леонид и закричал: — Слышите! Это брэнд! Ха-ха-ха! Или нет! Смотрите: жена писателя Баскакова — глава фонда возрождения остановок! Ха-ха... — и зачастил: — Такое совещание у губера: может ли Баскаков быть брэндом Новосибирской области? Помнишь, Бузь, конференция-то, ты рассказывал: “Может ли Шукшин быть брэндом Алтайского края?”. Ха-ха-ха! Шикардос! Не, Лен, представляете? На полном серьёзе. Шукшин — брэнд Алтайского края!

— Совсем сдурели! — сказала Лена, приподнимаясь и чувствуя, что при всём возмущении Баскаковым говорит его словами.

— Брэнди — “Калина красная”, — не унимался Леонид. — Самогон “Макарыч”. “Печки-лавочки”, отделка бань под ключ!

— Брэнди... — покачал головой Бузмаков, поднимаясь.

— Зато в трэнде! — закатился Леонид, и все засмеялись.

Сели в микроавтобус. Лена оказалась рядом с Леонидом. Он ещё поприкладывался к бутылочке, размяк, потом как-то планово положил руку Лене на плечо. Зашептал что-то пахуче. Бузмаков его шархнул в плечо. Тот опомнился:

— Не. Я ничего.

— Ну и не брэнди. А то пешком пойдёшь.

— Всё-всё... — нахохлился Леонид, поднял воротник и, отвалившись к окошку, прокемарил до Боева.

Ванино поле

Боевский Свято-Никольский монастырь был построен в конце двадцатого века одним священником на пожертвования. Строили из чего было, кто цементом помогал, кто кирпичом, кто бетонными блоками. Так и стоял монастырь бастионом из серых блоков, квадратный, очень высокий и стенами немного на конус, как Лхаса или миноносец. Многие блоки были с торчащими арматуринами, и вид получался ошетиненный, грозный. Наверх в гостиницу для паломников вела железная лестница с какого-то завода. Длинная, крутая, со ступеньками в сеточку-ромбик. Первый раз Баскаков был здесь в страшный мороз, и особенно запомнился заиндевелый и серый вид монастырских стен и суровая, судовая почти лестница.

Ехал в беде, в отчаянии, изведённый отношениями с женщиной чуждых взглядов, разрывом с ней и кризисом в работе. Что-то вдруг страшно отвратило в литературе. Стало казаться, что тому главному, ради чего всё затевалось, уделялось ничтожно мало внимания по сравнению с ремесленной стороной. При попытке донести духовный эпизод девяносто процентов времени и сил уходило не на его переживание, а на технические вещи, этот эпизод обеспечивающий.

Прислали как-то Баскакову английский перевод его рассказа. Устав расшифровывать его, он в виде передыха перенёс взгляд на свой русский текст и... его буквально ошатнуло. По сравнению с непривычной, почти непроницаемой иноязычной буквенной массой, родной вариант был настолько говорящим, что русские слова буквально вскричали, бросились навстречу. Ожили знакомо и разнoliko. Столько одушевлённого было в качнувшемся навстречу строе, что наряду с радостью почувствовал он в этом оживлении грозную силу и даже предупреждение. Слова были, будто стая, севшая вокруг доверчиво и мощно, но готовая, чуть что не так, навсегда сорваться... В этом “навсегда” он был уверен абсолютно, а “что не так” означало ничтожное собственное

отклонение от того, к чему призываешь читателя. Он попытался описать пережитое, но всё выглядело настолько нарочито, что для поиска естественной формы ушли бы годы. Зачем? Ведь чтобы стать лучше, добрее и отзывчивее, требуется совсем иное...

С таким грузом и приехал тогда в Боево Баскаков. Вошёл в зимний суровый двор, где возле бетонной стены громоздилась куча огромных тополиных чурок. Их перекачивали две послушницы в ярких куртках. Одна, самая худенькая, с лицом, закрытым капюшоном красной куртки, особенно пронзила рвением. Он бросился к ней: “Давайте, помогу”, — а она ответила только: “Не надо, это моё”...

Он поднялся по судовой лестнице в гостиницу. Там было тепло, даже парко, зеленело множество цветов в горшках, просто оранжерея целая, плыл запах щец, ещё чего-то жилого. Его поселили, потом была служба, по окончании которой он подошёл к батюшке. Мол, что нужно, чтоб монахом стать?

— Так, так, так... — сказал отец Лев, отрицательно качая головой и сразу будто отвергая весь Игорев пафос. — Тебя как зовут?

И от этого “ты” Баскакову уже вполностью легче стало:

— Раб Божий Игорь.

— Раб Божий Игорь, — ударив на “раб”, быстро, удивлённо и как знакомому сказал отец Лев и поглядел пристально в глаза. — Давай так. Поживи. Трудником. Мы тебе келью дадим. Работы много. Успокойся... Подумаешь. — Он помолчал: — Я тебе и по-другому мог сказать: что совсем не обязательно принимать монашество, чтобы уйти от того, что тебе в миру не устраивает. Что там не так и много честных и думающих людей... А ты хочешь их число уменьшить... — он улыбнулся, всматриваясь и будто изучая собеседника. — И что будущему монаху надо там, — он кивнул куда-то вдаль, назад, — готовиться: соблюдать посты, каждый день — как штык молитвенное правило читать, ходить в храм. Очень серьёзно изучать Священное Писание, жития Святых, Святых Отцов. Приучаться к постному, в пять утра вставать, не говоря про телевизор и встречи с друзьями. И с девушками... — он особенно упёр на это слово. — И так с годик. А там... посмотрим... Но я тебе говорю — поживи недельку... У?

...Баскаков так и не выспал ничего “путного”. С четырёх лежал в полудреме, то в жару, то покрываясь потом и остывая, холодея от бессмысленности какой-то и непоправимости, от контраста между полной невиновности безмятежностью утра и внезапностью катастрофы. Ворочался, метался, пытался прохладней прилечь к постели, вминал жаркую голову в подушку, силясь вытянуть спасительную её прохладу, потом так же припадал ко второй подушке. Из похмельной растерзанной души не шли Ленины обезумевшие глаза, порубежный её взгляд, ненавидящее: “Пошёл вон!” В конце концов, он встал, пошёл в ванную, нашёл и прибрал карту от телефона. Долго стоял под душем, чувствуя, как волнами то нарастает, то ужимается в голове ядро.

Пил чай. Лежал. Ходил. Жарил яичницу с луком, ел насильно, упрямо, на случай, если остановят. Вышел на улицу, умылся снегом. Погода была ветреная. Серая... подстать настроению...

В машину дико было садиться. Руки, тело неверные. Сел. Жевал жвачку. Помнил, как его остановил молодой гаишник: “Игорь Михалыч, когда вы последний раз принимали спиртное?” И как, непроницаемо глядя в глаза гаишнику, твёрдо и будто вскользачку бросил: “На День рыбака”. По дороге заехал к Косте. Казаки негромко сидели за столом. “Смотри, осторожно — сейчас перемены будут”.

На трассе задувал очень сильный ветер. Где дорога возвышалась над полем, снежные потоки переливали асфальт особенно гибко и текуче. Слоисто-туманную ткань будто перетягивали через трассу, и натяг этого жидкого дыма был необыкновенно тугим и одушевлённым. Мутно-молочные струи змеино изгибались на взёме и спуске. Их набрасывало на лобовое стекло волокнистыми тенями, в которых меркла окрестность. Когда машина прошивала несколько струй, аж рябило в глазах.

На снежном фоне струи не было видно, и, казалось, они нарождались только рядом с трассой, ради неё. Но шершавый мел мёл по всей равнине, и поле будто жило многовековой жизнью, куда-то перетекая, а трасса с бренными машинами лишь попала на пути. Волокна были настолько плотными, что, казалось, должны оплести колеса, и машины, споткнувшись, должны завязнуть, расплзаясь, и раствориться медленно и смиренно. Но они почему-то ползли, замедляясь и работая аварийками.

Видимость совсем упала — метров сто от силы. Дорога коротко расширилась, и посередине на островке темнела тень пожарного “КамАЗа”, а рядом с ним — тень человека, отчаянно махавшего круговым махом, чтобы ехавшие не останавливались. Дальше на встречной полосе стояла патрульная с мигалками, “скорая” и междугородний автобус, которому в зад влепило с полдесятка легковушек. Баскаков внимательно их рассмотрел, убедившись, что Ленинского “тэрика” среди них нет.

Проезжая Подчасовский перекрёсток, он вдруг решительно повернул. Остановился у ворот и вошёл в калитку. “Тэрик” стоял мордой к дому и небитой стороной наружу. Баскаков постучал...

Через полчаса он мчался в Боево. В лесу не мело, но, едва дорога выходила на простор, поле снова жилисто перетекало асфальт, полосы, перебежав дорогу, укромно сливалась с полем, будто таясь.

Он въехал в Боево, засаженное огромными тополями, глядевшими особенно голо. Слева в ветреной дымке тянулись домишки, справа монастырь стоял оштетиненным бастионом. По заводскому-железному-корабельному трапу взлетел, как по авралу. Комнату в гостинице так и держали за ними, словно она ничего не знала. Хотя казалось, “после всего” её следовало аннулировать беспощадно.

Вошёл без стука. Лена лежала с открытыми глазами, с открытым молитвословом на груди. Он прошёл и сел на стул.

Оба молчали. Первая не выдержала Лена, поднялась, отпила воды из стакана, спросила тихо, выцветше:

— Ну, и что мы будем делать?

— С чем? — деревянно ответил Баскаков.

— С нашими... изуродованными отношениями?

Баскаков очень быстро поднялся, подошёл, обнял. Лена уткнулась в шею. Почувствовал тёплые глаза, как пошевелились, защекотали веки, потом мокро и облегчённо замерли. Начала содрогаться, дышать со спазмом.

— Ну всё, всё. Живая, главное.

Она подняла лицо, мокрые глаза, как-то длинно натянула верхнюю губу на верхние зубы. Помолчала. Потом сказала:

— Крыло сильно? — и снова уткнулась и всхлинула.

— У машины или у... отношений?

— У-ве-во... — снова сотряслась Лена.

— Ну ладно, ладно... Выправим. Сильно испугалась?

Он чувствовал её кивающую голову. Видел хвостик, перетянутый пояском. Он снял прихваточку и освободил-рассыпал волосы. “М-м!” — возмущённо дёрнулась всем телом она, но когда он грабельно пропустил волосы меж пальцев и ладонь прижал к тёплой её голове, будто что-то долепляя, расслаблено прижалась. И снова, затрясаясь, уткнулась Баскакову в шею, но уже успокоенно. Потом подняла лицо, дыша тяжело, ещё вздрагивая, и чуть улыбнулась. Между губ попал волос, отвела его длинным тягучим движением. Легла. Сказала медленно, по-большому:

— Ты телефон выключил, чтоб проучить меня?

— Чтоб проучить Нинку... Лен, я расколошматил его. Когда ты уехала.

Она глупость сказала... А ты мне звонила?

Она кивала. Потом сказала очень задумчиво:

— Я почему-то думала, что ты приедешь. Я сегодня исповедовалась и причастилась. Иначе... я не знаю... что б... было.

— Испугалась, когда потащило?

— Погибнуть испугалась. Дико, когда тебя волокёт... Как будто она взбесилась, и ничего сделать не могу, какая-то силища тащит... И страшнее

всего было, что я знала, что гололёд. И меня вокруг пальца обвели, понимаешь. Ехала, конечно, настроение... состояние жуткое, но всё равно тепло, музыка играет. И одна секунда! Одна...

— Там же знак.

— Это всё знак... Знак я... вроде видела... боковым зрением. А потом стала вспоминать — видела... или не видела. И запуталась... Там... пологий знак. И я как в поворот стала входить, прямо телом почувствовала, что всё. И как будто эта бровка снежная меня подрезает. А за ней же бордюр этот. Дальше само всё...

— И ты ещё газ бросила.

— Наверно, бросила. Не помню... И ещё поразило, как всё мягко потом. Вдоль остановки. Будто я в пластмассовой коробке. А потом лежу. Музыка играет. А я уже думаю, во сколько ремонт обойдётся... Такие ребята новосибирские хорошие. А я ещё сильнее на тебя рассердилась. Что тебя нет рядом. Разбилась бы — знал бы!

— А почему ты Косте не позвонила?

— Не знаю... Ты знаешь, мне было так плохо, так ужасно, ты не представляешь, и как ты на меня пёр, глаза в разные стороны... и требовал... А я не могу сдержаться, и понимаю, что люди, а не могу, и эта авария... Мне надо было одно только — дожить до исповеди. Всё. Я не спала ночь. Может, теперь посплю.

Она помолчала.

— Что отец Лев сказал?

— Давай потом как-нибудь... Сил нет. Главное, что он... посмотрел... так... — она снова закусил губку и отвернулась. — А что ты старый телефон не взял?

— Да вообще не хочу видеть их. После Нинки.

— Ой, Господи, — покачала головой. — Я, когда посмотрела на крыло, знаешь, что подумала? Вот она, посудомоечная машинка.

— Да ладно, купим тебе машинку.

— Я не понимаю, почему?! — она вся наполнилась этим “почему”. Тревожным, требовательным, пружинным. Даже до некрасивости в лице. До складочек на лбу вертикальных: — Почему так получилось? Ведь есть причина. Есть. Не может не быть.

— Почему улетела или почему приземлилась?

— Почему всё. И подбросили, и встречу перекрыли, и поймали ещё... И этот пяточок снежный — как ладошка. Понимаешь... И я подумала, что... — она прямо задрожала. — Что в следующий раз — ладошки не будет. А главное — пока мы не поймём, за что это... Понимаешь? Нам даже дёргаться никуда нельзя... Никуда... Я боюсь.

— Ну ладно, ладно...

— погоди, — она скинула его руку. — Вспоминай, где мы накосячили? И... — она пристально посмотрела, — почему мы поссорились? Я как услышала, как вы с песнями идёте, меня затрясло. Ну как же так, завтра ехать... Гусь! Это он так к причастию готовится... К Рождеству...

— А ты не представляешь, как они вывалили с этим подносом! И Добрынячка забасил... прямо голосом героев Лескова или Гусева-Оренбургского... меня пробрало аж — насколько ничего никуда не девается! И душа запела, полетела, потянулась... эх, а ты её... срезала... Но только это не то... Что-то раньше!

— А я расвирепела от статей этих липовых, которые ты зачитывал! Говорит, что времени нет, а сам про себя статьи калякает. Как не стыдно! Ещё и нахваливает себя!

— Да это не мои статьи!

— Да как не твои?

— Да так. Про куничку моя, а то письмо библиотекаряша написала, я покажу тебе, если не веришь. И про “Фарт” тоже, это Броня Струкачёв. На сверку прислал. А про куничу я, чтоб тебя развеселить, написал — я же знал, что ты расстроишься из-за премии.

— Так ты знал?

— Про премию-то? Да конечно знал.

— А ты огорчился?

— Я возмутился. Но не из-за себя. Ну как так: я им русскую норму даю, а они её отвергают! Чо, сдурели?! — Баскаков заговорил с криминальной интонацией: — Не понял. Алё. Вы где? Ничо не попутали?

— Ну ладно, ладно...

— Да не-е... ну, правда. Время действие — наши дни. Написано — комар носа не подточит. Духовность — есть, народность — есть! Герои живые! Действие — в сердце России! Чо надо?! Ммм... И тут эти пэтээсы ещё, — он помолчал и театрально провозгласил: — И ты лежишь.

— Я готовилась к исповеди... Все дни...

— Слушай, мне надо с отцом Львом повидаться. Насчёт как раз исповеди и причастия.

— А я посплю.

Он вышел на улицу, где извечные горожанки-трудницы перекачивали огромные тополёвые чурки... При всей знакомости картины она казалась блёклой, потому что перед глазами стоял яркий, будто резакон врезанный, оригинал. Такая же погода. Ветер с мороза закручивает меж монастырскими высокими стенами и гостиницей. Хрупкая трудница в красной куртке с кашпоном склоняется к чурке. Длинная чёрная юбка, узко обхватывающая ноги, фигура, изгибающаяся неловко и тонко в коленях, нетвёрдо ступающие сапожки. Оливково-зелёная, бугристая чурка, с сучком в глазке бугра. За сучок липко цепляется чёрная полушерстяная юбка. “Миленькая, вы ж надорвётесь. Давайте я...”

Трудница быстро оборачивается: “Не надо, это моё. А если хотите помочь — помолитесь...” — “За рабу Божию?...” — “...Елену”, — негромко говорит трудница, глядя серыми глазами в розоватых веках, будто надутых ветром, и улыбается вдруг беспомощно и ясно. Застеснявшись неожиданной своей улыбки, поправляет лицо, и над верхней губкой горизонтальная рисочка белеет от мороза.

У Баскакова аж глаза зачесались. Подумал о том, с какой ученической старательностью, честностью Лена готовилась, как выписывала грехи, как переживала, боялась упустить. Послушно и кропотливо выполняла всю дорогу к исповеди, каждый её изгиб. Излучину. Исполняла слово. Как школьница. Но это не ученическая старательность, а отношение единственное. У него всё взрósло, где-то подсокращал, что-то считал условностью, где-то стеснялся отца Льва, как знакомого, распределял по важности: это — первое, а то — напослед. Хотя тоже всё вроде выписывал. Но по-настоящему озаботился только вечером перед покупкой машины, когда в голове всё перенапряжено было беспокойством, опасением не выполнить завтрашний список дел. И исповедь не то что в одном ряду с ними стояла, но всё равно — дела подавляла.

И выходило, Лена исполняла *слово* “исповедь” и выполняла. А он будто редактировал. Ловил себя на попытках порисоваться перед батюшкой, пониманием, своим служением идеалам. Чтo батюшка сделал скидку, попротезировал... И хотя, застукав себя за этими поползновениями, моментально осаживал, выходило, что слово “исповедь” они с Леной проживали по-разному.

Для неё каждое слово имеет единственный смысл, не делится на дальнее-ближнее — вплотную стоит, впритирку, не качёшь, не подсунешь лишнего. Им её полностью простреливает, как током наполняет, и она сама этим словом становится... Потому и лежит, как больная.

Отца Льва в монастыре не было, Баскаков сходил к нему домой. Когда вернулся, Лена не спала, сидела тревожно на койке.

— Что случилось?

— Как ты думаешь, сны кто-то сочиняет?

— Как? — не понял Баскаков.

— Ну, или я сочиняю, или во мне... кто-то? А если кто-то — то что он во мне делает?

— Лен, что случилось?

— Да мне сон дикий приснился. Аж проснулась.

— Ну расскажи, ну, что такое? — он сел, обнял.

Она сняла его руку:

— Тяжеленная... Погоди, сядь вон напротив. Или чаю мне сделай.

Баскаков принёс кипятку.

— Ну, рассказывай.

— Мне приснилась, будто я улетела, всё как по правде, а потом мы с тобой будто сидим, как тем утром... и спорим. А на что спорим... Страшно сказать. Я от этого и проснулась...

— Лен, ну, надо сказать.

— Спорим, вернее, продолжаем будто спорить на эту... машинку для посуды. Что мне эта машинка нужна прямо позарез. А спорим вот на что...

— Ты сказала на машинку.

— Нет. Ну да. Машинка — это выигрыш. А спорим...

— Ну!

— На... твои грехи.

— Как? Ничего себе искушение...

— Как-как?! Вот как ты должен был доказать тот весь список.

Про пользу премий... Так же... — она заплакала, — не могу. Так же будто... будто... есть список, а там — те грехи, которые ты исповедовал тогда в Тузлуках... И мы на них спорим...

— Да как?

— Да в том-то дело, что я не помню, как... Знаешь, как во сне бывает. Всё складно. А проснулся и вспомнить не можешь... Ну, а смысл такой, что ты говоришь, что *всё* исповедал, по списку. А я: “Нет, не всё! Что-то осталось! Не всё!” — прямо кричу. Понимаешь? “Не всё!” И если ты проспоришь, если я окажусь права, то... — она заплакала.

— То что? — почти вскричал Баскаков...

— То покупаешь эту машинку злосчастную!

— Ну всё, всё. Не плачь. Бредятина. Забудь и всё.

— Да как забудь?! Не могу. Ты скажи... Я знаю... ты такой вот... честный... — она всхлипывала. — И пишешь про честных... хороших... Я знаю... Только не сердись, пожалуйста, я понимаю, что нельзя так спрашивать... Я думаю: может, это как-то с машинами связано? А ты... ты...

— Да что?! Что “я”? Говори!

Лена будто собралась и сказала негромко и низко:

— Ты батюшке про пэтээс говорил?

— Про ка... — Баскаков и осёкся. И осмотрев комнату, будто здесь ещё кто-то был, сказал: — Не. Не говорил...

— ...Они же, я ещё удивился, они *три раза* сказали: Толя и каждый Напильник. Будто пытали меня. Сначала Толя намекнул, мол, хотим вас “ос-во-бо-дить от возможных неприятностей”. Я, правда, не понял. Потом первый Напильник... обозначил, мол, снимаем с вас проблему, вы не хозяин будете. И казалось, достаточно. Но нет! Второй уже прямо открыто, прямо разжевал, что будет “человек, который столкнётся с той же проблемой”... Главное, зачем разжёвывать? На их месте понятней не заострять... Может, им в голову не пришло, что это может остановить. Хотя... Не знаю.

Это же “Фальшивый купон”! Я узнал, но отмахнулся — больно хотелось машину. А что звонки с толку сбили, дерготня — это отмазка. И обстоятельства эти, Петины деньги, Артём с машиной. Они были как ураган по сравнению с этим купонишкой. Я, как травинка перед ним, сразу признал, что в рост не встать. Даже не рассматривал, сходу сдался. От так от. Пи-са-те-лэк...

Знаешь, бывает при полном алиби — ты всё равно виноват. И оно хуже, потому что все-то с тобой как с человеком, верят, что честный, а ты... Это как украл, а тебя оправдали за неимением. Как с Ежинными рубахами. Вроде не до них и поздно... А дело во мне. Эх... У меня была, конечно, душевная подвижка забрать эти рубахи, но не решился тебя напрягать, стеснять стиркой. Другой бы решил не ездить и всё. Ни машину не морозил, ни колёс не порол, ничего. И времени полно светлого. А вот нет, и всё. Не заеду. Это лучше. Выходит, *так* духа не хватило отказать и за обстоятельства спрятался.

А те и рады.

— Выходит, ты меня остерегся напрягать ради друга. А я бы постирала! Надо забрать было... Я же тебе сказала... потом...

— “Потом”, — раздражённо повторил Баскаков. — Да я так и собирался... А “потом”... постеснялся, тебя постеснялся... Думаю, разворчится... Выходит, думал о тебе хуже. Надо всегда эту первую подвижку, позывку слушать. Хм... — он улыбнулся: — У меня в детстве друган был Мишка Кузнецов. Решили играть в моряки и идти на север. Вернее, кто-то моряк, а кто-то его родители. Мишка мгновенно стал моряком и говорит: “Ну, всё отлично. Я тут коло полюса. А ты давай волнуйся”. При команде “волноваться” я собрался головой вот так вот заболтать, — Баскаков быстро начал качать головой вправо-влево, — но думаю, Мишка решит, что я маленький, и официально занудил: “Ой, да что же это такое?! Ой, да как мы волнуемся!” — и за голову давай хвататься... Мишка как возмутится: “Да ты не так волнуешься! Вот как надо!” — и начал качать головой именно так, как я постеснялся.

— А ты волновался, когда я поехала?

— Да я тебя придавить был готов за то, что перед мужиками опозорила.

— Хм... А как ты думаешь, что означает этот Ваня? И его неинтерес к этим деньгам, и то, что гаишники его... призвали?

— Призвание Вани гаишниками... Знаешь... — мечтательно и задумчиво сказал Баскаков, — есть такие тайны Русского мира, которые трудно объяснить... и это такое счастье... Наверное, важно не тайну раскрыть, а понять, зачем Господь Бог тебя подвёл к ней... Хотя это почти одно и то же. Так... здорово... что не всё объяснить бумагами... А эти двое гаишников тоже с ним. С Ваней. Они из его поля... Поля... — вдруг задумчиво сказал Баскаков. И представил мутное поле, перетекающее трассу туманными потоками, вспомнил снежную руку, подхватившую Лену.

— А с Ежом? — вдруг насторожилась Лена. — Как с Ежом-то? Звонить будешь?

— Не-а.

— Как так? — спросила резко.

— Он меня в чёрный список занёс.

— А что делать будешь?

— Пойду.

— Пойдѐ-ёшь?!

— Ну.

— Он же орать будет, материть.

— Всё равно пойду.

— И терпеть будешь?

— Буду.

— И спасать будешь?

— Буду.

— И пить с ним будешь?

— Буду...

— И рубахи?

— И рубахи, всё... буду...

Лена покачала головой — будто у неё внутри всё закружилось от происходящего, и в сложности этой смеси, в её круговой поруке было теперь спасение.

— Мне так страшно стало, когда у тебя телефон отключился... — сказала вдруг Лена и снова всхлинула. — А представляешь, в храм зашла... Литургия началась, и вдруг голова так закружилась, ты знаешь, у меня бывает... Приступ... Испугалась... Господи, помоги, Господи, помоги... — говорю. И вдруг чувствую, меня за руку кто-то берёт. Оказался врач... Потом на стульчике сидела. А потом на исповедь и на Причастие... Вот видишь, как борюсь... с бесами своими... — Лена прикусила губку. — В истине... вышла...

Баскаков сжал её руку:

— *Здесь* будем венчаться?

Она кивнула. Её голова снова лежала на его плече. Он голову гладил и тихо говорил:

- Будешь ещё чайники бить?
- Бубу, — всхлипывала Лена.
- И кричать на меня будешь?
- Бу-бу... — ещё больше захлопала Лена.
- Позорить будешь меня перед мужиками?
- Бу-бу, бу-бу... — тряслись её плечи.
- Детишек рожать?
- Бубу...
- И ждать... если чо?
- Бубу...
- И волноваться?
- Бубу...
- Как будешь?

Она смешно покачала головой... Тут и у Баскакова по глазам как ветром резануло. Да и в окно навалился порыв со снегом. Растворил серую бетонную стену, и сквозь неё подступила и хлынула в очи суровая и древняя даль. И будто вернула к жизни, к новой полосе. Стало вдруг ясно, какой пласт пережит, и что грядёт следующий. Незнамо какой. И надо готовиться к исповеди, к Рождественским Чтениям. Лена тоже это почувствовала, словно холодный и сухой снежный ветер и её наполнил силой. Что-то знакомое, старинное, тускло-стальное сверкнуло-перелилось в Лене, и она спросила строго и порывисто:

— Как к детям пойдёшь?

Не в смысле, как, мол, “осмелишься после всего”, а как солдату говорят: “Готов, всё взял? Ничего не забыл? Справишься?”

И новая волна окатила Баскакова. “Господи, как же я вас люблю!”

Якорь

Баскаков отстоял ночь. Лена ушла раньше — голова кружилась... Поздним утром пошли к отцу Льву в его гостевую трапезную. Там всё было приготовлено со всей праздничной торжественностью. На большом столе — грузди в сметане, в блюде — драгоценный, будто гипсовый творог с сеточкой от марли, прозрачная красная икра — её прислали с Дальнего Востока.

За столом сидели гости монастыря. Молодая состоятельная пара из Томска, помогавшая монастырю. Бледный и значительный Леонид и Наташа, молодая женщина откуда-то из Ростовской области. Она была несколько наивная и время от времени что-нибудь, как сказала Лена, “вывозила”, причём с улыбкой, означающей: возможно, я сейчас что-нибудь сморжу, но остановиться уже не смогу. Был ещё один священник, отец Владимир — крепкий, лысый, с круговой оторочкой вокруг головы и рельефным лицом.

Во главе стола восседал отец Лев. Звучал рассказ отца Владимира про то, как со школы он мечтал стать священником, а инструкторша из районного комитета комсомола его преследовала, и он едва не лишился аттестата. Спустя долгие годы случилась у него служба, после которой подошла женщина... И они встретились глазами. “Если бы вы эти глаза видели...” — негромко сказал отец Владимир. Некоторое время все молчали.

За столом у отца Льва не водилось праздных бесед, всегда были смысл и тема, на которую он искусно направлял.

— Друзья мои, — попытался отец Лев и сейчас направить разговор, поглядел на Баскакова и вдруг спросил: — Книжку привёз?

— Привёз, батюшка, — весело ответил Баскаков и положил на стол “Фарт”.

— Ну, вот это правильно, а то... не дождёшься... — отец Лев говорил по-хозяйски, то распорядительно-грубовато, то с шуткой. — Ручку дайте класснику.

Баскаков подписал и протянул батюшке книгу.

— Вот давно бы так. Ну, так что? На пробу! — сияя, оглядел присутствующих отец Лев, открыл книгу в середине и, откашлявшись, начал читать, сначала громко, а потом, по мере вчитывания, всё вдумчивее:

“Писателем быть и счастливо, и стыдно. Стыдно, что кишка тонка имени не ставить под рукописью и что на встречах у тебя совета спрашивают: как жить? А я какой учитель? Я так... снежок огребаю... Знаете, как у древних земноводных жабры снаружи, как веточка. Вот я — такой земноводный. Я раньше думал, какой же у меня огромный внутренний мир! А это не внутренний мир огромный, это жабрам есть куда простереться. Потому что внутри у меня от несовершенств тесно и душно. И всё лучшее в моей душе — это наружная веточка кислородного голодания по Русскому миру. И когда эта веточка сливается с его кроной — это и есть милость Божия”.

Отец Лев, оглядел всех с загадочной улыбкой. Образовалась пауза. Потом улыбнулась Наташа и спросила:

— Как это — наружные жабры?

— Это у некоторых древних земноводных. У аксолотля.

— У кого-о? — удивлённо спросила Наташа.

— У аксолотля.

— Это кто?

— Личинка амбистомы, — сказал Леонид.

— Ко-во-о? — ещё удивлённей, восторженней и осторожней спросила Наташа, и все засмеялись.

— Если эта личинка живёт в слишком холодной воде, то она так и не дорастает до амбистомы и начинает сама размножаться, — объяснял Леонид. — И у неё как раз жабры снаружи. В переводе в ацтекского аксолотль, — последние два слова Леонид выговорил, тщательно скалясь, — водяная собака.

Наташа угрожающе улыбнулась:

— Раз дети писателя — книги, то его лучше в холоде держать? Чтоб раньше писать начал.

Все снова засмеялись. А Наташа вдруг спросила:

— Что такое литература?

— Ой, ну перестаньте вы... Ну, не надо... Ну, что вы! — наморщился Леонид, замахал руками, стыдась и будто стряся с себя вопрос.

— Леонид, я не у вас спрашиваю, — твёрдо сказала Наташа.

— Ну... — торжествующе и требовательно сказал отец Лев, будто что-то очень важное, им затеянное, достигнуто, наконец, заключительной фазы.

— Литература... — медленно повторил Баскаков. — Я не знаю... И знаю. В этом слове для меня есть что-то неловкое... Почему? Потому что существует, как минимум, три правды. Правда литературы. Правда жизни. И просто правда. Правда литературы и правда жизни — они как два провода, и им пересекаться нельзя. Хотя бывает, литературная правда ослабнет и спикирует к жизненной. И тут замыкание! Пробой поля! Искра какой-то единой, единственной правды. И она будто окно прожжёт, и что-то смертельно-личное станет вдруг образом. — Баскаков замолчал, потом продолжил: — Вы знаете, наверное, нельзя пронзительней написать о России, чем Бунин и Шмелёв писали из своей эмиграции...

— Совершенно не согласен! А “Антоновские яблоки”? — фыркнул Леонид.

— Да тише вы с яблоками! — цыкнула Наташа. — Продолжайте, пожалуйста. Ужасно интересно!

— ...Из своей эмиграции, — повторил Баскаков, — Знаете, что такое под “жвак?” Кто во флоте служил?

— Я служил! На Тихоокеанском, — сказал отец Владимир. — Жвакогалс.

— Истинная правда, батюшка! Это последний или первый — откуда смотреть — кусок цепи, заделанный на палубе. Под жвак — это когда якорная цепь вытравлена полностью. До жвако-галса. Ещё говорят “заправиться под жвак” — тоже полностью. Так вот, при всей длине э-э-э... бунинской якорной цепи, нет страшней эмиграции, чем та, в которой я находился, когда

не знал этой... искровой правды. Вот отец... — Баскаков повернулся к отцу Владимиру...

— Владимир, — быстро подсказал отец Лев.

— ...Отец Владимир рассказал давеча... Когда они встретились глазами, спустя жизнь... Понимаете? Я будто там стою! Это... До мурашек. Спасибо вам... Оно открывается, когда пишешь... об этой земле, вот прямо... стоя на ней! Как сейчас в этом монастыре. Ничего не надо ждать. Искать специально. Высасывать из пальца. Такое счастье... Это не литература. Это... Я не могу объяснить! Это ощущение, которого у меня раньше не было. Это ощущение... — Баскаков замолчал... И сказал с тихой силой и чуть хрипло:

— *Когда якорь под тобой.* А литература — всё остальное!

— Шикардос, — прошептал Леонид, привстав, пожал Баскакову руку и, кивнув, прижмурил глаза.

На Наташином лице вдруг появилась улыбка, и Баскаков приготовился.

— Вот вы писатель... Я просмотрела книгу. Там всё больше про мужчин написано. У вас есть женщина? Я не имею в виду... бабушек. А вот женщина такая, вот... как я... — она посмотрела на Лену, — как мы? Вы можете сказать, какими нам быть?

— Вы знаете... Раз уж такой разговор... Это всё очень важно... Да. У меня есть женщина... И она только что попала в аварию...

— А-ах... — ахнула Наташа.

— И когда я приехал, она была здесь... Вы спросили, кто женщина. Она хранительница... А мужчина — защитник. Так и пойдём. Как шли.

Из трапезной гулко доносился шум. Зашёл монах:

— Отец Лев, сейчас в трапезной монахам шоколад выдавали, всем не хватило. Что, ещё взять?

— Возьмите.

Он вышел. Через некоторое время раздалось “Многая лета”. Наташа вдруг неумолимо начала расцветать несуразной своей улыбкой:

— А разве... у кого-то день рождения сегодня?

— Да, — с торжествующей улыбкой ответил отец Лев.

— У кого?

— У Иисуса Христа.

“МЫ ПУТНИКИ ИЗ ДЕТСТВА, ИЗ ПРИРОДЫ...”

У Сергея Донбая очень странный поэтический голос. Можно найти сюжеты у разных авторов, в самом общем виде похожие на его истории, но всякий раз, когда обнаруживаешь близость деталей, понимаешь, что стихи Донбая – феномен, рождённый временем, социальной средой, человеческой повадкой автора и только в последнюю очередь – литературой. И вот здесь совершенно точно возникает ошибка: литература участвует в его лирике властно и последовательно, но почти всегда принимает какой-то другой облик – шуточный, пустяковый, очевидно житейский, но только не серьёзный, не пророческий, не затаённо доверительный.

У Донбая нет распространённого сегодня литературного судейства, он не годится на роль строгого наблюдателя, стоящего на краю вселенской чаши и изрекающего оценки. Поэт – одновременно вне событий и внутри происходящего. И это обстоятельство скрывает классическую литературную подкладку его стихотворений и сообщает интонации поразительную самобытность. В лирическом повествовании у Сергея Донбая постоянно проскальзывает какая-то сбивчивая присказка, что делает авторскую речь теплее, располагает читателя к рассказчику. Это доверительность сказок, а не интимность интеллигентской рефлексии.

Такая речевая походка позволяет ему удивительно легко сочетать приподнятые движения ума с деталями приземлёнными, бытовыми, порой натуралистически точными. И попутно дописывать картину, занимающую его сердце, углубляя пространство и расширяя панораму.

Пела свободно и жадно,
Перезабыв обо всём.
Так утоляется жажда
Ртом и лицом под дождём!

Песенка, веточка, птица!
Сжат добела кулачок.
То ли от счастья искрится,
То ли слезинкой — зрачок...

В его стихотворениях постоянно что-то происходит, в особенности в “молодых” стихах. Прозрачное пушкинское построение фразы – подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство места или времени – помогает нам обнаружить присутствие автора везде, но “перемещается” он вполне последовательно, и потому тут не найти тесного нагромождения ситуаций, взгляд переходит от одного к другому с удивительной естественностью.

У Донбая цепкое литературное зрение, он умеет связать мгновенные повороты бытия с предметными деталями и обнять их собственной жизнью, примирить отчуждённое и продолжить, казалось бы, оборванное. Подобно речи Пушкина, у него соединены человек и природа, быт и эмоции, – как

правило, более радостные, чем печальные, — и это потому, что в них много детского.

Совсем по-детски поэт чувствует боль и заботу птиц и леса, луга и зверья. Он вписан в природный распорядок, хотя и отодвинут от непосредственного контакта с ним на некоторую дистанцию как городской человек. Сказывается его интуитивная тяга к родовому, о чём он почти случайно проговаривается:

Косогор дождя грибного
С шумом в небыль перейдёт,
Но молчанья родового
Над кладбищем не прервёт.

Здесь наглядна человеческая взаимосвязь, но природное всеединство автор только нащупывает.

Он может простыми средствами выстроить ощущение-переживание. Причём принципиально живое Донбай создаёт только из простого. Вот почему его стихи так непосредственны и искренни, а во взгляде на окружающий мир видна наивность человека, который тут и сейчас появился внезапно и почти неожиданно для самого себя. Он умеет изобразить или назвать привычное укрупнённо и чуть-чуть отстранённо, и читатель почти незаметно для себя становится с автором локоть в локоть — и вот уже смотрит на мир его глазами.

Природное и детское живут в Донбае, не споря и помогая друг другу. И совсем не случайно он уронил строку, которая говорит о нём почти всё:

Мы путники из детства, из природы.
Она нас — не случайно, в свой черёд, —
Сквозь тяжкие сибирские сугробы,
Как первенец-подснежник продохнёт.

Донбай — поэт на редкость традиционный, свободный или белый стих у него выглядит недосказанным, поскольку подробности сюжета не связываются музыкой и созерцаются более умом, нежели душой. Между тем, речь Пушкина в переводе из Катуллы или в “Маленьких трагедиях” более чем убедительна для привычной рифмованной русской лирики. Великий литературный пример подталкивает Донбая к несвойственным ему, но общепринятым в литературе стилистическим шагам. Так проявляется его верность цеховому братству, а самое убедительное подтверждение этому мы найдём в стихотворении “О Пушкине”:

Целуй, целуй его, Наташа,
Певца с кудрявой головой!
Он непокорный, молодой,
Он здесь, он рядом, он посажен
До смерти на цепи золотой.

Почти с домашней теплотой он обращается к Наталье Гончаровой, и его голос созвучен голосу нашего гения.

Донбай чувствует надмирное значение художественного слова. Когда в его лирической истории поэт в порыве отчаянья сжигает собственную рукопись, освобождаются роковые силы, и вдалеке вспыхивает совсем другой пожар: “И стала ночь помощницей огня, // Она его, как дерево, растила”.

Так литература, словно некий организующий принцип, которому послушны сердце и разум, выстраивает словесную вселенную Сергея Донбая. А затем как бы прячется, переходит в подводное течение и насыщает живительной влагой все ростки жизни, которые под пером поэта обретают удивительный цвет и паразитильную форму.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

СЕРГЕЙ ДОНБАЙ

* * *

Вымирает читатель стихов.
В трубку, стиснув тетрадную пропись,
Он как будто уходит на зов, —
Сам себя заманил крысолов —
В интернета безвылазный хоспис.

* * *

Памяти тополя

Птица в воздухе ночует,
Там, где дерево росло,
Пустоту ночную чует,
Но не верит ей крыло.

Натекает, натекает
Ночь за ночью, день за днём.
Как душа, не отдыхает
Птица в воздухе моём.

И, привычная трудиться,
В бесполезности кружа,
От усталости, как птица,
Камнем падает душа.

1985

* * *

В. Бородкину

В глубоком зените колодца
Плетёт паутину куржак.
Мы — дети холодного солнца:
Полгода сугробы лежат.
Несём, словно платим налог,
Мороза терновый веноч...
Приходят, как белые, ночи,

Цветут — ленинградских короче,
Ломают соломинку льда
Черёмуховые холода.
Как лето почуявший школьник,
Как в галстукe красном, шиповник!
Ребёнок холодного света,
За месяц согрелся земляк.
Но дышит короткое лето
Колодцу в озябший кулак.

1986

* * *

В. Ковшову

Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая серьга
Одинокo над полем висит.
И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.

1993

14 АПРЕЛЯ

*Марья — зажги снега,
заиграй овражки, пустые щи.*

Из крестьянского календаря

Первый дождь, как будто неумело,
Моросит который час подряд.
Первенец, а сразу же за дело:
Снегоед, недаром говорят.

Всё в лесу промокло и примолкло,
Снег парит, как будто пьяный в дым,
И на соснах каждая иголка
Бисером расшита водяным.

Развезло сибирские дороги.
Трактористы за бутылку, факт,
Не пропустят прибыльные сроки —
Иномарки тянут на асфальт.

Первый дождь работает умело!
Снег съедает внутренний огонь.
Развалилась, как слега, сгорела,
Зимняя тропинка через Томь.

Заскучав по дачному участку,
Подбирая урожай пустой,
В гараже разглядывает тяпку
Вынужденный фермер городской.

Птичьими правами очевидца,
Так воображенье взбередя,
И поэту есть чем поживиться
На пожаре первого дождя.

1998

* * *

И качает звезду
Ветер выше меня.
Я в траву упаду —
Травы выше меня.

Не закрою глаза —
Тяжело, с высоты,
Надо мною роса
Наклоняет цветы.

Подо мною земля —
Шар, изгиб под спиной
Поднимает меня
К полосе заревой.

Утро дёрнет кольцо,
Будто парашютист,
Сразу мне на лицо
Одуванчик слетит.

Не поверишь — не жаль.
Погоди, погоди...
Так вот будем лежать,
Прилетев со звезды.

* * *

Я сегодня на ночь не закрою ставни,
Звёзды, как мальчишки, подойдут к окну,
Подойдут поближе и носы раздавят
Любопытно-круглые по стеклу.

И слова их будут очень неразборчивы,
Только видно: звёзды шевелят губами,
Только слышно в мире: зёрнами и почками
И земля, и воздух глухо набухают.

И тогда покатится по избе по нашей,
Чтоб начать весеннюю канитель,
Чтоб набрякнуть с крыши и разбиться насмерть,
Самой первой капелькой первая капель.

Я сегодня на ночь не закрою ставни,
Звёзды, как мальчишки, будут у окна,
Подойдут поближе и глаза уставят
Любопытно-круглые на меня.

* * *

Я думаю о женщине сейчас.
Мне говорит: “Люби её, не думай”, —
Знакомый каменщик и хмурый, и угрюмый,
От сигареты прикрывая глаз.

А женщина безвольно и устало
Поднимет руки, волосы поправит.
И этот жест, непонятый сначала,
Потом, потом придёт тебе на память,

И будешь злиться — и любить, и злиться,
И будет ясно, что она ушла,
Но ни единая не убедит душа
В том, что она уже не возвратится!

ВОЗРАСТ

Я нравлюсь тебе,
Как лесная река
(Такая тебе
Не встречалась пока).

В ней звёздное небо
Сквозь травы течёт...
Всегда неизвестное
Души влечёт.

Когда ж ты все реки
И звёзды увидишь,
Меня ты полюбишь
Иль возненавидишь!

* * *

Родной язык в нас снова растревожит
И русскую тоску, и нашу пруть.
От первых потаённых чувств: “Быть может...” —
И до надежды страстной: “Может быть!”

Родной язык. Мы все уйдём и сгинем,
Но строчка будет жить, ей хватит сил:
“Скажи поклоны князю и княгине”, —
Так Бунин в прошлом веке попросил.

А в детстве кто из нас, как небожитель,
Не отхлебнул из русского ковша?
Родной язык и ангел наш хранитель,
И песня, словно общая душа,

Которую всё реже дарит радио,
Но верещит всё громче на износ.
Родной язык: “Не в силе Бог, а в правде”, —
В тысячелетье прошлом произнёс.

Народа нет и не было немного.
И гордость, и смирение на лице
Он выразит: “В начале было Слово...”,
“Пусть... будет пухом...” — он вздохнёт в конце.

Он узелок на память нам и — затесь,
Он оберег наш и — сторожевой,
Он был и есть, как Бог, без доказательств.
Родной язык — наш промысел живой.

.....
*Редакция поздравляет
нашего давнего автора и друга
с 70-летием!*

АНАТОЛИЙ КИРИЛИН

КУПИТЕ ДЕВУШКЕ ЦВЕТЫ

РАССКАЗ

Каждый когда-нибудь становится старым. Потом очень старым. Потом...

— Ну, я-то ещё ого-го!

— Смотрю в зеркало — и не верю.

Одиночество бродит по свету. Неистребимое, жестокое, желанное, ненавистное.

— Я люблю тебя, мама! — кричу я по ночам и просыпаюсь в слезах, оглушённый собственным криком.

Я был хорошим сыном, я говорил тебе при жизни, когда большинство не успевает сказать: “Люблю тебя, мама!” Ни твоя смерть, ни долгие годы, прошедшие после неё, не смогли освободить меня от этой сладкой обязанности. Так почему же я плачу?

— У тебя мама некрасивая, — указала однажды на фотографию моя гостья.

“Странно, — подумал я, — разве так можно говорить? Разве так бывает? Неужели мамина красота как-то оценивается?”

Удивительно дурацкий праздник — Международный женский день. Между какими народами заключен договор о праздновании? Никто не знает. В воображении рисуется праздничный круг на солнечном острове, посередине которого гологрудая гаитянка с пёстрыми украшениями на голове.

КИРИЛИН Анатолий Владимирович родился в Барнауле в 1947 г. После окончания средней школы работал корреспондентом краевого радио, после службы в армии — на телевидении. Окончил филологический факультет Барнаульского государственного педагогического университета. Автор двенадцати книг прозы и публицистики, изданных в Сибири и Москве. Публиковался в журналах “Сибирские огни”, “Алтай” и др. Лауреат Всероссийской литературной премии им. В. М. Шукшина. Член союза писателей России. Живет в Барнауле.

Она в танце страстно вращает бёдрами, а мама с платочком в руке ходит хододрём вокруг неё — ручкой взмахнёт, каблучком притопнет, будто нашу “барыню” вытанцовывает...

Унылый рынок, зачем-то работающий в праздничный день, продавцов мало, посетителей вообще нет. Продавцы — люди подневольные, приказано — торгуют. На рыночных задах, припёртых к реке и напоминающих свалку, притулилась закусочная под названием “Ласточка”. Давнее заведение, можно сказать, историческое. Сколько подобных позакрывали в городе! Уж и куда более приличных уличных кафе не осталось, а “Ласточка” живёт себе, как та птаха-береговушка, устроившая своё гнездо на недоступном крутом берегу.

Внутри, как ни странно, довольно чисто и даже уютно. Несколько тяжёлых деревянных столов, стилизованных под крестьянскую старину, такие же лавки вдоль них. Молодая пара сидит за шампанским, интеллигентного вида пропойца с размытым взглядом, в каракулевой “горбачёвке” берёт сто пятьдесят водки и “сникерс”, в углу человек в овчинном полушубке, с лицом, опалённым долгим пребыванием на улице, домучивает полторашку пива. Строитель? Дворник? Попрошайка с паперти?

Беру свою сотку и сок, сажусь напротив мужчины лет шестидесяти пяти, может, чуть больше. Прямые седых волос прикрывают череп, вытянутый кверху, морщинистое лицо его спокойно и сосредоточенно, глаза голубые, но как бы с молоком, по открытой жилистой шее сверху вниз ходит острый, далеко выдающийся кадык. Разглядываю подробно, неторопливо — какое ни есть, занятие, — а понять не могу, симпатичен он мне или нет. Бывает же, детали одной хватает, чтобы оттолкнуться от человека или, наоборот, привязаться к нему. Он ощущает мой пристальный взгляд на себе, нервничает, как всякий нормальный человек стал бы нервничать, когда на него пялятся незнакомец. Помял шапку и передвинул её чуть ближе к себе, заглянул под стол, где в ногах расплывалась некрасивая лужа от растаявшего снега, при этом виноватая улыбка тронула его сухие, почти бесцветные губы. Наконец, он пригладил воротничок застиранной, но чистой рубахи, застёгнутой строго, на верхнюю пуговицу. И затих. Одинок. Он ведь одинок, болезненно шевельнулось во мне. Из чего это можно заключить? Кто бы мог понять, но всё в нём кричало об одиночестве. Ну, какой, скажите мне, нормальный гражданин придёт вышить рюмку середь Международного женского дня в тёмное заведение на задах городского рынка? Только одиночка какой-нибудь, заброшенка... Вот сейчас возьму и спрошу его: ты ведь живёшь один? И он ответит, и у нас завяжется разговор, и, может быть, он расскажет, почему он в таком возрасте, когда одному особенно плохо, когда нужна живая старушка при доме, при хозяйстве, оказался в таком положении. Разговор, очевидно, уйдёт далеко, и он не успеет задать мне тот же самый вопрос...

Мужчина сидел, строго выпрямив спину, напряжённый, вытянутый, и острый кадык поршнем ходил сверху вниз. А наверно, ему нужен мой вопрос. Про себя он всё давно уже знает, а я — нет, и мутный интеллигент в “горбачёвке” не знает и, уж подавно, те двое молодых с шампанским. И тут же я понял, что вру сам себе, что в действительности мне хотелось услышать встречный вопрос и отвечать на него подробно, долго, с болью. Вот этой боли, этого искушения собственной слабостью, своей закрытой ото всех жизнью, которой ведь не поделишься просто так ни с кем, и вызвано моё подспудное желание разговаривать с вытянутым человеком. Впору садиться в медленный поезд и обрести там случайного ночного собеседника, которому нет до тебя никакого дела, но он слушает, более того, делает вид внимательного слушателя, потому что нечем больше занять глаза и уши, потому что ему всё равно некуда деваться. А ещё... Мне сделалось смешно — вот прямо живой смех начал толкаться наружу! — от догадки: тот ночной попутчик терпит тебя, чтобы дожидаться своей очереди высказаться!

А сосед напротив сидел, всё больше напрягаясь, не притрагиваясь к своей водке, и руки его беспокоились, искали чего-то. И вот они нашли. На большой, знавшей тяжёлую работу ладони открылся маленький мобильный телефон. Простой, дешёвый, с красной полоской по боку — такие ро-

дители покупают самым маленьким школьникам, чтобы те могли отозваться в любую минуту.

— Вера! Верочка! — сказал он ожившей трубке.

Голос его оказался не просто хриплым, а каким-то трескучим, изношенным до крайности — ломкий воздух, протиснутый через тесные, огрубевшие связи.

— Верочка! — всё повторял и повторял он, и было столько нежности в этой его хрипоте, сколько, показалось вдруг, никакому ясному, чистому, сладкому, звонкому голосу не передать. — Ты Наденьке, внученьке, подскажи, чтобы позвонила. Я не хотел бы, чтоб она тратила свои деньги — так ведь не отвечает телефон, что-то там у вас со связью. Уж и позднее пытался и пораньше — вызов идёт, а ответа нет. У меня всё хорошо. Да, конечно. Посылку получили, всё дошло нормально? Вы уж простите, я хотел купить Наденьке что-то посерьёзнее...

И тут он заплакал. Никогда не разглядывал плачущих людей, наверно, это нечто неприличное — разглядывать чьи-то слёзы. Засело в голове, скорее всего, от литературы — прозрачная слеза, чистая слеза... Слёзы у деда были мутными, плоскими и мутными. Наверно, он редко пользовался этим инструментом, замутилась стоялая вода... Молодцом! Голос он держал. Глаза что, глаз там не увидят.

— Надюшка, наверно, уж деда догонит скоро, выросла? Платье-то в размер? — высказал он беспокойство. — Ну-ну... Ах, вы, мои золотые, Верочка, Наденька!.. Да вот же, праздник, ну да, конечно!.. Нет, с вас деньги брать не будут, я здесь специальную карточку купил, полдня объяснял тупому деду, как да что, разобрались. Слово там такое, отродясь не запомню. Но мне девушка всё сделала, наладила.

Лицо деда разгладилось, ожило, но слёзы никак не хотели высыхать.

— Наденька пусть только наберёт, только звякнет разочек, и я тут же наберу ей сам... Филька-то... Да что Филька, живой, бегает, вас вспоминает: когда это мои хозяйюшки приедут? Хорошо, хорошо! Обнимаю вас! Надюшке привет, и пусть деда не забывает.

Дед застыл, и всё в нём застыло — кадык на полпути, невысохшие слёзы, молчащий телефон в тёмной ладони, глаза, не видящие сейчас окружающего. Почему-то ничего хорошего не шло в эти минуты в голову: скорее всего, Надя не отвечает, чтобы не оплачивать двойной роуминг (далеко, видать, забралось семейство!), платье немодное, да и, уж точно, не впору, Филька, кем бы он ни был, давно издох от старости и ненужности.

Я приподнял свою рюмку, сделал жест в сторону соседа, предлагая составить компанию. Он меня не видел.

В “Ласточке” за это время ничего не изменилось. Думал свою бесконечную думу интеллигент в “горбачёвке”, медленно тянули шампанское с названием *Gold* молодые люди, и это казалось странным, что их не гонит, не выталкивает отсюда атмосфера заброшенности, странного уюта посреди бесприютности. Куда более уместны здесь человек в овчинном полушубке, старик с вытянутым лицом да я.

Побитый радиоприёмник загудел из-за спины буфетчицы: “Отпусти, тоска, на волю, отпусти!” “Все по теме”, — подумал я и вслушался в следующие слова: “Когда увижу счастье наяву, рассвет вдали и утро без тумана”. Я, точно, что-то досочинил за авторов, потому что слов разобрать было почти невозможно. Вот сейчас возьму и спрошу у замершего напротив меня человека: как ему слышалось — “утро без тумана” или “утро без обмана”? А правда, почему не спросить, он оживёт, он попробует напрячь память, в конце концов, он хоть как-то отреагирует на меня... Но я не сделал этого.

Мои долгие сомнения, вышить свою порцию разом или разделить надвое, решил грустный призыв, прилетевший из-за спины.

— Ну что, мужики, — обречённо выдохнула буфетчица, — с праздником, что ли?

— За наш, за бабский день!

Встрепенулись все, кроме моего соседа. Опростав свою посуду, я поднялся и стал выбираться из-за лавки. На всякий случай кивнул соседу, и тут

неожиданно он буквально взлетел над своей скамьёй, заулыбался во весь рот и, схватив мою руку, начал горячо её трясти. Какое такое благо усмотрел он в моём молчаливом присутствии, за что горячо благодарил — Бог весть. Ошеломлённый, я выходил из заведения, и в спину мне бубнил старенький приёмник: “Я сяду в лодочку и уплыву”.

Идти мне было решительно некуда, даже не имело смысла перебирать в уме знакомых — замужних, женатых, одиноких... Все настолько далеко, будто жизнь моя давным-давно прошла, и кто-то любезно придвинул книгу про меня, написанную когда-то, может, ещё до самой жизни главного героя. “Да так не бывает!” — возразят мне. Бывает. Это как несбывшиеся сны. И я вижу эту книгу — большущая, размером с полстоленницы, красноватая картонная обложка и надпись вверху и посередине: “Восточные сказки”. У нас была такая, зачитанная до лохмотьев, потому что читали её все, хотя она была принесена в дом как подарок детям. Однажды я влез домой через окно, — жили мы на первом этаже, — чтобы напиться, запалившись на улице, и увидел отца, заснувшего поверх постели. В головах у него лежала развёрнутая книга сказок, а на лице застыла улыбка, какой я не видел до того ни разу...

На улице было серо, безрадостно и как-то плоско. Грязный снег покрывал весь город, из него тянулись к грязному небу грязные деревья и кусты. Это самое трудное — пережить март, — и не потому, что он длиннее других месяцев и, как правило, вбирает в себя все ужасы долгой сибирской зимы, а как раз из-за этой свирепой, безжалостной серости, разъедающей душу и мозг. Я поднялся на мостик через речку, прозванную в народе душегубкой. Бывало, топились в ней школьницы от несчастной любви, бабы от своей безысходной радости, но чаще сбрасывали туда убиенных за карточным столом, на задах “червивки”, когда пьяному разуму не хватало аргументов, а языку — слов. Так ли — нет, прошли те чёрные времена или остались — мнительные горожане вечерами избегали ходить здесь, днём же торопились побыстрее пройти мимо этого места, им казалось, что на мостике всё время пахнет мёртвым телом. Лёд на речке стоял прочно, как в глухозимье, хотя обычно к марту забереги уже начинали парить и помаленьку оголять чёрную воду.

Здесь теперь совсем никого, а мне хотелось видеть людей, их лица, хотелось какого-то повтора неподвижного лица с застывшими ручейками слёз. Ещё хотелось вызвать в себе жалость к немногочисленным прохожим, избежавшим в этот день участи праздничного стола. Я испытывал невероятную потребность в сострадании к людям, поодиночке вычерчивающим бессмысленные маршруты по серым тротуарам. Вы только на мгновение представьте себе вычерченными на бумажном листе переходы людей в глупый праздничный день восьмого марта 201... года. Вот и получите ещё одну глупость.

Некоторое время назад случалось, я ловил в лицах прохожих знакомые черты, мне всё не давала покоя мысль, что город и почти всё привычное в нём остаётся неизменным, а люди куда-то деваются. Понятно, они стареют, но за старостью всё-таки можно разглядеть прежние очертания, увидеть знакомые знаки. Я всё жаднее всматривался — и всё меньше узнавал. И однажды я решил оставить это занятие, как несущее с собой одно лишь разочарование. Тогда я нашёл другое. Я начал искать во встречах схожесть со знакомыми лицами и, прежде всего, с родными. Думаете, подобное сходство — редкость? Как бы не так! Наверно, важно настроиться, захотеть. Не знаю, может, это сумасшествие какое — всякий ли нормальный человек захочет увидеть в толпе свою давно умершую мать? Захотел. Увидел. А теперь точно знаю, каждый видел — хотел или нет, не мог не увидеть!

— Мама!

Сердце стремглав падает и, кажется, конца нет этому падению. А потом медленно-медленно карабкается вверх, нехотя занимая привычное место. И долго потом смотришь ей вслед, думая, что со спины у этой женщины ещё больше сходства с матерью — походка, слегка на отлёте левая рука, а пальцами правой будто всё время перебирает что-то... Мама всегда ходила в одну

и ту же булочную, в один и тот же час, к открытию — туда привозили свежую выпечку и начинали торговать раньше всех хлебных магазинов в городе. Она ходила одна, потому что все ещё спали, да как-то и в голову никому не могло прийти составить ей компанию. А потом, когда дети поразлетелись, а отец умер, этот путь — от булочной и обратно — стал ежедневной дорогой одиночества. Сколько ей надо хлеба, одной-то? А может, и не покупала вовсе, каждый день-то, кто сейчас скажет, кто знает? Но она ходила и ходила...

Отца я видел реже. Тот есть понятно, что речь здесь идёт о людях, похожих на отца. А реже... У него внешность яркая — может, потому. Высокий чернокудрый красавец, его лицо — работа изошрённого скульптора, валяющего памятник герою: четко очерченный волевой подбородок, прямой с горбинкой нос, широко расставленные глаза, три глубокие складки на лбу. Воля и решимость читались на отцовском лице. Тут и вся правда про него была написана. И всё-таки находились в толпе похожие на него — какой-то частью лица, разворотом плеч, походкой... Только улыбкой никто не мог походить на него — отец никогда не улыбался. Я перестал искать в людях сходство с отцом, когда однажды обнаружил, что увидел похожего на него человека, который оказался моложе меня. И тогда мне увиделось моё занятие никчёмным, даже нездоровым.

Моя старинная знакомая Таня Набатникова из далёкой Москвы написала: “Когда мы были молодые, лет в 35–40, чужие смерти воспринимались как нечто естественное и даже оставляли толику удовлетворения, как будто освобождались вакансии жизненного пространства. Как в фильме “Мимино” в гостинице “Россия”, на съезде эндокринологов: “Ну вот, и ещё одно место освободилось”. А теперь, когда мне 67, каждый уход — моя личная утрата: пустеет мой мир. Выкашивает мой полк, мой взвод”.

Я помню, Таня, сколько тебе лет, мы ведь одногодки. А ты что, боишься слова “смерть”? Ты ведь неспроста упустила её (его, слово), составляя последнее предложение. Ты не могла это сделать случайно, нам всегда говорили педагоги: учись грамотности у Тани. Ты не бойся, Таня, ты просто не думай о ней. Это табу — думать о ней, как, скажем, об одиночестве. Они же брат с сестрой... А есть ещё сиротство. И знаешь, что общего у одного, другого и третьего? У них нет возраста!..

Восемь лет назад умерла моя тёща. Она всю жизнь неистово боролась за своё здоровье и не собиралась умирать. Она просто поторопилась привести в соответствие саму жизнь и её правила. Дочь не должна была умереть раньше матери. Но это случилось. Стрессовый рак — так объяснил причину смерти патологоанатом. Никогда раньше не слышал.

Моя тёща в последнее время видела мир в мрачных тонах, и это объяснимо. Она говорила:

— Мы уже не можем извлечь из себя то, что не в силах ни дать, ни отнять никто — умение веселиться от весёлого, плакать от грустного. Мы подавили себя в себе, мы продолжаем делать это до старости, до беспредельной ненависти к самим себе, когда мы уже в толк не возьмём, почему разучились смеяться и плакать. Когда говорят, старый — что малый, имеют в виду как раз это. Тот и другой плачут и смеются, не понимая причины слёз и веселья...

Вспоминаю эти слова тёщи, а перед глазами дочь, взбирающаяся по крутому берегу Катуня с тремя маслятами в руках.

— Понимаешь, — с глубокомысленным видом сообщила она, — здесь грибы не собирают. Это вроде как растительная солидарность. Приехавшие сюда отдыхать, в основном, проводят время, как растения, и им нет дела до других растений.

— Нет, дочь моя дорогая, просто все они из города и, наверно, забыли, что пицца находится у них прямо под ногами.

К тому времени дочери исполнилось пятнадцать, и она уже начала привыкать к жизни без мамы. А я к этому привыкнуть ещё не мог. Мне казалось, что её всё время надо отвлекать, таскать за собой, а у неё уже появился новый друг — компьютер, да и масса других друзей, и она всё неохотнее соглашалась на путешествия со мной.

Да, Катунь, моё последнее пристанище, мой покой и забвение. Запалить бы костерок да собрать друзей-товарищей, с кем проводил здесь золотые дни в золотые годы. Позвал бы Жору Алексеева, художника из Питера. Он обязательно начал бы высказывать глубокие, по его мнению, взгляды на жизнь, заявил бы что-нибудь вроде:

— Этой вот сосне лет сто пятьдесят, не меньше, под ней сидели, ходили несколько поколений до нас, и ни до кого ей никогда не было дела. А человеку почему-то есть дело до неё. Человек — существо не самодостаточное, в этом отношении ему ни с чем и ни с кем не сравниться. Подтверждение тому — масса вещей, жизненных подпорок, необходимых человеку. Причём с каждым годом количество этих подпорок растёт, а с тем убывает человеческая самодостаточность, вернее, остатки её...

Так бы, наверно, сказал Жора. Или... Кто его знает, что бы он сказал нынче? А о чём бы поведал Коля Шипилов? Я сейчас как-то плохо представляю его здесь, хотя картинка, застилающая мой взгляд, была наблюдаема мной неподалёку отсюда. Коля сидит в затишке за домиком на турбазе и сочиняет свои песни. Одна из них — гимн замечательному “наплевать”. Я даже некоторые слова запомнил. Думаю, сейчас это из моих знакомых самый большой оптимист. Вот сморозил! Коля умер. А незадолго до смерти родил дочь. От простоты и ясности в отношении к жизни. От оптимизма. Который не умер вместе с ним. Как он там пел, выходя из-под пульт у Белого дома? “Я ещё вернусь на святую Русь, разберёмся до конца потом”. А я верю — вернётся... Иначе кому исполнять предписанное им же самим в обращении к русской цивилизации за подписью Савватая Кутузова из Кейптауна. Некому, Коля, так что давай, возвращайся! Твои слова: “Русский народ в своих трагических испытаниях уже возвращается к национальной идее. А она, эта идея, по задворкам которой нас водят слепые поводыри, — в авральном восстановлении утраченной соборности против эгоистического индивидуализма. Душа каждого из нас должна воссоединиться с душой народа. Только в русском обществе, спаянном соборностью, как хорошая семья, мы можем быть спокойны за будущее русских детей”.

Эгоистический индивидуализм... А что, он, Коля, индивидуализм этот, может быть альтруистическим или ещё каким-то в этом роде? Можно предположить, что индивидуализм сродни одиночеству: вне толпы, вне массы, вне коллектива, вне общества... А вот хитрые философы-индивидуалисты, например, считают, что целью и содержанием исторического процесса является всестороннее развитие индивидуальной личности и освобождение её от принудительных общественных связей.

И тут мне неудержимо захотелось обратно, в заведение с нежным названием “Ласточка”. Ноги уж, было, сами направились туда, однако разум сдерживал, напоминая: “Отпусти, тоска, на волю, отпусти!” Да не за тоской я туда, — убеждал я себя, — перекусить, толком не ел ведь ещё сегодня. И тут пришло на память. Сидим с дочерью за столом, ужинаем (не вспомню, кстати, за последние пару лет, чтобы мы хотя бы раз обедали вместе). Я поперхнулся и спрашиваю её:

— Как думаешь, почему пожилые люди чаще молодых давятся пищей? У меня по нескольку раз на дню что-нибудь в дыхательное горло попадает.

— А жить торопятся, — не задумываясь, ответила она. И таким тоном — вроде как меня этот её вывод не касается. — Доживать. Вот и глотают, не пережёвывая толком.

— Может, совсем не потому. Скажем, с возрастом дыхательное горло расширяется из-за нехватки организму воздуха. Вот туда и летят всякие крошки.

— Ты спросил — я ответила, — буркнула она и закончила тему. — Как раз молодым надо больше воздуха, потому что они живут энергичнее, двигаются больше. Чего на диване особенно дышать-то? Лежание трусцой ещё не придумали.

В то время диваном я пользовался только по ночам и уж никак не больше неё. Но я тогда смолчал.

В “Ласточку” я возвращаться не стал.

А день всё длился. Правители что-то опять напридумывали с переводом часов, наверно, в этом всё и дело. Раньше в марте дни были короче. Я не хочу видеть этой сплошной серости вокруг — серый снег, серый лёд на реке, серое небо, и даже выкрашенная розовым стена дома напротив — серо-розовая. Я закрываю глаза и вижу покрытый яркой зеленью берег, жёлтые головки одуванчиков, выглядывающих из травы, солнечные блики на реке, весёлую лодочку, бегущую к дальнему берегу, и тётку, торгующую возле моста черемшой. Это же весна! Господи! В каком красивом мире мы живём! Долго ли, коротко я так простоял, — а у меня мгновениями появлялось ощущение, что я передвигаюсь, иду куда-то! — но вот я открыл глаза и обомлел. Прямо передо мной алела целая клумба тюльпанов! Сразу ничего не поняв, я подумал, будто на самом деле глаза мои против моей воли не захотели открываться, они ещё там, в загадочном мире грёз. Но нет, цветы были воткнуты в снег — кто-то аккуратно соорудил клумбу из нескольких десятков великолепных голландских тюльпанов. Что тут гадать, — окончательно пришёл я в себя, — отвергнутые цветы! Чьё-то счастье кончилось, а может, и не успело начаться...

Дочь поехала учиться в другой город. Точно такой же институт был и у нас, рядом с домом. Я не хотел отпускать её.

— Знаешь что, — сказала она и с улыбкой вроде, но в то же время серьёзно. И я вздрогнул, увидев в ней её мать! В точности! И вот это “знаешь что...”! И интонации!

— Знаешь что, — повторила она, — мне спешить некуда, а вот к тебе должны приходиться женщины. Время не прощает, когда к нему относятся с пренебрежением. Ты у меня ещё мужчина в самый раз, но всё-таки иногда заглядывай в календари... А то и останется при доме какая, я только за! Мамой буду называть!

Тут она расхохоталась, а мне что-то совсем не хотелось смеяться. Я-то наверняка знал: никого она больше мамой не назовёт.

Дочь уехала и больше не возвращалась. То есть она регулярно наезжала в гости, но виделись мы мало. Обычно она притаскивала с собой целую компанию друзей, и они почти сразу же отбывали в горы.

— Ты с нами? — спрашивала она всякий раз, наверняка зная, что я не поеду с ними в альплагерь Ак-Тру и не полезу покорять Белуху.

Женщины? Женщины в доме бывали. Но не задерживались подолгу, ибо рано или поздно отгадывали во мне стремление остаться одному.

После института дочь проехала несколько городов и, в конце концов, остановилась в Москве. Она инспектирует какие-то крупные сооружения, может, гидростанции, может, ещё что-то в этом роде. Спросишь — в ответ хихи, ха-ха! Не заморачивайся! Во всяком случае, на месте она не сидела.

Справедливости ради надо заметить, что я не так уж сильно печалился из-за домашнего одиночества, правда, жизнь моя изменилась, я превратился в самого примитивного обывателя из тех, кого когда-то презирал. После работы... Да, я же ещё не сказал, что работаю. Я инженер в типографии, довольно крупном и никчёмном предприятии. Почему никчёмном? Дело в том, что подобных предприятий в городе около трёхсот, и остановку или ликвидацию даже десятка из них не заметит никто. Но мы работаем, и потому — трепещите леса! От упакровок для продуктов до многотомных сочинений местных графоманов — всё наша продукция... Итак, после работы я ставлю на огонь что-нибудь из полуфабрикатов, которыми запасуюсь в получку и аванс, ужинаю и валюсь на диван (помните разговор с дочерью на тему диванной жизни? Так вот, диван победил!), включаю телевизор. И вот он, весь мир передо мной! Читать я бросил совсем, единственная книга, из которой я читывал на ночь глядя одну-две страницы, — это что-то вроде учебного пособия “Аварии в строительстве”, оставшаяся каким-то чудом со времён учёбы дочери. Открываю и читаю: “К недостаткам проектных решений отдельных зданий и сооружений, которые в совокупности строительно-монтажных работ привели к обрушениям, можно отнести недостаточное обеспечение пространственной жёсткости и устойчивости полносборных зданий...”

Я забросил даже свою любимую до дрожи рыбалку. С одной стороны, напарников не осталось, с другой — рыбу есть некому. Сам я её никогда не любил, а вот дочь — другое дело. Наловлю карасей — она сама вызывается чистить. Жена обычно встречала с рыбалки:

— Наловил — самому и чистить! — Иной раз пооберет. — Так и быть, почищу, только ты её сначала усыпи, пороть живую не стану.

Потом, оставшись один, я, бывало, устраивал проверку своим подругам или, по-современному, тестировал их. Выложу улов и смотрю, выжидаю.

Ответы различались только в оттенках.

— Ни за что чистить не буду!

Или:

— Дорогой, может, ты сам почишишь?

Когда мы расставались, совесть моя была чиста. Ну, хотя бы в какой-то части.

Обычно дочь запускала пойманных карасей в большой таз с водой, рядом ставила посудину для выпотрошенной рыбы.

— Смотри-ка, шустрый какой! Нет бы, отсидеться за спинками у других — суетится, носится туда-сюда. — Она всегда подобным образом разговаривает за делом. — Вот и заметили тебя, дурака, вот и поймали... А ты... Хитрый, да? Мол, я не я и лошадь не моя! Вы тут подышайте, а я в сторонке подожду, не высовываясь, понаблюдаю. Нет, брат, хитрых у нас не любят, хитрый — это почти что умный, а умный — кость в горле у прочего населения. Ой, посмотрите, удрать решил! — Она возвращает в таз с водой беглеца. — Отважный, это похвально, только знай, братец, если тебя лишили воли, а потом решили сожрать, то уж сожрут непременно...

Прислушиваюсь и думаю, что вот сейчас у неё выпускной класс, пока ещё школьница, но немного времени — и попадётся ей в жизни и хитрые, и подлые, и завистливые... Да и других, даст Бог, встретит. Вон она сама-то какая — добрая, светлая, хотя и замашки мальчишечьи, и в школе дерётся, и рыбу кромсает безжалостно...

День закончился, как обычно. За исключением того, что я замёрз и, посчитав часы, проведённые на улице, прикинул: столько времени я за всю зиму не нагулял. Пришёл домой, лёг на диван и только тут понял, как устал. Подержал в руке пульт от телевизора, отложил и взял учебник. “Обрушаются конструкции, а порой здания и сооружения в процессе эксплуатации в результате перенапряжения несущих конструкций и их элементов...” Этого мне хватило, чтобы уснуть.

И всё-таки нынешний март выдался необычным. Днём плюсовые температуры иногда позволяли даже ходить без пальто. Шли дни, и всё набирало и набирало силу тепло.

Однажды вечером в новостной программе телевидения сообщили о серьёзной аварии на Лесогорской ГЭС. Мне запомнилось только, что есть опасность затопления жилых посёлков, и название реки — Вуокса. Что-то прибалтийское, финское почудилось мне в этом названии. Посмотрел в энциклопедии — Карелия. Подумал: наверно, моя драгоценная дочура уже там, это, скорее всего, по её части. И тут меня накрыло какое-то непонятное волнение. “С чего бы, в первый раз, что ли?” — спрашивал я себя. В конце концов, она не в МЧС служит, не в спасательном отряде. Но беспокойство не проходило. Тогда я набрал номер мобильного и услышал холодное: аппарат вызываемого абонента выключен или...

— Или, — повторял я, не дослушав, — или...

Я ходил по квартире, заглядывая поочередно то на кухню, то в комнату дочери, как будто она по неведомому волшебству взяла бы да вдруг очутилась в своём уголке, где ничего со времени её отъезда не тронута. Что же делать? Не мог я взять в толк, какие действия предпринять? Бежать в аэропорт? На Москву рейсы только утром. А если пробираться прямо туда, к этой самой Вуоксе — всё равно через Москву, и потом, кто его пустит, там же чрезвычайная ситуация! И где это, я никогда не был в тех краях...

Карелия, Петрозаводск, а дальше?.. Я знал, знал эти минуты бессилия, когда видишь себя здоровым, готовым на поступки, но ситуация парализует тебя, не даёт возможности проявить ни разум, ни волю, ни смелость.

Снова и снова звоню. Или, или, или!..

Вымотанный до предела, я рухнул на диван, и тут — звонок.

— Ты чего, папка! Восемнадцать пропущенных звонков! Случилось что?

А я говорить не могу! Открываю рот, изо всей силы пытаюсь хоть что-нибудь вытолкнуть из горла — бесполезно!

— Аллё! — наконец, выпускают мои связки нечто хрипло-придушенное.

— Папа! — в голосе её уже настоящее беспокойство.

— Да-да, доченька, — произнёс я уже более-менее отчётливо.

— С тобой всё нормально?

— Да я-то в порядке, а вот ты...

— У нас тут экстренное совещание, трубу пришлось отключить. В Карелии проблемы...

— Знаю, знаю! — не дослушал я. — В новостях передали. Вот я и подумал, что тебя туда послали разбираться.

Она рассмеялась.

— Эх, папуля! Я давно уже сама посылаю. Вот ничего же не знаешь про свою дочь...

— А ты не напишешь, не позвонишь лишний раз! — рассердился я. — Занятые мы, как же!

— Приезжай давай, выбирайся, мне-то в ближайшее время не светит... Если честно — соскучилась.

— Женихи, поди...

— Ага, в очередь! Домой иду — палками отгоняю! Всё, папка, пока, у меня аврал продолжается.

Мне отчего-то стало душно, того и гляди, сердце прижмёт. Не хватало только приступа! Пойду на улицу, подышу, решил я. Одеваюсь и поглядываю на часы: у нас восемь вечера, в Москве — пять... Смотри-ка, посылает она!..

Через три дома от моего, на углу проспекта и боковой улочки пожилая женщина продавала нарциссы. Ей-богу, не припомню, чтобы у нас в марте цвели нарциссы, правда, и март нынче больше на апрель похож. Наши, точно, не голландские, откуда у бабули быть голландским?

— Кушите девушке цветы! — посмотрела она на меня без особой надежды. А голос печален, совсем не к цветам.

— Хм, цветы! — усмехнулся я, проходя мимо. — Девушке!

Сделал ещё несколько шагов и резко повернул назад. Ну, конечно же, цветы! Конечно же, девушке!

Цветы умеют улыбаться. Вы не знали? Особенно вот эти, нарциссы, ранние, весенние — цветы любви и надежды. Они преобразили моё жильё, они такие красивые рядом с ней, такой красивой!

Назавтра был выходной. С утра меня начало одолевать какое-то смешанное чувство праздника и беспокойства. Нарциссы смотрели со своего возвышения торжественно и с некоторым превосходством. Мне показалось, будто они посвежели, помолодели.

Я решил прогуляться, ходил долго, бесцельно и не заметил, как ноги сами привели меня в "Ласточку". Там был всего один посетитель, он сидел спиной к выходу, лицом к барной стойке. Заказав маленькую рюмку коньяку и кофе, я обернулся и узнал в одиноко сидящем человеке того самого пожилого мужчину, что сидел точно на этом же месте в прошлый раз! Одежда, застёгнутая на верхнюю пуговицу рубашка, напряжённая фигура... Но что самое удивительное — слёзы! Те же — плоские, мутные... И телефон в руке, только мне не разглядеть отсюда, есть ли на нём красная полоска. Как в прошлый раз, я подумал, что неприлично вот так разглядывать незнакомых людей, и ничего не мог с собой поделать. Но чем дольше я смотрел на него, тем больше сомневался, тот ли это посетитель? Лицо не так удлинено, морщин на лице поменьше, кадык — заметная деталь — не столь остро выпирает... Нет, конечно же, это не он. Это другой.

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН

ЖИЗНИ КОРОМЫСЛО

* * *

Писать стихи — обуза,
И счастье, и беда.
Старею я, а муза
Всё так же молода.

Изящно быстrokрыла,
Безудержно легка.
Что у меня забыла —
Я не пойму пока.

Над этим понимаюм
Не мучаюсь ничуть.
Душою, не сознаньем
Угадываю путь.

Она растает где-то
В таинственной тиши,
Оставив для поэта
Один завет — пиши.

МИЗГУЛИН Дмитрий Александрович родился в 1961 году в г. Мурманске. Автор пятнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России. Академик Петровской академии наук и искусств, Российской академии естественных наук. Кавалер ордена Преподобного Серафима Саровского РПЦ и различных литературных премий. Сопредседатель Попечительского совета альманаха "День поэзии — XXI век". Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Живет в Ханты-Мансийске.

И я пишу и плачу.
В рассветной мгле лечу.
И всё переиначить
По жизни не хочу.

Переживу мгновенье,
Когда поглотит мгла
И ветра дуновенье,
И взмах ее крыла.

* * *

Что-то стал я многословен,
Молодёжи не в пример.
Стал я глохнуть, как Бетховен,
Стал я слепнуть, как Гомер.

В канцелярии у Бога
Выдан каждому наряд.
Раздают — по списку строго.
Заберут — у всех подряд.

И пускай там кто-то слепнет,
Кто-то пусть теряет слух,
Но с годами только крепнет
Мой имперский, русский дух.

Я ничтожен и греховен,
Но великие в пример...
Буду глохнуть, как Бетховен,
Буду слепнуть, как Гомер.

* * *

Жизни коромысло
Шаткое ташу.
Стало меньше смысла
В том, что я ищу.

Мир мой слишком тесен
В вихре новостей.
Не уравновесить
Мне чужих страстей.

В сумерках ненастья
Спутались следы
И чужого счастья,
И чужой беды.

Сколько там — не знаю
Мой продлится путь.
Для тебя, родная,
Мне б пожить чуть-чуть.

Чтобы всё простила
На закате дня,
Чтоб не разлюбила
Грешного — меня.

И в тумане зыбком
Светится слегка
И твоя улыбка,
И моя тоска.

* * *

Мне оправдания не надо
И пониманье — ни к чему.
По жизни лучшая награда —
Побыть немного одному.

Не то, чтоб скорбное прозреньё
Возникло в глубине души,
Не то, чтоб обретаю зреньё
В ночи, заснеженной глуши.

Не то, чтоб одолели знанья,
Не то, чтоб чаша дней полна...
А просто — ночь,
а просто — баня.
А просто — полная луна.

Легки крещенские морозы,
И от камней струится жар.
И просто — терпкий дух берёзы
И лёгкий пар...

* * *

Без мифов живём и без песен —
Толпа настороженных лиц...
Наш мир до безумия тесен.
Мы сжаты флажками границ.

Заборы, заборы, заборы...
Весь мир — бесконечный забор!
И все превращается в споры,
О чём бы ни шёл разговор.

В утробе, в квартире, в машине...
Что толку роптать на судьбу.
И кончится жизнь — в домовине,
А проще, по-русски, — в гробу.

Соседи теперь уже рядом
Прилежно и тихо лежат.
Ограды, ограды, ограды...
Весь мир состоит из оград.

Заборов, оград постоянство
Повсюду — межа на меже.
Лишь небо дарует пространство
Зажатой по жизни душе.

Где птицы парят высоко,
Где с Господом Богом легко...

* * *

Пожить мне хотелось бы, право,
В пространстве великой страны,
Где споры по римскому праву
Уже никому не нужны.

Где проще становятся речи,
Где можно совсем без речей,
Где всё как-то по-человечьи
В привычном порядке вещей.

И где на излёте столетий,
Уже не боясь ничего,
Рыдают, как малые дети,
Великие мира сего.

* * *

А если честно, братцы,
Хотелось бы пожить,
На лыжах покататься
Да баню протопить.

Сжимаю терпкий веник,
И жар кипит в крови.
Не надо мне ни денег,
Ни славы, ни любви.

Весёлые картинки
Уже не для меня.
И звёзды, как снежинки,
Летят, во мгле звеня.

* * *

За окном озябли клёны,
Дождь долбит унылый стих.
Пью с похмелья чай зелёный,
Мыслей нету никаких.

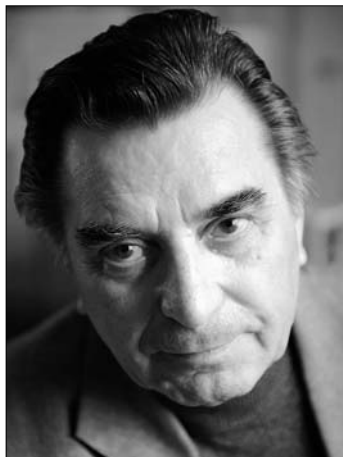
Угадать с погодой сложно.
Выйти — в куртке ли, в плаще.
Ни о чём не думать можно
И не думать — вообще.

За окном — то дождь со снегом,
Или, может, снег с дождём.
Значит, стало быть, с побегом
На природу подождём...

Буду плакать и смеяться,
Глядя тусклое ТВ.
Буду тихо восхищаться
Достиженьями В. В.

И прослушивая сводки,
Вдруг замру, душой горя.
И, наверно, выпью водки
Всё же вместо вискаря.

ВЯЧЕСЛАВ ЩЕПОТКИН

ДУЭЛЬ АЛМАЗНЫХ РЕЗИДЕНТОВ

ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Издательство “Русский мир” только что выпустило роман публициста и прозаика Вячеслава Щепоткина “Дуэль алмазных резидентов”. Подзаголовок книги — политико-экономический детектив.

Вячеслав Щепоткин — давний автор “Нашего современника”. Здесь печатались его рассказы, повесть “Холера”, роман “Крик совы перед концом сезона”, где показаны неблагоприятные роли Горбачёва, Ельцина, других руководителей страны, а также представителей иностранных спецслужб и рядовых граждан в разрушении Советского Союза. Роман за два года выдержал три издания. В том числе — в издательстве “Русский мир”.

И вот новое произведение — “Дуэль алмазных резидентов” — остросюжетное, полное приключений повествование из новейшей истории России.

События в романе разворачиваются вокруг двух фантастических богатств страны. Это огромное, на многие миллиарды долларов, наследие Советского Союза из алмазов и бриллиантов, собранных в государственном хранилище России — Гохране, и вторая на земном шаре по объёму добычи алмазов — компания “АПРОСЕВ”. За обладание ими и сталкиваются две мощные силы. Во главе одной из них — руководитель Главдрагмета, во главе другой — президент компании. На стороне каждого — свои сообщники и соратники. Действие происходит не только в России, но и в США, Бельгии, Израиле, Греции.

В романе есть всё, что было и есть в жизни: интриги и открытость, коварство и любовь, петля и пуля. А главное — реальные события и реаль-

---

ЩЕПОТКИН Вячеслав Иванович родился в 1938 году. Окончил Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Журналист, публицист, прозаик. Живёт и работает в Москве.

ные люди. ...Схватка разворачивается прямо на глазах читателя, превращаясь в опасную дуэль. Кто победил и кто проиграл — решать самим читателям.

В этом номере мы публикуем три главы романа из сорока восьми глав. Книга продаётся в крупнейших книжных и интернет-магазинах. Кроме того, её можно купить в редакции журнала “Наш современник”. Телефон для справок: 8-495-621-48-71.

АЛМАЗНОЕ ИМЯ И АЛМАЗНАЯ СУТЬ

В декабре, что в девять вечера, что в девять утра — одинаковая темь. “В Москве хоть скоро рассвет, а тут весь день — сплошная ночь”, — мрачно думал московский чиновник Постовой, пряча плоскую озябшую мордочку в воротник дорогой шубы. От дыхания редкие, как у енота, прямые усики заиндевели и неприятно топорщились. Чиновник быстро семенил столичными туфлями к трёхэтажному зданию напротив гостиницы, и, хотя оно было близко, ноги уже начинали застывать. Шедший рядом сопровождающий вежливо косил на гостя — только что под ручку не брал — и весело дышал морозным воздухом. “Как они живут в этой морозильной камере? — с лёгким ужасом удивлялся Постовой, глядя на жёлтый туман вокруг фонарей. — Сталь от холода лопается, земля на полкилометра в глубину вечно мёрзлая. Им надо алмазами зарплату платить”.

Однако при мысли об алмазах брезгливо хмыкнул в воротник. “Обойдутся. Алмазы для других”.

В трёхэтажном здании, где размещался сначала трест “Севресалмаз”, потом выросшее из него производственно-научное объединение с тем же названием, а теперь акционерная компания “АПРОСЕВ”, шла бойкая жизнь. Словно за внешними стенами этого дома было не сорок два градуса мороза, а майская подмосковная теплынь. Павел Петрович Постовой, или, как он себя рекомендовал называть, “тройной Пэ”, попав сюда в первый раз, аж вздрогнул. Внутри здание было похоже на элитную тюрьму, а жизнь таких реформаторов, как он и его товарищи, в любой нормальной стране должна была рано или поздно переместиться в подобное сооружение. Только с более строгим интерьером. И чем нормальнее страна, тем быстрее это должно было произойти. В центральной части здания, на первом, втором и третьем этажах, не было потолков. Как будто снизу доверху шёл колодец. Вокруг проёмов стояло ограждение. На отступе от него, по периметру второго и третьего этажей, располагались кабинеты. “Как камеры, — подумал тогда “тройной Пэ”. — Не хватает надзирателей с ключами”.

Ему потом сказали, что некоторые всерьёз уверены, будто здание по типовому проекту действительно предназначалось для тюрьмы. Но только советовали не говорить об этом Крикунову — одному из нынешних вице-президентов компании, до развала Советского Союза восемь лет возглавлявшему “Севресалмаз”. Он, предупреждали, приходит в ярость. Постовой был шапочно знаком с Крикуновым уже по московской жизни бывшего генерального директора — громкого, уверенного в себе, но вовсе не буйного. Поэтому, находясь под впечатлением от кабинетов-камер, в один из приездов спросил Крикунова:

— Дорого обошлось переделать проект?

— Какой?

— Ну, вот этот, — обвёл рукой чиновник периметр с закрытыми дверями. — Сейчас бы за такую работу — переделать тюрьму под офисное здание — запросили...

Его мазутные глазки блеснули от быстрой работы ума: “тройной Пэ” умел стремительно считать деньги. Но не успел Павел Петрович назвать цифру, как Крикунов резко прервал его прикидки.

— Вы что?! Вы кому верите?! Это построено по индивидуальному проекту! Мы его заказывали известному институту.

“А жаль, — подумал тогда чиновник с мордочкой енота. — В такой тюрьме можно бы уединиться. Ненадолго. Поиграть в преферанс. Виски. Женщины”.

Поскольку Россия после развала Союза оказалась страной особой, перемещение Павла Петровича вместо тюрьмы пошло совсем в другом направлении. Он стал представителем федерального правительства в акционерной компании “АПРОСЕВ”.

Название компании придумали не сразу. Сначала московским преобразователям понравилось имя “Алмазы России”. Звучало солидно. В мире есть могучая алмазная корпорация “Де Бирс”, но какой она страны, веры, национальности — не разберёшь. А тут сразу понятно, что есть чьё.

Однако алмазы с момента их открытия советскими геологами добывали в суровой, малонаселённой, но амбициозной Северной Республике, входившей в состав Российской Федерации. Когда Ельцин брякнул: “Берите суверенитета, сколько проглотите”, — и ляпнул это не где-нибудь, а именно в Северной Республике, началась невообразимая вакханалия. Не только республики в составе России, но даже отдельные города и, что совсем чудно, какие-то деревни собрались заявить о своей независимости. В Северной Республике государственным языком, вместе с национальным, объявили английский. Вскоре принятой конституции записали, что республика является самостоятельным субъектом в международных отношениях. Некоторые вожди приполярных племён стали даже подумывать о собственных армиях с ракетными установками на собачьих упряжках. А тут на тебе: “Алмазы России”! Как будто промёрзлой земли, из которой их добывают, и не существует. Местный парламент, где наряду с национальными депутатами было много русских, украинцев и других народопредставителей (открывали и осваивали Божий дар без оглядки на 5-й пункт в паспорте), высказал своё несогласие. Имя новорождённой поправили. Назвали “Алмазы Российской Федерации — Северной Республики”. Пиетет был соблюден, но получалось длинно. “Пока выговоришь, — сказал Крикунов, — алмазы украдут”. Кто-то предложил сократить до начальных букв: “АРС”. Теперь выходило совсем непонятно. Вице-президент компании Самсон Гольдберг — длинный, немолодой мужчина, интересующийся, похоже, не только финансовыми потоками, за которые отвечал, — недовольно изрёк: “Так назывались первые кинотеатры в России: “АРС”. И нас будут расшифровывать: “Ассоциация работников синемаатографа”.

— Какой “АРС”? Чево лепите? — закричал нервный директор горнообогатительного комбината с самым богатым алмазами карьером. — “АРС”... Артель рыжих собак!

На него зло зашикали. Директор ГОКа был наиболее отвязным желателем суверенитета. Он хотел отделиться со своим карьером сразу ото всех. От компании. От республики. И даже от России. Создать своё государство площадью два на два километра, но глубиной на всю алмазную трубку.

В конце концов, нашли имя, устраивающее всех, кроме директора-отщепенца: “АПРОСЕВ”. В названии присутствовало всё необходимое: Алмазы, Россия, Северная Республика.

Павел Петрович в очередной раз прилетел в “алмазную столицу” — так возвышенно называли город, выросший в необитаемом месте рядом с первой богатой алмазами кимберлитовой трубкой, — для участия в совместном заседании правления и наблюдательного совета компании. Раньше такие визиты были редкостью. Собирались руководители компании все вместе на официальные заседания эпизодически. Однако новый президент Широков сразу отвердил этот кисель бетоном порядка и арматурой графика. Сам он был по основной специальности инженер-строитель и очень любил смотреть не столько назад, сколько вперёд. Заседания руководящего ареопага компании стали регулярными, планируемыми заранее. Последнее особенно понравилось Павлу Петровичу. Импульсивную, хаотичную жизнь “тройного Пэ” внезапные выезды напрягали порой не меньше, чем неожиданный звонок в дверь в момент пика рассуждений о внеземных цивилизациях перед женщиной в постели.

Постовой знал Широкова уже четыре года. Первый раз встретил его в Москве, в вотчине главного приватизатора России Чубайса — в Комитете по управлению государственным имуществом, где Павел Петрович играл не последнюю скрипку. Тогда Широков только-только осваивался с новой для себя ролью вице-президента Северной Республики и председателя республиканского правительства. Несколько месяцев назад развалили Советский Союз. На кочках истории тряслась Россия. Скрипели и лопались хозяйственно-финансовые связи. Похожий на пингвина Гайдар с раздутым лицом утопленника радостно предвещал скорую смерть казарменной экономики.

У Северной Республики главным богатством были алмазы и золото. Хитрый, осторожный и расчётливый её руководитель неожиданно для всех, в том числе для себя, сделал рискованный шаг. Вскоре после августовского ГКЧП, но ещё при существовании СССР и его законов, послал телеграмму Борису Ельцину, где сообщил, что республика прекращает отгрузку золота и алмазов в союзное распоряжение. В недавнее время его немедленно сняли бы со всех постов и посадили в тюрьму, а ещё раньше — просто расстреляли.

Теперь же такой ход конём сразу приподнял невысокого ростом северного человека над толпой сторонников новой российской власти, и его лицо стало одним из символов национал-демократии.

А через три дня после Беловежскогоговора о роспуске Советского Союза северный лидер привёз в Москву крупный алмаз. По традиции все алмазы весом свыше 50 карат (один карат — 0,2 грамма) получают собственные имена. Этот весил почти 242 карата. Его назвали “Свободная Россия” и вручили Борису Ельцину. После чего тот в соседней комнате подписал Указ о праве республики распоряжаться природными ресурсами на своей территории.

Столь ловкий и уже совсем безопасный поступок принёс лидеру Северной Республики много дополнительных дивидендов. Через 19 дней он выиграл президентские выборы. Тогда-то по республике впервые прокатилась волна известности Владислава Широкова. Мудрый 54-летний лидер предложил 38-летнему министру строительства, проработавшему в этой должности всего полгода, пойти с ним на выборы в качестве вице-президента.

Многих в окружении лидера это невероятно удивило. Рядом ходили куда более известные люди, чьи фамилии были у всех на слуху. Конечно, популярность главы республики поднялась так высоко, что в паре с ним могли избрать хоть тибетского ламу. Но Широков... Кто он такой? Несколько лет после института поработал в строительстве. Немного — в обкоме партии. Три года (последние годы советской власти) учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС. И вот на тебе — кандидат в вице-президенты! Не потерял ли нюх глава Северной Республики?

Оказалось, не потерял. Наоборот, всё просчитал. В республике много русских. Особенно — в Алмазной провинции, где на стройках делал карьеру Широков. Значит, можно полагаться на их голоса. Известные куда не денутся, зато молодым надо показать, что у них есть хорошие шансы. Наконец, в московской Академии Владислав Широков защитил диссертацию, стал кандидатом экономических наук, учился управлению экономическими процессами в новых условиях, а их-то как раз и надо было создавать на руинах прежнего мироустройства.

Надо сказать, удивился и Широков, хотя виду не подал. Втайне он давно верил в свои неординарные возможности лидера, и эту веру в нём то и дело укрепляла жизнь. Одарённый от Бога какой-то фантастической памятью, беспокойным умом и упрямой волей этот симпатичный молодой мужчина, фигурой похожий на спортсмена-тяжелоатлета, без колебаний пошёл пристязным на президентские выборы.

После победы, согласно местной конституции, Широков стал одновременно вице-президентом и премьер-министром республиканского правительства. То есть на одну ногу надел лакированный туфель свадебного генерала, на другую — резиновый сапог прораба беспросветной стройки.

Свободная Россия стремительно летела в социально-экономические тартары. Обесценивались идеи, жизни, деньги. Если ещё недавно накопленных экскаваторщиком или бульдозеристом алмазного карьера 18–20 тысяч

рублей могло хватить на покупку хорошей кооперативной квартиры в Центральной России, то теперь столько стоил один ботинок. И тот без шнурка. Миллионы растерянных людей не знали, чего ожидать от завтрашнего дня, а тем более — от следующего месяца. Появившиеся из каких-то щелей огромной страны, ещё вчера никому неизвестные *человеки*, роняя слону вожделения, азартно всучали враз обедневшим гражданам не просто надежды, а полную уверенность в скором богатстве. Сначала — с помощью ваучеров. Потом — благодаря приватизации ничейной собственности. Так они называли собственность государства, состоящую из заводов и фабрик, нефтяных и газовых месторождений, самолётов, пароходов, зданий и другого несметного имущества.

В действительности никакого обогащения миллионов не подразумевалось. Приватизация стала сговором небольшой кучки передельщиков с целью захвата этой самой собственности.

Павел Петрович Постовой относил себя к людям эпохального измерения. Именно он и ещё несколько *“человеков из щелей”* соорудили нечто вроде проекта закона о приватизации. Однако парламент набор их увёрток отклонил, а значит, законом они не стали. Тогда *“щелевые человеки”* — по сути своей, наглые шулера и прохиндеи, решили обойти парламент с помощью президентского Указа. Существовал порядок: если депутаты в течение недели Указ не отменяют, он становится как бы законом.

Запойного Ельцина облапошить не составляло труда. Надо было внушить, что парламент хочет отнять у него власть. А это всё равно, что попробовать отобрать у голодного льва только что задавленную газель.

Дождавшись, когда у парламента начались каникулы и депутаты разъехались по стране, главарь приватизаторов Чубайс немедленно пришёл к главе государства с проектом Указа. Подготовленный президент тут же его подписал.

Этого было достаточно, чтобы открыть дорогу новым конкистадорам к государственной собственности России. Предприятия стоимостью в миллиарды долларов отдавали в сотни раз дешевле. Так, московский автомобильный завод имени Лихачёва сбыли за одну двухсотпятидесятую часть его цены. Гигантский “Уралмаш”, который называли “заводом заводов”, продали по цене небольшой европейской пекарни. К тому же, не за реальные деньги, а за ваучеры — эти скупленные ловкачами у населения безымянные бумажки.

Всё государственное переходило задарма в цепкие руки самих приватизаторов, их родственников из-за границы, получивших иностранное гражданство всего несколько месяцев назад, а также других *“человеков из щелей”*. Пятьсот крупнейших предприятий России, стоимостью, по самым заниженным оценкам, более 200 миллиардов долларов, были проданы за 7 миллиардов. Распродажа шла, как в оккупированной стране. Изумления не скрывали даже зарубежные фирмы. В Англии консультационные агентства в своих изданиях открытым текстом торопили клиентов ехать в Россию, чтобы не упустить единственный в истории человечества шанс.

* * *

Алмазная индустрия представляла собой один из самых волнующих актов. Но подобраться к нему по той же схеме, как к другим, было трудно. Создавая компанию “АПРОСЁВ”, дальновидные люди предусмотрели для неё не одну, а несколько опор. 32 процента акций было у федеральной власти. Столько же находилось в распоряжении республики. Кроме того, владельцами акций были восемь районов, где добывали алмазы, трудовой коллектив и фонд поддержки военнослужащих. Наконец, компания являлась закрытым акционерным обществом, что не давало приватизаторам возможности проникнуть внутрь. Душить можно было только снаружи.

И петлю начали стягивать. Тем более что опыт уже был. Его дала судьба золотодобывающей промышленности.

При советской власти Северную Республику называли “валютным цехом страны”. Кроме алмазов, здесь добывали значительную часть отечественного золота. Крупные объединения и старательские артели с десятками тысяч работников, с рудниками, приисками и комбинатами в некоторые годы отгружали в казну до 35 тонн драгоценного металла. Объединения строили и содержали города и посёлки, создавали нормальные условия для жизни не только своих работников, но и местного населения. Артели, несмотря на древнее название, на самом деле тоже были современными предприятиями, технически хорошо оснащёнными, с геологическими службами и, как правило, с отличными бытовыми условиями, что для Крайнего Севера имело очень важное значение.

Финансовые взаимоотношения государства и золотодобытчиков были давно отлажены: утром — золото, вечером — деньги. Оплата за отгруженный металл производилась без задержек. Особенно следили за поступлением оборотных средств при подготовке к “северному завозу”. Нужно было закупить, а потом за короткое полярное лето, пока реки становятся судоходными, доставить в далёкие и глухие места десятки тысяч тонн различных грузов, начиная от продовольствия и кончая оборудованием, машинами, горючим.

Призыв о разделении, как быстром способе разбогатеть, нашёл больше всего сторонников в золотодобывающей отрасли. Вместо 10 крупных территориальных предприятий в России появилось 600 с лишним компаний. Сдавая драгоценный металл в государственное хранилище, они рассчитывали, как и прежде, сразу получить оборотные средства. Но эту армаду никто не собирался сохранять. Задача была довести их до нищеты, разорить и подготовить отрасль к захвату богатыми зарубежными фирмами. Разрозненные, быстро теряющие объёмы добычи — некоторым “освободившимся” удалось вместо тонн получить лишь несколько килограммов золота в год — компании-огрызки бросились за кредитами в банки. Им дали. Только проценты установили такие, чтобы кредит невозможно было вернуть. Через два-три года после разделения почти все золотодобывающие предприятия России прекратили существование. Разрывая экономический монолит, они думали, что найдут золотую жилу. Оказалось, нашли дорогу в могилу.

Компания “АПРОСЕВ”, напротив, упорно держалась за целостность. В глубоких карьерах зимой и летом гремели взрывы. Могучие экскаваторы, в каждом ковше которых могли встать в полный рост несколько высоких мужчин, грузили миллионы тонн взорванной руды в кузова самосвалов-циклопов. Рычащие левиафаны с колёсами трёхметрового диаметра везли из глубоких карьеров по серпантину дорог руду на фабрики. Там её измельчали в бесшаровых мельницах, с водой гоняли десятки километров по трубам, чтобы на выходе из паутины труб и транспортёров, в не видимых глазу рентгеновских лучах, среди мокрой грязи сверкнула зеленоватая искра. Так под рентгеном проявлялся алмаз — будущий бриллиант. Из грязи — в князи.

В силу бытовой скромности родительской жизни, а также из-за невысоких собственных зарплат, Павел Петрович до разгрома приватизации и назначения в Наблюдательный совет компании “АПРОСЕВ” о бриллиантах лишь читал. Иногда видел в советском кино. В “Бриллиантовой руке”, в фильме “Бриллианты для диктатуры пролетариата”.

После перемен в стране и в личной жизни последняя кинокартина чаще всего стала приходить на ум. Только при слове “пролетариат” он мысленно видел не каких-то грязных рабочих, а вполне отмытых своих сообщников и, разумеется, самого себя. При этом расширение круга диктаторов считал крайне нецелесообразным.

Особенно он укрепился в такой мысли, когда впервые увидел несколько штук бриллиантов на своей ладони. Они были невесомы. Даже женственная кожа его ладони не почувствовала их давления. Однако компьютерный ум “тройного Па” мгновенно высчитал фантастическую цену этого перелива сверканий. Они стоили столько же, сколько 10-килограммовый слиток золота, или вагон меди, или железнодорожный состав чугуна.

Под такой невероятной тяжестью ладошка сама пошла вниз. Но строгий, конвойный взгляд Широкова заставил Павла Петровича вернуть взятое на время богатство.

КАК ПУСТИЛИ БАРАШКА В АЛМАЗНЫЙ “ОГОРОД”

Заместитель министра финансов Российской Федерации Носоватый не любил распространяться о своей работе. Когда этого невысокого, брюшковатого мужчину предпенсионного возраста, с непроницаемым тусклым взглядом тёмных глаз спрашивали, что он делает в помпезном здании 1910 года постройки — там размещался Минфин, — он неохотно отвечал: “Служу”. Поэтому мало знающие его люди думали, что Арнольд Григорьевич имеет дело лишь с какими-то бумагами, сплошь испещрёнными цифрами, а некоторые, ориентируясь на старые советские фильмы о скаредных бухгалтерях, даже представляли Носоватого на рабочем месте в нарукавниках, оберегающих рукава единственного костюма от истирания об стол и те самые бумаги.

Но костюмов у замминистра было более чем достаточно. Жил он тихо, не привлекая внимания, однако в значительном богатстве. Ведь Арнольд Григорьевич курировал Главдрагмет и находящийся там Гохран. А сидеть у воды и не протянуть руку, чтобы напиться, — это было из времён Иосифа Виссарионовича. Во времена Бориса Николаевича кто что хранил, тот то и имел. Когда Телков задумал разместить в таинственном от секретности Гохране израильские оградочные фирмы, он выразительно поглядел на куратора. Тот, не отводя глаз, так же безмолвно обозначил авантюристу свои условия.

С той поры куратор и курируемый действовали по принципу: ты — мне, я — тебе. Телков на деньги Главдрагмета купил дорогой немецкий внедорожник и предоставил его в безраздельное пользование Носоватому вместе с двумя шофёрами и полным обслуживанием. За счёт Главдрагмета возил Носоватого в заграничные командировки и на престижные курорты: от сидячей работы и неправильного питания заместителя министра раздувало, как тесто на дрожжах. Затем Телков ввёл Арнольда Григорьевича в общественный совет, специально созданный при Главдрагмете для нужных людей. После чего замминистра стал снисходительно глядеть на конверты с “государевой” зарплатой — доход от общественной работы был в девять раз больше.

Взамен Илья Михайлович без лишних вопросов получал подписи Носоватого на документах, которые определяли квотное количество алмазов, выделяемых для иностранных и совместных с иностранцами предприятий. Квоты эти могли поразить даже далёких от оградочной отрасли людей. А знакомый с этой сферой человек упал бы в обморок или сразу позвонил в ФСК. Так, в декабре 1994 года двум государственным заводам “Кристалл” — Смоленскому и Московскому — отпустили из кладовых Гохрана 33 тысячи карат алмазов. На заводах было 1800 рабочих мест, и загрузка предприятий не превышала 60 процентов. Однако ровно столько же алмазов получило СП “Сапфир”, где, согласно уставным документам, имелось всего 19 рабочих мест. Это было всё равно, что воробью дать мешок пшеницы.

Куда должна была уйти столь необъятная для крошечного “Сапфира” масса драгоценных камней? Оба государственных чиновника — Телков и Носоватый — хорошо знали. За границу. В тайниках чемоданов и сумок. В корсетах и лифчиках курьерш. В бумажниках и ботинках курьеров. Отловить контрабандистов можно было только агентурным путём, ибо никаких технических средств обнаружить спрятанный алмаз не существовало.

При этом государственным заводам выделялись камни среднего качества. А зарубежные фирмы и созданные ими СП получали алмазы крупных размеров и уникальных характеристик. Всего один карат таких камней, то есть 0,2 грамма, стоил по мировым ценам тысячу с лишним долларов, и получались из этих алмазов очень дорогие бриллианты.

Однако, чем больше разбухал контрабандный алмазный поток из России, тем сильнее переживал Носоватый. Но не потому, что заметно сокращались огромные советские запасы Гохрана. Волновала упускаемая возможность

отвести от баснословного потока драгоценный сверкающий ручей в свою сторону. Это можно было сделать, лишь взяв в собственные руки управленческую лопату для отвода ручейка. Так поступили многие государственные чиновники. Соучредителями совместных предприятий с иностранным капиталом становились руководящие работники Главдрагмета, различных министерств и даже — что совсем невероятно! — важные чиновники из Администрации президента России. Арнольд Григорьевич тоже хотел было присмотреть какое-нибудь СП. Но скрытный и не публичный, в отличие от своего напарника Телкова, он, к тому же, был и осторожен. Знал, что ни в одной нормальной стране мира не допустят, чтобы государственный служащий, да ещё высоко-го ранга, входил в руководство коммерческой фирмы. Самое малое — увольнят. В худшем случае — посадят. Поэтому своей “лопатой” решил сделать собственного зятя. Однажды, провожая Телкова до дверей своего кабинета — в тот раз Илья Михайлович лично приехал подписать квоты для двух совместных предприятий, — Носоватый бесцветно проговорил:

— Не знаю, куда парня пристроить...

— Кого это?

— Да зятя... Алёшку... Способный мальч. Я б даже сказал: где-то талант. Школу кончил раньше всех. Сразу после института защитил кандидатскую. Поработал кой-где... В милиции — на Петровке, с арабами тоже...

— А специальность у него какая?

— Экономист он... прямо скажу: толковый экономист.

Телков на миг задумался:

— Пришли-ка его ко мне. Какая у него фамилия, чтоб знать, на кого пропуск?

— Барашек. Алексей Барашек.

Илья Михайлович от неожиданности встал, с усмешкой осклабился:

— Надо же... Какая чудная фамилия.

— Почему чудная? — обиженно отреагировал Носоватый. — Взял фамилию моей дочери. Она у меня по мужу... по первому мужу — Барашек. Алексей записался на неё. Вот у него фамилия была чудная. Бляйхер.

— Да ладно... Эт я так... Присылай.

Илье Михайловичу зять куратора глянул. Высокий тридцатидвухлетний парень с симпатичным лицом и карими глазами, которые почти осязаемо излучали обаяние, рассказал Телкову о себе. Всё у него складывалось удачно, и даже последняя работа в коммерческой фирме, торговавшей противогАЗами, была успешной. Правда, этот бизнес несколько обескуражил руководителя Главдрагмета.

— ПротивогАЗы... И берут их? Кому они сейчас нужны?

— Берут, Илья Михалыч! Не сказать нарасхват, но разбирают! В Африке — одни племена ещё за социализм, другие — давно за капитализм. Утверждать правоту своих идей с луками и копыями перестали. Цивилизация. Стоит в главной газете какого-нибудь племени написать — не в лоб, конечно, а вроде утечку дать, — что соседнее племя, разумеется, другой, капиталистической ориентации ведёт переговоры о закупке боевых отравляющих веществ, как вожди социалистического племени ищут, чем ответить. Тут им наши люди и подсказывают... Для начала... для защиты армии и народа возьмите противогАЗы.

— Ловкие ваши люди... Нашим бы вождям кто внушил...

— Да, избавьтесь от кабалы “Де Бирса”, — сразу ухватил невысказанную мысль Телкова сообразительный гость. Он знал от тестя, что руководитель Главдрагмета везде, где есть возможность открыть рот, сразу начинает поносить “Де Бирс” как грабителя России. “Действительно, что ли, грабит нас этот алмазный спрут?” — спросил однажды тестя Барашек. “Да нет, конечно, — усмехнулся Носоватый. — Он мешает по обходному каналу вывозить алмазы. Требуется, чтоб мы перекрыли этот канал. Как в прежних соглашениях было записано: никаких “левых” алмазов на мировом рынке быть не должно. Иначе упадут цены и пострадают все... Кроме “левых” диамантеров...” — “Значит, Илье Михалычу российская выгода до лампочки? — догадался зять. — Даже до перегоревшей. Но нам-то о своём интересе надо

подумать? Поэтому пусть “Де Бирс” выглядит врагом, и с ним надо бороться... — “Понятно”. — “Карфаген должен быть разрушен...” — “Какой ещё Карфаген?” — не понял тесть. “Город-государство в древнем мире, — объяснил Барашек. — И был такой римский сенатор Катон Старший. Он каждую речь в сенате заканчивал словами: “А кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен”. О чём бы ни говорил до этого, всегда кончал одним и тем же. Как сейчас Илья Михалыч про “Де Бирс”.

Поэтому, чутко уловив желание Телкова заявить о ненависти к алмазному монополисту и своей патриотической позиции, молодой человек вдохновился:

— Вы абсолютно правы, Илья Михалыч! Россия может потеснить этого монстра на мировом рынке алмазов. У моих людей... — считайте, у меня — есть очень тесные связи, я бы сказал, бриллиантовые отношения с кронпринцем Ботсваны Кгодумо Первым. Знаете такую страну?

— Знаю, — с любопытством поглядел на Барашка Телков. — Богатая алмазами.

— Вот именно! Особенно — ювелирными. Мы сейчас ждём его скорой свадьбы с принцессой Лесото. Помогаем ему... Сватаем... Кронпринц — это наследник. Король в Ботсване — старый, и как только наследник женится, его провозгласят королём. А он уже сейчас готов выходить на мировой рынок со своими алмазами не через “Де Бирс”, а через Россию. Будет продавать нам, а дальше наше дело: кто покупатель, какая цена.

Барашек нёс полную чепуху. Он лишь догадывался, что Ботсвана находится где-то в Африке, но, конечно, знать не знал, что никакого кронпринца Кгодумо Первого там не существует, потому что эта страна является президентской республикой. Как не было и готовой к замужеству принцессы в государстве Лесото, ибо местный король сам ещё ходил в молодых холостяках. Однако увидев интерес руководителя Главдрагмета, молодой человек возбудился, даже встал со стула, снова сел и, чем дальше говорил, тем больше верил сам в придуманную им сказку.

Поверил в неё, хотя с некоторыми сомнениями, и Телков. Чем-то фантастическим отдавала вдохновенная речь молодого человека. “Арап, — подумал многоопытный Илья Михайлович. — Похоже, ему сбрехнуть, что сигарету стрельнуть”. К тому же не очень вязались торговля противозадами и алмазный кронпринц. Но видя, как ещё вчерашние прохиндеи, знавшие об алмазе только как о стеклорезе, став учредителями оградочных фирм, превращаются в бриллиантовых принцев и даже королей, Илья Михайлович решил реализовать с помощью Барашка давно задуманную операцию. Добавить к скрытому “левому” каналу вывоза драгоценностей из России канал полулегальный. А более удобного помощника, чем зять заместителя министра финансов, курирующего Гохран, нельзя было найти.

Но сначала требовалось создать за границей, а лучше — в Соединённых Штатах, главным потребителе бриллиантов, фирму, через которую российские алмазы пойдут на мировой рынок. На меморандум с “Де Бирс” Телков не обращал внимания. Он был убеждён, что у “этой бумажки” короткая жизнь. Главный документ — новое торговое соглашение. А появиться соглашению ни он, ни владельцы фальшивых оградочных СП, открывающие теперь ногой двери самых высоких властных кабинетов, не позволят. Энергичный и находчивый в любой ситуации, Илья Михайлович после встречи с зятем заместителя финансов закипел, как вулкан, готовый к извержению. Пока отправленный в Сан-Франциско Алексей Барашек придумывал с рекомендованными ему компаньонами название фирмы и делил доли участия каждого, Телков обходил одного за другим нужных людей. Руководитель Главдрагмета рассказывал о скорой венценосной свадьбе в Африке, ругал “Де Бирс”, обещал в случае поддержки его идеи добиться от США кредита для России в полмиллиарда долларов. Правда, добавлял он, под небольшой залог.

Через некоторое время из Штатов вернулся Барашек.

— Чем порадуешь? — спросил Телков.

— Придумали название. Это будет международная корпорация “Даймонд АБРА”.

— Даймонд — понятно. Алмаз... бриллиант... А дальше что такое?

— Инициалы учредителей. АБ — Алексей Барашек, Р — Рубен, А — Амаяк. Они говорят, что два брата. Армяне. Фамилия — Макарян. Кстати, переводится как крокодил.

— Почему ж у них по букве, а у тебя — две?

— Потому, Илья Михалыч, что у меня 60 процентов, а у них по двадцать.

Телков поморщился: затевается серьёзная операция, а тут — игра в буквы. Абракадабра какая-то...

— Поедешь на наш завод. Я велел директору подготовить проект договора с американской фирмой... Название сам ему скажешь. Переведёт он твоей Абракадабре... А-а... Её ж пока нету... Куда переводить деньги?

— Я дам счёт Рубена. Свой пока не открыл

Директор завода выполнил указание Телкова. Заключил договор с несуществующей корпорацией о том, что все алмазы, которые завод отправит этой фирме, она может представлять как свою собственность. Другим договором перевёл на лицевой счёт Рубена Макаряна один миллион триста тысяч долларов.

Через две недели в Сан-Франциско была зарегистрирована корпорация “Даймонд АБРА”. Уставной капитал фирмы составил ровно ту сумму, которую отправил в Америку российский государственный ограночный завод. На эти деньги учредители купили здание под будущее гранильное производство с надёжно защищёнными складами и охраной. Теперь можно было принимать драгоценности.

А Телков в это время строил легенду для открытия канала. Вместе с начальником валютно-финансового отдела Правительства России Питерским, который отвечал в кабинете министров за операции с драгоценностями, подготовил служебную записку и проект распоряжения за подписью министра финансов. В записке говорилось, что американская корпорация получила согласие главного банка США об открытии для России кредитной линии в пятьсот миллионов долларов. Но для гарантий возврата займа корпорация должна представить банку первую часть залога из бриллиантов в размере 10 тысяч карат. Потом предполагалось довести поставки бриллиантов до 20 тысяч карат каждый месяц. Распоряжение министра должно было всё это утвердить.

— Правда, американцы, как вы знаете, Борис Григорьевич, народ капризный, — с показной озабоченностью сказал Питерский министру. — Могут не удовлетвориться одними бриллиантами. Мы предлагаем...

Искушённый в чиновных интригах Питерский многозначительно помолчал, давая понять, что это не его личное мнение, а людей из окружения премьера.

— Что конкретно? — решительным тоном спросил министр, в недавнем прошлом консультант ЦК КПСС, а теперь отъявленный демократ.

— Для более надёжного обеспечения кредита дать поручение Главдрагмету, — заговорил Питерский, с нарочитой строгостью взглянув на Телкова, — поставлять корпорации не только бриллианты. Надо бы ещё необработанные алмазы. А также золото... серебро...

Министр прочитал проект распоряжения. Поглядел на своего заместителя Носоватого, который сидел молча. Тот кивнул. Министр расписался.

— Согласен. Только все документы и переписку — засекретить.

Телков и его новый компаньон были довольны. Подпись министра открывала, вдобавок к существующему подпольному каналу, ещё один путь. И, как полагал Илья Михайлович, не менее удачный.

Через некоторое время в Сан-Франциско из кладовых российского Гохрана в адрес безвестной корпорации были отправлены первые контейнеры. В них находилось пять тонн золотых монет. В том числе — старинные французские золотые франки, английские фунты стерлингов, российские монеты с изображением Петра Первого, золото царской чеканки. В этой же первой партии прибыло полтонны старинной серебряной посуды, относящейся к антиквариату, сорок килограммов уникальных ювелирных изделий — кольца, броши, браслеты, ожерелья, серьги, — каждое из которых являлось произведением искусства. Отдельно были доставлены двадцать пять тысяч каратов

бриллиантов, сорок тысяч каратов алмазов. Кроме того, в специальных больших ящиках были упакованы полудрагоценные камни — топазы, аметисты, изумруды, некоторые размером с кулак, а также принадлежавшие царской семье пасхальные яйца работы Фаберже, изделия из слоновой кости.

В описи стояла цена отправленного — 95 миллионов долларов США. Илья Михайлович пролистал документы и улыбнулся. Всё это стоило раза в четыре дороже. Ведь бриллианты в Гохране, в выходной день, когда никто не имел права заходить в кладовые, по его поручению отбирал лично Дэвид Куклис — владелец диамантерской фирмы *Star river*, который специально занижал их цену, чтобы потом добавить в свою “Звёздную реку” — так переводилось название фирмы — несколько миллионов долларов. Намного была уменьшена, по сравнению с рыночной, и цена всего остального.

Когда груз прибыл в Сан-Франциско, Барашек позвонил Телкову:

— Господин директор, готовьтесь к торжественному открытию нашей с вами корпорации.

* * *

Илья Михайлович не раз вспоминал те очаровательные дни. Вместе с Никольской, Питерским, Носоватым, своим первым заместителем Каплуном, начальником управления из Администрации президента России Каштановым и генералом таможенной службы они прилетели в Соединённые Штаты. В аэропорту Сан-Франциско их встретил Алексей Барашек. На двух просторных лимузинах гости поехали в город. Был сентябрь — самый тёплый здешний месяц. И одновременно самый туманный. Пока ехали в тумане из аэропорта, Барашек рассказывал сидящим с ним в машине Телкову, Никольской и тестю об особенностях местного климата.

— Город — на широте нашего Сочи. Но посвежей, потому что окружён с трёх сторон водой. С одной стороны — Тихий океан. Здесь у него холодное течение, поэтому в Сан-Франциско часто туманы. Они — визитная карточка города. В другие месяцы туманы держатся целыми днями. Сейчас рассеиваются быстро. Вон... Уже всё хорошо видно.

Телков и Носоватый с интересом глядели по сторонам. Никольская сидела между ними. Чтобы увидеть называемые Барашком достопримечательности, то и дело прислонялась в Илье Михайловичу. Все трое были здесь впервые. В Нью-Йорке и Лос-Анджелесе начальник Главдрагмета с журналисткой бывал не раз. Там стал продавать свои бриллианты Смоленский завод “Кристалл”, и Телков как представитель государственного органа приезжал вроде бы поинтересоваться организацией дела. Носоватый объездил не одну страну, однако в Соединённые Штаты не попадал. Поэтому с любопытством слушал зятя и немного гордился выбором дочери. До этого он воспринимал Алёшку с некоторым опасением: тот иногда высказывал сомнительные идеи.

Во второй машине ехали остальные трое. Гидом у них был Рубен Макарян. Амаяк ждал гостей возле отеля *The Fairmont San Francisco*. В обиходе постояльцы и жители города называли его просто “Фермонт”. Но эта простота больше напоминала уважительное почтение к хоть и не молодому, но богатому, влиятельному и полному сил человеку. Алексей сразу решил, где он поселит своих гостей, ибо “Фермонт” был самым лучшим и дорогим отелем в Сан-Франциско. Он сам жил здесь до того, как купил себе дом.

Подъезжая к отелю, Барашек бесцветным тоном, как о солидном приятеле, который для кого-то — недостижимая величина, а для него — ровня, рассказывал о том, где гости будут жить. Отель стоит на холме Ноб Хилл, одном из сорока с лишним холмов Сан-Франциско. Это самый престижный район с наиболее дорогими отелями. Живут здесь только очень богатые люди. “Фермонт” построен в 1906 году, незадолго до катастрофического землетрясения. Оно разрушило 80 процентов зданий. Однако новый отель уцелел. С той поры, заметил Барашек, началась его великая история.

— В 1945 году здесь проходила конференция делегатов из пятидесяти стран, — повернулся к гостям хозяин. — На ней была образована Организация Объединённых Наций. В “Фермонте” снимался фильм по роману Артура Хейли “Отель”. Здесь останавливались короли, американские президенты Теодор Рузвельт и Уильям Тафт... Жили знаменитые артисты, певцы, политики.

Барашек хотел сказать: жил и я, но машина в этот момент подъехала к отелю, и хозяин корпорации увидел одного из своих соучредителей. Тот был одет по-кавказски пышно, приветливо улыбался, и Телков с удовлетворением подумал, что, кажется, он не ошибся в ребятах.

Гостей повели каждого в свои апартаменты. Когда Илья Михайлович в сопровождении Барашка поднялся на верх отеля в предназначенный ему пентхаус, то поначалу не смог говорить. Только повторял время от времени: “Ничего себе! Ого!..”

Удивляться было чему. Даже выдавшего немало дорогих отелей Телкова поразил величественный номер. Его площадь, как с готовностью сообщил Барашек, составляла 560 метров. Здесь было три спальни, четыре ванных комнаты, гостиная с камином, кабинет, бильярдный стол. С просторной террасы открывалась панорама города, часть залива. Телков окинул взглядом распростёршийся перед ним Сан-Франциско и вернулся в гостиную.

— И сколько? — обвёл рукой пространство перед собою.

— Да ерунда, Илья Михалыч! — довольно улыбнулся Барашек. — Пятнадцать тысяч долларов за ночь. Зато вам будет удобно. Можете принять гостей — и никаких соседей.

Он знал о подлинной роли пресс-секретаря Татьяны Никольской, был уверен, что ночевать она придёт в одну из трёх спален.

— Кстати, в этом шкафу ваш новый фрак, Илья Михалыч. Куплен вам. И такой же — для Арнольда Григорьевича. Завтра, если не возражаете, повозим вас по городу.

Телков любил деньги. Ему казалось, что он даже физически чувствует, как прилив денег добавляет ему силы в мышцы и делает острее ум. Но Илья Михайлович любил и шик. Прожив жизнь, как многие советские люди, в вынужденном аскетизме, он в последние годы стал позволять себе побаловать себя. Однако при этом старался зря деньги не тратить. А что такое в его понимании было “зря”? Как раз житьё в таких апартаментах. Поэтому, продолжая восхищаться богатством обстановки, Илья Михайлович отечески пожурил Барашка:

— Шикарно всё это, Алексей. Не обратили бы внимание...

— Вы зря волнуетесь, господин директор! — несколько шутливым, но в то же время явно почтительным тоном возразил Барашек. — Наши сюда не доберутся. А здешние... они у меня вот здесь.

Он потёр пальцы правой руки друг о друга, как изображают пересчёт пачки денег.

— Послезавтра на презентации увидите их всех.

В назначенный день к центральной части города с мощным гулом пролетел вертолёт. Он сделал круг над несколькими зданиями и, зависнув над одним из них, сел прямо на крышу. Это был вертолёт К-32 советского производства, предназначенный для аварийно-спасательных работ и патрульной службы. И хотя машина относилась к среднему классу, тем не менее, от вихрей, поднятых шестнадцатиметровыми лопастями, в окнах некоторых домов по соседству вылетели стёкла.

Но никто из двухсот гостей, поднявшихся на крышу здания после посадки туда вертолёта, не взволновался. Мэр Сан-Франциско, начальник городской полиции, представители властей штата Калифорния, крупные бизнесмены — все знали, что русский вертолёт — это подарок корпорации местной полиции. А замена вылетевших стёкол с хорошей компенсацией за беспокойство для баснословно богатой фирмы вообще пустяки.

Презентация началась тут же на плоской крыше, раскрашенной в цвета российского флага. Барашек представил американцам важных гостей из России. Илья Михайлович поднялся за столиком, раскланялся. Как и замминистра финансов Носоватый, он был во фраке. Белая бабочка скованно давила

шею — обычно Телков носил галстуки, которые в последнее время ему подбирала Никольская. Но торжественный случай обязывал. Руководитель Главдрагмета коротко сказал о деловом сотрудничестве двух стран. Барашек перевёл. Желая подчеркнуть значительность российской делегации, Алексей подробно назвал весь титул своего тестя. Арнольд Григорьевич только поклонился в разные стороны, но говорить ничего не стал. Зато его зять, вынужденный из стойки микрофон, воодушевился.

— Леди и джентльмены! Мы рады приветствовать вас на таком знаменательном событии, как презентация главного офиса международной корпорации в одном из лучших городов Соединённых Штатов Америки. Под вами... буквально под вашими ногами — несколько этажей будущего процветания Сан-Франциско. Мы открываем фабрику по огранке российских алмазов в бриллианты. Затем из этих бриллиантов и доставленного вам дружественной Россией золота другая фабрика нашей корпорации будет изготавливать ювелирные изделия. Высокооплачиваемые рабочие места, солидные налоги, которые станет перечислять наша фирма в местный бюджет, сделают жизнь в Сан-Франциско ещё более привлекательной и богатой. Ваш город, где до сегодняшнего дня не занимались ограночным производством, в течение короткого времени получит статус “бриллиантовой столицы” Соединённых Штатов. А там недалеко и до мировой короны. С помощью нашей корпорации вы затмите славу Антверпена, Тель-Авива и Москвы. В Сан-Франциско потекут алмазы со всего мира, и в первую очередь российские, чтобы превратиться здесь в бриллианты.

С удовольствием слушая своего подопечного, Телков вдруг подумал, что речь Барашка отдаёт чем-то знакомым. И тут же вспомнил: это был с детства любимый Остап Бендер! Такими же завораживающими словами великий комбинатор внушал любителям шахмат в заштатных Васюках, что скоро их безвестный городишко превратится сначала в общегосударственную шахматную столицу, потом — в мировую и, наконец, в космическую. “Хорошо, что наш остановился пока на мировом уровне, — с нарастающим беспокойством оценил Телков. — Арап... Самый настоящий... Кажется, его надо держать за фалды”, — пришло на ум давнее выражение.

Оно появилось при виде расхаживающего между столиками Барашка. Фалды его фрака колыхались, как крылья подстреленной птицы, сам глава корпорации был весел, шутил на английском и то тут, то там рядом с ним вспыхивал смех.

Наконец, он снова поднёс микрофон к губам, обнажив запястье левой руки, и Телков увидел дорогие часы. “Тысяч на пятьдесят... В долларах...” — сообразил Илья Михайлович. Похоже, специально продемонстрированные часы увидели и американцы. За столиками восторженно загомонили. Если глава корпорации может позволить себе такое, то какими же богатствами владеет он и его компаньоны, которые ходят тут же по расцвеченной крыше? На каждом из них были дорогие смокинги, в запонках и на галстуках у обоих армян сверкали крупные бриллианты.

Гости пили шампанское, черпали антикварными российскими ложечками из старинных серебряных икорниц, принадлежавших царскому дому Романовых, чёрную и красную икру, говорили ответные речи. Довольный устроенным приёмом, Барашек слегка кашлянул в микрофон, привлекая внимание.

— Господа! Позвольте сказать ещё об одном обстоятельстве. У Сан-Франциско есть несколько городов-побратимов. Но что это за города? Я не хочу их обидеть, даже маленький городок, если он стал побратимом вашего мегаполиса, может гордиться таким родством. Только есть ещё один город, который достоин быть братом будущей “бриллиантовой” столицы мира. Это Москва — алмазная столица России. Здесь присутствуют люди, близкие к руководству нашей страны. И мы попросим их, чтобы они донесли до руководителей Российской Федерации озабоченность корпорации такой, прямо скажем, несправедливой ситуацией.

Когда Никольская перевела слова Барашка сидящим рядом Телкову и Носоватому, оба сообщника напряглись и переглянулись. “Этот прохвост может нас подставить”, — со страхом подумал о зяте трусоватый Арнольд

Григорьевич. А Телков впервые засомневался в своём выборе. “На того ли я поставил?” — озабоченно сдвинул он редкие брови.

Илья Михайлович имел основания задуматься. Недооценка вывезенных сокровищ не очень беспокоила его. Это ещё надо доказать, что отобранные бриллианты могут стоить дороже. Могут дороже, а могут и дешевле. Рынок и субъективизм всегда ходят рядом. А вот первая партия драгоценностей на 95 миллионов долларов, отпущенных заграничной фирме без предоплаты и даже без гарантийных писем, — такое при неосторожном поведении Барашка и его компаньонов может привлечь внимание. Но он не зря взял себе в корпорации должность директора по связям с Россией. Ни один серьёзный шаг не будет сделан без согласования с ним.

И, как полагал Илья Михайлович, все крупные акции фирма проводила под его контролем. Покупала дорогие особняки и виллы — Телков об этом знал: могло пригодиться для подарков очень нужным людям. В том числе себе — на старость. Создавала в разных странах дочерние компании — это было нужно для переброски денег и запутывания гохрановских следов. Ту же компанию “Алмаз Урала” Барашек образовал как стопроцентную “дочку” корпорации для того, чтобы через неё у начальника Главдрагмета была возможность отправлять в Сан-Франциско новые партии драгоценного товара. Кто же мог подумать, что жадность руководителей фирмы “Алмаз Урала” (Телков снова в сердцах повторил про себя: “Алмаз украла”) привлечёт внимание налоговой полиции и даже ФСБ? Очень не вовремя это получилось! Его люди пока ещё прочно держали в “невывозных” три большие партии “алросеовских” алмазов, не давая лицензии на их отправку для “Де Бирса”. Широков требует соблюдать закон... Пусть и дальше требует... Закон — это мы, а не написанные на бумаге буквы. В карьерах и на фабриках компании снова готовятся к забастовке. Надо сказать своим, чтоб подогрели профсоюз. А месяца через три посмотрим, где будет этот молодой наглец. Жалко Татьяну отдавать... Но оплачу... все страдания оплачу... Главное, убрать засранца и поднять компанию... Пускай походит по нашим кабинетам. Его не все ещё примут... Обещали мне...

ГРУЗИТЕ БРИЛЛИАНТЫ... МЕШКАМИ

Специальный агент ФБР из регионального офиса в Сан-Франциско Джек Моррисон за свою многолетнюю службу навиделся всего и всякого, а потому удивить его было трудно. Но когда он начал выполнять поручение руководства — проверить недавно обосновавшуюся в городе российскую корпорацию “Даймонд АБРА”, — Джек понял, что возможности для изумления безграничны. Проверять велели аккуратно. Российские бизнесмены были щедры к местным властям и местной полиции. Сделали дорогие подарки — один вертолёт чего стоил! Дали работу нескольким полицейским. Бросить тень на порядочную фирму было нельзя. Однако к сотрудникам ФБР поступилистораживающие сигналы о самих предпринимателях и невероятных объёмах поступающих драгоценностей. Подозревать, что бриллианты и алмазы, золото и антикварные изделия из серебра похищены в каком-то российском хранилище и вывезены преступным путём в США, оснований вроде бы не имелось. Драгоценные грузы, которыми были заполнены самолёты, сопровождали работники российской фельдсвязи — официальной государственной структуры. На презентации компании присутствовали солидные чины из правительства новой России. Значит, поставки узаконены на высшем уровне. Но зачем так много и, что не менее важно, кому? Джек Моррисон выяснил: никто из руководящей тройцы никогда не торговал бриллиантами, не работал с золотом, а тем более — с алмазами. Эмигранты-армяне незадолго до появления в Сан-Франциско корпорации красили дорожные бордюры. Это был их единственный скудный заработок. Не больше понимал в драгоценном бизнесе и глава фирмы Алексей Барашек.

А ведь объёмы были потрясающими. В первой же партии привезли несколько килограммов бриллиантов. Целое ведро! Сначала Моррисон подумал,

что его информаторы не всё правильно поняли. Это какой же бешеной стоимости груз переброшен из разрушаемой России, прикидывал агент ФБР, если один бриллиант весом меньше спичечной головки мог стоить 20 тысяч долларов! И такими “спичечными головками” были заполнены мешки. Пересыпать — ещё ведра два.

А другие драгоценности! Одних золотых монет доставили пять тонн! Ну, ладно золото. Уникальные старинные монеты из Франции, Англии, США, царской России с изображением Петра Первого переплавили и слитки продали. Но с алмазами совсем другая работа! Чтобы превратить в бриллианты поступившее количество драгоценных камней, большому заводу, где трудятся пятьсот огранщиков, потребовался бы год. А в четырёхэтажном пафосном здании с колоннами из чёрного мрамора было всего около тридцати гранильщиков. Выходит, алмазы и не собираются здесь обрабатывать, понял Моррисон.

Его подозрения оправдались. Вскоре большинство бриллиантов и алмазов увезли. Только не назад, в Россию, а в Антверпен. В дочернюю фирму корпорации “Даймонд АБРА”. Там же, в Бельгии, через несколько подставных компаний их продали и деньги перевели в швейцарские банки.

Всё это специальный агент ФБР Джек Моррисон выяснил, распутывая клубок странных действий с российскими драгоценностями. Но ещё раньше он проверил сигналы о фантастических тратах денег новыми бизнесменами. Расспросы начал с продавца дорогого здания, где разместилась корпорация. Тот назвал Барашку цену: шесть миллионов долларов. Готов был снизить, если покупателю она покажется слишком большой. Однако произошло то, от чего владелец дома просто онемел.

— Даю одиннадцать миллионов, — заявил Барашек. — Только при условии, что всё будет оформлено за неделю.

Также с размахом платили он и его компаньоны за другие покупки. Зайдя в салон престижных автомобилей, глава корпорации, не скупясь, отдал больше миллиона долларов за “Роллс-Ройс” и две известные ему по фильмам о Джеймсе Бонде машины “Астон Мартин”. Потом Барашек и братья армяне за два миллиона купили три великолепных яхты. Через несколько недель выложили почти четыре миллиона долларов за три привлекательных дома: каждому своё “гнездо”.

Джек Моррисон только успевал фиксировать вызывающие даже для богатого Сан-Франциско траты “алмазно-бриллиантовой” тройцы. 18 миллионов долларов за реактивный самолёт марки “Гольфстрим”. Несколько миллионов — ещё за полтора десятка яхт, катеров, автомобилей. Свыше двадцати четырёх миллионов — за семь дач на берегу горного озера Тахо в Северной Калифорнии. Там же ещё одно поместье Барашек купил для себя. Оно выделялось на общем фоне особой знаменитостью. В нём в своё время снимали фильм “Крёстный отец”, и, как сказали Моррисону, за него глава корпорации отдал 20 миллионов долларов.

Позднее с помощью Интерпола ФБР дополнительно узнало, что Барашек построил себе виллу на Бермудских островах за пять миллионов долларов. А в престижном пригороде Сан-Франциско у него был дом, который поражал каждого, кто попадал туда. Бывший владелец частной охранной фирмы Джо Айзендорф, низенький толстый мужчина пятидесяти лет, которого Барашек сделал исполнительным директором корпорации, рассказал агенту ФБР Моррисону о своём впечатлении от первого визита к российскому шефу.

— Вам что, удалось ограбить музей “Метрополитен”? — потрясённо спросил он Барашку. — Такое, — обвёл взглядом зал, — можно увидеть только там.

На стенах висели подлинники Рембрандта и Пикассо, на видных местах красовались золотые статуэтки, яйца Фаберже. Но сильнее всего Айзендорфа поразили двое полутораметровых настольных часов в футлярах, инкрустированных золотом, и шахматы из золота и серебра с бриллиантами на каждой фигуре.

У агента Моррисона создавалось впечатление, что владельцы корпорации задались целью как можно быстрее спустить привезённые драгоценности.

Серьёзные люди так себя вести не могли, и ФБР официально попросило Таможенную службу США выяснить, насколько законными были поставки в Сан-Франциско. Таможенники подключили Интерпол, а его сотрудники обратились в Министерство внутренних дел России...

* * *

Майор Отдела по борьбе с экономическими преступлениями (ОБЭП) МВД Российской Федерации Владимир Жирков с беспокойством думал о том, что докладывать начальству пока нечего. После того, как налоговая полиция обнаружила крупные махинации в работе компании “Алмаз Урала” и вместе с сотрудниками ФСБ начала расследование, было решено провести обыск в московском офисе этой фирмы. В ходе обыска, который проводили уже сотрудники ОБЭПа, следователи обнаружили тройные договоры между компанией-махинатором, Главдрагметом и корпорацией “Даймонд АБРА”. В них говорилось о поставках в адрес находящейся в Сан-Франциско корпорации большого количества драгоценностей. Удивляла стоимость отправляемого: около ста миллионов долларов. Причём из договоров следовало, что это только часть операции.

Выяснилось, что “Алмаз Урала” является дочерней компанией корпорации “Даймонд АБРА”. А поскольку офис “дочки” находился в том же доме, где располагалось московское представительство самой американской “мамаши”, следователи получили ордер на обыск и здесь. Одну из комнат, запертую на кодовый замок, открыть не удалось. По словам сотрудников, там было 57 килограммов золота в слитках. Следователь решил вернуться на следующий день со слесарем. Но когда приехал, золото пропало.

Зато документы удалось сохранить. В руки майора Жиркова — молодого, подтянутого и вьедливого мужчины — попали два договора. Один был подписан начальником Главдрагмета Телковым, другой — его первым заместителем Каплуном. В обоих фигурировали бриллианты, алмазы, золото, серебро. Ценности из Гохрана Главдрагмет отпускал уральской дочке корпорации для дальнейшей отправки их в Сан-Франциско без предоплаты и даже без гарантийных писем. Жирков решил выяснить, на каком основании это было сделано и какова судьба российского добра. Написал запрос на имя самого Телкова.

Когда Илье Михайловичу принесли письмо, он нервно осклабился: “Встали на след ищейки”. Но тут же сообразил.

— Кратаева ко мне! — сказал секретарше по селектору. Юрий Зенонович Кратаев — заместитель начальника Гохрана — был из тех, кому Телков начинал осторожно доверять. Но доверие растил через проверки. Полгода назад, чувствуя, что некоторые работники Главдрагмета стали проявлять беспокойство по поводу отправленных неизвестно куда больших ценностей, Илья Михайлович послал в Сан-Франциско Кратаева.

— Прогуляйся, Юрий Зеноныч, с пользой для дела. Посмотри, как там работает эта Абракадабра... извини, я её так в шутку называю — “Даймонд АБРА”... Барашка пощупай... А то блеет он радостно, но всё ли там в порядке с нашими ценностями. Всё-таки государственные они... народные. Беречь их надо.

Как только Кратаев отправился в аэропорт, Телков позвонил Барашку.

— Помнишь Гоголя? К тебе едет ревизор. Не совсем настоящий, но всё-таки держи хвост пистолетом. Встреть, как следует. Ты это умеешь...

Алексей Барашек мелом ослепить и “замазать глаза”. Когда потребовалось, по совету Телкова, припасть ещё к одному (кроме гохрановского) источнику драгоценного сырья — небольшому алмазодобывающему предприятию на Урале, он устроил губернатору области такой приём в Сан-Франциско, который тот запомнил на долгое время. Кроме дорогих подарков, наградил ещё поездкой на Бермудские острова по принципу “всё включено”. Разумеется, за счёт корпорации.

Едва ль не королевский приём организовал и Кратаеву. Барашек возил дорогого гостя по самым знаменитым местам, кормил-поил в лучших ресторанах Сан-Франциско, ночное одиночество посланца из Москвы скрашивали две русскоговорящие девушки.

Деловая часть поездки ограничилась коротким знакомством с производством. Ревизор не раз бывал на гранильных предприятиях и хорошо знал весь технологический процесс.

Поэтому, осмотрев ряды станков, женщин в белых халатах и с шестикратными лупами перед глазами, он заторопил Барашка к выходу.

— Нормально тут у вас, Алексей Владимирович. Теперь осталось поглядеть хранилище... Там, где вы прячете сокровища Алладина...

— Куда спешить, Юрий Зенонович? У меня есть одно предложение. Как говорил “крёстный отец”, от которого нельзя отказаться.

— Это какое же ещё? — с умильной улыбкой поинтересовался Кратаев. Через день он должен был вылетать в Москву, и багаж, который предстояло увезти, вместо небольшого дипломата, с каким ревизор прибыл, представлял три внушительных сумки. Барашек позаботился не только об “уважаемом Юрии Зеноновиче”, но и о его супруге, двух дочерях и внучке.

— Немного терпения, и вы со мной согласитесь.

Они приехали в дорогой магазин мужских аксессуаров. Не давая Кратаеву опомниться, Барашек переговорил с продавцом и через некоторое время вручил ревизору коробку с наручными часами. Видя изумление московского гостя, стал объяснять:

— Фирма “Бреге”. Сделаны в Швейцарии. Корпус — белое золото. Ремешок — смотрите, какой нежный, а ведь крокодиловая кожа. Часы этой марки носили Наполеон, наш царь Александр Первый, Бальзак, Черчилль. Сегодняшняя российская элита тоже их предпочитает. Ничего удивительного! Марка насчитывает несколько столетий. Помните, у Пушкина? Об Онегине говорит: “И там гуляет на просторе, // Пока недремлющий брегет // Не прозвонит ему обед”. Нам, кстати, тоже пора на обед, Юрий Зенонович. А про ценности я вам расскажу. Подробно... Они в надёжном месте...

Вернувшись в Москву, Кратаев написал в докладной записке на имя начальника Главдрагмета Телкова: *“В соответствии с распоряжением Правительства РФ вывезенные из России ценности в настоящее время хранятся в хранилищах “Даймонд Центра” и Калифорнийского монетного двора Сан-Франциско. Условия хранения соответствуют 3 категории защиты технологии НАСА”*.

То есть охраняются, как космическая отрасль США. В действительности поступивших из России драгоценностей уже почти не оставалось.

— Садись, Юрий Зенонович, — сказал Телков, когда Кратаев вошёл в его кабинет. — Не дают нам спокойно поработать на благо державы. Вот пришло письмо из МВД. Какой-то... — Телков скосил глаз на лежащую слева от него бумагу, — э-э... Жирков интересуется сохранностью ценностей, которые мы отправили в Сан-Франциско. Ты был там... Своими глазами видел порядок... Алексей Барашек не позволит без нашего разрешения ни одной серебряной ложки отдать кому-то. Так что вот тебе письмо и ответ этому майору. Знаешь, как написать. Можешь за своей подписью. Только покажешь мне.

Ответ из Главдрагмета не удовлетворил Владимира Жиркова. Он был какой-то мутноватый и даже отдавал наглостью. *“В связи с прохождением документов о сотрудничестве с американской корпорацией под грифом ДСП*, можем сообщить Вам, что в соответствии с распоряжением министра финансов Российской Федерации ценности Гохрана являются залогом для открытия кредитной линии в 500 млн долларов”*.

К тому же, отвечал не руководитель Главдрагмета, которому был направлен запрос, а второстепенный чиновник. Майор Жирков написал новое письмо. Теперь — на имя министра финансов Липшиса.

---

* ДСП — для служебного пользования.

Около месяца ждал ответа. Когда получил, понял, что в истории с отправленными драгоценностями ясности не прибавилось. Заместитель министра финансов Носоватый сначала слово в слово повторил ответ из Главдрагмета, а потом добавил, что корпорация имеет отличную репутацию как у российского правительства, так и в надзорных органах Соединённых Штатов. Поэтому ни предоплаты, ни гарантийных писем от неё требовать не было необходимости.

Жирков не знал, что докладывать руководству. Действия руководителей Главдрагмета явно нарушали закон. Но подобраться к основным документам майору не давали. Чтобы получить доступ к ним, надо было возбуждать уголовное дело. Однако прокуратура не торопилась. И тут в Министерство внутренних дел поступил запрос по линии Интерпола относительно корпорации и законности вывоза из России огромных драгоценностей. При этом интерповцы давали понять: делом интересуется также Федеральное бюро расследований США. Жирков знал, что недавно в Москве открылось представительство ФБР. Он решил проконсультироваться у своего американского коллеги. Вскоре, по согласованию российских и американских руководителей, была создана совместная группа. Расследование пошло с двух сторон. Получив материалы, Генеральная прокуратура России возбудила уголовное дело против Телкова и его сообщников.

* * *

Никольская узнала о начале уголовного дела из заметки в самой злой оппозиционной газете “Завтра”. Пресса, которую называли демократической, молчала, и Татьяна догадывалась о причинах. Начальник Главдрагмета считался не только олицетворением прогрессивных рыночных реформ, но и был спонсором наиболее заметных изданий. За пустяковые рекламные сообщения Главдрагмет платил такие большие суммы, каких никогда не видели крупнейшие мировые газеты. Кроме того, по указанию Ильи Михайловича в нужных ему средствах массовой информации размещали свою рекламу хозяева иностранных и совместных ограночных предприятий. Они тоже платили намного больше общепринятого. Поэтому демократическая пресса, обычно падкая на криминальные сенсации, о возбуждении уголовного дела молчала, как по команде. Однако почему об этом не сказал ей сам Телков?

Илья Михайлович успокоил молодую женщину.

— Не хочу, чтобы ты переживала. Сейчас надо реализовать главное — свалить Широкова.

— А разве закрыть уголовное дело — не главное?

— Пусть оно тебя не беспокоит.

— Да не меня! Вас, Илья Михалыч.

Никольская только в постели называла старика придуманным ею именем: *Илик*. С ударением на первом звуке. Но уже из ванной, куда уходила, играя голым телом под взглядами Телкова, звала по имени-отчеству.

— Ни меня, ни тебя это не должно волновать. Меня им поймать, как схватить налима. Выскользну. Первый раз хотели ещё при советской власти... Вроде бы продал алмазы дешевле, чем надо. Что они понимают в алмазах? Я могу два одинаковых камня оценить с разницей в десять тысяч долларов. Потом прицепились демократы. Вот уж знатоки! Стекло за алмаз возьмут. Вроде нашего лопухого... Возбудили... Написали: Телков причастен к коррупции. Я перед тем поселил четыре израильских фирмы в нашем здании. Отстранили от работы... Полгода копались, но их заставили остановиться... Я тебе больше скажу — никому не говорил! — даже нынешний премьер Черномырдин собирался меня уволить! За мою отставку проголосовали все, кто был тогда на заседании правительства. И чем всё закончилось? Ему сказали: Телкова не трогать! Барашек, наверное, подставился. А скорей его подставила... эта... которая “Алмаз украла”... Говорил ему: аккуратней надо. Но ты не переживай...

Телков погладил тёплую руку уже одевшейся Татьяны. Никольская с рассеянной улыбкой кивнула. Она почему-то думала, что Телков не выпутается из уголовного дела. За вывоз из Гохрана без должных документов большого количества алмазов, золота, бриллиантов начальника Главдрагмета обвинили в незаконных сделках с валютными ценностями и злоупотреблении служебным положением. Жалко было не Телкова. Очень жалела себя. Зачем променяла Дворкина на этого старика? Тот хоть тоже — без слёз не глянешь, — но, кажется, понадежней будет.

После обысков в компании “Алмаз Урала” сотрудники ФСБ и прокуратуры сразу вышли на корпорацию “Даймонд АБРА”. Расследование ещё не закончилось, а в печатных средствах массовой информации уже появились первые публикации о невероятном хищении российских драгоценностей. Основой материалов были пока утечки сведений из следственных органов, но чувствовалось, что их отбирает опытная рука, и появление более серьёзных фактов — всего лишь вопрос времени. Никольская с опаской и неприязнью отмечала, как неожиданно возбудилась не только оппозиционная, но и остававшаяся до того нейтральной пресса. Словно кто-то координировал этот процесс и умело выстраивал тональность публикаций. В газетах заговорили о тесной связи “ворюги века” Алексея Барашка с начальником Главдрагмета Телковым. Называли Ельцина покровителем этой “шайки расхитителей”. Виктор Семёнович Дворкин с напускным огорчением показывал Татьяне все новые статьи с издевательскими заголовками.

— Смотри, как распустились журналоги! Разве так можно о серьёзном пожилом человеке? На, читай... “Поднимет ли Барашек Телкова на рога?” Или вот ещё: “Отдай, Телков, алмазы, а то Барашком станешь”. Ну, это же просто оскорбление! Как только Илья Михалыч выдерживает?

Но Телков делал вид, что его это не беспокоит. Хотя на самом деле тревожился. И экстренно принимал разные меры, чтобы повернуть развитие событий в нужную ему сторону. Он хорошо усвоил известное правило: лучший способ защиты — это нападение. А потому с ещё большим напором стал везде, где только можно, объявлять, что для российской гранительной промышленности нет ничего выгодней, чем зарубежные и совместные с иностранцами ограниченные предприятия.

Заявления Телкова, словно опомнившись, начали изо дня в день тиражировать хорошо оплачиваемые “дружественные” средства массовой информации. А параллельно с этим Илья Михайлович срочно организовал в Главдрагмете научно-практическую конференцию, участники которой должны были подтвердить его позицию.

От федеральной исполнительной власти на конференцию приехали министр финансов Липшиц, начальник управления из Администрации президента Каштанов, генерал таможенной службы Могилевский, который летал с Телковым в Сан-Франциско на презентацию “алмазного чуда России”, и заместитель министра промышленности и торговли Попов.

От законодательной власти Илья Михайлович вызвал депутата Государственной Думы Шавкина. При необходимости мог бы позвать целую депутатскую группу, где у него было “прикормлено” больше половины “народных избранников” во главе с председателем. Но Шавкин — белобрысый, низенький мужчина лет сорока, округлый от пивного излишества — входил во фракцию партии власти и стоил десятка его коллег. Ныряющий из одного уголовного дела в другое, он был криклив, циничен, мог в глаза человеку льстить, а когда тот уходил, плюнуть ему вслед. Разговаривая с ним, Телков иногда в подсознании вдруг начинал чувствовать какой-то неприятный холодок. Словно там, в глубинах разума, в потаённом зеркале, отражался он сам, и тогда изворотливый, прокалённый ложью человек старался быстрее перевернуть зеркало обратной стороной.

Шавкин был очень обязан начальнику Главдрагмета. Илья Михайлович дважды выручал его, благодаря своим связям в Министерстве внутренних дел и Генеральной прокуратуре. А главное, депутат был соучредителем совместного предприятия и зависел от Телкова в обеспечении алмазами. Ограниченный бизнес давал большие доходы, часть которых Шавкин тратил на

содержание скандальной газеты “Есть мнение!”, где основной темой была критика компании “АПРОСЕВ”.

Учёных представляли щуплый старичок и коротко стриженный бугай, которого Татьяна узнала сразу. Это был один из охранников Главдрагмета. Впрочем, и старичок был ей известен. Его статьи, полученные от Дворкина, она приносила заместителю главного редактора своей газеты Котельникову с непременно конвертом, где лежали четыре сотни долларов. Старичок хвалил совместные предприятия, ругал компанию “АПРОСЕВ” и “Де Бирс” как разорителей России. Перед каждой статьёй заместитель главного редактора собственной рукой вписывал придуманные им титулы и звания старичка. Тот уже перебивал почётным доктором половины существующих университетов мира, хотя про большинство даже не знал, где они находятся, а главное, давным-давно не публиковал ничего такого, что имело хотя бы отдалённое отношение к науке. Однако он был нужен Телкову. Илья Михайлович называл старичка экспертом мирового уровня и ссылался на него в правящих кабинетах.

С “представителями производства” проблем не было вообще. Из той самой “отечественной гранитной отрасли” к Телкову могли прибыть хоть сто хозяев совместных предприятий. Но он ограничился немногими. Главными, по его замыслу, должны были стать журналисты. Куратор прессы — Дворкин, — муляясь лицом от ненависти к шефу, обзванивал под скрежет зубовой газеты “Сегодня” и “Купец”, “Московские новости” и “Ведомости”, “Известия” и “Комсомольскую правду”, журнал “Огонёк” и бульварный еженедельник “Мегаполис-Экспресс”.

Труднее было с телевидением. Представители каждого канала запрашивали даже за рядовой сюжет в теленовостях крупные суммы в конвертах. А здесь звали к фигуранту уголовного дела. Однако Телков приказал Дворкину не скупиться, и тот, разговаривая со старшими в стае “телеборзых”, разрывал свою душу пополам. С одной стороны, он радовался развитию событий. Наконец-то может быть сброшен этот отвратный старикан, который все последние годы терзал Виктора Семёновича откровенным презрением. В то, что Телкова посадят, Дворкин несколько не верил. Ну и пусть! А то ещё начнёт рассказывать следователям о делах самого Виктора Семёновича. Хватит, чтобы сняли. “Не сняли! — злорадно поправлял себя Дворкин. — Выгнали!”

Но с другой стороны, начальником Главдрагмета могут поставить не его, Дворкина, а Каплуна, который такое же дерьмо, как нынешний.

Когда пишущие журналисты достали блокноты, а телевизионщики припали к окулярам камер, чтобы зафиксировать присутствие важных персон, Телков открыл конференцию. И сразу обозначил тему разговора: Россия сильно запаздывает с подготовкой государственной программы по поддержке совместных предприятий в гранитной отрасли.

При этом Илья Михайлович каждому расписал его роль. Одни должны говорить о создании большого количества новых рабочих мест. Другие — о значительных поступлениях в бюджет страны налоговых денег. Третьи — о прогрессивных технологиях, которые принесли иностранные диамантеры.

Все цифры и факты выступающим заранее предоставил сам Телков. И хотя они так же походили на действительность, как степной курган на гору Эверест, его это несколько не беспокоило. Важно, чтобы пресса разнесла придуманные им сведения. Для проверки потребуется время, а оно необходимо адвокатам. Глава одной из лучших адвокатских контор, берущийся за самые скандальные и дорогие дела, посадил несколько своих помощников, чтобы те искали лазейки в сыром ещё российском законодательстве для оправдания Телкова. Однако у них ничего не получалось, и тогда пожилой защитник “несправедливо обижаемых”, манерами и внешностью похожий на классических краснабаев прежних эпох, сам начал шерстить законы в Государственной Думе.

Как хозяин конференции, Илья Михайлович умело дирижировал выступающими и несколько раз комментировал высказывания участников. Поправил старичка-учёного, который, с неожиданным для его щуплости напором,

вдруг возбудился и закричал, что компанию “АЛРОСЕВ” пора ликвидировать, а добычу алмазов передать Главдрагмету.

— Это не совсем верно, Николай Захарович. Добычу надо оставить. Там люди привычные... А вот реализация — да, не их это дело. Такая государственная структура, как наша, справится лучше.

В другой раз одёрнул депутата Шавкина. Тот вышел за рамки отведённой ему темы о большой экономической пользе совместных предприятий и неожиданно начал критиковать президента Ельцина.

— Не понимает Борис Николаич интересов российского бизнеса. Нам нужен закон, чтобы свободно вывозить за границу алмазное сырьё для обработки на “давальческой” основе. А он позволил появиться какому-то мемурандуму, который вставляет палки в колёса.

— Вы кому адресуете претензии, господин Шавкин? — строго спросил Илья Михайлович. — Законы сочиняет не президент, а вы — депутаты. Поднимите свою фракцию, свяжитесь с нашими специалистами, и мы поможем вам сделать нужный проект. Ваша задача — довести его до закона.

Однако весь разговор о подготовке государственной программы Телков затеял с единственной целью: среди положительных примеров “алмазной деятельности” Главдрагмета несколько раз должно было прозвучать название корпорации “Даймонд АБРА”. Намеченные выступающие со своей задачей справились. Теперь предстояло самому Телкову подвести итог обсуждения и более подробно сказать о его совместном детище с Барашком.

— Все мы знаем, — начал Илья Михайлович, — как важно нашему алмазно-бриллиантовому комплексу пробиться на заграничные рынки. К счастью для России, совместные предприятия, за которые нас критикуют ничего не понимающие в этом деле люди, уже принесли казне миллионы долларов. Мы теперь известны в Израиле, в Бельгии... Но самый ёмкий рынок — в Соединённых Штатах. Мы решили основательно закрепиться там. Я бы сказал: пробить алмазно-бриллиантовое “окно” в Америку. Нам удалось это сделать. Господа называли здесь корпорацию “Даймонд АБРА”. Не скрою: мне приятно слышать это имя, и оно, думаю, ещё не раз прозвучит в качестве примера эффективной коммерческой деятельности под эгидой нашей организации.

...Материалы с научно-практической конференции в Главдрагмете дали “дружественные” издания и все телеканалы, принадлежащие олигархам. Большой отчёт в свою газету “Купец” написала Татьяна Никольская. Телков был доволен. Заметки о возбуждении уголовного дела против корпорации перекрывались массивом сообщений о положительной роли этой фирмы. Люди запутались и, как всегда бывает в подобных ситуациях, общественность не знала, чему верить. Принцип “то ли он украл, то ли у него украли” заработал превосходно.

Но ещё больше Телкова порадовал адвокат-искусник. Приходя в Госдуму, как на работу, каждый день, он лично пересмотрел тома законов, поправок к ним, комментариев и нашёл надёжную “отмазку” для Ильи Михайловича. Оказалось, что около года назад, в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне, Государственная Дума приняла закон об амнистии. Под неё подпадали и те, кому исполнилось шестьдесят лет. Вот когда Илья Михайлович с гордостью стал говорить, что он уже пенсионер, что у него даже есть советские награды (до этого о них всегда молчал) и оклеветать его не получится.

Хотя решение Генпрокуратуры ещё не было принято, Илью Михайловича заранее бросились поздравлять. Особенно ретиво те, кто рассчитывал на его скорое увольнение по уголовному делу. Однако теперь открывалась новая надежда — отправка на пенсию. Дворкин даже не сдержался перед Никольской:

— Отдыхать ему надо. На покой... Пенсионер, а туда же... (потемнел лицом, представив Татьяну в постели со “стариком”). Как будто без него не справятся...

Никольская не стала рассказывать Илье Михайловичу. Она и раньше старалась не сталкивать их. Тем более не хотела делать этого сейчас, когда

по отношению к Телкову у неё появилось что-то новое, и не очень приятное. Словно случайный порыв ветра нанёс едва уловимый запах какой-то далёкой, невидимой помойки, заставив невольно поморщиться от брезгливости. И не возраст был тому причиной. О нём Татьяна знала, помогая заполнять визитные карты патрона при заселении в заграничные отели. Она по-прежнему с интересом слушала то напористый, то ироничный разговор Телкова об очередной попытке “взять его за жабры”, смеялась над новыми анекдотами и язвительными оценками людей из правительства и администрации президента, но в самый разгар весёлости вдруг ни с того ни с сего в мыслях появлялось лицо Широкова, вспоминались его уверенные ответы-рассуждения на пресс-конференции, и молодая женщина на короткое время переставала слышать, о чём говорит Телков.

Однажды Илья Михайлович заметил это.

— О чём думаешь?

Никольская быстро нашлась:

— В ту статью, которую вам показывала после широковской пресс-конференции, может, вставить ваше мнение о компании Алексея Барашка?

— Туда не надо. А почему не печатаешь её?

— Обещала лично Широкову дать прочитать.

— Молодец. Подбирайся к нему. Да побыстрее. С ним надо кончать.

Телков насупил редкие брови.

— Война, Тая, требует включать резервы главного командования.

— Вы с ним, как дуэлянты, Илья Михалыч. Кто первый попадёт в сердце.

— Он не того вызвал на дуэль. У меня пистолет многоствольный... А в чём дело, почему он не читает? Не хочет принимать такую девушку? — довольно ощерил крепкие зубы Телков и притянул сидящую рядом Татьяну. Она сделала движение, словно намереваясь достать стоящую на столе бутылку с холодной минеральной водой. И аккуратно высвободилась.

— Владислав Антоныча нет в Москве. Говорят, улетел в Алмазную провинцию.

Помолчала и, глядя мимо Телкова, добавила:

— Сама жду.

ЕЛЕНА ГУСЬКОВА

СУДЬБА СВЕЛА МЕНЯ С БАЛКАНАМИ...

Так уж случилось, что я занимаюсь историей югославянских народов всю жизнь. Все страны бывшей Югославии имеют свои особенности и неповторимые черты, в их истории много интересного. Но изучать историю сербского народа оказалось столь увлекательно, что этот процесс длится уже более 45 лет. И чем глубже познаёшь историю этого народа, тем понятнее становится желание Запада сегодня его ослабить, раздробить и подчинить. Сербь – самый многочисленный народ на Балканах. Сербия для многих стала синонимом непоколебимого боевого духа, независимости, гордости, непокорности, а я бы добавила: доброты, щедрости, наивности и простодушия. Сербь, впрочем, как и русские, всегда больше думали о тех, кто рядом с ними, кому нужна помощь и поддержка, чем о себе.

Сербов и русских связывают столетия дружбы. Мы считаем сербов братским народом, они Россию – Матерью. Такой любви к русским вы не встретите нигде, кроме как в Сербии. Никто об этом не сказал лучше, чем русский писатель Леонид Андреев ещё в начале XX века: “В Сербии нас любят – горячей, искренней, почти нежной любовью. Попробуйте, кто бы вы ни были, проехаться сейчас по её окровавленным полям и городам... и вам покажется, что вы владетельный князь, пророк, сам ангел Божий – такую любовью и почтением окружают вас эти измученные люди! Последний ковёр постелят они под ваши русские ноги, отнимут от своих голодных уст последний кусок хлеба – и с божественной щедростью бедняка угостят вас, драгоценнейшего гостя из милой России. Молясь Богу, кого они упоминают в молитве прежде своих детей? – Россию... Нас так мало любят вообще и так мало уважают... И тем более должны мы дорожить этой нежной и доверчивой любовью: в ней залог не только сербского, но и нашего возрождения”.

Меня часто спрашивают, почему вдруг я стала заниматься историей балканских народов? Прямого ответа на этот вопрос нет, но это был осознанный выбор, и я убеждена, что он был сделан правильно. Предлагаю вашему вниманию некоторые наиболее яркие зарисовки того, что запомнилось на моих “балканских дорогах”.

ГУСЬКОВА Елена Юрьевна родилась в 1949 году, доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН, Иностраннный член Сербской Академии Наук и Искусств и Академии Наук и Искусств Республики Сербской (БиГ), сенатор Республики Сербской.

Почему Балканы?

Родилась я в Москве, росла в семье военного, прошедшего всю Отечественную. Отец получил самую высшую награду страны – звание Героя Советского Союза, когда ему было всего 19 лет. И всё моё сознательное детство прошло в военных городках. У нас, послевоенного поколения, было мало игрушек, но было много книг, мало фильмов и театров, но много друзей и коллективно-творчества. Помню, как каждый день в 16 часов мы, малышня, собирались в дворовой беседке на спевку. И кто-нибудь из женщин-активисток нас учил патриотическим песням. “По долинам и по взгорьям”, “Там, вдали за рекой” не забудутся никогда. Я их даже пела своим детям вместо колыбельной.

Родители не занимались моим воспитанием, тогда это было не принято. Они радовались мирной жизни после пережитых ужасов войны, были молоды и веселы. В моё время не читать было стыдно, как не ходить в театры, музеи, на выставки. Когда я училась в старших классах, мы жили в военном городке в 25 км от Москвы, и именно туда всегда стремились попасть, желательно без родителей. Мы с друзьями быстро научились ездить в столицу и самозабвенно “набираться культуры”. Мы знали все московские музеи, следили за выставками, ездили на экскурсии. Здание Московского Английского клуба XVIII века произвело на меня сильное впечатление, поэтому размещённый там Музей революции стал любимым.

У папы за плечами была военная академия, у мамы – высшее юридическое образование, поэтому для меня не существовало дилеммы, поступать ли в университет. Всегда я была отличницей, хорошо шли и гуманитарные предметы, и математика. Школа в военном городке давала то, чего не имели дети больших городов: мы умели дружить, были активными, дисциплинированными и целеустремлёнными. Любопытный факт. Из двух выпускных классов нашей школы в 1967 году только четыре человека не поступили в вузы. Практически все получили высшее образование. И мало кто готовился к поступлению дополнительно с педагогами. Такие у нас были учителя.

В 10 классе я колебалась между историческим и юридическим факультетами. Победила история. На исторический факультет МГУ помогла поступить медаль, которую я получила в школе: сдавала только один экзамен.

Учёба в МГУ – незабываемое время познания, открытий, самостоятельности и ответственности. Мне казалось, что я ничего не знаю, поэтому училась упорно, сдавала все экзамены, занималась общественной работой – вела с другом исторический кружок в одной из московских школ. После второго курса надо было выбирать узкую специализацию. Мне хотелось попасть на Кафедру истории южных и западных славян, куда брали только лучших студентов. По баллам я проходила спокойно. Но какую страну выбрать из четырёх славянских – Польшу, Болгарию, Чехословакию, Югославию? На слуху в то время была Болгария, поэтому я, как многие, склонялась к Болгарии. Но пришли “подсказки”, прочитала, как писал Иво Андрич*, “знаки вдоль дороги”. Совершенно разные люди, в том числе и отец, обратили моё внимание на “очень интересную страну” – Югославию, о которой я ничего не знала. Побежала сразу в библиотеку, стала искать книги, читать. Выбор оказался правильным, я бы даже сказала судьбоносным. Югославия на всю жизнь увлекла меня своей необычной историей. Мои учителя, и, прежде всего, профессор В. Г. Карасёв, готовили из меня специалиста по истории Сербии XIX века. Дипломная работа была по Первому сербскому восстанию, кандидатская – по Уставобранителям**. И только потом проявился интерес к современной истории.

Знакомство и любовь

Постигали историю Югославии и язык мы упорно, но там не были. Однако нам посчастливилось: на истфаке мы были первыми, кто поехал на практику в Югославию. Долго не верилось, что я действительно увижу “мою”

* Иво Андрич – югославский писатель, Нобелевский лауреат.

** Уставобранители – защитники устава (то есть конституции) – политическая группировка в Сербии в 30–50-х годах XIX века, выступала за введение конституции, ограничение власти князя.

страну. Десять студентов Исторического факультета в сентябре 1970 года целый месяц провели на Балканах. Мы объездили почти все республики, познакомились с традициями, культурой разных народов, посетили архивы и библиотеки, получили первую языковую практику. И... бесконечно влюбились в Югославию.

Нам многое казалось невероятным: магазины, полные продуктов, небрежно и как-то вольно одетые студенты, никого не волнующие порнофильмы, ночные дискотеки в крепости Калемегдан, обнимашки и поцелуи влюблённых парочек на улице. Помню, как мы с подружкой бегали по кондитерским на центральной улице Маршала Тито, пропуская обеды и ужины. Большим потрясением была встреча со случайным прохожим, который, услышав русскую речь, воскликнул: "Боже, вы из Москвы, вы русские! Чем я могу выразить свою любовь к России?" И вручил нам, опешившим студенткам, большую авоську яблок. Это была первая встреча с огромной любовью сербов к русским. А ведь тогда, после 1948 года, когда были полностью прерваны отношения между СССР и Югославией, сербам запрещалось хоть как-то выражать свои симпатии к русским. А русские тоже постепенно забывали о том, что наши народы – братья. И мы, молодые и неопытные, открывали для себя этот забытый мир общей судьбы, одного корня.

Отношения между СССР и Югославией тогда ещё были натянутыми, поэтому, наверное, профессура Белградского университета нас полностью оградила от югославских студентов (может, боялись нашего "коммунистического" влияния?). Преподаватели (не ниже доцента) сами сопровождали нас во время поездки по стране. Но все равно мы жили в студенческих общежитиях, и горячие сербские юноши отчаянно ухаживали за нами, звали замуж. Но мы тогда не позволяли себе вольности, хотя веселились от души. Да и замуж я уже собиралась, купила себе фату в Белграде, ведь у нас такой красоты найти было невозможно. В этой фате потом все мои подружки замуж выходили. Тогда же появились первые знакомства, переросшие в многолетнюю дружбу. И окрепло чувство уверенности в правильности выбранного пути. А путь не был лёгким. Начала я трудиться в Институте научной информации по общественным наукам РАН как специалист по современной Югославии, но ездить в Югославию возможности не было, и писали мы свои статьи только в закрытые издания.

А потом – 15 лет снов о Югославии. Действительно, каждую ночь мне снился Белград, но только средневековый, я бродила по нему, знала все повороты улиц, но никак не могла дойти до цели, куда стремилась, – в центр, ближе к реке... И только в 1985 году я снова приехала в Белград на четыре месяца, уже писать докторскую диссертацию. Сны прекратились, наступила явь: упорная работа по сбору материалов, совершенствованию языка. Я узнала многих учёных, с которыми дружу и по сей день, получала от них бескорыстную помощь и поддержку. Всё получилось. И с 1990 года я езжу в "мою" страну постоянно. Мне кажется, мы хорошо знаем друг друга, уважаем и поддерживаем наши отношения на высоком научном уровне.

Моя особая любовь – гостеприимный Белград. Как и любая столица, этот город приглашает специалистов в свои библиотеки, архивы, музеи, туристов – в галереи, театры и концертные залы, на экскурсии по рекам Дунаю и Саве, по средневековой крепости Калемегдан, в храмы и соборы. Однако у города есть ещё одна особенность – чувство вечного праздника в будни, выходные и в любую погоду. Возможно, это из-за всегда заполненных уличных кафе, возможно, из-за улыбок на лицах прохожих, а может, из-за яркого солнца и радостных глаз.

С Сербией связано одно необъяснимое явление – приехавших сюда русских всегда охватывает чувство сопричастности к происходящему, ощущение родства душ и взаимопонимания. Схожесть языка приносит лёгкость и радость общения. У сербов великолепное чувство юмора, они любят друзей хорошо попотчевать, они открыты и хлебосольны, как и мы. В Сербии любят национальные танцы и песни, без них не обходится ни одно торжество, ни одно застолье, здесь весело отмечают праздники вина и ракии, запечённого мяса и колбас, урожая слив и винограда.

Сербия страна удивительная: она любит прогресс, но всегда сохраняла свои исторические традиции и оберегала обычаи. В Сербии ещё пока можно говорить о традиционности семейных отношений, о соблюдении православных

праздников и обрядовости свадеб, крещений и проводов в армию. В стране много средневековых монастырей, ухоженных и почитаемых. Недалеко от Белграда раскинулось взгорье Фрушка-Гора, названное Святой землёй из-за имеющихся там сакральных мест, построенных в разное время пятидесяти монастырей. Фрушка-Гора “помнит” в своём окружении цивилизации, чей возраст насчитывает почти 100 000 лет.

Москва: казалось, нас никто не слышит

Труднее всего вспоминать 90-е годы прошлого века. Мы столкнулись с реальностью, которую можно назвать одним словом – “беда”. Я росла в убеждении, что мы, дети победителей, никогда не увидим войны. А тут – войны, горе, страдания и... хаос. Поди разберись, кто прав, кто виноват. Того, что Югославия так кроваво распадётся, не ожидал никто, даже специалисты. Казалось, что и для руководства молодой России события на Балканах были большой неожиданностью. Журналистов, которые бы специализировались по Югославии, не хватало, опыта работы в конфликтных регионах не было, материальные и технические средства отсутствовали. Единственный журналист первого телевизионного канала, периодически передававший информацию о событиях в Хорватии, Виктор Ногин, был убит при невыясненных обстоятельствах в начале сентября 1991 года.

В газетах о Югославии писали очень мало, просачивалась лишь информация западных агентств. Мелькали незнакомые названия городов и сёл, фамилии новых политических лидеров, а в сути событий обывателю разобраться было трудно. Несколько лет понадобилось России, чтобы подготовить журналистов, которые могли поехать на Балканы.

А потому первыми, кто писал в российских СМИ, стали учёные-югославы, хорошо знавшие страну, её обычаи, историю, культуру. Они пытались разобраться в происходящем, скорректировать складывавшееся общественное мнение, вводили в оборот новые факты и данные, замалчивавшиеся западными СМИ. Но в условиях политического хаоса, когда поддержка политики президента понималась как необходимость единства точек зрения по вопросам внешней политики в печати, сделать это было крайне трудно. Фактически на страницах газет 1992-го и первой половины 1993 года велась настоящая информационная борьба за объективность. Полемика была жёсткая, с разделением на “просербские” и “прозападные” лагеря, с навешиванием ярлыков, бурными дискуссиями.

Тогда статьи публиковать было очень трудно, хотя они имели тёплый отклик читателей. В “Московских новостях”, например, у меня из одной статьи полностью вырезали материал о преступлениях хорватов в Западной Славонии, дописав, без моего ведома, абзац о демократических изменениях в позиции хорватского президента Ф. Туджмана.

За все годы югославского кризиса на ТВ не было ни одного серьёзного обсуждения проблемы конфликта на Балканах, даже комментарии, когда это было необходимо, делали не специалисты, а люди, далёкие от региона. Любой фильм, который объективно отражал события, годами “пробивался” в эфир. Так, например, случилось с несколькими фильмами, снятыми журналистом Борисом Костенко. Журналистов, которые пытались добиться объективности в освещении балканских событий, увольняли с работы.

Балканский кризис фактически расколол российское общество на патриотов и “западников”. Причём последние, ярким представителем которых являлся министр иностранных дел А. Козырев, всячески навешивали ярлыки на первых, называя их “национал-большевиками”, “национал-патриотами”, которых характеризует “односторонность, национал-патриотизм с квасным, славянско-православным, как, впрочем, и тюркско-мусульманским духом”. Ещё нас называли “красно-коричневой профессурой”.

Министр иностранных дел А. Козырев – особая фигура на дипломатическом Олимпе новой России. Малообразованный, тщеславный, он скорее служил западной дипломатии, был её представителем в России. О нём говорить можно много, поскольку на Балканах он совершил много промахов, но есть несколько сцен, мимо которых пройти невозможно.

А. Козырев и “красно-коричневая профессура”

А. Козырев сыграл в судьбах России и Югославии крайне негативную роль. Россиян он называл “бывшими совками”, у которых “нет собственной гордости”. Западу угождал, услужливо слушал советы, отчитывался за выполненную работу. А однажды во время беседы с госсекретарём США Дж. Бейкером” (9 июня 1992) он просил: “Помогите России стать демократическим государством – и тогда очень многое станет возможным”. А в разговоре с Ричардом Никсоном он сказал, что “одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах... Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен”. Такого ещё мир не видывал – министр суверенной России просил бывшего президента США помочь ему в определении национальных интересов России! Никсон был удивлён. Присутствовавший при разговоре американский политолог Саймс заметил: “...я не уверен, насколько он понимает характер и интересы той державы, которую представляет”.

В самые трудные годы югославского кризиса российская дипломатия руководствовалась идеями Козырева войти “в качестве великой державы в семью наиболее передовых демократических государств... в так называемое западное общество. Это столь же естественные союзники демократической России, как и заклятые враги тоталитарной системы...”. Одним из инструментов такой политики считалось единство всех членов СБ при голосовании. Козырев чётко придерживался этого правила, даже если это было несправедливо или не в интересах России.

Так, 30 мая 1992 года Россия в Совете Безопасности голосовала за резолюцию, которая вводила жесточайшие санкции в отношении Югославии. Министр сделал это скрытно, не оповестив ни Верховный Совет, ни его руководителей, ни правительство. Как подчёркивал он позже, у него было только полчаса на консультации после получения известной телеграммы от представителя РФ в ООН Ю. Воронцова из Нью-Йорка с предложением поддержать санкции.

А. Козырев срочно ответил Ю. Воронцову: “МИД считает целесообразным согласиться с предложением представительства и, если не поступит других указаний, проголосуем завтра за резолюцию”. А. Козырев предпринял всё, чтобы исключить возможность дискуссий и “других указаний”. При этом он знал, что его не поймут в России, поэтому сделал циничную приписку о том, какое заявление должен сделать МИД, чтобы разъярить народу свою позицию: не концентрироваться на санкциях, а говорить об ответственности СБ за урегулирование политического кризиса, подчеркнуть, что Россия сделала намного больше других стран для поддержки Сербии, но её терпению пришёл конец. Именно с этого времени цинизм стал главной характеристикой деятельности МИДа на балканском направлении: его действия стали расходиться со словами; для российской, югославской и западной общественности делались разные заявления; постоянно заявлялось о помощи сербам, в то время как сама политика была открыто антисербской. Отправив ответ Ю. Воронцову, А. Козырев в тот же день говорил корреспонденту “Известий”, что “мы сделали всё возможное, чтобы помочь нашим друзьям в Сербии и других республиках, чтобы найти выход из кризиса”. Но в Сербии не слушают его “дружеских советов”, а “понимают только язык диктата”. Он пообещал сербам “говорить с ними другим языком”, имея в виду санкции, вернее, оправдывая свою готовность поддержать санкции и даже “международное вооружённое вмешательство”.

Российский парламент был возмущён и потребовал от министра объяснений. Комитет по международным делам и внешнеэкономическим связям Верховного Совета принял решение рассмотреть вопрос, почему Россия присоединилась к санкциям. Меня пригласили на заседание в качестве эксперта.

Вёл заседание Е. А. Амбарцумов, главным гостем был А. Козырев, который давал депутатам отчёт о своих действиях. Заседание было закрытым, записи делать не разрешалось. Поэтому по памяти воспроизвожу несколько любопытных моментов. А. Козырев говорил многословно, но без серьёзных аргументов. Звучали его рассуждения о том, что терпение России лопнуло, что Белград не хочет слушать добрых советов, что он дискредитировал себя,

что нельзя себя противопоставлять всему миру, что Россия как великая держава не может оставаться в стороне от активности ведущих стран мира, а должна поддерживать их, своим единством укрепляя роль Совета Безопасности, что тактика МИДа приносит успех, что нельзя вставать в оппозицию Совету Безопасности, поскольку это бы поставило под удар отношения России с Западом.

Меня тогда удивила и одновременно обрадовала реакция депутатов – они возмущались позицией министра, делали реплики и замечания даже во время его выступления. Депутат космонавт В. И. Севастьянов крикнул тогда громко и неожиданно резко: “Вы разбили хрустальный сосуд!” – “Какой?”, – недоумённо спросил А. Козырев, прервав свою речь. Ответ был прост: “Вековой дружбы между сербским и русским народом!”

Депутаты, избранные в ВС из разных уголков огромной страны, владели вопросом, знали об исторических связях России и Сербии, остро чувствовали несправедливость по отношению к Югославии, о которой тогда вообще мало сообщалось в российской печати. Чтобы укрепить свои позиции, министр привёл, на его взгляд, крайне убедительные аргументы. “Не пойму, почему вы всё время говорите о православной Сербии и не вспоминаете другие православные страны?” – веско бросил он в зал. “Какие?” – удивились депутаты. “Ну, например, Словению”, – ответил министр. В зале раздался дружный смех. Но А. Козырев не понял, почему депутаты развеселились. Министр иностранных дел великой России не утруждал себя сведениями о регионе, о событиях, которые там происходили, был поверхностен в своих познаниях, путал географические названия, например, Славонию и Словению, даты, имена. Второй аргумент был ещё более интересным. “Россия, как и весь мир, не могла терпеть, когда югославская армия обстреливала Дубровник, памятник мировой культуры, город-музей, всемирно известный город в Боснии и Герцеговине”. В зале снова раздался смех. Но министр и в этот раз не понял, в чём его ошибка. Чувствовалось, что Козырева раздражает то, что он вынужден объяснять свою позицию, искать аргументы, вообще отвлекаться на Балканы в тот момент, когда он уже осуществляет план вхождения России в дружную семью западных стран.

Именно в те годы, собирая по крупицам материалы, я выпустила сборники документов “Югославия в огне” и “Югославский кризис и Россия”. Тогда ещё не было интернета, мобильных телефонов, поэтому процесс был кропотливым, медленным. Но я очень довольна: теперь многие документы и в интернете не найти, а без них начала кризиса на Балканах не понять. Да и “козыревщина” через документы хорошо видна и, надеюсь, не останется в истории незамеченной.

Миротворчество

Главной движущей силой в работе была любовь к стране изучения, а в начале 90-х – желание помочь тем, кто попал в беду. В начале 1994 года мне позвонили из ООН и пригласили на работу в штаб миротворческих сил в Загреб, сказав, что по требованию Ясуши Акаши** собирают группу экспертов по Балканам. Вот тут я смогла воочию увидеть масштаб югославской трагедии, необъективность и политику двойных стандартов международных организаций. Ужасала беспомощность при наличии огромных возможностей. Именно тогда пришло осознание того, кому надо помогать. Именно сербский народ в те трагические годы остался без помощи и поддержки. Даже Россия не помогала. И я знала, что должна делать: собирать документы и писать. Писать правду о событиях, которые видела, которые знаю, чтобы оставить в истории документы будущим поколениям историков. Так появилась первая большая книга по истории кризиса.

Полгода в горящей Югославии – это огромный опыт, который перевернул моё сознание, наполнил меня фактами и данными непосредственно с места событий...

Главный штаб Миротворческих сил ООН (СООНО) находился в Загребе. Здесь в сентябре 1994 года работали около 1,5 тысячи человек. Сюда стека-

* Дубровник – город в Хорватии.

** Ясуши Акаши – руководитель миротворческой миссии ООН в бывшей Югославии, личный представитель Генерального секретаря ООН.

лась информация со всех уголков Боснии, Македонии, Сербии и Хорватии. Все службы ежедневно готовили отчёты по своей линии, которые обобщались и систематизировались. Загреб, в свою очередь, постоянно информировал головной офис ООН в Нью-Йорке, готовил отчёты о положении в каждом подразделении и миссии в целом.

Я приехала работать в Загреб в апреле 1994 года в качестве научного эксперта по Балканам в создававшееся подразделение по анализу и оценке событий непосредственно в офисе Ясуши Акаши. Штаб СООНО, размещённый в одном из бывших гарнизонов Югославской народной армии, удивлял продуманностью своей организации, чёткостью работы всех ведомственных служб, богатством снабжения, роскошью питания. На небольшой территории было всё, что нужно для нормальной работы, и даже более того. В штабе был свой ресторан, где за 2 доллара ты мог вкушать яства в неограниченных количествах, магазины, химчистка. На этажах постоянно была питьевая вода, горячий кофе. В офисе у нас не было недостатка в компьютерах, принтерах, оргтехнике, канцелярских товарах, мебели, холодильниках, телевизорах. Любые книги, копировальные аппараты. В распоряжении сотрудников были машины, самолёты, вертолёты. Зарплаты у служащих СООНО были очень высокие. Жили все комфортно, снимали квартиры, ездили по близлежащим городкам в поисках экзотических ресторанов, отдыхали на море, приглашали к себе в гости семьи. В штабе часто устраивались вечеринки – по поводу назначения, дня рождения, отъезда, иногда просто без повода. Наш холл, например, облюбовали натовцы, которые имели офис на нашем этаже. Раз в месяц они устраивали “пати” с вином и печеньем.

Русских офицеров в миссии было много, а вот гражданских лиц – крайне мало. В основном это были бывшие сотрудники международных организаций, которым не хотелось возвращаться в нищую Россию. Они искали любую возможность, чтобы не уезжать на родину. Многие из них даже порвали все связи с домом, продали квартиры, начали строить дома в США или Брюсселе. Но в миссии они считались русскими и заполняли так называемые национальные квоты. Ко мне как к русской отношение было достаточно настроенное. Я не скрывала своих убеждений, хорошо знала ситуацию на Балканах, и мне казалось, что в нашей экспертной группе мы стремились быть объективными. Поэтому впоследствии так же “настороженно” в штабе стали относиться и к другим сотрудникам группы, которые слаженно работали “с русской”. Кроме написания аналитических материалов и прогнозов ситуаций, мы должны были хорошо изучать положение в Югославии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии. Можно это было делать по газетам и другой официальной информации, но я использовала своё служебное положение, чтобы проехать всю Хорватию, Краину, Сербию и Черногорию, частично Боснию, чтобы на месте своими глазами увидеть, как развиваются события, поговорить с людьми, записать рассказы очевидцев.

Вот небольшие выдержки разговоров с людьми из Республики Сербской Краины в Хорватии в августе 1994 года.

Милан Бабич, тогда министр иностранных дел РСК: “Помню, что говорил мне мой дед, когда вёл меня в школу. “Когда идёшь в школу, будь вежливым, здоровайся со всеми соседями. Но помни, что в этом доме живут те, кто прятал твоих родственников от фашистов во Второй мировой. А в том доме живут усташи*, которые убивали и мучили многих из нашей семьи. Никогда этого не забывай”.

Любомир Маджарац, председатель общины Глина (Баня), симпатичный молодой человек около 30 лет, эмоциональный, открытый, прямолинейный. “В общине – 17–18 тысяч человек, за 3,5 года погибли 130 человек, ранены более 200. Из общины уехали 4,5 тысячи хорватов, приехали из Хорватии 2,5 тысячи сербских беженцев. Как все начиналось? В середине июня 1991 года хорваты зверски убили и сбросили в реку Глину двух сербов. Тогда нам стало ясно, что мира с хорватами не будет. 25 июня Хорватский Сабор** провозгласил отделение, а 26 утром хорватские спецподразделения МУП*** уже вошли в наш город, чтобы занять его...”

* Усташи – хорватская фашистская ультраправая, националистическая организация.

** Парламент.

*** МУП – Министерство внутренних дел.

Зоран Белдар, председатель общины Мирковцы: “Мирковцы – пригородный район Винковцев – лежал на перекрёстке дорог, в городе у нас был большой военный склад, принадлежавший ЮНА, который они хотели занять. Осенью 1990 года началось давление, прежде всего, на наших детей, которые ходили в школы в Винковцы. Начали их бить. Наши люди не могли больше лечиться в больнице в Винковцах. Им отказывали в приёме, выписывали “антилекарства”. Уже перед самой войной сербов заставляли подписывать бумаги на лояльность хорватской власти. Эту бумагу выдавали на рабочем месте. Ни один серб, православный, не желал подписывать этот документ. Всех не подписавших включили в списки неугодных сотрудников. Получалось, что ты должен плевать сам на себя. Затем подошло время замены государственных символов – шаховница, герб, а это для нас усташеские отличия. Всё, что было в государстве, становилось хорватским. Средства массовой информации делали всё для сатанизации сербов. До сих пор на каждой газете “Хорватский вестник” в Винковцах сверху пишут “Проклятые сербы были там, где им место”. А в газете “Слободни Тъедник”, это полицейская газета, публиковались в каждом номере списки нелояльных сербов, их досье. И эта газета лежала в каждой кафане, и каждый знал, что это полицейская газета, значит, можно спокойно убить этого человека. Многих избивали. Люди пропадали”.

“Запрещён вход сербам и собакам...”

О том, что творилось в Хорватии в 1990 году, у нас писали мало, почти ничего. Хорватия хотела создать своё государство без сербов, поэтому анти-сербская политика была последовательной и устрашающей. Особым видом запугивания сербов было минирование их домов, торговых палаток, служебных помещений. В воздух взлетали сербские дома, магазины, парикмахерские, киоски, автомобили, принадлежавшие сербам. Только за несколько первых месяцев 1991 года в Хорватии было сожжено около 50 киосков газеты “Борба”. Тогда мне попал в руки плакат, развешенный в городе Даруваре. Он должен был помочь хорватам распознать среди соседей сербов. Предлагалось “узнавать” их по употреблению сербских слов, по тому, о чём они говорят, как поступают. Вот только небольшая выдержка из этого плаката: “Они говорят о демократии и правах человека... они “нейтральны”, и для них все одинаково виновны в этой войне... для них хорватское государство ничего не значит, они больше хотели бы жить в “демократической Югославии”, чем в недемократической, но самостоятельной и суверенной Хорватии... Вы их узнаете в тех... кто боится идти на отдельные объекты, так как на двери написано: “Запрещён вход югославским военным, четникам* и собакам...”.

А другая листовка предлагала делать сербам мелкие пакости, чтобы испортить им жизнь и заставить уехать из Хорватии: “...Пусть возвращаются в свою Сербию. Пусть вернут десятки тысяч квартир, которые граждане Хорватии для них на своей крови построили... Используем и мы все средства без применения оружия и силы, которые может осудить мировая общественность. Выгоним их с помощью “мелочей” – не забывайте, что они ваши соседи!

1. Паркуйте свои машины так, чтобы они не могли выехать на своих.
2. Выпустите у них воздух из колёс, не режьте.
3. Засуньте зубочистки в замочные скважины их квартир, чтобы они не могли войти.
4. Тем же способом испортите замки.
5. Будьте их ночью телефоном каждые полчаса.
6. Не разговаривайте с ними и членами их семей.
7. Звоните им из подъезда долго и настойчиво каждый раз, когда сможете.
8. Не занимайте у них ничего, и не давайте займы сами.
9. Ни в чём не помогайте им, если только речь не идёт об их болезни или жизни их детей.
10. Не позволяйте, чтобы ваши дети играли с их детьми...
Изолируем их... покажем, что они нежелательны здесь...”

---

* Четники – сербские повстанцы-партизаны, сначала выступали против турецких оккупантов, потом – против австро-венгров в начале XX века. В годы Второй мировой войны – специальные подразделения югославской королевской армии. Четниками усташа называли всех сербов.

Интриги Козырева

Летом 1994 года мы получили от Ясуши Акаши задание разобраться с вопросом открытия Тузлинского аэродрома. К нему обращались с претензиями сербы, что не выполняются условия подписанного договора по передаче аэродрома силам СООНО. Разбираемся. Оказывается, договор с сербами, которые держали аэродром под своим контролем, подписал министр иностранных дел А. В. Козырев в феврале этого года. Говоря от имени Москвы, он активно уговаривал сербов открыть аэродром для самолётов миротворческих сил. Сербы боялись, что никто не сможет контролировать доставку оружия мусульманам, как это всегда получалось, когда аэродром переходил ООНовцам. Решающим аргументом, убедившим сербов пойти на уступки, стала готовность российских военных контролировать Тузлинский аэродром. А. Козырев пообещал, что и сербские офицеры будут ежедневно наблюдать за доставляемыми грузами; Россия же, со своей стороны, “примет существенное участие в установленном международном контроле за невоенным использованием аэропорта”. “Существенное участие” оговаривалось в составе 20 человек военных наблюдателей и гражданской полиции. Сербы согласились. “Мы верим в беспристрастность русских. Их присутствие – гарантия того, что вместо продовольствия мусульмане не будут получать оружие”, – заявил Р. Караджич. Аэропорт открыли. Россия праздновала большую дипломатическую победу. Но ни одно из обещаний России выполнено не было. Русские, а тем более сербские наблюдатели на аэродроме не появлялись. Как и опасались сербы, через аэродром шли военные грузы для мусульман. Когда мы обо всём доложили Ясуши Акаши, то он удивлённо сказал: “Этот договор является нелегитимным. Козырев не имел права его подписывать от имени СООНО. Его никто на это не уполномочивал”. В очередной раз обманули сербов. На этот раз с помощью России.

Русбат

Работать в Загребе было трудно: чтобы успеть и аналитическую работу сделать, и свои записи привести в порядок, приходилось сокращать время сна. Да и люди тебя окружают все чужие. И менталитет у них другой, и обычаи, и порядки, и даже методика писать докладные записки. Отдушиной был русский батальон, стоявший около Вуковара. Туда уезжала я и на праздники, и лекции читала, и просто отдохнуть. Мы много разговаривали с руководством батальона, поэтому я знала, как ответственно относились наши военные к поставленным перед ними задачам. Вот только некоторые цифры.

В составе батальона, который формировался в Рязани на базе сил ВДВ, было пять рот. Из 900 добровольцев – 77 офицеров, около 100 прапорщиков, остальные – сержанты и солдаты срочной службы, имевшие не менее года армейского опыта. Русбат отличался высокой дисциплиной, огромной работоспособностью, первым вошёл в зону своей ответственности, где была разрушена почти вся инфраструктура, первым развернул контрольные посты и установил линии разграничения между противоборствующими сторонами. В некоторых секторах этого не было сделано и до окончания миссии. В феврале 1994 года во время так называемого сараевского кризиса 400 российских миротворцев были переброшены в Сараево, где был сформирован Русбат-2. Длина зоны ответственности Русбата-1 составляла 100 км, а ширина – 50, у соседей – Бельгийского батальона – эти параметры были в два раза меньше. Бельгийский батальон в составе 700 человек, размещавшийся на севере сектора, установил на границе разделения сил девять контрольно-пропускных пунктов (КПП), а Русский батальон – 62.

С хорватской стороны под контролем Русбата находилась Оперативная зона “Осиек”, которой командовал генерал Джуро Дечак. У хорватской стороны отношения с Русским батальоном складывались непросто. Они изначально видели в русских защитников сербов. Хорватским солдатам на КПП запрещалось вступать в контакт с русскими военными. В своей неприязни хорваты иногда доходили до абсурда. 2 июля 1994 года командующему сектором “Восток” генералу А. М. Перелякину поступило письмо от Министерства обороны Хорватии следующего содержания: “Сегодня утром члены СООНО (Русбат) в районе между Антуновацем и Бриестом (X-52500, Y-40500) обращались

к нашим солдатам и приглашали их выпить пиво. Это может рассматриваться как провокация. Просим Вас проверить эту информацию и прекратить подобные случаи”.

Тогда, в 1994 году, мне удалось поговорить с генералом Джуро Дечаком, который к тому же был и членом президиума правящей партии Хорватское демократическое содружество (ХДС), о сотрудничестве с Русским батальоном. “22 месяца я являюсь командиром корпуса. У хорватской стороны существует антагонизм к православию, а значит, и к Русскому батальону!”

Две роты российских миротворцев вводили в Боснию и Герцеговину срочно в феврале 1994 года (**Русбат-2**). От скорости размещения батальона зависело, будут или нет натовцы бомбить сербские позиции. В ночь с 19 на 20 февраля небольшая группа (около восьми человек) под командой замполита Евгения Кобозева “влетала” в Грбавицу. А на следующий день, 20 февраля входил весь батальон. На всём протяжении пути их с восторгом встречали сербы. На танки, впервые после Второй мировой войны, сажали детей, русским солдатам дарили цветы и вино. В знак приветствия – три пальца*. Российские миротворцы были размещены в полуразрушенном здании бывшей милицейской школы. Штаб СООНО, видимо, преднамеренно, обходил своим вниманием российских солдат. Им и зимой не вставляли стекла в окна, не снабжали горячей водой, не подвозили регулярно продукты. Часто в Русбате не было бензина, не говоря уже о том, что заявки на холодильники, телевизоры или компьютеры вообще не удовлетворялись, хотя “такие мелочи” во всех других подразделениях миротворцев были в больших количествах.

Я посетила Русбат-2 в сентябре 1994 года. Тогда комбатом был полковник Воробьёв Виктор Владимирович, а его заместителем по воспитательной работе – подполковник Чумаков Владимир Викторович. Нелегко было солдатам и офицерам нести службу в таких трудных условиях. Они показывали мне гору на противоположной, “французской” стороне, где при полном попустительстве миротворцев мусульманские окопы, как ступеньки, всё ниже и ниже спускались по склону и вплотную приближались к позициям наших миротворцев. Я видела, как ствол мусульманского пулемёта находился всего в трёх метрах от русского постового. Наши солдаты специально подводили меня к этому месту, чтобы я лично убедилась в этом. И здесь произошла комичная сцена, вызванная нашей русской безалаберностью и беспечностью. Уже когда мы стояли непосредственно перед мусульманским стрелком, наши спохватились, что я – без опознавательных ООНовских знаков, без бронезилета и голубой каски. Один молодой солдатик пытался на мою голову натянуть свой голубой берет, но он был мне бесконечно мал. Судорожно стали искать что-нибудь голубое. “Ну, прикройтесь хотя бы зонтиком, на нём есть голубые полоски”, – предложил другой. Это было уже смешно. Пришлось быстро ретироваться с очень интересной позиции, много рассказавшей о поведении различных подразделений миротворцев.

Тогда мне удалось ненадолго съездить в Сараево и даже пройтись по Баш-Чаршии, главной торговой улице города. Я нарушила все запреты и вышла из БТРА, чтобы своими глазами увидеть, как и чем живёт город. Сопровождавший меня подполковник Чумаков, называвший себя по старинке замполитом, не смог меня отговорить от “прогулки” по городу и был вынужден выйти вместе со мной. Ему было опаснее, чем мне. Я – без опознавательных знаков, а у него на рукаве – нашивки российского офицера. Это вызывало особую неприязнь мусульман.

Как все изменилось с далёкого 1970 года, когда я ещё студенткой была здесь на практике! Тогда весь центр занимали колоритные низкие глиняные торговые и ремесленные лавки. К 90-м их заменили современными киосками. Некоторые из них тогда были разрушены, но многие работали, в основном ювелиры и чеканщики. До сих пор перед глазами стоит картина, как высокий, красивый, очень пожилой мусульманин-торговец в домашних тапочках с маленьким медным подносиком и чашечкой кофе на нём пересекает узкую торговую улочку и идёт, видимо, к другу, чтобы отдохнуть, поболтать о последних новостях. Мирная картина в военном Сараево. На память, чтобы подтвердить свой визит в столицу Боснии в 1994 году, я купила маленькую медную ступочку для перца за огромные деньги. Она до сих пор стоит в моём

* Жест сербов подтверждает, что они православные, крестятся тремя пальцами.

домашнем музее. Всё продавалось только за марки, за мусульманские бонны – только газета “Освобождене”, которую, правда, после недолгих переговоров мне продали за доллары. Книг, которыми я интересовалась, в продаже не было. Из-под полы удалось купить несколько брошюр.

Город не производил впечатления опустошённого. На улицах было много народа, работали кафаны, соседи приглашали друг друга на чашечку кофе, улицы расчищены, хотя следов разрушения было много. Полностью разрушен был музей Гаврилы Принципа, но не сербскими снарядами, а мусульманскими молодчиками. Бесследно исчезла плита с отпечатками его ног, памятная доска на стене здания. Много домов вдоль реки были разрушены во время обстрела, когда снаряды прилетали с той, сербской стороны. Печальное зрелище представляла собой старинная городская библиотека...

20-го вечером мы были в гостях у семьи Петровичей – Александра, командира сербского подразделения в Грбавице, и его жены Любицы, которая работала переводчиком в русском батальоне. Бабушка и дедушка Александра – русские, с первой волной белой эмиграции покинувшие Россию. Любица тоже наполовину русская. Её мама, русская, познакомилась в немецком плену с парнем из Сараева... Александр – не военный, а простой инженер, но пошёл воевать, когда в Сараеве стало совсем невмоготу сербам. Мы с ними одних лет, поэтому легко нашли общий язык. Саша – фанатичный патриот. Даже двух своих сыновей, студентов, привёз на фронт, в окопы. “Они должны воевать за Родину, чтобы потом не было стыдно за то, что отсиживались в Белграде”, – говорил он. Красивые, сильные, интеллигентные люди. Сочетание мужества, цельности (он) и нескончаемой доброты (она). Света нет. 2 свечи на столе. И выстрелы всю ночь...

Встречи с Караджичем и Младичем

Борьба, которая ведётся вокруг сербского генерала Ратко Младича, – это борьба добра и зла, патриотизма и предательства, верности долгу и беспринципности, офицерской чести и бесчестья. Он давно уже стал легендой. Газета “Дейли Телеграф” включила его имя в список тридцати известных современных полководцев, напомнив при этом, что те офицеры, которые вели переговоры с ним, считают его гением тактики, но безумцем. На протяжении всей войны с ним искали встречи и политики, и журналисты, но особенно военные – миротворцы из “голубых касок”. Противники его боялись, а сербы любили. Обожали за честность, высокий профессионализм, отвагу, мужество, за любовь и преданность Родине. Его лозунгами были, как он сам говорил, – достоинство, честь, вера и свобода.

Мне посчастливилось говорить с генералом несколько раз. Запомнилась первая встреча в Белграде в 1994 года, которая носила неформальный характер. Меня поразило то, что у него было совершенно славянское лицо (очень похож на моего отца-сибиряка), без какой-либо туретчины. Открытый, с хитрецой, взгляд, доверительный тон, лёгкая улыбка. Он обладает феноменальной памятью, знает русских поэтов и писателей. Младич – прекрасный рассказчик. Он красочно воспроизводил сцены обеда с английским лордом, встречу с американским военным атташе на лестнице русского МИДа в Москве, разговоры с французскими генералами. Генерал прост в общении, умён, образован, знает себе цену, является высоким военным профессионалом, но имеет жизненную позицию, которая роднит его с простым крестьянином. Его жизненная философия проста: сербский народ много страдал в своей истории, пережил несколько геноцидов, но всегда прощал и был добрым, доброжелательным к своим соседям. Народ до конца не верил, что трагедия может повториться. И в этой войне он снова страдал, снова подвергся геноциду. “Я сделаю всё, чтобы этого никогда не повторилось. Сербский народ в Боснии и Герцеговине будет жить в самостоятельном государстве”. Разговаривая с офицерами и солдатами, я поняла, что его не просто любят, а боготворят. Его умение воевать вселяло сербам надежду на победу и на создание собственного государства. Любовь к нему солдат и вера в него всего народа давали ему уверенность в правоте своего дела, которую он до сих пор, а идёт уже 2017 год, отстаивает в Гаагском трибунале.

Мне очень жаль, что сегодня, в угоду тем, кто разрушал и уничтожал Югославию, правительство Сербии устроило облаву на того, кого должно

прославлять как героя, величать победителем и считать настоящим защитником Отчизны. Но времена меняются, это должен знать каждый политик, который преступил законы чести. Сегодня, вспоминая ратные дни, генерал прощает слабых, извиняет неуверенных, понимает нерешительных. Вот только по вопросу предательства он остаётся непоколебимым.

В середине 90-х годов ситуация на Балканах была ещё очень сложная. Вашингтон намеревался показать всему миру своё искусство принуждения к миру. Поэтому отдохнуть время не настало. Прошло несколько месяцев, как я вернулась из миссии ООН. В феврале 1995 года я вновь засобиралась на Балканы. Помню, что планировала в той поездке встретиться с генералом Ратко Младичем и президентом Республики Сербской Радованом Караджичем.

Мне не хотелось ехать к президенту, с которым я не была знакома, с пустыми руками. В аэропорту “Шереметьево” долго выбирала сувенир. Зная Караджича как человека верующего, в конце концов, я остановила свой выбор на деревянном пасхальном яйце на подставке, расписанном палехским художником.

Поездка оказалась трудной. Отвезти нас с Косаной, журналисткой из агентства СРНА*, вызвался один коллега из Белграда. Мы не смогли выехать из столицы рано, поэтому после пересечения границы ночь наступила внезапно и была оглушительной. Когда мы в полной темноте пробирались по дорогам Боснии, то водитель как бы в шутку предупредил, что ночью через это шоссе проходят мусульманские тропы, поэтому надо ехать быстро, без остановок. Чем выше мы поднимались в горы, тем сильнее падал снег и дул резкий ветер. Вдруг – резкая остановка. Проколосось колесо. А дальше началось действие, которое я никогда не забуду. Стоять долго нельзя, свет или подсветку включать тоже нельзя. Как менять колесо в полной темноте? Сначала водитель выгнал нас с Косаной из машины на значительное расстояние и предупредил, что если к машине подойдут мусульмане, то мы должны будем бежать. Выполнить его указание было нетрудно, поскольку уже на расстоянии пяти шагов ничего не было видно. Затем он начал в кромешной тьме на ощупь менять колесо. Самое удивительное было то, что эта операция заняла минимум времени – не более 6 минут. Слава Богу, всё закончилось благополучно, мы вскочили в машину и стремительно понеслись в сторону Яхорины.

Но на этом наши приключения не закончились. На подъезде к Яхорине дорога была заледенелой, машина скользила, потом остановилась и никак не хотела сдвинуться с места на крутом подъёме. Нам с Косаной пришлось вылезти из автомобиля и начать его толкать. Дул сильный ледяной ветер, мела пурга, трудно было стоять на льду, в который превратилась дорога. Наконец, машина сдвинулась с места и мотор стал набирать обороты. Косана успела вскочить на заднее сидение машины, а я поскользнулась и упала. Машина быстро удалялась, а я лежала в колее и никак не могла подняться – скользили и ноги, и руки. Я лежала и смеялась, потому что ситуация была комичной. Мне сверху кричат, дают советы, а я смеюсь, пытаюсь подняться...

Уже в отеле на Яхорине мы долго и возбуждённо обсуждали всё, что с нами произошло. Пытались согреться. В гостинице, занятой сербскими военными, не было горячей воды и тепла. Для нас немного подогрели несколько комнат, и мы смогли отдохнуть. Но не было никакой возможности принять душ, вымыть голову и привести себя в порядок. На фотографиях, сделанных на следующий день, отлично видно, что накануне наше путешествие было нелёгким.

Нас ждал Радован Караджич. Мы вышли на улицу, сели в машину и спустились по улице в посёлок Пале, свернули к небольшому приземистому дому. Хозяин вышел нам навстречу – доброжелательный, улыбающийся. Сказал, что знает обо мне, что много слышал о моей работе от своих коллег и друзей, читал мои статьи и интервью. Обстановка в комнате, где нас принимал президент Республики Сербской, была очень скромной – стол, несколько кресел, на стене – большая и две маленькие иконы, телевизор. Я подарила Караджичу свой сувенир. Он ему понравился. Пасхальное яйцо заняло своё место в ряду сувениров на тумбе слева от телевизора.

Мы проговорили около часа. Конечно, президента больше всего интересовала политика России на Балканах – есть ли какие-нибудь изменения? Я всегда очень резко критиковала политику России на Балканах, поэтому

---

* Информационное агентство Республики Сербской.

отвечала так, как думала, хотя прекрасно понимала, что Караджичу было больно слушать о том, что изменений во внешней политике России вряд ли следует ожидать, пока министром иностранных дел остаётся Андрей Козырев. Президент вспоминал свои встречи с российским министром иностранных дел, как он от надежд постепенно переходил к недоумению, непониманию, а потом к разочарованию. Жена Радована Караджича предложила нам кофе и сок, хозяин – ракию. Видно было, что Караджич устал от стольких лет дипломатической борьбы, от пустой траты сил, которая уходила на доказательство истины, от поиска союзников. Мне было стыдно за российскую дипломатию, за политику в целом. Но казалось, что президент РС начинал понимать бесперспективность надежд на помощь и поддержку России. Позади был выход из политической изоляции с помощью Дж. Картера, впереди был Дейтон*. Караджич готов был к уступкам, но Западу была нужна капитуляция.

Мы тепло распрощались, пожелали друг другу всего самого хорошего, сфотографировались на память. Далее мой путь лежал в Хан-Пиесак к командиру Ратко Младичу...

Удивительный человек. Он отвечал досужим журналистам: “Я не создаю никакую великую Сербию, только защищаю сербскую землю и верю в то, что и господин Оуэн завтра в случае надобности защищал бы свой народ... Мы не агрессоры. Нам чужого не надо... Я встал рядом со своим народом. Это мой долг, этому я и учился. Был бы я хирург или журналист, я делал бы то же самое”.

В 1995 году мы встречались в Хан-Пьеске, где находился штаб Армии Республики Сербской. Хозяин был, как всегда, радушен, усадил нас за стол. Меня тогда очень поразила крайне скромная еда на столе – хлеб, сыр, солёные огурцы, мясная нарезка и отварные яйца. Всего несколько тарелок, хотя за столом было восемь человек. Тогда генерал говорил о тех трудностях, которые испытывает армия. Не хватало самого элементарного – постельного белья, продуктов питания, не говоря уж о топливе, боеприпасах. Не обошлось в разговоре и без России. С огорчением генерал говорил о политике Москвы, которая фактически направлена против сербов. “Нам не нужны оружие и снаряды, но моральная поддержка необходима. Если бы Россия прислала к нам в штаб хотя бы одного отставного генерала, а можно и полковника, то натовцы бы подумали, что русские нам помогают. Ему бы ничего не пришлось делать. Мы бы его кормили, оберегали и иногда бы “случайно” показывали в войсках или журналистам. Это бы и дух нашей армии подняло. Вы же знаете, как у нас относятся к русским. Но Россия, видно, отказалась от Балкан. Неужели она не понимает, что после нас ей самой придётся столкнуться с такими же проблемами? Мы должны укреплять военное сотрудничество. Но ваши политики считают иначе. Они поплатятся за это. История не прощает предательства”.

Выступление в Гагском трибунале – опыт не из лёгких

В феврале 2003 года я выступала в Гагском трибунале в качестве научного эксперта. Защищала сербского генерала Станислава Галича. Впечатлений много и разных – и о том, как работает трибунал, и о качестве процесса, о сербском генерале Станиславе Галиче, которого мы защищали, и о команде профессионалов-адвокатов. И почти нет – о городе, который я так и не успела посмотреть.

Генерал Галич, который командовал Сараевско-романийским корпусом в районе Сараева в 1992–1993 годы, был арестован натовцами 20 декабря 1999 года. Его обвиняли “за преступления против человечности и нарушения правил ведения войны”, за организацию снайперской стрельбы против гражданского населения Сараева, за блокаду и обстрел Сараева.

Я приехала в Гаагу 9 февраля 2003 года, когда своих свидетелей представляла защита. Перед судом уже прошли 60 свидетелей (среди них были двое русских и двое украинцев), теперь предложено было заслушать 6 экспертов – баллистов, медиков, юристов, военных, психологов. Я представляла историческую науку, говорила об истории развития кризиса, делая упор на роли международных организаций во время войны в Боснии и Герцеговине.

---

* В Дейтоне в 1995 году был подписан мирный договор по Боснии и Герцеговине.

Эксперты говорят после свидетелей. Останется ещё заслушать заключительное слово обвинения, защиты, и затем будет вынесен приговор.

Здание Международного трибунала в Гааге производит тягостное впечатление. Внутри — гнетущая атмосфера то ли из-за царящей здесь несправедливости, сломанных судеб, то ли из-за часто неоправданных строгостей внутреннего режима. Когда тыходишь в здание Международного трибунала в Гааге, то нигде не можешь ходить без сопровождения. Один стражник ведёт тебя от входа до комнаты свидетелей, другой обслуживает в процессе ожидания и перерывов, помощник судьи тебя сопровождает в зал заседания. В комнате свидетелей тебя закрывают на ключ, ты ждёшь своей очереди или отдыхаешь в перерыве заседания. Комнатка маленькая — 5 на 4 моих женских шагов. В ней — диван, кресло, стул, небольшой журнальный стол, холодильник с фантой и колой. Окно зашторено. Скрашивают твоё ожидание всегда горячий кофе в кофеварке, кипяток для чая. На полочке — игры: шахматы, нарды, карты. Есть ручки и блокноты, несколько хорватских журналов. Если надо выйти в туалет, то звонишь по местному телефону, и сразу появляется девушка, которая ведёт тебя долгими коридорами, открывая своей карточкой несколько дверей. Серьёзное дело. Сам не пройдёшь. Мне пришлось 10 февраля прождать в этой комнате с утра и до двух часов дня, поскольку предыдущего эксперта — баллистика из Белграда — судьи допрашивали очень серьёзно. Моя очередь в тот день так и не наступила. А на следующий день был выходной — ООН и все международные организации отмечали Байрам. Меня начали слушать, а это к обиде эксперта называется “перекрестный допрос”, только в среду 12 февраля. В начале заседания ты повторяешь клятву говорить только правду и ничего, кроме правды. После этого ты уже ни с кем не можешь общаться — ни с адвокатами, ни с работниками суда. И сколько бы дней ни продолжился допрос, ты находишься в полной изоляции.

Я представила Трибуналу экспертизу на 120 страницах на сербском и английском языках. После ознакомления с текстом суд согласился допросить эксперта. Я видела свою задачу том, чтобы объективно показать развитие событий, уйти от “официальной” версии, которая часто грешит субъективизмом и схематизмом, представить суду аргументы, которые бы поколебали их “установку”, даже попытаться найти новые документы, на которые суд не обращал внимание. Писала я о причинах кризиса в Боснии и Герцеговине, о раскладе политических сил в 1990–1992 годах, о сути конфликта и военных столкновений, позиции сторон и их вооружении, деятельности международных организаций по урегулированию конфликта, о ситуации в Сараеве. Здесь особое внимание было уделено страданиям сербов, которых тысячами убивали в 1992–1993 годах в городе. Об этом вообще мало кто писал, а документов существует много. И так далее. Вопросов поднималось много, но все они так или иначе касались предмета обвинения.

Эксперт подвергается допросу со всех сторон: сначала задают вопросы адвокаты, потом — обвинение, затем — судьи, затем снова защита, обвинение, снова судьи. По плану судей, меня должны были допросить быстро, в течение полутора часов. Но меня допрашивали два дня. Трудность заключалась в том, что эксперт не имеет права пользоваться конспектами, записями, другими бумагами, кроме текста экспертизы. Поэтому приходилось держать в голове большое количество данных — цифр, дат, имён, цитат, резолюций, сносок, текстов документов. Надеюсь я тогда, что аргументы экспертизы будут полезны суду, что судьи воспользуются возможностью показать свою объективность. Увы...

Когда я вошла в зал, где шёл процесс, то очень волновалась, угнетающе действовала вся обстановка зала, ритуальность жестов и действий, которые нельзя было нарушать. Но как только я поняла, что знаю намного больше, чем они со своей предвзятостью, то сразу захотелось “побороться”. И, как мне кажется, это удалось.

Генерал Галич на процессе выглядел спокойным, хотя и несколько усталым. Он внимательно следил за перепалкой сторон, постоянно переговаривался с адвокатами, вёл свои записи. Могу рассказать об одной приятной для меня вещи. В конце второго дня заседания генерал написал мне благодарственное письмо и передал его через адвокатов. Очень тронули следующие слова: “Большое счастье, что Вы здесь сказали правду...”, “Очень Вам благодарен от имени всех сербов и своего личного имени...”, “Было бы большой

ошибкой для Вас, а особенно для нас, если бы Вы не появились в качестве эксперта здесь в суде. . .”

Сложно пересказать все вопросы, которые мне задавали. Остановлюсь на основных. Я пыталась обратить внимание суда на то, что прослеживается определённая закономерность в создании провокаций, за которыми следовало наказание лишь одной стороны конфликта – сербов. Так, за взрывом в очереди за хлебом на улице Васе Мискина в Сараеве 27 мая 1992 года, в котором были обвинены сербы, последовало введение санкций против Югославии 30 мая; после первого взрыва на рынке Маркале 5 февраля 1994 года, в котором опять же обвинили сербов, последовало начало участия НАТО в бомбёжках сербских позиций. Маркале-2 по той же схеме произошёл в августе 1995 года. И хотя российским офицерам удалось доказать невиновность сербов, наказание всё-таки последовало. Их натовцы бомбили после этого случая уже две недели.

О введении санкций, о взрыве на ул. Васе Мискина и о Маркале-1 мы дискутировали в трибунале два дня. Я пыталась доказать, что существуют высказывания высокопоставленных деятелей международных организаций, согласно которым в ООН были первоначальные экспертизы баллистов, доказывающие невиновность сербов. Об этом писали и говорили Дэвид Оуэн, Ясуши Акаши, Майкл Роуз, лорд Каррингтон. Лорд Оуэн в своей книге даже называет причины, по которым эти сведения скрывались от общественности. Суду бы надо было затребовать эти документы в архиве ООН. В этом и должна была, на мой взгляд, проявиться объективность трибунала. Но особого желания у судей “копать” в этом направлении я не заметила. Чаще вопросы касались мелочей – уточнение страниц, источников, кавычек в цитатах, опечаток, адекватности сербского и английского переводов. Особенно некомпетентным выглядели представители обвинения. Мне даже доставляло удовольствие разбивать их аргументацию, поскольку они плохо владели материалом, если он выходил за рамки существующей в их головах схемы.

Когда моё знание предмета казалось судьям слишком хорошим, они требовали отвечать по схеме “да или нет”. Я согласилась попробовать. Первый же вопрос звучал так: “По Вашему мнению, блокада Сараева являлась полной?” Я невольно улыбнулась, потому что сразу заметила в вопросе подвох. Ответила, что не могу ответить ни да, ни нет, потому что формально блокада была полной, но с другой стороны, существовал тоннель, который снабжал город самым необходимым, существовали другие выходы из города. Когда я предложила показать на карте эти маршруты, то судья замахал руками: “Не надо, не надо, мы всё знаем!” На процессе был случай, когда долго обсуждали вторичный документ – пересказ заседания Скупщины РС одним из младших офицеров, который искажил услышанное на заседании. Я предложила обратиться к материалам самой Скупщины, но получила резкий отказ. И мне было понятно, почему: в стенограммах Скупщины не было компрометирующих генерала Галича материалов.

Адвокаты требовали освободить генерала. Прокурор предлагал пожизненное заключение. Суд вынес вердикт – осудить генерала Галича на 20 лет тюрьмы. Но... впервые в истории трибунала среди судей не было согласия. Колумбиец Рафаэль Нието-Навиа не поставил свою подпись под решением судей и высказал своё “особое мнение” – предложил осудить генерала на 10 лет. Свои доводы он изложил на 350 страницах (!). Среди аргументов, естественно, и наши, всех экспертов и свидетелей. Однако обжалование приговора потрясло знатоков права: генералу Галичу изменили наказание в сторону его усиления. Генерал был осуждён пожизненно. . .

Встреч на балканских дорогах было немало. А ещё – участие в конференциях и круглых столах, чтение лекций, комментарии на радио и телевидении. Был и 1999 год, когда НАТО бомбил Югославию, погромы в Косове, цветные революции в Сербии и Македонии. Обо всём этом – в книгах и статьях, число которых уже перевалило за 600. Сегодня и Россия по-другому смотрит на Балканы, и Сербия – на Россию. Но Балканы дымятся по сей день, болевых точек и нерешённых проблем немало. Поэтому и работы предстоит ещё очень много. “Лучше уж так, чем быть вечно ждущим. Покой – лежащим, дорогу – идущим!”

АНАТОЛИЙ ЮРКОВ

ДАРЫ БАЙКАЛА

Судьба играет Байкалом или человек?

Уж пятый год, как на нашей улице праздник – навсегда освободили Байкал от потравы, которой полвека грозил ему целлюлозно-бумажный комбинат, ставший в XX веке бельмом на светлом оке великого озера. Праздник остался с нами, а экологического благополучия не наступает. Теперь становится понятным молчание академика Михаила Александровича Грачёва, который лишь в неофициальном разговоре ронял: “Да что БЦБК и его стоки – они локально проявляются и не расползаются далеко за пределы проектного “пятна”. Закроют его – и не заметим”.

А вот что “заметим”, Михаил Александрович, будучи в то время директором Байкальского Лимнологического института, до поры умалчивал. Хотя эта пора уже плескалась в берега озера, когда ещё не перестали чадить трубы комбината. Нарастающий вал туризма упёрся в пустяшный вопрос: а куда туристу бегать, извините, по малой и большой нужде? Ведь вал этот уже превысил миллионную высоту, в этом году ожидают его рост в два раза. Едут с Запада и Востока, со всех российских весей поклониться национальной святыне и оставляют на побережье и тропах свои пахучие следы. Где цивилизация?

Думаю, была и другая причина у академика: протестный шум по поводу строительства на Байкале химических предприятий, переросший в протестное экологическое движение XX века, отвлекал от нарастающих проблем озера, более глубинных, неизученных и неотвратимых. Учёные это предвидели, по крайней мере, фиксировали признаки этого неотвратимого. А общественность всё никак к ним не поворачивалась...

Нет, видимо, лучше начать от печки.

Из будущего – в прошлое

В Байкале, подсчитано давно, вода, все 23 тысячи кубических километров, обновляется полностью за 400 лет. Дело для специалистов нетрудное – посчитать. Школьная арифметика о бассейне с двумя трубами, по одной из которых вода вливается в бассейн, а по другой, иного диаметра, вытекает. Всего-то и разница – в Байкал втекает через 333 “трубы”, а из него вытекает через одну – реку Ангару. Правда, задача упрощается тем, что эта одна труба “высасывает” из Байкала ровно столько же воды, сколько все 333 в него доставляют. Это фантастическое равновесие существует века, а может, и миллионлетия, оставаясь удивительным, но всё-таки географическим фактом. Величина эта постоянная. Есть и много других нюансов, но не будем занудами.

А все четыре века “цикла обновления” озеро так пестует воду, прогоняя её через круговые, вертикальные, кольцевые, придонные, ветрогонные поверхностные, быстрые и замедленные перемешивания всю до капли – через биологические (естественные, природные, живые, постоянные) вековые фильтры такой сложности и эффективности, до которых человек пока не додумался. Не умеет ещё он сам такие фильтры создавать. Не дорос. Только – природа! В четырёхвековом байкальском цикле. Ибо все они естественные, живые – можно потрогать.

Учёные Лимнологического института уже много лет знают, **как** озеро это делает, и знают рецепт: не мешать Байкалу создавать то, что он творит вот уже дольше 20 миллионов лет. Сам, с Божьей помощью. Да кто же их станет слушать! Формально-то и по плечу похлопают, покивают, а про себя подумают: они ещё потребуют вообще не вмешиваться в жизнь Байкала... Умники.

Важнейший вопрос: каким станет Байкал через следующие 400 лет? Поспособствует нам остаться самими собой? Можно было бы и не оглядываться, но уж очень большая величина – наш Байкал в системе национальных и мировых ценностей. И если б не тревожный пунктир, прошивший светлые воды славного моря. Теперь не спишешь на Орду. Мы, россияне, уже четыреста лет отвечаем за благополучие своего Байкала. Пора бы и соответствовать.

А мы вперёд – задом наперёд...

Современная экономика, навязанная России так называемыми младореформаторами в начале 90-х, с самого своего начала нечестно отнеслась к Байкалу. Как и ко всему народу. Следы той нечестности обнаружила Межведомственная Байкальская комиссия почему-то только в 2004 году. Оказывается, водный налог в колоссальных суммах по чьему-то велению-хотению не собирался в суверенной России до 2005 года. Так считается, ибо от его имени в бюджет не попадало ни копейки. Правительство отреагировало. И в 2005 году его поступления в бюджет (по курсу 2005 года) составили более 11 миллиардов 500 миллионов рублей. 116 с лишним миллиардов за этот срок спрятали свои концы в воду. Люди не получали зарплаты, старики – пенсию, голодали дети, некоторые умирали. А те, кто эксплуатировал байкальскую воду, “выходили в люди”, становились олигархами. Или делали головокружительные карьеры во властных структурах.

Байкал совсем обнищал: ни одних новых очистных сооружений не вступило в строй в городах и посёлках Центральной экологической зоны. Не говоря уж про сельские поселения. Зато миллионы по-прежнему шли на “реконструкцию” очистных сооружений БЦБК. До такой степени дела испортились, что в 2013 году обанкротился БЦБК. И его наконец-то пришлось закрыть. Навсегда.

Празднуй, русская душа! Но не до головокружения.

Предчувствие беды

Как-то раз один симпатичный эколог по имени Анжелика спустилась к берегу Тыи, речки-невелички по сибирским меркам, всего-то 120 км по течению, если мерить от отрогов хребта Унгдар, где она зарождается. Но на ней нынче Северобайкальск сидит, полвека назад ставший основной технической базой строителей западного участка БАМа. У этой речки-невелички, тем не менее, 235 притоков общей протяженностью более 700 километров. А, как известно, сам Байкал из конца в конец до шестисот пятидесяти не дотягивает.

Анжелика стала примечать: тут что-то неладно. Городские очистные сооружения кто-то шустрый приватизировал и стал в них мыть железнодорожные вагоны, другую нечисть, применяя хлористые и фосфорные добавки, да погуще, погуще. Активный биологический ил был потравлен, как грызуны крысиным ядом, а мёртвый он сам становится помехой процессу очистки. Если к этому добавить, что прижимистый хозяйственник, ставший распорядителем БАМа, в целях экономии приказал на всех станциях закрыть и ликвидировать санузлы и даже дощатые уборные, то дерьмо пошло исправно прямо в реку, потом и в Байкал.

Много ли заработал генерал тяги на том запрете, Бог его знает, но точно известно, что в округе сильно запахло цивилизацией. В Тыю полилась нечисть, сдобренная фекальными отходами.

Анжелика собиралась дойти до Байкала, пройти по берегу озера километра два. Но остановилась, не пройдя и половину пути: в прибрежной воде озера плескались клочья зеленой паутины. Кому-то до неё это тоже не понравилось, и он взял корягу, выброшенную волной на берег, и намотал эту паутину на нее, как кудель. Анжелика подняла её и сразу бросила: кудель воняла, не приведи Бог, как.

Дальше по берегу виднелись и другие выбросы: лишённые воды, они теряли свой нежно-зелёный цвет, становились буро-зелёной вонючей массой.

Эколог Анжелика стала звонить в Минприроды Бурятского правительства: и Северобайкальск, и Тья, и этот кусок берега Байкала были бурятскими. В Минприроды, как всегда, попробовали сослаться на занятость, чтобы не ввязываться в разговор с настырным экологом, к тому же дипломированным специалистом. Но Анжелика всё же дозвонилась до министра и потребовала прислать инспектора.

Инспектор по природоохранным делам из Сибирского федерального округа приехал, посмотрел, понюхал, поблагодарил Анжелику. Сказал:

— Не знаю, что это, но что-то непутёвое. Надо Грачёва звать.

Академик Михаил Александрович Грачёв, директор Лимнологического института на Байкале, отозвался сразу же:

— Да, и мы обнаружили, что спирогира пошла в бурный рост. Но пока не знаем, отчего.

— Когда будете знать?

— Как выясним. Если выясним.

Кое-что выяснили быстро. Например, то, что спирогира — постоянная обитательница Байкала. Не назойливая. Ни на кого не нападает. Живёт на мелководье, не путается под ногами. Как и многие другие обитатели озера. Её следы обнаруживаются при раскопках в трёхмиллиардлетних слоях. Если жива сегодня — значит, стойкая ко всяким климатическим невзгодам. К нашему климату приспособилась основательно. Фантастическая выживаемость!

Но почему пошла в такой бурный рост на Байкале, какой не зафиксирован больше нигде на земном шаре? Загадка не для школяров — для академиков. Тысячи и тысячи лет жила в Байкале тихоней, никому не мешала, и на неё обид не было. И вдруг...

Кто-то, себе на уме, гадает: а может, эта самая спирогира у Природы за сторожевого пса? Ест, спит, приюхивается, а как начинает пованивать — она вскачь размножаться и пожирать эту сладкую вонь. Объевшись, умирает и тоже вонять начинает. Чтоб нам, людишкам, сигнал дать: уймитесь. Подчищайте за собой...

Может, и так. Природа в своих возможностях непостижима и недостижима. Как ни пыжься.

Звонком из Улан-Удэ Анжелика Тиссен подняла с постели и меня в четыре утра.

— А губернатор Бурятии Наговицын говорит, что шум поднимать не стоит. А то вон об озере Котокельское сколько шуму было, а мы не поддались паническим настроениям. Ни во что не вмешивались. Котокельское озеро выздоровело. Само собой. А уж шуму-то было, шуму...

— Не прав ваш Наговицын, — говорю спросонья.

— Но он же глава республики... Как можно?..

— Значит, можно, если он всё ещё глава. (Вскоре его отправили в отставку.)

— Тогда кому верить?

— Себе, Анжелика, прежде всего, себе. В данном случае — и фактам. Котокельское всё ещё под санитарным карантинном. И главный санврач республики не торопится с реабилитацией озера.

Так, в конце концов, и получилось: глава республики ушёл раньше, чем туристы снова стали принимать солнечно-водные процедуры в Котокельском. А с Анжеликой Тиссен не очень-то и поспоришь. С тех пор, как она возглавила в Северобайкальске экологическое движение "За чистый Байкал", от неё никому покоя нет. А после приезда федерального инспектора по природоохранным делам по её персональному вызову из Новосибирска совсем осмелела.

— Вы бы чуть поаккуратней, Анжелика Васильевна, — пытаюсь её предостеречь.

– Поаккуратнее им бы надо с Байкалом, – отвечает она. Потом добавляет: – Я – поаккуратнее, вы – поаккуратнее... А что от Байкала останется?..

Капля Бога

Кто-нибудь задумывался над житейским вопросом: если Байкалу не возвращать долги, долго ли ещё он протянет?

Но тут возникает и следующий вопрос: о каких долгах речь?

Но сначала – о Капле Бога.

Традиции – это не подражание ветхозаветному. Традиции – это всегда великолепие и блеск современности, впитавшие в себя мудрость и красоту веков и устремленные в будущее. Как русская литература, вобравшая в себя благоухание пушкинского слова, дала миру Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Островского, Толстого, Чехова, Горького, Есенина, Маяковского, Ахматову, Пастернака, Шолохова, Распутина... И целую плеяду современных волшебников слова. По традиции.

Мне подумалось об этом, когда академик Грачёв вдруг сказал:

– Вот Назарбаев построил стеклянный шар на удивление людям.

– Какой шар?

– Павильон Казахстана на Всемирной выставке будет располагаться в стеклянном шаре громадной величины.

– Интересно, – сказал я.

– Вот бы и нам построить на Байкале нечто на удивление людям.

– Удивительнее Байкала? Стеклянный шар?

– Э-э... нет. Стеклянное здание в виде капли что ли...

– Шутите, Михаил Александрович? На Байкале – стеклянная капля под облака?.. Хотя в этом, пожалуй, что-то есть... Как капля Бога...

– Если серьёзно рассчитывать на экономику туризма, надо капитально привлекать людей.

Организовать цивилизованный туризм и запустить его на Байкальскую природную территорию – это не собрать толпу, построить её в колонну, дать в руки вперёдсмотрящему развёрнутое знамя и – шагом, марш! – с песней:

– По долинам и по взгорьям // шла дивизия вперёд...

Грачёв говорил по другому поводу.

Без малого два года назад бюро Совета ФАНО и РАН на совместном заседании, а перед этим Президиум Российской Академии наук обсуждали работу коллектива Лимнологического института. Тогдашнее руководство Минобрнауки бесстрашно ломало традиции, сложившиеся в школах, вузах и научных учреждениях, грозя “позакрывать” многие институты. И – палёным запахло...

Слава Богу, остановились. Но потрясения, испытанные некоторыми коллективами, дают о себе знать и по сей день.

Президиум РАН, заслушивая доклад академика М. Грачёва, фактически спасал коллектив Лимнологического института от незаслуженных экзекуций.

“... Лет 30 назад проблема Байкала занимала умы многих видных российских учёных, таких как академики В. Коптюг, М. Лаврентьев, А. Трофимук, П. Капица, и других корифеев советской науки”. – Михаил Александрович передохнул. Члены Президиума Российской Академии наук собрались на специальное заседание, чтобы послушать его, директора академического Лимнологического института о том, что происходит на Байкале, далеко-далече от Москвы. Поэтому, видимо, академик Грачёв и делал заход издали. Он знал и чувствовал, что за ним наблюдает особенно пристально Николай Павлович Лаверов, и это его ободряло. Имя Лаверова увековечил в академическом фольклоре президент России, произнеся судьбоносную фразу:

– Сделать так, как сказал академик Лаверов.

А сказал Николай Павлович о том, что гигантскую нефтяную трубу Восточная Сибирь – Тихий океан (ВС-ТО), которой “Транснефть” упёрлась в берег Байкала, надо бы вывести за пределы водосборной территории озера, по акватории которого как раз проходит Байкальский рифт, тектонический разлом, и на каждом веку котловину крупно трясёт, до 9 и более баллов по шкале Рихтера.

– Сделать, как предложил Николай Павлович, – повторил для плохо слышащих президент, и на этом большой шум о трубе был закончен. Вслед за этим – и карьера корыстно упёртого повелителя нефтяных труб.

Академик Лаверов, пренебрегая недугом, пришёл на то заседание Президиума Академии во всеоружии: Байкал теперь в некотором роде стал его крестником. Да и директор Грачёв...

А тот ровным голосом продолжал:

— Это происходило в своё время в связи с заботами, что Байкал погибнет из-за начала работы Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Слава Богу, это не сбылось: Байкал жив. Но с тех пор интерес к Байкалу стал утихать до такой степени, что в Москве, ни в президиуме РАН, ни в Общем собрании Академии наук, тем более, эта проблема не обсуждалась.

Михаил Александрович отчитался в Академии наук нормально. Академики дружно обещали всяческую поддержку коллективу института, попавшему в цейтнот: очередной экологический кризис, навалившийся на Байкал, покрыл мелководье озера мягким, нежным на ощупь зелёным пуховым одеялом — так нитчатая водоросль спирогира принялась отвоевывать для себя пространство, на которое рассчитывали туристы. И которое в жизнедеятельности озера играет решающую роль. Спирогира, выброшенная из воды на берег, сделала его неприемлемым для человека: мёртвая, она смердела и покрывала липкой слизью стерильные берега озера. Напрочь игнорируя вердикт ЮНЕСКО: редкий случай, когда в свой список эта международная организация внесла как наследие человечества персонально и байкальские пейзажи.

На вопрос коллег, что эту неведомую спирогиру принесло, Михаил Александрович ответил так:

— Она была в озере, но в малых количествах. А тут — как на дрожжах. Почему, пока не знаем. Нужно провести глубокие и дорогие исследования, чтобы знать. Хотя сделан шаг вперёд.

Он и сейчас отвечает примерно так же. Знания всегда дорого стоят. И не легко даются. Особенно новые знания. Учёным не сразу стало ясно, что это — водоросль, и какая именно. Но первая особенность бросилась в глаза: спиригира застилала дно мелководья и жалась к берегам особенно в тех местах, где происходит контакт Байкала с туристами и где идёт сброс в озеро сточных вод.

Экспедиции учёных и специалистов института в разные точки акватории Байкала принесли схожие результаты: чем больше вода насыщена фосфором азотистыми примесями, тем активнее размножается эта нитчатая водоросль. А ускорителем процесса выступают фекальные отходы в коммунальных стоках. Но поразительный факт: в байкальской воде растворено, им было это известно, всего 230 тысяч тонн фосфора. Дальше их расчёты привели к следующему результату: объём байкальской воды, в которой растёт и размножается спиригира, примерно равен 7 кубическим километрам из 23 тысяч км. Стало быть, всего несколько тысяч тонн потребовалось, чтобы нарушить миллионлетнее равновесие жизни байкальской системы. Вот это система! Вот это реакция на угрозу собственному благополучию! Несравнимо чувствительнее и эффективнее американской ПРО. Дальнейший поиск показал, что со стиральным порошком в водоёмы попадает в 2–5 раз больше фосфора, чем с человеческими фекалиями.

А стирка белья с порошком на берегах Байкала — рутинное дело: и туристы-дикари, и туристы-лагерники, и здравницы...

Академик М. Грачёв срочно обращается в правительство РФ: надо ограничить присутствие фосфора в стиральных порошках до европейского уровня — 0,4–0,5 процента. Таможенный Союз пошёл на уступки ради Байкала — теперь в стиральных порошках присутствие фосфора ограничено семью процентами: на тебе, Боже, что нам не гоже.

Лаверов услышал и отреагировал:

— На мой взгляд, надо сейчас же написать бумагу в Совет безопасности Российской Федерации. Другого варианта я, к сожалению, не вижу, пока мы сохраняем какую-то возможность влиять на этот процесс. И этим надо пользоваться.

Откровенность академика Лаверова была понятна всем: он в СБ России возглавлял отдел по экологической безопасности государства. И когда нужно, пользовался своими полномочиями эффективно. Сам факт этого влияния принят и одобрен и глава государства, когда споры о нефтяной трубе зашли в тупик. К месту оказалось и напоминание о том, что “мы были вместе с Михаилом Александровичем, когда на лодочке обсуждали многое, что увидел тогда президент России на дне, на поверхности Байкала, а также другие вопросы”.

Конечно, хорошо быть академиком, лауреатом различных премий, получать заслуженные ордена и медали, но ведь и спрос в ларец не положишь: поспи, дружок, пока я схожу на бережок.

— Михаил Александрович! А вдруг ваше предложение со “стеклянной каплей” найдёт поддержку? Может, назовём её КАПЛЕЙ БОГА? Ведь и сам Байкал — не что иное, как капля Творца, которой можно напоить человечество. Вы что бы разместили в этой “стеклянной капле”?

— В Байкальске нужно построить город-сад, но это, похоже, утопия, — живо отозвался академик, который уже десятки лет передвигается только в инвалидной коляске. — Что касается названия — берём. Внутри КАПЛИ БОГА нужно поместить музей Байкальский, а также внутреннюю ёмкость (как желток в яйце), где будут круглые сутки производиться глубинная байкальская питьевая вода. Это очень интересный процесс, где двигаются сложные механизмы и регулярно происходят яркие вспышки при выдувании пластиковых бутылок.

Скоро сказка сказывается

Ученые в массе своей сказочники. Но уж ни в коем случае не бухгалтеры. Академик Будкер, который в Новосибирском научном городке построил первый ускоритель (коллайдер) на быстрых нейтронах, любил, при случае, рассказать анекдот.

... Картина из ближайшего будущего.

Разогнали, раскрутили, значит, до фантастических скоростей синхротрон. Руководитель эксперимента тормозит процесс.

— Что вы делаете, коллега, — возмущаются академики, присутствующие на эксперименте. — Давайте дальше, дальше...

— А дальше, коллеги, Земля может треснуть и расколоться.

— Да?! — повскакали с мест академики. — Вот было бы интересно посмотреть...

Моё знакомство с академиком Михаилом Александровичем Грачёвым не даёт мне права сказать, что он мог бы согласиться со сливом Байкала до дна, до капли. Чтобы покопаться руками в донных отложениях, поискать в них ответ: кто это пускает пузыри со дна, которые потом образуют подо льдом километровые круги, видимые на снимках, снятых из космоса? Хотя это они уже знают. Но на дне Байкала покоятся и другие загадки, которые пока не разгаданы.

Однако вот как он рассказывает о своей повседневной работе на Байкале в течение тридцати лет. “В мире расшифрованы полностью и опубликованы геномы только двух видов морских водорослей... Наш вид отличается тем, что он пресноводный, бесшовный, пеннатный. Если взять генетическое расстояние от этого вида до другого вида, который был расшифрован вторым, шовного пеннатного, то оно такое, как между дрозофилой и человеком. Водорослей таких много. Кажется, они похожи, как близнецы-братья. А такое громадное различие — дрозофила и — человек”.

Такие миллиардолетние расстояния. И совершенно юношеский азарт, с каким они бросаются в эту миллиардолетнюю пропасть. Это надо видеть! Или хоть раз побыть свидетелем.

Ум — хорошо, а два — очень дорого

На энергичные заявления учёных авторы распоряжений обычно говорят: в истории Байкала были эпизоды и похуже — на 70 метров опускалось зеркало озера. Выдюжил, как видим. И теперь перемелется...

Так ведь и с самим человеком за то же время чего только не случилось — его когда-то и в природе-то не существовало. Когда-то в Байкале осётр уже бултыхался и гонялся за осетрихой, озабоченный продлением потомства. А появился двуногий “хomo”, объявил себя царём природы — и где теперь осётр? Байкальский осётр...

Странные эти люди, которые спецы по резолюциям. Брякнул, квакнул — и хоть трава не расти. Уже и не растёт, похухла, где прошёл тот квакун — по кедровникам, по соболиным падям.

140 тысяч нарушений природоохранного законодательства выявила недавняя прокурорская проверка. Ахнул сам генеральный прокурор. Это так ошеломляюще, что даже сравнить не с чем. Сюда входят и нарушения, которые состоялись на Байкальской природной территории, включая махинации при строительстве очистных сооружений и откровенное воровство.

А средств на охрану природы заповедных прибайкальских территорий требуется всё больше и больше. Потому что взялся “наводить порядок” энергичный, оборотистый человек.

На спирогиру бросили все основные силы института, но проблема осталась. Более того, неведомая болезнь поразила и байкальские губки. А они, губки, служат естественными фильтрами байкальской воды. Причина гибели губок тоже пока не выяснена, одни предположения.

Новые знания добываются великим умом и трудом до седьмого пота. И стоят дорого, очень дорого. Готов это повторять и повторять.

Академик Грачёв пишет во все инстанции: где деньги, Минфин? К нему присоединяется и новый директор института А. П. Федотов. И пяти лет не прошло, как получают... ответ за подписью статс-секретаря Минприроды России С. Радченко, посланный через Российскую Академию наук.

“Минприроды России как государственный заказчик-координатор федеральной целевой программы “Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы”, утверждённой постановлением Правительства РФ... сообщает... средства федерального бюджета могут быть направлены на финансирование научно-исследовательских работ по комплексной оценке экологического кризиса на Байкале только в случае, если будут найдены источники, позволяющие обеспечить софинансирование (не менее 50 процентов общей суммы. – А. Ю.) в необходимом объёме за счёт внебюджетных средств. 03.03.2017 г.”.

А если не будет такого случая и не будут найдены эти гипотетические спонсоры с кошельком наперевес?

Может, припугнём энергетиков Ангарского каскада ГЭС, что притормозим слив байкальской воды через плотину Иркутской ГЭС, коль не пособите учёным на Байкале?

Может, отменим визы зарубежным туристам на Байкал?

Может, арестуем миллион-другой кубометров браконьерского леса да загоним на чёрном рынке? Спрос велик.

Может...

А может, зарпортовались наши искусники бюджетных водоворотов? Вдумайтесь: они предлагают лечить заболевшего... на паях – пятьдесят на пятьдесят: одну часть берёт на себя государство, другую (равную) – больной, пока он тёплый. Удивителен не этот деляческий, антигуманный подход, а то, что с этим соглашаются... доктора (больной в нашем случае голоса не имеет, его уже ободрали, как липку). На что-то рассчитывают, однако.

– Ничего этого не надо, – охлаждает мой пыл Михаил Александрович Грачёв, действительный член Российской Академии наук, лауреат Государственной премии и совладелец трёх патентов на изобретения, ныне работающий вовсю, несмотря на страшные последствия аварии, приковавшие его к инвалидной коляске на десятилетия.

– Лучше пусть восстановят наш научный центр, не делят его на куски. Я найду эти деньги. Заработаю.

– Лодочки для китайцев?

– А что вы насмежаетесь – лодки для китайцев. Вот оформлю патент...

Не хватало ещё за счёт науки и систему канализации построить, необходимость в которой ныне, ну, вот по самое...

Я не насмехаюсь. Мне горько по-человечески. Байкал – всё для всех: пожалуйста, берите, пользуйтесь. К Байкалу: рупь пятьдесят медяками от статс-секретаря минприроды. И то по конкурсу. И, упаси Бог, переборщить. Рупь пятьдесят, а не пятьдесят одну. Остальные инвалид-академик зарабатывает...

Насколько я знаю Михаила Александровича, он слово сдержит. Он ярый враг безвыходных ситуаций и почти за тридцать лет директорства научил этому и учёных института. С необязательной государственной системой иначе не выживешь.

Уходят, не прощаясь

2015–2016 годы – чрезвычайно опасная пожарная ситуация на БПТ: погблио 132,2 тысячи гектаров тайги, повреждёнными оказались еще 637,7 тысячи гектаров леса.

2015–2016 годы – исчезновение августовского стада байкальского бычка-желтокрылки – кормовой базы омуля.

2017 год – у критической черты оказался омуль: массовый, в том числе браконьерский лов подорвал стада этой рыбы до точки невозврата.

Место в “Красной книге” России для байкальского осетра продлено ещё на пятилетку.

В последние годы неуправляемость ресурсными процессами на Байкале доходит до такой степени, что рыбоохрана вылавливает в озере в год десятки тысяч метров браконьерских сетей. Иной раз их хватило бы перегородить Байкал в районе Листвянки и до г. Байкальска на противоположном берегу (60 с лишним км по прямой). К месту уничтожения “улов” везут на наёмных многотонных “большегрузах” с прицепами.

Начиная с 1960-х годов и по настоящее время – ежегодное образование нерастворимых отходов в количестве миллиона тонн от производства целлюлозы на Байкальском ЦБК, построенном вопреки протестам учёных, широкой советской общественности. Нынче 154 га прибрежной байкальской земли занимают карты-накопители шлама, в которых под открытым небом лежит более 6 миллионов тонн шлам-лигнила, нерастворимого отхода целлюлозного производства. Через них дренируются в Байкал загрязняющие нездоровые вещества в заметных объёмах. Надо честно признать, что учёные предупредили о наступлении этих последствий и письменно, и устно, власти отмахивались: не нагнетайте.

Такого концентрированного нашествия бед Байкал ещё не испытывал в столь короткий отрезок времени. С чего бы это? Сказать, что погода виновата, значит, отмахнуться от реальности или закрыть на неё глаза. У природы, известно, нет плохой погоды. Сказать, что люди плохо работают на территории, подвластной трём субъектам Федерации, – выдать следствие за причину и предпочесть страусиную позицию.

Проблемам Байкала властями и обществом с каждым годом уделяется всё больше внимания. Тогда в чём же дело?

Погоду на Байкале стал делать человек, не способный трезво оценить, какое уникальное сокровище доверил ему Творец. Но он твёрдо знает: чтоб мне стать олигархом, я из этой золотой лужи всё выжму.

“Пей – вода, ешь – вода...”

Да, Байкал – это не только озеро как вода, но и целый природный комплекс – Байкальская природная территория.

На карте голубое зеркало Байкала протянулось молодым месяцем с юго-запада на северо-восток на 600 с лишним километров с береговой линией более 2 тысяч км. Он уютно устроился, как в ладонках у судьбы, в ложбинке горных хребтов на самом тектоническом разломе. Удивительно, что водосборная площадь Байкала находится как бы внутри водосборной площади реки Лены, а никак не Ангары и Енисея. Только одна многоводная Селенга прибежала издалека – из Монголии – в эту беспокойную котловину, чтобы отдать Байкалу всё, что имеет, – около 30 кубических километров воды, половину годового притока в озеро всех питающих его рек.

Но мировая сокровищница сосредоточена тут, в этой колыбели с зеркальным покрывалом в 31500 квадратных километров. 23 тысячи кубических километров чистой питьевой воды – вчера, сегодня, завтра, всегда: каждую секунду, каждый час, каждые сутки, от темна до темна – 23 тысячи кубических километров!

По моим подсчётам, в конце 2016-го – начале 2017 года конъюнктура цен такова: в Москве за 1 литр бензина дают до 40 рублей; за 1 литр байкальской воды – около 80 рублей. Какой вывод напрашивается из этого?

Без воды прожить нельзя. Водный голод грозит вымиранием всему живому. Вода Мирового океана – тоже вода, только перенасыщенная солями. На наш, человеческий вкус. Но акулам, китам, моржам и селёдке она такая

нравится. К примеру, в Эмиратах заводы-опреснители морской воды получают и продают питьевую воду миллионами литров. Так что водную беду – руками отведу. Правда, раскошелиться придётся как следует, и последними в этой очереди будут бедняки.

Но 80 рублей за литр байкальской воды – это тоже не окончательная цена. На такую водичку тоже нечего всем рот разевать со своей копеечкой.

По медицинским показателям человек должен выпивать в сутки не менее 2-х литров воды; в месяц, стало быть, 60 литров по 80 целковых за литр. Okоло 5 тысяч рублей в месяц выходит. А среднюю пенсию старикам на 2017 год обещают увеличить до прожиточного минимума. Стало быть, пей вода, ешь вода – и ходи туда-сюда.

Академик М. А. Грачёв утверждает: если всё население Земли перейдёт на потребление одной байкальской воды, то ему её хватит на 6 тысяч лет.

Творец, природа всё сделали, всё предусмотрели, чтобы в нашем Байкале вода была лучшей и чтобы её было больше, чем в каком-либо ещё водоёме. Милость богов была запредельной, когда они решили, что вода в Байкале не должна иссякнуть никогда. Тем самым дали человечеству шанс.

А наши “повелители судеб” начали разменивать его на череду экологических катастроф. А для драпировки – Год экологии.

И кому мы поручили блюсти этот сказочный шанс?

Подсчитаем, сколько государственных, общественных организаций и иных образований занимаются Байкалом; участвуют в составлении ежегодных Государственных докладов по Байкалу: только органов управления 41 (сорок одна) штука. От Федерального министерства природных ресурсов и экологии – до Ангаро-Байкальского территориального управления Росрыболовства.

Но ведь есть ещё шеренга государственных учреждений – 19 (девятнадцать): от ФГБУ “Иркутское УГМС”, то есть Федерального государственного бюджетного учреждения Иркутское управление гидрометеослужбы – до ФБУ (Федеральное бюджетное учреждение) Администрация Байкало-Ангарского бассейна внутренних водных путей. И тринадцать государственных научных учреждений. В 2016 году образовали в Иркутске специальное управление Росприроднадзора по Байкалу с отделением в Улан-Удэ. Пожалуй, самое нужное из всех в интересах озера.

А чего наработали, господа хорошие?

У воды – без воды

Это было какое-то Заземелье... Адрес был точный: между мысами Песчаный и Туркинский по направлению к Термам Горячинска. Давал мне его Амирхан М. Амирханов, заместитель главы федерального Росприроднадзора, много лет исполнявший обязанности ответственного секретаря Байкальской Межведомственной комиссии, эколог, доктор биологических наук. А чтобы я не заблудился, вручил новейший атлас Центральной экологической зоны Байкальской природной территории. Все точно на карте: кусок берега Байкала, заключённый в оранжевую с чёрными крапинками подковку, и есть “Гремячинск” со своими завлекательными термами, модной услугой, за которой валют нынче туристы на Байкал. Из Китая и обратно – чартерные рейсы. Их привлекают здешние целебные источники. Им здесь рады и стар, и млад: работа, заработок, цивилизация.

Но мне не туда. Мне в Турку, поселение, раскинувшееся в райском месте, почти в устье реки Турки, но и на берегу Байкала: хочешь – купайся, хочешь – рыбалкой занимайся; и в реке вода чистейшая, и в Байкале её полно.

Похоже, я не в свой час тут объявился: навстречу мне торопились с пустыми ведрами (плохая примета) мужики и женщины, молодые и не очень. Торопились, обгоняя друг друга. А посреди поморской улицы стояла водовозка. А может, это и не водовозка, а бочковое пиво привезли, и тут за ним с ведрами бегают?... Копчёный омуль под холодное бочковое пивко... Да в такую-то жару...

– Я те дам – без очереди, а ну, становись в хвост! – осадила молодайка вполне трезвого мужчину, который подставил своё ведро откуда-то сбоку.

– Да мне машину заправить, радиатор пуст...

– Ах, ему машину, видите ли...

– А что, нельзя?

– Лъзя-лъзя, да мне, милок, суп сварить не на чем, уж не говорю про чай...

Короче: в знаменитое байкальское село Турка, в котором проживает ныне около полутора тысяч человек, два раза в неделю привозят воду и продают по трёхшке за ведро: пей, народ, подставляй, разинув рот...

Это происходило летом 2016 года. И в предыдущем, 2015-м. И в предыдущем предыдущего... Хотя и не так круто, как сейчас. Здешние люди говорят, как начали лес сводить в округе, так и колодцы пошли мелеть. А потом власти и браконьеры принялись за тайгу по-крупному: лесоповал пошёл по кругу по заявкам закордонных братьев – сосна, лиственница, кедр... Тысячами кубометров. А тут пожары навалились, как поджидали...

Нет, люди окрест живут нормальные, начальство в селе тоже не глупое и, видать, прилежное, люди за воду его не кланут.

С другой стороны, не лесий же тут всем управляет. В Туркинском поселении, что в 170 километрах от столицы Бурятии, не ждут у моря погоды. А наоборот. На каждом приусадебном участке по колодцу вырыли – глубоченные, в каждом днём звезды видать, если водицы набирается. Но из него за раз насосом можно накачать пару ведер. А ещё как рукотворный памятник воде – одна-единственная водоразборная колонка, которая качает со 150-метровой глубины хорошую питьевую воду: вот её-то и закачивают в водовозку, чтобы развезти по дворам – по трояку за ведро.

Нет горючки на ежедневную развозку – не на что купить. И водопровод от Особой экономической зоны “не запланировали”.

А Байкал-то на что у людей под носом? Не президенту же отвечать на этот вопрос.

Прокурор – это звучит не страшно

В 2016-м закончилась прокурорская проверка на Байкале, продолжавшаяся полтора года: как выполняется природоохранное законодательство на озере Байкал? Как оберегается каждая пядь земли вокруг него, возведённая в категорию природного наследия человечества и взятая под особый патронаж ЮЕНСКО?

Прокурорская проверка охватывала не только Байкальскую природную территорию (БПТ), но и всю территорию Уральского, Сибирского и Дальневосточного округов. На Байкал ставился акцент. Поэтому и генеральный прокурор РФ Юрий Чайка прилетел на подведение её итогов в Улан-Удэ – столицу Бурятии, – если и есть ещё в России природа, которую можно спасти, так это, в первую очередь, за Уральским камнем. Да и то, как сказать...

Е. Малханов, восточно-байкальский межрайонный природоохранный прокурор обнаружил одно из 140 тысяч выявленных в ходе проверки нарушений законодательства в области охраны окружающей среды. Не факт, а бомба замедленного действия с неизвестным периодом полураспада.

Ещё 25 лет назад, когда мы только начали купаться (но ещё не захлёбывались) в начавшейся ваучерной приватизации, в Кабанском районе Бурятии кому-то приглянулся кусок берега Байкала. Южный берег Байкала, конечно, не Южный берег Крыма. Но это с какой стороны подойти. За спиной у пляжей Кабанского района – хребет Хамар-Дабан. Не Гималаи, само собой, но загаживает от монгольских колючих ветров.

У подножия хребта вдоль берега мчится самая длинная в России магистраль – Транссиб и шоссе Москва–Владивосток. Кишка цивилизации. Часть её, малюсенькая по сравнению с Транссибом, проходит по Кабанскому району.

– А что мы будем с этого иметь? – воскликнули следопыты новой экономики, разбухшие шуршанием ваучеров и авантюрными обещаниями Чубайса: – Время пришло. Наше время! Обогащайтесь!

25 тысяч квадратных метров того солнечного побережья тут же нашли своего заботливого хозяина: были проданы частному владельцу. С благословения чиновников Кабанской районной управы и с юридическим оформлением через Министерство имущества Буряцкого республиканского правительства.

Озеро Байкал и его прибрежные земли никакими законами – царскими, советскими, российскими федеральными – никогда не признавались частными

территориями, подлежащими купле-продаже. И озеро, и его природные ресурсы были государственным общенациональным, общенациональным достоянием.

Уже в наше время его акватория была поделена между двумя субъектами Федерации – Республикой Бурятия и Иркутской областью. А водосборная площадь Байкала, объединенная Байкальской природной территорией, – между тремя субъектами. Третьим стал Забайкальский край, по которому протекают основные притоки Селенги, дающей пятьдесят процентов годового притока в озеро. Селенга бежит к нам через Бурятию из Монголии, крупные притоки её – реки Хилок, Чикой – из Забайкальского края. Но тоже через Бурятию.

Вот в какие административно-территориальные тиски взят Байкал на современном уровне хозяйствования. И по той же причине он – федерального уровня природный объект. Этот его статус хоть и косвенно, вроде бы, но недавно был подтверждён и Москвой – на Байкале создано специальное природоохранное подразделение – Байкальское управление Росприроднадзора. Это плюс к тому, что природоохранные министерства субъектов Федерации имеют в своём составе такие штатные единицы. Новый Байкальский страж не подчиняется ни Иркутску, ни Улан-Удэ, а напрямую – Москве.

В последнее время и академик Михаил Александрович Грачёв в 1987–2016 годы через “Российскую газету” не раз ставил проблему усиления природоохранного статуса озера учреждением специальной должности омбудсмена Байкала. Похоже, это первый, но реальный отклик на обоснованные предложения академика, чей авторитет неоспорим, как и его вклад в науку и исследование Байкала. Его и его соратников по институту.

Усиление охранных функций на Байкале – требование времени. Умные люди, его искренние, бескорыстные защитники и патриоты это понимают. Но...

Ещё в начале 2017-го тяжба за тот кусок байкальского берега продолжалась. Видимо, она закончилась бы однозначно и раньше, если бы не один поразительный факт: однажды обнаружилось, что владельцем того куска берега стал гражданин... Швеции. И законность этой сделки, кроме адвокатов, доказывают районные власти и чиновники имущественного министерства Бурятии: по-вашему, по-московски, нельзя, а по-нашему, по-бурятски, можно!

Об этой тяжбе знают и Генеральный прокурор, и думские деятели, и ведомственные авторитеты. Наблюдают...

– Анализ прокурорского надзора, – говорит природоохранный восточно-байкальский прокурор Валерий Ефимович Малахов, – показывает, что основными источниками загрязнения водосборной площади Байкала стали сбросы недостаточно очищенных сточных вод в поверхностные и подземные водоёмы. Только по официальным данным Росводресурсов, в 2015 году в водные объекты БПТ сброшено 500 миллионов кубометров стоков. Из них почти 40 миллионов – недостаточно очищенные стоки коммунального хозяйства. В Центральной экологической зоне сброшено в водные объекты более 2 миллионов кубометров неочищенных стоков.

В деталях это выглядит так, – продолжает прокурор. – Директор МУП ЖКХ “Сервис” администрации Джидинского района Д. Мудаев поручил Н. Семёнову “замести следы” – слить сброс очищенных стоков от “коммуналки” около 16 кубометров в чистое поле. Тот слил. Оба знают, что грубо нарушают природоохранное законодательство, но больше им слить отходы некуда. В результате были загрязнены 2,73 га сельхозземли, превышены предельно допустимые концентрации загрязнений мышьяком – в два раза, бактериями кишечной палочки – в 100 раз, ПАВ (химия) – в 2,5 раза.

Теперь эта земля не пригодна для сельскохозяйственного производства. А сумма причинённого ущерба оценивается в 87 миллионов 360 тысяч рублей. Это не самое крупное из экологических правонарушений.

От Байкала: “Дай, дай!”, а Байкалу: “Бог подаст...”

В документе, который рассматривался в числе прочих на заседании Байкальской Межведомственной комиссии накануне “Года экологии”, чётко и ясно прописано: основной задачей федеральной целевой программы по Байкалу на 2012–2020 годы является “достигнуть сокращения поступления в акваторию озера Байкал загрязнённых сточных вод – до 50 процентов”. Таким образом, министерства во главе с Минприроды РФ, завязанные правительством на охрану интересов озера, признаются в следующем:

а) в Байкал сливают загрязнённые сточные воды все, кто пожелает;
б) именно в его акваторию, а не в окрестности озера или какие-то ещё ёмкости для доочистки;

в) за семь лет этот слив уменьшится до 50 процентов от существующего.

До пятидесяти процентов – это сколько? Ведь может быть и сорок девять, но и девять. Очень “прогрессивный” метод счёта, внедряемый нашими чиновниками и телевизионщиками в русский язык, больше ничего путного они внедрить не могут. И последний штрих: куда денутся эти “до” 50 процентов очищенные стоки? Будут продолжать сливаться в Байкал? Или “на рельеф”? Как в своё время стоки БЦБК, которые по утверждению руководства, чистились “до” уровня питьевой воды?

Не смешите детей, господа штатные “няньки” Байкала.

На конец 2016 года по официальной информации правительства Иркутской области дела с очисткой стоков на БПТ обстояли так. “Водно-экологическая ситуация усугубляется неэффективной работой очистных сооружений или их отсутствием... Иркутской области необходимо более 25 миллиардов рублей, чтобы исправить положение и вывести его на уровень нормативного”.

А своими наиболее заметными достижениями в Иркутске считают строительство водно-санитарных объектов в городе Бодайбо. Помилуйте, уважаемые. Но город Бодайбо от Иркутска и Байкала удалён в тысячу сто километров, находится на левом берегу реки Витим, притока великой Лены, впадающей за Полярным кругом в море Лаптевых. При чём тут Байкал? Здесь водосборная территория совсем другая. Да и нехорошо это: деньги освоили в городе золотопромышленников, а списывают их на охрану Байкала.

В Центральной экологической зоне Байкала, в её части, находящейся в Бурятии, констатируют прокуроры, проживает около 73 тысяч человек в 81 населённом пункте. Есть среди них и крупные: города Северобайкальск, Бабушкин, посёлки Усть-Баргузин, Каменск, Гремячинск, Горячинск, Кудара, Выдрино, Оймур, Посольское. Все они и здешние базы отдыха располагают *выгребными ямами, стоки из которых вывозятся “на рельеф”*, и лишь малая часть – на очистные сооружения. А всё, что вылиты “на рельеф”, просочится в Байкал. Так бережливо устроена Байкальская котловина – в неё всё с окрестностей стекает: капля к капле, ручеек к ручейку. Чтобы могучие силы озера за четыреста лет сделали её лучшей в мире водой, за которой уже нынче засылают сватов зарубежные женихи.

Но и у Байкала есть предел терпению. Спиригира нас об этом наглядно предупреждает.

А если байкальская могучая система самосохранения и защиты с тонко настроенным исполнительным механизмом сломается? Во сколько ремонт обойдётся, уважаемые няньки? Это ведь не Саяно-Шушенская ГЭС. И даже не ангарский каскад ГЭС, который на байкальской воде делает большие миллиарды. Недавний недобор метра байкальской воды вон каким переполохом откликнулся во всех ступенях власти! Пришлось правительству порядок наводить. И кадровые “усиления” делать. А вывод? Неужели не поняли, что это Байкал бросил нам вызов? Своим неумным подходом и жадностью охотники за ресурсами по глупости разрегулировали байкальский вековой механизм, и он выдал предупреждение.

Природу никто не пересилит и не перехитрит. Даже ту, которая у нас под носом или под ногами. Убить – может. Вслед погибнет и сам. С природой перспективно сотрудничать и дружить. Душа в душу.

Особо охраняемые территории

На БПТ есть ещё и *vip*-постояльцы: особо охраняемые природные территории (ООПТ). Они, эти территории, отданы под пять заповедников, четыре национальных парка, двадцать два заказника и ботанический сад. Последний расположился на двадцати семи с лишним гектарах в областном центре – Иркутске, и принадлежит Иркутскому госуниверситету.

Особо охраняемые – это значит – со своей особой охраной. Вооружённой, естественно. Тут есть что охранять, – первозданную природу, экзотический животный мир, косяки особо ценных пород рыб, которых остаётся всё меньше и меньше. Хотя охранников всё больше и больше. В иных заповедниках количество охраны кратно превышает количество научных работников.

К примеру, в Баргузинском заповеднике (ныне ФГБУ “Заповедное Предморье”) сотрудников всего 137 человек. Из них 55 охранников. И 10 научных сотрудников.

В заповеднике Байкало-Ленском (ФГБУ “Заповедное Прибайкалье”) штат – 233 единицы; охранников – 129, научных сотрудников... – 7 человек.

Не знаю, каков бюджет этих заповедников, но уже точно люди как сыр в масле не катаются. Зато в 2014 году тушение пожаров, к примеру, в первом заповеднике обошлось в 11 миллионов 697 тысяч 300 рублей. И так далее. Шаги пожаров всё шире и шире. Местные шаманы всё сваливают на злых духов. Им клятвенно верит местный чиновный люд. А пожарные, не те, кто отчёты составляет, а те, кто идёт на огонь, говорят, что 7–8 из 10 таёжных пожаров – дело рук человека. Охранники, конечно, не даром хлеб едят. Но пожары, выходит, едят ещё круче: лес, намазанный миллионами горящих купюр. Но ведь прибайкальская тайга – это самый надёжный гарант от засухи, она питает ключи, ручейки и речки. Они под густой зелёной кроной тайги копят влагу. В том числе и те, которые подпитывают Байкал и стабилизируют пластиковые водные горизонты на всей Байкальской природной территории. “Законная” ликвидация Государственной Думой лесозащитных километровых полос вокруг Байкала спровоцировала вырубку лесов на водосборной территории и возросшее количество сухняка в тайге, пожары. А как результат – картина с пустыми ведрами в прибрежном селе Турка.

Стреляют...

Предмет охоты на Байкальской природной территории – изюбрь, кабан, кабарга, косуля, лось, олень, белка, соболь, зайцы – беляк и русак, – горностаи, лисица, норка, выдра, барсук, россомаха, медведь, волк, многочисленная боровая дичь. Но вот что странно: в отчётах об охоте некоторые результаты выглядят неадекватно. К примеру, в осенне-зимний сезон 2013–2014 годов законный лимит на отстрел изюбря был установлен в 404 особи. Добыто 139 зверей. Отчитались за отстрел 57 голов кабана, а разрешено было взять 219 штук, из 214 лосей, разрешённых к отстрелу, отчитались только за 58 голов.

В Иркутских угодьях разрешено было изъять 4296 зверьков соболя, размер официальной добычи – 2788. Лимит на отстрел медведя – 164 головы, официальный размер добычи – 31 особь. И т. д.

В чем дело? Почему одни из самых бедных территорий РФ не хотят пополнять свой бюджет ни добычей шкурок пушных зверей, ни обеспечить семьи мясом оленей, лося, изюбря, других зверей? Причин много, но одна просматривается в ежегодных Государственных докладах “О состоянии озера Байкал и мерах по его охране”, в оговорках по тому или иному промысловому зверю. К примеру, так.

“Заяц-беляк. В сезон охоты 2010–2011 г<одов> по неполным данным добыто около 455 голов. В действительности объём добычи не менее чем в два раза выше”.

“Лисица. В осенне-зимний сезон добыто 173 особи. Фактический размер добычи значительно выше, так как основная часть добытых шкурок лисицы остаётся у охотников для личных нужд”.

“Изюбрь. В охотсезон 2010–2011 г<одов> охотопользователи получили разрешение на добычу 481 головы изюбря. Официальный размер добычи равнялся 202 особей”.

Значит, есть и неофициальный размер добычи, иногда он превышает лимитную норму в разы. Как и в ловле деликатесной рыбы. По крайней мере, никто не клянётся, что это не так.

После нашумевшей трагедии группы высокопоставленных чиновников в Алтайских горах во время охоты с вертолётки на “краснокнижных” архаров и аналогичные печальные события с губернаторами в восточных угодьях, включая и Байкальскую природную территорию, отстрел “краснокнижных” вроде бы приутих. Но тут страстный любитель *братьев наших меньших* из высших сфер по прозвищу “дамский охотник” подметнул соблазн, рассчитанный на простакон: считать отныне охоту не отстрелом беззащитных *братьев наших меньших*, а этаким весёлым соревнованием “за приз”. Естественно, вся гоп..., простите, vip-компания ответила на это залпами одобрения.

На спор: ныне у всех, кто считает себя vip-персонами, либо в домашних апартаментах, либо в служебных “комнатах-курилках” рядом с рабочим кабинетом полы устланы шкурами “призовых” белых и бурых медведей, снежных барсов, других экзотов. У особо одарённых и продвинутых – тигровые и леопардовые из наших лесов, уж не говорю о чучелах пернатых и рогатых головах на стенах – пятнистого уссурийского оленя, амурского горала, алтайского архара, пutorанского барана, снежного барана (толсторога) из Якутских нагорий и т. д.

На Байкальской природной территории (извините, что повторяюсь – уж очень болезненный вопрос), где зверья Бог послал, не меряя, сложилась отчётная традиция: лимит на отстрел всегда в основном не выполняется. Ни на соболя и белку, ни на изюбря и кабаргу, ни на медведя и ондатру. По некоторым зверям отчёт выглядит так: “Размер официальной добычи невелик – 400–500 зверьков. Фактически добыто в десять раз больше”.

Нынче “призовая” охота культивируется во всех охотхозяйствах России. И, естественно, она ведётся строго по правилам Минприроды. О чём свидетельствует абсолютная безнаказанность, подтверждённая статистикой. “Призовая охота” вообще вне подозрений. Зато во всех бедах объявили виноватым серого волка... Потом будем локти кусать. Ибо начальственное лицемерие не наказуемо. Но это не значит, что его прощают люди.

История “краснокнижного” осетра и плывущего туда же омуля в наши дни превращается в легенды. Как и восстановление некоторых “краснокнижников” в правах и количествах с помощью президента РФ.

Раз проверка, два проверка

Космический мониторинг рекреационных объектов Байкала на территории Бурятии в районе озера Котокель (ближайший сосед Байкала, как говорится, через стену), где планируется создать особую туристско-рекреационную зону, и в заливе Мухор (Иркутская область) между островом Ольхон и роскошным солнечным берегом Байкала, обнаружил угрожающие признаки. Характер экологических отклонений взгляду из космоса предстал как на ладони.

“В районе оз. Котокель, входящего в планируемую зону, выявлена 31 стационарная турбаза и база отдыха, большая часть которых функционирует только летом. Большинство из них находятся в водоохранной зоне озера”.

“...В связи с высокими рекреационными нагрузками происходит постепенное загрязнение побережья и прибрежной части акватории озера и ухудшение экологической и санитарно-эпидемиологической обстановки.

В связи с ежегодным увеличением потока отдыхающих без принятия необходимых мер можно прогнозировать значительное ухудшение экологической и санитарно-эпидемиологической обстановки в этом районе”.

Это предупреждение было дано восемь лет назад. Экология с тех пор не улучшилась, а наоборот.

Озеро Байкал, залив Мухор. “В заливе выявлено 29 стационарных и летних турбаз и баз отдыха суммарно на несколько тысяч мест. Идёт активное строительство новых баз отдыха. Из космоса зафиксировано, что все турбазы и базы отдыха в районе залива Мухор (за исключением б/о “Дар”) расположены в пятисотметровой водоохранной зоне Байкала. В летнее время неорганизованных туристов, располагающихся на отдых непосредственно на побережье, хоть пруд пруди. Происходит постепенное загрязнение побережья и прибрежной полосы акватории и ухудшение экологической и санитарно-эпидемиологической обстановки, что подтверждается данными мониторинга. Если не принять упреждающих мер, можно прогнозировать значительное ухудшение экологии”.

Не приняли. Получили спирогиру.

Для хозяев Байкальской природной территории стало обычным делом игнорировать предупреждения учёных, природоохранных органов начиная от Росприроднадзора и вплоть до специальных природоохранных прокуратур. Рекомендации Межведомственной Байкальской комиссии повторяются из протокола в протокол. Дело доходит до того, что на местах начинают оспаривать федеральные законы, в которых определены рамки пользования ресурсами БПТ. Особенно массивная атака ведётся на размеры водоохранной территории. Были периоды, когда никто точно не знал, каковы её размеры –

500 метров от уреза воды или 5. Хозяева домостроев упорно доказывали, что старожилы имеют законное право на весь берег, как по всей стране. Да, “по всей стране” тон задали в своё время партийные, советские и профсоюзные боссы, построив свои дачи по берегам рек и озёр. Особенно с этим не церемонилась партийно-коммунистическая элита. Фактически весь “зелёный пояс” Москвы представлял собой “запретную зону”: Рублёво-Успенская зона, Зареченская и другие в ближнем Подмоскovie.

В девяностых годах власть переменялась, но зоны-то остались. И даже расширились и приумножились. К старым прибавились новые зоны миллиардеров-олигархов, депутатов-конгрессменов. Они-то в 90-х годах и внесли путаницу, видимо, надеясь, что дворцы по урезу Москвы-реки никто пальцем не тронет. Пришла пора, когда законодатели стали говорить:

— А что Байкал? Как все, никаких привилегий.

И только совсем недавно в законе чётко прописали 500-метровую водоохранную зону. Хотя пятисотметровая зона для Байкала — дразнить гусей. Но теперь и этот “закон не тот”.

Оказалось, что об этих зонах долго ничего не знали в Госкадастре, там они не зарегистрированы, не очерчены границы посёлков и отдельных владений. Интересы старожилов, таким образом, оказались “вне закона”. А ведь комиссии шастают по Байкальскому берегу, спотыкаются о заборчики...

Несостоявшееся покушение

Видимо, силы, которые так искусно и мудро сформировали колыбель для Байкала в течение десятков миллионов лет, действительно могучие и, бесспорно, обладают пророческим предвидением. Мне позволяют так утверждать факты.

У Байкала один вечный шлюз, через который он сбрасывает воду — горбатый пережат у Шаман-камня, через который забирает все “излишки” река Ангара и уносит их к Енисею. 60 кубических километров в среднем в год. Ровно столько (в среднем же) приносят в него все другие источники, включая Селенгу, 330 рек и речек, сбегающих с тех хребтов и — важный момент! — приток подземных (пластовых) вод — 3,12 кубических километра: умри, Байкал, но это количество воды откачай — альтернативы нет. Но чтобы вышло так, а не как иначе, Творец подстраховался. Да ещё как мудро — сотня институтов не придумает. Исток Ангары у Шаман-камня шириной около километра и глубиной не более 5 метров. Тот гениальный, заглядывающий на тысячелетия в будущее Творец, таким образом, установил, что именно такая глубина должна быть у Ангары в истоке (а ни на метр больше или меньше), чтобы пропускать 2000–3000 м³/сек, чтобы баланс воды в озере оставался стабильным: 23 тысячи кубических километров. И не “закасал” по качеству. Для этого в основании Приморского хребта, который “прорезала” Ангара, оказался Шаманский порог — его скалистое основание.

Творец создал такой колоссальный природный комплекс, что всё в нём подогнано друг к другу исключительно по науке. Или наша наука есть не что иное, как расшифровка мудростей природы, чтобы мы сами себя не загнали в тупик.

И что бы ни случалось с погодой, порог оставлял последнее слово за собой. Пока круто не вмешался в его жизнь человек, построив плотину Иркутской ГЭС. Именно тогда судьба Байкала висела на волоске, и её мог порешить один энтузиаст — Н. А. Григорович, главный инженер сектора Ангары Московского отделения института Гидроэнергопроект.

В 1958 году на конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири он обнародовал свой, рассчитанный по всем параметрам проект: взорвать перемычку Ангары у Шаман-камня, чтобы углубить проран в истоке до 25 метров. По расчётам автора проекта, для этого хватит 30 тысяч тонн аммонита. В образовавшейся проран хлынет 120 тысяч кубических километров воды из вековых запасов Байкала, они помогут дополнительно выработать 32 миллиарда киловатт-часов электроэнергии на строящихся Иркутской и Братской ГЭС. На это Н. А. Григорович отводил 4 года. А потом на восстановление порушенного — 18–20 лет.

— Это чудовищный проект, — поднялись гидростроители, специалисты, учёные, писатели, общественность СССР, опубликовав в “Литературной газете”

21 октября 1958 года письмо-протест по поводу идиотского “проекта” Н. Григоревича. — При снижении уровня Байкала будет оголена прибрежная полоса площадью 100–120 тысяч гектаров, которая является основной зоной жизни для всей флоры и фауны озера... Во многих местах береговая линия озера отступит на километр и более, начнётся обвал берегов...

У власти тогда хватило ума и политической воли прислушаться к голосу общественности и не дать ходу этой аванюре. Но в архивах она всё ещё хрипит. Недавно вспомнил о ней известный гидростроитель Леонид Владимирович Поляков, генеральный директор ЗАО “Совгидропроект”, когда мы с ним обсуждали проблемы отвода коммунальных стоков с помощью трубы от Байкала в реку Иркут. В своё время он готовил этот проект, который разрабатывался в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР за подписью М. Горбачёва и Н. Рыжкова — лучшим документом в защиту Байкала, какие принимались в XX веке.

Но оказывается, ныне озеро Байкал, национальное достояние Российской Федерации, объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, хранитель и производитель пятой части мирового резерва поверхностной пресной питьевой воды высшего качества, живущий на планете Земля более 20 миллионов лет, по своим, выработанным за это время законам и обладающий реальными богатствами мирового масштаба, подчеркну, возобновляемыми богатствами, этот наш Божественный Байкал не имеет никакого права перед заштатным жадным чиновником Кабанского района благословенной Бурятии.

Не исключено, что ещё до конца века нашему Байкалу придётся отдать себя, чтобы спасти человечество. А мы не в состоянии оградить его сегодня от притязаний озверевших от жадности мародёров нового века, которые без особого труда наловчились делать деньги изо всего — из воздуха, из виртуального пространства, из бедности народа, не производя ни грамма товарной массы на общественные, народные и государственные нужды, а лишь в виде персональных яхт, лайнеров золотоносных усадеб на берегах рек и сказочных пейзажей...

Они уже приступили к делёжке и Байкальского жизненного пространства...

Миллиардный счёт из прошлого

В отходах тонет Байкальская природная территория. Как они опасны и как трудно от них избавиться, свидетельствует жёсткая реальность и недалёко-видная экологическая политика властей. Рекорды по этой части поставил бывший Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, которые никто не переплюнул. Сегодня их, нерастворимых отходов целлюлозного производства, осело на берегах озера 6 миллионов 200 тысяч тонн. В твёрдом виде.

Что делать со всеми этими накоплениями, никто не знает. Есть решение правительства РФ: ликвидировать отходы, а как — нет пока ответа. ООО “ВЭБ Инжиниринг”, “дочка” Внешэкономбанка, истратила около 6 (шести) миллиардов рублей, чтобы разработать эффективный способ ликвидации отходов, но Лимнологический институт предложил свой — и дешевле, и эффективнее, и безопаснее. Способ, предложенный Лимнологическим институтом, — перемешивание отходов с золой, что позволяет обезвоживать шлам-лигнин, убрать дурные запахи и превратить отходы в почвогрунт.

Власти торопятся. Лихой тратой миллиардов на “инновационный” проект заинтересовалась прокуратура: миллиардов нет, но и дела нет.

Но дальше составления “дорожной карты” эксперимента дело пока не пошло. Хотя имущество обанкротившегося ОАО “БЦБК” вместе с картами и землёй, на которой они расположены, перешло в залог ПАО “Иркутскэнерго”, которое выставило их на торги.

Ход почти жульнический: продать золотой берег, заваленный отходами, — и гора с плеч. А там — пусть голова болит у покупателя. И у государства, дело-то оказалось непосильным даже для ВЭБ (Внешэкономбанк).

Как и когда станут развиваться события на самом загаженном участке берега Байкала, сейчас сказать никто не решается. Но уже создана группа, которая маракует над неким проектом Международного научного центра байкальского туризма и экологической безопасности, который предполагается создать на территории бывшего Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Сейчас идут контакты между предполагаемыми будущими соучредите-

лями этого международного проекта. На этот счёт на заседании Межведомственной Байкальской комиссии в конце 2016-го состоялся предварительный обмен мнениями: тут надо сто раз отмерить, прежде чем резать. Инвестиции потребуются немалые, да и судьба Байкала дорогого стоит.

К тому же учёная общественность стоит на своём: впереди всех проектов, которые сейчас выюжат вокруг Байкала, должен решаться главный – строительство системы канализационных стоков за пределы водосборной площади озера.

Один мой мудрый собеседник сделал интересный вывод, проанализировав информацию об экологическом кризисе на Байкале.

– Это кризис не Байкала, а управления охраной природы на Байкале.

Короли и принцессы Байкала

Нынешняя суета вокруг Байкала не пахнет созиданием и ответственностью властей, она пахнет другим. А ведь были люди...

В историю Байкала впечаталась одна фамилия – человека, который в одиночку взялся спасти рыбные богатства обнищавшего было озера и – справился.

Константин Николаевич Пантелеев. Бывший царский кондуктор Иркутского лесничества.

В 1920 году советская власть, прогнав всех недругов с Байкала и обнаружив, что озеро сильно потрепала и выдоила гражданская война, поручила Константину Николаевичу восстановить омулёвые стада для прокорма прибайкальских свободных граждан. Голодных в данный исторический момент.

Пантелееву потребовалось полтора-два десятка стеклянных бутылей, в которых обычно хранился самогон у запасливых крестьян, всегда имевших “святой” водицы хоть на свадьбу, хоть на чёрный день, – он эти бутылки конфисковал именем Советской власти. Абсолютно пустые. Ликвидировал в освободившейся стеклотаре донышки, поставил бывшие бутылки “на попа”, закрепил в специальной раме с поддонами и заполнил селенгинской проточной водой.

Из такого гениального рыбководного инкубатора он выпустил первую партию мальков следующим летом – около пятидесяти тысяч штук.

Вот это была победа, достойная звания Героя Труда. Нынешние омулёвые, сильно потрепанные байкальские стада – из того пантелеевского инкубатора. Или родственники тех первенцев из бутылей. Вечные пантелеевцы. Как чапаевцы. Кто-то кинется ныне так же помогать осетру, тайменю, самому озеру, а не своему кошельку, как гражданин Пантелеев – омулю – королю Байкала? Кстати, и к омулю нынче вернулся кризис: с 2017-го запрещён его промысел. У черты невозврата оказалось его количество в Байкале. Грешат на браконьеров. А браконьеры – на антинародную экономику. Кто станет разбираться...

Или станем акклиматизировать в байкальской тайге деревенские лопухи?

Больше всего в Байкале – по числу и по биомассе – рыбы голомянки: голомянки большой и голомянки малой. Их общий вес – около 150 тысяч тонн, это 67 процентов биомассы всех байкальских рыб, включая омуля, плотву, щуку, сига, сазана, осетра и других. Ежегодный приплод голомянки, тоже по массе – 150 тысяч тонн, она, похоже, возобновляет себя один к одному. И, похоже, Байкал без голомянки не Байкал. Но рыбаки её не ловят. Тогда для чего она, принцесса Голомянка?

Может, потому эта рыбка-невеличка так успешно борется за своё место в знаменитом озере, что оно её родной дом и что её присутствие в системном комплексе Байкала незаменимо? Это выглядит вызывающе, но это так.

Байкальская нерпа, единственный в мире пресноводный тюлень, потребляет в пищу более 40 процентов годовой продукции голомянок, то есть 60 тысяч тонн. Достаётся на обед и прожорливому омулю, бычкам и... самой голомянке. Собственная молодь в рационе голомянок – пятое блюдо.

Не ходит в реки на прогулку или кормление голомянка – байкальская затворница. Может, поэтому её зовут ещё и байкальской принцессой. И как всякая настоящая принцесса, она редко кому попадает на глаза. Предпочитает держаться на глубине. И не стадом, а поодиночке.

И ещё одна, но самая удивительная особенность голомянок: столь многочисленное их стадо не забивает русла рек идущими на нерест косяками. Она не нерестится. Голомянки – живородящие рыбки.

Но уж если тебе повезло, и ты, нырнув на два-три метра в прозрачное мелководье, пронизанное солнечным светом, повстречался с ней с глазу на глаз, оставишь в памяти как талисман.

Бледно-розовая красавица, по телу которой будто перекатываются волнами блики всех цветов радуги в такт её несуетливому движению, глянет на тебя тёмными глазами в ярко-оранжевом ободке и замрёт на мгновение. Гигантские грудные плавники, прозрачные, как крылья стрекозы, усиливают впечатление: голомянка парит в подводном царстве, и через эти крылья-плавники на добрую половину тела просматриваются не просто очертания её двадцатисантиметровой фигуры, но и всё тело, весь её празднично-маскарадный, перламутром сверкающий костюм. Если от удивления или какой-либо надобности она откроет рот, станет видно, что он у неё раза в полтора шире туловища.

Личинок своих голомянка рождает уже на 2–3 году жизни. Большая голомянка обычно осенью, в сентябре-октябре, малая – весной, как озеро освободится ото льда. Крупная голомянка приносит 2–2,5 тысячи личинок, малая – около полутора тысяч штук.

Существование голомянок в Байкале вызывает много вопросов у учёных и специалистов.

Голомянка – не стадная рыба, косяками не ходит, живёт в водной толще рассредоточенно. Будто Создатель заранее знал, как уберечь своё детище от истребления, и “научил” голомянку, как избегать прожорливых рукастых созданий. Рыбаки подсчитали: в сети эта рыбка попадает в количестве, напрочь непригодном к промысловому лову, – 100 грамм на 100 квадратных метров сетей за сутки. Пробовали ловить голомянку тралом – опять безнадёга: за один час траления добыли около 0,5 кг рыбы. Тебя такая рыбалка прокормит?

Но с другой стороны, при нулевой и даже отрицательной плавучести голомянки уравнивают вес своего тела за счёт высокого содержания жира в мышцах и на внутренних органах – в большой голомянке это 43–44 процента её веса. Две самки большой голомянки весом 80 граммов по калорийности равнозначны омулю весом 340 граммов или пятисотграммовому хариусу. Её калорийность в 3 раза больше, чем у осетра.

Для чего такая чудная, невиданная и “непрактичная” для человека рыба Байкалу? Рискну: когда он её создавал, Homo sapiens’a ещё не было и в помине. Её новорождённое потомство первый период своей жизни живёт в поверхностном горизонте озера. Мальки питаются эпишурой, молодью микроскопического рачка макрогекоптуса, циклопами. Макрогекоптус остаётся основной пищей голомянок до конца жизни.

Температурные границы воды – +0,3, +1,5 зимой и +6, +8 летом – устраивают голомянок вполне. Чаще всего она встречается на глубине 150–200 до 500–700 метров, где температура постоянно в течение всего года держится в пределах +3,4... +3,6°C.

Учёные и специалисты согласились между собой, что голомянки – лучший корм для омуля и нерпы. Сразу закрывается одно звено в пищевой цепочке и проблема утилизации такой огромной биомассы – 150 тысяч тонн ежегодно.

– Такого способа размножения, как у голомянки, – рассказывал мне Григорий Иванович Галазий, первый директор Лимнологического института, – неизвестно ни у одного водного организма в мире. Как он возник – загадка. И не потому ли, что он является своего рода тупиком в эволюции этих рыб, они больше нигде в мире не встречаются? И смогли появиться и выжить только в Байкале? Пока точного ответа нет. Хотя в природе есть животные, которые могут размножаться и без мужского начала.

Особость Байкала, его тайны ещё ждут своих прилежных исследователей. Учёные верят, что главный диалог озера с человеком ещё впереди. Было бы здоровье у того и другого.

– Его тайны – с выходом на глобальные темы, – считает академик М. А. Грачёв, – и на процессы формирования животного мира Земли. Чем глубже мы проникнем в эти процессы, тем точнее научимся предугадывать будущее.

Предложения академика Грачёва

Что нужно перво-наперво Байкалу?

— Активное использование Байкала как уникальной природной лаборатории для изучения биологического видообразования, изменений природной среды климата, исследования протекающих на наших глазах крупномасштабных геологических и геофизических событий. Для решения этих задач перспективно было бы на базе Иркутского научного центра СО РАН и институтов **воссоздать Байкальский Международный научный центр экологических исследований, обеспечив возможность совместной работы в этом центре российских и иностранных учёных, а также преподавание, в том числе на иностранных языках, с участием приглашённых иностранных специалистов для подготовки бакалавров и магистров, кандидатов наук из России и всего мира.**

А для начала великих и героических дел — опережающими темпами построить на озере... канализацию.

Байкал стоит обедни, господа. На водном ресурсе Байкала можно построить экономику целого государства. Если мы настоящую работу начнём на Байкале и в полном согласии с ним, не откладывая, нынче же, какой приз нас ждёт впереди!

Сейчас Байкал нуждается в нашей помощи по всем статьям. Только тем, кто рассеянным взглядом глядит на жизнь, кажется, что дела на Байкале идут к лучшему. Статистика реальных бед и потерь говорит об обратном: эксплуатация ресурсов озера ускоряется, компенсация его потерь движется к нулю. Безнаказанно так в жизни не бывает.

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

СВЕТ И ТЕНИ ЛЬВА ТРОЦКОГО

По примеру Сатурна, всякая революция пожирает своих детей

Совершившие революцию люди могли совершить многие ошибки и даже преступления, но ни при каких обстоятельствах они не могли встать на путь борьбы против созданного ими же советского строя, превратиться в “фашистских шпионов и убийц” под руководством одного из вождей революции Льва Троцкого.

Солтан Дзарасов

Неисповедимы пути Господни

Поистине, неисповедимы пути Господни, и Лев Давидович Троцкий – яркая тому иллюстрация. Сын состоятельного землевладельца и предпринимателя с юности проникся ненавистью к несправедливостям монархического режима в России и с головой окунулся в революционную деятельность. Последовал обычный в те времена цикл: тюрьма, Сибирь, побег, эмиграция. На политическом небосклоне его звезда засияла в 1905 году, когда поднялась первая революционная волна, и он с чужбины вернулся в центр событий. Ораторский дар, быстрое и отточенное перо, находчивость и организационные способности подняли его на вершину, и в 25 лет он возглавил Петроградский Совет рабочих депутатов. Но вскоре его опять ждал арест и ещё более суровое наказание – вечное поселение на Севере с лишением всех гражданских прав. Несмотря на угрозу каторги, он по пути туда в очередной раз решает на побег, после чего вновь эмигрирует. Теперь уже на целых десять лет.

Активно участвуя в социал-демократической деятельности за рубежом, он пытается преодолеть раскол между Лениным, Плехановым и Мартовым, много пишет и выступает, занимая самостоятельную позицию. Пропагандирует и развивает марксизм, выдвигает теорию “перманентной революции”.

На Родину Троцкий возвращается лишь весной 1917 года. Его, как и Ленина, с почётом встречают на Финляндском вокзале и, памятуя былое, вскоре избирают председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Вместе с Лениным и большевиками он борется против пагубного курса

Временного правительства. После июльских событий Троцкого на базе надуманных обвинений арестовывают, теперь уже новые власти. Однако, когда поднялся корниловский мятеж, Керенский, сменив гнев на милость, выпускает Троцкого из заключения, надеясь с его помощью организовать рабочие и солдатские массы для отпора военной диктатуре. Под предлогом необходимости укрепления обороны Петрограда Троцкий формирует Военно-революционный комитет, но направляет его деятельность на большевизацию Советов и агитацию среди военных в их пользу. Это и обеспечивает успех Октябрьскому вооружённому восстанию. Ленин в то время находился в подполье, и основная работа по подготовке революционной операции в столице лежит на Троцком. Имена Ленина и Троцкого становятся рядом. Ленин предлагает Троцкому высшую руководящую должность – председателя Совета народных комиссаров. Но он отказывается.

В первые годы Советской власти Троцкий непрестанно входил в состав высшего политического, государственного и военного руководства Республики. Он возглавлял наркоматы по иностранным, военным и морским делам, Революционный военный совет, занимал немало других ключевых постов, создал Красную армию и руководил её действиями по отражению интервенции и в гражданской войне, которая через три года, благодаря его стараниям, увенчалась успехом. Авторитет Троцкого как второго после Ленина лица долгое время мало у кого вызывал сомнения.

Но как роза не бывает без шипов, так и люди, даже великие, не лишены недостатков. Троцкий был высокомерен и неуживчив, обладал повышенным честолюбием и самомнением. Сознывая своё превосходство над другими, он не скрывал этого, что не могло не вызывать у его окружения недовольство и неприязнь. И когда Ленин заболел и умер, нашлись ревностные соперники, ополчившиеся против него в борьбе за большевистский трон, на что, кстати, он особо не претендовал. “Троцкизм” был противопоставлен “ленинизму”. Постепенно его отодвинули на обочину политической жизни, сняли со всех должностей, исключили из партии и выслали в Казахстан, а затем и за пределы СССР. Позже Троцкого обвинили в измене Родине, сотрудничестве с Гитлером, попытках реставрации капитализма в СССР. Вследствие такой массивной политической кампании его отказывались принимать многие страны. В конце концов, ему пришлось отправиться в Мексику, где изгнанный революционер и осел.

Он написал немало глубоких по содержанию и блистательных по форме произведений. В их числе – трёхтомная история русской революции – красочное полотно величайшего события мировой истории, созданное её свидетелем и одним из главных творцов; пророческий труд “Преданная революция”, объясняющий перерождение советской системы и предсказавший её дальнейший крах, свидетелями чего мы оказались в 1990-е годы. Понятно, что все его работы были запрещены в СССР. В августе 1940 года дамоклов меч обрушился на его голову: по приказу Сталина его убили.

В отличие от многих других жертв “большого террора”, Троцкий не был реабилитирован при советской власти. Демонический образ сохранялся за ним и в новые времена. Его реабилитация на рубеже века прошла тихо и незаметно. Да и сегодня роль Троцкого в русской революции и развитии общественной мысли у нас замалчивается.

К своему пятидесятилетию в 1929 году Троцкий выпустил автобиографию в двух томах “Моя жизнь”. После этого он ещё прожил десять лет. На Западе о нём было издано большое количество работ, среди которых лучшей является исследование в трёх книгах Исаака Дойчера, хорошо знавшего своего героя. В 1972 году вышел англо-американский фильм “Убийство Троцкого” с участием таких звёзд мирового экрана, как Ричард Бёртон (главная роль), Роми Шнайдер и Ален Делон. В последнее время образ Троцкого предстаёт и в нашей литературе, и в документальных лентах на голубом экране. Как прежде, так и теперь имеется немало клеветнических произведений, пытающихся изобразить его исключительно в чёрных красках. Справедливо мнение, что более оболганного из вождей революции, чем Троцкий, не существует. На его Родине ему нет памятников, его именем не названы ни города, ни улицы. Нет даже Дома-музея, где посетители могли бы ознакомиться с экспонатами, характеризующими эту удивительную историческую личность.

Укоренившиеся мифы

Один из них состоит в том, что Троцкий уже в канун русских революций 1917 года являлся завербованным агентом иностранных разведок и получал средства для развала России. Впервые об этом заговорили вскоре после Февральской революции. В то время точно так же травили и Ленина, сравнивая его с бактерией чумы, которую немцы специально переправили из Европы домой в закрытом вагоне. Никаких документальных доказательств таких утверждений ни тогда, ни после не имеется. Это, как сказали бы теперь, фейк. На заседании исполкома Петроградского Совета Троцкий тотчас же среагировал: “Милюков (лидер кадетов и министр иностранных дел Временного правительства – Г. Ц.) обвиняет нас в том, что мы – агенты-наёмники германского правительства. С этой трибуны революционной демократии я обращаюсь к честной русской печати (он повернулся к сидящим в зале журналистам) с просьбой, чтобы мои слова были воспроизведены: до тех пор, пока Милюков не снимет этого обвинения, на его лбу останется печать бесчестного клеветника” (Дойчер И. Троцкий. Вооружённый пророк. 1879–1921. М., ЗАО “Центрполиграф”, 2006. С. 274).

После июльских событий буржуазная пресса добавила новую порцию дёгтя, опубликовав сведения о том, что в США, где Троцкий находился всего два месяца, он до возвращения в Россию получил 10 тысяч долларов от американцев немецкого происхождения, причём источником средств назывался германский Генштаб. Заметим, что инкриминируемая сумма не столь уж велика для “подрыва” политической системы такой огромной страны. И на этот поклёп Троцкий не преминул дать разъяснение: “За два дня до моего отъезда в Европу (из Нью-Йорка. – Г. Ц.) немецкие рабочие, которым я не раз читал доклады, совместно с американскими, русскими, латышскими, еврейскими, литовскими и финскими друзьями и сторонниками устроили мне прощальный митинг, на котором производился сбор на русскую революцию. Сбор дал 310 долларов. В счёт этой суммы немецкие рабочие внесли через своего представителя 100 долларов. Переданные в моё распоряжение 310 долларов я на другой же день с согласия организаторов митинга распределил между пятью возвращающимися в Россию эмигрантами, которым не хватало денег на проезд. Такова была история “10 000 долларов”... Для того чтобы на будущие времена ввести необходимый поправочный коэффициент в измышления обо мне г. г. лжецов, клеветников, кадетских газетчиков и негодяев вообще, считаю полезным заявить, что за всю свою жизнь я не имел одновременно не только 10 000 долларов, но и одной десятой этой суммы” (Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Иркутск, “Восточно-Сибирское книжное издательство”, 1991. С. 291).

Выступая в Петроградском Совете, он к этому добавил: “Ленин боролся за революцию 30 лет. Я борюсь против угнетения народных масс 20 лет. И мы не можем не питать ненависти к германскому милитаризму. Утверждать противное может только тот, кто не знает, что такое революционер” (Дойчер И. Указ. соч. С. 286).

Другим распространённым обвинением Троцкого стало утверждение, что он был организатором красного террора, в котором он, несомненно, участвовал, но никак не был главным действующим лицом. На эту роль в большей мере подошли бы Дзержинский, Свердлов или Урицкий. Правда, 17 декабря 1917 года Троцкий резко заявил в адрес кадетов: “Вам следует знать, что не позднее чем через месяц террор примет очень жёсткие формы по примеру великих французских революционеров. Врагов наших будет ждать гильотина, а не тюрьма”. Но это была ответная реакция на развёртывающуюся со стороны враждебных сил атаку на революцию. Вопрос – кто начал гражданскую войну: белые или красные? – весьма спорен и, наверное, не имеет решения. Очевидный факт состоит в том, что жестокости имели место с обеих сторон. Как глава Красной армии Троцкий подчас не был особо разборчив в средствах, подвергал расстрелу каждого десятого из отступающих частей (то есть применял дедимацию, известную с эпохи Древнего Рима), использовал заградительные отряды. Но тогда решался вопрос – кто кого. И об этом хорошо знал Ленин, не осуждавший Троцкого.

После возвышения Сталина Троцкий оставался его врагом № 1. Вначале вождь СССР пытался вбить клин между Троцким и Лениным, представить их расхождения по ряду вопросов в явно раздутом виде. Затем по воле *отца народов* Троцкий превратился в организатора борьбы против советского строя и пособника фашистских шпионов и убийц. Все эти, как и многие другие инвективы были рассмотрены на так называемом Контрпроцессе Троцкого, организованном в 1937 году авторитетной международной комиссией во главе с известным американским философом Джоном Дьюи. В результате тщательного исследования свидетельских показаний Троцкого и изучения множества документов, Комиссия пришла к выводу о полной его невиновности в приписываемых ему советским судом преступлениях. Одновременно со стенограммой Контрпроцесса Комиссия опубликовала отдельный том с имевшимися материалами и заключениями под названием “Не виновен” (Not guilty). Однако в то время это не могло получить известность в Советском Союзе и не возымело должного воздействия на мировое мнение.

В предисловии недавно переведённой на русский язык книги “Контрпроцесс Троцкого: Стенограмма слушаний по обвинениям, выдвинутым на московских процессах 1930-х гг.” (М., “ЛЕНАНД”, 2017) проницательный учёный с мировым именем С. С. Дзарасов пишет:

“Контрпроцесс со всей отчётливостью обнажил тот факт, что целью московских судебных спектаклей, главным режиссёром которых выступал Сталин, было не что иное, как дискредитация, а затем ликвидация организаторов Октябрьской революции. Едва заметная фигура Сталина неотступно маячила из-за кремлёвских кулис, и он невидимой рукой дирижировал тем, что происходило на сцене. Это была задача чрезвычайной сложности, и надо было обладать особым зловещим даром постановки подобной всемирно-исторической драмы” (Указ. соч., С. 44).

Недостатки и ошибки

Как и всякий революционер, Троцкий ради счастливого будущего не всегда считался с настоящим. Абстрактная любовь к человечеству для него не сопровождалась бережным отношением к каждому конкретному индивиду. Он не испытывал особых угрызений совести от того, что из-за его распоряжений, иногда и ошибочных, гибли люди. Ему доставляло удовольствие ощущать себя вершителем судеб. Даже к близким людям он подчас относился с прохладцей. Отношения с родителями не заладились ещё с юных лет. На похороны матери он не приехал, а когда после Октября на отца пошли гонения, ничем не помог ему, хотя и мог. Свою первую жену с двумя дочерьми он оставил в ссылке и больше не проявлял заботы о них. Настоящих друзей у него никогда не было. С Лениным, пригласившим его за рубеж, давшим работу и установившим ценные контакты, он вскоре испортил отношения, называл его “бойким статистом”, “Максимилианом Лениным”, по аналогии с Робеспьером, и прочими неместными эпитетами, а затем переметнулся к его противникам, с которыми, впрочем, тоже испортил отношения.

После обвинений в самых тяжких преступлениях изгнанному из СССР Троцкому отказывали в местожительстве почти все страны. В Мексике нашёлся один доброхот, его почитатель, известный художник Диего Ривера. Используя свои связи в правительственных верхах, он добился разрешения на въезд Троцкого в страну и приютил его с семьёй в своём доме. И что же? “Дон Жуан революции” вскоре нашёл своеобразный способ отблагодарить своего благодетеля: вступил в связь с женой мексиканца, тоже художницей – Фридой Кало.

В ленинском “Завещании” Троцкий охарактеризован как “самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и увлечением чисто административной стороной дела”. Последняя часть требует пояснения. В хозяйственной жизни Троцкий ратовал за использование военных методов, применявшихся им на посту руководителя Красной армии. Он выступал за милитаризацию труда и, обрушиваясь на “рабочую оппозицию”, защищал командно-административные методы, которые позже примет на вооружение Сталин. В одном из “Приказов-памяток” Троцкого по трудовым армиям говорилось: “Неутомимая энергия в работе – как в походе,

как в бою... Командиры и комиссары отвечают за свои части в работе, как и в бою... Коммунистические ячейки должны быть образцом выдержки и настойчивости в работе... Дезертир в труде так же презренен и бесчестен, как и дезертир в бою. Обоим суровая кара... Работу начинайте и оканчивайте, где возможно, под звуки социалистических гимнов и песен, ибо ваша работа — не рабский труд, а высокое служение социалистическому отечеству” (Правда. 1920. 16 января). Милитаризация труда вызывала сравнения Троцкого с Аракчеевым в царской России и эксплуатацией невольников в Древнем мире.

Троцкий обосновывал свои идеи необходимостью перехода к единому хозяйственному плану развития страны. По марксистским схемам, плановое общественное производство и распределение приходят на смену рыночному хозяйству. Однако между “военным коммунизмом” и подлинно марксистским представлением об обществе будущего мало общего. И позже Троцкий придерживался леворадикальных взглядов. Он призывал к сворачиванию нэпа, тем самым отрицая необходимость использования рыночных регуляторов в строительстве нового общества, выступал за сверхбыстрые темпы роста в промышленности, что можно было тогда провести лишь за счёт интересов крестьянства.

После смерти Ленина Троцкий во многом сам помог Сталину и его тогдашним союзникам одержать победу над ним. Совершенно не вовремя он отошёл от злободневных вопросов жизни страны и партии, ударился в литературную деятельность, брал отпуска по болезни, хранил долгое молчание при обсуждении текущей политики. Его частые подтверждения и одобрения правильности решений ЦК, недопустимости фракций, согласие с линией партийного руководства создавали впечатление признания им вины. Близкий друг Троцкого Иоффе в письме, написанном перед самоубийством в 1927 году, отмечал, что главная слабость Троцкого состояла в том, что он не упорствовал в своей мудрости, особенно когда быть мудрым означало быть одиноким. В роковое для его судьбы время Троцкий явно переоценил свою моральную власть над сознанием людей, свою известность и популярность. Он был уверен в своей неуязвимости и после смерти Ленина, тогда как поражение неумолимо надвигалось.

Не оправдался и расчёт Троцкого на мировую революцию. Капитализм питал в себя ряд достоинств социализма, в частности, государственное регулирование и планирование экономики, поднял уровень жизни трудящихся в его цитаделях так, что классовые антагонизмы заметно снизились. Мировая практика показала, что теория перманентной революции утопична и не соответствует действительности. Но у Троцкого не хватило решимости отказаться от устаревших догм. Критика сталинской концепции о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой стране также не была убедительной и не оправдала себя. Опыт сегодняшнего Китая свидетельствует как раз об обратном. Обожевляя марксизм, Троцкий не увидел в этой гениальной научной доктрине слабых или недостаточно разработанных сторон. Поэтому он чрезмерно полагался на силовые методы преобразования общества и всего мира. А позже, напротив, ополчился на бюрократическое перерождение советской власти и бесконтрольность её правящей элиты, не видя в этом логического продолжения той самой командно-административной системы, за которую выступал прежде.

Кем же был этот выдающийся, хотя и не лишённый многих недостатков человек, сыгравший столь значительную роль в истории великой русской революции?

Родственник Пушкина?

Троцкий — один из псевдонимов Льва (Лейбы) Давидовича Бронштейна, из озорства написанный им в поддельный паспорт летом 1902 года во время побега из Сибири — ему вспомнилась тогда фамилия старшего надзирателя Одесской тюрьмы, где он проходил по этапу. Он появился на свет 26 октября (7 ноября) 1879 года в семье Давида Леонтьевича Бронштейна и Анны Львовны (в девичестве Животовской), выходцев из Полтавской губернии. Есть предположение, правда, оспариваемое, что Троцкий приходится внучатым родственником Пушкину и является одним из потомков внебрачной связи гения

с красавицей-полячкой Анжеликой Дембинской. Как и у Пушкина, у Троицкого случались беспричинные обмороки, был нервный тик в левом углу рта, имелись и другие совпадения наследственных признаков: подагра – типично “барская” болезнь, близорукость, желудочно-кишечные неприятности. Кроме того, старшего сына в семье Бронштейнов назвали Александром, второго – Львом, сестру Ольгой – точно так же, как и в семье Пушкиных.

Его отец – Давид Леонтьевич – сделался состоятельным человеком, владевшим и арендовавшим многие сотни десятин земли на юге Украины в Херсонской губернии. Он был фактическим хозяином деревни Яновка, где владел мельницей, пивоварней, кустарными предприятиями и осуществлял скупку и продажу зерна и других продуктов.

“Моё детство, – вспоминает Троицкий, – не было детством голода и холода. Ко времени моего рождения родительская семья уже знала достаток. Но это был суровый достаток людей, поднимающихся из нужды вверх и не желающих оставаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все посылы направлены на труд и накопление. . . Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне, в глухом углу, где природа широка, а нравы, взгляды, интересы скудны и узки” (Троицкий Л. Д. Моя жизнь. С. 22).

В 1888 году Троицкий поступил в подготовительный класс реального училища Святого Павла в Одессе, где был первым учеником, а жил и воспитывался в семье своего двоюродного брата по материнской линии – Моисея Филипповича Шпенсера и его жены Фанни Соломоновны – родителей поэтессы Веры Инбер. Новое окружение его полюбило, и мальчик отвечал им теплотой и благодарностью. Был, правда, один казус: вскоре после переезда к ним Лёва продал несколько дорогих книг из библиотеки, чтобы купить конфет.

Поскольку седьмого класса там не было, он в 1896 году переводится в реальное училище в Николаеве. Как-то он познакомился с Францем Швиговским, чехом по происхождению, человеком начитанным и внимательно следившим за политикой. Тот арендовал фруктовый сад на окраине города, где построил небольшой домик, в котором организовал дискуссионный клуб для радикально настроенных учащихся и рабочих. Здесь велись разговоры на вольные темы, сводящиеся, в первую очередь, к усовершенствованию российского жизнеустройства. Троицкий проникается народническими взглядами, знакомится с марксисткой Александрой Соколовской – своей будущей женой. Как пишет хорошо знавший его тогда Г. А. Зив: “Обладая блестящей памятью, он умел на лету схватывать доводы своих соперников и противников, быстро ассимилировать нужное ему и тут же преподносить слушателям продукт своей талантливой импровизации, заполняя пробелы прочным цементом непобедимой логики” (Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Лев Троицкий. Книга первая. Революционер. М, ЗАО “Издательство Центрполиграф”, 2012. С. 44).

Находясь на каникулах в отчем доме в Яновке, Лев рассуждал о свободе и свержении самодержавия. “Послушай, мальчик, этого не будет ещё и через триста лет!”* – уверял отец, наслушавшийся об “опасных связях” сына. Возникает раздор, и сын заявляет, что волен выбирать друзей по собственному вкусу, а от материальной помощи родителей отказывается. Вскоре он переселяется к Швиговскому. “Здесь мы шестером жили “коммуной”. Летом число наше увеличивалось одним-двумя туберкулёзными студентами, искавшими чистого воздуха. Я стал давать уроки. Мы жили спартанцами, без постельного белья, и питались похлёбками, которые сами готовили. Мы носили синие блузы, круглые соломенные шляпы и чёрные палки. В городе считали, что мы примкнули к таинственной секте. Мы беспорядочно читали, неистово спорили, страстно заглядывали в будущее и были по-своему счастливы” (Троицкий Л. Д. Моя жизнь. С. 110).

По окончании на все пятёрки Николаевского училища, он по настоянию родителей поступает на математический факультет Одесского университета, но там пребывает недолго и возвращается к Швиговскому в Николаев. Постепенно он всё больше склоняется к марксизму и приходит к выводу, что пора переходить от слов к делу. Весной 1897 года Лев организывает сеть рабочих кружков под названием “Южно-Русский рабочий союз”, надеясь втянуть в не-

---

* Сын напомнил эти слова отцу спустя много лет, когда тот, потерявший в революции всё, что нажил, после Октября появился у него на квартире в Кремле.

го и другие города. Подпольные чтения и беседы проводились в трактирах и в лесу. Добыли гектограф, стали печатать прокламации, а затем и газету “Наше дело” тиражом в 200–300 экземпляров. Писал, главным образом, он сам. “Весь город говорил под конец о революционерах, которые наводняют заводы своими листовками. Наши имена называли со всех сторон. Но полиция медлила, не веря, что “мальчишки из сада” способны вести такую кампанию, и предполагая, что за нашей спиной стоят более опытные руководители. Они подозревали, по-видимому, старых ссыльных. Это дало нам два-три лишних месяца. Но, в конце концов, слежка за нами приняла слишком явный характер, и жандармы узнавали неизбежно один кружок за другим” (Там же. С. 120–121).

Первый тюремно-эмиграционный цикл

В январе 1898 года были произведены массовые аресты, а “союз” разгромлен. Начались скитания Троцкого по местам не столь отдалённым. Свыше года он провёл в тюрьмах Николаева, Херсона, Одессы и Москвы. Суд приговорил Троцкого к четырём годам ссылки в Восточную Сибирь. В это время он окончательно сошёлся с А. Соколовской, хотя родители возражали против их брака. К осени 1900 года молодая семья – у них к этому времени появилась дочь Зина – обосновалась в селе Усть-Кут Иркутской губернии. Там Троцкий встретился с Ф. Э. Дзержинским и М. С. Урицким, другими молодыми революционерами, которым в грядущем предстояло играть крупную роль в истории страны. Во время ссылки марксизм окончательно стал для него основой мировоззрения и методом мышления. Он штудирует “Капитал” К. Маркса, “Развитие капитализма в России” Ленина, сотрудничает в иркутской газете “Восточное обозрение”. “Я просиживал ночи, – пишет он, – чёркая свои рукописи вкривь и вкось в поисках нужной мысли или недостающего слова. Я становился писателем” (Там же. С. 133). Он входит в контакт с местными социал-демократическими организациями, пишет для них воззвания и листовки. Через них же устанавливается связь с границей.

В это время Троцкий с пополнившейся семьёй – у них родилась ещё дочь Нина – переехал в Верхоленск, откуда в августе 1902 года решился на побег. Жена, несмотря на то, что осталась с двумя маленькими детьми, поддержала его. В дальнейшем Троцкий и Соколовская почти не встречались, хотя, по его словам, навсегда “сохранили идейную связь и дружбу”.

Троцкий остановился в Самаре, где размещался тогда российский центр газеты “Искра” под началом Г. М. Кржижановского, который сообщил Ленину о молодом таланте, обладающем несомненным литературным даром и потому получившем, с лёгкой руки Глеба Максимовича, псевдоним “Перо”. По поручению самарского бюро “Перо” направлялся в Киев, Харьков и Полтаву для связи с местными “искровцами”. Вскоре Ленин приглашает его приехать в эмигрантскую штаб-квартиру “Искры”, располагавшуюся в Лондоне. Снабжённый небольшой суммой денег, он вскоре нелегально переходит русско-австрийскую границу и в октябре 1902 года добирается до адресата.

Наряду с Плехановым, Ленин уже считался признанным лидером российской социал-демократии. Он оценил дарования Троцкого, сразу же включил его в дела и дал поручения. Троцкий выступает с докладами на собраниях эмигрантов и быстро обретает известность. Позже он напишет: “Приехал я в Лондон большим провинциалом, и притом во всех смыслах. Не только за границей, но и в Петербурге я до того никогда не бывал. В Москве, как и в Киеве, жил только в пересыльной тюрьме”. По воспоминаниям А. В. Луначарского: “Заграничную публику Троцкий поразил своим красноречием, значительным для молодого человека образованием и апломбом... Очень серьёзно к нему не относились по его молодости, но все решительно признавали за ним выдающийся ораторский талант и, конечно, чувствовали, что это не цыплёнок, а орлёнок”. Троцкий побывал в Брюсселе, Льеже и Париже, где познакомился со студенткой Натальей Седовой – своей будущей второй женой, тоже революционеркой.

С ноября 1902 года началось сотрудничество Троцкого в “Искре”, которое продолжалось два с лишним года. За это время Троцкий опубликовал в ней

свыше 30 статей. Ленин предложил Плеханову кооптировать его в состав редколлегии газеты. Состоявшая из шестерых, она при обсуждении спорных вопросов распадалась на две тройки: ветеранов социал-демократии – Плеханов, Аксельрод, Засулич и молодых членов – Ленин, Мартов, Потресов. Однако предложение не прошло. Ленинская креатура не понравилась основоположнику русского марксизма, заявившему, что “статьи Троцкого с их цветистой риторикой снижают уровень газеты”. Директивный центр российского социализма и бастион зарождавшейся партии состоял из влиятельных и выдающихся, но весьма противоречивых личностей, что в июле 1903 года привело к его расколу на большевиков и меньшевиков в ходе состоявшегося в Брюсселе второго съезда РСДРП.

В ходе съезда Троцкий всецело поддержал линию “Искры” по ряду вопросов, но при обсуждении первого параграфа Устава партии неожиданно не принял твёрдую ленинскую формулировку, усмотрев в ней стремление создать секту разговорщиков, а не партию рабочего класса. Такой демарш произвёл на Владимира Ильича удручающее впечатление. Троцкого к тому времени называли “дубинкой Ленина”. Теперь она обратилась против него самого. Ленин объяснял Троцкому, что если партия, как предлагал Мартов, раскроет свои двери всем желающим – и для “работающих”, и для “болтающих”, – то в её ряды вольются слабые элементы. А нужно организовать “авангард пролетариата”, обладающий классовым сознанием. Но это не воздействовало, во всяком случае, сразу. Троцкий не оценил тогда в полной мере величие и дальновидность ленинского ума. Кроме того, с “мягким” Мартовым он тесно общался, так как они жили в одном доме.

Первая брошюра Троцкого “Наши политические задачи” (1904) фактически представляла собой манифест российского меньшевизма. В ней пророчески предсказывалось будущее большевизма: “Аппарат замещает партию, Центральный Комитет замещает аппарат и, наконец, диктатор замещает Центральный Комитет”. Однако вскоре у Троцкого не сложились отношения и с лидерами меньшевиков. Заняв позицию в промежуточном поле между обеими фракциями, он стал чужим *среди своих*, а его попытки примирить и объединить их оказались безнадежным делом.

Начавшаяся в 1905 году первая русская революция вернула Троцкого на Родину, где в разгар октябрьской стачки он стал заместителем председателя Петербургского Совета рабочих депутатов, а вскоре и возглавил его. Здесь раскрылись сильные стороны его как политического деятеля, организатора масс и публициста. Но руководить Советом Троцкому пришлось недолго – 3 декабря прямо на заседании весь исполком во главе с председателем был арестован. Это стало политическим событием первой величины, а Троцкого называли не иначе, как особо опасным государственным преступником.

Тур второй

До отправки в ссылку Троцкий опять провёл в тюрьме больше года, побывав в столичных “Крестах”, а потом в Петропавловской крепости. Находясь там, много читал и писал: адвокаты выносили рукописи в своих портфелях. К этому времени относится первое обоснование им теории “перманентной революции”. В заключительной главе книги “Наша революция” говорится: “В стране экономически более отсталой пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой”. Вместе с тем, по его мнению, в России в связи с малочисленностью пролетариата и преобладанием мелкобуржуазного по своему характеру крестьянства, социалистическая революция победит только в том случае, если пролетариат Запада окажет ей поддержку: “Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить своё временное господство в длительную социалистическую диктатуру” (Дойчер И. Указ. соч. С. 170). Через двадцать лет Сталин по этому поводу скажет, что Троцкий “недооценил” внутренние ресурсы и жизнеспособность революции в России.

Состоявшийся суд вынес Троцкому суровый приговор – пожизненное поселение в Сибирь и лишение всех гражданских прав. В начале января 1907 года

группу ссыльных доставили на вокзал, загнали в тюремный вагон с решётками и отправили в Тюмень, откуда ссыльные отправились на санях на север, в Тобольск, что заняло больше трёх недель. Там известили, что их везут в штрафную колонию в Обдорск (ныне Салехард) за Полярным кругом. Оттуда до железной дороги — почти полторы тысячи верст, а до ближайшей почтовой станции с телеграфом — восемьсот. На тридцать пятый день пути Троцкий решил бежать. Риск был немалый — за это карали каторгой. За пару золотых червонцев и трехлитровый баллон спирта был найден местный пьяница-оленевода, знавший дорогу в тундре и доставивший беглеца за 10 дней до Урала. Там он сел в поезд, следовавший до Петербурга, где пробыл несколько дней, и прежде чем полиция напала на его след, перебрался в Финляндию. В то время там находились Ленин и Мартов, сердечно встретившие его и высоко оценившие его поведение и речи на судебном процессе. В конце апреля он прибыл в Лондон на пятый съезд РСДРП.

Здесь Троцкий вновь держится обособленно от обеих фракций, призывает к единству и продолжает позиционировать себя как “нефракционный социал-демократ”. По окончании съезда летом 1907 года он уехал в Берлин, где его тепло встретила интеллектуальная элита немецких социалистов. Здесь он познакомился с Карлом Каутским, дом которого стал его берлинским приютом, Розой Люксембург, Кларой Цеткин, Карлом Либкнехтом, другими видными деятелями. Через некоторое время он перебрался в Вену.

В 1912 году на Пражской конференции РСДРП Ленин окончательно взял курс на выделение большевистской фракции в самостоятельную организацию. Попытка Троцкого противодействовать этому с помощью организованной им в Вене партийной конференции под объединительными лозунгами — “Августовский блок” — не увенчалась успехом. Раздосадованный этим, он принимает предложение редактора газеты “Киевская мысль” и как военный корреспондент отправляется на два года писать репортажи с фронтов первой и второй Балканских войн. Этот опыт даст ему представление об армии и военных действиях и пригодится в дальнейшем.

С началом мировой войны, опасаясь, что как подданный России он будет интернирован австрийскими властями, Троцкий перебирается в нейтральную Швейцарию, а оттуда в Париж. Газета “Киевская мысль” назначает его своим парижским корреспондентом, что помогает решить возникшие материальные проблемы. Он печатается и в газете “Голос”, редактируемой Мартовым. Однако его позиции всё больше тяготеют к Ленину, выступающему против шовинизма, за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Троцкий ратует за то, чтобы собрать воедино силы нового Интернационала. “Его мысль шла параллельно ленинским идеям и почти наверняка была вдохновлена ими, ибо Ленин сформулировал их несколько раньше”, — отмечает И. Дойчер (Указ. соч. С. 228). Он также становится соредактором газеты “Наше слово”, которая проводила активную революционную линию.

В сентябре 1915 года вместе с Лениным и Мартовым Троцкий принимает участие в международной конференции социалистов в Циммервальде — швейцарской деревушке под Берном. Его попросили сформулировать принципы, которые вскоре стали известны как Циммервальдский манифест. В нём он возложил ответственность за войну на капиталистический строй и призвал рабочих проснуться от шовинизма и положить конец войне.

Год спустя “Наше слово” запретили за пацифистскую пропаганду. Одновременно парижская полиция объявила Троцкому о высылке за пределы страны. Великобритания, Италия, Швейцария и скандинавские страны принимать его отказались, и он был принудительно препровождён в Испанию. Но и там Троцкого вскоре задержали как “опасного анархиста”, решив выслать на Кубу. После бурных протестов он всё же добился позволения на отбытие в Нью-Йорк, куда прибыл 13 января 1917 года. Его с овациями и почестями встретила группа российских поселенцев. За океаном Троцкий общается с Н. И. Бухариным, А. М. Коллонтай, В. Володарским. Они издавали в Америке газету “Новый мир”, и Троцкий сразу же становится одним из главных её авторов.

Весть о Февральской революции взбудоражила русскую колонию, митинги шли без остановки, и Троцкий был их звездой. Публика жаждала услышать его мнение о том, что происходит в России. А он, в частности, говорил: “Могучая лавина революции в полном ходу — никакая сила человеческая её

не остановит... Пласт за пластом будет теперь подниматься страна – все угнетенные, обездоленные, обобранные... Во главе народных масс России революционный пролетариат выполнит свою историческую работу: он изгонит монархическую и дворянскую реакцию из всех её убежищ и протянет свою руку пролетариату Германии и всей Европы. Ибо нужно ликвидировать не только царизм, но и войну” (Там же. С. 254).

27 марта Троцкий с женой, а также небольшой группой эмигрантов отплыли из Нью-Йорка. Однако поездка затянулась в связи с арестом их британскими властями в Галифаксе (Канада). Лишь в конце апреля Троцкий и его компаньоны, благодаря широкой кампании по их освобождению, были отпущены. Они продолжили свой путь в Россию через Швецию и Финляндию и 4 мая прибыли в Петербург.

В России 17-го года

Вступив на российскую землю, где не был 10 лет, Троцкий отправился в Смольный институт на заседание Петроградского Совета, где по предложению большевиков его сразу же ввели в исполком. В то время в стране существовало двоевластие. Партии, сформировавшие Временное правительство во главе с князем Львовым, пытались ограничить революцию свержением Николая II и, по возможности сохранив монархический строй, продолжить войну. Рабочие и солдаты, следовавшие за Советами, напротив, надеялись на скорейшее заключение “демократического мира без аннексий и контрибуций”. Львов силился запустить старый административный механизм, унаследованный от самодержавия, в то время как солдаты и рабочие считали настоящей властью Советы. Эсеры и меньшевики рассчитывали на то, что новая система управления соединит в себе и старую администрацию, и Советы. Правительство хотело оградить земельную собственность от посягательств, а крестьяне требовали поделить помещичьи владения. Эсеры и меньшевики старались отсрочить решение этого жизненно важного вопроса до созыва Учредительского собрания, который, в свою очередь, тоже постоянно откладывался.

В речи на Петроградском Совете Троцкий заявил: “Россия открывает новую эпоху, эпоху крови и железа, но уже в борьбе не наций против наций, а класса страдающего и угнетённого против классов господствующих”. И далее в ленинском духе: “Я думаю, что следующим вашим шагом будет передача всей власти в руки рабочих и солдатских депутатов. Только единовластие спасёт Россию”. А закончил словами: “Да здравствует русская революция как пролог к мировой революции” (Там же. С. 264).

С особым теплом Троцкого встретила “межрайонная” группа, вдохновителем которой он явился несколькими годами ранее. Ассоциация социал-демократов не претендовала на роль отдельной партии и проводила курс оппозиции войне и Временному правительству. Она была не столь многочисленной, но в неё входило немало ярких фигур. Вскоре большевики и межрайонная организация встретились, чтобы обсудить предполагаемое слияние. Ленин предложил “межрайонцам” места в руководящих органах большевиков и редколлегии “Правды”. Но Троцкий хотел объединиться под новым названием, и дело не вышло. Ленин гордился созданной им партией, насчитывавшей к тому времени около 200 тысяч человек, и считал, что Троцкий и его товарищи должны вступить в его партию. Когда чуть позже у Ленина спросили, что не даёт им с Троцким соединиться, несмотря на их полное согласие друг с другом, он ответил: “А вы не знаете? Амбиции, амбиции, амбиции”. Несколькими месяцами позже это всё же произойдёт, и Ленин скажет, что нет лучшего большевика, чем Троцкий.

Массы стремительно левели, а вместе с ними и Троцкий, чья популярность набирала силу. Через месяц после приезда его фигура обрела небывалый блеск. Как писал Луначарский: “Под влиянием её (агитационной работы) огромного размаха и ослепительного успеха некоторые близкие Троцкому люди даже склонны были видеть в нём подлинного вождя русской революции. Так, покойный М. С. Урицкий... говорил как-то мне и, кажется, Мануильскому: “Вот пришла великая революция, и чувствуется, что, как ни умён Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого”. Эта оценка, продолжал Луначарский, оказалась неверной не потому, что преувеличивала дарования

и мощь Троцкого, а потому, что в то время ещё неясен был масштаб государственного гения Ленина.

Излюбленным местом выступлений Троцкого была военно-морская база, расположенная неподалёку от столицы, и цирк “Модерн”, где он почти каждый день выступал перед огромными аудиториями. Со своей трибуны он иногда ловил взволнованные взгляды своих присутствовавших дочерей от первого брака. В этой обстановке Троцкий чувствовал себя, как рыба в воде. Как пишет его биограф: “Он говорил на злободневные темы и разъяснял цели революции с обычной для него логикой и простотой, но он же впитывал дух толпы, её обострённое чувство справедливости, её желание всё видеть чётко и ясно, её напряжение и ожидания. Позднее он вспоминал, как при одном взгляде на толпу слова и доводы, которые он давно приготовил, отступали и растворялись в его мозгу, и как бы из подсознания приходили другие слова и доводы, неожиданные для него самого, но отвечающие потребностям слушателей. Тогда его собственный голос казался ему чужим, он говорил, стараясь не отстать от стремительного прилива мыслей и фраз и боясь, что, как лунатик, может вдруг проснуться и сорваться. Здесь политика переставала быть очищенной квинтэссенцией уединённых размышлений или споров в узком кругу профессиональных политиков. Он эмоционально сливался с тёплой человеческой массой, становился её средством выражения. Его стали до такой степени отождествлять с цирком “Модерн”, что, когда он возвращался в Таврический дворец или Смольный, где заседал Совет, и обрушивался на своих оппонентов или спорил с ними, ему кричали: “Здесь вам не цирк “Модерн”!” (Дойчер И. Указ. соч. С. 271).

На первом Всероссийском съезде Советов в начале июня Троцкий блокируется с большевиками, в частности, в осуждении готовившегося Керенским наступления русской армии на фронте. Тогда ещё не ставилась задача свержения правительства. Лозунгом было “Долой десять министров-капиталистов” (шестеро остальных были социалистами). Особую активность Троцкий развил в июльские дни. Оценивая соотношение сил, он вместе с Лениным и другими лидерами РСДРП(б) предостерегал рабочие и солдатские массы от опрометчивых шагов, в частности, от преждевременного проведения антивоенной демонстрации 4 июля, которая ставила целью низвержение Временного правительства.

Но процесс уже пошёл, и чтобы удержать движение в русле мирной демонстрации, ничего не оставалось, как возглавить его. Тем не менее, произошло несколько уличных столкновений, пролилась кровь. Пришедшая весть о провале наступательной операции на фронте не только взбудоражила массы, но и подлила масла в огонь реакционных сил, обвинивших большевиков в том, что их агитация подорвала боевой дух армии и подготовила разгром. Этим не ограничились. Правая пресса опубликовала “документы”, якобы свидетельствующие о том, что Ленин и ряд других лиц были платными агентами германского Генштаба. Издали приказы об аресте большевистского руководства. Фальшивые данные предоставил некий Ермоленко, который оказался бывшим доносчиком, состоящим на службе в военной контрразведке. “Правду” закрыли, а её редакцию разгромили. Ленин был вынужден скрыться. Троцкий решил остаться, но через две недели и его посадили, и он оказался снова в “Крестах”.

Операция Октябрь

В конце августа произошёл мятеж, выражавший интересы консервативных сил. Назначенный главнокомандующим генерал Корнилов объявил войну революции и правительству и отдал войскам приказ идти на столицу. В случае его победы Троцкому и другим подобным узникам не поздоровилось бы. Но Керенский решил в противовес выставить левые силы и воспользоваться их влиянием на военных. 4 сентября Троцкого освободили, и он прямо из тюрьмы отправился в Смольный, чтобы принять участие в заседании “Комитета по борьбе с контрреволюцией”, сформированного Советом с благословения Керенского. Этот орган станет прототипом Военно-революционного комитета, возглавившего Октябрьское восстание. Корнилов был

побеждён не силой оружия, а большевистской агитацией. Войска оставили его, не сделав ни одного выстрела. Не напоминают ли эти события то, что случилось у нас летом 1991 года?

Неудавшийся мятеж сместил центр тяжести в пользу большевиков и продолжения революции. 23 сентября Петроградский Совет выбрал Троцкого своим председателем. Получив перевес, большевики понимали, что час решительных действий настал. Троцкий мыслил приурочить переворот ко второму съезду Советов. Опасаясь нового наступления со стороны крайней реакции, Ленин торопил события. Но Троцкий считал, что для дела будет лучше, если власть перейдёт не к партии, а к Советам, представлявшим более широкую коалицию и форму конституционной власти. К этому времени межрайонная организация уже влилась в партию большевиков (произошло это, когда он сидел в “Крестах”, его тогда избрали и в ЦК).

К началу октября кризис достиг новой силы. Росла хозяйственная разруха. Города снабжались из рук вон плохо. Повсеместно крестьяне захватывали помещичьи земли и жгли усадьбы. Армия терпела поражение. Казалось, что и Петроград открыт для вражеского нападения. 6 октября Троцкий выступил на заседании Совета в присутствии делегатов от всех полков Петроградского гарнизона и заявил: “Если Временное правительство не способно защитить Петроград, то оно обязано либо заключить мир, либо уступить своё место другому правительству”.

Керенский планировал передислокацию войск якобы для укрепления фронта, а на самом деле хотел удалить из Петрограда самые революционные полки. В противовес Троцкий объявил, что ослабление гарнизона подвергнет столицу опасности немецкого вторжения. Между тем, он занимался подготовкой к восстанию. 9 октября он призвал вмешаться в вопрос о переброске войск. В тот же день на заседании исполкома Совета Троцкий сформирован и возглавил Военно-революционный комитет (ВРК), который формально появился для того, чтобы от имени Совета взять на себя руководство обороной города, а на самом деле стал главным инструментом восстания.

На следующий день состоялось заседание ЦК партии большевиков. На него прибыл загримированный до неузнаваемости Ленин. Руководители партии после серьёзных дебатов приняли решение в пользу начала восстания десятью голосами против двух (Зиновьев и Каменев). 16 октября полки гарнизона объявили, что они не подчинятся приказу Керенского и останутся в Петрограде. Это было “тихое восстание”, которое предопределило исход борьбы. В тот же день Троцкий подписал приказ о том, чтобы арсеналы выдали 5 тысяч винтовок. Тотчас же состоялось новое заседание ЦК, где была указана дата и намечены практические методы взятия власти.

К 23 октября у ВРК был готов детальный план операции. Отборные отряды быстро занимали все стратегические пункты столицы. Связь между штабом повстанцев и гарнизоном работала безупречно. Совет обладал подавляющим превосходством в силе. Троцкий ждал лишь провокации со стороны Керенского, которая позволила бы ему начать восстание как оборонительную операцию. В этот день Керенский запретил газету “Рабочий путь” (под этим названием стала выходить “Правда” после июльских дней) и приказал закрыть её редакцию и типографию. Тогда Троцкий отправил вооружённый отряд охранять большевистские объекты. Это был пробный шар, запущенный на рассвете 24 октября. На следующее утро газеты в один голос заговорили о том, что Керенский намеревается подавить Совет и большевистскую партию. Стало ясно, что медлить больше нельзя. Смольный переоборудовали в крепость, распределили обязанности. Троцкий предложил, чтобы в том случае, если большевиков выбьют из Смольного, штаб восстания перебрался в Петропавловскую крепость, гарнизон которой он уже переманил на свою сторону.

В то время Керенский отважился на уже запоздалые угрозы: заявил, что отдал приказ предъявить обвинение всему ВРК, заново объявить Ленина в розыск, арестовать Троцкого и других большевистских руководителей. Троцкий отменил приказы Керенского и, отдав указание крейсеру “Аврора” стоять наготове, возгласил: “Завтра откроется съезд Советов. Задача гарнизона и пролетариата – предоставить в распоряжение съезда накопленную силу, о которую разбилась бы правительственная провокация. Задача наша – донести эту силу до съезда нерасколотой, неущербленной... Если мнимая власть сделает

азартную попытку оживить собственный труп, то народные массы, организованные и вооружённые, дадут ей решительный отпор, и отпор этот будет тем сильнее, чем сильнее будет наступление реакции. Если правительство 24 или 48 часами, которые остались в его распоряжении, попытается воспользоваться для того, чтобы вонзить нож в спину революции, то мы заявляем, что передовой отряд революции ответит на удар — ударом, на железо — сталью” (Троцкий Л. Сочинения. Т. 3, кн. 2. С. 51–53).

В ночь с 24 на 25 октября Красная гвардия и регулярные полки молниеносно и практически бесшумно заняли Таврический дворец, почты и железнодорожные вокзалы, Государственный банк, телефонные станции и другие стратегические объекты. Утром 25 октября Керенский уже бежал из столицы в машине иностранного посольства. К полудню Троцкий доложил ошеломлённому Петроградскому Совету, что министры помещены под арест, а весь город, кроме Зимнего дворца, находится под контролем.

Вечером 24-го числа в Смольный прибыл Ленин. “Хотя Троцкий, — замечает его биограф, — возглавил операцию и полностью провёл её так, как считал нужным, ленинское влияние сыграло решающую роль в её успехе. Исход дела зависел от позиции широких рабочих и солдатских масс, и Троцкий больше, чем кто-либо другой, сформировал их мнение. Но активисты восстания вышли из рядов большевистской партии, и на их умы гораздо большее воздействие оказал Ленин, основатель и бесспорный лидер партии, и продолжал оказывать даже из тайного убежища. Без его постоянных и настойчивых советов, без его предупреждений они, возможно, не стали бы слушать приказов и распоряжений Троцкого. Ленин внушил им идею восстания прежде, чем они приступили к осуществлению восстания по плану Троцкого. Но, только воочию увидев происходящее, Ленин, наконец, безоговорочно признал в Троцком великого партнёра в грандиозном предприятии” (Дойчер И. Указ. соч. С. 319).

Вечером 24 октября эти два человека отдыхали на полу тёмной, пустой комнаты, примыкающей к большому залу Смольного, где вскоре должен был открыться съезд Советов. Троцкий упал в обморок от усталости и теперь пытался хоть немного поспать. Но сон не шёл, так как помощники и курьеры не престанно стучали в двери. Съезд открылся под аккомпанемент холостого выстрела “Авроры” по Зимнему дворцу. Большевистская партия обладала почти двумя третями голосов, а вместе с левыми эсерами — около трёх четвертей. Места за столом нового президиума заняли 14 большевиков и 11 представителей других партий. Проигравшие партии тут же возроптали против восстания и штурма Зимнего дворца. Меньшевики потребовали создания коалиционного правительства, что было отвергнуто. Тогда они объявили бойкот и стали расходиться.

В ответе Мартову, упрекнувшему организаторов переворота в заговоре, Троцкий заявил: “Восстание народных масс не нуждается в оправдании; то, что произошло, — это не заговор, а восстание. Мы закаляли революционную энергию петроградских рабочих и солдат, мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор... Наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю, с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают это предложение? Но ведь мы видели их целиком. Больше за ними нет никого в России. С ними должны заключить соглашение как равноправные стороны миллионы рабочих и крестьян... Нет, тут соглашение не годится... вы жалкие единицы, вы банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!” (Там же. С. 321).

В феврале потребовалось около недели, чтобы свергнуть царя, а низложение Временного правительства заняло всего лишь несколько часов. При этом большевики овладели столицей без кровопролития. Один из враждебных очевидцев Октября генерал-майор Альфред Нокс свидетельствовал, что число жертв составило около 10 человек. Через год 6 ноября 1918 года Сталин в “Правде” заметит: “Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом пролетариата на сторону Советов и умелой постоянной работой Военно-

революционного комитета партия обязана, прежде всего и главным образом, Троцкому”.

А как оценивал свою роль сам Троцкий? “Если бы меня не было в 1917 году в Петрограде, Октябрьская революция всё равно совершилась бы — при условии присутствия и руководства Ленина. Но если бы в Петрограде не было ни меня, ни Ленина, не было бы и Октябрьской революции...” (Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., “Прогресс”, 1990. С. 80).

В верховной власти

Съезд законодательно закрепил переход власти к большевикам, принял декреты о мире и о земле. Утвердили первое советское правительство, выбранное исключительно из большевиков и состоявшее из 15 человек. По предложению Троцкого оно было названо Советом Народных Комиссаров. Ленин предложил Троцкому его возглавить. Он из уважения к политическому старшинству Ленина отказался и принял предложение руководить комиссариатом по иностранным делам. Но жизнь распорядилась так, что ему одновременно пришлось заниматься и многим другим.

Через несколько дней Керенский и генерал Краснов повели войска на взятие Петрограда, и Троцкий вернулся к обязанностям председателя ВРК, организовав оборону столицы. 30 октября он лично прибыл на Пулковские высоты, где состоялось решающее столкновение между революционными силами и казаками генерала. Через два дня они сдались, а Краснов был взят в плен. Троцкий отпустил Краснова под честное слово, но потом пожалел об этом, так как генерал вскоре снова взялся за оружие. Затем на Дону начали действовать первые отряды Белой гвардии, очаги гражданской войны вспыхивали и в других местах. Троцкий немало сил тратил и на урегулирование внутривнутриполитических проблем. Против него и Ленина — двух признанных вождей революции — по вопросу состава правительства выступали представители меньшевиков и других партий.

В условиях ещё не сформировавшейся новой государственной власти подчинявшийся Петроградскому Совету ВРК до своего самороспуска в декабре фактически был единственной реальной силой. В его распоряжении находились силы красногвардейцев, революционных солдат и балтийских матросов. ВРК пришлось закрыть ряд газет, так как они открыто призывали к вооружённому сопротивлению. Силами ВРК было организовано и снабжение города продовольствием.

В середине ноября немецкое Верховное командование согласилось сепаратно начать переговоры о перемирии, и в декабре Троцкий выехал в Брест-Литовск. Здесь он впервые живём столкнулся с представителями европейского империализма и милитаризма. Соотношение сил складывалось не в пользу России, где после революции солдаты спешили домой, к переделу земли. По вопросу допустимых уступок немцам мнения в большевистском руководстве раскололись на два крайних лагеря. Ленин выступал за скорейшее подписание договора на предлагаемых немцами условиях. Бухарин и многие другие, напротив, не желали соглашаться с требованиями германской стороны и ратовали за продолжение военных операций. Хотя “промежуточная” платформа Троцкого — ни мира, ни войны: договора не подписываем, войну прекращаем, а армию демобилизуем — получила одобрение большинства ЦК, её претворение в жизнь потерпело провал. Прав был всё же Ленин, соглашавшийся на мир даже на “похабных” условиях. Не желая терпеть дальнейшего затягивания переговоров, Германия в феврале 1918 года перешла в наступление. В итоге пришлось подписать ещё более унижительный договор. Троцкий глубоко пережил свою неудачу, хотя его усилия в целом и были положительно оценены ЦК.

В марте 1918 года на состоявшемся Чрезвычайном съезде Советов, ратифицировавшем Брестский договор, Троцкий оставил свою должность и стал комиссаром по военным и морским делам и председателем Высшего военного совета. Проявленные им вскоре в ходе подавления левоэсеровского мятежа решительность и бескомпромиссность, готовность идти до конца в защите завоеваний Октябрьской революции, быстрота, чёткость в принятии необходимых мер произвели большое впечатление на Ленина, и о “брестских” разногласиях забыли.

150-тысячная добровольческая Красная армия была весьма далека от дисциплинированной военной машины и нуждалась в реорганизации. Троцкий меняет её, применяя традиционные принципы. Он восстанавливает единоначалие, знаки отличия, единую форму одежды, воинские приветствия и парады. Организует работу в Красной армии десятков тысяч царских офицеров и военных специалистов. Его методы временами были суровы. Первый смертный приговор пал на голову начальника морских сил Балтийского флота капитана 1-го ранга А. М. Щастного. Немалую известность получило и то, как Троцкий расправился с одним из полков, покинувших без приказа свои позиции: он приказал расстрелять не только командира и комиссара полка, но и каждого десятого красноармейца. “Нельзя строить армию, — уверял он, — без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни” (Троцкий Л. Моя жизнь. С. 393).

В августе 1918 года появился специальный “поезд Предреввоенсовета”, в котором с этого момента два с половиной года и жил Троцкий, непрерывно разъезжая по фронтам гражданской войны. Он решал на месте неотложные вопросы, просвещал, призывал, снабжал, карал и награждал. Являлся на передовую и не раз подвергался опасности быть захваченным белогвардейцами. Своим присутствием и зажигательными речами он, как правило, изменял ситуацию в нужную сторону. Как отмечал один из свидетелей, “прибытие на какой-либо участок фронта поезда Троцкого было равносильно прибытию на фронт свежей дивизии”. К 1920 году Красной армии во главе с Троцким удаётся добиться решающего перелома в ходе гражданской войны.

Однако ещё до её окончания он погрузился в проблемы хозяйственного восстановления страны, где пытался применить методы, выработанные и проверенные на военном поприще. Годы войн, революции и интервенции привели к полнейшему развалу российской экономики и распаду её социально-структуры. Советская власть стремилась установить строжайший контроль над скудными ресурсами, из чего вырос “военный коммунизм”. Большевики национализировали промышленность, запретили частную торговлю, отправили в деревни отряды рабочих, чтобы реквизировать продовольствие для армии и горожан. Неспособное собирать обычные налоги, правительство включало печатный станок, и деньги стремительно обесценивались.

Решением Совнаркома в 1919 году Троцкий назначается председателем межведомственной комиссии по вопросам трудовой повинности. Вначале он комплекует трудовые армии из прекративших боевые действия военных подразделений, а затем требует введение всеобщей трудовой повинности, стремится обеспечить максимальный сбор продразвёрстки, от которого всячески уклонялось крестьянство.

На IX съезде РКП(б) весной 1920 года, проходившем под знаменем “военного коммунизма”, Троцкий выступал за дальнейшее “закручивание гаек” и обрушился на так называемую “рабочую оппозицию”, защищая командно-административную систему в партии и государстве, которую позже примет на вооружение Сталин. Принудительный и утопический характер “военного коммунизма” продолжал игнорировать реальное состояние дел, пока не загнал себя угол и мог существовать только за счёт постоянного применения всё больших доз насилия. Ленин поддерживал Троцкого, но к 1920 году дело уже приближалось к критической точке.

Троцкий искал выход из тупика “военного коммунизма”. Он понимал, что нельзя отнимать урожай у крестьянина, что его нужно поощрять, чтобы он вырастил и продавал излишки и зарабатывал на них, и стал высказывать такие мысли. Но в то время Ленин и ЦК ещё не изжили прежних иллюзий и отвергли их. Только после очевидного провала политики “военного коммунизма” весной 1921 года Ленин воспользовался этими предложениями и осуществил их на практике под названием “новая экономическая политика” (нэп).

Падение

Конец гражданской войны стал началом неудач Троцкого. Взмыв на волну русской революции на самую вершину её гребня, он теперь заскользил по её бегущему скату вниз. Болезнь Ленина поставила вопрос о том, кто будет

преемником Ленина и новым главой государства. Сформировался союз Сталина с Зиновьевым и Каменевым (“тройка”) против Троцкого. 3 апреля 1922 года по предложению Каменева и Зиновьева была учреждена должность Генерального секретаря ЦК РКП(б), на которую по их предложению был назначен Сталин.

В это время в правящую коммунистическую партию хлынула масса карьеристов. Усиление бюрократизма обуславливалось и всеобщей усталостью от войны. Побеждали настроения “не мы для революции, а революция для нас”. Они вызвали серьёзные опасения у Ленина, посвятившего им немало внимания в своих последних работах. Тем временем усиливалось влияние Сталина как секретаря ЦК. По мнению Троцкого, “нет никакого сомнения в том, что для текущих дел Ленину было во многих случаях удобнее опираться на Сталина, Зиновьева или Каменева, чем на меня. . . у меня были свои взгляды, свои методы работы, свои приёмы. . . он слишком хорошо понимал, что я не гождусь для поручений”.

К осени 1923 года Ленин уже не мог вмешиваться в дела большевистского руководства, в котором разгорелась дискуссия, направленная против Троцкого. В это время он простудился и проболел весь остаток осени и начало зимы. Отсутствие Ленина и Троцкого развязало руки Сталину и его временным союзникам. Шаг за шагом они осуществляли меры, ограничивавшие авторитет и влияние Троцкого. Стронники Троцкого незаметно заменялись другими, более лояльными и надёжными. В партийной прессе всё чаще стало появляться имя генсека партии. Исполдволь пересматривались политические биографии вождей и их вклад в победу революции. Шёл целенаправленный процесс ослабления роли и места одного из двух главных героев революции и гражданской войны. Сталин оказался непревзойдённым мастером закулисных интриг. Однако вес и авторитет Троцкого были пока столь велики, что с ними нельзя было не считаться.

Накал в борьбу внесло письмо Троцкого в ЦК от 8 октября 1923 года по хозяйственным вопросам. В нём он назвал сложившееся в партии положение “секретарской иерархией” и обвинил “партийную бюрократию” в кризисе. Через неделю Троцкий подготовил ещё один аналогичный документ, который подписали 46 коммунистов с дореволюционным партийным стажем, среди которых были такие известные большевики, как Антонов-Овсеенко, Осинский, Преображенский, Пятаков.

В конце месяца находящийся уже под решающим влиянием Генерального секретаря пленум ЦК квалифицирует заявление Троцкого как откровенно “фракционное”, и Сталин требует “осудить Троцкого”. В январе Ленина не стало, и многое уже было предрешено. Будучи главой мощного военного ведомства, Троцкий упустил возможность опереться на своих сторонников. Когда же он попытался это сделать, было уже поздно. “Тройка”, и особенно Сталин, в результате последовавших баталий снискала себе известность непреклонных сторонников ленинизма, защитников его учения, не останавливающихся даже перед тем, чтобы решительно развенчать знаменитого вождя, оказавшегося “отступником”. Дискуссия этих месяцев ознаменовалась началом переосмысления истории русской революции. Роль Сталина стала преувеличиваться, а Троцкого – преуменьшаться.

Сталин неуклонно добивался ухода с важных постов в наркоматах по военным и морским делам сторонников Троцкого. За год-полтора были смещены многие командующие округами, армиями, управлениями. Вокруг Троцкого постепенно создавался вакуум. Он продолжал будоражить общественное мнение своими речами и статьями, но было ясно, что он уже проиграл. В январе 1925 года Троцкий был снят с постов наркома по военным делам и председателя Реввоенсовета республики.

Посоветовавшись, “тройка” предложила ему три должности, которые быстро отодвинули опального лидера с магистрали политической жизни на её обочину и должны были погрузить его в рутину будничных дел. Троцкий возглавил Концессионный комитет, Электротехническое управление и стал Председателем научно-технического управления промышленности. Он с головой ушёл в работу, но тем временем в печати продолжалась публикация против “троцкизма”, вспоминались его старые промахи. Между тем, в самой “тройке” произошёл раскол: Зиновьев и Каменев осознали, что, поддерживая Сталина, они готовят почву для единоличного лидера, и повернулись к Троцкому.

В партии в то время шли споры о путях и темпах строительства социализма. Сталин выдвинул концепцию “строительства социализма в одной, отдельно взятой стране”.

Настаивая на зависимости судеб революции в России от международного революционного процесса, Троцкий придерживался прежних леворадикальных взглядов. Такая позиция была противоречива: с одной стороны, утверждалось, что без мирового революционного пожара социализм в Советской России построить нельзя, а с другой — он же призывал к решительным преобразованиям в стране, сверхбыстрым темпам роста экономики, “сверхиндустриализации”, которую тогда можно было произвести только за счёт крестьянства. Такого рода взгляды поддерживали Каменев и Зиновьев. Возникла “левая оппозиция”.

В противовес ей Сталин обратился к будущему блоку “правых” — Бухарину, Рыкову, Томскому. Они выдвинули концепцию “врастания крестьянина в социализм”, подвергли жёсткой критике идею Троцкого и его сторонников, означавшую, по их мнению, “внутренний колониализм” и ограбление деревни.

С явным запозданием Троцкий бросился сколачивать оппозицию Сталину. К нему шли сторонники. Проводились нелегальные совещания. Создавались группы политической борьбы. Делались попытки наладить печатание материалов. Устанавливались закрытые каналы связи. Состоявшийся в октябре 1927 года пленум ЦК принял решение об исключении Троцкого из руководящего органа партии. Троцкий пытается нанести ответный удар: 7 ноября, в 10-ю годовщину Октябрьской революции, во время праздничной демонстрации он и его сподвижники в разных городах развернули лозунги со своими призывами. Однако 14 ноября Троцкого и Зиновьева как главных инициаторов этих акций исключили из партии. На XV съезде в декабре того же года за бортом партии оказались ещё 93 видных деятеля левой оппозиции. Некоторые из них — Каменев, Зиновьев и ещё около 20 человек — покаяться в надежде восстановиться в партии, большинство же, в том числе и Троцкий, отказались от публичного унижения. В январе 1928 года Троцкого выслали в Алма-Ату. Но и оттуда он переписывается с видными деятелями оппозиции, продолжает борьбу.

Изгнание и кончина

Физически уничтожить или бросить в тюрьму Троцкого Сталин тогда ещё не решает, и в январе 1929 года он выслал Троцкого из страны. Оказавшись в Турции на небольшом острове Принпико неподалёку от Стамбула, Троцкий продолжает выступать с серией статей, направленных против Сталина, издаёт журнал “Бюллетень оппозиции”, надеясь распространять его в СССР, публикует фундаментальный исторический труд “История русской революции”, работу “Сталинская школа фальсификаций”, мемуары “Моя жизнь”. Книги выпускались зарубежными издательствами на разных языках, включая и русский. Организации его сторонников возникают в Европе, Америке и Азии. В 1932 году Сталин лишает Троцкого советского гражданства.

Когда Троцкий обращался в посольства европейских стран с просьбой о предоставлении ему въездной визы на постоянное жительство или на время, он каждый раз получал отказ, так как считалось, что революционер-интернационалист станет вмешиваться во внутренние дела государств. Тем не менее, с помощью связей в 1933 году Троцкий прибывает во Францию, однако надолго обосноваться ему там не удаётся, и он перебирается в Норвегию. 5 августа 1935 года норвежскими фашистами на его дом было совершено нападение. Считая, что Коминтерн безнадежно попал в руки сталинской бюрократии, Троцкий выдвигает идею учреждения IV Интернационала и прилагает усилия к её реализации.

Во Франции и Норвегии Троцкий отдавал много времени творчеству. В 1936 году была опубликована книга “Преданная революция”, в которой он попытался дать ответ на вопрос, что такое СССР и куда он идёт? По мнению Троцкого, в стране сложилась крайне противоречивая картина. С одной стороны, режим покоится на государственной собственности и плановой экономике, с другой — на неравенстве и бюрократизме. Поэтому социальный баланс непрочен. И в конечном счёте, победит либо социалистический элемент,

либо буржуазный. Управленческая бюрократия не будет бесконечно удовлетворяться потребительскими привилегиями. Рано или поздно она попытается сформироваться в новый имущий класс, экспроприируя государство и становясь владельцами трестов и концернов. “Привилегии, — писал он, — имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завешания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение её в новый имущий класс” (Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 210). Не это ли случилось в нашей стране после “перестройки”?

Его нахождение в Европе стало ещё более проблематичным после того, как летом 1936 года было объявлено, что в Москве Зиновьев, Каменев и 14 других подсудимых дали показания, что участвовали в заговоре и покушении на жизнь Сталина. Они признались также в работе на гестапо под руководством Троцкого. Суд вынес смертный приговор всем осуждённым. Вскоре советский посол в Осло вручил правительству официальную ноту, в которой указывалось, что Троцкий использует Норвегию в качестве “базы для своего заговора”, и говорилось, что “продолжение предоставления убежища Троцкому... подрывёт дружеские отношения между СССР и Норвегией”. После этого он был изолирован и интернирован.

Другие страны также не жаждали принимать “лидера мировой контрреволюции” вследствие раздуваемого вокруг него остракизма со стороны советских властей и их давления на мировое мнение. Один из его почитателей, мексиканский художник Диего Ривера пригласил его поселиться в своём доме, и в канун 1937 года Троцкий с женой отплыл в Америку.

Первые два года пребывания в Мексике Троцкий был полностью поглощён комментированием продолжающихся московских политических процессов, а затем и участием в организованном демократически настроенной интеллигенцией США, Франции, Мексики и других стран Контрпроцессе, закончившемся вердиктом “Не виновен”. Однако его надеждам на то, что это будет услышано в СССР или окажет заметное влияние на мировое общественное мнение, не суждено было сбыться.

Весной 1939 года с помощью своих американских сторонников Троцкий приобрёл дом на окраине Койоакана, в предместье Мехико. Его стены и ворота были укреплены, у ворот дежурили вооружённые охранники. Они не раз замечали, что вокруг убежища опального революционера стали появляться незнакомые люди.

Последние полтора года своей жизни Троцкий отдал созданию политической биографии Сталина. В последней части книги автор замечает: “В результате серии московских процессов оказалось, что из девяти человек, которые при жизни Ленина были в Политбюро, т<o> е<сть> в верховном учреждении партии и государства, все, за исключением Сталина и своевременно умершего Ленина, оказались агентами иностранных государств. Во главе Красной армии стояли лишь изменники: Троцкий, Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Гамарник, Муралов, адмирал Орлов и пр. Важнейшие советские дипломаты: Раковский, Сокольников, Крестинский, Карахан, Юренев, Богомолов и другие — оказались врагами народа. Во главе промышленности, железных дорог и финансов стояли организаторы саботажа: Пятаков, Серебряков, Смирнов, Лифшиц, Гринько и другие. Во главе Коминтерна случайно оказались агенты фашизма: Зиновьев, Бухарин, Радек. По приказу Троцкого, отделённого тысячами километров, становились иностранными шпионами глава правительства Рыков и большинство народных комиссаров: Каменев, Рудзутак, Яковлев, Розенгольц, Чернов, Иванов, Осинский и другие”. Продолжив длинный перечень вопиющих фактов, Троцкий заключает: “Под этой картиной нужно поставить подпись мастера: Иосиф Сталин” (Троцкий Лев. Сталин. М., “Русский Шахматный Дом”. С. 566).

24 мая 1940 года на дом Троцкого было совершено нападение. Руководил покушением тайный агент НКВД Иосиф Григулевич, а группу налётчиков возглавлял мексиканский художник и убеждённый сталинист Давид Сикейрос. Ворвавшись в около 4 часов ночи спальную комнату, они совершили около 200 выстрелов и скрылись. Услышав подозрительный шум во дворе, Троцкий с женой спрятались под кроватью и чудом не пострадали. Однако Сталин твёрдо решил покончить с ним.

Не прошло и трёх месяцев, как другой агент, нанятый НКВД, испанец Рамон Меркадер проник в пристанище Троцкого и ударом ледоруба по голове нанёс ему смертельную рану. На следующий день 21 августа 1940 года Троцкий скончался.

Ещё раньше не стало всех его четверых детей. Старшая дочь Зинаида покончила с собой в 1933 году. Младшая — Нина — умерла от туберкулёза в 1928 году во время ссылки Троцкого в Алма-Ату, причём ему было отказано в прощании с ней. Старший сын — Лев — после изгнания из СССР почил при загадочных обстоятельствах после операции в Париже, младший из сыновей — Сергей — расстрелян в 1937 году.

Уроки драмы

Не только большое, но и главное *видится на расстоянии*. Драма Троцкого была predetermined не только его гением и чертами характера, но и противоречиями марксизма, адептом которого он оставался до конца своих дней. Неоспоримые достоинства этого учения и мировоззрения сочетались с утопическими сторонами, становящимися всё более очевидными в ходе мировой практики. Однако приверженцы доктрины отказывались признавать это. В результате марксизм всё больше превращался в верование, разновидность новой религии. И, как и прежде, так и теперь в ней появились “инквизиторы” и их противники, наиболее ярким из которых оказался Троцкий. Но и он не выходил за “красные флажки”.

Советская реальность представляла удивительно противоречивый конгломерат. Господствующая над жизнью идеология использовалась партийно-государственной бюрократией как прикрытие для увековечивания своей власти, направленной якобы на коренные интересы народа. Нельзя сказать, что для него вообще ничего не делалось. Делалось, и немало. Плановое хозяйство и распределение по труду, пусть и деформированные, всё же имели место и давали поразительные мир социальные результаты. Антикапиталистическая направленность строя выразилась в запрете предпринимательских свобод, не говоря уже об идеологических вольностях. Главенство командно-административных методов управления и применение насилия обеспечили индустриализацию и быстрые темпы роста экономики. Но затем началась пробуксовка, и стало ясно, что без широкого использования товарно-денежных отношений не обойтись. Однако их допущение наталкивалось на коммунистические табу и всякий раз приостанавливалось. Марксистские догмы препятствовали императивам развития. И оно пасовало перед верой.

Троцкий критиковал советскую действительность и её вождя за бюрократизм и зажим свободы, но не за отход от нэпа. Он признавал гигантские достижения страны при Сталине. Подвергая критике антидемократизм, он показывал, что важнейшая сторона революции была предана и растоптана новым властвующим слоем, а сформированная система далеко отошла от идеалов марксизма. Но он не считал, что ликвидация рыночных регуляторов и внедрение мобилизационных начал не позволяют производительным силам развиваться. Не зря в “Политическом завещании” Ленин писал, что Троцкий слишком увлекается “административной стороной дела”. Эта сторона присутствовала и в “трудовых армиях”, и в проектах “сверхиндустриализации” за счёт эксплуатации крестьянства. Как известно, многое из этого потом у него перенял Сталин.

Не оправдался и расчёт на победу революции в других странах. Капитализм под влиянием Октября социализировался и, используя государственные и плановые рычаги, создал конвергентную экономику, смягчающую экономические кризисы перепроизводства и улучшающую условия жизни трудящихся классов. Последней иллюстрацией этого стали так называемые “базовые доходы” в ряде европейских стран, гарантирующие всякому гражданину достойный минимум средств существования независимо от того, работает он или нет. Таким образом, капитализм, во всяком случае, в наиболее развитых странах снял ряд противоречий, сделал этот строй живучим, а потому вера в победу социализма в Европе или во всем мире стала химерой. А ведь Троцкий считал это необходимым условием для того, чтобы потом был взят на буксир пионер социалистической революции — Россия. Словом, жизнь показала, что на смену

капитализму идёт не диаметрально противоположное ему общество, а то, которое впитывает в себя достоинства как капитализма, так и социализма. Китай пошёл по этому пути первым среди социалистических стран. За ним так же успешно движется Вьетнам. В капиталистическом мире это интеграционное направление особо рельефно выступает в скандинавских странах.

Одна из составляющих марксизма – диктатура пролетариата – также показала своё банкротство. Ни один класс нельзя идеализировать. И в пролетариате имеется немало порочного. Кроме того, партии, выступающие от его имени и вносящие свои идеи в его сознание, способны, как показывает действительность, отрываться от тех, кого они представляют. В их верхах развёртывается жестокая борьба за власть.

Иначе говоря, драма Троцкого питалась многими источниками. Обладание талантами, которых он не скрывал, вызывало зависть и стремление “дружить против” него. Но главное не в том. Диалектика революции в условиях среднеразвитой страны неминуемо вела к возвышению бюрократической прослойки или нового класса, не обладавшего революционно-религиозным рвением, но ставящего на первый план свои собственные интересы. Старая “ленинская гвардия” была выкошена процессами 30-х годов, а новая каста не жила интересами революции.

Призывающий к мировому революционному пожару Троцкий оказался не нужным не только внутри страны, но и за её пределами. Поэтому-то он и стал изгнанником в далёкой Мексике. И в новой России его личность отвергается правящим классом, относящимся с презрением к тем, кто выступал прежде с коммунистических позиций и был бескомпромиссным критиком буржуазии.

Фигура Троцкого – одна из наиболее драматических в мировой и отечественной истории.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

ВСТРЕЧА С ПЕСНЕЙ

Сейчас всё более вырисовывается истина, что наш русский народ (как и другие наши народы) без песни не обойдётся. Если язык — это скрепа, соединяющая страну, то песня — это атмосфера, дающая ей воздух жизни и пространства. Она делает страну жизнестойкой, оптимистической. Не хочу, да и не могу предаваться анализу и оценке песенного творчества — пусть это делают профессиональные критики. Хочу только вспомнить о некоторых моих встречах с песней, её отзвуками в стране.

Патриарх и Царица песни

В майский, светлый, солнечный день на Красной площади был праздник — День русской азбуки, День Кириллицы, День Кирилла и Мефодия. Но это оказался и праздник нашей песни. Открывал его Патриарх Кирилл, с ним царица нашей отечественной, советской песни Александра Пахмутова. Звучали молитвенные распевы в исполнении замечательных монастырских хоров, стройные мелодии русской хоровой классики. Мощные, боевые песни военных ансамблей, звонкие, светлые, детские, пионерские песни детских хоров, известные всей стране. Конечно, это был праздник нашей песни, представление одной из черт нашей стойкости духа, истории и культуры.

Однажды русская эмигрантка в 70-х годах спросила меня: “А вот ваш русский епископ пел не только церковные, но и народные песни, и даже советские — почему?” Я не очень понял её и ответил: “А как же, мы все их пели”. Невдомёк ей, пожалуй, что епископ жил, утверждая дух веры и стойкости в эти годы со своим народом. Епископ этот, исполняя миссию Церкви, был в тот момент за границей, звали его Кирилл (будущий Патриарх). Церковь всегда признавала и утверждала роль музыки, песни в жизни народа. Поэтому столь естественно было место Патриарха Кирилла на этом празднике в День равноапостольных солунских братьев Кирилла и Мефодия, в день торжества русской песни.

Из глубины нашего духа возникли песни “Славное море — священный Байкал”, “Волга-Волга, мать родная, Волга — русская река”. Цокали копыта кавалерии — “По Берлинской мостовой // кони шли на водопой”, отгоняли врага от границы “Три танкиста, три весёлых друга...”, учились “орлята” летать...

Стоящий рядом со мной немолодой человек вытирал слёзы. Прозвучала песня многих последних лет: “Забота у нас простая — // забота наша такая: жила бы страна родная, и нету других забот...”

Красная площадь воссоединила Крым и русскую песню

“Знаете, почему так радостно и светло сейчас на Красной площади? – спросил меня сосед. – Да потому, что русскую, народную, военную, советскую песню присоединили снова к России, как в 2014 году Крым”.

Не знаю, как эти слова можно воспринимать, но точно в том году произошло соединение церковных напевов, народных песен с военными, советскими, пионерскими, ритмическими и лирическими песнями по всей стране. Как бы появился снова в нашей жизни истинный духовный Бессмертный полк. Хотя, скажем чётко, народная традиция песни в стране всегда была у русского и других народов. Песни удалые, раздольные, лирические пели все... Но в определённые дни. Мы в сибирской Марьяновке в 1941–1942 годах дожидались двенадцати часов ночи, чтобы услышать сводку Совинформбюро, услышать из репродукторов звон кремлёвских курантов, а затем “Интернационал”, а по окончании – шум родной Красной площади, гудки, звуки автомобилей. Всё, считали мы, раз автомобили гудят, значит, Красная площадь стоит... На этой ноте шума Красной площади электрический свет, который был до 12 часов, затухал.

Ночь с 31 декабря 1943 года на 1 января 1944 ждали с волнением. Прозвучал новый гимн страны на музыку Александра Александрова и стихи Сергея Михалкова и Габриэля Эль-Регистана. Звучало здорово и уверенно. Михалков позднее сочинял слова и вносил изменения и при Сталине, и при Брежневе, и при Путине. Необычное долголетие и умение определять точные слова. Конечно, Сергею Владимировичу завидовали. Говорят, что Евгений Евтушенко, который тоже участвовал в конкурсе текста гимна страны при Брежневе, сказал при встрече: “А всё-таки ты дерьмо написал, хотя вроде и державные слова...” Михалков, как всегда, слегка заикаясь, ответил: “Дерьмо – не дерьмо, Женя, а вставать будешь”. Так и встаёт весь мир при исполнении этой торжественной мелодии.

Фидель Кастро и “Подмосковные вечера”

И ещё две истории, связанные с песней. После Московского Всемирного фестиваля “За мир, дружбу и антиимпериалистическую солидарность” зазвучали на всех континентах “Подмосковные вечера”. Василий Павлович Соловьёв-Седой, композитор, автор музыки этой чудесной песни, говорил мне на Сочинском фестивале: “Знаешь, как незаметную и, казалось бы, не выдающуюся песню “Подмосковные вечера” вдруг запел весь мир”.

Да, и у нас сначала не все были её сторонниками. Мы, молодёжь из города Николаева, приехав с фестиваля, везде распевали “Подмосковные вечера”. Завсектором печати обкома партии вызвал меня и сказал: “Что вы всё горланите свои “Подмосковные вечера”? Ведь это глупость: “Песня слышится и не слышится, речка движется и не движется...” Что это такое?” Я ответил: “По-моему, правильно: это диалектика”. Мы на замечание внимания не обратили и продолжали петь. Да и весь мир уже пел.

Другая встреча с “Подмосковными вечерами” состоялась на Кубе в 1978 году во время Всемирного фестиваля молодёжи. Там в один из дней фестиваля сам Фидель Кастро пригласил все делегации на приём в громадный парк. Гремела музыка, шли короткие митинги и дискуссии, на вертелах поджаривалось мясо, разливали ром и выдавали по одной кубинской сигаре. К нам, советской делегации, обходя всех, подошёл Фидель. Доброжелательно поздоровался за руку, расспрашивал кто, откуда и кем работает, обнимал смущённых шахтёров и красивых девчат из колхозов. Подошёл и к павильону “Комсомольской правды”, спросил, ездят ли сейчас комсомольцы на БАМ, в тайгу, на целину. Говорим, что ездят, недавно отправили целый отряд из Кремлёвского дворца, прямо со съезда комсомола. Радовался этому. Потом спросил и у меня: “А какой у тебя тираж?” (Обращение на “ты” было принято у революционных барбудос.) Я ответил: “Двенадцать миллионов”. – “Здорово! Я бы с таким тиражом давно бы революцию в мире совершил”. Смеётся. “Ну, а поёте?” – Все закричали: “Конечно!” – и сам Фидель запел с нами “Подмосковные вечера”. Да и как много иностранцев пели “Подмосковные вечера”! Ведь они знали Москву, а песня уже звучала на весь мир, пошла по всем континентам.

Песни с небес. Исаковский

Вот две песни для меня, которые имеют некий знак свыше. Одна – “Священная война”, другая – народный реквием, горький, пронизывающий душу знак того времени “Враги сожгли родную хату...”

“Священная война”, безусловно, пришла сверху, с небес, с божественных высот. Ещё не выступил руководитель страны Сталин, но определились уже цели войны, её особая суть, песня определяла, что эта война – священная. Слово, скажем прямо, не часто встречающееся в лексике тех лет. Она требовала благородной ярости, определения, что сила врага – чёрная, её крылья не смеют “над Родиной летать”. Песня уже в первые десять дней войны стала гимном времени. Музыка Александрова и слова Лебедева-Кумача входили в суть войны, в её душу.

“Враги сожгли родную хату” на слова Исаковского, – конечно, реквием, но не траурной торжественной музыкой входит он в жизнь, а тем грустным звучанием и тихим народным плачем, что звучал многие века над Россией, теряющей своих сыновей и дочерей во имя побед. Всё просто, обыденно и поэтому пронзительно знакомо нашему люду.

“Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью...” – Горе, беда, тоска. – “Куда теперь идти солдату, кому нести печаль свою?” – Поэтому и встал он “на перекрёстке двух дорог” – прошлого и настоящего. Темнота – “Кому нести печаль свою”. Он и обратился к прошлому: “Не осуждай меня, Прасковья, // Что я пришёл к тебе такой. // Хотел я выпить за здоровье, // А должен пить за упокой...” – И далее до невероятной точности горькие слова объяснения: “Я шёл к тебе четыре года, // Я три державы покорил...” – Вот какова цена, вот каков путь. Когда он “пил из медной кружки // вино с печалью пополам...”

Исаковский рассказывал мне, что фактически сложил песню в 1945 году, но не хотел затуманить печалью Победу и, окинув ещё раз взглядом пепелища всей своей Смоленщины, выпустил песню в 1946-м. Она стала народной песней печали о жертвах и цене Победы.

Мы в издательстве “Молодая гвардия” любили нашего поэта Михаила Исаковского. Наверное, он был самый скромный и самый песенный поэт. Всё, что он сочинял, становилось народной песней.

Однажды я лежал в Кунцевской больнице. В палате рядом находился с женой Исаковский. Я заходил, когда он просил посидеть, поговорить. Конечно, расспрашивал о песне. “Вот звучит для всех поколений: “Дан приказ: ему – на Запад, ей – в другую сторону, // уходили комсомольцы на гражданскую войну”, а ведь это из нашей ячейки многие шли на войну, мы их провожали, и именно у нас была заколочена дверь, на которой была выведена ставшая знаменитой надпись: “Райком закрыт. Все ушли на фронт”. А вот “Летят перелётные птицы” я написал, когда должен был улететь из Внуково, но самолёт задерживался. Мы вышли на балкон, вверху летели журавли, курлыкали, было почему-то грустно, улетать не хотелось, появились строчки, что “А я не хочу улетать” и “я остаюсь с тобою, родная моя сторона, // не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна”.

Да, эти слова мы повторяли не раз, отправляясь в дальний и близкий путь. Конечно, я расспросил и про знаменитую “Катюшу”. К нам в Сибирь песня пришла до Великой Отечественной, когда дядя Боря пришёл с Финской войны. Там её уже знали красноармейцы, но мы воспринимали её как песню пограничников: “И бойцу на дальнем пограничье // от Катюши передай привет”. Но вот во время Отечественной она приобрела и грозный оттенок, была услышана в огненных ударах гвардейских реактивных миномётов. Знаменитая “Катюша” исполняла свою песню. Была уверенность, что “того, которого любила и чьи письма берегла”, она “бережёт” и защищает здесь.

В Югославии и Италии партизаны исполняли её как свой боевой марш, немного, конечно, переиначив. Там же, в Кунцево, попросил зайти и Расул Гамзатов в свой изолированный коттедж. Мы выпускали много его книг, а в то время готовили “Мой Дагестан” в переводе Владимира Солоухина. В комнате уже сидели Давид Кугультинов, Мустай Карим, Кайсын Кулиев. Явился и коньяк, конечно же, лечебного свойства. Зашёл разговор о поэтах. Давид поднял рюмку: “Давай выпьем за лучшего поэта в стране Расула Гамзатова”. Я подождал. Давид: “Ты чего не пьёшь?” Говорю: “Я предлагаю тост за всех

лучших поэтов страны и за Расула Гамзатова в том числе”. — Давид напирал: “А кто ещё?” — “Вот Василий Фёдоров. Мы только что выпустили его двухтомник”. — “Но он же умер”. — Говорю: “Только что, а вот хотя бы... Исаковский...” — Давид сопротивлялся: “Но он же такой скромный”. — Я поднял палец: “Вот!” — Расул понял и сказал: “Валерий правильно говорит: “За всех лучших поэтов”, — хитро улыбнулся, — ну, и за меня тоже”.

Да, стихи, песни Михаила Исаковского скромно заполнили пространство России. Особенно они понадобились во время войны. И как это ни кажется неправдоподобным, а то и удивительным, Верховный Главнокомандующий почувствовал их необходимость. В 1943 году, когда уже засветилось зарево победы после Сталинграда, но многое ещё было неясно, Сталин присуждает Сталинские Государственные премии в области литературы и искусства. И одну из первых премий — Михаилу Исаковскому. Главнокомандующий почувствовал живительную, ободряющую, лирическую силу песни. В 1941–1942 годах было, конечно, не до песен, а в середине войны понадобилось найти духовные резервы, и Сталин увидел их, в том числе, и в песне, где Исаковский был подлинным творцом великих текстов. Признание Сталиным роли песни как возвышенной, духовной спасительницы было очень важно в то время. В какой-то момент она сыграла ту же роль, что и слова, сказанные во время парада на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года, когда, как бы обращаясь к прошлому, он сказал бойцам, уходящим на фронт: “Пусть вдохновляет вас образ великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова...” Это был последний духовный резерв Верховного — враг стоял у стен Москвы. Песня тоже должна была влить силы в души наших бойцов, наших людей.

Песня-боец, песня-любовь, песня-надежда — такие песни и сочинял Исаковский. Боевые, романтические, песни любви, песни радости, песни-реквиемы.

Мы в Союзе писателей часто проводили собрания в память жертв сожжённых во время войны деревень. В Смоленской области были сожжены и уничтожены сотни деревень и тысячи, сотни тысяч людей. Весь мир знает о смертоносном лагере Бухенвальд и о тысячах людей, погибших там. А кто знает десятки, сотни смоленских Ивановок, Поповок, Марьяновок с их тысячами сожжённых и убитых жителей?.. Бухенвальд знают все, а те сотни тысяч жертв, погибших жителей Смоленска?.. Бухенвальд — смертоносен! Да, а кто помнит 19 Бухенвальдов, которые гитлеровцы уничтожили на одной Смоленщине?

Исаковский это хорошо знал. Отсюда его печали и тоска, призыв к жизни и памяти об этих Ивановках, Петровках, Марьяновках. Знал и напомнил своим словом, своим творчеством, взывая к жизнелюбию.

Фатьянов

Во владимирских Вязниках “на солнечной поляночке”, где “дугою выгнув бровь, // мальчишка на тальяночке играет про любовь”, шёл праздник Фатьянова... Много лет назад песенный народный праздник в окружении белоствольных берёз, на простой, деревянной, гостеприимной площадке утвердили здесь. Сначала он заиграл всеми красками народной, русской, советской, военной песни. Фатьянов после Исаковского был, может, самым плодовитым песенником. Пелись его “Наш город”, “За заставами ленинградскими”, “Соловьи”, “Где ты, мой сад”, “Золотые огоньки”, “На крылечке твоём”, “Если б гармошка умела”, “Когда весна придёт — не знаю”, “В городском саду играет”. Его песни войны напоминали о Родине, щебетании птиц, о доме, где солдата ждут, на мгновение помогали заснуть на привале, с тихой мелодией, обращённой к соловью: “Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, // пусть солдаты немного поспят”, — ведь “завтра снова будет бой”. Он обращался к вещам и чувствам, понятным и близким людям, — всем нам после войны были понятны чувства фронтовиков, которые тихо и с грустью пели “Майскими короткими ночами, // Отгремев, закончились бои. // Где же вы теперь, друзья-однополчане, // Боевые спутники мои?” Они бы с “ним припомнили, как жили, // Как теряли трудным вёрстам счёт. // За победу б мы по полной осушили, // За друзей добавили б ещё”. Праздник в Вязниках превратился без официального ТВ-пиара в общероссийский. На него приезжали Лев Лещенко, Иосиф Кобзон, Валентина Толкунова. Я был на празднике, когда приезжала

Эдита Пьеха. Она немножко не понимала, куда и зачем она приехала. Потом постепенно поняла, что это народный праздник. Дочь шахтёра, она почувствовала его суть и благодарила за приглашение. И вот эту его суть надо было поддерживать, как народный праздник, праздник русской, советской, армейской и лирической песни. Я далёк от того, чтобы утверждать, что этот праздник сознательно решили погасить, но на 5-м канале ТВ у Караулова почти так и говорили: организатора праздника, главу администрации, посадили в том числе и за это. Всё-таки праздник сохраняется, песни Фатьянова звучат, Союз писателей России поддержал издание в серии ЖЗЛ книги о Фатьянове. Всё близко нам в его песнях, созданных в содружестве с замечательными композиторами Соловьёвом-Седым, Мокроусовым и Блантером. Помню, как в юности я пришёл в Макаровский сквер в Николаеве, где играл духовой оркестр, и увидел, что на скамейке возле моей девушки “нет свободных мест”. Обидно было, но я всё это уже знал по песне.

А в 90-е годы, когда уже не было Ленинграда, а был Санкт-Петербург, питерские болельщики “Зенита” во Франции затаили с призывом к победе “Над Россией небо синее, // Небо синее над Невой, // В целом мире нет красивее // Ленинграда моего”. Французы выслушали внимательно и даже поаплодировали, а недавно сам президент РФ сыграл перед встречей с председателем КНР Си Цзиньпином эту мелодию на рояле, напомнив нам о Фатьянове.

Матусовский

Мне кажется, что почти каждый поэт-песенник (хотя многие из них это определение не любят), каждый автор слов имел своё лицо, свою землю, которые одухотворяли его творчество. Вот ведь Михаил Исаковский впитал в себя в полной степени соки родной Смоленщины – передового рубежа обороны России, её тихой, скромной природы, жертвенности в служении Отечеству – отсюда “Дан приказ: ему – на запад, ей – в другую сторону”, “Уходили в поход партизаны, // уходили в поход на врага”.

Так эта “любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам”, скромность стали основной сутью творчества Исаковского. У второго песенника-чудесника Фатьянова от владимирских Вязников через эту солнечную полянку, где на фронте выпадали редкие минуты отдыха бойцов, возникла его суть, смысл его творчества.

А у Матусовского исток – его малая родина Донбасс, где он впитал гордый и твёрдый шахтёрский дух. И ещё дух глубинной, высокой и неуступчивой России, её прошлого, её истории. Там он работал: и на заводе, и на других работах. Потом закончил МИФЛИ в Москве и начал большую работу-исследование на кафедре древнерусской литературы, писал кандидатскую диссертацию, защита которой была назначена на 27 июня 1941 года под руководством известного специалиста-профессора, а затем и члена-корреспондента Академии наук Н. К. Гудзия. 27 июня уже кипела война. Матусовский ушёл на фронт, и на фронт ему прислали телеграмму: “Учёный совет рассмотрел вашу диссертацию в ваше отсутствие и присудил вам степень кандидата наук за её полную творческую готовность”.

Нет сомнений, что на песенное творческое начало Матусовского повлияло изучение материалов для диссертации, название которой звучало так: “Очерки поэтического стиля древнерусских воинских повестей периода татарского нашествия на Русь”.

Удивительно и промыслительно, что он взялся изучать такую тему и, безусловно, что эта тема стала одним из живительных истоков творчества Матусовского. Дух его песен исходил из былинного исторического прошлого, из того летописного поиска, “откуда есть пошла земля русская”, из восторга древнерусского возгласа: “О, светло светлая и украсно украшенная земля русская!” Отсюда одна из его пронзительных песен “С чего начинается Родина? С картинки в твоём букваре, // С хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе, // А может, она начинается с той песни, что пела нам мать, // С того, что в любых испытаниях у нас никому не отнять”. Недаром эту песню любят те, кто защищает Родину, служит ей. Она была песней нашего поколения. Помните, как её слова подсказывал президент страны подзабывшему текст студенту?

Да, конечно, необходимо познать и знать, “с чего начинается Родина”...

Лев Ошанин

Размашистый певец святой земли России Лев Ошанин родом с Ярославщины, земли Сергея Радонежского, иеромонаха Иринарха Затворника, благословившего в 1612 году на освобождение Москвы от ляхов Минина и Пожарского, сонма святых из Ростова Великого и Рыбинска.

Льва Ивановича Ошанина всегда узнают по его песне “Эх, дороги, // пыль да туман, // холода, тревоги // да степной бурьян”, но и не только по этой.

Особенно любили мы знаменитую, простую, возвышенную, сердечную его песню “Забота у нас простая, // забота наша такая: // жила бы страна родная, // и нету других забот. // И снег, и ветер, // и звёзд ночной полёт, // меня моё сердце // в тревожную даль зовёт”. Она звучала на комсомольских собраниях и сходках, в школе и в вузе. “Пусть всегда будет солнце”, “Издайка долго // течёт река Волга”... “Волгу”, ставшую визитной карточкой Народной артистки СССР Людмилы Зыкиной, она блистательно исполняла до конца своих дней...

“Марш демократической молодёжи мира” был переведён на сто языков и, действительно, его знала молодёжь многих стран. А песня “Пусть всегда будет солнце, // Пусть всегда будет небо, // Пусть всегда будет мама, // Пусть всегда буду я” звучала на всех детских, да и государственных праздниках.

Лев Иванович часто бывал у нас в издательстве “Молодая гвардия”. Мы выпускали его книги, песенники.

... Когда меня “попросили” из “Комсомолки” за публикацию критических материалов о Северном Кавказе, в ЦК объявили, что я против дружбы народов, и число моих друзей сильно уменьшилось. В середине 1981 года мне предложили провести творческий вечер в музее Николая Островского в центре Москвы. Кто будет ведущим? Откликнулся Лев Ошанин. Вёл прекрасно, легко, да и расхваливал меня, что было приятно после синяков и шишек. Наши “патриоты” относились к нему настроенно и задавали вопросы на убой: “А как вы, Лев Ошанин, относитесь к сионизму?” Лев Иванович смотрел на спрашивающего, потом на меня и отвечал сногшибательно: “Я отношусь к сионизму так же, как Валерий Николаевич”. Больше вопросов к нему не было. В конце вечера все спели “Жила бы страна родная, // и нету других забот...”

Пахмутова

Да, Михаил Исаковский со товарищи по песенному содружеству своего времени играли ту же роль, что и Александра Пахмутова с Николаем Добронравовым в 70–80-е годы и сегодня. Они были подлинными властителями песенного мира, а она – царицей советской и русской песни. Трудно представить России без песен Пахмутовой, без объединяющей, скрепляющей роли её песен для нашего народа, народов нашей страны.

Конечно, одним из важных нетленных очагов песни в стране можно считать молодёжь, комсомол, пионеров. При этом, безусловно, главным её источником был народ, его песня продолжала вековую связь поколений. В борьбе с ней были задействованы крупные силы, чтобы выпихнуть, вывести народную песню из быта и жизни молодых. Кто-то захотел оставить только новые политические, революционные или позднее либеральные мотивы в современном песенном творчестве. Слава Богу, это не удалось сделать до конца. Молодёжь, комсомол продолжали традиции. Особенно этому способствовала Отечественная война, а сегодня – народная инициатива Бессмертный полк.

Конечно, комсомол пел “Дан приказ: ему – на запад, ей – в другую сторону...” В 20-е и 30-е годы пели “Молодую гвардию рабочих и крестьян”. Кстати, с этой популярной песней у меня был свой казус. Когда я готовил кандидатскую диссертацию о работе печати в 20-е и 30-е годы, то обнаружил, что в начале 20-х годов в журнале “Молодой большевик” песня “Молодая гвардия” называлась “Песней молодых немецких рабочих”. Позднее появилась приписка: перевод Александра Безыменского, а потом, после 30-х годов, уже стали писать: “автор – Александр Безыменский”. Я опубликовал эти сведения, и Безыменский мне написал: “Да, это так, но зачем вам это нужно? – Конечно, незачем, но чтобы была истина”. Вот ведь как может проявляться правда об истории песен! Да и не только о них.

В 60-е годы ярко вспыхнула собственно молодёжная комсомольская песня. Особенно, став почти комсомольским гимном, песня Льва Ошанина и Али Пахмутовой “Песня о тревожной молодости”. Мы распевали её везде – на демонстрации, в клубе, на собрании, в походе, как бы подчёркивая свою главную цель и заботу. А затем целая серия песен о комсомольцах (“Комсомольцы-добровольцы”). Конечно, наверное, они были заряжены от “Марша весёлых ребят” Лебедева-Кумача и Дунаевского.

В унисон звучали песни А. Пахмутовой на слова С. Гребенникова, Н. Добронравова “Главное, ребята, сердцем не стареть!”, “Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!” (помню, как пел её весь XVIII съезд комсомола в Кремлёвском Дворце). Тут же были песни о комсомоле на целине, на ударных комсомольских стройках В. Мурадели “Едем мы, друзья, в дальние края” и “Расцветай, Сибирь”, Е. Родыгина “Едут новосёлы по земле целинной”, С. Пожалкова “Ребята семидесятой широты” и др.

В общем, комсомол оставался полезной необходимой площадкой для взросления, объединения молодёжи, и немалую роль, что бы ни говорили, в этом играла песня. Она объединяла, входила в глубины народного быта, культуры, профессии. И, если сегодня организации молодёжи не найдут этого соединения, то его найдут их оппоненты. Как я писал в 90-е годы, “на крыльях национальной песни уплыла Прибалтика из Советского Союза”. Да, все мы помним эти массовые хоры в Вильнюсе, Риге и Таллине. Наши чиновники и партийные люди радовались: “расцвет народной культуры”. Так-то оно так, но таким образом вырабатывался дух национального отрыва от СССР, которому мы не смогли противопоставить свою объединительную песню.

И абсолютно уверенно можно говорить, что Александра Пахмутова – царица молодёжной песни, песни юности во все времена.

О А. Пахмутовой и Н. Добронравове в этом смысле надо писать отдельную главу, и я её ещё напишу. Да, что я – у неё тысячи, а то и миллионы поклонников и почитателей. Да, она композитор молодости, которая растёт, но композитор остаётся с ней на всю жизнь. Там, где появляются А. Пахмутова и Н. Добронравов, там всегда радость, свет, вдохновляющая нежность и единение людей.

Мой польский коллега (а в Польше у нас и теперь немало друзей) сказал мне, что наши композиторы даже из железа могут делать песни. А мы тогда громогласно распевали “ЛЭП-500 не простая линия, // и ведём мы её с ребятами // по таёжным дебрям глухим”. И тут же пели про Братскую ГЭС: “Навстречу утренней заре // по Ангаре, по Ангаре... // плывут сибирские девчата”. Мы и не думали тогда о “железе”, пока пели об этом, а думали об этих парнях и девчатах. Пели о себе, о своих товарищах. Молодёжь любила Алю и Николая, встречала их громом аплодисментов. Казалось, её песни и всё творчество для молодых действительно не дало постареть, потускнеть той самой созидательной, памятной части молодых потомков Бессмертного полка.

Вот случай, а точнее, знак времени. На съезде комсомола Алю встретили громом аплодисментов. Когда она вышла на трибуну, – а она небольшого роста, и не всем её было видно, – народ начал вставать, аплодируя, зал буквально закипел восторгом. На этот съезд наши болгарские собратья-комсомольцы передали по красной гвоздике каждому делегату. И надо было видеть, как гвоздики двигались красным веером к трибуне. Балконы и амфитеатр бросали гвоздики в партер. Там, внизу их передавали к трибуне, которую засыпал красный каскад цветов. Из президиума выбежал чемпион мира по борьбе Ивановичий с кучей цветов, взял Алю на руки и отнёс в президиум.

Да, Пахмутова – подлинный композитор молодости, истинный композитор страны, её уверенности, её памяти. На её песне возрастала и возрастала молодёжь, и песни становились песнями всей страны, песнями всех поколений. Их пели все настоящие хоры.

А что касается наших хоров, то назову два-три из них, которые произвели на меня самое большое впечатление. Это, конечно, Омский хор, Северный хор, хор Пятницкого. Его последний расцвет был в немалой степени обязан тому, что в нём приняла живое участие жена Черномырдина. И как бы ни относились к бывшему премьеру, он сам играл на гармошке, сохранил для нас замечательную телевизионную передачу “Играй, гармонь” талантливого семейства Заволокиных.

А Кубанский казачий хор Виктора Захарченко, безусловно, имеет заслуги в соединении русской и украинской песни. Для этого Виктор Гаврилович сделал немало, во всяком случае, больше, чем многие теледиспутанты.

Ну и, конечно, блистательный, непревзойдённый академический хор Владимира Минина, воспитавшего среди своих учеников того же Виктора Захарченко. Когда в консерватории проходили концерты хора Владимира Минина и звучала музыка Георгия Свиридова, в зале всегда были мы со Светланой, Валентин Распутин со своей Светланой, Крупин с Надей, Юра Селивёрстов... И это всегда становилось событием, познанием, великолепием мастерства.

“Знаете, каким он парнем был...”

В апрельский день, скорее, утро, мы ехали из Геленджика после проверки баз подготовки для летнего отдыха студентов из зарубежья и наших ребят. Это были базы дружбы, предназначенные, скорее, для утренней работы в саду и на совхозном поле, а уж если совсем точно, то для того, чтобы в этом труде они знакомились с нашими советскими людьми (многие на всю жизнь), совершенствовались в русском языке.

В машине вдруг раздался торжественный и громкий голос Левитана из приёмника: “Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Передаём сообщение ТАСС о первом в мире полёте человека в космическое пространство. 12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник “Восток” с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника “Восток” является гражданин Союза Советских Социалистических Республик, лётчик майор Гагарин Юрий Алексеевич...” Было что-то потустороннее в этом сообщении, неземное. Оно было о космосе, о полёте туда человека. Там советский человек, Юрий Гагарин.

Представитель министерства весь час буквально стонал: “Но он ещё там... Сядет ли на землю?” На правах оптимиста, хотя я был младше его на двадцать лет, прикрикнул: “Перестаньте скулить, сядет обязательно”. Хотя знал ли я? Знало ли человечество? Но как нам позднее выговаривал великий скульптор Сергей Конёнков после гибели Юры: “Зачем же вы снова пустили его в небо?” Я понимал, что это не мы Юру не уберегли, но Конёнков настойчиво винил нас и с упрёком повторял: “Он же небожитель”, “наш, смоленский”. Юра, конечно, был небожитель, но никаких качеств этого высшего существа не обнаруживал перед нами, был вроде бы такой, как все послевоенные ребята.

А в то утро мы быстро помчались в Минеральные Воды, откуда улетал самолёт на Москву. В столице творилось что-то невероятное: улицы кипели восхищением, толпы молодых людей пели, кричали речёвки, тут же писали на бумаге плакаты: “Даёшь космос!”, “Гагарину слава!” Да и пели всё, что было в репертуаре того времени, казалось, что страна ждала этого полёта. “До самой далёкой планеты // не так уж, друзья, далеко”, – распевала молодёжь. Пели про Родину, её просторы, “Широка страна моя родная”, победные песни войны, выражали песней небывалую радость. Весь город бурлил. Честно говоря, за всю свою более чем 80-летнюю жизнь помню всего два таких всенародных праздника. 9 мая 1945 года – это был неповторимый праздник Победы “со слезами на глазах”, как пелось позднее. И этот праздник 12 апреля 1961 года – праздник восторга, восхищения: “Человек, наш советский человек полетел в космос, и ему всё подвластно и близко”.

Сейчас всё, что связано с Юрием Алексеевичем, уже миф, а тогда было всё ясно и просто: этот человек с нами, а как же – он наш. С комсомолом он дружил, переживал за всё, что было в стране, да и в мире. Вспомню всего два случая. В 1964 году мы в журнале “Молодая гвардия” опубликовали обращение к молодёжи великих наших исполинов: художника Павла Корина, писателя Леонида Леонова, скульптора Сергея Конёнкова “Берегите святыни наши”. Гагарин внимательно всё прочитал и 25 декабря 1965 года выступил на пленуме ЦК ВЛКСМ. Никита Хрущёв только что ушёл. Ещё раздавались его грозные обещания “показать через 20 лет последнего попа”, день 9 мая перестал быть красным днём календаря при нём. Юра, отодвинув в сторону наши бумажки, которые мы ему подготовили, сказал о важной науке для молодых: “Берегите

святыни наши!” Он сказал, что надо беречь и ухаживать за памятниками героям Отечественной войны, и первый сказал о восстановлении храма Христа Спасителя и Триумфальной арки в Москве как памятников героям 1812 года. Комсомольцы заплодировали, комсомольское начальство тоже. Лишь инструктор ЦК партии подошёл ко мне и растерянно спросил: “Как вы думаете, Гагарин согласовал этот вопрос наверху?” Я поднял палец вверх: “Да, на самом верху”. Юрий Алексеевич действительно из поднебесья, из космоса указывал нам путь.

В Артеке, у горы Аю-Даг отдыхали, а скорее, работали, выступая перед моряками и пионерами, комсомольские вожаки и народные артисты. Попал туда и я, когда там был Юрий Алексеевич. Было это, конечно, незабываемо. Сгусток энергии, выдумок, веселья, песен. То затеет волейбольный матч, дав нам фору в одного-двух человек, то в маленьком бассейне соревнование “Ты да я – спортивная семья”. Ну, где нам было угнаться за ним и его девчонками! То коллективная рыбалка, то встреча с артековцами, разучивание песен. Были там тогда и Юра Ельченко с Украины, Аля Пахмутова, Коля Добронравов, Миша Шолохов с красавицей женой и сыном Сашкой, который всё переживал, что я так и не смог овладеть умением кататься на водных лыжах: “Дядя Валера, вот посмотри, у дяди Юры всё получается”. Да, у Юрия Алексеевича всё получалось: он ходил и на одной руке, и с поворотами, даже иногда задом наперёд. Но это же Юра! Вечером сидели у костра, пели народные, советские, военные песни. Юра просил у Миши Шолохова: “Давай казацкие”. Пели их и, конечно, неистощимы были песни и мотивы у Али Пахмутовой и Коли Добронравова. Были и курьёзы – жёны, чтобы проучить нас и чтобы мы, мужики, не засиживались со своими разговорами о политике и спорте, да ещё с пивом, решили запереть после 12 часов двери: “Просите прощения!” Юра жизнерадостно захохотал: “Ладно, это ненадолго. Придут сами. А я вот на бильярдном столе спать буду”. Благо, было тепло. Однажды, когда он припозднился с утра, то сел с моими Светланой и Мариной. Света стеснялась, но Юра расшевелил их. Сказал шестилетней Марине: “Я – Гагарин-космонавт”. Марина всплеснула руками. “Так это тот, кто всегда пьёт кефир. – Почему? – А нам воспитательница в детском саду говорила: “Пейте кефир, будете, как Гагарин”. Юра хохотал.

Затем, позднее, уже из Москвы мы полетели в Вёшенскую к Шолохову. Состоялась по-своему историческая встреча “Молодые писатели у классика современной литературы”. Первые два места в самолёте заняли Сергей Павлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, и Юрий Гагарин, а через проход – Юрий Верченко и я, отвечавшие за содержание встречи. К первым местам стюардесса подвезла коляску с рюмочками коньяка и с бутербродами. Было ясно – Гагарину. Но через какое-то время такую же коляску подвезли и к нам. Выпили, конечно, тоже. Но почему нам-то? Смотрю: Юра давится от смеха. Спросил у стюардессы: “Кто заказал?” Та пожала плечами: “Вот Юрий Алексеевич сказал, что вы первый космонавт, который скоро полетит на Луну”. Подошёл к нему и спросил: “Твои проделки? А почему не сразу на Марс?” Юра хохотал: “Нет, вы лунатики”. Так и остался я тогда с этим прозвищем.

В первый день в Вёшенской писатели встретились с Шолоховым. Был серьёзный разговор, поехали на берег Дона, Юра устроил кутерьму, играл в волейбол, пели за столом. Гости сели за скатерть-самобранку, полную яств, и Юра просил спеть казачьи песни, подтягивал. Затем поплыл через Дон с песней “Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”. Я увязался за ним, переплыли Дон, но уже понял, что обратно не переплыву, и спустился, как бревно, сверху по течению. К вечеру собрались на центральной площади, на майдане, возле церкви, где была возведена эстрада-трибуна.

Мы взошли вслед за Шолоховым и Гагариным на неё. Площадь была живописна. Спереди и сбоку стояли старики в казачьей форме, в галифе с лампасами, но в галошах и в шерстяных носках. Кучками стояли молодницы, молодые женщины, доставшие из сундуков роскошные наряды, цветастые платки, и красавицы-девушки – “чернобровые казачки”. Между ними, расставив руки и изображая самолёты, бегали мальчишки. Шолохов подождал, когда майдан стал стихать, и, потрогав свои рыжеватые усы, сказал слегка хрипловатым, но громким голосом: “Вёшенцы! (Вот так именно: не товарищи, не граждане, тем более – не господа, что звучит сегодня). “Вёшенцы, к нам приехал Юра Гагарин и писатели! Дадим им слово! – Любо!” Не так часто мы

тогда слышали подобное казацкое одобрение: “Любо! Любо!” “Ну, просим, Юра, скажи казакам”. Честно говоря, я ни разу не видел и не слышал, чтобы Юрий Алексеевич так волновался. “Знаешь, – сказал он мне, – волнуясь, как никогда! Шолохов же и казаки”. Я успокаивал: “Да что ты! Расскажи про полёт, про корабль, про то, какое Чёрное море и Дон сверху, ведь ты это видел”. Юра шагнул к микрофону, и затем прозвучало его самое блестящее слово, какое я когда-либо слышал. Гений Космоса рассказывал об ощущении земли из космоса Гению Слова, сыну казачества о том, что единит мир и людей! На следующий день Юрий Гагарин улетел в Комсомольск-на-Амуре, где я был месяц назад, и обнаружил, что город, его жители не награждены никакой наградой. Павлов проверил, внёс записку в ЦК, там приняли решение: наградить. Юра полетел с Дона на Амур. Его везде ждал народ.

Ну и, конечно, Гагарин принёс с собой песни – лёгкие, весёлые, а потом с глубоким раздумьем и горестью – о его гибели. Вот несколько из них. Безусловно, песенный памятник Юре создавали Аля Пахмутова и Николай Добронравов. Счастлив, что присутствовал при первых прослушиваниях некоторых песен из их альбома. У них была выработана привычка: приходиться в ЦК комсомола или в издательство “Молодая гвардия” и исполнять написанную ими песню. Так и случилось в горестные для всех нас дни ухода Юрия Алексеевича. В “Молодой гвардии”, в большой комнате редакции прозы, где собралось почти всё издательство, пришёл и наш постоянный гость, великий полярник Артур Чилингаров. Они исполнили знаменитую песню “Знаете, каким он парнем был?” И, несмотря на общую боль, песня была полна высокого чувства, что с нами рядом жил такой великий человек, подарок земли и неба. Да, они создали эту выдающуюся мелодию о нём “Созвездие Гагарина”, небесную “Нежность”, которую любили исполнять эстрадные певицы, особенно женщины. Аля писала об этом альбоме: “Мне давно хотелось написать песню о Гагарине. На нашей планете нет человека, который не знал бы о нём, о его мужестве и доброте, о его удивительной улыбке.

Может быть, когда-нибудь люди назовут его светлым именем новые звёзды, и не в поэтическом воображении, а наяву засияет над нашей Землёй созвездие Гагарина. О нём будут написаны книги и сложены легенды. А эти первые песни пусть будут просто воспоминанием о нём и благодарностью судьбе за то, что она познакомила нас с этим солнечным человеком”.

На пластинке в исполнении народного артиста СССР Юрия Гуляева записаны четыре песни из цикла “Созвездие Гагарина”: “Запевала звёздных дорог”, “Смоленская дорога”, “Знаете, каким он парнем был?”, “Как нас Юра в полёт провозжал”.

Эта работа – продолжение “лётной” темы, начатой в песнях “Обнимая небо”, “На взлёт”, “Мы учим летать самолёты” и “Нежность”.

Да и другие песенники возвышались до воспевания этого подвига. Долматовский и Мурадели создали торжественный гимн “И на Марсе будут яблони цвести”; Р. Рождественский и О. Фельцман воспели “Огромное небо”, которое уже было одно на двоих. И уж все мы, как и космонавты, распевали о том, что “Заправлены в планшеты // космические карты, // и штурман уточняет // в последний раз маршрут”. И хотя многие из них не курили, но призывали, как на войне: “Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом”.

Да, с Юрием Гагариным высоты и глубины песни принадлежали земле и небу. Да и все они, первые космонавты, светоносные люди дружили с песней и давали для неё образы.

“Песню дружбы запекает молодёжь”

Ещё раз повторяю, то, о чём пишу, не страницы диссертации, не глубокая аналитика того, что происходит с песней и её исполнителями, – это, скорее, мои воспоминания о встречах с песней и её исполнителями в разное время, в разных обстоятельствах.

Вот некоторые из них. 1964 год – должен был состояться Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Делегации собрались ехать в Гану, там переворот, потом – в Алжир, там тоже переворот. Левый, кажется, генерал бен Белла был заменён на вроде нейтрального Хуари Бумедьена. Опять не ясно: куда ехать? Ну, конечно, в Москву, но уже не на фестиваль, а на форум молодёжи мира. Нас вызвал Сергей Павлов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, и сказал:

“Срочно подумайте, чем разнообразить форум как событие международное, политическое, искреннее, знаковое, что ли?” Через день мы пришли с предложением провести Публичный суд над расизмом, сами ещё не представляя до конца, что это такое. Павлову идея понравилась. Он согласовал в “большом” ЦК — там согласились. Поручено это было мне и ответорганизатору отдела Славе Гурьеву, юристу по образованию. По некоторой наивности и молодости мы обратились в ООН, в Британию, Францию, страны Африки. И — о, чудо! На наш адрес КМО (Комитет молодёжных организаций СССР) посыпались письма, материалы, плёнки, короткометражные фильмы, да ещё и в большом количестве. Мы попросили, чтобы главным судьёй был член-корреспондент Академии наук Виктор Михайлович Чхиквадзе, директор Института права АН СССР. Были приглашены судьи из Франции — руководители Ассоциации юристов-демократов, судьи и представители комитетов ООН по борьбе с расизмом, делегации не только молодёжных организаций, но и правительств некоторых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Первое официальное заседание суда прошло в Колонном зале Дома Союзов. Зал был переполнен. Делегации левых, религиозных, консервативных организаций молодёжи, множество журналистов, которые хотели бы узнать, что это такое. Что это за суд? Мы ходили с торжественным видом и молчали, как будто знали до конца, что будет.

А дальше было грозное заседание — объявили проведение Международного суда над расизмом! Наш Главный судья представлял слово многим, кто обличал расизм. Конечно, африканцы, конечно, представители США, где антирасистские настроения нарастали, Египет, подпольщики из ЮАР от самого Нельсона Манделы, сидящего в тюрьме и ставшего всемирным символом борьбы. Это было впечатляющее зрелище! Не часто встречалось у нас, когда свидетель, обличающий расизм, подходил к кафедре и, положив руку на Устав ООН, заявлял: “Клянусь говорить правду и только правду!” Мурашки по коже! После многочисленных свидетельств, допросов, демонстрации киноклипов, разных документов все делегации собрались через несколько дней снова в зале Колонного зала. Ведущий зачитал обвинительный акт, обличающий расизм и его выразителей, и Декларацию молодёжи мира с обещанием бороться против расизма. Весь зал встал, аплодировал, скандировал “Расизм не пройдёт!” Потом все, взявшись за руки, запели “Гимн демократической молодёжи мира”. Громко!

“Дети разных народов, // Мы мечтаю о мире живём. // В эти грозные годы // Мы за счастье бороться идём. // В разных землях и странах, // На морях-океанах // Каждый, кто молод, // Дайте нам руки, // В наши ряды, друзья!” В глазах горел энтузиазм, действительно, тогда чувствовалось единство сотоварищей. Тогда это было незабываемо. Молодёжь поёт, значит, едина. Сегодня ощущаю, что можно и нужно провести суд над современным фашизмом. Он снова поднимает голову в Европе, на Востоке и у нас. Иногда кое-кто пытается щеголять расизмом и человеконенавистничеством. А тогда тот суд вызвал восторг в мире. Было проведено его заседание в Гане (я там бывал), в Индии, на Кубе.

Пакистан и Индия

1967 год. По заданию Комитета молодёжных организаций я был направлен в Пакистан и Индию для встреч с руководителями молодёжных организаций. Пакистан поразил потрясающей нищетой и бедностью. Тысячи беженцев из Индии с безысходным, обречённым выражением лица сидели на корточках в центре Карачи, как бы ждали своей участи. Наш Генеральный консул в этом самом крупном городе страны В. Стукалин был мне знаком по работе в комсомоле города Москвы, он знакомил меня с этим океаном нищеты и рассказывал, что советские капитаны просили в первое плавание направлять наши торговые корабли в Пакистан, чтобы члены экипажей, насмотревшись бед и страданий тут, никогда больше не помышляли о бегстве за границу. Да, пожалуй, это была прививка. Помню, как в Дакке, в самой большой мечети в мире (как говорили хозяева), когда мы поднимались по лестнице вверх, на нас двинулась волна нищих; девушки, скорее, девочки 12–14-летнего возраста протягивали навстречу нам завернутых в пелёнку детей-червячков — столь маломощными и худыми они были. Мы полезли за малыми деньгами в карманы. Сопровождающий нас доктор медицины, председатель Общества

дружбы Пакистана и СССР закричал: “Не смейте – вас разорвут!” – и ударил палкой окруживших нас нищих: “Отходите!” Повернул нас вспять. Было страшно, больно и обидно.

Встречи с молодёжными лидерами состоялись. Они не скрывали смертельных бед, обвиняя США, Англию и Индию. Судить о доли их вины было трудно. В Индии говорили то же самое, но вину Пакистан.

Дальше была Индия. Самолёт в Дели. Правда, перед отлётом туда молодёжные лидеры “подарили” мне номер американского журнала “Ньюс-уик”, посвящённый 50-летию Октябрьской революции, где довольно доброжелательно была описана встреча “молодого энергичного блондина Валерия Ганичева” с американским журналистом, где он, представляя отдел пропаганды ЦК ВЛКСМ, с уважением доказывал, что верит, в конечном итоге, в победу социализма и коммунизма, как и вся советская молодёжь. Пафос был понятен: победа в Великой Отечественной войне, первый полёт в космос, первая АЭС, первый атомный ледокол, спутник и т. д. Ведь, в конце концов, я беседовал с американским журналистом и должен был доказывать преимущества нашей страны, а не философствовать на симпозиуме. Всё бы и хорошо, но мои старания выдать себя только за представителя КМО, хотя таким я тоже был, не удалась.

Вечерами в гостинице мы пели наши песни, как-то нам было с ними спокойнее и надёжнее после всяких бесед с западными журналистами.

Индия. Мои впечатления

Первое – Красный форт в Дели. Для индусов, как Кремль для нас, – святыня. Но в данном случае я был поражён выдающимся соединением в его стенах звука и света с отблесками истории, культуры, духа страны.

Представление в его стенах начиналось глубоким вечером, почти ночью. Над вами – звёздное, тёмное, южное небо. Тихо звучит музыка, просыпается город. Слышны первые шаги идущих, звуки поющих в храме, бренчит медная посуда, зашевелился и загудел базар. Всё звучнее и шумнее город. Крики ослов, мычание священных коров, пастухи победно объявляют: жизнь идёт! И вдруг – столб света. Ещё и ещё одна вспышка, враг приближается, звучит лязг мечей, трубные звуки идущих в атаку слонов. Закрыв глаз, ты слышишь эту смертельную схватку, не зная, чем она закончится. Свет тухнет, враг отступает. Снова в городе спокойно, звучат успокаивающие звуки музыки и снова торжествующие прожектора. Звук и свет – всего два приёма, но вся тысячелетняя история пронесётся перед нами. Впечатляюще! Кто будет в Дели, посетите вечерний Красный форт.

Второй нежный и трогательный образ любви, преданности, образ прекрасной женщины, образ Индии, без созерцания которого вы не поймёте полностью её красоту и её трепетность, – Тадж Махал – мавзолей-мечеть. Отражение в бассейне напротив как бы повторяет его, но в зыбком изображении, которое в любое мгновение может исчезнуть от ветерка, дождя, туманной ночи. Ловите миг созерцания, восхищения, той высшей степени nirваны – наслаждения, в которую может впасть человек.

Ну и то, что потрясло меня в Индии в конце встречи: мы направились в южный штат. Там у власти были левые: коммунисты и наиболее последовательные, как они говорили, сторонники Джавахарлала Неру и Индийского национального конгресса. В этом штате с давних пор было большое количество христиан. Нас пригласили на вечерний праздник-митинг. Принимали приглашение с удовлетворением. Большую, я бы сказал, громадную площадь заполнили десять, двадцать, пятьдесят, сто тысяч человек. А затем, наверное, двести тысяч. Потом полмиллиона! Народ приходил и приходил ещё с красными флагами, сотнями фонариков, лент всех цветов. Хозяева начинают выступать, просят сказать какие-то слова приветствия этим людям. Какие боли и радости у них? Что они знают о нас, об СССР? Хотя, честно говоря, у меня был красивый портрет Гагарина, который я испросил у Юрия Алексеевича подарить от его имени, от нашего издательства в Индии.

Я вышел, музыка играла, передо мной стояла до конца заполненная людью площадь: полмиллиона, 700 тысяч или миллион! Не важно! Большинство – наши друзья. Я поздравил их с праздником, пожелал добра и всего хорошего семьям и близким, успеха в их делах. И мы должны добиваться этого,

у нас есть пример: наш советский человек, наш советский космонавт Юрий Гагарин, и я передаю вам от него привет, пожелания лучшего и портрет с его изображением. “Хинди Руси – Бхай! Бхай!” Этот лозунг нам был понятен. Я поднял портрет и передал его хозяевам. Что тут началось! Площадь замахала флагами, фонарями, извивающимися драконами. Гремело: “Гагарин! Хинди Руси, Бхай, Бхай!” Музыка ещё громче заиграла, перестраиваясь, наверное, на исконный русский мотив. И тут вдруг громко заиграли “Калинку”. Толпа, несколько подождав, подпевала: “Калинка-малинка моя”. Конечно, никогда раньше или позже не слышали мы, чтобы миллионы людей пели “Калинку”.

Откуда здесь, на юге Индостана, взялась “Калинка”? То ли от бежавших от революции и гражданской войны русских эмигрантов (тут их, конечно, было немного, но они были). Штат-то христианский. То ли это ноты двух-трёх русских песен и мелодий, что разошлись по миру после нашей победы в Великой Отечественной войне. Во всяком случае, “Калинка-малинка” звучала на этом празднике, её пели и танцевали сотни тысяч, миллион (!) индийских мужчин в белых одеждах и невиданной красоты женщины.

Улетали мы на следующий день из Дели. К вечеру собрали вещи. Хотелось забрать все бумажки, путеводители, денег на какие-либо покупки не оставалось, да собственно их и не было. Летим в 6 часов утра. К 12-ти часам мой заместитель Володя Прокопов, издатель из КМО, прилёт с большой головой. Я тоже готовился прилечь, и вот интересно: почему-то запечатлелось, как укладывал вещи наш переводчик из КМО Тимур Улуг-Зоде, как он нервно ходил по комнате, пил воду, что-то рвал и бросал в мусорный бак. Я ему сказал, не оглядываясь: “Ложись, завтра рано летим”. Он что-то буркнул и вышел на внутреннюю галерею-балкон гостиницы. Минут через пять я почему-то забеспокоился и вышел посмотреть, где он. На балконе его не было. Я разбудил Прокопова и послал поискать Тимура. Володя ворчал: “Куда он денется?” Через 10 минут Володя вернулся и сказал, что портёе сообщил, что Сахиб Тимур сел в такси и уехал в Британское посольство. Такси было местное при гостинице и уже приехало. Позвонили консулу. Тревога. “Ладно, еду!” Он приехал, рассказывает: заехал в американское посольство, там сообщили, что у них советского гражданина нет. Мы уехали на следующий день с тяжёлым сердцем. Да, член советской делегации из КМО из Института восточных языков Тимур Улуг-Зоде за границу ездил не раз. Позвонили нашему послу: “Что делать?” Он буркнул: “Да уезжайте сами-то”. Потом, уже позднее, я узнал, что в эти дни там перебежали Светлана Аллилуева (Сталина) и наш шифровальщик. На душе было горько и тревожно. Удивил только первый разговор с докладом о случившемся. Тот, кому я докладывал, по-видимому, уже знал о случившемся и без особого сокрушения сказал: “Да, ладно, чем больше там такого дерьма окажется, тем лучше”. Я, конечно, вздохнул свободнее, хотя и не всё понял. Через несколько дней сотрудник КГБ пришел расспросить об обстоятельствах бегства Тимура, сына члена ЦК КП Таджикистана, писателя Сатыма Улуг-Зода. Снова подбодрил меня: “Да вы не расстраивайтесь: он ведь не политический враг, он бежал как гомосексуалист в Англию. Там это разрешается”. Да-а-а, во-первых, слово гомосексуалист, я, воспитанный при тоталитаризме, узнал, только когда поступил в университет. Как и то, что это не политическое обвинение.

А Индия осталась в памяти светом, музыкой и историей Красного форта, великой красотой любви и страной восхитительного Тадж-Махала. И о том, как миллион или даже полмиллиона вдохновенно кричали: “Хинди Руси, Бхай, Бхай!”, танцевали, пели русскую “Калинку” (“Калинка-малинка, малинка моя...”).

Белогорье

Ну, и Белгород, где по старой доброй традиции продолжают смотры самодеятельности, задорные соревнования хоров и отдельных исполнителей. Когда я устаю от столичной суеты, то вечером включаю телеканал “Мир Белогорья”, где звучат народные хоры, певцы распевают русские песни и где проводятся свои конкурсы, подобные московским “Ты – супер!” и “Голос”, но считается незачетным спеть не только на английском, но и, в первую очередь, на русском языке.

В санатории “Красиво”, где я раньше подлечивался и отдыхал, поют везде, ездят на концерты и пьесы в Белгород, ранее – в Харьков (он тут рядом), но и у себя песенная конкуренция высока. Вечерами самая важная встреча – в зале клуба, где соревнуются в песне сначала дети сотрудников. Все равны, хотя часто бывают и обиды. Авторитет Галины Дмитриевны Черкашиной, бесменного директора санатория, успокаивает всех, даёт возможность повторять номера, удивительно, но все выигрывают. Главное – умение. А затем девичьи хоры, неизменно побеждающие парней, но до поры до времени, те, вливаясь в общий хор, смиряют девчат. Да и чего ссориться – все поют! Милые и профессиональные психологи вообще прописывают отдыхающим музыкотерапию. Отдыхающие, многие из которых находятся здесь по социальным путёвкам (ветераны, женщины с большим животиком), таким способом тоже лечатся. Да, в Белгороде песня звучит! Так недавно ТВ-программа “Мир Белогорья” получила серьёзную премию “Прохоровское поле” за утверждение, защиту и пропаганду высокого духа наших боевых традиций и высокого духа победы.

Глава писательской организации области Владимир Молчанов, прекрасный поэт, получивший Большую литературную премию Союза писателей России, написал хрестоматийную (на мой взгляд) поэму “Баян”. Он и сам блестящий гармонист. Вместе со всеми исполняет на встречах с писателями России во время литературных Прохоровских чтений свои песни. А коль вот так поёт, то и хор литераторов выстраивается. Его замечательная жена Надя – блестящий архитектор. Храм, спроектированный ею, стоит возле здания Белгородского университета. В Белогорье в последние годы храмов построено больше, чем их было до революции.

На недавних Прохоровских чтениях наш современный классик Владимир Крупин сказал охавшим ребятам из многих провинциальных областей: “Почему у нас не так? Дороги плохие, клубы не работают, школы закрывают? Надо клонировать губернатора и его товарищей”. Правда, тут же вспомнил советскую быль. В 1929–1930-х годах во все области пошла телеграмма Наркомата земледелия: “Создавайте колхозы!” Через три дня из Биробиджанской еврейской автономной области пришёл ответ: “Колхозы созданы – высылайте колхозников!” Вот так кто-то хочет и клон губернатора иметь, и колхозников получить. Нет, друзья, надо и губернатора, и колхозников-земледельцев вырастить у себя, а тогда и петь, и созидать можно вместе.

Бунинские места

А вот Липецкая область, город Елец, Бунинские места. Пытаемся защитить деревенскую школу, которую закрывают, “оптимизируют”, что напоминает недоброй памяти линию “неперспективных деревень” так называемого академика Заславской. Вроде мы тогда школу отстояли. Но через несколько лет её всё-таки добились. А тогда в Ельце, в местном университете на выступлениях писателей было полно ребят, девчонки плачут на выступлениях лауреата Патриаршей литературной премии воина-афганца Виктора Николаева, которому Бог оставил миг, чтобы хирург смог вырезать смертельную опухоль в его голове после тяжёлого ранения. Как на войне, так и в гражданской жизни ему было нелегко, он писал книгу “Безотцовщина”, собирая материал в тюрьмах и колониях, где содержались подростки. Вопросов была тьма. Тут же выступил самодетельный ансамбль “Червлёный яр”, состоящий из 3-х человек: архитектор, певица и гармонист-композитор (Александр Новосельцев, Наталья Миронова, Владимир Комаров). Они посвятили свою деятельность юным. Вокруг них собрались мальчишки, образовался небольшой хор “Русь державная”. Они поработали вместе с Сергеем Котьяло и Мариной Ганичевой над созданием Движения юных ушаковцев. Появились песни и гимн юных ушаковцев:

*Гордо реет Андреевский флаг
Над бескрайним простором синим,
На далёких морских рубежах
И над нами — во славу России.
И примером для всех моряков
Служит, Господом нашим хранимый,
Адмирал боевой Ушаков —
Легендарный и непобедимый.*

И эти боевые и талантливые коллективы стали хорошими друзьями Союза писателей России, побывали с нами в Белгороде и Смоленске, на родине Твардовского, в Бресте и Калуге, в Можайске, Москве и Вологде, где к ним присоединился неунывающий гармонист, способный, кажется, играть для наслаждения слушателей и день, и ночь, – Владимир Топоров.

Композитор Владимир Комаров написал множество песен на стихи поэтов-современников. Спасибо нашим бескорыстным и замечательным друзьям!

Ищу песню

Когда в 80-е годы я начал писать историческое повествование “Росс непобедимый”, затем книгу “Ушаков” – о русском Черноморском флоте, Новороссии конца XVIII–начала XIX века, – то, естественно, важно было собирать исторические документы, находить свидетельства той эпохи в жизни, языке, быте, организации общества. Безусловно, было важно почувствовать: пели ли тогда и что пели? Пришлось засесть за словари, сборники стихов и песен. Да, таковых было выпущено немало.

Фёдор Ушаков родился на Волге, где у его сельца Хопылёво стоял бакен, предупреждающий об отмелях своим светом ночью. У бакена был хозяин, бывший морской служитель, который, как можно себе представить, рассказывал разные истории тех лет.

Вот одну из них – о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии земли Флоренской – я нашёл в тех справочниках. Василий Кариотский, о котором пелось и рассказывалось, усердно учился, всё мореходное дело изучил и был приглашён в Голландию – сам Цесарь принял его на службу. В общем – история-песня запевалась о службе и о крушениях, о разбойниках, захвативших флорентийскую королеву, которую Василий спас, и она за это вышла за него замуж. В общем, и море, и корабль, и подвиг, и любовь.

А когда Фёдор Ушаков вышел из Кронштадта в первую экспедицию, в поход вокруг Скандинавии в Архангельск, то тут прямо легла в текст матросская, хоровая, работающим морякам помогающая ставить паруса песня:

*Собирайтесь, ребята,
На крутую гору
Ко царёву кабаку,
К молодому челноку,
Чтобы вино пить.
Барабаны стали бить.
Барабаны пробивали,
Нас молодцев вызывали,
Чёрны шляпы надевали,
Ины шляпы сы перами
Называли киверами.*

Матросы под песню проворно тянули канат, ставили паруса. Конечно, тут и залихватское продолжение:

*Две девушки танцевали,
Два молодца нас звали для того
Полюбить было каково.*

Боцман объяснял Фёдору: запевала Тимофей у нас мастак, знает всякие работные, палубные, плясовые, печальные, чужедальные, войсковые, солдатские, моряцкие песни. Да, моряк пел.

“Росс непобедимый” весь пересыпан песнями. То Ломоносовская ода:

*Пою премудрого российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вёл войну,
Сквозь страхи проходя, вознёс свою страну.*

А вот при сожжении казацкого хутора украинская дума:

*Ой над Бугом над рікою,
На турецькій границі,
Там стояли пікінери,
З ними компанійці.*

Тогда на Кинбурне раненый Суворов победил, и родилась солдатская песня:

*С предводителем таким
Воевать всегда хотим,
За его храбры дела
Закричим ему “Ура!”*

Песня обростёт словами и станет песней сопровождающих Суворова чудо-богатырей. И тут же плач, дума казака, скорбящего о бедной разграбленной Украине:

*Зажурилась Україна,
Що нігде прожити:
Гей, витоптала орда кіньми
Маленькі діти!
Ой, маленьких витоптала,
Великих забрала,
Назад руки постягала,
Під хана погнала.
Ой, гогоги нам уступаты,
Чего боимося?
Ой, хоч орды бикгато йде,
Мы им недамося.*

Или солдатская песня того времени: “Ныне времечко военно // От покоя удалённо. // Флот турецкий подступает, // Турок на косу сажает. // И в день первый октября // Восходила их тут тьма”.

В конце исторического повествования в русской армии, прошедшей с Суворовым всю северную Италию и неприступный Сен-Готард, узнают, что их великий полководец, “отец солдат”, умер. И опять песня тех лет:

*Одну думу думали, —
Гнать любого ворога,
И с тобою, батьку,
З ворога мы тешились.
И завжди то з радістю
Мы на всю Русь-матиньку
Славили Суворова.*

Так без песни Россия не обходилась во все века, и представить её только можно с таковой песней народа, человека, любви.

“Песня дальних дорог”

Ушаков прощался с островом Корфу (Керкира), с его жителями: “Хочу всем обывателям благосклонности Божией, тишины и спокойствия на островах. Я же всегда останусь вашим покорным слугой и доброжелателем”.

Священник Дорморос снизу перед Ушаковым повёл рукой от людей и как бы извлёк из них голос, которым заполнил всю площадь: “Великий адмирал! Ты спас нас! Ты покорил нас силой своей доброты. Ты един с нами в Вере. И ты всегда будешь с нами, усталыми и страждущими, надеющимися на лучшее, греками. И мы уже не трепещем перед Западом и Востоком, потому что мы знаем: с нами непобедимая православная Россия, за нас великий Адмирал!”

Он протянул выкованную местными умельцами медаль, на которой было написано: “Мужественному и храброму спасителю и победителю”, — и, отдав её, осенил адмирала крестным знамением.

Ушаков смахнул слезу. Все эти жители: торговцы, моряки, врачи, рыбаки, — повинувшись единому чувству, запели. Они пели какую-то греческую песню,

сохранившуюся, может, от Древней Эллады, когда провожали аргонавтов, или ходили с ней “из варяг в греки”, или пели её бесстрашные купцы, вглядываясь в горизонт. Это была песня прощания и грусти. Это была песня дальних дорог. Ушаков понял это и шагнул в шлюпку.

Военная песня

Армия. Вот помню, с каким восторгом мы, мальчишки, сопровождали курсантов в Омске, которые шли уверенным шагом и пели: “От тайги до британских морей // Красная армия всех сильней!” Как, казалось, здорово и размашисто: “Красная армия всех сильней!”

В Сибири, где я жил до войны, нам ближе был восток, его оборона: “На границе тучи ходят хмуро, // край суровый тишиной объят, // у высоких берегов Амура, // часовые Родины стоят”. Тут же звучал и вальс “Амурские волны”, и песни гражданской войны, а после – “По долинам и по взгорьям // шла дивизия вперёд, // чтобы с боем взять Приморье, // белой армии оплот”.

В 1969 году я в первый раз был в Америке и, конечно, представился послу Анатолию Фёдоровичу Добрынину. Он был из той школы отечественных дипломатов, которые много читали и хорошо понимали книгу. Я привёз ему книги издательства “Молодая гвардия”. Он просил рассказать о новых авторах, спрашивал, что пишет М. Шолохов, К. Симонов, а потом спросил, хочу ли я встретиться с американскими издателями. Хочу, конечно, но и боязно. “Но сначала сходи, тут рядом, в “Магазин русской книги”, который организовал наш эмигрант Камкин. Увидишь много интересного”. Конечно, я нашёл россыпи редких книг всего мира, вышедших на русском языке. Хозяин присматривался: кто мы? И, наконец, спросил, не из Занзибара ли? “Мы из Советского Союза”. Он как бы пропустил название страны мимо ушей и спросил ещё: “Чем вы занимаетесь в России?” Я ответил: “Издатель, директор издательства “Молодая гвардия” в СССР. – Да это же серия “Жизнь замечательных людей”! Мы выписываем её из России”. И снова непростой вопрос: “А почему у вас в серии нет биографий А. Суворова, М. Кутузова, П. Нахимова, Ф. Ушакова?” Отвечать было нечего, мы только начинали перестраивать ЖЗЛ, превращать её в серию великих людей Отечества. “Хотите водочки?” – спросил он. “Нет”. – “Ну, давайте кофе. А вот у меня недавно был один ваш советский генерал и даже песню пел: “И останутся, как в сказках, // как манящие огни, // штормовые ночи Спасска, // Волочаевские дни”. Да это же “Разгромили атаманов, // разогнали воевод // и на Тихом океане // свой закончили поход”. Я тогда сказал: “Да, я там был, и у Волочаевки мы долго сражались. – Помню, – сказал генерал, – там слева пулемёты били. – Да, вот там, слева, я как раз и был”. Тогда мы с генералом выпили за друзей, погрустили. Слава Богу, больше в соотечественников не стреляю. А песню эту я запомнил”.

Песни про Красную армию, вообще, армейские песни гремели и в 20-х, и в 30-х, и в 40-х годах. Песни Отечественной войны – разговор особый. После войны песни были в лучах победы.

*Над тобою шумят, как знамена,
Годы наших великих побед.
Солнцем славных боев озарённый,
Весь твой путь в наших песнях воспет.*

*Несокрушимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед,
Тебе, любимая, родная армия,
Шлёт наша Родина песню-привет,
Шлёт наша Родина песню-привет!*

До 60-х годов в армии, в тех военных лагерях, где нас обучали, нередко звучали песни про Сталина:

*Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!
Из сотен тысяч батарей*

*За слёзы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!*

И это казалось естественным, когда мы топали в полном обмундировании, в скатках с лопатками и ручным пулемётом на плечах. Потом эти песни стали стихать и исчезли к 60-м годам, оставаясь звучать лишь за столами подвыпивших однополчан.

А во время войны и сразу после, главное — фронт и тыл: “Наше дело правое, победа будет за нами!” — В. Лебедев-Кумач и А. Александров, “Тёмная ночь” — В. Агатов, Н. Богословский, “Землянка” — А. Сурков, К. Листов, “Вечер на рейде” — В. Чуркин, В. Соловьёв-Седой (его же — “На солнечной поляночке” и др.). Неистощимый М. Исаковский — “Огонёк”, “В лесу прифронтовом”, “Под звёздами балканскими”, “Враги сожгли родную хату” и др. А великая песня-стих Р. Гамзатова в переводе Н. Гребнева, музыка Я. Френкеля — “Журавли”.

Ю. Мелентьев рассказывал, что многие уговаривали Расула заменить одно слово песни: “джигиты” на “солдаты”, чтобы пели её не только на Кавказе, что превращало бы её во всероссийскую, даже во всемирную песню. Расул согласился. Вот что значит изменить в песне одно слово!

Народный исток

Конечно, главный исток песни — народ. Об этом свидетельствуют многие исследования историков, культурологов, музыковедов, да и, в первую очередь, сама жизнь.

Поэты России создавали действительно народные песни. Как твёрдо заявлял композитор М. Глинка, “народ создаёт музыку, а мы её только аранжируем”. И уже с конца XVIII — в XIX веке и позднее авторские тексты становились народными, и уже нет смысла многие из них не считать народными.

В большинстве песенников песня “Славное море, священный Байкал” объявляется народной, хотя слова в ней Дмитрия Давыдова, правда, подправленные народом. “Дубинушка” тоже объявляется народной, хотя такой её сделал великий русский талант Фёдора Шляпина, а в основе даже три стихотворения (В. Богданова, Л. Трефолева и куплет А. Ольхина) и один бурлацкий напев. “Степь да степь кругом” — в основе стихи И. Сурикова, а музыка народная. А уж у Некрасова каждая песня народная: и знаменитые “Коробейники” — “Ой, полным-полна коробушка...”, и “Что так жадно глядишь на дорогу...”

Песни великих поэтов становились изысканными романсами, к примеру, “Я помню чудное мгновенье”, “Я Вас любил” А. С. Пушкина. Да у него всё пелось! Помню, как уже в 60-х годах услышал от бывших суворовцев “Как ныне собирается вещей Олег...”

А пронзительные “Я встретил Вас” Ф. Тютчева, “На заре ты её не буди” А. Фета, “Утро туманное” И. Тургенева, “Выхожу один я на дорогу” М. Лермонтова и многие другие. Всё выстраивалось в песню у русских поэтов — столь музыкальны были их стихи.

И вот тут становится ясным, что песня для нашего народа — это его душа, его память от того времени, когда Боян возложил свои персты на струны, которые рокотали, от тех летописцев, которые воспевали Русь как землю “светлым-светло” украшенную, от автора “Слова о полку Игореве”, где вся ткань поэзии пронизана песенным духом.

Душа нашего народа была в песне. Н. Гоголь писал: “Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых брёвен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают города. Под песни баб пленяется, женится и хоронится русский человек... Всё дорожное дворянство и не дворянство летит под песни ямщиков. У Чёрного моря безбородый, смуглый, с смолистыми усами казак, зарывая пицаль свою, поёт старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьёт острой кита, затягивая песню. Какая непостижимая сила влечёт к тебе? Что в ней, этой песне? Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце?”

И все, и, в первую очередь, русские мудрецы-поэты говорили о песне как о душе народа, передающей своё прошлое в настоящее и будущее.

Ножкин

В 60-е годы я был новичок в столице. По театрам, художественным галереям и на музыкальные вечера я ходил, но сколько надо было вечеров потратить, чтобы постичь культуру Москвы, её ценности, узнать её предпочтения. Думаю, что и сегодня познание до конца не произошло.

Но вот в 1965 году молодёжь Москвы пригласили на большой новогодний бал в центре Москвы в Кремлёвский Дворец съездов. Это было большое событие – Кремль распахнул свои двери перед тысячами граждан. Мы ходили по Дворцу, радовались, кругом звучали песни, выступали группы певцов, музыкантов и любимых цирковых мастеров. Вдруг все засуетились и побежали в зал. Концерт! Ведущие сказали свои слова, Александровский хор пропел громкие “Виваты победы”. Объявляют: “Выступает Михаил Ножкин!” Спрашиваю: “Кто это?” Окружающие смотрят с недоумением: “Да это же сегодняшней бард”. Слово “бард” я знал, но что это современный модный певец, не знал (кстати, Михаил это определение не любил, он был песеннотворец). Вышел молодой красивый парень с гитарой и под шумные аплодисменты начал песню: “А на кладбище всё спокойненько”: там нет ни милиции, ни воров – всё приличненько и достойненько и т. д. Зал взорвался. Михаил поклонился и пошёл со сцены – была, наверное, договорённость петь одну песню. Но публика неистовствовала. Михаила просить было не надо, и он запел “Нам нового начальника назначили!” Хохот, шум. В чём дело? А только что сняли Никиту Хрущёва, а новые начальники ничуть не лучше, намекалось в песне. Народ вообще любил потешаться над начальством. Миша понял, что надо спастись бегством из зала. Не помогло! 30 лет после этого его не приглашали во Дворец съездов.

Нынче Михаил Ножкин – человек уважаемый. Он и во Дворце съездов проводил свои вечера, и в Колонном зале Дома Союзов (в прошлом Дворянском собрании), и в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя. Его особенно любят и даже по-своему боготворят десантники, собровцы, омовцы, разведчики. Когда последний раз объявлялось, что в 3-й раз будет проходить конкурс на сочинение гимна страны, многие считали, что такой Гимн у страны есть – песня Ножкина “Я люблю тебя, Россия, дорогая наша Русь”, украинская берёзовыми ситцами. Да и нынче М. Ножкин нам нужен и с лихой студенческой песней “Опять от меня сбежала последняя электричка”, и с набатной песней, исполненной им в 90-е годы, “Где ж ты, Иван Калита”.

Мне всегда была мила вроде бы простая, но напоённая тревогой, грустью и любовью песня из кинофильма “Освобождение”:

*Мы так давно, мы так давно не отдыхали,
Нам было просто не до отдыха с тобой.
Мы пол-Европы по-пластунски пропахали,
И завтра, завтра, наконец, последний бой.
Ещё немного, ещё чуть-чуть...
Последний бой, он трудный самый.
А я в Россию домой хочу,
Я так давно не видел маму...*

Зал всегда подпевал. Когда мне было 80 лет, Михаил Иванович в зале Церковных Соборов пропел несколько песен, а когда он начал “Последний бой, он трудный самый”, к нему подошла ведущая вечера Катя Стриженова и запела вместе с ним. Пришлось подняться с первого ряда и петь. Зал встал и пел: “А я в Россию, домой хочу, // я так давно не видел маму...”

Когда был у него вечер, посвящённый 70-летию, в Колонном зале Дома Союзов, я приветствовал его от Союза писателей, подарил саблю, что было понятно – “боец-певец во стане русских воинов”, потом обратился к залу: “Наша власть, несмотря на ряд обращений, не приняла решение, чтобы русские писатели, как писатели Чечни, Осетии, Якутии, могли получать звание народный писатель или поэт России. Но если власть не хочет или боится, давайте проголосуем и демократическим путём определим, что Ножкин Михаил

Иванович – народный поэт России. Кто “за”? Зал зааплодировал, и все подняли руки. А вы “за”?

“Шагом, братцы, шагом...”

А вот песня, которая возникла на наших глазах. Мой предшественник, директор “Молодой гвардии” фронтовик Иван Мариенбург – фамилия, прямо скажем, странная для фронтовика. Он, ругаясь, объяснял: “Да, это помещик, немец из Ивановской области дал своим крестьянам, ещё крепостным, эту фамилию”. После войны он начал хлопотать, чтобы сменить её, но это оказалось нелегко, и только с помощью первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. Шелепина (впоследствии он стал его помощником) получил фамилию от имени своего отца Василия – Васильев. Он сочинил боевую песню на слова и немудрёную музыку. Писатели-фронтовики бодро исполняли её, особенно в ресторане ЦДЛ. Иван Стаднюк, Михаил Алексеев, Анатолий Никонов говорили: “Ну, давайте, братцы, шагом” и запевали; мы, если были с ними, подтягивали:

*Шагом, шагом,
Шагом, братцы, шагом
По долинам, рощам и оврагам.
Всю Европу за три перекура
Мы прошли от Волги и до Рура.*

*Шагом, шагом,
Шагом, братцы, шагом
По долинам рощам и оврагам,
Океан нам тоже не препона,
Потому что с Волги мы и Дона.*

*Шагом, шагом,
Шагом, братцы, шагом
По долинам, рощам и оврагам,
Так пройдем мы, полные отваги,
Так пройдем до города Чикаги!*

*Шагом, шагом,
Шагом, братцы, шагом
По долинам, рощам и оврагам.
Господам из всяких разных штатов
Не дадим забыть, что мы солдаты.*

*Шагом, шагом,
Шагом, братцы, шагом
По долинам, рощам и оврагам.
Мы за мир, но наши автоматы
Не дадут забыть, что мы солдаты.*

Песня была немного милитаристская, послевоенная, когда Победа была ещё совсем рядом, а потому всё-таки оптимистическая. В общем, “Шагом, шагом, шагом, братцы, шагом!”

Татьяна Петрова

Ну, а вот берегиней нашей народной песни можно назвать Татьяну, вернее, Татьяну Юрьевну Петрову. Она без устали в 80-х и 90-х годах носилась по стране, помогая народным коллективам, защищая, пропагандируя, продвигая русскую песню. В каком-то смысле она была народной артисткой, на концертах которой тысячи её поклонников в разных областях России заполняли залы. Исполнение “Прощания славянки” поднимало с мест тысячи людей. Когда мы ездили по многим патриотическим собраниям и митингам, стояло ей запеть “Встань за Веру, Русская земля!”, люди вставали, в общей сплочённости и единении.

Она бывала с нами и на Днях святого праведного Фёдора Ушакова 5 августа в Санаксарском монастыре в Мордовии (раньше Тамбовская губерния). От Москвы не близко, 600 км. Заезжаем в Скопин, в Свято-Дмитриевский монастырь, затем Всероссийский лагерь гостеприимства в посёлке Умёт. Едем дальше, поём. Перед монастырём дорогу преграждает свадьба: давайте выкуп. Даём какие-то рубли. Жених говорит: “Я тебе обещал, что будет прибыль”. И тут Таня на всю степь запела “Свадьбу”: “Широкой этой свадьбе было места мало, и места было мало, и земли”. Невеста сказала: “Я тебе говорила, что будет радость!”

Так и во всё Таня радостна, оптимистична и с лукавинкой.

Когда ехали обратно, тоже, конечно, пели, больше, естественно, Таня. Предложил сыграть, вернее, спеть песни о наших землях, городах, посёлках. Начали издали: “Ну, что тебе сказать про Сахалин? // На острове нормальная погода... // А почта с пересадками летит с материка // До самой дальней гавани Союза, // Где я швыряю камешки с крутого бережка // Далёкого пролива Лаперуза...” Заодно мы узнали, что Лаперуз – француз, путешественник по просторам России. А затем о лихих эскадронах приамурских партизан – “Штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни”. Ну, это Владивосток, Благовещенск, Хабаровск. “По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах” – это Байкал, Иркутск. Тут же из Якутии Кола Бельды уверенно обещает: “Увезу тебя я в тундру”. Энергичные ребята поют: “Нам не страшен и вал девятый, // и холод вечной мерзлоты, // ведь мы ребята, ведь мы ребята // семидесятой широты”. А ещё западнее, но тоже северяне пели “У Печоры, у реки, где живут оленеводы и рыбачат рыбаки”, “Нарьян-Мар мой, Нарьян-Мар, // городок не велик и не мал...”

А чуть южнее – “Долго будет Карелия сниться”, тут же рядом о городе-легенде:

*Над Россиею
Небо синее,
Небо синее над Невой,
В целом мире нет,
Нет красивее
Ленинграда моего.*

И, конечно,

*Город над вольной Невой,
Город нашей славы трудовой,
Слушай, Ленинград, я тебе спою
Задуманную песню свою.*

Ну, а о Москве невероятное количество песен, не знаю, есть ли у других столиц в мире столько же.

Вспоминаю один трогательный, грустный и знаковый случай. В 1964 году я был с группой молодых музыкантов, певцов, артистов цирка в Швеции по приглашению шахтёров, пели на их вечерах. В один из дней пребывания к нашей гостинице подлетела группа мотоциклистов, окружила нас, никого не пропускает: убили президента США Кеннеди. Полиция объясняет, что для нашей безопасности. Подошла делегация шахтёров из полярного города Кируны. Шахтёры заявили: “У нас на вечере будет безопаснее”. Пришли в громадный спортивный зал – набитый. Наши музыканты из Литвы, циркачи из разных городов, певец-бас Ким Базарсадаев из Улан-Удэ. Он, по-моему, только три песни исполнял, арию из оперы, бурятскую народную и “Вдоль по Питерской”. Когда затянул “Эх, по Тверской-Ямской // еду к миленькой”, балка сверху треснула и упала вниз. Публика встала, долго аплодировали. Ну, уж эти русские!

Потом к нам подошёл один шахтёр и сказал, что был во время войны в оккупированной немцами Норвегии и как там после освобождения из концлагеря пели наши земляки, уезжая на Родину. “Только не помню, какую. Напойте ваши песни”. Поём “Катюшу” – нет. “Подмосковные вечера” – нет! Потом он сам стал напевать. Да, это же “Утро красит нежным светом...”! “Москва майская”!

*Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся Советская земля.*

*Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город,
Сердце Родины моей!..*

Запершило в горле. В арестантских робах, на костылях, с палочками, поддерживая друг друга, они радостно выходили из ворот концлагеря и ехали на Родину. Мы знали, что там будет тяжело: кому – снова на фронт, а кому – в лагеря в Сибири, а они пели “никем непобедимую страну мою, Москву мою...” Вот сила духа!

Адмирал Шишков: “Патриоты нужны в опасное время”

Одна из интереснейших русских общественных фигур, эрудит, писатель, политик, защитник традиций нашего флота, исполин патриотизма, судьба которого ярко показывает, что, когда приходит опасность в Отечество, требуются патриоты. Этот человек, ставший и Министром народного просвещения, и адмиралом, и Президентом Академии Российской, и одним из оплотов русской культуры и духа в конце XVIII – начале XIX века, решительно выступал за русскую песню, за её слова как опору в утверждении нашего духа, сплочённости и единения. В своё время, когда я учился в школе и университете, Шишков представлялся как заскорузлый консерватор и даже мракобес, противостоящий А. Пушкину (в своём Обществе “Беседы любителей русского слова”), что не только не соответствовало действительности, но и явно противоречило словам Пушкина об адмирале.

Но откуда нам было это знать в сельском украинском райцентре, а те, кто любым образом “мочил патриотов”, патронов не жалели.

Это потом я, изучая материалы и источники, понял великое место в истории Отечества этого творца, художника и мыслителя. Но ещё несколько слов о нём и предмете суждений, которые имеют отношение к моей статье.

Известно, что он стал идеологом Александра I в первой Отечественной войне, в борьбе с Наполеоном. Его патриотические воззвания на вторжение Бонапарта, призывы создавать ополчение, обращение к жителям Москвы сопротивляться врагам, радостное одобрение приезда Кутузова в армию делали дух народа крепче. Либеральные помощники Александра I (Черторыйский, Новосильцев, Сперанский) ушли в отставку. Понадобились патриоты.

В 2014 году мы напечатали в “Роман-журнале” и в “Новой книге России” “Разговор о русской песне” А. Шишкова. Ещё раз эта статья убеждает нас в том, с какой заботой выдающиеся люди России, её словотворцы, писатели относились к нашим песням и их исполнению. А. Шишков пишет, что “его радует содержание русских песен... Прекрасные мысли и выражения. Видно, что Музы, убегая иногда от учёных, любят посещать простые хижинки... Во всех новых песнях (учёных людей), напротив, виден ум и редко слышен голос чувств, сердца. Старинные песни, напротив, суть лирические рассказы о весьма различных собой происшествиях. В них есть и воображение, и сила, и огонь, и язык страсти”.

Далее Шишков приводит пример старинных песен и слов. На искусство составления частей, на истину мыслей и на силу выражений обращает внимание автор. Так, он приводит одно прекрасное нравственное размышление, показывая истинное различие между печалью, которая съедает материнское, ничем неутешимое сердце, и той, которую молодость чувствует только временно. В песне:

*Мать плачет, как река льётся,
Сестра плачет, как ручей поёт,
Молодая жена плачет, как роса падёт:
Красно солнышко взойдёт, росу высушит.*

Какое величавое и естественное сравнение! Русская песня, говорит автор, имеет “язык сердца, истинное чувствование”. И примеры, примеры, не могу остановиться, читайте, братья, наслаждайтесь статьёй. Поэтому я и послал её некоторым знакомым композиторам. Владиславу Чернушенко, знаменитому хормейстеру, дирижёру выдающейся Санкт-Петербургской хоровой капеллы (на своё 70-летие Валентин Распутин приехал в северную столицу, где его приветствовал хор, песнями которого Валентин наслаждался, а потом капелла приехала в полном составе из Петербурга в Союз писателей, в наш зал, чтобы приветствовать его с юбилеем).

В конце – замечательные слова автора, созвучные и сегодняшнему времени: “Воспитание, свойственное русским в России, укрепляя тела и души, удаляло разум от рабского заимствования. . .

Предки наши подражали одной Природе не только звуками слов, но смыслом и обилием Русского слова одушевляли песни свои, повести и грамоты. . . Когда бы при нынешнем воспитании особенно учились русскому языку, тогда, по словам Сумарокова, “исчезли б пухлы оды, и не ломали бы языка природы”.

Вот так – завет великого предка: учиться русскому языку! И читайте книги Шишкова!

Беседа на кухне

Моя повесть “Тульский энциклопедист” о Болотове, вышедшая в 1987 году, начинается встречей людей разных характеров, взглядов и мыслей. В ней обсуждаются многие вопросы российской жизни, её культуры, истории, необходимости следовать ей или отвергать её уроки. При всём их различии, они были все созидательные патриоты своего народа, страны, культуры и духа. Тогда состоялся разговор о преобразователе, учёном экономисте, практике, литераторе и агрономе, невиданной энергии человеку Андрее Тимофеевиче Болотове. О его жизни поговорили, поставили ряд вопросов о его деятельности, решили узнать о нём побольше. Об этом и идёт дальнейшее повествование, о том, сколь блестящий, сколь выдающийся урок созидания он представил для нас, для России, о том, что было бы важно более полно знать о нём, о его великом опыте. Этот разговор состоялся в начале перестройки, и тогда казалось, что пришёл период созидания, а не перестройки-перестрелки, как оказалось.

Собрались, обсуждали вопрос, вроде бы спокойно, о песне. Можно бы было бы привести эту беседу в начале, смысл её важен, как мне кажется, и сегодня. Такая беседа идёт и сегодня среди моих товарищей. Итак, о чём говорили?

Да, песня, музыка, мелодия важны для страны, для народа. Но не затухает ли она? Не теряет ли корни, связи со своим народом, с его прошлым? Или под влиянием времени стихийно прекращает своё существование, всё меньше обращается к традиции, разрушает её.

В России дореволюционной, советской и сегодняшней всегда было несколько очагов, где песня береглась и звучала. Это, конечно, армия, это молодёжь-комсомол, это клуб-культура, это радио, это кино, это и скамеечка-завалинка.

Несколько моих собеседников сокрушались, что народ, сообщество граждан не поёт, как раньше. И хотя это часто напоминает ностальгические воспоминания стариков, что в наше время всё было лучше, но потери налицо. Почему? Говорим о некоторых. Раньше хоры были во всех школах, вузах; армия пела, шагая в строю; её ансамбли были лучшими в стране, вечера самодеятельности проходили в каждом клубе, композиторы писали не только для себя, но и для народа, филармонии постоянно проводили вечера песни, гордостью предприятий, заводов, колхозов были духовые и струнные оркестры, которые возглавляли колонны трудящихся на праздниках Первого мая, 7 ноября, которые тоже шли с песнями. Сам помню, как по Киеву в такие дни шли по Владимирской от Университета до Крещатика, пели, танцевали. То же было и в Москве, когда тысяча молодогвардейцев со знамёнами, полученными в соцсоревновании, шли от Сухаревской до Красной площади, пели, подтанцовывали, подогревались и, подтянувшись на Красную площадь, кричали: “Ура!” Можно сколько угодно скулить, что людей заставляли, но они и сегодня вспоминают дух и песни тех лет.

Если народ не единится песней, то это большая потеря для его единства. Русский народ всегда пел: и в радости, и в спокойствии, и в раздумье, и если сегодня не найдутся те силы и энтузиасты, которые возродят это, продолжат и утвердят снова песенную суть и дух людей, мы немало потеряем в своём сплочении.

Надо беречь и вспоминать не от случая к случаю русскую песню, народную песню, как это делают, например, на родине композитора-народника А. П. Аверкина, в небольшом городе Сасово Рязанской области. С какой любовью собирают здесь ежегодно, уже двадцатый год (!) народные коллективы и певцов со всей Земли Русской на Всероссийский фестиваль народного творчества, посвящённый Александру Аверкину. Как бережно и трогательно руководство и жители Сасово готовятся к этому фестивалю, встречают гостей, дают разлиться по широким рязанским просторам русской песне! Вот бы так везде! А чего стоит единственный в России «Музей русской песни»! Право слово, позавидуешь доброй завистью Сасово и сасовцам, да и порадуешься, и погрустишь, что не можем мы этого увидеть и узнать, не нужно это нашим СМИ и нашему пиару.

Постоянно идут письма в редакцию нашего журнала. Самые разные мнения звучат в них. Наши читатели благодарят Станислава Юрьевича Куняева за его книги по истории русской поэзии, за его публицистические труды, в частности, его книга “Жрецы и жертвы холокоста” всегда вызывает живой интерес. Немало писем, обращённых в редакцию журнала с сетованием, что трудно стало достать журнал, местные власти не выделяют средств на подписку библиотекам. В таком случае мы всегда говорим нашим дорогим читателям: соберитесь и в складчину выпишите наш журнал. Были примеры, когда люди выписывали журнал на свои средства и передавали его экземпляры в библиотеки для всеобщего прочтения. Это самый верный способ донести слово правды, которой всегда был и будет привержен “Наш современник”, до каждого сознательного русского человека и до каждого россиянина. “Наш современник” — журнал всего народа России, он всегда служил и будет служить людям. А вы, наши читатели, поддержите наш журнал, с вами мы выстоим и победим.

НЕСДАВШИЙСЯ “НАШ СОВРЕМЕННОК”

ЖУРНАЛ ВЫПИСАЛИ “ПО ПРОСЬБАМ ТРУДЯЩИХСЯ”

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Пишет Вам Галина Старкова из села Пыщуг Костромской области. Помните, где Вы жили в детстве во время войны и где окончили начальную школу? Конечно, помните! Как у Рубцова: “Я помню деревню Ниолу, где кончил начальную школу...”

Работники библиотеки сказали мне, что в прошлом году Вы проездом из Вологды навестили Пыщуг и были в библиотеке, что Ваши коллеги поехали из Вологды в Ярославль коротким путём, а Вы выбрали длинный — через Пыщуг. Жаль, я не знала, могла бы встретиться и лично сказать Вам: “Большое спасибо за журнал!”

Я несколько лет регулярно читала его, а потом по каким-то даже непонятным причинам читать перестала, а может, и не находила. Читала деревенскую прозу. И вот уже третий год снова читаю журнал. Нашла у своих добрых знакомых списанные из библиотеки номера и читаю. А в библиотеке беру и читаю за 2014–2016 год. Читаю и радуюсь: “Какую золотую жилу для себя нашла!”

Много лет читала деревенскую прозу В. Белова, В. Распутина, В. Крупина, В. Астафьева, Е. Носова, а также Л. Леонова, В. Солоухина, В. Чивилихина. Читала и перечитывала. А в 1998 году в городе Никольске Вологодской области как собкор областной газеты “Северная правда” была на фестивале “Поветлужье” и на улице встретила В. И. Белова. Я поздоровалась и сказала: “Вот это сюрприз! Василий Иванович, я читаю деревенскую прозу и грею душу... Читаю Ваши книги, Распутина, Крупина, Астафьева...” Поначалу он с интересом слушал меня, а когда я произнесла в этом ряду фамилию Астафьева, он как-то помрачнел, махнул рукой и пошагал. Я долго недоумевала. И только спустя годы, благодаря вашему журналу, прочитав переписку В. Линника с В. Астафьевым, а также Вашу статью “В борьбе неравной двух сердец”, я поняла, что обласканный ельцинской властью и подписавший позорное “письмо 42-х” Астафьев выпал из этого ряда. Действительно, слова порой бывают много лучше самих людей. И Бог ему судья. Мог и заблудиться, непростое время было. А за книги, конечно же, ему спасибо. И за “Последний поклон”, за “Царь-рыбу”, “Пастуха и пастушку”, за хорошие рассказы.

К Василию Ивановичу Белову отношусь с огромным уважением как к писателю и как человеку неравнодушному, мастеровому: восстановил в деревне храм, в доме Александра Яшина на Бобришном угоре сделал своими руками стол! Мне это всё запало в душу, и когда я увидела у шарьинского художника Владимира Фёдорова картину, выполненную в стиле маркетри, то купила её. Там пейзаж, удивительно похожий на Бобришный угор. Также приятно, что с Н. Рубцовым они были друзьями.

Благодаря вашему журналу, а именно публикации писем, как-то по-новому, более ярко предстали В. Белов, В. Распутин, В. Крупин. Зимой 2014 года я была у дочери в Москве. Утром по телевизору услышала информацию, что умер Валентин Распутин, и в Храме Христа Спасителя состоится прощание. И я поехала, чтобы поклониться великому писателю, кого называют “совестью России”.

Вот сейчас перечитываю дневники В. Распутина; воспоминания о нём. Читаю и поражаюсь его прозорливости, способности разглядеть двадцать лет назад то, что происходит сейчас в отношениях со славянскими народами. Ещё раньше это сумел разглядеть Достоевский.

Большое спасибо Вам за книгу “Любовь, исполненная зла”, правда, читала я её в электронном виде. Спасибо, что журнал очень достойно пишет о Николае Рубцове. Читаю всё, где вижу фамилию талантливого поэта, соседа-воложанина. “Звезда полей” к воложанам и костромичам одинаково близка. Недавно в Москве купила сборник Н. Рубцова “Тихая моя Родина”. Выучила полтора десятка стихотворений и повторяла про себя, когда шла по московским улицам, сидела в очереди в поликлинике. Повторяю и сейчас, когда сижу с удочкой на реке, когда занимаюсь огородными делами. И так моей душе в эти минуты уютно. А замечательные детские стихи про зайца, про ласточку, про воробья, про ворону читала своему внуку, и он их тоже выучил.

Многие строки его стихов я знала и раньше, прочту и запомнится, а потом, когда купила сборник, поняла: да это же всё Рубцов! Приятное было открытие.

А разделу “Очерк и публицистика” в журнале вообще цены нет. Для меня это тоже клад. Давно слежу за политиком С. Глазьевым. Но где бы я прочла то, что напечатано у Вас? С большим интересом читаю А. Казинцева, В. Кожина, радуюсь, что нахожу подтверждение многим своим мыслям.

Журнал открыл молодых авторов. Мне по душе слог, стиль Е. Тулушевой, Ю. Убогого. Да всех просто не перечесать, я не всё прочла, и впереди новые открытия.

Прочла отзывы на Вашу книгу “Жрецы и жертвы холокоста”. А вот книгу саму пока не нашла, в библиотеках её нет, нет и журналов за 2010 год. Но я попросила библиотеку заказать книгу в области по межбиблиотечному абонементу, так что надеюсь прочесть.

Жаль, что библиотека из-за нехватки средств не выписала журнал на I полугодие 2017 г., и вряд ли я теперь смогу его найти, но постараюсь. А на II полугодие “по просьбам трудящихся” журнал выписали! Будем читать. Ещё раз спасибо за журнал, мой поклон Вам и всему творческому коллективу.

С уважением

Галина Старкова
Село Пыцуг, Костромская обл.

ЧТО ОСТАЁТСЯ ДЕЛАТЬ КАЗАКАМ? – ВЫПИСАТЬ НАШ ЖУРНАЛ!

Дорогой Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Спешу выразить Вам огромную благодарность за Ваш большой совместный с сыном Сергеем труд – книгу, изданную в серии ЖЗЛ “Сергей Есенин”! Многое для меня явилось в ней новым. Теперь мы живём без Вашего журнала, так как ростовское правительство, возглавляемое губернатором Василием Голубевым, не дало денег нашей библиотеке, чтобы она смогла подписаться на журнал “Наш современник”. Теперь читатели перечитывают Ваши старые журналы, а что ещё остаётся делать?.. Кому пожаловаться нам?..

Уходит наше поколение, рождённое в начале тридцатых годов прошлого века, наверно, всему свой срок! А Вы, Станислав Юрьевич, когда устанете за рабочим столом, то включите диск с нашими казачьими песнями и послушайте,

как живём мы на Верхнем Дону. Последняя песня “Мишенька” посвящена матери Михаила Шолохова Анастасии Даниловне Черниковой.

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов!

С самым искренним уважением к Вам

Валерий Павлович Муховиков

Станица Вёшенская, Шолоховский район, Ростовская обл.

ПРИМЕР ДУХОВНОГО ПОДВИГА

Земной Вам поклон, Станислав Юрьевич, и сердечная благодарность за бесценную книгу воспоминаний. Это летопись развития и тяжёлой болезни любимой Руси. Это пример Вашего духовного подвига и личного мужества, стояния в истине, мудрости, борьбы в полном окружении в условиях безнадежного поражения с полчищами сил сатаны. Это встаёт для нас, как лик неустрашимого русского пророка!

Искренно и преданно

Юрий Шурманов

г. Невель, Псковской обл.

ПУБЛИКАЦИЯ В ЖУРНАЛЕ – ОТВЕТСТВЕННЫЙ ШАГ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Большое спасибо за письмо и книги, которые Вы прислали. Очень приятно, что такой человек, как Вы, следите за моей общественно-политической деятельностью и во многом разделяете мою точку зрения. Ваши книги я обязательно прочту.

Позвольте выразить особую благодарность за Ваше предложение публиковаться на страницах “Нашего современника”. Я понимаю, насколько это ответственный шаг – решиться на публикацию в столь серьёзном издании. Буду очень признателен, если поделитесь со мной Вашими рекомендациями по поводу того, какие темы лучше затронуть и каким образом их раскрыть.

Ещё раз спасибо за Ваше внимание ко мне и моему творчеству. От всего сердца желаю Вам и Вашим близким здоровья, успехов и благополучия во всём! А также примите самые искренние поздравления с наступающим праздником Великой Победы!

С глубоким уважением

Генеральный директор
киноконцерта “Мосфильм”,
кинорежиссёр

Карен Шахназаров

г. Москва

“...ДУХА РУССКОГО ОПЛОТ”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Недавно я побывала в Москве, зашла в редакцию журнала “Наш современник” и приобрела Вашу книгу стихов “Сквозь слёзы на глазах...” (Избранные стихи). Прочла её на одном дыхании с огромным интересом. Свои восторги по поводу Ваших стихов я высказала своим друзьям, и мы решили провести литературное мероприятие, посвящённое Вашему творчеству. Подготовившись, Саратовский Рубцовский центр объявил о предстоящем вечере, на который пришли те, кому близка Ваша поэзия.

Своё выступление член Союза писателей Михаил Муллин начал с цитирования биографии из написанных Вами мемуаров. Отметив Вашу позицию патриота, подчеркнул огромную заслугу – сохранение журнала в самые тяжёлые для страны времена, назвал ряд авторов журнала, публиковавшихся на его страницах: В. Кожин, Н. Рубцов, А. Передреев, Ю. Кузнецов и других. Были зачитаны некоторые интересные познавательные эпизоды, например,

о том, как Багрицкого выдвигали на место второго Пушкина и чем это закончилось. Отстаивая в спорах свою позицию и ограждая русскую литературу от вырождения, Вы печатали в журнале действительно талантливых русских авторов, разоблачали разрушителей русской литературы, Вы не только прекрасный мемуарист и яркий публицист, но и как поэт тоже преуспели.

Рассказал М. Муллин и о посланной им в журнал своей рецензии, получив которую редакция сообщила автору, в каком номере журнала она будет опубликована, и к тому же ему была прислана книга в подарок.

Восхитился выступающий и тем, что Вы до сих пор не выпустили перо из рук и что журнал “Наш современник” пользуется спросом, и тираж журнала самый высокий среди всех толстых журналов. Кроме того, М. Муллин прочёл несколько Ваших стихотворений.

Следующий выступающий – Елизавета Данилова (Мартынова) – главный редактор журнала “Волга-XXI век” – сообщила, что общалась с Вами в редакции, куда зашла, чтобы купить книгу “Любовь, исполненная зла...” При личном общении пару лет назад её поразило то, что Вы, москвич, живо интересовались литературной ситуацией в Саратове. Рассказала о встрече с Вами на форуме молодых писателей, где Вы читали главы из своей книги с присущей Вам объективностью. Отметила потрясающую реакцию слушателей, а также Ваши высокие ораторские способности, чёткость суждений, гражданскую смелость, умение “разложить всё по полочкам” и довести выбранную линию до конца. Вначале ей казалось, что Ваши образы как публициста и поэта расходятся, но потом, присмотревшись внимательно, отметила, что и в том и в другом жанре Вы выступаете целостно: это один и тот же человек, пишущий о существенных вещах. Подчеркнула Ваши блестящие способности критика. В завершении своего выступления она прочла несколько стихотворений, взятых из Вашей ранней книги “Свиток”.

Поэт Владимир Андреев прочитал своё стихотворение, где есть такие строки: “В те перестроечные годы воспринимать наш стал народ // Несдавшийся “Наш современник”, как духа русского оплот”. Он зачитал отрывки из Ваших статей о Глазунове, Проханове, Клыкове и о других интересных личностях. Подчеркнул замечательное свойство журнала – обратную связь с читателем, чего нет у других изданий.

Далее шло моё выступление, где я показала приобретённую книгу Ваших стихов, которую ещё никто не видел в Саратове, – “Сквозь слёзы на глазах...” Зачитала вступительную статью, с которой начинается книга, и продекламировала из неё 12 стихотворений.

Следующий выступающий – Инна Роганина – рассказала, что несколько лет назад увидела в библиотеке книгу о С. Есенине, написанную Вами в соавторстве с сыном, Сергеем Куняевым. Поскольку эту книгу в Саратове невозможно было купить, то она долго искала её, и наконец-то ей привезли её родственники из Санкт-Петербурга. Теперь эта книга является у неё настольной.

В завершении вечера, посвящённого Вашему творчеству, Людмила Белецкая зачитала несколько стихотворений из Вашей книги “Путь”.

Собравшиеся на мероприятие читатели, неравнодушные к поэзии вообще и пожелавшие познакомиться с Вашим творчеством, высказали удовлетворение от полученной возможности это сделать. Никто не хотел покидать уютного зала, и долго ещё обсуждали впечатление от услышанного. Желали Вам здоровья и долгой плодотворной работы на благо России.

С большим уважением к Вам

Любовь Чиркова,
руководитель Саратовского Рубцовского центра
г. Саратов

СПАСТИ РУССКИХ ЛЮДЕЙ В ДОНБАССЕ!

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Обращаемся к Вам как к одному из справедливых руководителей средств массовой информации с просьбой разъяснить ситуацию по Крыму и Донбассу. Ведь по международному праву всё решает воля народа на референдуме. Насколько мы понимаем, в прошлом веке, когда присоединяли Крым и Дон-

басс к Украине, никто мнение народа, там живущего, не спрашивал. Значит, эти территории не могут считаться украинскими. И в 1991 году в Беловежской пуще Ельцин вполне мог потребовать возвращения этих земель в состав России при разделе СССР. Признание же Крыма и Донбасса украинскими территориями проистекает от исторической малограмотности прежних руководителей нашей страны.

Поэтому просим Вас задать вопрос по этому поводу кому-либо из сведущих авторитетных юристов и опубликовать ответ на страницах Вашего журнала. Ситуация же сейчас на Донбассе крайне обостряется, дело идёт к полномасштабной войне между бывшими братскими народами СССР. Думается, что все покойные императоры России и руководители СССР в гробу переворачиваются от этой катастрофической ситуации. Они бы давно уже послали армию и спасли бы русских людей, которых убивают в Донбассе! Что говорить, даже Лев Троцкий, в 1918 году занимавший пост Предреввоенсовета республики, и тот направил части Красной армии на Украину, после чего Петлюра, Скоропадский, а потом и сам Махно в Париже уже мемуары писали!

С глубоким уважением от лица пенсионеров Смоленска

Леонид Максимович Козловский

От себя же я хочу рассказать следующую историю. 1944 год. Белоруссия. Я с мамой находился в одном посёлке Минской области и был свидетелем, как батальон бандеровцев под контролем немцев загружал в эшелон угоняемых в Германию наших женщин. Многие женщины были с детьми. Перед вагонами детей отбирали и бросали в канаву, маленьких пристреливали. Я не говорю про Хатынь и десятки других деревень, сожжённых со всеми жителями теми же бандеровскими отрядами, которыми руководили немцы. И вот последний шаг — власти Украины готовят закон о полном запрете русского языка во всех сферах жизни. Как жить русским Одессы, Херсона, Николаева и Донбасса? А как быть с 90% русского населения Крыма? Отдать их снова под власть Украины? Я в 1957 году бродил по Крыму (тогда Хрущёв передал его Украине) и слышал в адрес кукурузного Никиты только нецензурные выражения. А что Украина хочет сделать с Донбассом? Один киевский политик сказал, что всё население Донбасса надо пропустить через концлагеря. Знакомый почерк! И что удивительно — “цивилизованная” Европа поддерживает все эти выходки современных бандеровцев. А что думает делать президент России В. Путин, который ведь громко обещал защитить людей, если прольётся кровь на Донбассе. И вот уже кровь льётся три года, а Путина там всё нет и нет... Очень много непонятного в позиции Российской власти.

Л. М. Козловский

г. Смоленск

“СКАЖИТЕ, ДОРОГОЙ “НАШ СОВРЕМЕННОК”, КАК ЖИТЬ?!”

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Решил обратиться к вам за советом. Долго думал, но расскажу. Недавно прибыл из армии, сейчас несколько остыну после неё, потому что осадок плохой остался, так как там беспорядок. Сейчас думаю, как быть дальше, образование юридическое есть — бакалавр, но дальше хотелось бы продолжить учиться, а может, и поменять специальность, потому что понял, что это не по мне, да и люди в этой среде сейчас не те, что прежде, их же нужно палкой гнать! Не так давно случайно взял ваш журнал, и меня приятно удивило, увидел я здесь что-то своё, слово мне родное и близкое. Так мало его в нашей среде, в интернете, всё куда-то затерялось, и до правды добраться сложно. С некоторых пор я стал очень сильно интересоваться ситуацией в стране и мне не безразлично, что происходит вокруг. Переоценил я очень сильно свои взгляды с тех пор, были у меня в жизни такие события — потери близких, предательство и др., и... любовь. До сих пор вспоминаю её, и кажется, что мы были единое целое, уж так похожи, но так друг другу главного и не сказали... но это другая история...

Мысли и поступки людей интересней, тем более, как я считаю, здесь и спрятан основной “двигатель”. Начал я копаться в себе, полез на книжную

полку и много интересного для себя нашёл. Ставил себе другие вопросы, чем сверстники, а они только пренебрежительно говорили, зачем тебе это надо, не забивай голову. Сложно найти верную дорогу, когда тебе вкидывают горы информации, и среди неё – лишь подлая ложь. А что им? “Газетчик этому рад, потому что для него обман – прямая выгода”. Высшее образование принесло разочарование. Видя некомпетентность преподавателей, их эгоизм и лицемерие, тотальное взяточничество, где уж тут до знания и понимания! Армия так совсем закрепляет результат: выбивает всё, что ты получил, и даже год, проведённый в ней, – это невероятно сложно среди непролазного мрака и грязи, а ведь это “элита” – Семёновский полк.

Жил я, и теплилась надежда и вера в лучшее, представлял, что тут я всего год, и это закончится. Читал я литературу, как нашу – русскую, так и зарубежную, пытался искать истину, по ягодке и целая корзина набралась (наша несравненно глубже). Политика, философия, история – всё интересовало меня и интересует. Самое пристальное внимание обращал на XX век. Что же произошло там, в нашем недалёком прошлом? И чем больше узнавал, тем более ясная и полная картина вставала передо мной (в том немалая заслуга вашего журнала, за что и спасибо вам). У меня был первый учитель, советской выучки, директор школы в недавнем прошлом, научивший меня рано языку и букве. Сейчас ему 90 лет, и недавно я был у него в гостях. Боже! Как он был рад нашей встрече! “А! Мой первый ученик, – говорил он, – что ж ты сразу не сказал, а я тебя и не узнал”. Я звонил, договаривался об удобном времени. Голос мой огрубел – время и злость окружающих тому причиной. Мы добрых полдня сидели, вспоминали, во многом наши точки зрения сошлись, и мне интересно было видеть в своём учителе свидетеля эпохи. Поэтому не только книги, а может быть, даже больше очевидцы расскажут тебе, что и как было, кто был злой, а кто добрый и воевал за высшие интересы.

Зачитывался я нашими классиками: Толстой Л. Н., Достоевский Ф. М., Гоголь Н. В., Пушкин А. С., Лермонтов М. Ю., Салтыков-Щедрин М. Е. и многие другие. А ваш журнал открыл для меня других даровитых писателей и людей, служащих не мамоне, а Духу: Распутин В. Г., Белов В. И., Солоухин В. А., Кочетков В. И., Куняев С. Ю., Проханов А. А. и другие. И в зарубежной литературе я встретил близких по духу авторов: Ч. Диккенс, У. Шекспир, Данте Алигьери, В. Гюго, Г.-Г. Маркес, Джек Лондон. Книги Фроянова, Казинцева, Зиновьева, Мухина, Кара-Мурзы мне на многое открывали глаза, и я уже не был слепым котёнком, следующим в неизвестном направлении, выражаясь словами Гончарова, “...и вокруг вас вы увидите то, на что закрыты у вас глаза теперь, услышите, чего не слышать вам: заиграет музыки нерв, услышите шум сфер, будете прислушиваться к росту травы”. Я уже знал, что мне нужно. Море публицистики, новостных выкладок, телевизионных программ, наблюдений над людьми, природой давали то, что мне было уже необходимо. Я испытываю светлое чувство благодаря тому, что могу видеть то, что не видят многие, – подоплёку, мелкий шрифт, символы – и трактовать их так, как я научился. В настоящей России трудно найти себя, многие силы подавляют тебя – система, даже, если ты попытаешься жить в отрыве от неё, всё равно оказывает влияние на тебя, осознанно или неосознанно. Целенаправленный процесс дефрагментации всего русского идёт, и когда-то этому должен прийти конец: “на чужой манер хлеб русский не родится”, нельзя в чужеземном найти русскую силу, которая сейчас осела в чьих-то жадных карманах. Уже редко встретишь чистые, отзывчивые глаза, такие, что душа тронется, будто смотришь в океан или голубое небо, а там тайна и сила, что способна поднимать на крыльях. Но обязательно “...пробьёт этот желанный час и явится свет, которого не победит тьма. И свергните с себя иго тоски, горя и нужды, которое удручает вас”. Не внести все мои мысли в эти несколько строк, что пишу вам, но, как мне кажется, этого достаточно, чтобы говорить определённо.

Я отвлёкся несколько, а главный вопрос, жизненный, утверждающий – к чему я себя отношу, что я хочу, а насчёт этого я и путаюсь. Приходилось бывать мне и в суде, и в полиции на практике, и ждал я, когда она закончится как можно быстрее, не находил я там правды. Вы извините за путаный слог, пишу, подчиняясь чувствам...

Так скажите же мне, дорогой “Наш современник”, как мне быть?.. Мне будет интересно услышать ваши слова, потому что совет, которого я жду, иного смысла, чем могут дать дома родители, не могут дать и в полиции – там

правят деньги, и в армии я не очень-то любил “кофе наливать” этому бестолковому офицерью, которое заполнило “аппарат”. Не то, не то, негде получить совета: как жить?!

Спасибо.

Александр Сучков
г. Клинцы, Брянской обл.

“ПОКОЯ В МИРЕ НЕТ...”, НО ЕСТЬ ЛИ СЧАСТЬЕ?

Уважаемый Станислав Юрьевич, здравствуйте!

Позвольте поблагодарить Вас за неожиданный подарок: в мартовском номере Вашего замечательного журнала опубликована примечательная во многих отношениях подборка стихотворений Николая Антонова “Там русский дух, как прежде, светел...”

Обращает на себя внимание уже само название, являющееся строчкой одного из этих высокохудожественных произведений. Ни ложного пафоса, ни гордыни. Просто и ёмко, узнаваемо и вместе с тем ново, традиционно и всё же по-своему, именно так и должен писать поэт, имеющий, что сказать, знающий цену себе и своей Родине:

*Там прах царей и свят, и вечен.
Там слава выше, чем молва.
Там русский дух, как прежде, светел.
Там связь времён и дел жива.*

Казалось бы, усыпальница: всё должно быть мёртвым... Ан нет! И дух светел, и дела живы. И худым словом не затмить вечной славы, как не оспорить святости труда и подвига во имя государства, родной земли, призвания и долга. Вот какими должны быть добрые дела во благо Отечества, назло недоброжелателям и врагам, тогдашним, нынешним, грядущим!

Собственно, об этом же, о призвании человека, говорится в стихотворении, посвящённом памяти Юрия Кузнецова. Главное предназначение гражданина — сделать Родину счастливее:

*Горячий камень на Колдун-горе
Сто лет вздыхает о богатыре.
Кто камень тот сумеет вниз столкнуть,
Заветный к счастью разузнает путь.*

Снижение стиля разговорным словом “разузнает” ничуть не портит стиха, но, напротив, прибавляет ему искренности и усиливает доверие к повествованию. Автор умеет соединить высокое и низкое без какого-либо ущерба для поэтики стиха, идеи стихотворения.

Каждый понимает счастье по-своему. Нравственный человек, по Пушкину, не может быть счастлив, когда несчастно Отечество. Что мы видим в этом прекрасном стихотворении, как не следование пушкинскому завету, наследование его высоким принципам.

“Покоя в мире нет, но есть на свете счастье”, — читаем в следующем стихотворении, и на ум из памяти сразу приходит знаменитая пушкинская строка: “На свете счастья нет, но есть покой и воля...” Тот же ритм, размер, те же самые слова, но в другой последовательности, в ином сочетании, с иным, противоположным, смыслом. Строка-возражение, строка-несогласие. Где-то даже вызов. Дерзко? Да. Но именно такой и должна быть поэзия — исполненной “лирической дерзости”, как это понимал великий Лев Толстой.

Справедливости ради отметим и последнее стихотворение подборки. Посмотрите, как любопытно оно начинается:

*То ль вечер, то ль утро.
Ни птиц, ни людей.
Заброшенный хутор
Средь белых полей...*

Обстановка такова, что непонятно даже время суток: то ли утро, то ли вечер. Нет ни птиц, ни людей. Один только заброшенный хутор и ещё цветущие белые поля...

*От края до края
Гречица в цвету...*

Чтобы так писать, нужно быть преемником того, что было раньше — в истории, литературе, жизни. Нужно помнить и слышать минувшее, его звуки и запахи, эхо прошлого, ощущать пульс грядущего. Перед нами поэт стопроцентный, неоспоримый, со своей темой и голосом, кто в своих стихах равняется на великих предшественников, и это, в общем-то, оказывается ему по плечу. Пожелаем же Николаю Антонову новых публикаций, новых стихотворений, каждое из которых у него есть заявка на самое настоящее произведение искусства, ибо стихи его первородны и представляют собою не что иное, как поэтическое открытие.

Ещё раз спасибо Вам и редакции. Буду признателен, если опубликуете это моё письмо.

С уважением

Юрий Теплов,
писатель, автор двадцати книг прозы
г. Москва

“СБЕРЕЧЬ БЕССМЕРТНУЮ ДУШУ”

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Большое Вам спасибо за предоставленную возможность принять участие в первом семинаре на тему: “Что такое поэзия?”

Спасибо Вам огромное за Вашу замечательную книгу. Её недостаточно прочитать один раз. К ней надо возвращаться неоднократно, чтобы ощутить ту глубину, с которой Вы пишете. Невероятно интересно следить за ходом Ваших мыслей и наслаждаться стилем изложения. Я узнала много нового о жизни и творчестве представителей Серебряного века. Любое знание приумножает печаль. Но это светлая печаль.

У меня сложилось двойное впечатление от книги. С одной стороны, факты, которые Вы приводите, — вещь упрямая. С другой стороны, немного жаль развенчивать миф о необыкновенных людях того непростого времени. Повествуя о жизни поэтов Серебряного века, Вы делаете это очень бережно, как мне показалось, сочувствуя им. За это Вам отдельное спасибо. Они жили, как умели и могли, пытаюсь понять то тяжёлое для России время. Но обстоятельства иногда оказываются сильнее нас. Самое страшное происходит, когда люди теряют Веру. Вы очень точно и красиво применили к ним понятие “обезбоженность”. Безверие ведёт к бездуховности, бездуховность — к безнравственности. А это, в свою очередь, приводит к деградации.

Но это всё несколько не умаляет достоинств прекрасных творений, вышедших из-под пера “детей” Серебряного века. То, что зажигает свет внутри нас, не всегда является правильным с точки зрения морали, но для света, который остаётся, это не так уж и важно.

Меня очень тронуло, как Вы называете преступника “несчастливым человеком, потому что душу свою загубил”, а само преступление — несчастьем. Только очень великодушный человек мог написать такие слова. Спасибо Вам за это.

Отдельная благодарность Вам за прекрасное стихотворение “Не ведает только дурак, // что наши прозренья опасны!”

Да, поэты — люди особые, с очень тонкой душевной организацией, остро воспринимающие действительность. “Целители уставших наших душ”, — так называл их И. В. Тальков. Они глубже понимают какие-то процессы и явления в обществе. Поэты беззащитны, как дети, к которым надо очень бережно относиться. Мне кажется, чем более они сильны в своём творчестве, тем менее они приспособлены к обычной жизни.

Неустроенная жизнь, бесконечный страх перед нею погубили прекрасную поэтессу М. Цветаеву. Она писала: “Я не хочу умереть, я хочу не быть”.

Ей было необходимо, чтобы рядом находился человек, который будет верить в неё и принимать такой, какая она есть. Но такого не оказалось. Она писала: “Важно, чтобы рядом был кто-то старше вас или тот, с кем вы вместе росли, с кем связывают общие воспоминания. Когда теряешь таких людей, уже некому сказать: “А помнишь?” Это всё равно, что утратить своё прошлое, – ещё страшнее, чем умереть” (А. Труайя. “Марина Цветаева”). Если бы в тот роковой день с ней кто-то был рядом, может быть, трагедии бы и не случилось...

В нашем несовершенном, но всё-таки не безнадежном мире души прекрасных поэтов всех времён, а не только Серебряного и Золотого веков, светят нам, помогая в трудную минуту. А это немало...

Человек по своей природе слаб, а вечно одолевающие его страсти сильны. Чтобы жизнь не становилась пустой и бездуховной, он должен сберечь главное своё сокровище: живую, бессмертную, вечно юную душу. Нельзя растерять, идя по жизненной дороге, “человеческие движения”. “Не подымете потом!” – предупреждал Н. В. Гоголь в “Мёртвых душах”. Если человек оступился, сошёл с верного пути, то только человеческое живое участие, сострадание и помощь могут спасти его.

Несколько раз перечитывала заключительную часть Вашей книги. С какой Любовью и болью она написана. Полностью согласна с Вами, что “томление духовной жадью”, может быть, единственный путь для спасения человечества “от тёмной власти барыша” и от “всемирной пошлости безбожной”. В. Розанов писал, что “общества окружающие убавляют душу, а не прибавляют”.

Знакомство с Вашим творчеством прибавило мою душу.

Вот вроде бы и всё, что мне хотелось сказать. Хотела написать кратко, но не получилось. Побольше бы таких книг, как Ваша, – мир стал бы добрее и духовнее. И мы смогли бы оправдать и осуществить пушкинские и гоголевские надежды, о которых Вы упомянули в книге.

А закончить мне бы хотелось определением жизни, которое дал один из моих любимых актёров В. М. Зельдин: “Жизнь дана не для конфликтов, войн и ссор, а для того, чтобы созидать, делать добро, сострадать, понять и принять боль другого человека, как свою. Люди с таким, во многом романтическим подходом к жизни действительно счастливы”.

С глубоким уважением

Натали Донч,
участница поэтического семинара
г. Москва

“ВОСХИЩАЮСЬ ВАШЕЙ ТВЁРДОСТЬЮ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Довольно долго не решался обратиться к Вам, но время идёт, и душа требует выразить слова благодарности Вам как поэту, писателю, публицисту, истинно русскому человеку за Ваше отношение к русской литературе, к нашей Родине и к людям.

Я всегда был неравнодушен к Вашему творчеству, читал и читаю Ваши стихи, но особенно меня тронул Ваш трёхтомник “Поэзия. Судьба. Россия”. В 2001 году Вы мне его подписали, прошло немало времени, но я постоянно перечитываю эти книги, возвращаюсь к Вашим размышлениям, восхищаюсь не только правдивостью изложения, но и Вашим чистым, лёгким, мудрым литературным языком. Такое ощущение при чтении, что Вы разговариваете со мной... Считаю эти книги энциклопедией литературной жизни в нашей стране с 50-х годов до настоящего времени.

Ваша правдивость перекликается с моими мыслями и душевными переживаниями. Восхищаюсь Вашей твёрдостью русского Писателя и Человека!

Осмелюсь подарить Вам две свои последние книги в знак глубокого признания и уважения.

Немного о себе: родился в Москве в 1945 году, по окончании школы работал, служил в армии, окончил институт им. Н. К. Крупской по специальности “учитель русского языка и литературы”, преподавал в школе. Член Союза писателей России с 2000 года.

Мои предки по отцу с Украины: Полтавская область, село Градижск. Дед Василий Михайлович был кузнецом и реестровым казаком, отец Иван Васильевич – участник Великой Отечественной войны, ныне покойный.

По материнской линии предки – Россия, Тульская область, деревня Благодать. Мало о них знаю, так как дед и бабка умерли от сыпного тифа в 1921 году, а мать мало чего помнила, так как была трёхлетним ребёнком, а её брату в то время было 7 лет. Погиб на войне в 1944 году при прорыве блокады под Ленинградом, был танкистом.

Низкий Вам поклон!

Владимир Иванович Кучерь
г. Москва

БЕРЕГИТЕ ПОЭТОВ!

Уважаемый Станислав Юрьевич!

С большим удовольствием прочитал Вашу книгу “Сергей Есенин”. Книга умная и нужная. Много мне в ней открылось. Спасибо Вам и Вашему сыну Сергею Станиславовичу за Ваш большой и такой объёмный труд. На основании Вами представленного материала невольно приходишь к выводу, что судьба Есенина была предопределена как им самим, так и временем, в котором он жил и творил. Несомненно, гениальный талант Есенина не превзойдён и навсегда войдёт в золотой фонд русской и мировой поэзии.

Читая Вашу книгу, я не мог не прийти к выводу, что весь ход расследования гибели Есенина говорит о том, что это было не самоубийство, а преднамеренное и подлое убийство. Его убийство больно отразилось на самочувствии русской нации, и до сих пор мы с болью переживаем все обстоятельства этой трагедии. Сколько бы ещё прекрасных произведений он мог бы создать!..

Хочется пожелать Вам дальнейших успехов в Вашем замечательном творчестве!

С наилучшими пожеланиями и уважением к Вам

Борис Иванович Долгов
г. Москва

“ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО О ЖИЗДРЕ”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Спасибо за подарок, что получил от Вас. Не ждал, а тут такое! Ваша книга – это искреннее пособие для любителей поэзии и поэтов. Спасибо Вам за книгу, я очень многое узнал, многое из Вашей книги вызвало на размышление.

Немцы ещё в горбачёвские времена приезжали к нам в Жиздру, приезжают и сейчас, и всё время просят установить памятник их солдатам и офицерам, оккупантам, что лежат там. Может быть, крест – как символ примирения. Но бывшие главы нашего района говорили, что велика и не заживает ещё память о прошлой войне и этот памятник будет разрушен. Я в такие разговоры один раз вступил и сказал: пусть немцы сначала восстановят собор у нас в Жиздре, тогда можно будет обозначить все захоронения, о которых они просят. И это моё мнение, неприязнь между нашими народами всё равно должна же закончиться. Жиздра – это переправа на главной дороге, ведущей из Киева в Москву. Будущее России – только с Украиной. Я там служил и видел всё своими глазами. Украинцы и русские – это один народ. Углеродоводород нам хватит надолго, что тут делить.

Очень хотелось бы, Станислав Юрьевич, чтобы Вы замолвили слово о Жиздре. Высылаю Вам своё стихотворение и фото кладбища немецких военнослужащих.

Владимир Мужитинский
г. Жиздра, Калужская обл.

ВЛАСТИ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ МАЛОИМУЩИХ!

Добрый день, уважаемая редакция журнала “Наш современник”!

С прошедшими праздниками вас и хороших успехов в труде. К сожалению и беде многих россиян, с трудом и занятостью в России дела обстоят плохо. Вот в маленьком городке Петровске, в 170 километрах от Саратова живёт женщина 44 лет. Это Дьяконова Лилия Сергеевна. Ей уже много лет никак

не везёт с работой. Самая ходовая работа сейчас – это продавец, но образованному человеку найти работу очень сложно. А у неё проблема со слухом, так что в торговлю её не берут. Жить ей приходится редкими случайными подработками. Их, к сожалению, становится всё меньше. Пыталась она работать в частном кафе – рабство в худшем смысле этого слова. Охрана труда там совершенно отсутствует. Продержалась она там всего два с половиной месяца. После чего ей долго не отдавали расчётные деньги, не раз доводили до слёз... Те деньги ей пришлось отдать за коммунальные услуги, осталось 120 рублей – вот и живи... Покупает она один хлеб, помочь ей абсолютно некому. Вот так и живём.

Когда-то американский президент Франклин Делано Рузвельт так высказался об устройстве своего общества: “Наш прогресс измеряется не увеличением изобилия у тех, кто уже имеет много, а тем, способны ли мы достаточно обеспечить тех, кто имеет слишком мало”.

Лучше не скажешь!

Владимир Кретов

г. Ртищево, Саратовская обл.

“ЖУРНАЛ “НАШ СОВРЕМЕННОК” Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ВЫПИШУ...”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Большое Вам спасибо за книгу “Жрецы и жертвы холокоста”. Я восхищён и потрясён Вашим титаническим трудом. И со своей стороны всё сделаю для распространения Вашей книги.

Уверен, что это произведение выдержит ещё не одно издание. В связи с этим хочу предложить некоторые, на мой взгляд, очень интересные факты, которые могли бы пригодиться Вам в дальнейшей работе.

Полтора или два года тому назад по каналу ТВЦ в 5 часов утра я смотрел передачу, посвящённую штурму рейхстага. Для меня стало открытием, что из 5 тысяч эсэсовцев, оборонявших последнюю цитадель нацизма, немецких фашистов была только одна тысяча! Кроме них, была ещё тысяча французов, тысяча голландцев, тысяча норвежцев, тысяча тибетцев, которые оказали наиболее ожесточённое сопротивление.

Больше этих данных я нигде не встречал. Непонятно, почему они замалчиваются? Об этом кричать надо!

Журнал “Наш современник” я обязательно выпишу и сделаю всё возможное и невозможное для распространения Вашей книги.

С уважением,

Николай Стекольщиков

пос. Вохма, Костромская обл.

Мою маму зовут Галина Васильевна Щербак, в девичестве её фамилия была Тихонова. Она 1922 года рождения, в августе этого года ей исполнилось девяносто пять лет. Во время войны фашисты угнали её из города Орши, в котором она родилась. Этот город находится в Беларуси, в Витебской области. Её концлагерный номер вытатуирован на руке выше локтя, и я его помню с раннего детства. Но мне даже в голову не приходило его записать. Теперь он почти стёрся и, кроме того, мама категорически отказывается его показывать — чего-то боится. До сих пор...

Однажды я попросила маму рассказать мне о её жизни. Рассказать, как постороннему человеку, журналисту, всё, что было, и всё, что есть... Вот что она поведала.

Елена Данченко

МОНОЛОГ БЫВШЕЙ УЗНИЦЫ

В 1938 году я переехала из Орши в Ленинград к бабушке Груне, маминной маме. Хотела закончить там школу и поступить в ленинградский юридический институт. Отучившись в 9 и 10 классе в 17-й школе Дзержинского района (угол Восстания и ул. Некрасовской), поступила в юридический институт, выдержала высокий конкурс — стать юристом было моей мечтой. В июне 1941 года в честь окончания первого курса в институте был дан самый настоящий бал: нарядные, счастливые, ставшие уже второкурсниками, мы кружились в вальсе, смеялись, играли в фанты, не зная, что нас ожидает завтра. Домой я попала в те самые “ровно четыре часа”. Только прилегла на кровать, как в комнату постучалась соседка (мы с бабушкой жили в большой коммунальной квартире):

— Галя, вставай, началась война!

— Ну и что, — буркнула я спросонья, — в 39-м тоже война была, с финнами, так мы её и не видели, — повернулась на другой бок и заснула...

Я хорошо пела, даже со сцены Домов культуры, в фойе кинотеатров, в основном, песни из репертуара Изабеллы Юрьевой. В ту войну с финнами, а боевые действия проходили совсем неподалёку от Ленинграда, мы с бригадой пели в госпиталях и видели раненых. Но вот войны не видели, так что я искренне верила, что какая-то очередная война закончится, как и советско-финская, в течение нескольких месяцев.

На 23 июня у меня был куплен билет в Оршу, и я уехала к родителям. Трудно сказать, где проще было выжить: в блокадном Ленинграде или в Равенсбрюке... Все мои ленинградские родственники, огромные семьи Николаевых и Матвеевко (а мои отец и мать — коренные петербуржцы) умерли в блокаде от голода... Скажу так: нигде не проще. Выжить в войну — тоже подвиг.

В первые дни войны через Оршу проезжали грузовики с евреями, сбегавшими из Польши. В те ужасы, что они рассказывали, трудно было поверить. С первого дня войны мой отец вместе с соседом Жорой Петкевичем работал в военкомате, занимался мобилизацией на фронт. Он и Жора достали где-то экскаватор и вырыли в нашем дворе глубокую яму-окоп. Накрыли её поверх брёвнами, засыпали землёй. В ней мы и соседи спрятались во время бомбёжки Орши, а она была разрушена, почти как Хатынь. Потом папа вывез нас всех в посёлок Згарда, где мы за скудную похлёбку работали в поле у хозяйки.

Потом по постановлению горисполкома вернулись в Оршу, как выяснилось — прямо к оккупации... Наш дом сгорел в бомбёжках, и всё имущество вместе с ним; мне, матери и сестре пришлось поселиться у хозяйки. А вскоре нашу большую комнату заняли немцы — три эсэсовца. А мы с мамой и малолетней сестрой Катей ютились в каморке. Топили немцам печь, варили еду, убирали, стирали, а они нам за это давали по куску хлеба и по миске баланды.

Всю молодёжь города по повесткам вызывали на работы. Сперва я на огромном складе перебирала посуду. Бракованные, с отколотыми краями тарелки, блюда и заварочные чайники нам разрешали забирать с собой. Помню, принесла тогда много посуды соседям, мамочка даже кое-что выменяла на муку. Затем нас стали на автобусе возить в Балбасово (в те годы и сейчас там находится военный аэродром) в госпиталь для немецких офицеров, где я и другие девчонки работали санитарками. Кормили нас хорошо: там были каши, супы. Я могла даже принести бидоны с едой домой, кормила всю семью и соседей — семь человек. Под окнами госпиталя работали наши военнопленные. Я начала им спускать на верёвке еду, в тех же бидонах. За этим занятием меня как-то застал эсэсовец, вырвал бидоны из рук, бросил меня на пол, стал пинать и жестоко избивать. Меня хотели даже повесить в назидание местным “унтерменшен”. Спасла меня мама. Кто-то из наших девчонок сообщил ей о том, что случилось, она тут же примчалась в Балбасово и начала говорить по-немецки. Она прекрасно знала язык — выучка царского Института благородных девиц. Не знаю, что она им наговорила, но вместо казни меня отправили на работы в Германию.

Мы ехали в товарняке трое суток. Ни есть, ни пить в дороге немцы нам не давали. Очутилась я в городе Рёхлин, в семье колбасника Генриха Рауш, который работал для фронта: поставлял солдатам сосиски в консервных банках, колбасу, тушёнку. В его колбасном цехе уже работали трое французских военнопленных: Дезире, Жан и Пьер. Там можно было жить: относились ко мне неплохо, не били, не кричали, кормили хорошо. Работать приходилось много и без выходных, в основном, по уборке дома и за детьми-гимназистами присматривать, но и мои хозяева тоже много работали. И дожила бы я на той колбасе до окончания войны, возможно, спокойно, но язык у меня острый, как бритва. В дом к колбаснику повадился молодой офицер — русский, вывезенный в Германию ребёнком родителями-дворянами. Он служил в СС. Ну, и я неосторожно при нём пошутила, уже не помню, как и в связи с чем. Шутка заканчивалась словами: “Вот погодите, скоро придут наши”. Короче, сдал меня тот эсэсовец в гестапо.

Так я попала в политический женский концлагерь Равенсбрюк, который находился недалеко от города Фюрстенберг, в сравнении с которым даже оккупированная Орша и жизнь в немецкой “колбасной” семье казались раем... Это случилось в июне 1942 года, а было мне в те поры неполных 20 лет — я в августе родилась. Нам выдали полосатое платье и такую же полосатую куртку, платок на голову, деревянные опорки, которые мы носили на босу ногу, и зимой тоже. Всё.

Утром нам давали по куску хлеба, в обед — миску брюквенной похлёбки, вечером — эрзац-кофе. По воскресеньям одаривали 20 граммами маргарина и двумя кусочками сахара. А работа была каторжная, по 12 часов в сутки — с 6 утра до 6 вечера. Поднимали в 4 часа. Утром и вечером нужно было стоять на переключке, где нельзя было даже шёпотом сказать слово. Стояли по два часа с голыми ногами в колодках — и в снег, и в метель, а потом шли на работу. Работала я сначала на земляных работах (копала рвы), потом шила в швейной мастерской, потом два года — на фирме “Сименс”. Это спасло мне жизнь — всё-таки не в поле на холоде. Мы работали в бараке, под присмотром надзирательниц. Перерыв был только полчаса, за которые мы успевали съесть половник брюквенного супа. В нашем бараке делали детали для немецких “Люфтваффе”, в основном, трансформаторы. И мы, русские, молча те детали браковали, на свой страх и риск.

В лагере сидели женщины всех национальностей: русские, белоруски, украинки, чешки, польки, голландки, сербки, словачки, даже немки, забранные по политической статье. Сидела жена Юлиуса Фучика, например, Густа Фучикова. Ох, я там и много языков освоила, пусть и на разговорном уровне, а немецкий знала лучше других, учила его в школе и в институте. Пела на разных языках, я ведь голосистая была, и немцы ставили меня впереди

колонны, чтобы я запевала по дороге на работу. Пела “Лили Марлен”, всякие немецкие народные песни. Мне языки легко давались, тексты песен запоминала быстро и с тех пор пою на восьми языках.

Женщины из СССР были единственные, кто не получал посылок из дома, потому что Сталин не подписал соглашения с Красным Крестом. Остальные получали посылки, и не все были крысами – делились с нами. Помню, раньше всех умирали француженки: худенькие они были, тонкокостные, а славянки другие, плотнее. В низшем лагерьном начальстве служили польки, и были они хуже немок-ауфзерок (надзирательниц). Стучали на нас, русских, белорусок и украинок, сдавали ни за что. Надо было помалкивать. Уже в конце 1944 года я угодила на 15 дней в карцер. Там уже были женщины. Три дня держали без еды, приносили только воду. Нас страшно били. Лежали вповалку на земляном полу, от голода не было сил встать. Потом меня свалил брюшной тиф. Спасли чешские врачи из заключённых. В госпитале том ставили опыты на живых людях: отрезали здоровые конечности пилой без наркоза, вырезали почки, вынимали кости из ног, заражали неизлечимыми болезнями, делали воздушную эмболию. А трупы сжигали. Помню, привезли трёх голландок в больницу: длинные такие девки, высоченные. Они сильно кричали от боли. К ним подошли два врача и сделали в вену воздушную эмболию. Голландки тут же перестали кричать, скончались на моих глазах... Печи крематория на территории лагеря работали день и ночь. А я выжила, и меня те врачи-чешки устроили на “хлебную работу”: я начала перебирать в крытом бараке картошку и овощи. Не дай Бог что-то положить в рот и начать жевать, могли засечь и бросить снова в карцер. И не дай Бог что-то попытаться стащить – обыскивали при выходе. Но всё-таки какие-то крохи перепадали.

А спасли меня русские бомбы. Сейчас расскажу, как это было. В конце апреля 1945-го нас согнали всех, оставшихся в живых в лагере, и загнали в теплушки. Те поезда шли к Балтийскому морю. Целью фашистов было погрузить нас на баржи, вывести суда в открытое море и утопить, чтобы скрыть следы преступлений. Но наши войска уже наступали, состав начала бомбить русская авиация. Охранники бросились бежать, кто куда. Мы открыли теплушки и высыпали в чистое поле. И побежали, на ходу выхватывая из земли корнеплоды. Их, грязные, сырые, совали в рот – не было сил терпеть голод – жевали и бежали, бежали и жевали прямо под бомбами, бежали, петляя, как зайцы... Добежали до леса. Определились, где восток, и заснули. Нас в группе было человек пять-шесть. Проснулась я оттого, что кто-то наступил мне на лицо сапогом. До сих пор не знаю, приснилось мне это или случилось наяву. Стоят трое, один делится мне в лицо автоматом, думаю: “Всё, конец мой пришёл”. Начала плакать, умолять нас пощадить, по-немецки я хорошо к тому времени говорила. И тут послышался рокот наших танков, немцы побоялись себя обнаружить и ушли. И снова я была спасена! Вышли мы на дорогу, голодные, тощие, босые, в драных полосатых платках, а по дороге той идут наши! Что это была за встреча!.. Освободил нас лётный корпус Байдукова. Меня с девочками поселили, отмыли, а лётчики забили для нас корову. Мясо сварили в огромных чанах, и мы ели и ели, не насыщаясь... Две девочки умерли от заворота кишок, остальные выжили. От грязной брюквы с поля и от обилия не виданного три с половиной года мяса сводило животы. Мы не вылезали из уборных от поноса, но всё равно без конца ели. Потом была длительная проверка МГБ. Мы работали официантками в столовой корпуса Байдукова. Помню, от слабости меня шатало, и я пролила почти кипящий борщ на одного офицера. Бросилась извиняться, а он ни слова упрёка мне не сказал.

В конце июля нас погрузили на грузовики, дали на каждую машину по мешку муки и отправили на родину, которую все три с половиной года лагеря я видела в снах. По дороге, завидев хозяйства, наши водители останавливались, мы выходили из кузова и рвали плоды с деревьев в садах и овощи на огородах. Немцы молчали, а вот поляки кричали на нас и ругались. Мы не обращали внимания – брали всё, что попадалось, пряча плоды земные за пазуху – пластиковых пакетов тогда не было, – а хозяева, понятное дело, газетными кулками не снабжали. Так доехали до границы с Белоруссией. Там меня посадили на поезд и отправили до Орши. Ранним утром сошла у вокзала и пошла пешком на Песчаный переулоч, где жила мама с сестрой. Плакали, обнимались, целовались... Вес мой был после лагеря 42 килограмма, при росте 170 см, а ноги водянистыми и слоновьих размеров, все в ранах,

да таких, что в каждую можно было вложить палец. Помню, попросила маму сварить мне чугунок картошки. Она сварила, посолила и полила картошку подсолнечным маслом. Я забрала чугунок в огород, села между грядками, вытянув ноги, и съела всё его содержимое...

От мамочки я узнала, что папа жив, но его пока не демобилизовали, а отправили с частью в Ригу.

На вопрос, встречалась ли я с кем-то из лагеря, отвечу “да”. И первая встреча произошла как раз в Риге. Отъевшись и отоспавшись у мамы, я отправилась в Ригу, к отцу, на разведку. Дело в том, что ему там дали отдельную квартиру для нашей семьи на улице Дартаеэла, это за Двиной. Та квартира была большая, красивая, но с печкой, и все удобства – во дворе. Но у нас печка и в оршанском доме до войны была, и те же самые скворечные “удобства” во дворе. Еды было вдоволь, хотя и по карточкам, папа меня приодел. Но вот город не понравился – слишком плохое отношение к русским, это ощущалось в магазинах, на рынках, повсюду, где бы ты не говорил по-русски. И вот иду как-то грустная по улице, навстречу мне идёт красивая высокая дама и вдруг останавливает меня: “Галя!” Боже мой, это Катя Костаценко из Равенсбрюка! Немыслимая красавица с синими глазами – еле узнала бывшего лагерного заморыша. Не раздумывая, Катя повела меня к себе, а по дороге рассказала свою послевоенную историю. Катя была рижанкой, и её вернули, естественно, в родной город. После возвращения из Германии её вызывали в МГБ на допросы, и всё это закончилось неожиданно. Майор, допрашивающий Катю, однажды сказал ей: “Выбирай: или десять лет лагеря в Сибири, или выходишь за меня замуж”. Майор ей не нравился, он был до ужаса некрасив, почти уродлив. Но Катя выбрала его, потому что альтернатива была гораздо более уродливой. Она попросила меня быть с мужем приветливой, тем более, что к Кате он очень хорошо относился.

Кирилл оказался милым человеком, принял меня, как родную. В Риге у меня не было других подруг, поэтому мы часто виделись. Кирилл приглашал нас в рестораны. Там красавица Катя заставляла мужчин столбенеть. Её нарцхват приглашали танцевать кавалеры. Я заметила, что Кириллу это было неприятно, и я танцевала только с ним, отвлекая от ненужных мыслей, лишь бы они не поссорились. Уехав из Риги, никогда больше не встречалась с ними.

Вторую подругу по несчастью нашла в Кишинёве, уже после окончания юридического института. Встретила на базаре, в начале пятидесятых. Звали её Полина Черняк. Простая полная женщина. Полина нигде не работала, занималась подпольными абортами – в то время аборты были запрещены. Жила она небогато, но на еду ей и трём её детям хватало. Потом сына убили, а одна из дочерей пошла по рукам. О матери заботилась только одна путёвая дочь – Лариса. Когда я переезжала из Кишинёва в свою Оршу окончательно – а было это уже в 1993 году, – пришла к Полине попрощаться. Она, давно пенсионерка, тогда жила у внучки, и была совсем слабой физически.

Ещё одну мою лагерную подругу, Тонечку Аняутееву, разыскала в Одессе. Ещё в Германии она дала мне свой одесский адрес, но только в конце пятидесятых годов, будучи в Одессе с концертной бригадой кишинёвской фабрики “Букурйя”, где я трудилась в то время, разыскала её довоенное жилище. Там оказалась только её мама, но она дала мне Тонин адрес. Нашла я её дом в одном из типичных одесских дворики, поднялась по скрипучей аварийной лестнице на второй этаж, а там – четыре двери, и возле каждой шипит примус. Соседи показали Тонину дверь, предложили подождать её с работы у них. Пришла Тонечка, увидела меня и остолбенела... Ведь столько лет не виделись! Потом обнимались, целовались, плакали. Тоня пригласила меня к себе. Комнатка у неё была метров 5-6, там стояли двухъярусные нары, стол, один стул и всё. С первым мужем она была уже в разводе, и им пришлось поделить сыновей: старший остался с отцом, младший жил с ней. Работала Тоня поваром на барже. В её комнатке мы пробыли недолго, подруга стремительно потащила меня на Дерibasовскую, в шикарный ресторан “Лондон”. Там она заказала самое лучшее и дорогое. Сидели за столиком до закрытия, всё не могли наговориться. К её дому специально пошли пешком и говорили, говорили... Назавтра ей надо было заступать на смену, а мне – возвращаться с бригадой в Кишинёв. После этого мы часто встречались. Коренная одесситка, Тоня была весёлая, великая оптимистка, любила пропустить стаканчик вина за компанию и много курила, просто не выпускала

папиросу изо рта. Когда она повторно вышла замуж и получила двухкомнатную небольшую квартиру, мы с дочкой приезжали к ней в гости, купались в море. Курево сгубило её – Тоня умерла от рака лёгких. Когда в 1986 году я приехала к ней, дверь открыл муж и рассказал мне о её кончине.

Как я жила после войны? Трудно. В родном Ленинградском юридическом институте восстановиться не смогла. В архив попала бомба, все документы довоенных студентов сгорели. Преподаватели лежали на Пискаревке, и я не сумела доказать, что училась в своей альма матер. Бабушкину комнату мы потеряли. В конце войны к ней сумел пробраться её младший сын – мой дядя Лёва – и вывез её в Москву. Соседи были мертвы, а нашу комнату занял какой-то военный по официальным документам. Он меня на порог не пустил, пришлось возвращаться в Оршу ни с чем.

Начала заново: год готовилась к вступительным экзаменам в Минский МЮИ. Трудно было, за годы войны знания куда-то улетучились. Я интересная была, мне делали предложения в Орше молодые военные, а отец меня замуж не пустил. Сказал: будешь адвокатом. Надо профессию иметь, а потом замуж. Жизнь показала, что отец был прав.

В Минский юридический институт поступила легко. Ведь мне было уже 25 лет, и туда охотно брали девушек повзрослее. Пребывание в концлагере пришлось скрыть – иначе бы не допустили к экзаменам. Вы представляете: ТАК намучиться и в итоге всю жизнь скрывать, что была за границей. За какой границей? Добра и зла? За пределами человеческого общества, на положении рабочей скотины? Говорить об этом стало возможно только после перестройки...

Жили иногородние студенты тяжело: корпуса общежитий больше напоминали бараки. Все удобства – во дворе. Спали по две девушки на одной койке. Моя соседка по кровати писала прямо в кровать... Пришлось сказать её родителям, чтобы сняли ей комнату в Минске, только после этого я вздохнула. Помогали родители, мамочка держала огород и свинью. Отец привозил из Орши бульбу (картошку), капусту, сало. Готовила на керосинке борщи. В студенческой столовой было голодно. Но там давали неограниченно хлеб и горчицу. Так вот мы, студентки, мазали той горчицей хлеб и ели.

Минск был очень разрушен бомбёжками, по выходным нас гоняли на работы по восстановлению города. Носили по двое на стройке кирпичи в носилках, расчищали, неквалифицированная работа была и, конечно, бесплатная – никто не помогал СССР после войны. Однажды работали рядом с пленными немцами. Ох, я и оторвалась на них! Отборнейшим немецким матом так обкладывала, что они сначала затыкали уши, а потом устроили бойкот, сказав, чтобы меня убрали, иначе не будут работать. С ними наши обращались по-человечески, русские вообще милосердны к врагам.

На старших курсах устроилась на работу в “Белгорзаготзерно”, на полставки, жить стало легче – начала получать свою первую зарплату. При распределении мне предложили два места, на выбор: Калининград и Кишинёв. Ни с одним из них меня ничего не связывало, но захотелось на юг, фруктов поесть. Вообще еда для меня всегда была признаком достатка, чем-то вроде роскоши, слишком я наголодалась в Равенсбрюке. Кроме того, в Кишинёве жила моя подруга по МЮИ – Жанна Пархоменко. Вот я и поехала жить и работать в Кишинёв в 1953 году, а стукнул мне тогда уже 31 год. Юность закончилось, а я её так и не видала... Устроилась на работу на обувную фабрику имени Сергея Лазо. Жила на частной квартире, с несколькими девочками. По работе зашла как-то в Госарбитраж, а там встретила Якова Георгиевича Жуковского, оршанца, которого знала по МЮИ, – он был одним из наших преподавателей. Жуковский очень мне обрадовался. Пригласил работать консультантом в Госарбитраж и обещал помочь с квартирой. В Госарбитраже были привилегии: обеды в столовой Совета Министров, продуктовые пайки. Там же я начала играть в шахматы, да так успешно, что вошла в состав сборной Молдавии. Играя в шахматы, объездила весь Союз: Ленинград, Москва, Харьков, Донецк, мы играли везде.

Работа в Арбитраже была сложная: с 9 утра до 19.00. Было очень много бесед с посетителями. Больше всего недостатков по республике было у кондитерской фабрики “Букурия”. Я не выдержала, позвонила директору фабрики и пригласила прийти на собеседование. Рассказала ему, как надо действовать их юристу, чтобы не было столько недостатков и пересортицы. Он ушёл, довольный беседой, а через некоторое время позвонил и предложил у них

работать. Обещал квартиру в строящемся доме. А Жуковский своё обещание так и не сдержал, и квартиры мне не выделили. Ну, я и пошла работать на кондитерскую фабрику, о чём ни разу не пожалела.

Не обошло меня стороной и личное счастье. В 1956 году встретила своего будущего мужа. В то время он работал учителем русского языка и литературы в Избештах — это село, расположенное довольно далеко от Кишинёва. Встречались мы только по субботам и воскресеньям. Жить нам было негде — я в съёмной комнатухе, он жил в селе. Кроме того, мы не могли пожениться, потому что он был официально женат на русской бакинке Зое, от которой сбежал к родственникам в Кишинёв, не разводясь. А денег на развод и поездку в Баку не было. Попытались пожить у его семьи, семь человек в одной комнате. Не получилось. Сняли подвал у полковника Мухина, за Комсомольским озером. У него был участок, на котором стоял его частный дом и пристройки. И подвал — четыре ступеньки вниз. Вот там мы и поселились. Родилась дочь. Тогда декретный отпуск был около месяца, надо было на работу выходить — что делать с ребёнком? Яслей не было, и мама прислала мне из Орши первую няню для девочки, потом вторую. Вторая, Юля, была очень хорошей, дочка её полюбила.

Постепенно жизнь наладилась. Я очень понравилась руководству фабрики, при мне ни одной недостачи не случилось! Муж пошёл работать на студию “Молдова-фильм” администратором, там досрочно до директора художественных фильмов. Комнату мне всё-таки дали — на троих. Муж был прописан у матери, в квартире, где жила огромная украинская семья. Но они все постепенно ушли, и его мать выделила нам площадь, сама пошла жить в частный домик. Площади мы сложили и выменяли на двухкомнатную квартиру на Рышкановке. Отдельную! Вошли, а там — паркет медовый, отдельная кухня, ванная с дровяным титаном для горячей воды, унитаза со сливом, коморка в подвале для тех самых дров. Мне всё это тогда показалось раем. . .

В 1962 году отец мой помог с разводом, выслал мужу 2000 старых советских рублей для поездки в Баку. Он поехал и развёлся. Так что замуж официально я вышла только в сорок лет.

Материально мы жили хорошо, работали оба, как два вола: я — на фабрике, муж — на студии. Он потом получил второе высшее образование, закончил Киевский институт народного хозяйства в Киеве, факультет экономики кинематографии, заочно. Сам по командировкам со съёмочной группой, ещё сессии в Киеве сдавал, мы редко виделись. Бывало, по три ночи не спал — работал и к экзаменам готовился. В отпуск я часто ездила только с дочкой — в Одессу, под Одессу — на Каролино-Бугаз, в Крым, брала её в командировки в Москву, в Ленинград, город своей юности.

Дочка выросла, стала журналистом. Вышла замуж и уехала жить в Москву. А мы с мужем остались в Кишинёве. Потом дочь привезла нам на несколько лет внука на воспитание — сама работала в редакциях, ездила в командировки. Потом внука молодые забрали, и мы остались одни.

Очень тяжело вспомнить перестройку в бывшей Советской Молдавии. Ну, наша участь никого не минула, и это отдельный рассказ. Но... надо было уезжать. Уехали в Оршу, на мою родину, и решение было правильным. Там у меня остались полдома от отца. Потом купили отдельный большой дом. Потом муж умер, и я осталась одна. Мне 94 года, все мои подруги ушли из жизни. Дочка живёт сейчас в Европе, приезжает ко мне ежегодно, живёт по месяцу и два, иногда и дольше. Внук приезжает крайне редко и на короткий срок — у него много офисной работы в Москве. Дочке проще — она писатель: взяла компьютер и приехала. Так и живу одна. У меня есть помощница по хозяйству, она покупает продукты, готовит еду, убирает, моет меня в ванной. Я всем довольна.

В Оршу и Витебск иногда приезжают немцы из фонда “Взаимопонимания и примирения”. Приезжали представители фирмы “Сименс”, с деньгами. Меня всегда приглашают первую — я ведь старейшая из выживших в концлагерях после войны и хорошо говорю по-немецки. Получила неплохую выплату из немецких фондов. На эти деньги мы и сумели с мужем на старости лет купить дом, в котором я живу.

Но знаете, если говорить о Равенсбрюке, то скажу словами Варлама Шаламова: “Он всегда со мной, куском льда в сердце, даже в самый жаркий июльский день”. Такое не забывается.

Галина Васильевна Щербак
г. Орша, Витебская область, Республика Беларусь

ТАТЬЯНА ПЕТРОВА

ЧУВСТВО ЖИВОГО СЕРДЦА

(Беседа с Мариной Воропаевой)

Марина Воропаева: Татьяна Юрьевна, я знаю, что у вас за плечами и музыкальная школа, и музыкальное училище им. М. М. Ипполитова-Иванова, и знаменитая Гнесинка – нынешняя Российская академия музыки им. Гнесиных. Иными словами, учителей у вас в жизни было много. А кого из педагогов Вы бы особенно выделили, оказавших несомненное влияние на вашу творческую судьбу?

Татьяна Петрова: Есть такая восточная мудрость: “Когда созрел ученик, нашёлся и учитель”, – это я поняла по своему жизненному опыту. В моём посёлке была музыкальная школа – замечательная школа, где меня все очень любили, пестовали. А тогда была очень сильная связь профессиональных коллективов с глубинкой. И к нам приехала Черепанова Людмила Павловна, которая, послушав меня, посоветовала пойти мне в Уральский хор. Это был мой первый педагог. Людмила Павловна была очень романтическая женщина, способная увлечь за собой, и вокруг неё солнце всегда было и радость.

Следующим моим педагогом уже в Уральском хоре была знаменитая Сапогова Елена Андреевна, народная артистка. Я год училась у неё. В первый свой отпуск я поехала в Москву поступать в Ипполитовку, как мы между собой называем Музыкальное училище имени М. М. Ипполитова-Иванова. На приёмные экзамены опоздала, но мой будущий педагог позволила мне поступать. Это была Елена Константиновна Гедеванова, легендарный человек, которого все настоящие музыканты знают и помнят до сих пор. Есть особая связь – учитель-ученик. В дореволюционное время было принято брать талантливых учеников к себе на воспитание. И так поступил наш знаменитый Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов, который взял к себе Елену Константиновну, и она воспитывалась в его семье. Когда его не стало, Елена Константиновна, как настоящая ученица своего учителя, стала продолжать его дело. Даже пошла к Сталину и добилась создания московского музыкального училища им. М. М. Ипполитова-Иванова. Здание было на Пролетарке. Это было необыкновенное место, напоминающее сельскую школу, тёплую, уютную, добрую, но только в масштабах Москвы. И главное, Елена Константиновна посталинская понимала дело, также считая, что кадры решают всё. Поэтому у неё преподавали только народные артисты из Большого театра. Других не было. Что касается народного искусства, она первая поняла, что народниц надо учить, готовить. И добилась открытия впервые сольного отделения народного пения в Ипполитовке. И в самом первом наборе, если я не ошибаюсь, у неё была Людмила Зыкина. Училище я закончила у Елены Константиновны и получила

у неё, помимо музыкальных навыков, основательные жизненные уроки: отношения к людям, любви к своей профессии и много того, чего у меня не было: умение планировать день, усердие в работе. Смотришь на неё, и всё это видишь: её чистоту, её работоспособность, несмотря на её годы. Ведь она уже была в преклонном возрасте, когда я стала её ученицей. И это чудо, что мне удалось один год жизни, один курс просто жить у неё дома, общаться с её друзьями. И сейчас, проходя по Гнесинке, я вижу на классах таблицы с выбитыми на них именами: Наталья Шпиллер, Ирма Петровна Яунзем, Вербова знаменитая – все они были её ближайшими подругами. И я понимаю, что прикоснулась к истории.

М. В.: А как сложилась Ваша жизнь после окончания музыкального училища им. М. М. Ипполитова-Иванова?

Т. П.: После того, как я закончила Ипполитовку, Елена Константиновна не давала мне спокойно жить. Она, когда я ещё была на втором курсе, заставила меня параллельно сдать экзамены в творческую мастерскую эстрадного искусства под руководством Л. С. Маслюкова. Это был удивительный человек, знаменитейший на весь мир, высочайший мастер, который создавал эстрадные номера и о котором написаны книги. Он сам был циркач. У него был такой номер, когда он на одной руке держал свою партнёршу несколько минут, а она делала пируэт. Это был уникальный силач, красавец такой. И у него были акробаты, танцоры. В этой мастерской преподавали знаменитая балерина Редль, известный тенор Виноградов. Ирма Петровна Яунзем помогала мне. Оказавшись в окружении таких людей, я училась и набиралась сценического опыта на этих двухгодичных курсах. Это была очень профессиональная подготовка, высочайшего класса. Там мы играли на разных инструментах. Моиими баянистами были Виктор Петров и Владимир Сорокин. Они играли на многих инструментах: на жалейках, гусях. Для меня специально заказывались в моих тональностях саратовские гармошки, хромки, то есть была создана уникальная атмосфера для того, чтобы находить свой творческий почерк. Это ведь очень важно, от концертмейстера многое зависит. От того, как музыканты играют, в какой манере, ты меняешь тембры своего голоса. Обретением этого умения я как раз обязана своей юношеской увлечённости петь под разные подлинные инструменты. Ведь когда поёшь дуэтом с жалейкой или с гусями, ты невольно меняешь свой голос, подстраиваешься, находишь новые краски. Это необыкновенный, бесценный опыт.

М. В.: А как Вы оказались в Гнесинке?

Т. П.: Опять должна добрым словом помянуть Елену Константиновну, которая добила открытие экспериментального отделения народного пения в Гнесинке, где я имела честь и счастье до третьего курса учиться у неё. К этому времени я уже много концертировала, стала лауреатом конкурса, который проходил раз в пять лет. Лауреаты того конкурса – это все наши нынешние профессора, струнники. Победа на конкурсе тоже была удивительна. Елена Константиновна была необычайно щебетильным и порядочным человеком. Я, например, когда везу на конкурс своих учениц, то всё время распеваю с ними и, как квочка, всё время возле них. А она, дабы не подумали ничего такого, просто запретила мне к ней даже приближаться в дни конкурса, чтобы не заподозрили в протекционизме. Такие люди были! А в жюри были все наши: дирижёр Кутузов Николай Васильевич, И. П. Яунзем, и конечно, знаменитые питерцы, имена которых я уже, к сожалению, не помню. А Елена Константиновна всё не унималась. Она постоянно меня куда-то направляла, а я ещё в это время успела год поработать в ансамбле у Дмитрия Покровского.

Его коллектив ещё не был профессиональным, но всё делалось с душой. Зарабатывали преподаванием, концертами, все вместе складывались и ехали на эти средства в фольклорные экспедиции. Я побывала и в Забайкалье, и на Дону. Я бы сама не смогла никогда понять эту традицию изнутри, в быту. На всю жизнь останется для меня память об этом. Потом наши пути разошлись. Моё сольное начало и собственное видение своего голоса, конечно, увели меня из этого ансамбля, хотя на тот момент Д. Покровский много сделал для того, чтобы я обрела умение передавать искренность народную и обратилась к подлинному. И потому я считаю: всё, что народ любит и создаёт, должно быть сохранено. Надо относиться к этому бережно. Сольное народное пение – это традиция, это всегда образное пение о всей России.

М. В.: А кто ещё из педагогов запомнился особо?

Т. П.: Когда я была на третьем курсе, Елены Константиновны не стало. И моя боль и преданность ей были такие, что я долго не принимала своего нового учителя, с которым впоследствии буду вместе тридцать восемь лет, до последнего её вздоха буду у неё заниматься, её любить, и до сих пор она со мной. Это Нина Константиновна Мешко, народная артистка СССР, педагог, композитор, автор учебника “Искусство народного пения”.

Но тогда это была ломка. Даже терминология Елены Константиновны была всегда щадящей, мягкой. Она была академистка, настраивала меня на высокую позицию, фразировку и всегда давала полную свободу в самом процессе творчества. А Нина Константиновна была более авторитарная, и поскольку она руководила Северным русским народным хором, то требовала и от меня некоторой, что ли, простоты и характерности, она давила на меня. Начнёшь петь, она тут же останавливает. И такая метода стала камнем преткновения. Мне это было непонятно. Ведь школы, то есть выстроенной системы подготовки певцов-народников, ещё не было. Поэтому переход от одного педагога к другому был очень сложен. И пока эта притирка шла, я уже закончила учёбу.

М. В.: Может быть, то, что она требовала от вас, как раз и был путь, с одной стороны, к простоте выражения вообще, без всяких усложнений, а с другой стороны, к конкретности?

Т. П.: Да, конечно. И имея уже такого педагога, который всецело себя отдавал и понимал подлинность народного искусства, образность его, я, конечно, росла. Это просто Господь мне помог через моих учителей. Нина Константиновна продолжала всё время со мной работать и говорила: “Вот ты закончила институт, давай поступать в аспирантуру, чтобы ты была не только исполнителем, певицей, но и педагогом, потому что это важно для народного искусства и важно для тебя. Будешь сама объяснять и понимать, и петь не только по настроению”, то есть она говорила простые вещи, которые на самом деле были жизненно очень важны.

М. В.: Можно говорить о том, что у Нины Константиновны уже, по сути, складывалась своя школа?

Т. П.: Да. Она не была ещё написана на бумаге, но, конечно, она уже была у неё в голове. Позже она напишет учебник, выстроит эту систему, создав, таким образом, школу народного пения. Восемьдесят пять лет ей было, когда она, в конце концов, сама на компьютере набрала текст своего учебника. Книга Н. К. Мешко “Искусство народного пения” – это уникальный свод законов о Вере художника и его Служении. Очень просто и мудро отражены в ней методики совершенствования голоса, отличия и особенности народного вокала, перспективы этого уникального жанра и ответственность Художника (певца) за результаты своей деятельности. Своим служением, творческим горением к народному искусству она восстанавливала прерванную связь времён, утверждая, что духовные и культурные богатства накапливаются там, где жива традиция, где знают, любят, берегут своё прошлое, где молодая жизнь верна своим истокам. Сейчас этот учебник является основой для преподавания в Академии музыки им. Гнесиных, да и в других учебных заведениях.

М. В.: Я обратила внимание на одну её фразу, которая подходит любому виду искусства, а не только распространяется на народное пение: “образ пения – образ мышления”. То есть образ, который создаётся, является выражением мировоззрения самого исполнителя. А в одной из древнерусских книг сказано: “Пение – образ премудрости есть”. Что вы об этом думаете?

Т. П.: Это мне очень близко, это основное – образ. Россия достойна того, чтобы о ней петь, её любить, любить её героев, их поступки, и песня – самое высокое состояние души. Она, конечно, отражает в себе историю, быт, чаяния и надежды. Всё это есть в русской песне, и она необыкновенно сильная. Русь, приняв Крещение, выбрала Слово, и от культово-жреческих моментов жизни перешла к Слово, которое укоренилось в её сознании. И песня стала проповедью жизни, проповедью любви, отношения к земле, к родине, к семье. Все известные нам народные песни, которые пел весь народ, это были песни авторские. Просто народ, избравший Слово, которое отражало его простоту, понимание языка, любимых тем, – он всегда это воспевал. Поскольку тогда всё из уст в уста передавалось, поэтому народ менял где-то что-то.

М. В.: Это принцип вообще русского искусства. Ведь всегда главным для художника — я беру широко — было содержание. Форма никогда не была самоцелью. Главное — ради чего, про что? В связи с этим я бы хотела спросить Вас вот о чём. Все ваши предшественницы, знаменитые и не очень, исполняя ту или иную народную песню или песни современных авторов, как бы рассказывали о событии, которое произошло с кем-то, где-то и когда-то. А у Вас, независимо от того, что вы поёте, всегда монолог, и всегда ваше пение окрашено доверительной интонацией, как будто Вы рассказываете о себе. Откуда это? И что для Вас значит интонация и как термин, и как средство выражения, и почему они так важны для Вас?

Т. П.: Наверное, такой уже сложившийся исполнительский приём. Во-первых, и содержание, и форма должны всегда присутствовать, главное — содержание. Но и по форме русская песня всегда очень волевая, если даже речь идёт о лирических состояниях. Должен быть внутренний, духовный напор, который изливается в звуке. Это как раз одна из характерных черт русской песни. То есть как выразить силу души русского человека, который не сгибается, не склоняется ни перед чем? Это же выражается в звуке, который идёт постепенно, не прерываясь, выражая определённые мысли, облечённые в звук. Это очень важно. Дальше ты, естественно, берёшь характер героя, который произносит это слово, берёшь какие-то его черты, и укладываешь это, наделяешь себя этим. Мы как-то с дочкой прослушивали мои записи песни “Ухарь-купец”, исполняемой с разными оркестрами и с разными дирижёрами, и поняли, как это всё каждый раз по-разному звучит. От дирижёра очень многое зависит. И нам больше всего понравился “Ухарь-купец”, которую я пою в сопровождении оркестра нашего Гостелерадио под управлением Николая Николаевича Некрасова. Там — форма русской тройки, то есть ритм бега русской тройки, что абсолютно слаженно в инструментах звучит. И всё это поётся, мелькает этот сюжет, эта драма. Это настолько все концертно, прекрасно, блестяще и картинно... А чуть троечку замедлишь — или колесо как будто у неё не в порядке, — и всё, песня не задалась. Такие маленькие неточности, метроритмы снижают образность, лишают произведение полноты.

М. В.: Поскольку речь зашла уже о Вашем творческом методе, позволю Вам заметить: я обратила внимание на то, что в своих концертах вы нередко поёте песни своих предшественниц, но при этом всегда уточняете, что это песня из репертуара, например, Надежды Плевицкой, или Лидии Руслановой, или Людмилы Зыкиной. А ещё я заметила, что из всех современных исполнителей только Вы это всегда и подчёркиваете. Эта этическая сторона и есть исполнительская культура? Или это для Вас более широкое понятие?

Т. П.: Это более широкое понятие. Вспоминая имена, которые подарили народу эту песню, и народ её принял, ты выражаешь благодарность. И как чувство живого сердца, она изливается в песне, и народ это понимает. Это — как по дуге: идёт в народ и возвращается к тебе, давая силы, и ты понимаешь, что ты продолжаешь традицию, а не начинаешь её снова, ты вливаешься в эту мощную струю уже со своим смыслом, со своими добавлениями, по своим возможностям, по своему голосу. Но ты продолжаешь традицию. Вот что важно.

М. В.: В развитие этих мыслей об исполнительской культуре возникает вопрос. Вы сейчас записали сразу несколько передач на радиостанции “Радионет”, и часть из них посвящена поэзии Рубцова, Клюева. Я знаю, что Вы поёте очень много песен на их слова. Эти передачи просто любовь к их поэзии, или за этим стоит нечто большее?

Т. П.: Народ избрал Слово. Понимание этого очень важно. Необходимо придерживаться и продолжить эту традицию. Произведения наших поэтов требуют выражения в вокале, в голосе. Очень важно найти исполнительскую интонацию для каждого из поэтов. Как мне кажется, удалось найти, уловить её в поэзии Клюева, Рубцова. Это трудно, надо читать. Читать о поэте, пропевать, думать, как это правильно подать. Например, с Есениным, я считаю, пока не нашла нужную интонацию, в вокале, в исполнительстве, только подбираюсь к этому, понимая, что это очень трудно. Так же, как для любого поэта. Будь то Лермонтов, Никитин, Ознобишин, Некрасов. Они были авторами песен, ставших народными, которые пелись тогда. Мне очень хочется, чтобы что-то из того, что я делаю, хоть малая крупица, осталось, не пропало, чтобы песни эти уже пелись бы как народные. Есть у нашего народа одна такая

особенность: со временем он скажет своё слово, всему даст свою оценку. В преддверии отмечавшегося недавно праздника равноапостольного князя Владимира стали искать вещи, которые бы народ посвятил князю. В истории долго осмысливалось его правление, сохранялись какие-то ещё обиды, наветы, и потом только история поставила всё на свои места: выявилась значимость самой личности князя для Руси, его поступок, его выбор. И тогда уже народ начал называть его Красное Солнышко, воздавая ему благодарность. И только через пять веков появились песни, которые действительно слагал о нём народ. Ведь в народе ничего не делалось по приказу, только по веле-нию души и осознанию.

М. В.: То есть складывается какая-то своя, не просто исполнительская культура, но и система пения, исполнения?

Т. П.: Я не думаю, что она своя, но она в русле всего того, что есть.

М. В.: Я знаю, что Вы доцент в родной Гнесинке, и поэтому резонный вопрос: что Вы вкладываете в понятие “профессионализм” и как в связи с этим выстраивается современная, в частности, Ваша система подготовки молодых певцов? Какова вообще должна быть современная школа пения?

Т. П.: Современное воспитание певцов должно быть на историческом, словесном и исполнительском материале песен, то есть должно быть в русле того, что уже было в истории России. И нужно гораздо больше работать именно сейчас. Ведь раньше не было такого натиска псевдокультуры. “Под чужую песню и смеюсь, и плачем”, говоря есенинскими словами. И совершенно не знаем, как выразить свой богатейший внутренний мир в слове и музыке. Поэтому сейчас нужно усилий гораздо больше, поскольку влияние идёт со всех сторон: из телевизора, из интернета. Этот натиск меняет, искажает интонацию русскую, русское отношение к жизни, внутренний характер, волю, устремлённость, молитвенность, чистоту, крепость – всё меняется и всё уходит в сентиментальность, в лучшем случае, если не сказать больше.

М. В.: На первое место ритм вышел, и реакция слушателя стала не на слово, которое поётся, а на ритмическое оформление.

Т. П.: Это то, о чём говорит доктор искусствоведения, профессор Московской консерватории В. В. Медушевский, которому надо низко поклониться. Об этом и раньше говорили многие музыканты, в частности, Георгий Васильевич Свиридов, Валерий Гаврилин, о том, что жёстко сменилась интонация русская. Ведь человек влагает во фразу свою мысль, свою законченную форму мысли и звука, а теперь этого нет, фраз нет, нет даже достойных слов, достойных голосов нет. Тупиковая ситуация: кто достал деньги, тот и поёт. Эта ситуация очень мешает людям, и она опасна, это серьёзная опасность на самом деле, и финансирование культуры по остаточному принципу тоже, конечно, не приведёт ни к чему хорошему. Но всегда думаешь и надеешься, что у России всё равно всё сбудется.

М. В.: В Вашем богатом разнообразном репертуаре довольно значимое место, наряду с народной, современной, авторской песней, занимают духовные песнопения. Сейчас само слово “духовность” не произносят только ленивые, а однажды я даже услышала такое выражение: “духовность, конечно, украшала русскую культуру”, – это апофеоз бездумного отношения к самому понятию, его смыслу и значимости. А как и когда духовные песнопения вошли в Ваш репертуар? И хотя Вы не часто их поёте, но записали их на одном из самых известных Ваших дисков “Белогорской земле посвящается”.

Т. П.: Мы же с Вами были на Рождественских чтениях, где говорили о том, что в советское время этнографы упускали пласт духовного песнопения, который в народе, естественно, был. Люди, приходя из храма, окружали этой благодатью свою жизнь, и молитвенное состояние продолжалось в чтении псалмов, акафистов, в молитвах, в своём осмыслении жития апостолов, Богородицы, всех святых. Своё внутреннее состояние человек поддерживает темой, которая делает его сильнее, мудрее и богаче. А человек, у которого низкий уровень духовности, а точнее – человек бездуховный, у него это всё на уровне ритма и на уровне того языка, который он избирает, и того образа, который его тешит в это время. Как в народе говорят, беса тешит. Поэтому это совершенно разные уровни понимания и даже самосознания. Каждый человек избирает своё. В этом, мне кажется, и есть свобода выбора. И мы сейчас должны как раз говорить об этом, разъяснять. Скажи, какую песню ты поёшь, и я скажу тебе, кто ты. Меня всегда поражает, когда люди,

казалось бы, в храм ходят, действительно, свою жизнь меняют, стараются, и вдруг покупают билеты на дешёвую попсу! Это говорит о том, что у человека раздвоение личности. Он только ещё начинает зреть — и вдруг такие срывы. Настоящий человек, живущий богатой духовной жизнью, никогда не пойдёт туда. Ему просто страшно децибелы эти слышать, этот вульгарный язык, эту пошлость. Его сердце это не примет. А если человек покупает билеты, тратит огромные деньги и идёт на то, что его душе не полезно, это говорит о том, что ему ещё очень далеко до нравственного развития своего.

М. В.: А когда духовные песнопения вошли в Ваш репертуар?

Т. П.: Как-то всё это в девяностые годы пошло, после того, как я стала воцерковляться, стала читать более серьёзную литературу. В девяностые появились книги о судьбе России, позже появились свиридовские дневники, которые оказали очень большое на меня влияние. И, конечно, всё моё окружение смотрело в одну сторону со мной, и была потребность найти новый исполнительский тембр в своём голосе, чтобы исполнить народным голосом, но исполнить академично, отрицаясь от себя, от своей самости, быть свечой Богу в собранном звуке, который обычно характерен для академического пения. И всегда здесь есть смыслы, которые надо бесконечно постигать и искать новые пути, создавая совершенный звук, оставив в нём глубину, чистоту и простоту русского слова, его высоту. Это очень высокая и трудно достигаемая цель, но надо к ней всегда стремиться и искать свои исполнительские новые ходы, чтобы выразить этот сложный, но такой благодатный материал.

М. В.: Я знаю, что Вы были в составе жюри фестиваля “Русское поле”. Расскажите об этом празднестве, прошедшем совсем недавно.

Т. П.: Этот фестиваль уже четвёртый раз проходил в год тысячелетия князя Владимира. Действительно, весь народ собрался, чтобы восславить Крещение, восславить образ великого князя, благодаря которому народ стал крещёным народом. Это празднество было очень интересно наблюдать. Меня порадовало то, что тридцать восемь регионов было представлено: от Мурманска до Крыма, от Приморья до Калининграда. Приехали коллективы, самые сильные у себя в регионе, губерниях. Были и профессиональные коллективы, которые берут поставленностью того, что они делают, всё срежиссировано, там нет простоты, безыскусности и духа живой жизни. Там есть сложившееся, в известной степени, плакатное народное искусство, характерное для советского времени, кстати, очень хорошее. Большая часть наших коллективов, в полном смысле слова, национальные: и оркестры, и хоры образовались именно во время войны, когда нужно было поднимать народный дух. Плакат — первый помощник: или умереть, или выстоять. Другого выбора не было, отсюда такая истовость, та черта, которая, может, не совсем для народа характерна, но прочно обосновалась в народном искусстве. Да, может быть, не всегда хорошие стихи и не всегда хорошие композиторы. И всё же раньше народные хоры были очень популярными. Я очень счастлива, что были замечательные хоровые коллективы на этом фестивале, которые несли именно простоту, безыскусность, в то же время высокое вокально-музыкальную выразительность языка, сохраняя при этом народный характер, то есть пение в народном ключе. А иной раз выходит непонятно кто, поёт непонятно о ком, в каком времени? Закроешь глаза, не видишь и думаешь, поют старые-старые бабки, откроешь глаза — молодые девчонки. В познании истории завернуло их очень далеко. Это тоже очень сильный крен в псевдохристианство, язычество, культовость. Но ведь искусство при всём том — это же и ты сам. Народное искусство позволяет свою душу выразить, а где же твоя душа, когда ты поёшь, как старушечка, у которой нет сил, нет зубов. И почему её, немощную, надо копировать? Эта тенденция сохраняется до сих пор и, наверное, всегда будет сохраняться, ведь подражать легче, чем творить самой. И потом, есть вокальные особенности: есть пение на вдохе, а есть на выдохе. Вдох — это, конечно же, радость, потому что небо — как купол. Христиане, когда начинали своё пение, пели, как радость жизни, познания, любви. Они сразу на вдохе поднимали своё небо, как купол храма, и это давало богатое интонирование, тембр. А те, кто на мрачную сторону поворачивались, в язычество, культовость, те все пели на выдохе, с низким небом.

М. В.: Радует обилие хоров. А большие хоры были?

Т. П.: Были и большие, разные формы были.

М. В.: Я не случайно уточнила. Наш известный дирижёр Валерий Гергиев

уже сколько времени говорит о необходимости повсеместного, как можно большего создания хоров. Как вы к этому относитесь?

Т. П.: Задал Гергиев своими пасхальными фестивалями этот тон несколько лет назад. Замечательный тон! Национальные, региональные коллективы, приезжая на этот фестиваль в столицу, имеют возможность выступить перед москвичами. Тем самым это искусство получило поддержку, которая не всегда и не везде есть. Порой возникает даже ощущение, как будто его вообще нет. И здесь нельзя не сказать о Павле Анатольевиче Пожигайло, возглавляющем Всероссийское хоровое общество. Это общество делает очень много. Они организуют конкурсы детских коллективов, наши лучшие профессора проводят мастер-классы в глубинке, помогают там составить репертуар. И потом каждый год собираются лучшие коллективы, соревнуются между собой при высочайшем жюри, а потом – заключительный концерт, который проходил то в Крыму, то в Москве. В частности, в День Победы у театра Советской Армии, а также на Красной площади, в День славянской письменности. Это очень важно, поскольку зарождающееся хоровое движение даёт серьёзное воспитание: гражданское, историческое. Ведь когда они будут знать, как правильно петь и что надо петь, они никогда больше не ударятся в другое что-то. Это уже спасённые души.

М. В.: В связи с этим напрашивается ещё один вопрос: в самой ансамблевости хорового пения, в его гармонической взаимосвязи некоторые видят элемент соборности как явление объединения. Что вы об этом думаете?

Т. П.: Все говорят, что, когда поёт огромное количество народа и если хоть кто-то хоть раз пел вместе со всеми, в большом хоре, он понимает, какое необыкновенное состояние прилива душевных, духовных сил в это время происходит. Возникает чувство единения, чувство силы, которая может горы свернуть. Это, конечно, очень важно. Какая-то в этом есть тайна, загадка. И народ, имеющий свои песни, свои хоры, – это народ, а те, кто не имеет культуры, не имеют общей песни, – это население. Конечно, народ, особенно русский, характеризует общая соборная песня. У русского народа такая богатая народная песенная культура, история! А в советское время какие замечательные песни были. Не ценим мы этого, потому что мы такой народ, который всё время вперёд смотрит, быстро забывая. А вот, допустим, эстонцы собрались пару раз на стадионе, спели две свои народные песни на четырёх нотах и сразу вышли из Союза, сплотились тут же и ушли.

М. В.: Из Ваших слов становится понятно, какое огромное значение имеет музыка. Начинаешь понимать, почему именно она занимает первое место в общей иерархии искусств.

Т. П.: Как важны люди, умеющие читать, слушать, те, кто отыскивают скрытый писателем или музыкантом духовный клад, находят его и воспроизводят в себе. И если эта духовная встреча произошла, то произошло и духовное единение с тем, кто впервые приобрёл, открыл искомым клад. По чтению и слушанию музыки можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, что он читает и слушает. И все мы незаметно становимся тем, что мы оставляем в сердце и душе из усвоенного.

На ответствии В. Г. Распутина Патриарх Кирилл сказал: “Самым главным критерием в определении величия писателя является понимание того, что происходит в душе человека после прочтения художественного текста. Он становится лучше или хуже? Его душа поднимается к небу или расплывается над землёй?”

Душа, взыскующая Богоданное слово, музыку, переносит идеал Святой Руси не в прошлое, а в будущее. Очень хорошо об этом писал ныне покойный поэт и бард Валентин Волков в одной из своих песен “Два пути”, которую я пою много лет:

*Только два пути предо мной предлежат.
По какому идти, от какого бежать?
Только два алтаря предо мной предстоят.
На котором из двух жертва моя?*

*Научи мя, Господи,
Твори ти волю Твою.
Яко ты еси
Господь Бог наш.*

М. В.: Прекрасные слова. Сегодня проблема выбора – по какому пути идти – необычайно актуальна. Это имеет отношение и к нашей повседневной жизни, и к искусству пения. В частности, исполнители народных песен, как мне кажется, забыли о ценности и значимости слова и увлекаются внешней формой, ритмикой. Потому и публика уже не слышит слова, а реагирует только на ритм, воспринимая эту внешнюю оболочку, форму как проявление современной интерпретации. Что Вы об этом думаете?

Т. П.: Два пути я, как музыкант, могу охарактеризовать двумя эпитетами: “Публика и народ”. Это не мои определения. Им уже более 150 лет, и принадлежат они русскому философу, публицисту славянофилу К. С. Аксакову. Много лет я приезжала в Башкирию и участвовала в Аксаковских праздниках. В своей статье “Опыт синонимов: публика-народ” К. С. Аксаков очень точно заметил, сколь либералы “поспособствовали превращению нашего народа в публику. “Публика, – пишет он, – явление чисто западное и была заведена у нас вместе с разными нововведениями”. Как современно звучат сегодня эти слова! А либералы, как сказано в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, всегда противостоят ортодоксальности, всегда стремятся “к свободе от стеснений, налагаемых церковью, традицией”. Тогда это была та привилегированная часть народа, которая отказалась не только от национальной одежды, но и от родного языка, от самой исконной русской жизни. Да и сегодня эта “публика” выписывает с Запада всякие материальные и духовные наряды, платя за это потерей родства с народом, с истиною мысли. Можно сказать, что публика – это пародия, искажение идеи народа. В культуре “публика”, воспринимая чужое, подражает ему, и потому сама становится чужой и несамостоятельной. Туниковый путь!

Народ же не подражает, он самостоятелен, а по русскому разумению, если примет чужое, то усвоит, переработает, преобразит и сделает своим.

В то время, как у публики своё обращается в чужое, у народа же чужое обращается в своё. Перефразируя К. С. Аксакова, можно сказать: публика – на брифинг, народ – ко всенощной. Публика танцует, народ молится. Сосредоточие публики – ток-шоу, сосредоточие народа – храм. Публика выписывает из-за моря мысли, чувства, рок и поп. Народ черпает из родного источника. Публика говорит по-английски, народ – по-русски. Публика спит, народ работает. Публика свысока смотрит на народ, народ прощает публике. Публика преходяща, народ вечен. При этом, как заметил тот же Аксаков: “Публика у нас почтеннейшая, а народ у нас православный”. России XXI века предстоит быть верующей и мыслящей. Нашим предкам удалось построить дом, в который другие народы входили, не утрачивая своей самобытности. Таких межнациональных отношений нет и не было нигде и ни у кого. Мы соборная нация. Если ты один – ты беден, если ты часть целого – ты богат. Нам есть что наследовать, наш язык мощен, прекрасен и един на огромном пространстве, наши песни и наши хоры – это соборная сила, нравственный свод культуры. Потому я верю в наш народ и в нашу культуру, которая даже в тяжелейшие времена не отрекалась от своих национальных корней. Отсюда и её вечность, и её величие.

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

ПОЛЕ БРАНИ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА

Сказал также [Иисус] ученикам: невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят.

Благая Весть от Луки. 17:1,2

Говоря, ты рождаешь слово, и оно не умрёт до Страшного Суда.

Святитель Феофан Затворник

Написанное пером не вырубишь топором.

Русское присловье

Мудрость мира сего...

Ныне довожу до ума записки, что рождались на мрачном исходе минувшего века, когда Виктор Астафьев жил в здоровом уме и ясной памяти, хотя и усталый от всесветной славы, когда маетно и азартно завершал надсадный фронтальной роман, когда обиженно и осерчало толковал о вчерашней России, что созидала рай для рабочих и крестьян, когда клял отца народов Иосифа Сталина и фронтальных командиров, тупых, честолюбивых и жестокосердных, когда бранил и русский народ, *рабский, хмельной и ленивый*; а на исходе в оглушительном и скорбном разочаровании дольным миром, где всё суета сует и томление духа, начертал измождённой рукой: *“Я пришёл в мир добрый, родной, и любил его бесконечно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощание...”*

Коли, по преданию, писатель в предчувствии близкого исхода жаждал беседы с иноком, то, очевидно, в любви ко Всевышнему и ближнему, в покаянии рассталась душа с плотью: *“Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Виктора, и прости ему вся согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное...”* А на земле российской, коя и поныне спасается праведниками, в людской памяти навечно поселились любомудрые и краснопевные, народные и природные сочинения Виктора Астафьева *“Царь-рыба”, “Последний поклон”, “Ода русскому огороду”, “Звездопад”, “Пастух и пастушка”, “Кража”* и другие произведения, в коих *“русский дух и Русью пахнет”*, где писатель *“милость к падшим призывал”*, где писательское слово было послушно Богу. И будут жить, будить от душевной дрёмы, греть зябнувшие сердца, доколе будет жива русская словесность, избранная, что от Бога, а не князя мира сего.

О русских писателях, подобных Виктору Астафьеву, Валентину Распутину, народной властью, а потом и буржуазной всемирно повеличенных, написано изрядно сочинений и мудрых, и ярких, и столь же пустого славословия: уж и *последний певец русской деревни*, уж и *совесть нации*, уж и *печальник*, и *молитвенник о народе русском*... Устами лукавых поклонников, что греют руки в лучах писательской славы, и устами дурковатых пустозвонов мёд бы пить, а не речи творить. Ишь, словоблуды медоточивые, патокой залили домовины, души усопших слиплись... Даже о святых исповедниках, проповедниках, прорицателях тише толковали, а святые боговдохновенные любомудры, спасительной горней мудростью, да и красой слова возвышались над мирскими писателями, даже гениальными, как божественное небо над грешной землёй. Лишь святых, что одолели похоти земные и просияли в Земле Российской, не грех славословить: де, печальники и молитвенники о народе русском, ибо их святые молитвы слушает Господь Бог.

Тьма суетного славословия клубилась над Енисеем, над приречным сельцом, где явился на Божий свет грядущий народный писатель, и слава Богу, что светились над рекой и поклонные слова, подобные слову Михаила Тарковского в очерке “Речные писатели”, где нынешний певец батюшки Енисея живописно свил прозу сибирских писателей Астафьева и Распутина с великими сибирскими реками — с Енисеем и Ангарой. Глянул же мои записки о Викторе Петровиче, Михаил встревожился: “А любил ли я прозу Астафьева?..” — на что я ответил: “Михаил, брат, здорово!.. В записках я хоть и бегло, но запечатлел былой восторг или тихое умиление от прозы Астафьева, — разумеется, избранной, поскольку недавно перечёл “Обертон”, вспомнил иные фронтовые повести и опечалился: виден Астафьев — иронический бытописатель, увы, порой и скабрёзный, но уже смутно видится Астафьев — народный и природный живописец... Мы были знакомы, в моих архивных залежах хранится даже его письмецо о моих сказах; но виделась мимоходом, говорили мимолётом и не с глазу на глаз. Я не досаждал Виктору Петровичу, хотя слышал... если приятели-писатели по дружбе не сбрежали... что Астафьев даже и похваливал некие мои сочинения, попавшие ему на глаза... Обычно его плотно окружали поклонники из писательских дарований, среди коих воронами кружили и ловкачи из тогдашних либералов, что бранились с русскими националистами... ”

Жалко мне лукавых критиков, ловких издателей и прочих *деятелей*, что лезут в друзья к знаменитым русским писателям, возлюбив их не за слово, а за славу, некогда дарованную Красной Империей, чтобы согреть руки в сиянии славы. Душу-то можно согреть и без дружбы, читая сочинения великих, а вот поживиться... Миша, я поправлю статью и, может, поярче выражу любовь к житейскому миру Астафьева, близкому мне детством и отрочеством среди вольной природы; и выражу любовь к слову Астафьева, родному, народному, у коего я, молодой и заполошный, учился... ”

Несмотря на то, что с косыми, исподлобными, поздними взглядами Астафьева на русский народ и русскую историю я не соглашался... я был в солигласии с Распутиным... талант же астафьевский любил и ученически чтит, — талант, воплощённый даже и в романе “Прокляты и убиты”, хотя воплощённый в гневе, в сердцах... Астафьевская писательская судьба в сих записках стала лишь поводом для размышлений о русской литературе в её горних вознесениях и дольных падениях в безумную мудрость века сего, ибо “мудрость мира сего есть безумие пред Богом” (1 Кор. 3:18–19)”. На том, Михаил, и кланяюсь. Храни Господи и тебя, и твоих домочадцев. Зима 2016 года”.

В сих заметках вдосталь цитат, больше, чем авторского повествования, и не случайно, а дабы подчеркнуть, что здесь не личностные... упаси Бог, скажут ещё и *ревнивые*, *безжалостные*... субъективные размышления автора о знаменитом писателе, но суждения его читателей, почитателей и писателей. Не обременяясь дотошным разбором сочинений, — пусть книжные мудрецы размышляют о роли многоточий в “Последнем поклоне”, — решил я поразмыслить о поздних воззрениях Астафьева, выраженных в его речах и сочинениях, в переписке, собранной в последней книге пятнадцатитомного собрания сочинений, увидевшего свет благодаря Борису Ельцину. Изрядно астафьевских посланий, что выплеснулись на бумагу в душевных порывах и смятениях, изрядно и писем самому Астафьеву, столь сокровенных, заповедных, что из этических соображений не все письма уместно было включать в собрание

сочинений, чтобы не выносить сор из писательской и... русской избы. Но теперь уж что, теперь уж написанное пером не вырубись и топором; теперь всё, даже сказанное мимоходом, в сердцах, сказано на века.

Публичная переписка, где и Астафьева не жалуют, где Виктор Петрович иной раз и сам себя не щадит, выразила душераздирающие противоречия поздних писательских воззрений на Россию и родной народ, на русский национализм и его вождей и глашатаев; и если закатные идеи Астафьева в художественных произведениях не так остро и угловато выпирают, смягчаясь повествовательным потоком, то в письмах предстают оголёнными, крикливо митинговыми, похожими на хлёсткую брань.

Тургенев, Толстой и Астафьев...

Подумалось: записки об Астафьеве в изначальном виде увидели свет в журнале "Сибирь"¹, когда Виктор Петрович ещё доблестно сражался с русофилами; и, может, записки были интересны и злободневны лишь при жизни писателя, в то российское злолетье, когда русофилы яро бранились с русофобствующими властителями... растлителями дум?... По древнему обычаю про усопшего либо молчат, либо говорят добрые слова, а ведь в моих записках есть и упрёки, и укеры... Но... скажу в оправдание: восхищаясь живописным словом Астафьева, в записках, что нынче привожу в Божий вид, я размышлял не столь о творчестве енисейского сочинителя, сколь о его поздних взглядах на русский народ и отечественную историю, хлёстко и откровенно выраженных в военном романе и в переписке с друзьями и недругами, с писателями и читателями. К сему хотелось и вписать строку в историю русской литературы, запечатлеть писателей на фоне идейной брани, что разгорелась в России на мрачном закате прошлого и кровавом рассвете нынешнего века. А брань та лишь чудом не переросла в братоубийственную, и Астафьев мог оказаться с былыми друзьями, вроде Белова и Распутина, по разные стороны баррикад... А перво-наперво, хотелось в записках показать писателя, сквозь великие искушения, сквозь мирские и творческие страсти пришедшего к смирению, покаянию и спасению во Христе.

Говоря с любовью о могучем, словно Енисей, художественном даровании Виктора Астафьева, говоря о его весёлом, простолодном характере и певучей любви к природе – Творению Божию, – читатели, а тем паче писатели и учёные имеют полное право толковать, и даже посмертно, об идейных шатаниях и метаниях литератора, что из души выплёскивались в сочинения. И толкования, пусть даже и ворчливые, – не тень на плетень, они не умалят величия художника в мировом искусстве, но правдиво изобразят сложнейший художественный мир во взлётах и падениях, в блужданиях и озарениях. Про еретика Ария, которому дал в ухо святой угодник Никола Чудотворец, надо бы молчать либо говорить добрые слова – покойник же, да к тому же, хоть и кривой, а могучий религиозный мыслитель, но ведь собаку Ария уже семнадцатый век христианские богословы костерят за ересь поганую...

А скажем, Иван Тургенев в читательском сознании не выпадет из череды классиков русской литературы от того, что православный христианин Фёдор Достоевский... да и все тогдашние русофилы... восприняли роман Тургенева "Дым" как западническую клевету на Россию. "Дым", по словам Фёдора Михайловича, "подлежал сожжению от руки палача"; "...книга "Дым" меня раздражала. Он (Тургенев. – А. Б.) сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги состоит в фразе: "Если б провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве". Он объявил мне, что это его основное убеждение о России. (...) Ругал он Россию и русских безобразно, ужасно. Но вот что я заметил: все эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы ещё Белинского, ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением. Разница в том, что последователи Чернышевского просто ругают Россию и откровенно желают ей провалиться (преимущество провалиться!). Эти же, отпрыски Белинского, прибавляют, что они *любят Россию*. А между тем не только всё, что есть в России чуть-чуть самобытного, им ненавистно, так что они его отрицают и тотчас же с наслаждением обращают в карикатуру, но что если б действительно представить им наконец факт, который бы уж нельзя опровергнуть или в карикатуре испортить, а с которым надо непременно согласиться, то, мне кажется, они бы были

до муки, до боли, до отчаяния несчастны. (...) Я (Достоевский. — А. Б.) перебил разговор²; заговорили о домашних и личных делах, я взял шапку и как-то, совсем без намерения, к слову, высказал, что накопилось в три месяца в душе от немцев: “Знаете ли, какие здесь плуты и мошенники встречаются. Право, чёрный народ здесь гораздо хуже и бесчестнее нашего, а что глупее, то в этом сомнения нет. Ну вот Вы говорите про цивилизацию; ну что сделала им цивилизация и чем они так очень-то могут перед нами похвастаться!” Он (Тургенев. — А. Б.) побледнел (...) и сказал мне: “Говоря так, Вы меня лично обижаете. Знайте, что я здесь поселился окончательно, что я сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим!”

Достоевский обличал русофобствующего германофила Тургенева, разумею, не из честолюбивой ревности... сам при жизни в гениях ходил... разумею, не из зависти к богатому барскому имению и даже не от славянофильства, но лишь из сыновьей любви к родному русскому народу, униженному и оскорблённому. Оно, вроде, и брань на ворота не виснет, но ведь простоватый русский книгочей может и за чистую правду принять выводы Тургенева о том, что “...Русь в целые десять веков ничего своего не выработала, ни в управлении, ни в суде, ни в науке, ни в искусстве, ни даже в ремесле... (...) Наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тартары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потребовала бы, родная (...) потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут — эти наши знаменитые продукты — не нами выдуманы. (...) Ну скажите мне на милость, зачем врёт русский человек? (...) Лезут мне в глаза с даровитостью русской природы, с гениальным инстинктом (...) Да какая это даровитость, помилуйте, господа? Это лепетание спросонья, а не то полузвериная сметка. (...) Русское художество, русское искусство!.. Русское кружение я знаю и русское бессилие тоже, а с русским художеством, виноват, не встречался. (...) Русские люди — самые изолгавшиеся люди в целом свете; а ничего так не уважают, как правду, ничему так не сочувствуют, как именно ей...”

Ранешние царские западники, хотя, случалось, и грешили русофобией, всё же были западники по убеждению и думали, что западноевропейский стиль жизни во благо России; нынешние же лукавые “западники” с русофобской пеной на губах куплены Западом с потрохами и по сниженным ценам, — товар бросовый, молью побитый... И за славу суетную, злато-серебро испросил сумеречный князь душу, Богом дарованную... А посему нынешним “западникам” хоть наплюй в глаза, да хоть помочись в очеса — всё Божия роса... Среди русофилов есть малые и великие грешники, но русофилы каются, а русофобы каяться не способны, ибо без Бога и царя в голове, русофобы не грешники, русофобы — слуги князя тьмы...

Не унижают же художественный гений Льва Толстого, но во спасение русской души, скажем, грозные проповеди святого праведного Иоанна Кронштадтского супротив ереси мятежного графа: “Дерзкий, отъявленный безбожник, подобный Иуде предателю... Толстой извратил свою нравственную личность до уродливости, до омерзения... (...) О, как ты ужасен, Лев Толстой, порождение ехидны... (...) Доколе, Господи, терпишь злейшего безбожника, смутившего весь мир, Льва Толстого? Доколе не призываешь его на суд Твой?.. Господи, земля устала терпеть его богохульство. (...) Возьми его с земли — этот труп зловонный, гордостью своею посмрадивший всю землю. Аминь”³.

Мог ли светоч Земли Русской праведный Иоанн Кронштадтский писать вежливей, читая статьи графа Толстого, kloкочущие ненавистью к Русской Православной Церкви: “...Я убедился, что учение Церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же — собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения. (...) я отвергаю все таинства. (Из письма Л. Толстого по выходу Постановления Священного Синода об отлучении его от Церкви.)

А ранее борзый и гордый гений замахнулся и на Святое Писание, на христианство: “Разговор о божестве и вере навёл меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле”. (Из дневника Льва Толстого.) Воистину, зеркало русской революции;

верно мыслил *великий* Ленин, ненавидевший Достоевского за Церковь Христову, возлюбивший Толстого за отвержение от Церкви, равно и царя Петра Первого, родного большевикам по неприязни к всему русскому, исконному.

Я повёл речь о писателе Астафьеве, и зачем же помянул предзакатного Тургенева, Толстого?.. А затем, чтобы показать идейную близость сих писателей в их позднюю пору, дабы заодно и подтвердить сказанное раньше: про усопших писателей грех говорить скверно, да и про всех ближних, живых и мёртвых, но растолковать простоватому книгочею их мировоззренческие блуждания во тьме — не грех, но лишь во благо нынешним и грядущим читательским душам. Правда, ещё толкуют мудрые: де, про покойных либо молчат, либо говорят правду...

Увы, забывали писатели речение Христа: “Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят” (Лк. 17:2). Различны были изначальные мотивы писательских ересей: у великих — Тургенев, Толстой — и блуждания великие, а равновелик ли дворянским классикам сибирский мужик, нынешний век решит; но я думаю, вершинные сочинения Астафьева — уже в ряду классических произведений и даже превосходят иные, ибо запечатлели не узкий дворянский мир, но крестьянский — суть народный, поскольку крестьянство в начале прошлого века составляло почти девяносто процентов народонаселения России, поскольку в русских, чем бы те ни промышляли, и по сей день крестьянский дух не выветрился из души. Но то уже иная беседа...

Встречи

Литературная судьба моя — горькая полынь: тяжко из деревенской грязи угодить в белоперчатные князи; а и грех жаловаться: на склоне лет одобрительно хлопали по плечу бывшие мастера, а к сему сподобился и общаться с писателями, коих при жизни величали классиками, а тех, кто в здравии, величают и поныне⁴. Валентин Распутин изрядно подсоблял мне, смутному и зедёному; с Василием Беловым обменивались книгами и письмами; не единожды встречался и с Виктором Астафьевым — в Красноярске, Дивногорске, Овсянке, в Барнауле, Бийске, Сростках, где мы вместе беседовали с енисейскими и алтайскими книголюбями, сиживали рядом в дружеских застольях...

Коли виделся с Виктором Петровичем годом да родом, мимоходом-мимолётно, то и не скопил в закромах столь случаев, чтобы писать обширные воспоминания, а привирать — грех. Вдруг... может, ни к селу, ни к городу... помянулась расхожая на Алтае писательская байка... Как из снежка, пущенного под гору, вырастает снежная баба с морковным носом, так и после смерти Василия Шукшина обильно и стремительно вырос круг его *близких* друзей, жаждущих покрасоваться на фоне Шукшина, а может, и копейку зашибить на воспоминаниях. Попутно сочинялись и мемуары в духе: *я и Шукшин*...

И вот якобы на Алтае затеялся вечер памяти Шукшина, где писателя вспоминали его приятели и знакомцы; и когда вечер уже затихал, на сцену самоустийно пробился застарелый стихоплёт, который так измаял писателей кудрявыми и корявыми виршами, что иные слабонервные, завидев стихотворца, падали в обморок. Забрался мужичок на помост и вещает: “А ведь и я встречался с Макарычем, и я хочу писать воспоминания... Помню, — говорит, — вхожу в приёмную второго секретаря Алтайского крайкома партии, а секретарша говорит: “У него Шукшин на приёме...” О, думаю, подфартило: с Шукшиным свижусь, побеседую, — худо-бедно, мы с Макарычем старинные друзья. Выходит Шукшин... в сапогах, кожаном пиджаке, сердитый... Тут я и подбежал: “Здравствуйте, Василий Макарыч; помните меня?... Я вам стихи посылал... в амбарной книге...” Макарыч и говорит: “Почитал, почитал, дружище; да ты же ходячий гений...” Но тут вздыхается другой поэт и обличает “гения ходячего”: “Да мы же, Федя, с тобой вместе были в крайкоме, и я слышал, что Макарыч ответил; он вот так махнул рукой на тебя и говорит: “Пошёл-ка ты, Федя, к едре-е-ене фене!...”

Байка, конечно, но и нет же дыма без огня... Смех смехом, а и Виктора Петровича, видимо, постигла та же посмертная участь обрести тьму друзей. А к друзьям добавилась и тьма исследователей, что прошарили сочинения до жалкой запятой. Помню, в Перми на Астафьевских чтениях среди мудрёных

речей слушал профессорский доклад... про эмоционально-семантическую роль многоточия в произведениях Виктора Астафьева. Всё исшарили, всё истолковали; словно заплесневелым илом, завалили вымыслами и домыслами творческую и житейскую судьбу писателя; а ныне и до многоточий добрались...

Кстати, Виктор Петрович осчастливил сразу три российских города: Красноярск – здесь прошли его детство, отрочество, ранняя юность, а потом – и преклонные лета; Пермь – в пермские земли вернулся после войны с женой-пермячкой; Вологду – здесь долгие годы жил и творил. Осчастливил, перво-наперво, издателей и библиотекарей: под писателей вроде меня казна и ломаного гроша не даст, а уж под Распутина и Астафьева раскошелится, вот почему и крутился подле них окололитературный ловкий народец. На помянутых советских *деревенщиках* нажились и услужливые, хитрые критики, и ловкие издатели, и прочие бойкие деятели искусства и журналистики.

Славили и славят Пермь и Вологда Виктора Астафьева, но писателю роднее Красноярье: здесь речным туманом уплыло в небесную синь деревенское детство, воспетое и оплаканное; здесь батюшка Енисей, оживший под писательским пером, матёрый и непостижимый в своей мощи и красе. Изначально и свиделись мы с Астафьевым в Красноярье, где с широким и хлебосольным советским размахом гремели Дни “Литературной России”; и писательскую братию, что слетелась со всей России-матушки, не токмо поили и кормили от живота, но и катали по Енисею на белом корабле.

Речи Астафьева, публичные и тихие застольные, я не запечатлел в “записных книжках”, а посему вспоминаю смутно, передаю своими словами. Хотя слушал Петровича, отпахнув рот, страшась проронить и мелкое словцо, поскольку вырос среди мужиков, что не токмо анекдоты травили, а и веселили народец сельскими байками, искусно ведали таёжные бывальщины и былички про нежить лесную, полевую, водяную и болотную, избяную и дворовую. Я вырос в мудром и украсном говоре, словно в тайге, дивной и щедрой.

Пристально всматриваюсь в чёрно-белую карточку, где десятка три писателей, гуртясь на палубе, замерли в ожидании птички-синички, что выпорхнет из фотокамеры: вот писатель Хайрюзов и я сидим на резиновой лодке, а меж нами – астафьевская внучка, а над нами – Петрович и его Марья, а далее – провинциальные сочинители, вроде меня, грешного, коих власти осчастливили писательским праздником. Счастье же лицезреть, слушать знаменитого писателя, гулять по Енисею на белом корабле, спорить, соглашаться в жарких застольных беседах, наперебой читать стихи, а ино и прозу...

Тут же родилась и другая карточка: полумесяцем выставили на потеху и поглядение бородатых писателей, куда угодил и я, забородатевший, кажется, с пелёнок; впрочем, ради красного словца молвлено с *пелёнок*, а ежели без прикрас: стукнуло двадцать девять лет, “Литературная Россия” напечатала рассказ с благословляющим распутинским словом, потом газета присудила мне премию “За лучший рассказ года”, хотя, думаю, за распутинское слово, тут и бросил я скоблить скулы, тут и зарос гнедой шерстью по самые очеса. Помню, гладко выбритый горемычный писатель едко высмеял меня: “Как в люди выбьются, так сразу бороду растят...” В бородатые, что сбились на нижней палубе, угодили и други мои Михаил Щукин – прозаик из Новосибирска, – и Владимир Башунов, Царствие ему Небесное, – талантливый *русский* поэт из Барнаула. И помню, Астафьев с верхней палубы с отеческой улыбкой поглядывал на бородатое писательское племя, и может, вертелась в уме ходовая сказка: борода, что лопата, а ума маловато; либо иная: борода, что лопата, и ума – палата.

Брежневская власть уже не страдала большевистским богохульством, и писатели в Красноярске посетили храм, потолковали со священником. О чём, хоть убей, не помню; да и священник в памяти не осел, поскольку меня, как и всю писательскую поросль, интересовал и волновал лишь Виктор Астафьев, о ту пору советской властью уже отмеченный Звездой Героя Социалистического Труда, двумя Государственными премиями СССР, изданный многомиллионными тиражами, переведённый на все языки читающего мира.

Среди молодых гостей в Красноярье и Владимир Константинович Сапожников, тоже матёрый сибирский прозаик; а коль годами был близок Астафьеву и тоже воевал, то по-дружески и подсмеивался над писателем-приятелем. Но и Виктор Петрович за словом в карман не лез, тут же лихо отшучивался.

Жаль, не запечатлел я потешную перебранку пожилых бывалых мужиков дословно, а посему передаю своими словами.

Помню, выбрались мы из автобуса, любовались храмом, тут и Астафьев подкатил на лаково сверкающей чёрной “Волге”, в каких ездили советские вельможи вроде секретарей обкомов и крайкомов. Сапожников, помню, хвастливо говорит Астафьеву: мол, Витя, у тебя “Волга”, а у меня, брат, “Нива”... “А у меня — ещё и водитель...” — осадил его Витя. “Нива” в благословенную брежневскую тишь тоже почиталась машиной начальственной, а для худых дорог — родной и дорогой.

Ещё, помню, громоздкий наш автобус, неуклюже разворачиваясь на овсянкинских улочках, причалил к усадьбе Астафьева, и говорливой писательской братией наполнилась деревенская ограда, плавно переходящая в огород. “Витя, а на какой грядке тебе памятник поставят?” — усмешливо спросил Сапожников, на что Виктор Петрович осерчало сверкнул зорким оком и, кажется, промолчал. Но когда мы нагрянули в усадьбу писателя Буйлова, и нас встретил малый лет трёх-четырёх, что сидел на заборе и весело вопил, вот тогда Виктор Петрович и ответил: “Ума мало, молотит чо попало, вроде моего друга...” — и с лукавой улыбкой кивнул на Сапожникова.

Писательская братия любила Виктора Петровича — талантливого прозаика и затейливого балагура и баешника, каких в стародавние времена записывали шустрые туристы-фольклористы, хотя и жаль, что красноповец-енисеец, случалось, солоно солил, остро перчил бывальщины и байки; и соромщина, словно трава-дурнина в житном поле, вскоре проросла и в художественной прозе.

Валентин Распутин уродился потаённым, молчаливым... Злоязыкие про эдаких обычно добавляют: мол, себе на уме... И если говорил в дружеском кругу, то кратко и притчево; Астафьеву же был отсулён природой и породой дар сказителя и народного певца. По воспоминаниям, тот обладал сочным басом, переходящим в густой баритон, коим бы дьякону петь на Божественной Литургии и в архиерейском хоре. Так и слышишь, Виктор Петрович, яко Шаляпин, возглашает: “Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение языков, и славу людей Твоих Израиля...”

Где бы не сбилась в застолье писательская братия, если там оказывался Астафьев, то застольники слушали лишь его — мужики с восхищением, барыни и барышни с любовью, иные, может, и с надеждой на взаимность... Астафьев не чурался страстей мира сего, отчего и творческая, да и житейская судьба соткались из трагических противоречий. В “мировой паутине” ныне изрядно воспоминаний и о сугубо личной жизни Виктора Петровича; вот выписка из недавно прочитанных: Астафьев “на фронте ... несколько раз был тяжело ранен, здесь же он в 1943 году познакомился со своей будущей женой Марией Корякиной, которая была медсестрой. Это были два разных человека: Астафьев любил свою деревню Овсянку, где родился и провёл самые счастливые годы детства, а она не любила. Виктор был очень талантлив, а Мария писала из чувства самоутверждения. Она обожала сына, а он любил дочь. Виктор Астафьев любил женщин и мог выпить, Мария ревновала его и к людям, и даже к книгам. У писателя были две внебрачных дочери, которых он скрывал, а его жена все годы страстно мечтала лишь о том, чтобы он был всецело предан семье. Астафьев несколько раз уходил из семьи, но каждый раз возвращался назад. Два таких разных человека не смогли покинуть друг друга и прожили вместе 57 лет, до самой смерти писателя. Мария Корякина всегда была для него и машинисткой, и секретарём, и примерной домохозяйкой. Когда жена написала собственную автобиографическую повесть “Знаки жизни”, он просил её не публиковать, но она не послушалась. Позднее он также написал автобиографическую повесть “Весёлый солдат”, которая рассказывала о тех же событиях⁵.

“...Привыкали они друг к другу долго. Характер у Астафьева был тяжёлый, неуживчивый, но брак не распался, выдержал, во многом благодаря ангельскому терпению Марии, за которое Виктор уважал её и любил всю жизнь. Несколько раз за время их супружества неусидчивый Астафьев вдруг срывался с места и куда-нибудь уезжал — то в Вологду, то в Красноярск, то ещё куда-нибудь, и не на маленький срок, а на полгода или дольше. Но возвращался он всегда, и Мария молча, без слова упрёка принимала его обратно...”⁶

Может, ошибаюсь, но чудится, в дальнем мире вдохновенно и верно Астафьев любил лишь природу, искусство и — особо — литературу... Помню, в начале девяностых, ещё не отчалив от патриотов к либералам, будучи на Шукшинских чтениях, Астафьев горько и прилюдно толковал о русской словесности, и, слава Богу, без соли и перца. Заповедовал: коли русская литература выживет, выстоит вопреки властителям-растлителям, то не грех бы литературе и памятник поставить — эдакую величавую скульптурную композицию: измождённый писатель, которого подпирают две заморённые бабоньки — библиотекарь и учитель литературы... Эдакий бы памятник воздвигнуть в Красноярске, да хоть в самой белокаменной столице... Позже в застолье... вроде, в шукшинских Сростках... когда братья писатели завеселели, я, помнится, возразил Астафьеву: дескать, колесил и куролесил по Иркутской губернии, беседовал с библиотекарями, учителями словесности, и нигде не видел заморённых, даже в глухомани, но — все крепкие, ядрёные... Виктор Петрович осерчал, сверкнул одиноким оком... не любил, чтобы перечили... и, кажется, проворчал: мол, картошку сеют...

Да-а, были Шукшинские литературные чтения, где Астафьев, Белов, Распутин *глаголом жгли сердца людей*, проповедуя любовь к родному русскому народу; а как чужебцы порушили народную власть и обратили Российскую Империю в топливную колонию Запада, то и Чтения обратились в лицейский Фестиваль, где, утеснив писателей, артисты тешили толпу, жаждущую хлеба и зрелищ. Впрочем, среди артистов, слава Те, Господи, случались и русские народные, самородные, достойные былых Шукшинских чтений.

Русский националист Виктор Астафьев

Единодушно, единомышленно и равноправно с именитыми “деревенщиками” вошёл в русскую литературу Виктор Астафьев; а на перевале веков ещё и прославился как *русский националист с юдофобскими замашками*. Так его повеличало русскоязычное писательское еврейство, как некогда повеличало и крестьянских поэтов начала прошлого века, начиная с Сергея Есенина и завершая Павлом Васильевым. Николай Клюев писал о том, как встретила Есенина русскоязычная шатия-братия: “Ждали хама, глупца непотребного, // В спинжаке, с кулаками в арбуз, // Даль повыслала отрока вербного, // С голоском слаще девичьих бус. (...) Он поведал про сумерки карие, // Про стога, про отжиночный сноп. // Зашипели газеты: “Татария! // И Есенин — поэт-юдофоб!” Статью о русофобии большевики, увы, не вписали в уголовное право...

Если Валентин Распутин *интеллигентно* обходил, не касался русско-еврейских отношений, если Василий Белов пытался осмыслить *отношения* в романе “Всё впереди”, то Астафьев, мужик горячий, хлёсткий, откровенно и гневно выразил в ответе Натану Эйдельману всё, что думает о роли его соплеменников в русской судьбе.

Зачин астафьевского письма Эйдельману — русская пословица: “*Не напоивши, не накормивши, добра не сделавши, врага не наживёшь*”; а далее письмо... “Натан Яковлевич! Вы и представить себе не можете, сколько радости доставило мне Ваше письмо. Кругом говорят, отовсюду пишут о национальном возрождении русского народа, но говорить и писать одно, а возрождаться не на словах, не на бумаге — совсем другое дело. У всякого национального возрождения, тем более у русского, должны быть противники и враги. Возрождаясь, мы можем дойти до того, что станем петь свои песни, танцевать свои танцы, писать на родном языке, а не на навязанном нам “эсперанто”, “тонко” названном “литературным языком”. В своих шовинистических устремлениях мы можем дойти до того, что пушкиноведы и лермонтоведы у нас будут тоже русские, и, жутко подумать, — собрания сочинений отечественных классиков будем составлять сами, энциклопедии и всякого рода редакции, театры, кино тоже “приберём к рукам” и — о ужас! о кошмар! — сами прокомментируем “Дневники” Достоевского. Нынче летом умерла под Загорском тётушка моей жены, бывшая нам вместо матери, и перед смертью сказала мне, услышав о комедии, разыгранной грузинами на съезде: “Не отвечай на зло злом, оно и не прибавится”... (Грузины долго бушевали, браня Астафьева за то, что писатель в рассказе “Ловля пескаррей в Грузии” мрачными красками запечатлел грузинского торгаша-спекулянта, барственного,

походя унижающего русских. — А. Б.). Последую её совету и на Ваше чёрное письмо, переполненное не просто злом, а перекипевшим гноем еврейского высокоинтеллектуального высокомерия (Вашего привычного уже “трунения”), не отвечу злом, хотя мог бы, кстати, привести цитаты, и в первую голову, — из Стасова, — насчёт клопа, укуса которого не смертелен, но... (...) Более всего меня в Вашем письме поразило скопище зла. Это что же Вы, старый человек, в душе-то носите?! Какой груз зла и ненависти клубится в вашем чреве? Хорошо хоть фамилией своей подписываетесь, не предаёте своего отца. А то вон не менее, чем Вы, злой, но совершенно ссученный атеист — Иосиф Аронович Крывелёв — и фамилию украл, и ворованной моралью — падалью питается. Жрёт со стола лжи и глазки невинно закатывает, считая всех вокруг людьми бесчестными и лживыми. Пожелаю Вам того же, чего пожелала дочь нашего последнего царя, стихи которой были вложены в Евангелие: “Господь! Прости нашим врагам, Господь! Прими и их в объятия”. И она, и сестры её, и братец, обезноживший окончательно в ссылке, и отец с матерью расстреляны, кстати, евреями и латышами, которых возглавлял отпетый, махровый сионист Юрковский. Так что Вам в минуты утишения души стоит подумать и над тем, что в лагерях вы находились и за преступления Юрковского и иже с ним, маяясь по велению “Высшего судии”, а не по развязности одного Ежова. **Как видите, мы, русские, ещё не потеряли памяти, и мы все ещё народ Большой, и нас все ещё мало убить, но надо и повалить.** (Выделено мной. — А. Б.) Засим кланяюсь. И просвети Вашу душу всемилостивейший Бог! 14 сентября 1986 г. село Овсянка”.

Натан Эйдельман, по астафьевскому толкованию, столь похож на соплеменника Чекистова (*прообраз Лейбы Троцкого*) из поэмы Есенина “Страна негодяев”. Вот диалог Чекистова с красноармейцем Замарашкиным:

“Чекистов (*Троцкий*). Нет бездарней и лицемерней, // Чем ваш русский равнинный мужик! (...) То ли дело Европа? // Там тебе не вот эти хаты, // Которым, как глупым курам, // Головы нужно давно под топор...

Замарашкин (*русский красноармеец*). Слушай, Чекистов!.. // С каких это пор // Ты стал иностранец? // Я знаю, что ты еврей, // Фамилия твоя Лейбман, // И чёрт с тобой, что ты жил // За границей... (...)

“Чекистов (*Троцкий*). Ха-ха! / Нет, Замарашкин! / Я гражданин из Веймара // И приехал сюда не как еврей, // А как обладающий даром // Укрощать дураков и зверей. // Я ругаюсь и буду упорно // Проклинать вас хоть тысячи лет, // Потому что... // Потому что хочу в уборную, // А уборных в России нет. // Странный и смешной вы народ! // Жили весь век свой нищими // И **строили храмы Божии...** // **Да я б их давным-давно // Перестроил в места отхожие**” (Выделено мною. — А. Б.).

Осенью 1986 года переписка Натана Эйдельмана и Виктора Астафьева, словно багровые осенние листья, словно боевые листовки, осыпала читающий мир, разошлась в тысячах машинописных листов, обратившись в самиздатовский бестселлер. Отныне имя Астафьева начертали... выбрали на чёрном камне... в списке *юдофобов*, где писатель красовался даже тогда, когда вдруг вошёл в сговор с теми, кого вчера клял. Но это потом, а пока...

Ныне можно лишь гадать о сокровенных оттенках астафьевского отношения к евреям, коих писатель, может, и делил на библейских евреев — богоизбранных, среди коих воплотился Сын Божий, давших христианству ветхозаветных пророков, святых апостолов, первохристиан, и на евреев, распявших Христа и два тысячелетия распинающих, мечтающих о мировом господстве, но под покровом князя мира сего, а не по Божию Промыслу. В пророчествах, изложенных архиепископом Серафимом по старинным греческим рукописям VIII–IX веков, сказано: “После того, как богоизбранный еврейский народ, предав на муки и позорную смерть своего Мессию и Искупителя, потерял своё избранничество, последнее перешло к эллинам, ставшим вторым богоизбранным народом”⁸.

Писатель мог особо выделить из иудейского мира евреев орусевших, вместивших в душу русский дух, славно послуживших России. Но вернее всего, Астафьев вёл речь лишь о былом *ростовщическом*, потом *революционном*, *богоборческом* еврействе, что после октябрьского восстания ухитило российскую власть вместе с российским искусством.

Станислав Куняев, что до скорбного перевоплощения Астафьева входил в его узкий дружеский круг, пристально оглядел родовое древо Эйдельманов

и узрел, что “яблочко от яблони недалеко падает”. Театровед Эйдельман-старший травил выдающегося русского поэта Павла Васильева (он был расстрелян по обвинению в фашизме, шовинизме и антисемитизме. — **А. Б.**), пушкинист Эйдельман-младший, продолжая семейные традиции, тоже постарался найти себе крупную мишень — выдающегося русского писателя Виктора Астафьева... Если не посадить, так хоть обливать грязью⁹.

Станислав Юрьевич оповестил Астафьева о своих изысканиях, и Виктор Петрович попросил: “...Ксерокопию с *деяний* Эйдельмана-старшего непременно пришли. Жида до си успокоиться не могут, всё им кажется, что они всех перелукавили и могут уже торжествовать, танцуя на трупе русского мужика. Не думай, что это исключение нам такое, что им лишь бы лягнуть слабого и недужного; греков, например, они ненавидят ещё больше нас, и арабов, и американцев так же, только перед американцами пока “смирно” стоят, но дождутся — и за это “смирно” отблагодарят их”¹⁰.

Со второй половины восьмидесятых Виктор Астафьев негласно возводился в идейные вожди русского возрождения, и осенью 1989 года в Иркутске на встрече советских и японских писателей даже обороняет общество “Память”, подвергнутое демонизации как *черносотенное*: “...Если хотите знать мою позицию в этой буре, если она грянет, — я буду с “Памятью”! Я, беспартийный Астафьев, участвовавший в Отечественной войне и получивший три ранения, боевую медаль и орден, — буду с ней. Я буду за правду! За народ!”¹¹

Вскоре русскоязычные литераторы обрушились с проклятиями на *черносотенный* роман Василия Белова “Всё впереди”, опять же, как и Астафьева, обвиняя выдающегося русского писателя в юдофобии. Виктор Петрович принародно, печатно подержал старинного вологодского друга...

* * *

Астафьев — душераздирающе противоречивый мыслитель: гулко и зло хлопнув *русской* дверью и метнувшись из ватаги русофилов в стаю русофобов, вдруг, будто невольно, по властному голосу предков, вновь и вновь впадает в русский национализм, что, напомним, по философу Ильину — любовь к нации, а не расизм, не нацизм. “Я люблю родную страну свою, хоть и не умею сказать об этом, как не умел когда-то и девушке своей сказать о любви...” Толстой, поносивший патриотизм, однако, в споре о том, чей солдат сильнее — русский или германский, — горой вставал за русского, забыв о своём публично оглашённом космополитизме. “Нет ни эллина, ни иудея...”

Вот так же поразительно и предельно противоречиво отношение Астафьева к русскому национально-патриотическому движению: то русофобия, вроде подъярённая, силком навязанная, то русофильство, по мнению либералов, с неизбежным *антисемитским* духом.

“Прочёл твой (*Нагибина*. — **А. Б.**) рассказ в “Книжном обозрении”, что-то об антисемитизме, об хороших евреяx и плохих русских. Евреи любят говорить и повторять: “Если взять в процентном отношении...” — так вот, если взять в процентном отношении, у евреев в пять, а может, и в десять раз орденов в войну получено больше по сравнению с русскими, но <это> не значит, что они храбрее нас, их погубили и погибло в огне и говне войны пять миллионов. Нас, с учётом послевоенного мора, раз в пять или десять больше, но миром оплакиваются те пять миллионов, и та нация признаётся страдавшей и страдающей, а у нас что же, у нас Россия — погост, вся нация растоптана, так что же, если одного человека погубят — это убийство, а сотни миллионов — это уже статистика, и я вижу и ощущаю, <как> мы, русские, становимся всё более и более статистами истории. (...) Заискивать ни перед кем, тем более перед евреями, нельзя, они, как нынешние дворняги: чем их больше гладишь и кормишь, да заискиваешь перед ними, тем больше желания испытывают укусьить тебя. (...) Преданно твой Виктор”¹².

“Дорогой Саша! (*Михайлов*. — **А. Б.**) (...) Я не читал этой критики, не слышал о ней. Прочёл, пожал плечами — несерьёзно это, хотя и небеспричинно. Это ж мне за начальника политотдела Лазаря Исаковича Мусенка гонорар, разве ты не понял? Меня как-то за слово “еврейчата” в “Печальном детективе” и за плюху Эйдельману доставали аж из Бостона, через “Континент”. Володя Максимов дальнюю критическую эпистолу не стал печатать, так криво

сикающая Горбаневская, сама себя записавшая в известные и потому гонимые поэтессы, как только редактор надолго отлучился, тиснула статью. И в ней было то же самое, жгучее, через слюнявый рот бьющее желание унизить во что бы то ни стало русского лапотника, смеющего чего-то ещё и писать. Громила жидовка мой лучший рассказ “Людочка”, заступаясь за русский народ, за русский язык, за нашу святую мораль и в конце статьи уж без маскировки лепила: “Он и раньше не умел писать, а ныне и вовсе впал...” Затем Агеев, ныне работающий в “Знамени”, в разовой ивановской газетёнке трепал ту же “Людочку”, как подворотный кобелишка штанину, и всё это с углублённой и сердечной заботой о русской культуре вообще и о литературе в частности. И нигде ни звука, ни хрюка о первопричине. Заметь, что худо написанное они у меня никогда не трогали. Стервятники! Хитрые и подлые. Меня, увы, это уже не бесит. Прочёл и прочёл. Газетёнка избыла честного русского мужака Третьякова и вот с чего начинает восстанавливаться.

(...) Что любопытно: нападают на меня жида именно в ту пору, когда мне тяжело, или я хвораю, или дома неладно. Лежачего-то и бьют. Но я ещё стою, и меня, как Суворов говорил, мало убить, надо ещё и повалить. Можешь это другу своему Ваншенкину не читать, он-то, как мне кажется, на жидовские шути не способен и историческую, затаённую злобу в себе не несёт. (...) В. Астафьев¹³.

Неласковое отношение к русофобствующему еврейству беспокоило русскоязычных писателей и либеральных читателей: “... Вы вроде и евреев не жалуете... Знаю я, что Вам недосуг и здоровье не очень. Но, может быть, ответите мне: неужели Вы и впрямь антисемит? (...) Жуковская Юлия Захаровна¹⁴.”

Станислав Куняев в упомянутом очерке “И пропал казак...” вспоминает, что Астафьев, будучи уже в либерально-буржуазном лагере, но помня о межнациональной схватке с Эйдельманом, ещё взбрыкивал, и на предложение печататься в бульварно-руссофобском журнале “Огонёк” ответил: “Я в жёлтой прессе брезгую печататься”. Виталий Коротич, главный редактор журнала, на сие лишь криво усмехнулся: “...Больно уж он кокетничает, увлекается игрой в правдолюбие. Он мог быть гораздо интереснее, если бы не слишком шовинистическая нотка. Недавно, например, мы получили от него письмо. “Из еврейства, — написал он, — вы скатываетесь в жидовство...”¹⁵

Не жалея евреев, высмеивающих русский народ, не жалеет Астафьев и прочих, кто покушается на великорусскую честь: бранит правителей-хохлов, что, как и москаля, вышли из Киевской Руси, из восточных славян, но предали братьев по крови и вере; бранит хитромудрых грузинов и чванливых прибалтов с их студёной рыбьей кровью.

“...Правители-хохлы в ненависти к москалям превзошли даже мои самые мрачные предсказания о том, что, получив вожделенную самостоятельность, они превзойдут в кураже и дури даже трусливых грузинов. (...) В. Астафьев¹⁶.”

“...Нечего этим ливонцам куражиться над живыми и над мёртвыми русскими. Одно время прибалты выкапывали своих родичей в Сибири, четверых выкопали в Овсянке. Делали они это с вызовом, оскорбляя русских. Я же думал: “А нам-то куда перемещать своих, невинно смерть принявших русских людей? Ведь вся Россия — сплошной погост? Им, прибалтам, выделяли бесплатно самолёты, ссуды давали, и не знаю, ведомо ли тебе, что всё время им 30% зарплаты — добавки к основной. (...) А вообще-то, давно уже идёт скрытая от всех русско-турецкая война на Кавказе, и её умело направляют гвардейцы из-за океана, нашедшие способ справиться с Россией без войны. (...) В. Астафьев¹⁷.”

Не жалуя “рассеянный народ”, жаждущий власти на Руси и на всей земле, не жалуя онемеченных ливонцев, Виктор Астафьев не жалует и бывших русских, даже из ныне родной либеральной стаи. В письме к Евгению Носову вспоминает, как гостил на юбилее покойного режиссёра Виктора Трегубовича, как познакомился с семьёй покойного — добрые, славные люди, — и тут же со свойственной ему крутостью вспомнил бывшую жену Василия Шукшина...

“Дорогой Женя! (...) Познакомился с его (Трегубовича, — А. Б.) сёстрами, братом, женой — все славные люди, не то что у Шукшина — там родного ближнего смерть не объединила, а сделала злыми, а жёнущка покойного Макарыча... интервью налево и направо даёт, помолодела, повеселела, ни креста, ни совести у неё, одно бесстыдство и позор. (...) В. Астафьев¹⁸.”

Даже когда Астафьев, словно в странном и страшном сне, вдруг из воинственного русофила обратился в столь же воинственного критика русофилов, либералы не простили *деревенщине* былого национализма, а посему, своекорыстно используя мировую славу Астафьева, тайно ненавидели енисейского писателя. Но время ушло: у русофобов пропал политический интерес к Астафьеву, и тайная ненависть стала явной. . .

“В последние годы он (Астафьев. — **А. Б.**) стал “своим” в чуждой и враждебной ему по сути среде, — писал Сергей Куняев в большой и основательной статье “И Свет, и тьма”. — Обласканный демократическими сиренами, захваленный теми, кто ещё пятнадцать лет назад без зубовного скрежета не мог слышать его имени, понимал ли он цену похвалам всей этой братии, люто ненавидящей традиционные русские ценности, без которых не мыслил Астафьев своего существования? Думаю, что понимал. И что самое интересное: эта компания также все прекрасно понимала. Расчётливо поднимая Астафьева на щит, объявляя романы “Прокляты и убиты” и “Весёлый солдат” лучшими среди всего, им написанного, восторгаясь его запальчивой и неумной публицистикой, они ждали своего часа. Непродолжительное время Астафьев был нужен им как знамя, которое потом, по истечении необходимости, можно превратить в половую тряпку. . . И вот час расчёта с писателем настал. В сентябрьском-октябрьском номере “Вопросов литературы” за 2003 год появилась статья Константина Азадовского “Переписка из двух углов Империи”¹⁹, полностью посвящённая приснопамятной распре Виктора Астафьева и Натана Эйдельмана. Более десяти лет либералы, нося Астафьева на руках, расчётливо не вспоминали об этом эпизоде литературной жизни, в своё время всколыхнувшем весь читающий Советский Союз. Все проклинавшие тогда Астафьева напрочь “забыли” о своих проклятиях и включились в единый славословящий хор — бывший “патриот” и “заединщик” стал рьяным демократом. Ну как после этого не утереть нос “твердолобым консерваторам”! Вот, смотрите, даже “ваш” Астафьев. . . Славили — и ненавидели. . .”²⁰

Азадовский в ужасе перед мифическим *русским фашизмом*, хотя на заре нынешнего века русские лишь к национал-патриотизму присматривались, ещё и не помышляя о национализме. Азадовский в ужасе и перед мифическим *русским антисемитизмом*, может, втайне добрым словом поминая большевистское злолетье, когда за антисемитизм расстреливали. Сергей Куняев пишет: “Уж лучше бы он (Азадовский. — **А. Б.**) вспомнил расстрел на берегу Валдая на глазах жены и детей выдающегося русского публициста Михаила Осиповича Меньшикова, объявленного вне закона после известного декрета 1918 года об антисемитизме. Вспомнил бы о расстрелянных и невесть где зарытых людях из “Союза русского народа”, вспомнил судьбы крестьянских поэтов, кстати, героев многочисленных публикаций нашего автора, также осуждённых в том числе по статье “антисемитизм”. Эти действия, причём доведённые до конечного результата, в корне отличались от мифических “погромов”, из которых наш автор только и смог вспомнить приснопамятный “черносотенный” шабаш, устроенный 18 января 1990 года в ЦДЛ, когда погромщики пытались сорвать собрание “Апреля” (движение писателей в поддержку перестройки), и возникшее вслед за этим “дело Осташвили”. И, кстати, не мог автор “Переписки из двух углов Империи” не знать о том, что весь этот “шабаш” был изначально спровоцирован публичным поведением самих “апрелевцев” на сцене, как и то, что единственным настоящей жертвой сего “погрома” стал Константин Осташвили, убиенный в тюрьме”²¹.

Овсянкинские чтения

Уйма утекла енисейской воды, а чудится. . . впору перекреститься. . . кажется, ещё вчера съезжались писатели, издатели, библиотекари России в городе Дивногорске и селе Овсянка на Всероссийские литературные чтения, где всё было: и душеполезное, и творчески азартное, и честолюбиво суетное, хмельное, и полынно-похмельное. Поклон Астафьеву за то, что в кои-то веки нищие писатели российской глухомани. . . для столицы и вовсе — тмутаракани. . . слетались для творческого, дружеского общения. Несмотря на то, что в России, уже поверженной Мировым Хамом, царили голод, холод, дьявольщина нравов,

внешнее управление, хаос, отчаянье до отупения, уровень литературных чтений был на диво богатый и начальственный; даже сам губернатор Лебедь с армейской хрипотцой и казарменными шутками-прибаутками, с генеральской важностью приветствовал писателей и жал руки тем, кто пробился к нему сквозь толпу журналистов, здешних и столичных. И всё лишь потому, как смекнули ушлые писатели, что ладилось событие под Виктора Астафьева, отчего оно и величалось то Овсянковскими, а то и Астафьевскими чтениями.

Отношение писателей к тем чтениям, ежели говорить, как на духу, было разным: от восторженного до грустного и даже ироничного. Писательская восторженность — от редкостной возможности потолковать с братьями по ремеслу, обменяться книгами, губернскими журналами. Даже тем, кто не разделял поздних воззрений писателя, в радость и счастье было видеть Виктора Петровича, слушать его публичные и застольные речи, сдобренные потешными байками.

Что греха таить, было к Овсянкинским литературным вечерам, да и к Астафьеву, верховоду чтений, и неприязненное отношение, когда, признавая культурную значимость события, иные писатели весьма и весьма скорбели, что и в эту осень на чтения не приехали... или не были приглашены?... бывшие товарищи Виктора Астафьева — писатели, коих Господь одарил не меньшим талантом, коих народ российский читал и любил не меньше, но которых тогдашняя прозападная власть и либеральные беллетристы зачислили в *русские фашисты* и, конечно же, на пушечный выстрел не подпускали к государевой казне и телевидению, что денно и ночью обращало народ в безродное колониальное быдло. Астафьева же подпустила, и не за красивые глаза...

Вот что писала по поводу чтений краевая «Красноярская газета», которую редактировал писатель Олег Пашенко, в добрые литературные времена горячий поклонник Виктора Астафьева: "...Великолепная идея примирения писателей и поддержки библиотек, как было заявлено неоднократно, на практике уже вторично вырождается, простите, в некое небольшое культовое шоу писателя В. П. Астафьева. Очевидно, что памятники при жизни — это не христианское занятие. Невозможно себе представить Василия Макаровича Шукшина, вечная ему память, озабоченного при жизни «Шукшинскими чтениями». Трудно себе вообразить, что Василий Белов сегодня организовал бы под Вологдой «Беловские чтения», а Валентин Распутин в своей Аталанке — «Распутинские чтения»".

Наши лукавые местные доброхоты столпились у ног Виктора Петровича и, заговорщицки подмигивая друг другу, твердят: «Классик наш, классик...» Слушая безудержную хвалу, Виктор Петрович, светлая его душа, наверняка внутренне сжимается, протестует, человеческая порядочность удерживает его от резких слов по адресу льстецов. Памятники творятся с благословения Небесных сил, а не нашими муравьиными потугами. Шумиха, реклама, выпрашивание денег, спекуляция на именах заслуженных людей, которые якобы украсят овсянковские чтения, — это тоже не христианское занятие.

Разумеется, не приехали, как было заявлено, ни Солженицын, ни Распутин, ни Искандер, ни Лихачёв, ни Габриэль Гарсиа Маркес, ни Папа Римский, наконец... Читатели «Красноярской газеты» надеются, что в скором будущем в Овсянку станут непременно приезжать не только сочинители из демократов и экскурсантов, но также в этих литературных чтениях на берегах Енисея будут участвовать Белов, Распутин, Розов, Ганичев, Бондарев, Круглин и другие писатели-патриоты. Пока же из этой славной когорты лишь Валентин Курбатов, да ещё двое-трое приезжают второй раз в надежде, вере и любви. Действительно, мир, пусть и худой, лучше доброй ссоры. (*Верно, Курбатов — мудрёный миротворец, он умудрялся быть другом тогдашнего «либерального антифашиста» Астафьева и «русского фашиста» Распутина, и быть знаменем в стане писателей-русофилов и в стае потаённых русскоязычных писателей, презирающих русофилов. — А. Б.*) (...) Отвечаем на многочисленные вопросы: почему нынче опять не навестили Астафьева его бывшие товарищи Белов, Бондарев и Распутин? Вот мнение одного из этих трёх поистине русских писателей, не называем фамилию²², думаем, он простит публикацию небольшой цитаты из его частного письма от 28 июля 1998 года: "...призывают и меня прийти к Астафьеву, а для этого приехать в сентябре на овсянковские чтения. Но я с Астафьевым не ссорился. Он со мной, кажется, тоже. Он даже не отказывал мне никогда в некотором писательском даре. Наши разногласия

не личные. И личным братанием их не снять. Я мог бы, скрепя сердце, и обняться с Астафьевым, как сделал это, кажется, в декабре 91-го во время пулатовского писательского съезда, но через неделю-две мне снова пришлось бы писать своё несогласие с тем, что именно принимает он и что яро утверждает, как народный язык и народную нравственность в литературе. Не считая главного, — его отношения к истории на протяжении семидесяти пяти лет, в которые он жил, родившись в России. Астафьева уже не переделать, меня тоже. Я думаю, что ему и мне будет легче, если мы останемся каждый при себе. Я плохой христианин. Вполне возможно, что в скором времени мы окажемся отнюдь не в раю рядом с Астафьевым, но и там с нас будут спрашивать за разное...²³

Астафьев в борьбе с русским национализмом

В письмах Астафьева, собранных в пятнадцатом томе собрания сочинений, в посланиях неожиданных-негаданных единомышленников ощущался демократический... вернее, демонический... воровской переполох перед тогдашним всплеском русского национализма, в коем русскоязычной интеллигенции блазилась фашизм. Напомню, любовь к родной нации — вот суть русского национализма.

Вчерашний пламенный подвижник русского национального возрождения Виктор Астафьев вышел на поле брани против русских националистов — против Белова, Распутина, Проханова, Куняева и других писателей, что вчера были его друзьями, а ныне прослыли его врагами, чумой красно-коричневой. Вспоминая Христову заповедь, мол, не судите, да судимы не будете, упреждая редакцию журнала “Наш современник”, чтобы не переходила на базарный ор и бабий визг, Виктор Петрович так волочит по кочкам братьев по литературному ремеслу, что пух и перья летят. Упаси Бог грядущим читателям судить о писателях девяностых годов прошлого века по астафьевским оценкам...

“Дорогой мой Женя! (Носов. — А. Б.) (...) Фашисты наши во главе с недоноском нашим Пашенко за меня взялись, но я отбиваюсь... Виктор Астафьев”²⁴.

“Дорогой Женя (...) Взялись, Женя, и за меня товарищи коммунисты, руками крысиного зверолова Буйлова по наущению и под руководством писательского начальства и других защитников русского народа пишут всякую слякоть, но я не читаю, разумеется, ихних изданий и никогда не отвечаю, так домой звонят. (...) Этого Буйлова, защитника русского народа, по национальности мордвина, за сволочизм по существу выгнали из Хабаровска, а мы пригрели, и я прежде всех... (...) Виктор”²⁵.

После романа “Прокляты и убиты” Евгений Носов круто разошёлся со старинным другом, но поначалу мыслил в лад, тоже боролся с *красно-коричневой чумой*: “...Надо пробуждать человеческое, а не славянское. (...) Вот он (писатель Пётр Сальников. — А. Б.) и митингует, костерит демократию, пачкуется в какие-то заговорческие объединения, ездит на собрания каких-то спасателей русского народа, подобно Вале Распутину, которого как-то показали среди отчаянных головорезов вроде кагэбиста генерала Стерлигова, рядом с которым Валя сидел по правую руку. Впрочем, ты меня предупреждал, что ты сознательно не хочешь говорить ничего о политике, и ты, конечно, прав. Злоба — плохой спаситель для народа. Хватит уже крови и революций. Всё ведь просто: отдайте землю народу, отдайте. И народ напашет и насеет всем благополучия и сытости за пару лет. Кто бы к власти ни пришёл, кого бы мы ни тащили на престол — ничего не будет, если у народа не будет земли. Но Валя (писатель Валентин Распутин. — А. Б.), видно, этого понять не хочет, ему слепит глаза смертная ненависть к евреям, потому что он оказался в самых черных рядах заступников, готовых развязать гражданскую войну и новое смертоубийство, которое так рьяно накаркивает Проханов, Валя сподвижник. (...) Не понимаю, как можно сидеть рядом с Прохановым — этим авантюристом, недавним воспевателем милитаризма, киплинговского топота солдатских сапог по сопредельным странам, а ныне размахивающего православными хоругвями во имя даже не социализма, а оголтелого святшества”²⁶.

Виктора Астафьева неожиданно взбесил VII съезд писателей России, где звучали речи, подобные его нашумевшему письму Эйдельману, поскольку

нынешний Астафьев в защиту Натана Яковлевича ответил бы вчерашнему Астафьеву похлеще изнеженного пушкиниста, круто посолив, крепко поперчив ответ лагерным матом.

“Дорогой Лёня! (...) Эмигранты на собрании держались хорошо, дружелюбно и как-то встречно расположено, гораздо дружнее и расположенней было, чем на российском съезде писателей, где и писателей-то было раз-два и обчёлся, а остальное – шпана, возомнившая себя интеллигенцией, склонной ко глубокому мыслению и идейной борьбе. Вот только с кем – не рассказывает, и какие идеи – не поймёшь, ибо орёт, бедолага, рубахи рвёт и криво завязанный пуп царапает аль червивой бородёнкой трясёт, как некий Личутин из поморов, обалдевший оттого, что в “писатели вышел”. (...) Ваш Виктор Астафьев”²⁷.

“Дорогой Саша! (Михайлов. – А. Б.) (...) Если бы ты знал, как было противно на съезде писателей РСФСР, где, в отличие от тебя, Юра Бондарев умереть готов был, но в начальстве остаться, понимал ведь, что он главный раздражитель шпаны этой, ан не сдаётся, да и только, а там современный идеолог и мыслитель Глушкова бубнит за Россию, Личутин бородёшкой трясёт так, что из неё рыбы кости сыплются, – этот и вовсе не понимает, чего и зачем орёт, лишь бы заметну быть, лишь бы насладиться мстительно званием писателя, употребляя сие звание, в русской литературе почётное, на потеху и злобство шпане, которая и забыла, зачем она собралась на съезд. (...) В. Астафьев”²⁸.

“Дорогой Женя! (Носов. – А. Б.) (...) Съезд или то, что было названо съездом, был последним позорищем, достойным нашего времени и писателей, которые это позорище устроили. Раньше как-то незаметней было. А тут сивые, облезлые, старые неврастеники, ещё более пьяные и дурные, чем прежде, дёргаются, орут кто во что горазд, видя впереди одну жалкую цель, чтобы им остаться хоть в каком-то Союзе, возле хоть какой-то кормушки. О-о, Господи! Более жалкого зрелища я, кажется, ещё не видел в своей жизни. Даже в пятидесятых годах, будучи на колхозном отчётно-выборном собрании, которое отчего-то проводилось весной и отчитывался одноорукий председатель, а опившиеся поганой браги с “колобком” и настоем табака колхозники орали что попало, блевали себе под ноги, и дело кончилось тем, что отчаявшийся председатель тоже напился до бесчувствия и ушёл в одной майке в родные поля, уснул на поле, и родной сын его, пахавший на тракторе, зарезал и запахал его плугом. (В письме безсострадательное обличение родного русского народа, когда случайное выдаётся за типичное. – А. Б.). Даже тогда я не испытал такого горя, беспросветности в душе и отчаяния от беспомощности. Наверное, молод ещё был и конца своего и нашего не видел и не ощущал... (...) Обнимаю – Виктор”²⁹.

Переключившись с громогласного съезда, где делегаты принародно обвинили тогдашнюю власть в геноциде русского народа, Астафьев ополчился на патриотизм в писательском мире.

“Здравствуй, Валентин! (Сорокин. – А. Б.) Очень хорошо написал ты об Иване Акулове! Вот бы тебе и заниматься делом, какое Бог определил, так нет, давно поражённый зудом вождизма, лезешь ты на все трибуны и трясешь своими седыми патлами, брызгаешь слюной, защищая какую-то, мне неведомую Россию и какой-то, совершенно мне неведомый народ. Уж не гостиницу ли одноимённую с её населением обороняешь ты? (...) Кланяюсь, Виктор Петрович”³⁰.

Добродушен был ответ Валентина Сорокина, где сосредоточились преклонение перед астафьевским талантом, жалостливая любовь к народному писателю и ненависть к врагам православного Русского Царства.

С неизменным почтением пишет Астафьеву и Александр Михайлов, хотя и настойчиво критикует взгляды писателя на русский народ, державу, на патриотическое движение в России: “...Вот ты тоже про фашистов заговорил вслед за некоторыми писателями-демократами. Виктор, если бы они были главной опасностью – эти шуты гороховые со свастикой! Да это не в нашей природе, никогда на Руси фашизм не пройдёт, если демократы своим воровством повальным и продажностью, презрением к народу сами не приведут их к власти. Ты обратил внимание, как нынешние политиканы, которым, ради собственных амбиций и корысти, плевать на Россию, вдруг заговорили о патриотизме, прибавив к нему эпитет “просвещённый”? (...) Нет, Витя, не вижу

я просвета для России, для народа, пока эти оборотни у власти. (...)
Ал. Михайлов³¹.

Виктор Астафьев, браня державных писателей, порой, может, и заслуженно, смолкает, когда речь заходит о тогдашних властителях дум; о сём и напоминает Александр Михайлов, что долгие годы переписывался с Виктором Петровичем, даже и расходясь во взглядах на русский народ и российских писателей: “Дорогой Виктор! (...) Ты посмотри на писателей-царедворцев, которые шьются возле Ельцина и правят бал. Черниченко – любимый герой телевизора – на втором месте после Жириновского. Разве по лицу не видно, что это больной человек? Это он 3 октября 1993 года призывал по радио “Раздавить гадину!” Нуйкин! Прозелит. Ястреб. Демократ № 2 после Новодворской. Брызжет злобой и отравленной слюной. Он и Алла Гербер (лучше бы – Цербер) заседают в Думе? Стукач Савельев (знаешь такого поэта?) вместе с Оскоцким (знаешь такого критика?) руководят то ли Содружеством, то ли Союзом писателей-демократов... Визжит на встречах с Ельциным Мариэтта Чудакова, просит вернуть старухам “гробовые деньги”, тогда, мол, дорогой Б. Н., они проголосуют за вас на президентских выборах. Да до этого он в вытрезвитель попадёт! (...) Есть и среди нашего брата старики, которые легко приспособиваются. Вот “фронтальная корреспондентка “ЛГ” Ришина (это я так назвал её в печати, когда она писала злобные донесения с фронта борьбы за имущество между двумя Союзами писателей) “наводит” тебя на Гранина, а я, после его вертуханий, уже не могу читать этого господина. Почему? Да потому, что видел, как он чуть ли не в обнимку позировал на телевидении с последним секретарём Ленинградского обкома партии Гидасповым, через год, вместе с Г. Баклановым и Шатровым, тиснули в “Московских новостях” верноподданническую статью на тему “Руки прочь от Горбачёва”, а ещё через год написал холуйскую рецензию на антигорбачёвскую книгу Ельцина, за что был удостоен звания Героя Соцтруда и введён в Президентский совет. После этого, что он ни напиши, я уже ничему не поверю. Всё будет ложь. (...) Поначало думал: напишу-ка я своему другу открытое письмо через “ЛГ”, конечно, постарался бы написать его иначе, в ином ключе, да потом рассудил, что мения туда и на порог с таким письмом не пустят. Я знаю, какую роль в редакции газеты играет Ришина (знаю по фактам) – самая яростная русофобка. (...) Ал. Михайлов³²”.

“Наш современник” и “Римское обращение” писателей

Побег Астафьева из русофильского лагеря выразился в его публичном и шумном разрыве с журналом “Наш современник”, некогда прославившим енисейского сочинителя на весь белый свет; впрочем, и Астафьев, как и другие “деревенщики”, в те лета творили славу журналу. О этом подробно описано в ранее упомянутом очерке главного редактора журнала Станислава Куняева “И пропал казак...”, который двенадцатой главой вошёл в книгу “Поэзия. Судьба. Россия”.

В первой части автор с любовным знанием живописует народный и природный мир, запечатлённый в произведениях Астафьева: “Вот так вошла в мою жизнь проза Виктора Астафьева. Было это аж тридцать лет тому назад. Много с той поры по таёжным рекам воды утекло. Пора подбивать бабки, пока мы ещё в здравом уме и в твёрдой памяти... Позже я почувствовал себя обязанным помочь Виктору Петровичу, когда свора еврейских журналистов набросилась на него, как шавки на медведя, после его разборки с Натаном Эйдельманом...”

Вспомнив дружеские встречи с Виктором Петровичем, вспомнив дружеские письма, Станислав Куняев пишет с горечью: “Однако на рубеже девяностых с Виктором Петровичем исподволь стали происходить сначала необъяснимые перемены. Весной 1990 года, через несколько месяцев после своего прихода в “Наш современник” я неожиданно получил из Красноярска неприятно поразившее меня письмо. “Дорогой Станислав! Ещё осенью узнав, что Евгений Иванович Носов, мой друг и брат, выходит из редколлегии “Нашего современника”, решил выйти и я. (...) Я перехожу в журнал, более соответствующий моему возрасту, и к редактору, с которым меня связывает давняя взаимная симпатия, – в “Новый мир”...” Думаю, что дело здесь было не в Залыгине, а в том, что я ввёл в редколлегию журнала нескольких близких мне

людей (В. Кожина, И. Шафаревича, Ю. Кузнецова, В. Бондаренко, А. Проханова), к творчеству и направлению мыслей которых Виктор Петрович, чувствуящий, что “демократы” преодолевают, начал относиться с осторожностью. Вскоре в еженедельнике “Аргументы и факты” Астафьев сказал нечто резкое и несправедливое по поводу “Нашего современника”: “Я всё время мягко и прямо говорю “Нашему современнику”: ребята, не делайте из второй половины журнала подворотню... Быть может, с этого и началось у меня охлаждение к журналу”³³.

Станислав Куняев, будучи и редактором “Нашего современника”, и поклонником астафьевской прозы, пытался образумить беглеца, вернуть в журнал: “Виктор Петрович... я тебя считаю и всегда считал самым значительным писателем со времён, как прочитал “Царь-рыбу” и “Последний поклон”, я сам писал об этом, сам безо всякой дипломатии защищал твоё имя после яростной кампании против тебя, развязанной Эйдельманом и прочими... Так что забудем о всяких “подворотнях” и сплотимся перед грядущими суровыми временами”.

В ответ на письмо Астафьев властно потребовал вывести его из редколлегии журнала “Наш современник”... Но и после сего Станислав Куняев ещё не терял надежды вернуть мятежного писателя в “Наш современник”: “В очередной раз мы встречались с Виктором Петровичем на VII съезде писателей России. “Виктор Петрович! — набросился я на него с места в карьер. — В этом году журнал опубликовал обращение к народу Патриарха Тихона, несколько самых ярких речей Столыпина, главы из “Народной монархии” Ивана Солоневича, две прекрасных статьи Валентина Распутина, “Шестую монархию” Игоря Шафаревича о власти жёлтой прессы, изумительное исследование Юрия Бородаева “Нужен ли православному протестантский капитализм?” А Ксения Мяло — размышления о немцах Поволжья — в защиту русских! Мы засыпаны благодарными письмами после этой статьи! Как же можно после этого говорить о том, что наша публицистика — “подворотня”?!”

Увы, “безпроклыми” оказались все попытки Куняева и писателей-“деревенщиков” вразумить вчерашнего “черносотенца”, ныне впавшего в лукавый либерализм; оставалось лишь гадать о причинах столь крутого идейного поворота: “Как только советская власть закачалась, Виктор Петрович закрутился: на кого в случае её крушения надеяться, от кого получать ордена, премии и прочие льготы, к которым он так привык. И первую ставку Астафьев сделал на новую возникающую силу русских националистов. Отсюда и отчаянная храбрость в переписке с Эйдельманом, и перепалка с грузинами, и, наконец, прямая поддержка “Памяти”, растущей тогда, как на дрожжах. Но вскоре стало ясно писателю, что не на ту лошадку поставил, что никогда русским националистам не властвовать в России, и пришлось Виктору Петровичу давать задний ход и, начиная с 1989 года, постепенно разыгрывать еврейско-демократическую карту”.

И в сём мудром решении Астафьев, как смекнули русские националисты, утвердился на встрече “красных” писателей с литераторами Русского Зарубежья, которая случилась в октябре 1990 года в Риме. В ходе встречи прошла конференция представителей советской и эмигрантской творческой интеллигенции “Национальные вопросы в СССР: обновление или гражданская война?” И хотя обозначены были затейщики и покровители конференции — газета “Комсомольская правда” и журнал “Континент”, — в реальности же, как писалось в русских газетах, то была основательно продуманная, дорогостоящая акция, разработанная в западных спецслужбах и в кабинете члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева, главного идеолога, архитектора сокрушения Красной Российской Империи. По завершении встречи творческая интеллигенция подписала документ, вошедший в мировую историю как *Римское обращение*, где подписавшие заживо хоронили Российскую Империю, впрочем, уже обречённую на мучительную насильственную гибель. Интеллигентны повелевали вождям грядущего *россиянского* государства избавиться от пороков Империи зла: от “имперского тоталитарного мышления, от применения насилия, от угнетения национальных меньшинств”. Среди подписавших Римское обращение рядом с Иосифом Бродским, Анатолием Стреляным, Эрнстом Неизвестным, Григорием Баклановым, Владимиром Буковским и прочими тогдашними прозападными либералами оказались... видимо, по недомыслию... и русофилы Солоухин и Крупин. Бог весть, о чём думал Залыгин, подписывая *Римское обращение*, Астафьев же, похоже, вполне осознанно

подмахнул бумагу, поскольку люто возненавидел горячо любившую его Красную Империю.

Смысл зловещего *римского* фарса разгадала писательница Татьяна Михайловна Глушкова, и её страстное, обличительное слово на VII съезде писателей России прозвучало как отповедь врагам Государства Российского и покаянный поклон народу русскому: “Римское обращение” демонстрирует такое отношение к нашей стране, которое до сих пор было свойственно только её врагам, только клеветникам и злопыхателям России. (...) И да будет стыдно тем, кто клеветает на русский народ, намекая с прозрачностью на имперское господство русских над другими нациями в СССР!”

“Письмо к народу”, “Письмо 42-х “Раздавите гадину” и расстрел народных избранников

Вскоре после громкого писательского съезда, а вернее, 23 июля 1991 года в газете “Советская Россия” увидело свет знаменитое “Слово к народу”, где русские политики и русские писатели Юрий Бондарев, Александр Проханов, Валентин Распутин выступили за сохранение государства, поскольку в случае его крушения под обломками погибнут миллионы соотечественников. Так оно и вышло потом...

“Родина, страна наша, государство великое, данное нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнет, ломается, погружается во тьму и небытие, — говорилось в “Слове к народу”. — Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, сороят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего, обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у всемогущих соседей? <...> Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырёх углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью. Неужели допустим вторично за это век гражданский раздор и войну, снова кинем себя в жестокие, не нами запущенные жернова, где перетрутся кости народа, переломится становой хребет России?..”

Письмо в либеральной печати стали рассматривать как идейную основу августовского дворцового заговора, тем более что среди подписавших оказались Валентин Варенников, Василий Стародубцев и Александр Тизяков, которые потом проходили по делу Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Авторы “Слова к народу” обвиняли Бориса Ельцина и Михаила Горбачёва в том, что при их попустительстве, а вернее, тайном сговоре с враждебным Западом, страна превращается в сырьевую колонию Европы и Америки, что межнациональные и бандитские разборки, криминальный беспредел, пьянство и наркомания, голод и холод, тоска и отчаянье от беспроектной жизни уносят тысячи человеческих жизней.

“Слово к народу” породило истерику среди властвующих либералов, проклиная тех, кто подписал сие *имперское* послание. Виктор Астафьев немедленно дал интервью телевизионной программе “Вести”: “Лицемерие, которого в общем-то свет не видел... обращаются с грязными руками... они, вчерашние коммунисты, разоряли, унижали, расстреливали... старая коммунистическая демагогия... не верьте ни единому слову... это голый обман... коммунисты, компартия наша на ладан дышит... попытка защитить тонущий корабль... наглость от имени народа говорить. От имени народа может говорить избранный народом президент. Это “Слово” рассчитано на тёмную силу, которая есть в любом государстве... я не хочу сейчас давать оценку поступку Бондарева и Распутина, пусть это останется на их совести... [Валентин Распутин] ставит подписи под самыми чёрными документами...” Напомним, ещё вчера Распутин и Бондарев были заветными друзьями Астафьева, а ныне стали врагами; и Виктор Петрович упрёк Ельцина в мягкотелости по отношению к врагам, пугая кровавым русским бунтом: “Если президент и его правительство будут и дальше действовать уговорами, увещеваниями, анкетами, восторжествует самая оголтелая, самая тёмная сила. И заговорит она пулемётами, танками, колючей проволокой”.

Президент внял упрёкам и из танковых пушек расстрелял Белый дом, где помещался Верховный Совет России, расправился с народными избранниками.

Противники политических насилий, призывающие казнить русских патриотов, писали в пламенном послании: “Эти тупые негодяи (Георгий Свиридов, Леонид Леонов, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Личутин, Александр Проханов и другие русофилы. — А. Б.) уважают только силу. Так не пора ли её продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?!”³⁴

Позже Василий Аксёнов похвалялся: “Этих сволочей (русских националистов. — А. Б.) надо было стрелять. Если бы я был в Москве, то тоже подписал бы это письмо в “Известиях”. В связи с этим заместитель главного редактора “Независимой газеты” Виктория Шохина 3 октября 2003 года, осуждая роспуск парламента, выразила со страниц этого издания недоумение, как это “всем этим писателям-демократам, объявляющими себя противниками смертной казни”, “гуманистам”, “пришёлся по душе расстрел без суда и следствия”. Она отметила, что “их собственное правосознание безнадежно застряло на первобытном уровне. Политик Сергей Глазьев, будучи министром внешнеэкономических связей России, в 1993 году в знак протеста против роспуска Верховного Совета подал в отставку с заявлением: “Нельзя обелить преступников и палачей... Даже те, опозорившие себя надолго деятели нашей культуры, которые подписали это, как вы назвали, расстрельное письмо 42-х, и они, я думаю, понимают, что перечеркнули всё доброе и светлое, что создано было ими раньше”.

И верно, уже не хочется слушать слащаво приторные песенки Окуджавы; чуешь подпольный смысл зова “возьмёмся за руки, друзья”, где друзья, похоже, — доморощенные русоненавистники из “рассеянного народа” и шустрые шабесгои³⁵ — Иваны, не помнящие родства, без Бога и царя в голове. “После подписания письма и интервью, в котором Булат Окуджава одобрил применение силы против Белого дома, на концерте поэта в Минске прекрасный артист Владимир Гостюхин — человек умеренно-патриотических убеждений — публично сломал и истоптал ногами пластинку его песен”³⁶. По словам социолога Бориса Кагарлицкого, “слушать песни Окуджавы про “комиссаров в пыльных шлемах” после его заявлений о том, что ему не жалко безоружных людей, погибших в Белом доме, как-то не хочется”³⁷.”

Диакон Владимир Василик в статье “Письмо 42-х или О “мастерах культуры” писал: “После расстрела законно избранного Российского парламента было опубликовано письмо 42 видных деятелей культуры с полным одобрением всего совершившегося. Знаменателен был сам заголовок письма — “Раздавить гадину”. В своё время этот призыв, обращённый против Католической церкви, провозгласил “дьявол во плоти” Вольтер, и, вняв ему, революционная Франция в годы террора казнила тысячи католических священников и десятки тысяч мирян. Позднее этот лозунг звучал и в 1917 году, и в 1937-м, когда расстреливали “врагов народа”. (...) Как это было, вспоминал Александр Проханов: ворвавшись в редакцию газеты “День” бойцы ОМОНа избивали журналистов, глумливо расклеивали портреты Гитлера и кричали “фашисты”. Всё в духе авторов письма, назвавших фашистами защитников законной конституционной власти, своих же соотечественников, среди которых были ветераны Великой Отечественной войны, проливавшие кровь в борьбе с фашизмом. (...) Даже бывшие диссиденты, такие как Андрей Синявский и Владимир Максимов, поступили совершенно неожиданно. Они публично призвали Ельцина после всего совершенного им уйти из власти, отправиться в монастырь и замаливать грехи”.

Среди вдохновителей расстрела народных избранников, а заодно и всех видных русских националистов, увы, оказался и недавний русофил Астафьев. Виктор Лихоносов, писатель лирический, чурался идейной брони, но и тот встревожился за Астафьева, когда почитал его роман о войне, когда узнал о сожалении писателя, что советская страна не сдала фашистам Ленинград, когда увидел астафьевскую подпись под “расстрельным” письмом “Раздавите гадину”, где *гуманная русскоязычная* интеллигенция в октябре девяносто третьего велела власти утопить в крови русское сопротивление. “Что с тобой случилось, Виктор Петрович? — вопрошал Виктор Лихоносов. — Прости, но я думаю, виновато твоё безбожие. Ты в Бога веришь литературно, как-то от ума, хотя ты в своей жизни страдал столько, что душа твоя только в Боге

могла бы и успокоиться. Отсюда твоя постоянная остервенелость (да ещё у Б. Можаяева), какая-то не свойственная русскому большому писателю страсть казнить всё по-большевистски и обретенная под шумок славы привычка вещать, ничего уже не говорить в простоте. А только для народа, для переворота системы, мессиански”.

Эдуард Володин, давно уж почивший, известный русский философ, публицист, проповедник православно-самодержавного, имперского устройства Русской Земли, писал в статье “Иудино время”: “Суета вокруг Виктора Астафьева заставила вспомнить его последние подвиги, художества и достижения. Без всякого сомнения, талантливый писатель, автор “Царь-рыбы”, “Пастуха и пастушки”, “Оды русскому огороду”, ставших достоянием нашего национального самосознания, он вместе с горбачёвской перестройкой резко поменял позиции и применительно к подлости заверещал о вечном пьянстве и рабской душе русского народа, о семидесятилетнем рабстве, о благой вести, возмещённой в августе 1991 года с танка Ельциным. (...) Такой кульбит, вполне ожидаемый людьми, близко знавшими В. Астафьева, не был сразу по достоинству оценён “демократами” и их апрелевской литературной службой, и все старания старого человека показать себя своим среди своих “демократов” воспринимались ими с прохладным недоверием. Но пришёл звёздный час “прозревшего” литератору! Перед кровавыми событиями 1993 года Б. Окуджава, Р. Казакова и ещё полсотни им подобных написали открытое письмо Ельцину с призывом потопить в крови “красно-коричневых”. Все фамилии были напечатаны в алфавитном порядке, но на последнем месте стояла фамилия В. Астафьева. Его приняли, наконец, в свои ряды, но и указали на место, где ему быть положено”.

Астафьев и Ельцин

На моей памяти, пожилой мужик прихварывал, а помереть не мог, работа не давала; до девяноста пяти лет срочная работа держала — плотник же, нарасхват: внуку, свату, брату — всем надо избы срубить со стайками и банями, а потом сподобиться и возвести храм сосновый... Астафьев, мужик усидчивый, славился редкостным писательским трудолюбием; и может, потому Спас и даровал изрядный век мужику, раненному, контуженному, вдосталь хлебнувшему фронтового лиха, чтобы мужик, вспахав, заборонив и засеяв поле живым словом, собрал и щедрый урожай, а говоря проще, завершил труды над пятнадцатью книгами.

На исходе Овсянкинских чтений писательской братии и вручили роскошно изданное собрание сочинений Виктора Астафьева в пятнадцати томах. О ту лихую, голодную пору для иного, даже известного, но не либерального писателя издать простенькую книжонку, хоть в мягком переплёте, смахивало на чудо; а уж о собрании сочинений, кажется, даже именитые робели мечтать. Но ложка дёгтя портит бочку мёда, а посему жаль, что Астафьеву для издания роскошного пятнадцатитомника пришлось сочинить, — а может, вымучить? — и включить в собрание верноподданнический очерк о том, как приезжал в Овсянку Борис Ельцин, которого русский народ о ту пору уже “повеличал” Паханом, что бросил Российскую Империю на разграбление и растерзание домощенным и забугорным мародёрам, утопившим народ в крови и слезах. По Астафьеву же, Ельцин, яко ангел, замордованный русским народом, “давно уже впавшим в рабский маразм”. Вероятно, и в прошлом веке пели оды советским вельможам известные писатели — пели из великого почтения, пели из корысти, из подобострастия, но странно было слышать подобное от Виктора Астафьева, гордого и вольного, с бранью проводившего былую Народную империю, что в люди вывела его, сермяжного мужика, вознесла из деревенской грязи в мировые князи.

“...На этого дядю (Ельцина. — А. Б.) валить все грехи, который имел глупость возглавить вконец расшатанное, насквозь прогнившее, в большевистской помойке протухшее общество, ныне легко — сам разрешает. (...) Трудящиеся жаловались потом, что вместо того, чтобы “поговорить по-человечески”, я их чуть ли не матом крыл. Ну и пусть, **что от них ждать, от наших трудящихся, давно уже впавших в рабский маразм и годных орать в бане, в огороде иль за пьяным столом.** (Выделено мной. — А. Б.) В рассказе о приезде президента в Овсянку я упустил одну важную для этого

издания решающую строку. Надо и пора, и тут к месту написать о том, что было в самом конце разговора с президентом. Уже мы поднялись и пошли было из библиотеки, как президент приостановился и спросил меня: “А что у вас с собранием сочинений, Виктор Петрович? – А ничего, лежит. Денег нет, важные спонсоры, не начав дела, слиняли”. – “Ну, как же так, отчего же не обратились в правительство, ко мне, наконец, у нас же есть федеральная программа по культуре, мы бы вас туда включили. Это никуда не годится, издадут чёрт знает кого, а вас-то, вас-то...” – И на ходу уж указание управделами: “Записать?” (...) Откуда Ельцину стало известно о моём собрании сочинений? Не знаю. Нашлось несколько деятелей из местной руководящей братии, которые якобы ему “подказали”. (...) Читает ли президент? После таких “интеллектуалов”-вождей, как безграмотный Хрущёв и самовлюблённый Брежнев, которому из-за любования собой не до книг было, и Горбачёв, и Ельцин кажутся куда как развитами людьми. Я пишу всё это в тот период, когда Россия снова охватила смута, и кто только не поносит Ельцина и не желает ему погибели. Всё это по-нашенски, по-русски, и всё это напоминает мне басню бес-смертного, всегда своевременного батюшки Крылова о том, как могучий Лев (*Ельцин. – А. Б.*) ослабел, заболел и всё зверьё (*народ России. – А. Б.*), что трепетало перед ним, давай его облаивать, лягать, пинать, оплёвывать. Видит Лев, и Осёл (*русское простолюдьё. – А. Б.*) в числе других целится его лягнуть, и тогда он взмолился, воззвал к небесам, чтоб те поскорее послали ему смерть. Не по силам ему оказалось тащить телегу в гору на одном колесе, остальные колеса промотали, пропили, растащили, надорвался от тяжести, ему неподъёмной. Но в пору не нашлось более такого безумца, который бы так храбо подставлял свою спину под российский тяжкий воз...”³⁸

Ельцин рвался к власти, а потом грозился лечь на рельсы, если цены на продукты и товары первой необходимости повысятся; но цены так выросли, что голодный народ забегал в магазин, как в музей здорового питания. А Борис Николаевич на рельсы не лёг, но с той поры все рельсы, брошенные, заросшие дурнопьяной, лихой травой, стали дразнить “ельцинскими”. А горбачёвско-ельцинское время я эдак прописал в очерке “Спасите души русские”:

“С надеждой на отца народа, Помазанника Отца Небесного и выживает простолюдьё, а то и просвета в ночи не зрело душевными очами; под звериное рыканье кремлёвского самозванца, самохвала полтора десятилетия холопы тьмы и смерти похабили и грабили Россию, уже, вроде, лежащую на смертном одре под святыми ликами; хитили воры российское добро, что отичи и дедичи кровью и потом добывали, и для содомской утехи и потехи изгальялись, нетопыри, над русским словом, древним обычаем и отеческим обрядом, чтобы народ и голодом-холодом уморить, и душу народную вынуть и сгноить. О ту злосчастную, лихую пору смешно и грешно было бы стучаться в кремлёвские ворота с народными бедами; сё походило бы на то, как мужики из оккупированной Смоленщины и Белгородчины пишут челобитную германскому наместнику, лепят в глаза правду-матку и просом просят заступиться: мол, наше житьё – вставши и за вытьё, босота-нагота, стужа и нужда; псари твои денно и ночью батогами бьют, плакать не дают; а и душу вынают: веру хулят, святое порочат, обычай бесчестят, ибо восхотели, чтобы всякий дом – то содом, всякий двор – то гомор, всякая улица – блудница; эдакое горе мыкаем, а посему ты уж, батюшка-свет, укроти лихоимцев да заступись за нас, грешных, не дай сгинуть в голоде-холоде, без поста и креста, без Бога и царя... Повеселила бы мужичья челобитная чужeverного правителя, сжалился бы над оскудевшим народишком, как пожалел волк кобылу – оставил хвост да гриву...”

Накануне расстрела Белого дома, что, разумеется, случилось по велению Ельцина, Астафьев хлопочет за Бориса Николаевича: “Ничего другого не остаётся, как идти и голосовать за президента Ельцина – в нём пока единственная надежда на мир в России”³⁹.

Либерально-буржуазная власть высоко и обильно оценила писателя за поддержку: премия “Триумф” Бориса Березовского (1991); Государственная премия Российской Федерации за роман “Прокляты и убиты” (1995); Пушкинская премия фонда Альфреда Тепфера (ФРГ; 1997); орден “За заслуги перед Отечеством” II степени (28 апреля 1999); Государственная премия Российской Федерации (2003 – посмертно); премия Александра Солженицына (2009 – посмертно).

Правда жизни и обличения ближних

Верноподданнический очерк о Ельцине – ложка дёгтя в бочке мёда, черпаком же стали поздние злые сочинения, и переписка, собранная в особый том, где Виктор Петрович и его соратники так круто расправились с родным народом и русскими писателями, что в иные времена эдакий гнилой русский народец и эдаких поганых писателей скопом бы прислонили к стенке, щербатой от пулевых ранений, в подтёках русской крови. Письма, статьи, главы поздних сочинений, где гневно обличается родное простолудье, а заодно и глашатаи русского национализма словно выражены прозападным либералом, которого бы сам Астафьев в прошлые годы намалевал такими угольными красками, что померк бы даже философствующий циник, жуткий тип Гога Герцев из повествования “Царь-рыба”. Уж так бы Виктор Петрович изукрасил чужебца-западника, словно вымазал бы дегтем ворота океанной блудницы. Обличая родных и близких, Астафьев, уже знакомый с Благой Вестью, ведал же заповедь Христа: “Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете” (Лк. 6:37). Да и помнил писатель, что Пушкин, проповедуя русский дух в родной словесности, “милость к падшим призывал”, а потом и молился, прежде чем, очинив гусиное перо, окунуть его в чернила: “Веленью Божию, о муза, будь послушна...”

Словом, не всё в собрании сочинений *собралось* равноценное по духу и слову; может, то, что писатель высоко возносил в честолюбивом воображении, не коснулось читательских душ; и наоборот, над сочинениями, кои он дешёво ценил, народ, читая, ликовал и плакал слезами, очищающими душу: “Блаженны плачущие, ибо они утешатся” (Мф. 5:4). Увы, случается, и писателю не дано знать, как его слово отзовется. Разве гадал Антон Чехов, что крещёный люд, не осилив смутных пьес, вдруг примет в сострадательную душу простенький сказ про горемычного Ваньку Жукова...

Хотя в пятнадцати томах далеко не все сочинения – шедевры, но и достаточно произведений, – вспомним “Последний поклон”, “Царь-рыбу”, “Оду русскому огороду”, – благодаря которым Астафьев справедливо украшает череду выдающихся русских писателей второй половины XX века, где Шергин, Шукшин, Абрамов, Носов, Белов, Распутин, коих критики нарекли “деревенскими” писателями.

Вошли в собрание сочинений и последние произведения Виктора Астафьева, где много жестокой правды жизни, – произведения, что, по суждениям даже иных почитателей Астафьева, в духовно-нравственном и художественном отношении уже не взошли до вышепомянутых талантливых сочинений, ибо не в голой правде лишь, злой и мстительной, величие художественного произведения, а ещё и в том, смог ли писатель вообразить в душе народно-православный идеал, смог ли отобразить идеал высоко и ярко, словно в проповеди боговдохновенного святого старца, дабы идеалу сему подражали ныне и завтра жители грешной земли. А голая правда – что? Ничто!..

Русский народ – не дикарь с дубиной, уже в древние языческие времена ведал нравственные идеалы, по духу близкие православно-христианским, и воплощал идеалы в легендах, мифах и сказках. Иванушка-дурачок – простой и безсребренный, чудной и чудный, отдающий прохожему, хоть эллину, хоть иудею, последнюю рубаху, – вот русский национальный идеал, вот предтеча святых яродов во Христе, подобных Василию Блаженному, коим на Руси возводили храмы; вот образ богоносного русского народа, являющего собой мировую совесть и безкорыстную, безмерную любовь к Богу. Иванушка-дурачок так напоминает читателю русских сказок убогих, живущих у Бога Христа ради. Иванушка и ближних-то любит, словно по заповеди Христа, больше, чем себя самого, хотя и не труя о сём на перекрёстках улиц, ибо “когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно” (Мф. 6:3,4).

Не во грех художнику обличение родного народа, ежели обличает с любовью сострадательной, с готовностью оборонять народ, не жалея живота. Бранить ближних можно и от великой, болящей любви к ближним, от ярого желания, чтобы ближние жили не в земных похотях, но ради спасения души – в смирении, покаянии, благочестии, благодеянии Христа ради. Сын, со слезами любви обличая мать, заблудшую в грешном мире, не унижает мать,

но спасает, ибо и святые отцы обличали народ. Откроем “Паисиев сборник” и вонмем: “Слабо живут, не слушая божественных словес; но если плясцы или гудци или какой иной игрец позовёт на игрище или на какое сборище идольское, то все туда идут с радостью — а во веки мучимы будут — и весь тот день проводят на позорищах. А идти в церковь и чешемся, протягаемся, дремлем и говорим: то дождь, то студёно или иное что, и всё то кажется нам препятствием. А на позорищах нет ни покрова, ни затишья, и ветер шумит и вялица, но всё сносим, радуясь, и позоры делаем на пагубу душам. А в церкви и покров, и заветрие дивное, а не хотят идти на поучение, ленятся”.

Выше помянуто *обличение* Христа ради, лишь во спасение души падшего; иначе обличал простолюдье простолюдный писатель в письмах, речах, статьях и художественной прозе. Повторю обвинение, ставшее крылатым: “Что от них ждать, от наших трудящихся, давно уже впавших в рабский ма-разм и годных орать в бане, в огороде иль за пьяным столом... Виктор Астафьев”⁴⁰. “Дорогой Саша (*Михайлов. — А. Б.*). (...) В сущности, при всеобщем-то образовании, порой и “вышем”, но без Бога в сердце и без царя в голове, народ наш остался ещё более невежественным, чем это было в царской безграмотной России... Твой Виктор”⁴¹.

С зачином мысли, слегка славянофильской, можно бы и согласиться, коли бы не приписка про народ “царской безграмотной России”, из чего вытекает, что народ русский, создавший необозримое и сверхгениальное устное поэтическое и прочее искусство, святыми отцами повеличенный *богоносным*, жил невежественно в царской России, в советской же впал в пущее невежество.

Наперебой подпевали Астафьеву литературные причиндалы, что пытались просиять, посягать в астафьевском сиянии, по пути и зашибить копейку на восхвалении енисейского классика. В письме его соратника, смутного, похоже, затаённо либерального русскоязычного писателя Михаила Кураева с помощью Чехова, увы, мало добра высмотревшего в русском простолудье, изуверски изошрённо оправдывается русофобия, и русские вдруг *величаются* свиньями: “Я тут давно задолжал питерскому журналу “Звезда” статью о Чехове. Никак не мог “разродиться”. Увидел памятник в Красноярске, сел и написал. (...) Решил показать это сочинение Вам. Естественно, перечитывая письма Чехова с ощущением близости Астафьева, натолкнулся на его “руссофобию”, как он нашего брата костерит, и никто из высокоумных и бдительных, м. их е. (*Здесь питерский книжник, подыгрывая Астафьеву, вводит подзаборный мат, где святотатски хулитися и мать всякого человека, и Божия Мать. — А. Б.*), не спешит спастись русских от Чехова! Теперь, когда в моём присутствии начинают говорить об “обидчике” малых сих Астафьеве, я задаю вопрос: как бы вы отнеслись к человеку, писателю, который назвал бы людей целой нации свиньями? Ну, тут начинаются танцы индейцев: “Гнев”, “Негодование”, “Позор на его голову”. Я им цитирую Чехова и предлагаю заняться его воспитанием немедленно. Вот как полезно перечитывать классиков... Ваш Миша Кураев”⁴².

Вторит Кураеву и некий Миронов: “Народ [русский], в рабстве пребывающий, не может быть великим. (...) В. Миронов”. Виктор Петрович соглашается: “В России настоящей демократии никогда не было, и вряд ли в обозримом будущем она у нас появится. Демократию надо выстрадать (...)”. Для этого надо быть зрелым народом”⁴³.

Читая безжалостные обличения человека, и особо *недозрелого*, невольно вспоминаешь помянутые выше слова Личутина: “И за что Вы, Виктор Петрович, не любите народ русский?!” Об этом со скорбью говорят Астафьеву его бывшие почитатели, и письма их, как ни странно, тоже включены в собрание сочинений.

“В одном не могу с Вами согласиться. “Что за чудище человек-то!” — восклицаете Вы. Да, чудище он бывает, конечно, обло, озорно и пр., но не всякий же, не каждый. Не мне Вам рассказывать (...) — каков он, человек, бывает непостижимо хорош. (...) Это Вы совсем не правы, что Господь обрёл человека на гибель; тогда зачем было создавать его? (...) Жалеть их надо, этих чудищ, уже и за то, что они чудища, ведь они уже в себе, в душах своих носят готовый ад, сами себя к нему готовят, как их не жалеть. (...) Жалость возвышает человека. (...) Ваш В. Непомнящий”⁴⁴.

“В своём письме Вы опять никак не отрицаете тех моих обвинений в не любви к России и русскому народу, которые Вы публично высказывали и вы-

сказываете, в расхождении на этой почве с “[Нашим] современником”, Распутиным, Беловым, Крупиным, Бородиным, которые совсем недавно были Вашими ближайшими друзьями и единомышленниками. (...) Ваш Куликов”⁴⁵.

“Уже в публикации “Огонька” (июль-93) я услышала “нотки” голоса совершенно другого человека, а потом – примитивно-пустотелая рекомендация с телеэкрана: “Работать надо!..” Виктор Петрович, у нас на Руси это делать умеют, как умеют и эксплуатировать этот труд. Да, Вы варварски ранили “мальчика в белой рубашке”. Не знаю, ожил ли он? Ну, да Бог Вам судья. Прощайте, писатель Астафьев. Августа Михайловна Сараева-Вондарь”⁴⁶.

* * *

Николай Гоголь в исповедальной повести “Выбранные места из переписки с друзьями” по сути отрёкся от своей *обличительной* поэмы “Мёртвые души”, где русский народ, по Достоевскому, богоносный, – скопище безпросветных моральных уродов, над коими писатель не по-христиански безжалостно и гениально насмехается. Слава Те, Господи, Николай Васильевич в прощальной повести-плаче выразил покаяние, как, думаю, и в церковных исповедях; а покаялся ли в подобном *безжалостном обличении* Астафьев?.. Может, и покаялся на смертном одре, когда лежал под святыми ликами и ожидал... рождения для вечности.

Достоевский возглашал: живописно обличая народ, утопающий в похотях земных, писатель, живописуй и покаяние ради спасения; запечатлей благочестие и праведника, без коего село не стоит, ибо, словно иерей либо архиерей, ответишь перед Богом за все души, в кои посеешь зерно писательского слова. “Простец согрешивший за одну только свою душу даст ответ Богу, а иереи будут истязаны за многих, как нерадевшие о овцах, с которых собирали млеко и волну (шерсть)...” (*Из Духовного завещания святителя Митрофана Воронежского*).

Да, всякий смертный ответит пред Господом за своедушные грехи, а писатель ещё и за грехи книжечеев, коих искусил, скажем, равнодушием к ближнему и Вышнему; а посему воспитая обличителями *правда жизни*, – а и правда ли полная?.. – *правда жестокая, тупиковая, – богопротивна*, ибо засекает в читательские души лукавые и хульные помышления от окаянного сердца и помрачённого ума, грешное унынье, апатию, отчаянье, разочарование даже в братьях и сёстрах во Христе. Вспомнилась лихая надпись на заснеженном окне полупустого, полуночного автобуса: “*Чем больше я гляжу на людей, тем больше мне нравятся собаки...*” – и подумалось: “Вот так же, глядя на земляков, мыслят и некие писатели, коли выстудилась лихими ветрами любовь и сострадание, прощение и снисхождение к ближним. А Господь что говорил?.. А Господь умолял: “Любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (*Лк. 15, 12-13*); “Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас” (*Мф. 5:44*)”.

Увы, ожесточилась писательская душа, глядя на падших соотечественников; увы, трудно отыскать в закатных произведениях Виктора Астафьева героев, достойных подражания, не говоря уж об идеалах. Благо, что ранее писатель искренно и нежно воспел бабушку в “Последнем поклоне”; а бабушка, подобно старухе Анне из “Последнего срока” Валентина Распутина, нравственно идеальна на фоне нынешнего молодняка, увязшего в тине пороков, воспетых и вознесённых в *земные радости*. Читаешь Астафьева и чувствуешь: ранние произведения писатель рождает с любовью, порой и опечаленной, поздние – с тяжёлым сердцем, с обидой и гневом даже на родной народ.

Повинив Астафьева в охлаждении любви к ближнему, вдруг спохватился: а имею ли я моральное право эдак судить писателя?.. Вспомнились слова Петра Краснова, чтимого мной прозаика, вставшего грудью за Астафьева: “Что касается политики, то тут я, Виктор Петрович, на одном стою, одно говорю соратникам, да и всем: мы Астафьеву не судьи, мурцовки не пробовали, и не надо его трогать. (...) Ваш Пётр Краснов”⁴⁷.

Не о писателе, но о писательских идеях народ будет судить в земное и загробное обитание властителя дум; это право читателя, критика, историка

и литературоведа, даже если те и не *хлебнули мурцовки*. Испокон литературного века то, что он *хлебнул мурцовки*, не наделяло человека, а тем паче сочинителя полномочиями безжалостно судить родной народ. Фёдор Достоевский вдосталь хлебнул горя горького; если и не воевал, как Виктор Астафьев, то пережил не менее жестокие испытания: мука ожидания казни, потом каторга, где наглядился на подлых каторжан, на воров и душегубцев, настрадался от них, будучи натурой болезненно чувствительной, нервной, мучительно переживающей окружающий мир. Но описывая *правду* каторги в “Записках из мёртвого дома”, Фёдор Михайлович, говоря по-нынешнему, не утонул в безпросветной “чернухе”, как Астафьев в романе “Прокляты и убиты”, а, будучи боголюбивым и человеколюбивым, нашёл в душе силы для любви и сострадания к ближнему, даже и нравственно больному, увязшему в грехе, и там, среди падших, высмотрел и воспел людей, в душах которых, словно в разбойнике Кудеяре, пробудились раскаянье и дремавшая любовь к ближнему и Вышнему. Да и в других произведениях, откровенно показывая ужасы нищенского бытия и бездонную бездну падения русского человека, что мечется меж Богом и мамонной, Фёдор Достоевский воспел и такие занебесные взлёты русского духа, какие не снились европейскому обывателю, озверевшему в погоне за хлебом единым и поганым зрелищем и разомлевшему в тупой сытости. Достоевский понимал, что назначение искусства, если оно не от *искусы лукавого*, не столь в описании *жизненной правды* — лишь обличением доброго семени в душе не посеешь! — сколь в создании идеала, в изображении праведника, без коего мир погибнет, подобно ветхозаветным городам Содому и Гоморре, насельники коих, забыв о Боге, о праведной жизни, утопали в поганых похотях.

Пренебрегая *правдой жизни* ради утверждения христианских заповедей в миру, уходя от смуты души своей, Достоевский, случалось, и выдумывал молитвенных праведников, вроде Алёши Карамазова либо князя Мышкина, какие, похоже, не обитают в миру, спасаются в глухотных скитах и диких пустынях. Сочиняя юродивых праведников, Достоевский полагал, что писателю надо изображать русского человека и *натурального*, и *каким он, по Божию промыслу, мечтает быть*; а в боговдохновении русский блажен и свят, и породил великую святость, отчего и повеличался богоносным. Сочинение идеала, конечно, не означало уход от *правды жизни*, но творческая мудрость художника таилась в том, чтобы *голая правда жизни* не заслоняла праведника, не топила идеал в мусорном потоке запечатлённых страстей и похотей.

Виктор Астафьев в поздних произведениях, сознательно ли, бессознательно, художественный талант утрудил не для воспевания праведника, а на суровое обличение народа, отчего в слове рухнула живописная гармония Света и тьмы, и проза стала утрачивать бывшее народное любомудрие, свет и красу. В *обличительных* речах и письмах Астафьева словно выстудилась на лихом и ветреном перевале веков былая сострадательная любовь к ближним и даже родным деревенским. А ведь и по сочинениям, посланиям, прилюдным речам писателя дотошные историки будут судить о русском народе, попутно и о литераторах второй половины XX века. И в лад иным астафьевским суждениям грядущие поколения русских могут и поверить, что родной народ — *тупой, хмельной и ленивый*, а Валентин Распутин — *русский фашист и юдофоб*. А не будет ли то искажением русской истории и русской судьбы?! Обретя эдакую *правду* о родном народе, не застыдится ли читатель родного народа и русскости своей? Упаси Бог, но о сём веками мечтали враги Земли Русской. . .

“Прокляты и убиты”

Посчастливилось мне, грешному, водить дружбу с фронтовиком Алексеем Зверевым. Писатель тихого, светлого дара, для России маловедомый, судьбу которого запечатлел я в очерке “Люблю я сторону родную”. В главе “Война отвратительна, но. . . породила братство” есть и о Викторе Астафьеве, в коем иркутский писатель-фронтовик души не чаял; и себя, и меня на военный лад почитал солдатами в литературе, а Распутина и Астафьева — генералами. Покаюсь, мне не нравилось, у меня, двадцатилетнего, в заплечном ранце под солдатскими портянками томились генеральские погоны, и хотя не сгодились, но таились. . .

“Уходя в память гражданская война, утихомирился печально поредевший русский народ и вроде оклемался, повеселел в азартном державном труде;

но... не дремал сумеречный князь мира сего, ненавидящий Россию, остатний Божий приют на земле; и его холопы — христопродавцы, царящие в мире, — двинули на русские земли германскую орду. Великая Отечественная война... (...) “Война — дело отвратительное, тяжкое, — поминал Алексей Васильевич, — но Отечественная война породила и великое братство и товарищество, а посему до боли щемит сердце и бросает в тоску и в слезу, когда уходит из жизни военный друг...” (...) Странно, а может, и ладно, но лишь тридцать лет спустя Алексей Зверев, солдат и писатель, заговорит в прозе о Великой Отечественной войне; явятся на свет одна за другой удивительные по силе переживания, по чистоте слова, простонародно мудрые повести “Выздоровление”, “Раны”, “Передышка”. Видимо, нужны были тридцать лет, чтобы не так больно поминалась война, чтобы разглядеть трагедию, осмыслить её при ярком и верном свете — свете любви Христовой. У Алексея Васильевича христианское осмысление войны, даже без религиозной символики, интуитивное, было похоже на пробудившийся в душе голос православных предков.

Через тридцать лет начал стихать барабанный треск в военной прозе, крики “ура” на фоне штабной отчуждённости от рядового солдата; стала уходить в небытие “генеральская” проза, потом “лейтенантская”, и пришло время горькой “солдатской” прозы — страшной окопной правды, которая высветила всю непостижимую меру солдатских страданий, тем самым высветила и великий подвиг окопного воина. А подвиг и был в том, чтобы пройти через ужасы, кровь и смерть, через холод и голод, через хаос войны и остаться человеком, подобием Божиим.

Показывая “вшивую, окопную” правду войны, Алексей Зверев избежал беды, коя на старости лет постигла Виктора Астафьева в предсмертном романе “Прокляты и убиты”, где с матёрым мастерством писатель запечатлел ужас и мерзость войны, живописал и солдата, ходячего мертвеца, для коего *положить душу за другие своя, за священную землю русскую* — “пустой звон политука”.

Тогдашние правители России, по велению Запада ополчившись на русский дух, на пушечный выстрел не подпускали к телевидению русофилов, подобных Белову, Распутину, Личутину, Проханову, Куняеву, впрочем, те и не рвались в совет нечестивых, и лишь Астафьев частенько гостил на *российском телевидении*, поскользну и в романе “Прокляты и убиты”, и в телебеседах, телефильмах, и в письмах фронтовикам клял русское воинство, кое испокон веку бездарно воевало, и в Отечественную войну *не победило германскую армию, а утопило в солдатской крови, завалило трупами*.

“Уважаемый Александр Сергеевич! Ах, как жалко мне Вас огорчать на старости-то лет, да куда от жизни не денешься. Я понимаю и Вас, и всех других генералов наших, хвелящихся, ибо никто больше не похвалит. Не за что... Вы и **полководцы, Вами руководившие**, были очень плохие вояки, да и быть иными не могли, ибо находились и **воевали в самой бездарной армии со времён сотворения рода человеческого**. (А как же Святослав, покоривший все соседние народы?! Или святые князья Дмитрий Донской, Александр Невский, царь Иван Грозный?! А как же Суворов, Нахимов, Скобелев и многие другие полководцы, признанные миром?! — **А. Б.**) **Та армия, как и нынешняя, вышла из самого подлейшего общества** — это и в доказательствах уже не нуждается”. (Выделено мною. — **А. Б.**)⁴⁸.

По Астафьеву, плоть от плоти русаку, русские солдаты — *скоты безмолвные*, офицеры — *скоты рыкающие*, а уж бездарнее и подлее высшего командования русской армии в Отечественной войне и придумать трудно, коль офицеры лишь тем и занимались, что развлекались, брюхата полковых девок, да ради победы топило германца в солдатской крови. “Великая Отечественная война не была обусловлена какой-то исторической неизбежностью, — размышлял автор военного романа. — Это была схватка двух страшных авантюристов Гитлера и Сталина, которые настроили свои народы соответствующим образом... Ведь человечество, напуганное первой мировой войной, и не собиралось воевать. (...) Я думаю, что все наши сегодняшние беды — это последствия войны. Тов. Сталин и его подручные бросили нас в этот котёл... Конечно, Сталин — это никакой не полководец! Это ничтожнейший человек⁴⁹. (...) Если бы немцы не напали на нас, то через год-полтора мы бы напали на них и, кстати говоря, тоже получили бы в рыло...”⁵⁰

Эдуард Володин, русский философ, публицист, писал по сему поводу: "... И вот появляется мерзость под названием "Прокляты и убиты" — роман о Великой Отечественной войне и о её солдатах и офицерах. Более подлое сочинение вряд ли найдёшь и в мировой литературе, а тут ему устроили хвалебную критику и рекламу, подобно "тампексу" или "диролу без сахара". Оболгано было всё, что свято для народа, оболган был сам народ и его героическая армия. (...) Пошли бесконечные интервью и беседы фронтового телефониста об итогах Великой Отечественной войны, о тупости маршалов и генералов, о злобности солдат, о нелепости защиты Ленинграда. И, конечно, о рыцарстве немцев и гениальности их полководцев... В. Путин недавно вручал государственную (!) премию В. Войновичу, грязная и зловонная повесть которого "Похождения солдата Ивана Чонкина" может считаться прологом к "Проклятым и убитым" В. Астафьева! И не просто вручил, а ещё сообщил В. Войновичу, что за десять лет Россия далеко продвинулась по пути нравственности и духовности..."

Игорь Дедков так оценил роман "Прокляты и убиты": "Его прежние срывы в злобу и мстительность превратились в норму повествования; оснатив же текст подлым матом, он усугубил изображаемое и всячески нагнетаемое, концентрированное непотребство; не умея вести сразу несколько героев, как бывает в романах, и удерживать их на сюжетной привязи, он сочинил скорее тенденциозный "физиологический очерк", чем что-либо художественное"⁵¹.

Не хлебнувшим *фронтной мурцовки* русофилам, что бранили военный роман Астафьева, можно и не верить, но можно поверить Евгению Носову, фронтовику, чудом выжившему после ранения, писателю не громкому, хотя талантом и не уступающему, а, случалось, по языковой живописи, по ясности духа и превосходящему енисейского друга. Так вот, Носов, вслед за Астафьевым выглядывая в русском национальном движении фашизм и милитаризм киплинговского... прохановского толка, высоко оценивая последние астафьевские романы, тем не менее, дружески укоряет писателя: "Маленько переборщил ты и относительно высшего командования. (...) Были и держиморды, но были и чуткие, мыслящие командиры. Ну, скажем, как твой маршал Конев или мой генерал Горбатов... Е. Носов"⁵².

Позже Евгений Иванович, миролюбец-миротворец, уже довольно резко выразился о творчестве бывшего друга: "Мои отношения с Астафьевым тоже поостыли: он стал много врать и в своих публикациях, и в устных выступлениях. Я попытался урезонить его, но он надулся, пользуясь моментом, кляня прежнюю власть, которая и сделала его писателем, и дала возможность повидать белый свет (бывал иногда в пяти странах за одну поездку), сейчас он перебежал в иной лагерь, где сладко кормят и гладят по шерсти за его услуги, получил возможность издать аж 15 томов своих сочинений, в том числе ужасный, нечистоплотный роман "Прокляты и убиты..."⁵³

Сквернословие и скверномыслие

Жёстко бранит Евгений Носов приятеля-писателя за *вольный* язык фронтных повестей; и брань эта, разумеется, дружеская, на тринадцати книжных страницах последнего тома. Вот лишь некоторые замечания:

"Дорогой Виктор! (...) О том, что рукопись производит сильное впечатление, я уже писал в предварительной посланной открытке. Поэтому сразу перейду к замечаниям. Ну, прежде всего, категорически возражаю против оголтелой матерщины. Это отнюдь не моё чистоплюйство, и в каких-то чрезвычайных обстоятельствах я допускаю матерок. Но не походя, во многом без особой нужды, как у тебя. Это говорит вовсе не о твоей смелости или новаторстве, что ли, а лишь о том, что автор не удержался от соблазна и решил вывернуть себя наизнанку, чтобы все видели, каковы у него потроха... Жизнь и без твоего сквернословия скверна до предела, и если мы с этой скверной вторгнемся ещё и в литературу, в этот храм надежд и чаяний многих людей, то это будет необратимым и ничем не оправданным ударом по чему-то сокровенному, до сих пор оберегаемому. Разве матерщина — правда жизни? Убери эти чугунные слова, а правда всё равно останется в твоей рукописи и ничуть не уменьшится, не побледнеет.

Было бы жаль, если бы эту книжку покупали по такому доводу: "Слушай, давай возьмём. Тут такие у автора матерки! Чешет открытым текстом. Обхохо-

чешься!” Возможно, так и будет: редакторы будут визжать от остроты ощущений, бегать с твоими листами по кабинетам, показывая зланные места: во Астафьев даёт! А ещё горше, когда книга, уже напечатанная, одетая в благообразный переплёт, будет стоять на полке. Мы уже уйдём в мир иной, а она будет стоять со всей этой скверной, обжигать душу будущих читателей не столько правдой, которая к тому времени может померкнуть, а немеркнувшей дурнотой словесной порнографии.

Подумай: эта грязь останется в твоей книге на долгие времена! Написанное пером уже не вырубить топором. Прости эту банальную истину. (...) Е. Носов”⁵⁴.

Лютая неприязнь Астафьева к Советской Империи, что ублажила писателя великими почестями, злое разочарование в соотечественниках скорбно отразились на художественных достоинствах последних произведений писателя, и в язык на смену былой нежной живописи ворвалась солёная, перчёная уркаганья брань. И о том письма опечаленных читателей...

“Виктор Петрович! Вот уж никогда не предполагала, что придётся написать Вам (хочется и местоимение написать с маленькой буквы!), писателю, которого я почитала как великого, – такое письмо... Разумеется, Вы можете и меня, и моё письмо послать на три буквы – ведь как оказалось, вы дружны с ними. Но как могли Вы изменить своему таланту, слову, литературе?! Нет! Так жить не хочется, тем более так говорить и читать про это. Сквернословие, поселившееся в Вашем творчестве, меня, да и не только меня, просто потрясло! Не поэтому ли и само повествование поблекло, посерело, перестало БЫТЬ. Не надо приписывать эту матерщину “простым” людям. Вы и раньше писали не об аристократах; но как нежно, целомудренно. А ведь они, “простые люди”, наверняка, умели пользоваться подзаборным лексиконом. Я с мамой вместе с бойцами отступала из занятого немцами пригородного г. Пушкина. Были отчаяние, кровь, смерти, но не было мата! Блокада: были смерть, голод, холод, но не было мата! (...) Августа Михайловна Сараева-Вондарь”⁵⁵.

В послевоенных деревнях, что обретались в душевном здравии даже переживший голод, холод, воловий труд, а на западе и фронт, матерщинников не жаловали, а старики и вовсе плевали вслед матюжникам: “И как ты, архаровец, эдаким поганым ртом хлеб ешь и мамку кличешь?!” Борзо вводя матерный жаргон в авторскую речь, не говоря уж о речи героев, писатель оболщался по поводу *сермяжной правды* жизни, а тем паче по поводу речевой силы повествования, ибо сила народной речи, которой писатель прекрасно владел, не в матерке подзаборном, даже не в злополучном *чо, почо, знаш, понимаеш*; сила и краса народной речи – в природном, цветастом образе, в притчевом и пословичном любомудрии.

Виктор Астафьев в письме к покойному критику Игорю Дедкову пытается оправдать матерный язык, но не убедительно: “А вы судите за натурализм и грубые слова, классиков в пример ставите. Вы-то хоть их читали, а то ведь многие и не читали, а в нос суют. Не толкал посуху плот, грубой работы, чёрствой горькой пайки не знал Лев Толстой, сытый барин, он баловался, развлекал себя, укреплял тело барское плугом, лопатой, грабельками, и не жил он нашей мерзкой жизнью, не голодал, от полуграмотных комиссаров поучений не слышал; в яме нашей червивой не рылся, в бердской, чебаркульской или тоцкой казарме не служил... Иначе б тоже матерился. (...) Виктор Астафьев”⁵⁶.

Забавно, что в былые времена Виктор Петрович осуждал скверномыслие и сквернословие в литературе, когда народная власть требовала от писателей благочестивого письма, когда и в страшном сне бы не приснилось, чтобы повествования вдруг, словно дерьмом человечьим, осквернились матом: “Очень много матерщинников появилось открытых. Считается тоже новаторством. Очень много скабрёзников” (1990 год). О том же толковал и в сочинениях: “Когда слабо сопротивляющегося Сиптымбаева уволок в санпропускник, Сашка сердито забросил розу в кусты и выругался. Олег поморщился. Не любил он похабщины, не приучен к ней. Отец грузчиком был, но Боже упаси при сыне облаяться. И на войне Олег сопротивлялся, как мог, этой дикости, которой подвержены были даже большие командиры и вроде бы иной раз щеголяли ею” (рассказ “Сашка Лебедев”).

А вот отрывок из повести “Пастух и пастушка”: “Ползёт солдат туда, где обжит им уголок окопа. Короток был путь из него навстречу пуле или осколку, долог путь обратный. Ползёт, облизывая ссохшиеся губы, зажав булькающую

рану под ребром, и облегчить себя ничем не может, даже матюком. Никакой ругани, никакого богохульства позволить себе сейчас солдат не может — он между жизнью и смертью. Какова нить, их связующая? Может, она так тонка, что оборвётся от худого слова. Ни-ни! Ни боже мой! Солдат разом делается суеверен. Солдат даже заискивающе-просительным делается: “Боженька, миленький! Помоги мне! Помоги, а? Никогда в тебя больше материться не буду!”

Валентин Распутин высоко ценил художественный талант Астафьева, даже когда енисеец переметнулся к властвующим хриstopродавцам, но укорял писателя: “Я думаю, если бы у Астафьева в последних романах не было мата, он что, хуже бы стал как писатель? Не стал бы хуже... Астафьев красочно матерился за столом — было одно удовольствие его слушать. Но, простите, литература — это совсем другое. В последних его книгах нет его весёлости, хотя он и пишет “Весёлый солдат”. Зачем он увлёкся этим? Есть у молодёжи эпатаж, есть и у матёрых писателей. Виктор Петрович сделал первую ошибку, заявив, что надо было сдать немцам Ленинград, дальше он уже пошёл напролом. Эпатаж это или ожесточённость, не знаю. Я думаю, он сам от этого страдал. Уверен, что он страдал и от одиночества, и от ожесточённости, но уже отступить не мог от образа своего нового, от новой репутации. Он стал узаконенным матерщинником в литературе⁵⁷”.

Намедни вычитал у православных любомудров о сквернословии, что и передаю не дословно... Русская пословица гласит: “От гнилого сердца и гнилые слова”, а Господь поучает: “...от избытка сердца говорят уста” (Мф. 12, 34); “исходящее из уст — из сердца исходит: сие оскверняет человека” (Мф. 15, 18). А посему сквернословие — признак избытка скверны в сердце. Если не очищено у человека сердце, а переполнено грехом, то льётся из него сквернословие неудержимым потоком; и сквернослов повинен и в своей духовной смерти, и в гибели своих ближних. Скверна, изрыгнутая нечистыми устами, входит в уши и сердца ближних и даже ангельски светлых чад Божиих. Сквернословие рушит целомудрие и благопристойность, топит душу в пучине порока... Святые отцы, иереи, архиереи напоминали сквернословам слова Господа Иисуса Христа: “За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда, ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься” (Мф. 12, 36-37). Всякому смертному предстоит на Страшном Суде ответить не только за грехи, но и за грешные мысли, грешные слова.

Проклятье народному строю, хвала дикому капитализму

В письмах единомышленников Астафьева не ощущаются убеждения цельные, завершённые, ощущается лишь некое потакание супостатам, что крушили Красную Империю, *подлую, рабскую, проклятую*, по их мнению. И чтобы писателю во славе и богатстве плыть на волне лихого времени, нужно было лоб расшибить, рыно послужить властвующим крушителям: проклясть российское прошлое и воспеть разрушительное нынешнее.

Вот письмо Гребенчиковых, написанное ещё в девяностом году, с выводами которых Астафьев соглашается: “Сегодня Россия переживает один из самых трагичнейших своих переломов: прозорливым людям (таким, как Солженицын) ясно, что Родину надо освободить от марксизма-ленинизма, что во имя спасения в себе человека надо поломать эту уродину — здание социализма. Но осуществиться это может только через **развал державы**” (Выделено мной. — А. Б.) Гребенчиковы⁵⁸.

Матеря в хвост и гриву “брежневский застой”, писатель возглашает, что в девяностые годы благосостояние россиян резко взмыло, а если кто-то и перебивается с хлеба на квас, то лишь от вековечной *русской лени*, от *русского пьянства*.

“Дорогой Саша (Михайлов. — А. Б.). (...) В гости с Марьей сходили к одной бывшей моей односельчанке. Со стола валится закусон, напитки дорогие, компания простодушная и весёлая. Выпил пару рюмок коньяку, поел разносолов, стряпни всякой — и домой. И ведь куда ни придёшь, в рабочую семью, допустим, к двоюродной сестре на поминки ходил, — и-ё-моё — неслыханное, невиданное на столе изобилие — нет, сидят, кланут жизнь и власти. Ох, накажет наш народ Господь, ох, накажет! Ещё раз сатана с кровавым флагом явится, умоет кровью и слезами этот **слепой и тупой [русский] народишко**. (Выделено мною. — А. Б.) Твой Виктор⁵⁹”.

И это о девяностых, прозванных лихими, когда мировые и доморощенные сатанаилы ограбили Россию до нитки, когда пятьдесят миллионов пенсионеров в одночасье лишились счастья, а заодно и трудовых накоплений, что лежали на сберкнижках, когда сто миллионов работяг и служащих обратились в безработных, когда сотни тысяч бедовых голов гибли в пьянстве и наркомании, в бандитских разборках и внутренних войнах, когда обнищавший народ захаживал в магазин, словно в музей обильной пищи, чтобы позариться на копчёные окорока...

“По твоему интервью у вас в Красноярске уже что-то вроде коммунизма наступило: “Бабы одеты в меха, в дорогие меха, в соболя. Мужики – в кожу. Детки, как попугайчики, нарядные”. А рабочий и пенсионный люд трёх поселков ездит в иномарках. Тогда вовсе непонятно, чего (...) “ругают власть” (...) Конечно, нынче многие носят и дорогие меха, и драгоценности, и ездят в иномарках. Но – кто? А вот кто робит в деревне, вкалывает по-мужицки (есть ещё такие!), он-то что получает? В чём ходит и что ест? (...) Ал. Михайлов”⁶⁰.

Живописуя райскую жизнь, что, словно манна небесная, пала на обломки Российской Империи, Виктор Петрович, очевидно, слышал, что “шестого июня 1999 года красноярский губернатор Лебедь, выступая по телевидению и сетуя на разгул преступности в крае, вдруг сказал, что дело дошло до того, что на Красноярском кладбище с могилы, где похоронена дочь Астафьева, вору сняли какие-то украшения из цветного металла”⁶¹.

“Дорогой Виктор! (...) Наверное, ХХ-й век – самый кровавый для России. Гибнут люди и сейчас. Только за этот год убитых на территории бывшей нашей страны в различных конфликтах и стычках более 150 тысяч. Это жутко! За десять лет в бессмысленной войне в Афганистане погибло 15 тысяч! А этом году – 150! (Для Астафьева – хорошее время, просто, русские обленились. – А. Б.). И гибнут-то, как правило, молодые. (...) Насилие – уже как норма жизни. Раздевают до трусов детей на улицах, ибо хиленькая зимняя курточка стоит за три тысячи. Западногерманский журнал “Штерн” опубликовал интервью с начальником частного сыскного агентства в Москве. Этот деятель утверждает, что в 1991 году у нас в России бесследно исчезло 22 000 детей! Ошеломляюще-дикие информации идут отовсюду. Сами дети стали трудновоспитуемыми. (...) Л. Румянцев”⁶².

Созвучно размышляет о постсоветской российской жизни и профессор Томилин из Томска: “Когда здание коммунизма у нас рухнуло, то обнажился его капиталистический фундамент, а из подвалов выбежали духи наживы и устроили дикую пляску вокруг золотого тельца. Поэтому и зарплата стало нечем платить: она похищена этими нечистыми духами... В. Томилин (профессор)”⁶³.

Для осмысления девяностых годов примечательна не столь даже переписка двух знаменитых писателей-деревенщиков Астафьева и Носова, сколь само положение их в тогдашней России. Если Носов с нищенской сумой ковлял по миру, то Астафьев въехал в ельцинский Кремль на белом коне... Былые друзья усмехались: на кривой кобыле... И его юбилей в девяносто четвёртом году власть объявила государственным торжеством, радуется, не скупясь на затраты. Бог с ним, с народом, голодным, холодным и обезумевшим от безпросветной жизни...

Астафьев пишет Нагибину о своём всенародном торжестве: “Дорогой Юра!.. Да, брат, отмучился: юбилей – это не для контуженых людей, юбилей – дело серьёзное, если его затевают к тому же, как **народное торжество**. (Выделено мною. – А. Б.) (...) Преданно твой Виктор”⁶⁴. Попутно вспомнилось, Виктор Петрович то костерит Нагибина за жидовство, то – “дорогой Юра... брат... преданно твой...”

Кому юбилей, а кому... Или, как в деревне говаривали: кому Христос воскрес, а нашему Васе – не рыдай мене, мати. Вот что пишет Астафьеву Евгений Носов, тоже всенародно любимый писатель: “Мой дорогой Витя! (...) Юбилейный комитет официально приглашает на торжества (Всероссийские Астафьевские. – А. Б.). Витя, дорогой мой! Какая уж тут Сибирь: ехать на твои гроши моя “пся крев” не позволяет, стыдно и горестно, а своих денег не стало, всё, что было – отняли, а заработать не то чтобы на дорогу, но и на курево стало невозможно. Да и дорога ужасна. (...) Надо теперь переться в эту чёртову Москву, где тебя никто не ждёт, где не пустят переночевать, не говоря уж о билете, который прежде Танька Капралова из Союза писателей чуть ли не в постель готова была доставить... Твой Жена”⁶⁵.

И если Астафьев сподобился встречать на берегах Енисея тогдашних правителей, устраивая банкетные торжества в честь своего имени, то Евгений Носов перебивался о ту лихую пору с хлеба на воду. “Дорогой Виктор! А я тоже заимел свою картошку... Женька на заводе получил 10 соток. (...) Я очень завидую тебе, потому что у тебя есть изба в деревне, где можно отключиться от постылой коммунальной жизни. Если бы Женька получил землю пораньше, то мы бы успели построить там домик. А теперь цены взбесились, одна дверь три тысячи стоит. Были у меня деньги, если б знал, так мог бы хороший дом купить, да и новую машину, а то “Нива” моя продырявилась: колеса истрепались, и мотор стал сыпаться. Но правители отняли у меня деньги, которые я копил, считай, всю жизнь, и посадили меня на одну пенсию. Заработать же я теперь уже не смогу. Пишу мало и медленно. Написал рассказ, послал Крупину, а тот заплатил за него 400 рублей, т. е. на одну палку колбасы, а я два месяца над ним корпел. Вот ещё один рассказ отдал евреям в “Знамя”. Может, те чего-то заплатят, может, у Бакланова совесть есть, ещё не изнасилась. Кажется, в “Знамени” платят по-божески. (...) Наш общий друг Лёня Фролов отказался печатать мой трёхтомник, выбросил из плана. Я ему теперь не литература. Им порнуху теперь подавай, Войновичей всяких. (...) Твой Женя”⁶⁶.

Поругивая свергнутую народную власть и вдруг забываясь, Евгений Носов с великой грустью поминал благословенные *застойные* времена, когда, получая за писательский труд приличные деньги, жил и не тужил.

Ладно, любил Виктор Петрович поворчать, костерил коммунистов и Советский Союз, где жил по-генеральски, но за какие заслуги восхвалял лихие девяностые, что выкосили народ, словно военным лихом, запустошили крестьянские земли, угробили фабрики и заводы, унизили и оскорбили русские святые, воспели похоти, а народных писателей выпихнули на обочину жизни?! Впрочем, поругивая *глупый* народишко, что нынче, в девяностые годы прошлого века, одет в меха и катается в иномарках, Астафьев неожиданно ругает и ельцинскую власть. Словно забыв о политическом заказе, противореча себе, не может устоять перед *правдой жизни* и пишет с горечью: “У нас дела тоже идут неважно, по полгода не выплачивается зарплата, задерживаются пенсии и пособия, народ устал уже ждать облегчения. Да и понять его можно: привыкший жить от аванса до получки, в отличие от буржуев, не умеющий накопить копейку, не вписывается он в новые экономические отношения, да, за малым исключением, и не впишется, нужны два-три поколения, чтобы начать жить по-новому. А будет ли время вырастить эти два-три поколения, когда дряхлеет всё: люди, недра, промышленность; приходит в запустение и дичает земля. (...) Вот на Бога и уповаем, и надеемся, а больше уж надеяться не на кого, кругом болтовня, обман и пустые обещания. (...) Как много у нас людей, которые не сводят концы с концами, мыкаются без работы, не имеют денег заплатить за квартиру и бытовые услуги. К сожалению, число их не сокращается, и жизнь ввергает людей в отчаянье и злобу... Виктор Астафьев”⁶⁷.

“Астафьев переплюнул Толстого”

В письмах, что собраны в пятнадцатом томе собрания сочинений, Астафьев мудро позволял Евгению Носову и другим писателям, читателям погладить себя и против шерсти, поскольку хула всё равно утонет в море хвалы, где поклонники Астафьева восторгаются его поздней военной прозой порой без удержу и чуру: “Астафьев переплюнул Толстого”⁶⁸.

“Уважаемый Виктор Петрович! (...) Конечно же, проза Айтматова, включающая в себя многовековой материал легенд и сказаний, потрясает. Он первый в советский период многонациональных литератур (...) не осудил мужчину за измену жене с другой женщиной вопреки профсоюзной демографии сообщества. Это замечательная, **очистительная** проза. (*Интересно, что очистительного в прозе, воспевающей прелюбодейство? – А. Б.*). В. Распутин, наш русский мужик-абориген (?), пошёл даже дальше. У него уходит за борт жизни беременная женщина, долгие годы страстно мечтающая о дитяти... Потрясающе! Потрясают и его старухи, особенно в “Прощании с Матёрой”. Умная русская женщина – и с ней во главе уходит могикине (?) под воду. Изумительно чистая, прозрачная проза. Но Астафьев всех их переплюнул своей земной (от земли) прозой. Голодные, холодные мальчики, по ним бегают

крысы... Читаешь, а из глаз твоих бегут светлые слёзы. Лев Толстой написал прекрасные (и толстые) книги, а вот такого воздействия не достиг. У Астафьева же книги нетолстые, но прочтёшь что-либо из них, и после долго не хочется читать других авторов. **Я уверена, что по силе воздействия, да и по слову тоже, Астафьев переплюнул Толстого.** (Выделено мной. — А. Б.) Л. В. Цыбина⁶⁹.

“Дорогой Виктор Петрович! (...) “Плацдарм” — Ваша вершина. Самая высокая. Очередная. Феномен Астафьева! Это великая книга. О нас в XX веке. (...) Уровень писательского мастерства в русской литературе, как мне видится, медленно повышаясь в XIX веке, начал в XX веке круто взмывать вверх (...), и где-то там, вверху, — Ваше Слово. О такой осязательности могли ли мечтать мастера слова сто лет назад? (...) Виктор Петрович, Вами написана **потрясающе мощная книга** о том, как проклятая власть проклятой державы (!!) в проклятое время убивает людей. (...) В. Миронов⁷⁰.”

В письмах Астафьеву рядом с восхвалениями либерально-буржуазных времён на фоне былых рабоче-крестьянских вдруг слышится серьёзное переживание за отечественную культуру, кою заволок ядовито-сладкий, искусительный смрад бесовской “поп-культуры”. “Христос Воскресе! Дорогой Виктор Петрович! (...) Однако всё это время внутренне с Вами разговаривал, соглашался, спорил, вместе с Вами порой и газеты читал, будь они неладны, и радио слушал, и “ящик” этот поганый смотрел иногда. (...) До сих пор не читал Алешковского (не попала в руки “Звезда”), но, немало слышав про это сочинение и зная многое другое такого рода, заведомо верю Вам и не собираюсь “утешать”, убеждая, что “всё это прекрасно, всё это нужно”. Всё это стыд, мерзость, мрак и распад, но всё это прёт не только из Алешковского и через “Звезду”, а со всех сторон. “Литературное обозрение” печатает (1991, № 10) полным текстом, без точек то, что пишут обычно на заборах и в сортирах или распространяют в рукописных и слепых машинописных копиях для тайного услаждения, — печатает, сопровождая это восторженным учёным ржанием и именуя “эротической традицией в русской литературе” (кандидаты и доктора, а разницы между эротикой и похабщиной никак не уразумеют). Виктор Ерофеев, холодное, циничное литературное ничтожество, читается во всеуслышание по радио и возводится в мэтры “постмодернизма” (на ЛенТВ у него есть двойник — Сергей Шолохов, тоже очень крупный сегодня деятель). Вся новая “элита” — от “крайне левого” и крайне самодовольного Бориса Парамонова (радио “Свобода”, “Независимая газета”, далее везде) (...), от 30-летнего Дмитрия Галковского, от бойко-пёрых эмигрантов Вайля и Гениса (умопомрачительная книжка “Родная речь”, рекомендованная в качестве “пособия” самим Мин-вом просвещения) до отечественного Л. Агеева (прошлогодний “Литобоз”) — дружно поливают грязью “великую русскую литературу” (так и пишут — в кавычках), придумали забавную аббревиатуру ВПЗР — великий писатель земли русской — всё это с тем же восторженным ржанием, и всё это за то, что русская литература слишком учила и вообще — учила чему-то, тогда как на самом деле учить — это тоталитаризм, а мы все свободные люди, литература же — не более чем искусная игра, ни к чему не обязывающая. (...) Ваш В. Непомнящий⁷¹.”

Астафьев, то восхваляя, то осуждая лихие девяностые, порой судит и себя, литератора; тогда слышатся исповедальне-покаянные мотивы, присущие *истинно русским художникам*: “Дорогой Володя! (Болохов. — А. Б.) (...) Более того, я вот и сам понял, что ныне делаю тоже “антилитературу” (не о сквернословном ли романе “Прокляты и убиты” речь? — А. Б.), и какое-то время она будет царить в российской словесности, и хорошо, если какое-то время, хорошо, если великая культура прошлого выдержит её накат, а будущая жизнь будет так здорова и сильна, что устоит перед её страшной, разрушительной мощью. (...) В. Астафьев⁷².”

Писатель, видимо, постигая Святое Писание и Священное Предание, засомневался в духовной ценности дольного (земного) писательского слова перед горним (божественным): “Я вот недавно задумался и впервые для себя осознал: работа-то наша писательская — греховная. Есть главная мораль, от Бога идущая, Евангелие, Библия — вечные постулаты. А мы переиначиваем, искажаем эти постулаты на свой манер. Неумело, коряво подменяем слово Божие навязыванием каких-то своих личных моралей. Другой бы человек Библию почитал, ума набрался, а он сколько времени теряет, мою, например,

писанину перелопачивает. Вон уж несколько чудаков позвонили: “Виктор Петрович, все ваши пятнадцать томов прочитали!” Это ж сколько я умов нагрузил! От созерцания истинных ценностей отвлѣк...⁷³.

* * *

Добрый мой приятель, красноярский писатель Александр Щербаков подружески общался с Виктором Петровичем, горячо любил Астафьева *допереворотного*, тяжело переживал, глядя, как великий художник на склоне лет *сжигал то, что любил, и возлюбил то, что сжигал*. Впрочем, писатель, похоже, очнулся, раскаялся и воскликнул: “Я пришѣл в мир добрый, родной, и любил его бесконечно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного...” И когда я послал Александру Илларионовичу нынешние заметки в их изначальном, кратком виде, тот написал мне по поводу своекорыстный суестьи вокруг Астафьева — и здорового, и покинувшего земную обитель: “Здравствуй, дорогой Анатолий!.. Твою статью об Астафьеве прочитал с огромным интересом, подивился ещё раз полному совпадению наших вкусов и пристрастий, в том числе в оценке Астафьева, “раннего” и “позднего”. Тут я твой единомышленник даже не на сто, а на всю тысячу процентов. Только ты оказался мужественней меня и всё высказал более прямо, а я не решился. Да теперь уж и интерес потерял “к теме”, хотя через десять дней ему в Красноярске, на берегу Енисея, откроют памятник. Власти с готовностью выделили на это большие миллионы и делают всё с какой-то спешкой, видно, хотят поскорее выдать его за *своего*, получить в нём лишнюю опору своей разрушительной “правоте”... Если интересно, посмотри мои заметки о нём, написанные года три тому и напечатанные сперва... младшим Куняевым [в “Нашем современнике”], а нынче полностью тем же Сукачевым [в журнале “Дальний Восток”]. С искренним уважением, твой единоведец Александр Щербаков. 2009 год”.

Да, культ Виктора Астафьева в Красноярске ныне столь велик и отмашист, что уже, кажется, нет музея, нет библиотеки в городе, где бы Виктор Петрович не был запечатлѣн классиком русской литературы. А что уж говорить о родной писателю Овсянке, о соседнем городке Дивногорске... Вот и педагогическому университету дано его имя, и вырос на енисейском берегу величавый памятник, силуэтом смахивающий на тьму памятников Ленину, где Ильич — на революционном ветру, голоуший, в широко распахнутом пальто...

Возможно, угнетали христианский дух писателя безумные славословия, коих святые отцы страшились пуще польмиа; убегали от похвал в пещеры, пустыни и таѣжную глухомань, чтобы, упаси, Господи, не искусил бес тщеславия. Святые угодники денно и ночью помнили божественные глаголы Христа, омывшего ноги ученикам: “Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою” (Мк. 9, 35). А святой и преподобный Иоанн Лествичник писал в боговдохновенном творении, повеличенном “Лествица”: “Тщеславный есть идолопоклонник христианский. На взгляд он чтит Бога, а на деле более старается угодить людям, чем Богу... Люди высокого духа сносят обиду благодушно и охотно; а слушать похвалы и не ощущать никакой приятности могут только святые и непорочные... Когда услышишь, что ближний или друг твой бранит тебя заочно или в глаза, тогда покажи любовь, похвалив его... Кто превозносится природными дарованиями — тонким умом, высокою образovanностью, чтением своим, приятным произношением и другими подобными качествами, которые легко приобретаются, — тот никогда не достигнет сверхъестественных благ. (...) Когда хвалители или, лучше сказать, обольстители наши начнут хвалить нас, немедленно приведѣм себе на память множество беззаконий своих и найдѣм, что недостойны мы того, что о нас говорят или что для нас делают...”

Святые, да и боголюбивые, богомольные, благочестивые христиане боялись славословий о своих духовных подвигах, а служители искусства, увы, без славословий вянут на корню, а при восхвалениях скромно опускают глаза долу; и бес тщеславия, обнявшись с бесом сребролюбия, толкает искусников на хитрости и подлость, когда разгораются порочные премиальные страсти, когда надо лукавством обойти соперника, даже, случалось, и более талантливого. Премиальные деньги не пахнут; хотя... на своей шкуре испытал...

премиальные страсти сталкивают лбами писателей, да так, что искры летят по Руси.

Слушая святых отцов, я думал: “Рабу Божию Виктору не столь восхваления потребны, сколь искренние молитвы ближних, чтобы вымолить грешную душу, а на земле памятником была бы не статуя в духе ленинских, а много-томная антология сибирской *народной* прозы, поэзии, созвучной народному духу и народному слову Виктора Астафьева. . .”

Разумеется, писатель художническим талантом вполне заслужил почтение земляков; и это для читающей России благодней, чем, если бы эдакий культ, словно языческую кумирню, искусственно, рекламно, на деньги грабителей державы мордоделы сшили белыми нитками очередному “гению” из русскоязычных временщиков, поносящих русских и эту страну, готовых со дня на день, прихватив награбленное, дать дёру в забугорный утробный рай. Народная власть славила талантливых **русских** писателей на всю планету; либеральная же власть, чтобы была не в силах замолчать бывшие советские таланты, кинулась сломя голову славить чуждых русскому духу русскоязычных инородцев, словно все российское искусство второй половины прошлого века на них и держалось.

Помню, телевидение захлебывалось от славословия в юбилей Высоцкого, перебирало его любовниц, подробно толковало о наркомании и пьянстве искусного барда и богемного актёра. А в юбилей талантливого, **русского народного** поэта Николая Рубцова на телевидении – тишина; случился и юбилей гениального **русского** композитора Георгия Свиридова – опять тишина. Невольно рождается вывод: **не любит российское телевидение русское, народное искусство. . .** Юбилеи выдающихся деятелей русского искусства проходят тихо, народу не слышно; так же тихо, без величавых песнопений в телевизоре проходили бы юбилеи Астафьева и Распутина, если бы енисейский писатель в мрачные девятые годы не послужил либерально-западнической власти, сокрушавшей Красную Российскую Империю, если бы ангарского писателя в последние десятилетия не окружали властвующие либералы, разумеется, уже не оголтелые, не митинговые русофобы, как при Ельцине, но и не русофилы – эдакие потайные западники, что, краснея, потев от натуги, лукаво постреливая хитрыми глазками, фальшиво голосят патриотические гимны. Эти либеральные властители дум и дурковатые русаки, поющие им в лад, решили: упокоились знаменитые советские “деревенщики”, и можно радостно пропеть зауспокойную молитву *русской народной* литературе, ибо отныне к власти окончательно придёт *книжная, русскоязычная*, вольно ли, невольно впадающая в русофобию.

Костеря на чём свет стоит поверженную народную державу, где люди *прозябали в нуже и стуже, в страхе и рабском труде*, похваливая буржуазные *сытые, светлые* годы, тем не менее, в завещании Астафьев, до смерти истерзанный противоречиями, вдруг земно кланяется рабоче-крестьянским временам, проклиная нынешние буржуйские: “Ухожу из мира чужого, злобного, порочного”.

Раб Божий Виктор ладился предстать пред Богом на *страшном судище*; и, может, в душе звучала просительная ектинья: “Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим. . . Поддай, Господи. . . Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати у Господа просим. . . Поддай, Господи. . . Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и добраго ответа на страшном судище Христовом просим. . . Поддай, Господи. . .” И, похоже, раб Божий желал, чтобы накануне рождения для вечной жизни земные страсти и похоти угасли в душе, стихли вокруг его писательского имени. Просом просил писатель, Христа ради умолял “не делать из похорон шуму и содому; если священнослужители сочтут достойным, пусть отпоют меня в ограде моего овсянского дома. (. . .) Пожалуйста, не топчитесь на наших могилах и как можно реже беспокойте нас. Если читателей и почитателей захочется устраивать поминки, не пейте много вина и не говорите громких речей, а лучше молитесь. И не надо что-либо переименовывать, прежде всего, моё родное село. Пусть имя моё живёт в трудах моих до тех пор, пока труды эти будут достойны оставаться в памяти людей. Желаю всем вам лучшей доли; ради этого жил, работал и страдал. Храни вас всех Господь! Виктор Астафьев. 2 августа 1992 г. Красноярск-Академгородок”.

Не погружая книгоочая в грешное унынье, завершу заметки не за упокой, а во здравие: коли выживет боголюбивая, человеколюбивая, природолюбивая русская душа, то вздохнёт с любовью и состраданием, ведая о терзаниях и метаниях писателя, запечатлённых в письмах, публичных речах и поздней прозе; но душа читательская будет тайно плакать и тихо ликовать, постигая талантливые сочинения Виктора Астафьева, воспевающие любовь к ближнему, что предтеча любви ко Всевышнему, воспевающие любовь к русской природе, дивному Творению Божию.

1998, 2017 годы

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Виктор Астафьев: два лица // Сибирь. Иркутск, 1999. № 3. С. 169–182. Подпись: Г. Соснов.
- ² Достоевский беседовал с Тургеневым в Германии, в городе Баден-Бадене.
- ³ “Думы о русском с древнейших до нынешних времён”. Иркутск, 2017.
- ⁴ Когда зрели сии записки, в житейском и творческом здравии пребывали Астафьев, Носов, Белов и Распутин.
- ⁵ “Лейтенантская проза” – Виктор Астафьев”. Сайт “Военное обозрение”, 16 апреля 2013.
- ⁶ Интернет-сайт “Вера. Светлое радио”. 2015.
- ⁷ О том же писал и Александр Куприн: “Есть одна – только одна – область, в которой простителен самый узкий национализм. Это область родного языка и литературы. А именно к ней евреи, вообще легко ко всему приспособляющиеся, относятся с величайшей небрежностью. Ведь никто, как они, внесли и вносят в прелестный русский язык сотни немецких, французских, польских, торгово-условных, телеграфно-сокращённых, нелепых и противных слов. Они создали теперешнюю ужасную по языку нелегальную литературу и социал-демократическую брошюрятину. Они внесли припадочную истеричность и пристрастность в критику и рецензию. Они же, начиная от “свистуна” (словечко Л. Толстого) М. Нордау и кончая Оскаром Норвежским, полезли в постель, в нужник, в столовую и в ванную к писателям. Ради Бога!.. Идите в генералы, инженеры, учёные, доктора, адвокаты – куда хотите! Но не трогайте нашего языка, который вам чужд и который даже от нас, вскормленных им, требует теперь самого нежного, самого бережного и любовного отношения”.
- ⁸ “Думы о русском с древнейших до нынешних времён”. Иркутск, 2017.
- ⁹ Куняев С. Ю. “И пропал казак...”. “Наш современник”, № 8, 1999.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 225.
- ¹³ Там же. Т. 15. С. 311, 312.
- ¹⁴ Там же. Т. 15. С. 25.
- ¹⁵ Газета “Комсомольское знамя”. Киев. 10.01.1990.
- ¹⁶ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. С. 462, 463.
- ¹⁷ Там же. Т. 15. С. 323, 324.
- ¹⁸ Там же. Т. 15. С. 323.
- ¹⁹ В поддержку Эйдельмана, в изодрённое уничтожение Астафьева выплеснулось на журнальные и газетные страницы изрядно статей, и среди них самая филологически основательная статья К. Азадовского. Напомним его судьбу... С 1981 года Константин Азадовский, филолог, диссидент (суть, враг России), является членом Международного общества Р. М. Рильке, швейцарского и западногерманского отделений международного Пен-клуба. С 1992 года – член-корреспондент Германской академии языка и литературы (Дармштадт). С 1999 года – председатель Исполкома Санкт-Петербургского Пен-клуба. Награждён офицерским крестом ордена “За заслуги перед Федеративной Республикой Германия” (2011).
- ²⁰ Сергей Куняев. “И Свет, и тьма” (К 80-летию писателя Виктора Астафьева). “Наш современник” № 5, 2004.
- ²¹ Там же.

- ²² Ныне уже мало смысла таить, что письмо было написано В. Распутиным.
- ²³ “Красноярская газета”, 1998.
- ²⁴ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 267.
- ²⁵ Там же. Т. 15. С. 202, 203.
- ²⁶ Там же. Т. 15. С. 237.
- ²⁷ Там же. Т. 15. С. 54.
- ²⁸ Там же. Т. 15. С. 58.
- ²⁹ Там же. Т. 15. С. 139.
- ³⁰ Там же. Т. 15. С. 142.
- ³¹ Там же. Т. 15. С. 256.
- ³² Там же. Т. 15. С. 256–258.
- ³³ Там же.
- ³⁴ “Известия”, 5.10.93.
- ³⁵ Шабесгой, шабес-гой (ивр. שבת-הוי шабес-гой – “субботный гой”), иначе гой шель шабат, шаббат-гой – нееврей, нанятый иудеями для работы в шаббат (субботу), когда сами ортодоксальные иудеи не могут делать определённые вещи. В нееврейском толковании: шабесгой – нееврей, купленный евреями, предавший Христа, родной народ и Отечество.
- ³⁶ Договор с обманом. Коммерсантъ, № 38 (4093), 4.03.2009.
- ³⁷ Кагарлицкий Б. Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали. Екатеринбург, “Ультра. Культура”, 2005. 576 с.
- ³⁸ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 499–510.
- ³⁹ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 9.
- ⁴⁰ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 506.
- ⁴¹ Там же. Т. 15. С. 382.
- ⁴² Там же. Т. 15. С. 443.
- ⁴³ Астафьев В. “Коммунисты всегда врали...” Комсомольская правда. 1996. № 120. 1 июля. С. 1.
- ⁴⁴ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 122–123.
- ⁴⁵ Там же. Т. 15. С. 174.
- ⁴⁶ Там же. Т. 15. С. 452.
- ⁴⁷ Там же. Т. 15.
- ⁴⁸ Там же. Т. 15. С. 22.
- ⁴⁹ “Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я как православный христианин и русский патриот низко кланяюсь Сталину” (*Святой Лука (Войно-Ясенецкий)*); “Сила русского народа состоит не в его численности или организованности, а в его способности порождать личности масштаба И. Сталина. По своим военным и политическим качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения. Наша задача – раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина не появлялись” (*Адольф Гитлер*); “Это большая удача для России в её отчаянной борьбе и страданиях – иметь во главе великого и строгого военначальника. Он – сильная и выдающаяся личность, соответствующая тем мрачным и бурным временам, в которые его забросила жизнь, человек неистощимой храбрости и силы воли, прямой и даже резкий в речах...” (Черчилль У. *Речь в палате общин 8 сентября 1942 года*); “Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нём нет ничего тёмного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России” (Герберт Уэллс. *“Опыт автобиографии”, 1934*).
- ⁵⁰ “Аргументы и факты”. 1998, № 19.
- ⁵¹ “На боевом посту”, 2011, № 11.
- ⁵² Там же. Т. 15. С. 151.
- ⁵³ “Литературная Россия”, 21 июля, 2001.
- ⁵⁴ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 399, 400.
- ⁵⁵ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 452.
- ⁵⁶ Там же. Т. 15. С. 476.
- ⁵⁷ “День литературы”, № 10, 2005.
- ⁵⁸ Там же. Т. 15. С. 9.

⁵⁹ Там же. Т. 15. С. 383.

⁶⁰ Там же. Т. 15. С. 257.

⁶¹ Куняев С. Ю. “И пропал казак...” “Наш современник”, № 8, 1999.

⁶² Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 155.

⁶³ Там же. Т. 15. С. 457.

⁶⁴ Там же. Т. 15. С. 224.

⁶⁵ Там же. Т. 15. С. 211.

⁶⁶ Там же. Т. 15. С. 236.

⁶⁷ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. С. 470, 471.

⁶⁸ Астафьев В. П. Собр. соч. в 15-ти томах. Красноярск, 1998. 15. С. 64.

⁶⁹ Там же. Т. 15. С. 63, 64.

⁷⁰ Там же. Т. 15. С. 384, 385, 387.

⁷¹ Там же. Т. 15. С. 120-121.

⁷² Там же. Т. 15. С. 56.

⁷³ Борис Карпов. Поле его брани. Авторский блог. 04:00 26.10.2011.

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

ВОДА ПАХНЕТ ВЕЧНОСТЬЮ

Старый особняк, в котором размещалась иркутская писательская организация, дышал на ладан. Но всё равно каждую литературную пятницу он был переполнен. Сюда для обсуждения очередной публикации или книги приходили преподаватели вузов, студенты, вернее, пробующие себя в поэзии студентки, актёры, журналисты, режиссёры и иные залетающие на огонёк местные знаменитости.

Впервые порог дома литераторов я переступил поздней осенью семидесятого года. Принёс свой первый рассказ “Санзадание”. Встретила меня секретарша Союза писателей Неля Суханова и попросила оставить рукопись на подоконнике.

— Я хотел бы, чтоб её прочитал Геннадий Машкин, — попросил я.

К тому времени автор знаменитой повести “Синее море, белый пароход”, переведённой на многие языки, с которым мы познакомились, был единственным писателем, которого я знал. С ним мы познакомились, когда он выступал у нас в лётном отряде.

Через некоторое время я позвонил Сухановой, и она сообщила, что Машкин хотел бы встретиться со мной.

Прямо из аэропорта, в лётной форме, я помчался в писательский особняк. Была очередная литературная пятница, и в особняке было многолюдно. Я увидел всех сразу: тех, кого постоянно показывали по местному телевидению и о ком писали в газетах. В центре внимания был руководитель писательской организации Марк Сергеев, рядом с ним стояли Сергей Иоффе, Гаврила Кунгуров, Валентина Марина, Надежда Тендитник, профессор Василий Трушкин. Чуть поодаль, у стены, в чёрном костюме, ослепительно белой рубашке и в галстук стоял Владимир Козловский. Увидеть его было для меня приятной неожиданностью: его романом “Верность” про лётчиков я зачитывался в детстве. Здесь же толпились молодые писатели из “Иркутской стенки”. Вячеслав Шугаев, который на подобные вечера, как и Козловский, ходил обязательно в белой рубашке и галстук. Рядом с Шугаевым с сигаретой в руке стояла красавица жена Эльвира, работающая в газете “Советская молодежь” и что-то говорила Валентину Распутину. Я уже знал, что она была дочерью главного редактора “Забайкальского рабочего”.

Кроме основного помещения, небольшого, но уютного зала и кабинета ответственного секретаря, особняк имел ещё полуподвал. Там стояли два стола: один теннисный, другой миллиардный, который был приспособлен для импровизированных фуршетов. “На дно”, так шутя называли писатели свой подвал, спускались те, кто был помоложе и покрепче. Бывали случаи, что позже не все могли подняться обратно наверх. Вот там-то я и увидел Геннадия Машкина,

который наблюдал, как довольно ловко и азартно хлещет по теннисному шару Александру Вампилову. Ему безуспешно пытался противостоять его земляк, уроженец села Бабагай Евгений Суворов, которого Вампилов почему-то то и дело называл Печальным зятем. Позже, уже от Суворова, я узнал, что такое прозвище Евгению дал тесть, который считал, что писатели – народ денежный, но его дочери досталась сама посредственность; не пробивной, печальный зять. В случае с Суворовым всё выходило как раз наоборот: да, возможно, не пробивной, но, безусловно, один из самых талантливых писателей, входящих в “Иркутскую стенку”. Чаще всего будущие классики жили без гроша в кармане.

Здесь же за биллиардным столом расположились совсем молодые поэты Василий Козлов, Анатолий Горбунов и Владимир Смирнов, который вскоре станет Скифом. Машкин узнал меня, пригласил к импровизированной трапезе. Я глянул на протянутый мне стакан, достал из портфеля бутылку болгарской “Плиски” и выставил на стол, чем вызвал одобрительный взгляд ещё недавнего геолога, привыкшего в своей таёжной жизни к походным застольям.

К тому времени Суворов, в отличие от своего знаменитого однофамильца, капитулировал перед Вампиловым, и я решил встать на его место.

– Лётчики – моя слабость! – улыбнулся Вампилов. – Давай, давай, покажи, как на небесах раки зимуют.

Почему раки и почему на небесах, я так и не понял. Саня подкинул белый шарик над столом. Играл Вампилов азартно, переживал за каждое проигранное очко. Отбивая целлулоидный шарик, я почему-то вспомнил статью в “Молодёжке”, где описывался товарищеский матч между писателями и журналистами, который проходил на стадионе “Труд”. В конечном счёте писатели крупно проиграли. Тогда Вампилов после игры сказал: “Соперники бегали по полю, как молодые олени, мы их догнать не могли”. Я быстро понял, что Саша, как и многие, встал за теннисный стол, имея за плечами лишь дворовую выучку. Тут азарт был ему слабым помощником. Скорее наоборот, мешал сосредоточиться: он то и дело ошибался при приёме шарика. Я заметил, что все столпились вокруг нашего стола и начали болеть за Вампилова. Но он, проиграв две партии, куда-то заторопился. Машкин налил ему стакан болгарского напитка.

– Требую сатисфакции, – глянув на меня, сказал Вампилов. – Но не сегодня. Тороплюсь.

– Саня, Валера написал повесть, – представил меня Машкин. – Может, помотришь?

– Ну, если бы пьесу! – протянул Вампилов. – Тогда бы я взял. А так отдай Славе Шугаеву. Он у нас как раз занимается молодыми. – И, кивнув на теннисный стол, спросил: – Где научился?

– В лётном, – ответил я.

– Хорошо учат.

Он протянул руку:

– Значит, пьесы не пишешь?

– Пока нет.

– Ну, тогда пока.

Саня улыбнулся и по лестнице начал подниматься в “свет”.

От встречи с Вампиловым осталось доброе хорошее чувство: и похвалил, и признал меня, пока что как теннисиста, оставил себе надежду одолеть меня в следующий раз. Он напомнил мне позднего Распутина: тот не сразу, но всё же мог признать, кто-то что-то может делать быстрее и лучше, чем он. Особенно это проявлялось, когда мы ездили с ним по грибы и ягоды. Здесь у Валентина проявлялся весь его уже подзабытый на городских улицах деревенский азарт: если собирать, то непременно чтобы в котелке, когда мы возвращались к табору, у него было больше, чем у других. Распутин брал ягоду руками, а не совком, аккуратно и чисто, без шелухи и листьев. И очень огорчался, когда его стало подводить зрение.

– Хоть убей, не вижу! А на ощупь попадаются одни поганки, – хмуро говорил он, стараясь не показывать своё ведро.

Из писательского особняка я вышел, когда было уже темно. Под ногами хрустел снег. Где-то рядом, за глухими подворотнями, должно быть, оставшимся ещё от иркутских купцов, глухо лаяли собаки, да неподалеку скрежетал железом по рельсам полночный трамвай. Почему-то на память пришли строчки, которые я прочёл в Санином рассказе “Сумочка к ребру”.

*Из подворотни выбрел пёс лохматый
И вдруг завыл. Так, словно не к добру...
Подкрадывался сумрак бородатый,
Пристёгивая сумочку к ребру.*

Обычная в то время картина для провинциального Иркутска. Дальше с Вампиловым мы виделись коротко, однажды в аэропорту — он улетал в Москву. По вокзалу он шёл в расстёгнутом пальто, белой рубашке, на фоне которой бросались в глаза его смолянисто-чёрные кудрявые волосы.

В следующий раз встретились уже в конце мая. В писательском особняке только что состоялось обсуждение его новой пьесы “Утиная охота”. Писатели вывалили на улицу, ещё разгорячённые обсуждением. Из коротких реплик я понял, что пьесу завалили. И что особенно возмутило “Иркутскую стенку”, что Саню не поддержал Вячеслав Шугаев.

— Ревнив, ревнив Слава! — гудел Саша Сокольников.

Вампилов молчал. Тут же решили идти на берег Ангары в “Ветерок”. Набралось одиннадцать человек, целая футбольная команда. В стеклянной кафешке на бульваре Гагарина с видом на текущую рядом Ангару заказали вина и шашлыки. Начали говорить про только что напечатанный в журнале “Наш современник” рассказ Валентина Распутина “Вверх и вниз по течению”. Писатель-фронтовик Дмитрий Сергеев с серьёзным сухим лицом сказал, что Валя пишет трудно. Тогда считалось, кто пишет трудно, тот пишет хорошо. Все разом замолчали, примеряя сказанное на себя. И тут вскочил поэт Пётр Реутский, которого Геннадий Машкин шутя почему-то называл “сухеньким бандитом”, и сказал, что сейчас прочтёт поэму “Чёрная сотня” о казаках, которые, прорвав красные заслоны, “сотней высохших ртов, // упрямо идут на Ростов”. Подняв стакан, он театрально объявил, что стихи он посвящает Валентину Распутину. В ту пору Пётр Иванович был, пожалуй, самым знаменитым поэтом в Иркутске, на его стихи даже сочинялись песни. Мне особенно нравилось его стихотворение “Волкодав” и солдатское “Про форму номер двадцать, проверку наших тел на чистоту”.

Конечно, каждый из нас по жизни проходил проверку на чистоту, на порядочность, на умение встать за други своя. Сегодня, оглядываясь на то далёкое время, я прихожу к одному простому для себя выводу. Все писательские посиделки были маленькими, если хотите, театральными сценками, где каждому персонажу была отведена определённая роль. Попал за стол — готовь свою реплику. Здесь невидимая постороннему глазу иерархия творческой компании соблюдалась строго. Твои амбиции учитывались, но желание сразу же встать в строй впереди идущего пресекались на корню. Здесь ценилось одно: что ты на данный момент собой представляешь, что ты к этому времени сделал в литературе.

Как-то Слава Филиппов, став секретарём иркутского отделения Союза писателей, шутя предложил всем писателям присвоить, согласно занимаемому ранжиру, армейские звания, выдать форму и погоны, кому генеральские, кому лейтенантские, а кому за усердие — ефрейторскую лычку.

Его тут же осадили: “Ишь, чего придумал, да у писателей нет вторых, все первые!” Позже, когда в Иркутск приехал Виктор Петрович Астафьев, “Чёрную сотню” Пётр Иванович Реутский читал с посвящением уже знаменитому гостю.

Что ж, в театре всё должно быть учтено.

Впрочем, тот день, начавшийся с обсуждения “Утиной охоты”, выдался на славу: тёплый, тихий, солнечный. В кафе мы сидели одни, нам никто не мешал. И тогда Машкин предложил скинуться ещё.

Я достал трёшку и положил в общую кучу. Саня тут же вернул мне её обратно.

— У нас так не полагается. Сам не пьёшь, а деньги переводишь.

— Мне сегодня лететь. Приходится быть сухим.

— У меня есть к тебе разговор, — вдруг сказал он. — Выйдем на бережок. Мы вышли из кафе, спустились к Ангаре.

— Мне Гена Машкин сказал, что ты летаешь в Карам, — прищурившись, не то спросил, не то констатировал Вампилов.

— У нас рейс до Казачинска, — подтвердил я. — А по пути садимся в Караме.

– Мы здесь с Машкиным надумали сплавиться по Киренге. Не сможешь нам с билетами? А если есть время и желание, то присоединяйся.

– Какой вопрос! – ошеломлённый сделанным мне предложением, воскликнул я. – Договорюсь с ребятами и полетим!

– Только чтоб всё было официально, – предупредил Вампилов.

– Всё сделаем, как надо, – успокоил я.

И вдруг до меня дошло, что разговор про билеты, про сплав по далёкой реке был для него не главным. Там, в кафе, остались сидеть те, с кем он давно дружил, не один раз читал им свои пьесы, спорил, выпивал, ездил на Байкал и в другие места. То есть те, мнением которых он дорожил. И сегодня всё шло, как было заведено ранее. Но он решил выйти и поговорить со мной, человеком для него новым, практически неизвестным. Я не думаю, что его заинтересовала моя лётная форма. В “Старшем сыне” у Вампилова есть герой-курсант, будущий лётчик. По авторской задумке, это человек слова, который никогда и никуда не опаздывает. Всё у него просчитано до конца жизни. Для Вампилова же это человек-зануда, правильность которого скорее отталкивает, чем привлекает. Как автор, Вампилов ему явно не симпатизировал. Любимая в народе курсантская форма его героя не спасает. И вот на тебе: среди писателей появился человек в лётной форме. Возможно, Вампилов решил проверить, кто я и с чем пришёл к писателям? Но едва начался наш разговор, я понял: своего героя он мог нарядить в любую одежду, это не больше, чем литературный приём. Интуитивно я почувствовал в Вампилове человека, который видит мир по-иному; я бы сказал, с другой высоты и с другой скоростью. И быстро сообразил, что ему многого говорить и объяснить не надо, он шёл ко мне, как к равному, тогда он мог себе это позволить и уже догадывался, что и я иду к нему. Нет, расстояние между нами измерялось не метрами и не шагами. Всё, что будет между нами, ещё предполагалось. Но в тот момент никто из нас не знал, что будет с нами завтра.

– Ну, как пишется?

– Да вот, читают мою повесть, одни советуют переделать, другие бросить это дело, – отшутился я.

– Ты слушай, но делай, как подсказывает тебе душа. Слушай самого себя. Часто бывает так: они говорят тебе, а думают о себе.

– Не все, – возразил я. – Вот Женя Суворов недавно читал свой рассказ “Мне сказали цыгане”.

Вампилов посмотрел куда-то вверх и, засмеявшись, продолжил:

– Вот Жене Суворову я верю. Он тонко чувствует слово, прекрасный стилист. И, пожалуй, самый порядочный из всей нашей братвы. А какой у него прекрасный рассказ “Этажом выше”! Читал?

Я согласно кивнул головой.

– Но есть у него особенность, – вновь улыбнулся Вампилов. – Напишет, напечатает, а потом год ходит, рассказывает, как он писал. В нашем деле не надо останавливаться. Работай, работай, другого не дано. Порода отмоется, и, как говорит Гена Машкин, золотники останутся. Старина Шекспир верно заметил:

*Весь мир — театр, а люди в нём — актёры!
Кто плут, кто шут, а кто простак, мудрец или герой.
А потому, а потому оставьте ваши споры.
Ищите в жизни свою роль, лепите образ свой.*

Помолчав немного, Саня добавил:

– Мы просто не задумываемся и не замечаем, что везде люди играют свою роль.

– Верно, – согласился я. – Особенно, когда у нас идут разборки полётов. Каждый видит самого себя в том или ином эпизоде. Вот недавно был у меня случай. При заходе на посадку отказал двигатель. Ситуация неожиданная и паршивая. Едва справились. Когда начали разбирать полёт, кто и как действовал в этой непредвиденной ситуации, начались неожиданности. Каждый потянул одеяльце в свою сторону. А ведь мы экипаж!

– Ты такие вещи записывай. Сгодится, – посоветовал Вампилов. – Жизнь – лучший помощник. Она подсказывает такие сюжеты, которые не придумаешь. Как сладко пахнет Ангара, – вдруг тихо сказал он, посмотрев в сторону текущей мимо нас реки.

- Она пахнет только что сорванной морковной ботвой, – заметил я.
- Вода пахнет вечностью, – поправил меня Вампилов. – А наша жизнь, как и вода, протекает быстро.

Сверху от кафе к нам подошёл Машкин, за ним спустился Распутин, и мы, слившись с другими, толпой двинулись мимо бетонного шпилья в сторону трамвайной остановки.

Ныне на месте бетонного шпилья, который Саня с присущей ему иронией называл “мечтой импотента”, как и в царские времена, стоит памятник Александру III. Со временем всё вернулось на своё место. Возле драматического театра к нам подошли девушки. Через минуту слышу, Саша Сокольников крикнул:

- Ребята, смотрите, Сашу Вампилова уводят.
- Ну, это не совсем, – засмеялся Машкин.

Больше я Саню живым не видел. Мне запомнился тот день, когда Машкин, встретив меня у стадиона “Труд”, сообщил, что Сани больше нет. Помню заплаканного Распутина, потемневшего от горя Суворова, осунувшегося Машкина. Полёт на Киренгу так и не состоялся.

ИРИНА ПРИЩЕПОВА

У НАС НА БАЙКАЛЕ

1. ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Какая-то постоянная бездонная грусть светится во взгляде, будто постиг он или приблизился к постижению неведомого ещё людям страдания и готов пострадать за них и покаяться, облегчить жизнь, принявши боль земную, все тяготы человеческие на себя...

Виктор Астафьев

В 1969 году в порту Байкал на горке у истока Ангары купил дачу писатель Глеб Иосифович Пакулов. В его большой светлый дом, сложенный из крепких лиственничных брёвен, стоящий в зелени высоких трав и деревьев, стали приезжать в гости его друзья, среди которых был Валентин Распутин. Сразу за домом начинаются поляны, сплошь заросшие цветами. А внизу сверкающей лентой раскинулась Ангара. В этом месте она рождается: пятнадцать минут ходьбы – и открывается великий Байкал. Эти сказочные места притягивали всех, и многие из гостей вскоре сами обзавелись дачами в посёлке. Валентин Григорьевич Распутин в 1974 купил в порту Байкал домик, приписанный к улице Вокзальной и значащийся под номером 1. На самом деле этот дом стоит одиноко между двумя частями посёлка, расстояние между которыми около километра. Он тесно прилеплен к старой байкальской горе, с высоты которой десятки лет тёмными ночами посылал свет маяк, доставленный сюда из далёкой Англии. В мае эта безлесая внизу, скалистая гора полыхает багульником, в июне белеет кашкой, а осенью от её сказочного разноцветья, от тёмной синевы Байкала, искрящего солнечными звёздами, просто захватывает дух. Сбылась мечта писателя: у него появилась возможность видеть озеро каждый день, наблюдать за ним, любоваться им. Домик, одиноко стоящий на берегу священного озера, постоянно меняющийся цвет воды и её блеск за окнами, шум волн и золотые россыпи брызг, перелетающих через дамбу... Что ещё надо для счастья и работы писателю, влюблённому в Байкал?

Озеро-море блистает великолепием совсем рядом и катит волны почти к самому дому. Границей между домом и Байкалом служит лишь старая Кругобайкальская железная дорога, сейчас одноколейная, а в первой половине XX века колеи было две. Возле дома, ставшего распутинским, десятки лет находилась высокая будка стрелочника, ревели паровозы и заволакивали окрестности густым чёрным дымом и облаками белого пара. Да и сейчас каждым

летом можно иногда увидеть паровоз, со свистом, шипением и оглушительным рёвом везущий туристов со всего мира подивиться на байкальские красоты. А в 70-е, 80-е годы здесь ходил поезд, составленный из товарных и пассажирских вагонов, цистерн с горючим. В рассказе “Век живи – век люби” Валентин Григорьевич назвал этот поезд, на котором ему приходилось ездить неоднократно, сборным чудом-юдом: “Да это и не поезд был, что принято называть поездом, а скорее грузовой состав, к которому прицеплялось для пассажиров когда три, когда четыре вагона, а зимой так хватало и одного. Рано утром это устаревшее сборное чудо-юдо уходило из посёлка и поздно вечером возвращалось...”

За железной дорогой, опять же рядом с домом, располагается портовый причал. В 70-е годы от этого причала отправлялись в путь по Байкалу многие пассажирские теплоходы и пароход “Комсомолец”, совершавший рейсы по Байкалу и не вмещавший всех желающих проплыть вокруг Байкала (иногда туристам разрешали ставить палатки на корме); а также теплоходы-труженники, тянущие длинный хвост плотов из толстых брёвен. Были даже свои танкеры, доставлявшие горючее на север Байкала.

Участок, состоящий из маленького дома и крошечного флигелька, напоминает оазис: здесь привольно живётся тополям, берёзам, черёмухе, сирени, огромной лиственнице. Близость Байкала, живописные горы, тишина, изредка нарушаемая проходящим поездом, – всё наполняет душу красотой, даёт ощущение вечности, пищу для размышлений, творчества. Вот с какой любовью говорит о своём участке Валентин Распутин в рассказе “Что передать вороне?»: “У нас на Байкале была своя ворона. У нас там был свой домик, своя гора, едва ли не отвесно поднимающаяся сразу от домика каменной скалой; из скалы бил свой ключик, который журчащим ручейком пробегал по нашему двору и возле калитки опять уходил под деревянные мостки, под землю, и больше уже нигде ни для кого не показывался. Во дворе у нас стояли свои лиственницы, тополи и берёзы, и свой большой черёмуховый куст. На этот куст слетались со всей округи воробьи и синицы, вспархивали с него под нашу водичку, под ключик (трясогузки длинным поклоном вспархивали с забора), который они облюбовали словно бы потому, что он был им под стать, по размеру, по росту и вкусу, и в жаркие дни они плескались в нём без боязни, помня, что после купания под могучей лиственницей, растущей посреди двора, можно покормиться хлебными крошками. Птиц собиралось помногу, с ними смирился даже наш котёнок Тишка, которого я подобрал на рельсах, но мы не могли сказать, что это наши птички. Они прилетали и, поев и попив, опять куда-то улетали. Ворона же была точно наша...”

“Оазис” в порту Байкал быстро стал для писателя своим, родным местом. Валентин Григорьевич любил гулять вдоль берега, по старой железной дороге, тихий и задумчивый, сидел на берегу, глядя, как плещут волны озера-моря, которое затит их миллионы лет. Жил просто: топил печь, подметал дворик, сажал картошку, подправлял забор. Воду предпочитал байкальскую, говорил, что она вкуснее, и ходил с вёдрами к озеру, хотя можно было брать очень чистую воду из ключика в своём дворе. Хрустальная горная вода, конечно вкусна, жива. Но вода Байкала, этот щедрый дар небес, – сокровище, чистейший и глубочайший земной колодец, – не может сравниться ни с чем. Валентин Распутин с детства пил байкальскую воду, избыток которой несла Ангара жителям стоящих на её берегах деревень и городов.

Воде и чаепитию Валентин Григорьевич придавал великий смысл. Люди, живущие на Руси, чаепитие всегда считали значимым событием. Для чая необходим был русский самовар и живая земная вода. За чаем общались, задушевно пели под гармонику уплывающие в необъятные просторы красивые песни, сложенные на родной земле, и проникались любовью к этой земле, к природе, к людям. В рассказе “Что передать вороне?” утреннее чаепитие в одиночестве на даче описано как таинство. Первый глоток байкальского чая обычно несёт гармонию и вдохновение, настраивает на работу, помогает “отыскать нужный голос, который не спотыкался бы на каждой фразе, а, словно намагниченная особым манером струна, сам притягивал к себе необходимые для полного и точного звучания слова...” Недаром старики в “Прощании с Матёрой” ангарскую водичку и чай из самовара не променяли бы на все городские блага. “Ой, да какой там чай! – говорит героиня повести Настасья. – Вода не дай бог морёная, её там травят чем-то, чтоб Ангарой не пахла...”

В фильме “Река жизни” Валентин Распутин приводит слова, которые зацепили его и постоянно вспоминались: “Без реки, без Ангары нашей, никто не проживёт, а все реки мимо Бога протекают, он в них смотрит и, как в зеркале, каждого из нас видит...” Значит, тем более никто не проживёт без Байкала, отца великих рек Ангары и Енисея. Виктор Петрович Астафьев, несколько раз приезжавший в порт Байкал, сказал, что в Байкале девственно-чистая вода, в которой, наверное, Создатель омывал новорожденных ангелов, прежде чем пустить их в небо, и оттого у них такие белые, нежные, лебединые крылья...

Как для питья Валентин Распутин выбирал чистойшую воду, байкальскую, так в речи предпочитал слово русское, сохранял его девственную чистоту и страдал от загрязнения родной речи не менее, чем от загрязнения воды в реках и озёрах. Да и слова “река” и “речь”, конечно же, одного корня, родились от одной славянской праматери. Писатель видел, как сплошным потоком вероломно вторгаются в русский язык англицизмы и подменяют собой слова, взлелеянные пращурами, рождённые самой природой нашей Руси. Вода и речь – это бесценный дар предков, к нему нужно относиться бережно и защищать от всего наносного (что и делал всю жизнь Валентин Григорьевич), и тогда Россия будет процветать.

Здесь, на байкальском берегу, Валентин Распутин черпал вдохновение для создания своих самобытных книг о жизни сибирской деревни, о судьбе простого русского человека. Этот приозёрный уголок был мил немногословному, любящему уединение Распутину. Здесь, в стареньком доме и флигельке, “бисерным” почерком создавались лучшие произведения Валентина Григорьевича: “Живи и помни”, “Прощание с Матёрой”, “Век живи – век люби”, “Что передать вороне?”, “Наташа”.

“Мне хорошо пишется в домике на Байкале”, – говорил он. Насколько хорошо, можно понять из рассказа “Что передать вороне?” В самом начале писатель говорит о том, как на даче пошла работа, зазвучал нужный голос, и с какой неохотой ему пришлось отрываться от стола, ехать в город. И, чтобы не растерять вдохновение, сошедшее к нему на байкальской земле, вернулся в порт вечером того же дня, даже видя, что маленькая дочь сильно соскучилась и очень хочет, чтобы отец остался дома хотя бы до утра. Валентин Распутин недоволен собой, он рассказывает о том, как сразу в наказание за поездку начались невезение и разлад в душе. И Байкал, когда до него с трудом добрался писатель, был неспокоен и неприветлив: “Безветрие и грохот воды; ощущение было жутковатое – точно там, за краем причальной стенки, начинается другой свет”. Ехать пришлось на портовском катеришке в сильный шторм: “... Катерок наш то вонзался в воду, то взлетал в воздух... а я, мокрый и продрогший, сидел на мешке с картошкой, который ездил подо мной, и безучастно ждал, чем всё это кончится...” Почему, ради чего Валентин Григорьевич отказался от тёплого вечера в семейном кругу? Его душе не давала покоя боль за русскую землю, и он торопился на Байкал, чтобы осуществить свой творческий замысел. Тянула одинокая дача, на которой он мог вдохновенно писать, “Матёра” – величайшая повесть XX века, в которую он вкладывал свою боль и всего себя. За это пришлось заплатить ещё одной болью: ему пришлось ощутить разлад с самим собой и с природой, почувствовать обиду и отчуждённость дочери, которая заболела из-за отъезда отца, и невозможность в этот вечер и на следующий день написать ни строчки. Для чего же писателю было дано пережить такое состояние? Вероятнее всего, чтобы появился прекрасный рассказ-откровение “Что передать вороне?”

Доводилось жить в своей избушке Валентину Распутину и зимой. Переправы в зимние месяцы, когда стоял лёд, не было, и приходилось ему, как местным жителям, добираться из Листвянки в порт пешком. Чтобы попасть в свой домик, нужно было пересечь незамерзающий исток по кромке льда. По дороге попадаются большие трещины, лёд гудит, трескается под ногами, временами густой туман плотной завесой закрывает путь, пронизывающий хиус забирается под одежду. Путь не совсем безопасный, но незабываемый. Зимний исток Ангары прекрасен! Лёд местами покрыт снегом, местами, очищенный от него ветрами, во всей красе лежит сияющий прозрачным зеркалом. Сквозь чистый лёд, весь в зигзагах и сплетениях белёсых трещин, видна вода, в зависимости от глубины кажущаяся то чёрной, то синей, то светло-зелёной. Встречаются живописные причудливые нагромождения торосов. Недалеко от

пешеходов плещутся в стилой дымящейся ангарской воде дикие утки, каждый год прилетающие сюда зимовать. А какие яркие и вместе с тем нежные расцветы и закаты на зимнем Байкале!

Валентин Григорьевич любил Байкал в любое время года. Но зимой жить подолгу здесь не мог: нужно было заготовливать дрова, подолгу топить печь. А с мая, когда озеро вскрывалось, он жил, в основном, на даче. На лето приезжала и семья Распутиных.

Много думал в своём домике писатель о нелёгкой доле русского народа и о страшных испытаниях для русского духа, выпавших во второй половине XX века. В 50-е годы началось строительство Иркутской и Братской ГЭС, повлекшее затопление больших территорий. В фильме “Река жизни” энергетик рассуждает так: “Мы не будем жечь 3000 тонн угля каждые сутки. Или мы затопим старое село. Что для нашей цивилизации лучше? Есть понятие: плата за цивилизацию”. Это рассуждение сродни примерно такому: “Отруби-ка матери палец и будешь жить богато”. Дешёвая электроэнергия дорого обошлась людям, выселяемым с обжитой веками земли, особенно старикам, которые, как вековые деревья, вросли в родную почву. Потрясают слова Дарьи из “Прощания с Матёрой”: “А как можно отдать на смерть родную избу, из которой выносили отца и мать, деда и бабу, в которой сама она прожила всю, без малого, жизнь...” Но всё же затопили посёлки, затопили с погостами, с церквями. Был затоплен даже Братский острог, хотя часть его всё же сохранили: перевезли в музей посёлка Тальцы, что находится недалеко от Байкала. Уничтожалась красота русской природы, на дне оказались сибирские леса. Деревья, напоминающие гигантские водоросли, медленно умирали, а потом “утопленники” во множестве всплывали на поверхность неммым укором. Русские земли издревле выжигали враги, ангарские же земли выжгли дотла, а потом и затопили “сыны” отечества в целях экономии. Валентин Григорьевич понимал, что воды, пущенные человеком для затопления земли как “плата за цивилизацию”, могут подмыть корни огромного, хранящего Землю Лиственя, и поплывёт человечество в ужасе и хаосе, им же созданном, к быстрому своему концу. И защищать Землю надо всем миром.

Варварское отношение к природе, к своим соотечественникам стало личной болью для Валентина Распутина, родившегося на Ангаре в небольшом посёлке Аталанка. Он говорил: “Я всегда был и останусь на стороне защищающейся от человека природы”. С возрастом он всё сильнее ощущал себя частичкой природы, чувствовал, что связь с природой велика, неразрывна. В очерке “Видение” писатель, глядя на берёзы, размышляет: “Я стою среди них и думаю: видят ли они меня, чувствуют ли? А может быть, тоже ждут? Уже не кажется больше растительным философствованием, будто все мы связаны в единую цепь жизни и в единый её смысл – и люди, и деревья, и птицы. В старости так больно бывает, когда падает дерево!”

Вышедшая в 1976 году повесть “Прощание с Матёрой” стала откровением для многих читателей, заставила их содрогнуться от содеянного людьми на земле, наполнила сердца болью за стариков, сплотившихся, отстаивающих родные дома, родные могилы. Но противостоять силе принятых государственных решений они не могли, как не может земля побороть натиск большой воды.

Ангара связана с Байкалом кровными узами. И Валентин Распутин, находясь на Байкале, следил за событиями, происходящими на Ангаре, чувствовал природу реки, слышал плач затопленной земли. Быстро слагалась повесть, хорошо работавшая в байкальском домике под сенью семи лиственниц, одну из которых он в рассказе “Что передать вороне?” назвал могучей. Может быть, с неё рисовал он тот самый незабываемый Листвень из “Прощания с Матёрой”?..

Жители порта Байкал часто бывали у писателя в гостях. Многие засиживались допоздна, любили поговорить с Валентином Григорьевичем, тем более что он внимательно слушал каждого. И многим писатель дарил свои книги с автографами. Можно было его увидеть сидящим на берегу с грузчиками порта, которые рассказывали о своём нелёгком житье. Иногда рыбачил с местными жителями на Ангаре, хотя рыбалка не была его страстью. Общаясь с местными жителями, художник подмечал всё: чем живёт простой сибирский человек, чем интересуется, как говорит, как ведёт себя в тайге, как относится к другим. Многих портбайкальцев можно встретить на страницах произведений Распутина. Вот бабушка села отдохнуть возле его дачи и смотрит с уко-

ризной, как может мужчина так поздно вставать; вот разухабистые пьяные парни, падающие на катеришке с мешками картошки, с риском для жизни в шторм доставляют его в порт... Некоторые жители стали прототипами главных героев повестей и рассказов, в том числе и “Прощания с Матёрой”. История с оцинкованным ведром в рассказе “Век живи – век люби” – не выдумка писателя, она на самом деле произошла в прибайкальской тайге.

Валентин Распутин не понимал, как можно везти картошку из города в деревню и как можно не запастись на зиму лесными дарами, живя недалеко от леса. Сбор ягоды был его страстью. В молодости писатель страдал гипертонией и часто ходил и ездил за жимолостью. Иногда возил его на машине на ягодники Альберт Семёнович Гурулёв, приезжавший в порт Байкал. Ходил в лес с издателем Николаем Ивановичем Есипёнком, у которого есть об этом рассказ. Много лесных троп было исхожено с учёным-фольклористом Валерием Петровичем Зиновьевым, с которым Распутин познакомился в Иркутске, а подружился на Байкале. Ходил за ягодами и с Пакуловым, хотя Глеб Иосифович собирать ягоды не любил, зато не мог жить без рыбалки.

Нередко приглашали его за ягодой на старую железную дорогу и местные жители. Они водили его на ягодники, расположенные во многих местах Кругобайкалки: на 80-м километре, на 94-м, на 102-м. Поезд (“сборное чудо-юдо”) уходил ночью, возвращался вечером. Часто оставались ночевать в лесу в зимовьях. Добротное зимовье было построено в лесу в районе восьмидесятого километра. Не раз проводил в нём ночь писатель. На 94-м километре очень привлекала Распутина избушка, находящаяся недалеко от железной дороги на живописной полянке, но надёжно спрятавшаяся в деревьях от посторонних глаз. Да и посторонних глаз в этих местах бывает мало. Хотелось здесь жить и писать, в таком месте никто не докучает, тишина, красота, пенье птиц, и до святого Байкала рукой подать: он плещется за рельсами Кругобайкалки. Железная дорога и прилегающие к ней леса настолько живописны, что могут наполнить любовью к природе, вдохновить на творчество самого чёрствого человека. А какой богатой кладовой стали они для Распутина! Он ходил в тайге легко, ягоду собирал быстро и ловко, с любовью касался каждой ягодки. А какой вкусной была нехитрая еда на привалах и чай, заправленный смородиновым листом и пахнущий дымком! Эти впечатления легли в основу рассказа “Век живи – век люби”. Читатель понимает, что не герой рассказа Саня, а сам автор до самозабвения любит природу байкальских гор и полностью растворяется в ней, что это он, зачарованный, с любовью, осторожно срывает каждую ягодку: “Пальцы скоро научились чувствовать податливость ягоды, её крепость и налив, и трогать её то одним лёгким касанием, то осторожным нажимом, то с мягкой подкруткой, чтобы не повредить её, когда ягода не хотела отставать от ростка; пальцы делали своё дело быстро и на удивление ловко... И обминая, обласкивая каждую ягодку, подталкивая их одну за другой в ладонь и сыпая затем в пристёгнутый к ремню бидон, болтавшийся у него на животе, повторяя во множестве одни и те же движения, он и не замечал их однообразия, как не замечал времени, с головой уйдя в это живое и чувственное рукоделье и потерявшись совершенно в его частом и густом узоре...”

Для Валентина Григорьевича сбор ягод – это рукоделие, волшебство, а вкуснее ягоды, сорванной с куста, ничего нет и быть не может. Его герой оправдывается перед голубицей за то, что вынужден её сорвать: она нужна маленькой девочке по имени Катя. Валентин Распутин заготавливал на зиму ягоды для любимой дочери Маруси. Этим “живым и чувственным рукодельем” автор рассказа продолжал заниматься на Кругобайкалке ещё много лет после того, как уехал из посёлка.

В рассказе “Век живи – век люби” автор любит необъятными просторами байкальской тайги, неприступными скалами, могучими соснами и кедрами – всем, что открывается взору. И слагает гимн прекрасному солнечному дню, одному из тех, какие выдаются в природе редко: “...это был его величество и сиятельство день, случающийся на году лишь однажды или даже раз в несколько лет, в своём величии, сиянии доходящий до последних границ”.

Такой день стал подарком для Валентина Распутина и московского писателя Владимира Крупина, приехавшего погостить в порт. В этот “величество и сиятельство” день они ушли из порта Байкал по старой железной дороге. Об этом путешествии вспоминает Валентин Распутин в очерке “Байкал”, который стал одой байкальскому дню, блистательной поэзией прозы: “Был

август — лучшее, благодатное время на Байкале, когда нагревается вода и бушуют разноцветьем сопки, когда, кажется, даже камень цветет, полаяя красками; когда солнце до блеска высвечивает внове выпавший снег на дальних гольцах в Саянах, которые представляются глазу во много раз ближе, чем они есть в действительности; когда уже впрок запаса Байкал водой из тающих ледников и лежит сыто, часто спокойно, набираясь сил для осенних штормов; когда щедро играет подле берега под крики чаек рыба и когда на каждом шагу по дороге встречается то одна ягода, то другая — то малина, то смородина, красная и чёрная, то жимолость... А тут ещё и день выдался редкостный: солнце, безветрие, тепло, воздух звенит. Байкал чист и застывшие-тих, далеко в воде взблёскивают и переливаются красками камни, на дорогу пахнёт нагретым и горчащим от поспевающего разнотравья воздухом с горы, то неосторожно донесёт прохладным и резким дыханием с моря...

В этом отрывке — вся безбрежная любовь Валентина Распутина к природе Байкала. Мы видим, с какой гордостью показывает он своему гостю ставшие родными места, как сам он не менее, чем писатель-москвич, по-детски восхищён и зачарован ослепительными картинами Кругобайкалки, как радуется оттого, что его друга переполняют впечатления. Наверное, немного они общались во время этой большой прогулки, слова просто были не нужны. Владимир Николаевич Крупин навсегда запомнил “Его сиятельство” байкальский день, а по приезду в Москву написал Валентину Распутину: “Как хорошо, что у нас есть Байкал! Я поднимаюсь утром и, поклоняясь в вашу сторону, где батюшка-Байкал, начинаю горы ворочать...” Валентин Григорьевич подписался бы под каждым из этих слов. Своим друзьям и знакомым, которые собирались уехать из Иркутска, он говорил: “Как можно уехать от Байкала?”

Шли годы, всё менялось в стране и в посёлке. Сплошным потоком шли грузы через порт на север Байкала для строительства Байкало-Амурской магистрали. С южного Байкала на северный большими партиями в виде плотов доставляли строевой лес. Мощными байкальскими ветрами, как нитки, разрывало стальные тросы, которыми крепились плоты из брёвен. Эти плоты длинными хвостами тянулись за теплоходами, которые еле-еле тянули такую тяжесть. Плоты рассыпались, их разносило ветром по озеру, брёвна плавали, потом, тяжелея, уходили под воду, устилали дно. (Одно из таких брёвен, называемых в народе “топляками”, и стало причиной гибели Александра Вампилова.) По Кругобайкальской дороге шли многочисленные поезда с грузами для БАМа. Недалеко от домика Распутина загрохотали высотные краны, порой сутки напролёт загружающие многотонные баржи. Покой в доме писателя по улице Вокзальной 1 закончился. К тому же в отсутствие писателя совершались набеги на дачу, доставлявшие много неприятных минут. И Валентин Григорьевич решается на отъезд. Через некоторое время у него появилась новая дача — на 24-м километре Байкальского тракта. С Байкала он уехал, но сердце художника уже целиком ему принадлежало, и на Байкале он продолжал бывать часто и много. И много о нём писал.

Не раз приходилось читать и слышать, что Распутин ничего великого не писал, начиная с 90-х годов прошлого века, а писал только публицистику. Как можно назвать то, что создал Валентин Григорьевич в это время, безликим словом “публицистика”? Вот эссе “Байкал предо мною”. Это не публицистический текст, это шедевр даже не прозаический, это “чистое золото поэзии”, это высочайшая музыка, от которой замирает душа. Это безграничный космос. Читая “Байкал предо мною”, так ясно видишь незабываемые картины, подаренные грандиозным художником-Байкалом художнику-человеку, что озеро предстаёт перед тобой во всём великолепии, во всей тайне, понимаешь, это ТВОЙ Байкал, это Ты его только что видел, он перед ТОБОЙ, и он прекрасен. Порой ощущаешь себя летящим над синей водой, благоговеешь от красок, от музыки слова, неповторимой, как уникальное озеро. Жители порта Байкал распечатали этот текст, с упоением читали эти строки, передавали друг другу и гордились тем, что с такой грустью и такой любовью Распутин говорит о своём милом сердцу домике, о своих незабываемых байкальских прогулках, о чудесах, подаренных ему Байкалом: “В молодости, уже и тогда ища одиночества, завёл я в порту Байкал домик в одну комнатку с кухонькой, жизнь в которой в течение нескольких лет вспоминаю как лучшее, по мне сшитое из всего, что выпадало затем во многих поисках и бытовых одеждах. Особенно любил я там октябрь, когда исчезают и гость, и турист,

местный народ успокаивается под скупым теплом и в последних предзвонных трудах, общее умиротворение и прощание наступают в мире, и когда каждый отклик, каждый звук в просторных горизонтах раздаётся с певучим колокольным резонансом... Я любил ещё тёплыми и мягкими подарочными вечерами, провожая солнце, уходить по рельсам старой Кругобайкальской дороги далеко, туда, где нет ни одной человеческой души, подолгу сидеть на берегу, совершенно забывая себя, а потом подняться в гору, да повыше, и там тоже замереть в блаженстве, ничего-ничего на свете больше не желая, кроме как надыхиваться и насматриваться хоть до бесконечности расстилающейся внизу благодатью...

Эти строки наполняют светом и очищают душу, становится радостно оттого, что Валентин Распутин до полного самозабвения любил сладкий живительный воздух байкальских гор, обретал душевный покой наедине с природой, замирал и немел при виде божественного лика родной сибирской природы. Ему приятно было ощущать себя её частичкой, растворяться в ней. Всё на Кругобайкальской дороге одухотворено, живёт своей жизнью, имеет предназначенье и время благоденствия: травинка, цветок, деревце, дом. Проникновенно рассказывает Распутин о судьбе дома на 80-м километре Кругобайкалки, который был сложен в начале XX века в стиле железнодорожного модерна. Дом этот, созданный на диво, когда-то был молодым, модным, “выглядел он так, будто и в Европе побывал, и от родины не отстал”. Писатель увидел его, когда дом был уже в преклонном возрасте, ему уже тяжело было высоко держать красивую голову, но он крепился, не сдавался ветрам, снегам и дождям и стойко переносил одиночество. К этому дому всегда тянуло писателя. В жаркую погоду дом ему дарил свою спасительную прохладу, а в ненастные дни укрывал от ветра и дождя. Хорошо, спокойно было находиться внутри перед тем, как ступить на заповедные тропинки, ведущие в желанные, обильные брусничкой и голубицей края, и благостно вернуться сюда после многих, никем не считанных километров лесного пути, прилечь в доме, чувствуя истому, закрыть глаза в приятной дремоте и видеть отчётливо, как настоящие, ягоды, к которым совсем недавно прикасалась рука.

Валентин Григорьевич рассказал, как фольклорист Валерий Петрович Зиновьев с товарищами подправил дом, сложил печь, дал ему силы жить дальше. Как-то в мастерской у иркутской художницы Галины Евгеньевны Новиковой Распутин увидел этот дом на холсте “во всей его благородной старости и в нёмбе осенней позолоты”. Он с большим “воодушевлением, как о родном, родительском, стал о нём говорить”, и художница сразу подарила ему картину.

К сожалению, дом, так влекущий к себе, воспетый художниками, ждала печальная участь. Вот как сказал об этом Распутин: “Позднее, вроде уже и отреставрированный, дом сгорел. Сожгли, наверное. Сожгли, чтобы сжечь, так же как мой товарищ не дал ему упасть, чтобы он жил... Много что сожжено на Кругобайкалке из деревянной её красы. Или разобрано на дрова. Варварство любит идти следом за совершенством, и прошлось оно разбойно по всей заповедной дороге”.

С огромной болью смотрел Валентин Григорьевич, как разбило на осколки русский народ, как разбивает неистовый шторм игольчатый лёд на Байкале, и плывут себе льдины и льдинки в потёмках, куда гонит их ветер, сшибаясь друг с другом, пока не превратятся в однородное крошево. Люди потеряли связь друг с другом, с мирозданием. “Господи, мы одиноки!”

Больно было видеть, как заводы, байкальский и селенгинский, травили Байкал, как суда наполняли воду мазутом, как огромный поток туристов оставил после себя тонны мусора. А Байкал постепенно утрачивал способность к самоочищению, к самовосстановлению. Вода мутнела, мертвела... Валентин Распутин боролся за чистую воду, за чистый Байкал, призывал опомниться тех, кто уничтожает уникальное озеро: “Байкал существует не сам по себе в своих автономных границах, и не только ветры и солнце, луна и звёзды по известным нам законам приводят его в движение... Нет, многими и многими чувствительными капиллярами связан он со всем огромным миром, видимым и невидимым, который нам до конца не дано постичь, поэтому лучше оставаться разумными сыновьями. Отцовская благодать Байкала так велика, что ни дух, ни тело наши бедствовать не могут. Так не станем же посягать на то, что нам не принадлежит. Надобно раз и навсегда поверить, что никогда Мать-Земля такое святилище, как Байкал, в том числе и нам, на поругание не отдаст...”

Ясно одно: Распутину необходим был Байкал, а Байкалу было нужно, чтобы этот великий художник поселился на его берегах. И замечательно, что эта встреча произошла, что Байкал будет вечно сиять со страниц книг Валентина Григорьевича, чистых и прекрасных, как сибирские родники.

Ушёл писатель, остался дорогой его сердцу уголок. Семь лиственниц, как молчаливые часовые, продолжают охранять дом. Так же, как и в далёкие 70-е, на них сидят вороны. Может, среди них есть та, которую Распутины называли “нашей”. А за окнами по-прежнему плещется Байкал и, наверное, грустит о потере, ведь такой любящий и благодарный сын был у него пока только один за двадцать пять миллионов лет.

2. ВСЕ ЧУВСТВА ПРЕВРАТИТЬ В ЛЮБОВЬ

Я любил Байкал, считал, что его никто так не любил, как я.

Леонид Бородин

Путешественник, решившийся пройти пешком 80 километров Кругобайкальской железной дороги, никогда об этом не пожалеет и эту дорогу забыть не сможет. Каждый из этих километров станет для него открытием, соприкосновением с чудом, с вечной красотой. Он увидит горы, заросшие деревьями и цветами, упирающиеся в небеса живописнейшими скалами, увидит опрокинутое отражение этих гор в огромном чистейшем зеркале воды, их отроги, уходящие в недосыгаемые прозрачные байкальские глубины. Ослепительным летним днём золотые от солнца рельсы приведут его к чёрному portalу длинного туннеля, он с волнением зайдёт в его гулкую прохладу, поёживаясь от сквозного холода. Чем дальше он будет заходить в туннель, тем больше будет погружаться в черноту его, затем перестанет различать прямоугольники камней, из которых сложен туннель, услышит звуки собственных шагов, усиленных тёмными сводами и разносимых эхом в подземной пустоте, сильнее почувствует ледяное дыхание тьмы. Есть места в туннелях, где не видно их начала и конца. Там царствует полная темнота, она чернее всех ночей. Возможно, путешественника охватит безотчётный страх. С радостью он выйдет опять к свету, который на мгновение ослепит его после крошечной тьмы. Ощущения, которые он испытает, сродни разве только ощущениям человека, неожиданно увидевшего полное солнечное затмение.

А на выходе из туннеля снова ждёт ласковое солнце, так же горят огнями цветов горы, так же открываются всё новые и неожиданные по красоте скалистые ансамбли, созданные великими зодчими: мощными байкальскими ветрами, сильными снегопадами, ливневыми дождями. Тихонько рассказывает о чём-то нежными всплесками море. Иногда покажет над водой голову нерпа, очаровательное дитя Байкала, а потом нырнёт и уплывёт, играя, в подводные дали. И вот снова туннель, который среди этого ослепительного блеска невиданной красоты представляется проводником в иной мир, человеку неведомый, где, наверное, и живут души тех людей, могучих, умелых, кто строил эту дорогу, строил настолько гениально, что невозможно поверить, что эта золотая байкальская цепочка – сооружение рук человеческих. Так же, как трудно поверить в то, что людьми были возведены египетские пирамиды, а легче поверить в их строительство с помощью добрых космических посланников. Создавать так, как создаёт природа, возвести такой колосс, как Кругобайкалка, не испортив величественных картин природы, а, напротив, украсить берега золотой нитью уникальной железной дороги – великое творчество, вершина мастерства и гениальности. Теперь дорога отдыхает от большого магистрального движения, и по ней можно спокойно идти и удивляться увиденному. А в первой половине XX века Кругобайкалка едва справлялась с потоком железнодорожных составов, мчавшихся мимо девственных байкальских гор. Какой диковиной должно было казаться полотно с вершин гор, с их скалистых престолов, в первой половине XX века до 1956 года: вдоль синей воды по двум блестящим ниточкам едут в облаках дыма крошечные паровозики-работяги, пыхтят, упираются, тащат за собой длинный хвост вагончиков, исчезают под зелёной горой и появляются вновь. Встречаются, приветствуют друг

друга, а затем исчезают в необъятных просторах Сибири... Восьмым чудом света назвали люди Кругобайкалку, тем самым показав, что количество архитектурных чудес не ограничивается числом семь. Рукотворное и природное, реальное и сказочное на Кругобайкалке так переплетены, что между ними не видишь никакой грани. И тому, кто идёт вдоль байкальского побережья по столетней дороге, то щурясь от яркого солнца, то погружаясь в вечный мрак туннелей, держащих, как Атлант, на своих каменных спинах неимоверную тяжесть старых скалистых гор, очень легко поверить в чудо. Такая она, Кругобайкалочка, – чудесный фильм двух режиссёров: природы и человека, волшебная сказка, которую каждый бывающий видит и читает по-своему. По-особенному открывается байкальская земля людям, которые умеют вслушиваться, всматриваться, замолкать при виде таких красот, а порой и забывать себя...

Маленького мальчика, Бородина Лёню, привёз на Кругобайкалку в посёлок Маритуй железнодорожный состав с ревушим и дымящим паровозом. Родители Лёни приехали сюда жить и работать учителями вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Мальчик сразу полюбил эту землю, понял, что здесь его дом, его родина. Здесь он уверовал в чудо, дышал и жил байкальской природой, байкальскими сказками и легендами. А через много лет он, уже известный писатель Леонид Иванович Бородин, рассказывал в повести “Год чуда и печали”, как их семья приехала в посёлок ночью, когда было совсем темно, как утром он увидел Маритуй: “Проснулся я, как в сказке, совсем в другом, новом мире. В комнате было ослепительно светло, на стене напротив меня – это первое, что я увидел, – косой и тёплый квадрат солнца”. И первые ощущения не обманули: детские годы, проведённые здесь, были годами тихого счастья, солнечного тепла, интересных открытий, байкальских чудес. “Теперь я уже точно знал, что вся моя жизнь в этом месте будет сопровождаться чудесами, предчувствие бесконечной новизны сделало меня радостно-спокойным”, – писал Леонид Иванович.

В своей повести “Год чуда и печали”, которую критик Валентин Курбатов назвал светлейшим произведением XX века, автор называет невезучими людей, у кого не было в жизни даже самого пустякового чуда. И он вызывался им запросто помочь. Для этого всего-навсего нужно сесть в электричку Иркутск–Слюдянка и проехать по-над Байкалом:

“Внезапно распахнутся горы, и не расступятся, а именно распахнутся сразу на три измерения – вверх, вдаль, вниз, и тотчас же откроется необычайное, окажется, что поезд ваш идёт по самому краю вершины высоченной горы, а точнее, по краю обычного мира, за чертой которого, если вверх, то синева дневного космоса, если вдаль, то беспредельная видимость горизонта, расписанного орнаментом бегущей с севера на юг кривой линии острияков вершин Хамар-Дабана, но вниз если, то там откроется ослепляющая взор страна голубой воды и коричневых скал, и это так глубоко внизу, что вы можете забыть относительно того, где же вы сами в этот момент находитесь: на поезде, или на самолёте, или на орбите незнакомой планеты. Для вас исчезнут стук колес, тряска вагона, для вас исчезнет само движение, потому что по отношению к необъятности открывшейся панорамы скорость поезда смехотворна, и вы как бы повиснете на краю фантастического мира, и вместе с движением поезда прекратятся и мысли, и чувства, и всё ваше суетное бытие преобразится в этот миг в единое состояние восторга перед чудом! Чудо, что откроется вам, если вы сядете в иркутскую электричку у окна по ходу поезда, зовётся Байкалом...”

Электричкой Иркутск – Слюдянка часто приходилось ездить Бородину. Из Слюдянки он отправлялся в Маритуй, расположенный на середине Кругобайкалки. Если Кругобайкалку называют золотой пряжкой, то посёлок Маритуй можно назвать золотым язычком или драгоценным камнем этой пряжки. Валентин Распутин говорил, что Маритуй – самый большой и красивый посёлок на Кругобайкалке, картинно и весело протянувшийся по долине реки почти на километр. Строился Маритуй, в основном, в начале XX века, строился и украшался, казалось, на долгие времена. Один за другим вставали по берегам речонки, от которой посёлок получил своё название, прочные красивые дома, начинаясь от Байкала и уходя по излучине долины в леса. Большинство домов располагалось по правому, солнечному, берегу речки. Посёлок

состоит из двух частей: станции и долины, расстояние между которыми около километра. Они и образуют две маритуйские улицы, которые всегда были безымянными. Поезда в Маритуге всегда делали две остановки.

Маритуй, в основном, возводился в один этаж, несколько домов были двухэтажными. В посёлке была и ныне существует почта, были своя больница, школа, клуб, поселковая библиотека, читальный зал, метеостанция. Был посёлок и местом практики студентов-биологов Иркутского государственного университета. Одним словом, Маритуй был культурным центром на Кругобайкальской железной дороге.

Украшением посёлка является неглубокая, но быстрая речка Маритуй. Она бежит, то прячась в тени кустарника и деревьев, то совершенно открыто, и наполняет звонким журчанием всю долину. Через речку перекинута несколько деревянных мостиков, с них хорошо смотреть на каменистое дно, на белеющие буруны, на берега, желтеющие блестящим зверобоем и зеленеющие разлапистым борщевиком. Вода с гор довольно холодна даже летом. Эта небольшая речка часто зимой проявляла большой характер. Блуждая под ледяным панцирем и стремясь убежать из-под него, норовистая речка разливалась, но оставалась в плену и лишь увеличивала ледяной покров. Подтапливала огороды и дома. А весной, когда кругом уже всё было зелёным, на речке медленно таял потемневший лёд. Особенно долго он таял возле железнодорожного каменного моста, который является украшением посёлка и частицей Кругобайкальского чуда. Ещё в жаркие июньские дни на маритуйском мосту охватывает ледяной “туннельный” ветер. Минувя этот вековой мост, речка радостно устремляется в Байкал.

В долине речки находились пять домов, в которых частями размещалась самая большая на Кругобайкалке школа. При школе был интернат на 180 мест, который находился на левом, малоосвещённом берегу, у горы, в самом конце маритуйской улицы, лежащей в долине. Интернат был на первом этаже двухэтажного дома, а на втором находились несколько классов, и там же в двух угловых комнатах поселилась семья Бородиных. Интернат собирал в свои стены всех ребят по железной дороге с посёлков, начинающихся от Култука и до порта Байкал, где была тогда только четырёхлетка. В Маритуге же была семилетняя школа.

Самыми яркими учителями маритуйской школы, которых помнят все выпускники, стали Иван Захарович и Валентина Иосифовна Бородины. Иван Захарович был директором школы. Дети сразу полюбили этого энергичного, деятельного, душевного, заботливого, много знающего и умеющего человека. Воспоминания об Иване Захаровиче у его бывших учеников только самые светлые, и все бывшие его ученики сразу в разговоре о нём произносят слово “добрый”. Школе № 47 посёлка Маритуй повезло, что она попала в надёжные руки Ивана Захаровича. До приезда Бородиных школа отапливалась с помощью печей. Иван Захарович перевёл школу на паровое отопление, сделал тёплый туалет. В школе держали свиней. Местные жители, у кого были коровы, обеспечивали школу молоком. Ученики дежурили по столовой, головы дежурных девочек были покрыты чистенькими отглаженными платочками. В те годы в стране ещё ощущалась нехватка продуктов, но в школе кормили детей хорошо. А вечером от поезда на коне привозили свежий, ещё тёплый хлеб, и ребятам казалось, что на всей земле нет хлеба вкуснее этого.

Валентина Иосифовна работала учителем истории, заведовала богатой по тем временам школьной библиотекой. По воспоминаниям бывших её учеников, она была очень справедлива и строга. На её уроках никто не разговаривал, да и в интернате было всегда тихо. Вспоминает Светлана Владимировна Косинова, ученица Бородиных: “Привели школьников как-то в клуб. Все очень шумели. Вышла Валентина Иосифовна. Она не произнесла ни слова, но в зале стало стихать. Вскоре наступила полная тишина. Вот как уважали этого учителя. Да и вообще учителей в то время уважали”.

Некому было вести музыку, и Валентина Иосифовна стала вести и этот предмет. Она хорошо играла на пианино, на гитаре, могла настраивать инструменты. Организовала в школе хор. И в небогатом доме Бородиных пианино было самой ценной вещью.

Вспоминает бывшая ученица маритуйской школы Ляскина Екатерина Владимировна: “Как только Бородины приезжали в посёлок, – а они приезжали

сюда работать три раза, — школа оживала. Сразу находились средства на ремонт, начиналась деятельность, школа преображалась”.

В Маритуе работали прекрасные учителя, некоторые были родом из Маритуйя, другие (в их числе Бородины) приехали сюда из разных мест Иркутской области. Случалось, приезжали издалека. Из Брянска приехал учитель Михаил Митрофанович Голайдо, он очень полюбил Маритуй, школу, Байкал, сибирскую тайгу, в которую ходил и летом, и зимой. Давно уехал он из Маритуйя, но не забывает о нём. Эдуард Васильевич Лесик, преподававший в школе математику, приехал из Ужгорода. Ему так понравился цветущий багульник, что он хотел поделиться этой красотой с женой. Эдуард Васильевич отправлял посылки жене с нераспустившимся багульником, который расцветал в Ужгороде. Все учителя школы № 47 были интересными людьми, любили своё дело, были очень дружны, а уезжая, не забывали друг друга, общались письмами, обменивались фотографиями. “Учителя дали нам всё”, — говорят выпускники школы, вспоминая любимых преподавателей.

Самым большим наказанием для маритуйских школьников был запрет идти в кино. Кинозал был самым любимым местом школьников, он находился в одном здании с библиотекой и читальным залом. Недаром в повести Леонид говорит, что с мальчиком Юркой все хотели дружить, потому что брат его был киномеханик. (Младшего брата на самом деле звали Вовой, а брат его — Виктор Михайлович Ляскин). Кино было притягательным волшебным миром, и чтобы туда отпустили, из школьной жизни изгонялась лень.

Школа быстро стала родной для Лёни Бородина. В школе был его дом, здесь работали его родители, учились его друзья, одноклассники. Учился он с удовольствием. Когда в мае 1952 года седьмые классы — их было два — заканчивали учёбу в Маритуйской школе, они пришли на берег Байкала. Лёне захотелось искупаться в ледяной байкальской воде, которая была не выше пяти градусов, ведь Байкал очищается ото льда только в конце апреля или начале мая. В этом поступке скрыты доверие и любовь к Байкалу: “Я вырос на твоих берегах. Сегодня очень важный для меня день, и сегодня я пришёл к тебе, Байкал, со своей радостью и печалью”. Лёня очень замёрз и после купания сильно дрожал, не мог согреться. Девочки на берегу сняли с себя кофты и надели на него. Потом все пошли в любимый кинозал смотреть фильм. Всем было и весело, и грустно одновременно: они окончили школу, и им скоро придётся расстаться. А Лёне пришлось расстаться и с Маритуем, и с Байкалом, потому что их семья отсюда уехала. Но не насовсем.

Через несколько лет Маритуй снова позвал Бородиных, и они, очень скупавшие по посёлку, приехали сюда вновь, уже без Леонида, потому что он был осуждён и отбывал свой первый срок. Он находился далеко, но мысли и душа были в Маритуе, потому что в тюрьме писал он повесть о своём детстве “Год чуда и печали”. Родители приехали с маленьким Сашей, братом Леонида. Бородины поселились на этот раз в большом доме, у самой речки. А сразу за речкой через мостик — интернат, где они жили раньше. Дом оказался солнечным, просторным, высоким, рядом — большой огород. Сейчас этот дом называют домом Леонида Бородина, потому что он тоже тут жил, когда вышел из тюрьмы. Бывшего заключённого куда не брали на работу. Выручил и согрел родной Маритуй. Леонид нашёл работу монтажера пути на Кругобайкальской железной дороге. И семья Бородиных в полном составе стала жить в доме, который оказался жизнестойким. Он мало изменился, и в 2015 году выглядит так же хорошо, как и в 1967-м.

Байкал, Маритуй, любимые родители и сам Лёня Бородин стали героями произведений “Год чуда и печали” и “Повести о любви, подвигах и преступлениях старшины Нефёдова”. В основе этих повестей — детские впечатления Леонида Бородина. Леониду Ивановичу всё в Маритуе было по душе: и земля, и люди. “. . . люди. . . сплошь хорошие и работающие — других не помню”, — говорил он. Речь своих земляков, не всегда соответствующая литературным нормам, казалась ему самой правильной. Местные жители вместо слова “ущелье”, говорили “падь”, вместо “кедровник” — “кедрач”, “туннель” употребляли в женском роде, рельс тоже был женского рода, говорили “рельса”. И Леонид Иванович выбирает этот, привычный ему с детства язык. “Пусть уж мне простится, что так буду писать”. И писал о них, людях, которые его окружали, которых любил: соседях, одноклассниках, солдатах, охранявших

железную дорогу. Здесь мальчик, с самого раннего детства привыкший к слову “война”, видел солдат и в мирное время. В “Повести о любви... старшины Нефёдова” он рассказывает об охране туннелей: “Кругобайкальские туннели охранялись солдатами, потому что шла война с Японией, и японские диверсанты или самолёты могли добраться до железной дороги. А вывести её из строя труда не составляло: дорога шла среди крутых высоких скал, около 50 туннелей на пути. Около каждой туннели – “грибок”, и под ним круглосучно солдатик стоит – винтовка с примкнутым штыком, патрон в патроннике, – и имеет право солдат стрелять без предупреждения, если кто подозрительно попытается проникнуть в туннель или опять же подозрительно высунуться из окна проходящего пассажирского поезда. А чтоб такого не случилось, как только пассажирский поезд трогался со станции Байкал в нашу туннельную сторону, проводники замыкали тамбуры вагонов, окна вагонов тоже замыкались особым ключом и занавесками закрывались, а пассажиров предупреждали, чтоб не смели пялиться в окна и тем более пытаться открывать их”. Но ребята, и Леня в том числе, ходили куда хотели, потому что солдаты местных ребят знали в лицо.

В повести “Год чуда и печали” Леонид Бородин рассказывает, как произошла его первая встреча с Великим Байкалом. В то первое на байкальской земле утро он осматривал маритуйские окрестности, забрался на гору и сделал вывод, что горы существуют для того, чтобы на них забираться, а достигнуть горных вершин на вертолёте казалось ему кощунством. (И потом, став взрослым, не раз убеждался, что жизненные вершины нужно покорять самому, а не ждать, когда тебя туда кто-нибудь подбросит.) С вершины крутой горы Лёня вдруг увидел в плотной завесе тумана “белое ничто”. Это был Байкал, начисто скрытый от любопытных мальчишеских глаз. Байкал в первое для Лёни утро на этой земле словно играл с ним в прятки. В сказках бывает так: самое важное всегда скрыто от глаз, самое прекрасное некрасиво или незаметно. Это “ничто” сначала заставило мальчика удивиться, замереть на месте и фантазировать: а что же там? А потом плотная завеса стала лёгким флёром, и открылся сказочный Байкал во всём божественном великолепии, во всей мощной красоте, и озеро стало для него всем: темой книг, родиной, жизнью, чудом, непреодолимым магнитом на всю жизнь.

Лёня с каждым днём любил Байкал всё больше. Ему понравилось, что Байкал и только Байкал называют **славным** морем. Это название ему казалось ласковым и торжественным одновременно. Байкал не уставал удивлять Лёню, а Лёня не уставал удивляться. Удивлялся, как может сковать мороз такое могучее озеро-море. Найчуднейшим зрелищем называл он тонкую границу между зимой и весной по побережью. Весной бывает так: Байкал ещё скован игольчатым льдом, а на горах цветут подснежники и багульник. Поляны удивляли разноцветьем белянок, жарков, колокольчиков, которых было в мае – июне так много, “будто кто-то по весне семена в кулёк накидал, а потом горстями веером разбрасывал”.

Удивляло богатство байкальской земли ягодами и орехами. Удивительными казались красные от брусники кочки в сентябре, удивляло, что заготавливали её в огромных количествах и использовали для многих целей. Удивлялся, насколько вкусны недозрелые вареные шишки, и сравнивал их желтизну с цветом новорождённых птенчиков. “Передо мной и подо мной лежала страна голубой воды и коричнево-жёлтых скал. Передо мной был не просто красивый вид вдаль – передо мной был мир красоты, о которой мало что можно сказать словами, от него можно только пьянеть и терять голову. Чувствовать красоту мира – ведь это значит любить! Это значит все прочие чувства на какой-то миг превратить в любовь, которая становится единственным языком общения души с красотой мира”.

Байкал подарил Лёне и чудо первой любви, о которой он проникновенно рассказал в повести “Год чуда и печали”. Мальчик полюбил Римму Бархатову, которая училась в параллельном классе. В повести Леонид называет место её жительства 80-й километр Кругобайкалки. На самом деле она жила в порту Байкал (73-й километр КБЖД). В порт Байкал Лазаревы (фамилия отца Риммы, отец Риммы в годы войны был танкистом и погиб в Польше в 1945 году) приехали из Иркутска, когда девочке было десять лет, она перешла в третий класс. В посёлке тогда была только начальная школа, а после

четырёхлетнего обучения часть детей уезжала учиться в посёлок Листвянку, а дети железнодорожников ехали в Маритуй. В порту Байкал она проучилась два года. А в пятый класс пришлось отправляться в Маритуй и жить в интернате. Леонид сразу обратил внимание на Римму. Она была красивой девочкой, серьёзной, сдержанной, молчаливой, вдумчивой, казавшейся взрослее других. “Со всеми остальными девчонками мы обходились запросто, не особенно выбирая выражения”, – писал Леонид Иванович. А с Риммой такой тон был невозможен, ей нельзя было сказать: “Эй, Римка, кинь книгу!” Многие ученики тоже чувствовали характер девочки, они также замечали необычность Лёни Бородина, который очень сильно отличался от ребят. Одноклассница Леонида Галина Ивановна Зотова говорит, что Лёня был очень начитанный, употреблял в речи такие слова, которые маритуйским ребятам были неведомы. Римма тоже заметила необычность Лёни Бородина, он отличался от других учеников тем, что очень много читал, многое знал на память: если задавали учить отрывок из большого стихотворения, он учил его всё и запоминал надолго. Особенно любил Лермонтова. Знал наизусть целые поэмы. Он стеснялся говорить Римме о своих чувствах, не решался пригласить её погулять после уроков, а мог только сказать: “Давай, я тебе стихи почитаю”. И девочка с удовольствием слушала стихи и удивлялась начитанности и отличной памяти Лёни. Она и сама любила книги, но времени на чтение не хватало. Вечером в интернате гасили свет, включать его после отбоя было нельзя (никто и не пытался), Римма же под одеялом включала фонарик (фонарики давали ученикам родители, чтобы они шли к поезду по тёмному Маритую) и читала книги, стараясь, чтобы никто не увидел свет.

Римма в повести Леонида “Год чуда и печали” – не простая девочка, она юная богиня Ри, дочь князя Байколлы, то есть самого Байкала и младшая сестра Нгары, то есть Ангары. Она так красива, что на неё можно смотреть всю жизнь и жить только этим. И он, простой маритуйский мальчик, преодолевая страх и боль, вызволяет её из плена старухи Сармы. Ри становится ученицей Риммой, забывает своё божественное прошлое, забывает Лёню и очень холодна с ним. А Лёня считает часы и минуты до того момента, когда сможет увидеть Римму в школе, выходные без неё – пустое время, а каникулы просто страшны. И мальчик с нетерпением ожидает конца выходных и каникул, хотя школьники, наоборот, с нетерпением ждут их прихода.

Наверное, в такие дни, когда Римма Бархатова уезжала из Маритуй, и слагал Лёня красивые легенды о Байколле и его прекрасной дочери Ри, и сам становился их участником. Через много лет эти детские фантазии и ощущения станут основой повести “Год чуда и печали”, в которой мы увидим Лёню, маленького худенького мальчика, при виде которого старуха Сарма только хохочет, а потом всё-таки освобождает Ри из своего плена, но лишает героя счастья, обрекает его на безответную любовь. Двойника Сармы герой видит среди маритуйских жителей, это старуха Васина, которая лечит болезни травами и заговором. Внешнее сходство – вот всё, что объединяет Сарму и Васину. Сарма жестока в своём мщении, Васина добра, продляет людям жизнь. Сарма пугает мальчика смертью родителей в случае, если он расскажет тайну, а Васина говорит: “Таких тайн нету, что дороже отца с матерью!” Прообразом симпатичной автору героини повести стала маритуйская жительница, которую ещё хорошо помнят старожилы, фамилия её на самом деле была Васина, а звали её Анной. И она действительно знала травы и лечила людей, лечила и заговорами, то есть врачевала словом и целительными силами байкальской земли. А на Байколлу с его длинной, похожей на байкальскую пену бородой в повести очень похож дед, которого Бородин называет “Белым дедом”. Этот дед тоже жил в Маритуйе на самом деле, но, к сожалению, старожилы не смогли вспомнить его фамилию. Скорее всего, звали его Григорием, так как Васина называет его Гришей, а имена маритуйских жителей в повести сохранены. Получается, что героев и, по всей видимости, события повести мальчику подарил Маритуй, Байкал. Только очень бережно облёк он реальность в нежную золотистую обёртку сказки.

Когда уход в мир поэзии и природы не спасал и ждать Римму становилось совсем невыносимо, Лёня, спрятавшись в товарном вагоне, приезжал в порт Байкал и иногда видел издали свою “божественную” девочку, не показываясь ей на глаза. Когда ей сказали, что Лёня приезжает в порт, она спросила его,

зачем он ездит в её посёлок. Он не решился сознаться и сказал, что просто катается на поезде.

Уже перелистнув маритуйскую страницу жизни, Римма училась в Иркутске в Школе военных техников, жила в общежитии. Леонид тогда учился в Улан-Удэ. Он приехал к Римме в Иркутск, пришёл в общежитие, она в это время с девочками собиралась идти в кино, спросила Лёню, как он здесь оказался. Он ответил: “Так просто, проходил мимо, зашёл”. Римма с подружками ушли в кино. Так кончилась эта встреча.

И только будучи совсем взрослым Леонид Бородин скажет Римме Бархатовой, что любил её. Он подарил ей книгу с автографом: “. . . если на минуту представить, что не было в моём детстве всего того, о чём рассказываю, то жизнь моя потеряла бы цвета, то подумалось бы, что я прожил жизнь при пасмурной погоде, ни разу не увидев солнца, что будто исчез бы чистый свет, тёплым и грустным лучом сопровождавший меня всю жизнь по непрямым дорогам жизни!”

Хранит Римма Семёновна Щербакова книгу, изданную в Австралии, которую давно прислал ей по почте Бородин. На книге автограф:

“Римма! Эти строки ты встретишь в книге, которая, конечно же, – фантазия. Но главное в ней – правда! И ты её узнаешь, несомненно. Все эти годы мне хотелось хоть как-то отблагодарить девочку Римму Бархатову за то, чем она была в моём детстве. Очень хочется думать, что мне удалось это сделать. Спасибо тебе. Бородин”.

А Римма Семёновна написала в своём альбоме с фотографиями: “Леонид Бородин, писатель, написал удивительную книжку о нашей жизни в Маритуте, о нашем детстве, я ему очень признательна”.

Как-то она пришла на вечер Леонида Бородина в Иркутске и подарила ему цветы. Поговорили мало, Леониду Ивановичу нужно было срочно улетать в Братск.

Жизнь у Риммы Семёновны сложилась. Она вырастила троих детей. Долгие годы была в женсовете Иркутска, сделала много хороших дел для города. Активная сторонница озеленения родного города, наверное, любовь к зелени вынесла из байкальского детства. Из окна своей квартиры любит смотреть на лесок, насаженный её руками.

Интересную, богатую делами и впечатлениями тернистую жизнь, прожил Леонид Бородин.

Разошлись дороги этих людей. Вот, кажется, и вся история. Нет Леонида Ивановича. Но остались его чудесные книги о детстве, о чуде неразделённой первой любви. И в жизни не кончились чудеса, ещё одно произошло летом 2015 года. Римма Семёновна неожиданно получила приглашение на детский спектакль по повести “Год чуда и печали”. Они с двоюродной сестрой Леонида Бородина, Ниной Леонидовной, которая в детстве и юности бывала в Маритуте, с удовольствием посмотрели спектакль, увидели картины своего детства. Римма Семёновна и Нина Леонидовна были очень благодарны всем, кто работал над спектаклем, а после спектакля сфотографировались с юными артистами.

После спектакля они, конечно, вспоминали детские годы, которые пролетели-промчались быстрым поездом. . .

Ярким жарком горел семафор на Кругобайкалке, тысячами семафориков светили жарки, полыхала багульников гора за школой, радуясь вместе с детьми окончанию каждого учебного года, ярко горело и тихонько, день за днём, отгорало пионерское детство маритуйских ребят. Вырастая, ребята покидали Маритуту. А вместе с ними уезжали и многие коренные маритуйцы, потому что после строительства обходного железнодорожного пути работы становилось всё меньше.

Сейчас от пяти школьных домов не осталось ничего. Часть этих домов была разобрана на дрова, часть – на бани, часть вывезена в Слюдянку для строительства. О школе напоминает только ровная площадка да тополя, стоявшие когда-то рядом со школой. А на месте интерната сохранился только фундамент. Ровных площадок, где когда-то стояли дома, немало. Сейчас в Маритуте чуть более десятка жилых домов. Давно нет ни школы, ни больницы, ни клуба, ни даже магазина. Старики, доживающие там свой век, вынуждены ездить за продуктами в Слюдянку и проводить в дороге целый день. “Нет Маритуты”, – с болью в голосе говорят местные жители.

Не хочется верить, что Маритуй доживает последние дни. Больно за посёлок, воспитавший и взлелеявший замечательного писателя. Это земля Леонида Бородина. Если кто приезжал к нему в Москву из Сибири, он спрашивал: “Ну, как там Байкал?” Значит, и Маритуй, посёлок, который так любил Леонид Иванович, считал своей родной землёй, постоянно навещал, а, приехав в Маритуй, был одухотворён, светел. А светлые люди светлы везде и при любых обстоятельствах. Тёмными ночами в тюрьме пишет свои светлые книги. Девочку, не отвечающую на его чувство, боготворит и благодарен судьбе за то, что она была в его жизни. Военное и послевоенное детство считает самым светлым временем, наполненным чудесами. Замечательно сказал писатель о своей родине: “. . . В моей привязанности к байкальским местам было нечто чрезвычайно счастливое, и это с очевидностью выявлялось всякий раз, как удавалось попасть в родные места: я получал реальную поддержку для продолжения жить и быть самим собой. . .”

Хочется надеяться, что Маритуй возродится, воссияет его звезда, пусть в каком-нибудь другом качестве. Ведь здесь живёт душа Леонида Ивановича Бородина. Этот посёлок он любил больше сотни тысяч других и сделал его бессмертным в своих произведениях.

Лежит у подножия Маритуя, как прежде, голубой Байкал, а Леонид Иванович говорил, что голубой цвет воды — это улыбка Байкала. Вблизи посёлка есть голубые скалы, голубые от растущих на них незабудок. Может, скалы тоже улыбаются? И всё помнят? Потрясают светлые сосенки, растущие на голых скалах, настоящие алмазны наших дней. Значит, есть надежда. . .

ДИАНА КАН

У ИСТОКА ЭПОХИ

Эдуард Анашкин. “В. Г. Распутин. Документальная повесть о нашей дружбе”. М., “Российский писатель”, 2017

Стоит умереть великому человеку, как сразу появляются сотни друзей, возлюбленных, а то и внебрачных детей, которые взахлёб начинают вспоминать о нём... Причём делают это не в узком кругу, но стараются по максимуму придать общественную гласность своим воспоминаниям. Неслучайно Анна Ахматова сказала, что есть такая посмертная казнь для писателя – воспоминания современников. Причём, что важно заметить, при жизни великого человека эти люди почему-то предпочитали помалкивать, и лишь после его ухода, когда уже он не сможет оборвать поток их сомнительных откровений, их вдруг захлестнул мемуарный пыл. Причём часто такие “откровения” имеют явную тенденцию не столько вспомнить великого человека, сколько показать себя, примазаться к славе покойного и хоть так обозначить брэнное своё существование. Частенько такие “мемуары” содержат и элементы дискредитации великого человека, ушедшего от нас... Потому к воспоминаниям современников и друзей я всегда отношусь настороженно. Особенно если нет информации о том, что сам великий писатель при жизни считал того или иного мемуариста близким себе человеком. Как говорится, у победы много отцов, а поражение – всегда сирота. Стоит человеку стать известным, как у него вдруг появляется полным-полно “благодетелей”, имён которых он не знал, когда нуждался в помощи и поддержке...

Эта книга, посвящённая великому русскому прозаику Валентину Распутину, стоит отчётливым особняком от вала воспоминаний о Распутине, что захлестнул Россию после смерти классика, – воспоминаний часто весьма сомнительных, о чём, в частности, в одной из своих статей рассказывает единственный сын Валентина Распутина – Сергей Валентинович. Эта книга другая. Она написана человеком, который знал Валентина Григорьевича задолго до того, как наш будущий классик издал свою первую книгу. Сибирский волжанин Эдуард Константинович Анашкин, автор этой книги, познакомился с будущим классиком на ныне легендарном семинаре-совещании молодых писателей в Чите, где совсем молодой тогда Валя Распутин пообещал ещё более молодому на тот момент Эдику Анашкину подарить свою первую книгу... когда она у него появится. Обещание своё, став классиком, Распутин сдержал десятилетия спустя, помнил об Анашкине и об обещании. А все эти десятилетия, прошедшие с момента личного знакомства, Эдуард Константинович внимательно следил за талантливым писателем, собирал материалы о нём, книги Распутина

и, можно сказать, не афишируя нигде своё внимание к жизни и судьбе входящего в известность прозаика, фактически посвятил Распутину многие десятилетия жизни.

Сколько помню, Эдуард Константинович никогда не называл свои отношения с Распутиным дружбой. Он настолько боготворил Распутину, что, видимо, нелегко было Эдуарду Константиновичу применить это слово, подразумевающее некое равенство сторон, к Валентину Григорьевичу.

Но между тем они были друзьями. Не только потому, что периодически перезванивались и встречались. И не только потому, что по личному приглашению Валентина Григорьевича Эдуард Анашкин побывал на замечательном Всероссийском литературном празднике “Сияние России” в Иркутске. И не только потому, что почти каждую свою книгу Распутин присылал Анашкину, что становилось для него целым событием жизни. А потому, что, когда Распутину было печально, он звонил Анашкину. Так, одним из первых Эдуард Константинович узнал от нашего классика страшную новость о скоростижной смерти издателя распутинских книг – Геннадия Сапронова. Последующую череду смертей любимых распутинских женщин – дочери и жены – автор этой книги воспринял как трагедию личную... Но главное – главное в том, что все эти десятилетия Эдуард Константинович фактически создал на дому распутинский творческий музей! И даже не только писатели, но и скульпторы старались пополнить экспозицию. Так у Эдуарда Константиновича появился бюст Валентина Распутина, подаренный известным московским скульптором. Этот бюст пропутешествовал с оказией через всё Поволжье, будучи вручён скульптором в Москве профессору филологии из Тольятти. А уж она бережно довезла его и вручила Эдуарду Константиновичу столь весомый во всех отношениях дар. Однако дар этот, как ни жаль было с ним расстаться, но Анашкин решил подарить музею Распутина в Иркутске уже после смерти классика. И снова распутинский бюст-путешественник поколесил по дорогам необъятной России, на сей раз уже в сопровождении Эдуарда Анашкина...

Это лишь одна из множества историй жизни автора этой книги, связанная с распутинской темой. Валентин Григорьевич чувствовал душевное отношение к нему Эдуарда Константиновича. Неслучайно в канун одного из распутинских юбилеев, когда я позвонила Эдуарду Анашкину узнать, как у него дела, он был почти счастлив, сказав: “Мне вчера звонил Валентин Григорьевич. Попросил написать о том семинаре молодых литераторов в Чите, где мы с ним, собственно, и познакомились...” Я спросила: “И как же ты, Эдуард Константинович, будешь писать о том, что было почти полвека назад? Разве упомнишь?” Он как бы даже и обиделся: “Да что ты! Я помню этот семинар, словно вчера всё было, а что не помню, у меня в дневнике записано, я же всю жизнь веду дневник... Для меня такая радость, что Валентин Григорьевич помнит об этом семинаре, собственно, открывшем его как писателя”. Так же Анашкин был счастлив лишь тогда, когда Валентин Григорьевич сам вызвался написать предисловие к его книге “Запрягу судьбу я в санки” – о детдомовском детстве Анашкина...

А для меня радость, что эта книга о Распутине выходит в свет. Зная Анашкина, как человека дотошного, не склонного впадать в художественный вымысел там, где этот вымысел не нужен, могу сказать, что это очень точная книга. И в этом её главное достоинство. Это книга именно о Распутине по принципу: “Тут ни убавить, ни прибавить, – // Так это было на земле”. Это книга о человеке, ставшем эпохой русской литературы. И Эдуард Константинович счастливый, что ни говори, человек, потому что стоял у истоков этой эпохи.

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

ДОЖДЁМ УМЫТ И ПЯТЕРНЁЙ ПРИЧЁСАН...

*Господи, обереги его слово на путях
грозных!*

В. В. Сорокин

Жизнь Вячеслава Богданова (1937–1975) – точно полёт кометы: яркая, завораживающая и – увы! – недолгая. Он закончил всего четыре класса средней школы. Но не потому, что не хотел учиться, – учёба в школе в послевоенные годы стала для него непозволительной роскошью. И не пролетело ещё безотцовское, полугодовалое, детство, как пришлось покинуть родимый дом, чтобы, получив специальность, самому кормить овдовевшую мать. Из Тамбовской деревни отправился он на Урал, в челябинскую школу фабрично-заводского обучения. Здесь, в Челябинске, на металлургическом заводе проработал Вячеслав Богданов пятнадцать лет. Только спустя годы окончил он школу рабочей молодёжи. А вскоре, по рекомендации поэта Василия Фёдорова, был принят в члены Союза писателей СССР, а чуть позже – на учёбу на Высшие литературные курсы. Ещё через несколько лет Вячеслав Богданов трагически погиб в Москве...

Расцвет его творчества пришёлся на 60–70 годы, когда “деревенская” тема если и не господствовала в русской литературе, то уж, во всяком случае, была одним из главных художественных мотивов. Возникнув, эта тема довольно скоро превратилась в моду, вызвав к жизни волну подражательства, результатом чего стало появление авторов, не знающих народной жизни (а может, не любящих её в должной мере, чтобы писать о ней?), но, однако же, хватающихся за перо и охотно создающих псевдодеревенские идиллии или пасквили. Вячеслав Богданов принадлежит плеяде художников, чей творческий гений заставил городскую Россию вспомнить о России деревенской. И не просто вспомнить, но учиться воспринимать её без высокомерия, учиться болеть её болью и радоваться её радостью. Василий Белов, Валентин Распутин, Василий Шукшин, Вячеслав Богданов – такие разные и непохожие в частности художники похожи и близки в главном – в ведении, в безупречно-точном восприятии писательским чутьём настоящей, подлинной России, её народа, её правды, её тревог и чаяний.

Мы говорим о любви русских поэтов к России не потому, что любовь эта есть благо, долг гражданина и державные скрепы. Но потому, что всякое подлинное искусство только тогда подлинно, живо и сильно, когда оно национально, то есть образно и формально связано с традицией народа, породившего

художника. Так человек может свободно расправить плечи и многое объяснить в самом себе, когда знает, кто он, какой народ его породил, каким наделил характером, как научил смотреть на мир, воспринимать вещное и живое.

Вячеслав Богданов не стремился к новаторству. Как всякий большой поэт он понимал, что нарочитый поиск новых форм — это удел бездарности, сиющейся выделиться среди себе подобных. Произведение же истинного таланта обречено на самобытность. В руках мастера оно либо само каким-то чудесным, непосредственным образом примет новые, небывалые формы, либо, сохранив привычные внешние очертания, осветится гением творца и, заиграв, окажется непохожим ни на что, бывшее прежде. Художественно близок Вячеслав Богданов предшествующему поколению “деревенщиков” (назовём так вышедших из народа поэтов, чьё творчество — не в силу модных тенденций, а в силу причастности, предопределённой рождением, — было накрепко связано с народной жизнью). Это, прежде всего, Сергей Есенин и Сергей Клычков. Близок их стихам стих Вячеслава Богданова и метрически, и образно: “Месяц синим рогом // Тучи прободил...”, “Золотую лягушкой луна // Распласталась на тихой воде...”, “Тихо в чаще можжевеля по обрыву. // Осень — рыжая кобыла — чешет гриву...” (С. Есенин); “Лишь вдали на скале, как рыбак, // Наклонился над озером месяц...”, “Ой ты, осень, золотая быть! // Вышел месяц, сгорбился, бобыль. // Он глядится старчески в реку, опершись на жёлтую клюку...”, “О зелёный пламень сосняка // Чешут клёны рыжие бока...” (В. Богданов); “Я окрепну и духом, и речью // За трудом и за чёрным куском...” (С. Клычков); “Отмахнешь кувалдой пудовой, // Будет легче казаться перо...” (В. Богданов).

Любовь к родной природе, одушевление её и стремление к слиянию с ней роднят Вячеслава Богданова и с более ранними певцами природы — Ф. И. Тютчевым и А. А. Фетом. “Чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле”, — писал Ф. И. Тютчев. Это утверждение применимо и к творчеству Вячеслава Богданова, создавшего своими стихами картину настоящей “нераженной русской жизни”. Его герой — крестьянин ли “большелобый, плечистый”, рабочий, “чуть сутуловатый, в грубой куртке”, или старушка-мать, что одиноко дожидает свой век в опустевшем доме и тоску “... лачит крепким чаем // И на заре уходит в огород”, — это всегда человек из народа, наблюдения за которым почерпнуты не из газет и не из кино. Читателю сразу полюбили и мальчик, ищущий ночью отбившуюся от стада корову, и красавица-вдова, притягивающая к себе мужские взгляды, но сама после войны так и не взглянувшая ни на кого, и Петька — “каменщик с пятой печи”, днём вдыхающий мартеновский жар, а вечером с кровати в общекитии внимающий стихам приятеля-поэта, такого же рабочего парня. Вячеслав Богданов предельно точен в слове. Слово всегда стоит у него на своём месте, и едва ли отыщется неоправданная, натянутая рифма, разбивающая смысл и атмосферу стиха. Даже в “заводских” стихах, где “недаром” рифмуется со “сталевара”, “поморщась” с “нормировщик”, а “тропы” с “тикстропы”, все рифмы и созвучия служат единой смысловой цели — создать атмосферу чего, словом и образом передать жар печей, грохот, звон и скрежет металла, смежающую веки усталость в конце рабочего дня и сладость отдыха. И всё это без фальши, без литературщины, без эстетизации потных тел и грязных рук. Нет никакой позы, никакой фальши ни в чём. Всё просто, изящно, мужественно-красиво.

Человек самого простого происхождения и нелёгкой судьбы, Вячеслав Богданов всегда благороден, великодушен и изыскан. Мы не встретим в его стихах ни резкого слова, ни грубого суждения, ни мелочной мстительности, ни отталкивающего злопамятства, ни унижающей самого человека зависти к тем, кого судьба избрала в любимчики. Лишь однажды его юный герой-рабочий позавидовал таким же, как и сам, мальчишкам, бегущим с уроков:

*Пахло терпко от вешней земли.
По проспекту ватагой весёлой
Мне навстречу ровесники шли
Из манящей до слёз меня школы.*

*Хоть и знал я — они ни при чём,
Взглядом смерив по-взрослому строю,*

*Задевал их мазутным плечом:
— Дай рабочему классу дорогу...*

(“Начало биографии”)

И, возможно, оттого, что наделён был поэт внутренней утончённостью и мудростью, чуткостью и к окружающим его людям, и к слову предков, запечатлённому в песнях и преданиях, застывшему в камне церковей и очертаниях изб, его герои зачастую так похожи на героев народных сказок. Потерялась кормилица Бурёнка (“Корова”). Где искать её? Ночь застаёт мальчишку за поиском:

*Тьма легла в репейные низины
К берегам речной зелёной тины.*

А ночью страшно. Ночью мерещится кругом разная нечисть, что так и норовит уловить, обмануть, погубить. Нет кругом ни души. Только лягушки квакают, да “в небе звёзды вышли, как подружки”. У кого просить помощи маленькому человеку, растерявшемуся, сбившемуся с пути?

*Тороплюсь, промокий, суетливый,
За корову принимаю иву.*

Как персонажи русских сказок обращались за помощью к печке, яблоне, месяцу, ветру, обращается он с вопросом к звёздам:

*Звёзды, звёзды, окажите милость,
Где Бурёнка наша притаилась?*

И сжалились звёзды:

*Вдруг звезда на небе замигала
И в овраг за вёслами упала.
Вылезла Бурёнка из оврага,
Вся в репьях рогатая бедняга.*

А когда привёл наконец-то Бурёнку домой, то “за помощь поклонился звёздам”.

Так чисто и непосредственно переданы ощущения мальчика, его восприятие ночи, что мы невольно заражаемся этим волшебным чувством слияния человека с окружающим миром, и хочется, сбросив с себя груз сует, носиться над землёй, упиваться свежестью ночи, захлабываться её запахами, слушать пение лягушек и разговоры звёзд, гладить рогатую иву и похлопывать кнутом росистый вечер...

Воспоминания о бесхлебном, безотцовском детстве не пробуждают в поэте мрачного озлобления или малодушной жалости к самому себе. Поэт полон светлых, хотя порой и грустных воспоминаний о том, как

*...тайком, не веря известью,
Ходил встречать на станцию отца,
Но все надежды были лишь затменьё,
И прояснилась правда до конца...
(“О матери”),*

как рано вышел работать в поле и работал наравне со взрослыми, а

*...сено снизу подавала
Тридцатилетняя вдова.
(“Возы”).*

О том, как “всей семьёю вперемежку” мололи на ручной мельнице зёрна ржи, принесённые домой украдкой в карманах, и как после мать месила тесто,

чтобы накормить детей испечённым караваем. И всё бы забылось, всё истёрлось бы из памяти, если бы однажды, спустя годы, не приехал в деревню герой стихотворения “Помол” (а нам представляется, что в этом стихотворении, как и в целом ряде других, за лирическим героем стоит сам автор) и

*...от мельницы домашней
Нашёл в бурьяне жернова.*

Многое изменилось, стал русобровый деревенский мальчишка сталеваром-заводчанином и только в отпуск приезжает на родную землю. Но

*...Вновь ковыли меня уводят в древность,
Гулки шаги по вечной целине...
Целует степь вечерняя деревня
Коровьими губами в тишине...
(“Древняя степь”).*

Всё перегорает и отмирает, уверяет нас поэт. Проходит беспечность молодости, ей на смену приходят раздумья – “жизни груз”. Но остаётся с русским человеком Русь – “нагруженные синью ковыли”, “запах мёда от цветущих лип”, “берёз зелёных хмель”... Навсегда остаётся, даёт ему силы, наделяет смыслом каждый прожитый день.

Значительная часть творчества Вячеслава Богданова посвящена теме единства, нераздельной слиянности русского человека с его землёй. Сегодня, забытый было в вихре суеты и погони за тленным, поэт возвращается к нам. “Возвращается, – по слову его друга, поэта В. В. Сорокина, – светлый, русский, добрый и неповторимый, как его отчий край, как его Россия, родина наша, зовущая и лебединая”. И вслед за Валентином Сорокиным хочется воскликнуть: “Господи, обереги его слово на путях грозных!!! Сбереги и дай простора ему...”

.....

***Поздравляем нашу верную подругу,
выдающегося русского поэта
Ольгу Александровну Фокину с юбилеем!***

Статью Нины Веселовой “Ольга Фокина. Избранное” читайте в следующем номере.

СЕРГЕЙ РАСПУТИН

ЗАМЫСЕЛ ИЛИ УМЫСЕЛ?

(о книге А. Г. Румянцева “*Валентин Распутин*”)

Текст книги Андрея Григорьевича Румянцева “Валентин Распутин” в серии “ЖЗЛ” попал ко мне случайно. Ни автор, ни издательство не горели желанием знакомить с ним ни меня, ни моих близких родственников, хотя бы для того, чтобы попытаться избежать каких-то неточностей и ошибок. Февраль уже близился к концу, и в “Молодой гвардии” готовились отдать текст в вёрстку – спешили успеть к годовщине смерти моего отца. Для меня до сих пор остаётся загадкой: как рукопись в таком сыром виде могла находиться буквально в двух шагах от печатного станка? Почему издательство смотрело сквозь пальцы на все её недостатки? И если бы не наше незапланированное вмешательство, она была бы опубликована гораздо раньше и в ещё более далёком от совершенства состоянии. Мы со своей стороны внесли множество поправок, однако большая их часть была оставлена без внимания. Ну что ж, Андрей Григорьевич как автор имел на то полное право, и надо отдать ему должное, что он всё-таки согласился кое-что убрать, а кое-что, наоборот, добавить.

Всё это время я надеялся, что найдётся в литературном сообществе профессионал, который оценит книгу по достоинству, но прошёл уже год с момента её выхода в свет, а никакого откровенного, без лишней вежливости, отзыва так и не появилось. И я решил дать свою оценку этой работе. Для краткости и удобства я буду называть А. Г. Румянцева автором, а моего отца В. Г. Распутина – писателем.

На мой взгляд, книга слабая и поверхностная. Это не кропотливый труд-исследование творчества В. Г. Распутина, и не книга-размышление о его жизни. По сути, это лоскутное одеяло, сшитое из разных кусочков, или, говоря научным языком, компиляция. 65% всего текста, то есть добрые две трети, занимают слова писателя – цитаты из его произведений, выступления и писем, а также мысли и воспоминания о нём других людей. Это точные цифры, взятые мною не с потолка, а рассчитанные с помощью линейки.

Встречаются главки, и их немало, вообще практически целиком состоящие из цитат. Например, главка “Деревня не даст тебе пропасть” с неоправданно длинной цитатой из “Уроков французского”, занимающей три страницы, в то время как слова автора скромно умещаются в девять (!) строчек. Или другая главка – “Навыки журналистские и семейные”, – где автор зачем-то приводит целиком рассказ “Мама куда-то ушла”. Обратите также внимание на главу 10 – о “Прощании с Матёрой”. В первой главке кое-где ещё попадаются среди цитат слова автора, но прочитайте вторую главку “Удержать в себе человека” длиной в 3,5 страницы: автор написал две строчки в начале и 16 строк в середине главы. Всё остальное – цитаты из повести. И в следующей главке “Мы – не последние!” из пяти с половиной страниц пять – это

слова писателя. Или прочитайте главку “На фоне двух литератур”: вся (!) главка длиной в 4,5 страницы – беседа писателя с молодым литературоведом Ксенией Зиминной. А следующая главка “Сеющие бурю” тоже почти вся состоит из беседы писателя с Виктором Кожемяко. И так далее.

У читателя, как мне кажется, должно возникнуть ощущение, что его обманули: хотел прочитать о Распутине, а читаешь Распутина.

А сколько главок цитатами заканчиваются! Автор даже не утруждает себя тем, чтобы завершить их своими словами, выразить какую-то свою мысль, подвести итог. Некоторые цитаты приводятся неуместно, а в словах автора порой отсутствует элементарная логика.

Возьмём для примера последний абзац в главке “Обомлел от вошедшей в меня красоты” – о детстве писателя. Привожу его полностью:

“А великое множество историй, услышанных в вечерней полутёмной избе с ватагой таких же деревенских стригунков, расположившихся на тёплом полу у вихрастого дружка! Тут запомнились даже не сами необыкновенные, фантастические происшествия, сочинённые бойким рассказчиком, а его таинственный тон, ужимки и придыхания, свистящий или задыхающийся шёпот, словно это его самого кикиморы душили или бросали оземь с высоты”.

Он сочинён автором, но не имеет ничего общего ни по смыслу, ни по тональности с предыдущими цитатами писателя, из которых на 70% состоит эта главка и которые задают ей тон и определяют содержание. Очевидно, автор в спешке или по небрежности приклеил сюда этот абзац. По содержанию он больше подходит к следующей главке “Где живёт кикимора”. Но и в ней он оказался бы лишним, потому что там абсолютно о том же самом, только другими словами, говорит сам писатель:

“В одной избе песня, а в другой, где собиралась ребятня, сказка да “ужасти”, которые напрашивались сами собой под древнюю ворожбу каминного огня. Чего только не придумывалось, чего не рассказывалось то затаёнными, то гробовыми голосами, до чего только не доходило разыгравшееся воображение! Не будь этого живого сопровождения огня, то завывающего, то стонущего, то ухающего, да разве мог быть у историй, рассказанных не Петькой или Васькой, а их оборотнями, и непременно выдаваемых за “правдашние”, такой жуткий накал, такая непереносимая страсть!”

В главке “Где живёт кикимора” сразу обращает на себя внимание второе предложение: “В ранних проблесках памяти у Вали могли остаться только свалившиеся беды: частое недоедание, вялые игры с ровесниками, одетыми, как и он, в драные, латаные обноски”. Нелогично. Простите, как можно назвать “свалившимися бедами” частое недоедание или вялые игры с ровесниками? Да и как может быть вялой детская игра?! А “драные, латаные обноски”, в которые одеты дети, совсем не предполагают, что игра будет вялой. И наконец, почему писателю могли запомниться *только* беды? И глагол “могли” тоже настаораживает. То есть могли запомниться, а могли и нет? Не лучше ли обратиться к творчеству Распутина вместо того, чтобы гадать на кофейной гуще?

На самом деле, совсем не “свалившиеся” невесть откуда беды остались в “ранних проблесках памяти” писателя. Помните, как он сам пишет в очерке “Откуда есть-пошли мои книги”: “Первые мои впечатления связаны с Ангарой”? А если бы автор нашёл время и задал соответствующие вопросы близким писателя, он бы узнал, с каким энтузиазмом и теплом вспоминал Распутин о своём детстве: как он ходил на охоту с дедом, как бегал в тайгу за грибами и ягодами, как рыбачил со своим дядей. Светлые воспоминания о том времени нашли своё отражение в предисловии к сборнику рассказов “Видение” под названием “В тех глубинах по ходу жизни”. А вот как выглядел в рукописи мой рассказ о летних поездках с отцом в Аталанку (курсивом выделены слова, которые я – хоть убей – не произносил): “Мне было пять лет... Это, конечно, мало, чтобы запомнить тот приезд. Но позже мы с отцом почти каждое лето ездили в деревню. *Дедушка был молчаливым. Папа в этом походил на него. Он уединялся, писал. Летом шестьдесят шестого, наверно, повесть “Деньги для Марии”. А дедушка с бабушкой занимались хозяйством. Для меня необычным событием, почти праздником, бывал выход на покос. Несколько километров мы шли по тайге. И не одни. Ведь вся деревня косила. Каждый на своей полосе разбивал табор. Варили на костре обед. Дед сделал для меня маленькую литовку. И я косил вместе со всеми. Я долго не знал, что была старая Аталанка, а мы живём в новой. Новая казалась большой.*

Друзей у меня там было много. Бегали по посёлку, прятались в каких-то сараях. Заглядывали в лес — он темнел поблизости...”.

Какие сараи? Какой лес? И как я мог в возрасте пяти лет догадываться, что отец уединялся в баньке, чтобы писать “Деньги для Марии”?! Я вообще не помню, чтобы отец уединялся и писал; он приезжал, чтобы побыть с родителями, помочь им по хозяйству, отдохнуть в родной деревне.

Непонятно, почему автор решил прибавить кое-что от себя, и должен признаться, что мне стоило немало труда убедить его убрать лишние слова из текста. В конце концов, мне пришлось переписать весь абзац целиком. То же самое произошло и с другим моим рассказом — о выборе профессии, который был нужен автору для главки “Дети писателя: “Мы выбираем путь...”. Помню, как в тексте рукописи всё было красным-красно от моих поправок с требованиями удалить не принадлежавшие мне фразы.

К слову сказать, кроме этих двух случаев, автор не счёл нужным обратиться ни ко мне, ни к другим близким родственникам писателя. Исключением можно считать его встречу с моей тётёй, младшей сестрой отца, Агнией Григорьевной. А ведь кто, как не мы, могли дать автору ценную информацию для книги. Но самое шокирующее заключается в том, что автору были совершенно не интересны наши поправки. Он явно не ставил перед собой задачу докопаться до истины. Как я заметил, в целом ряде случаев он действовал следующим образом: сначала создавал в своём воображении благообразную картинку, к которой пытался затем притянуть факты. Если же тот или иной факт ей не соответствовал, автор или намеренно искажал его, или просто выбрасывал за ненадобностью и сочинял что-нибудь от себя.

Приведу два примера. Первый — довольно забавный. В главке “Колодец земли” ещё в рукописи я наткнулся на следующие слова:

“А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади — вклинившиеся в таёжные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибницами. Одна из этих падей, Молчановская, и приютила домик Валентина Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес”.

Я сделал поправку: “В Молчановской пади был дом Глеба Пакулова, а наш дом стоял на ул. Вокзальная; в нём когда-то жил путевой обходчик, прямо рядом с железной дорогой”. Не думаю, что автор всерьёз полагал, что “домик Валентина Григорьевича приютила” именно Молчановская падь. Скорее всего, он просто когда-то слышал, что в порту Байкал есть такая падь, и ему позарез захотелось провести линию от неё к девичьей фамилии жены писателя. А уточнить, где именно находится сам домик, было рискованно: вдруг окажется, что не там. Но автора моя поправка не смутила. Посмотрите, как изменился текст после моего, повторюсь, незапланированного вмешательства:

“А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади — вклинившиеся в таёжные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибницами. Одна из этих падей — Молчановская. Не очень далеко от неё и стоял домик Валентина Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес”.

Я опять пишу: “Не так уж и недалеко: километра четыре топать от нашего дома”. Но автор мою ремарку оставил уже без внимания. Мне кажется, что, если бы даже выяснилось, что Молчановской пади нет и никогда не было в порту Байкал, автор всё равно как-нибудь бы вывернулся, но не расстался бы со своей лирической находкой.

Давайте теперь разберём подробно второй пример. Это крошечная, всего-то на две странички, но откровенно сырая, непродуманная главка, где, как нарочно, собраны такие серьёзные недостатки, как отсутствие логики, притягивание фактов за уши и небрежность в использовании цитат.

Главка называется “В имени слышится: Русь...” и посвящена моей сестре, точнее, её детским годам. Само это название уже режет мне слух. Никогда нам, Марусиным родным, не слышалось в её имени слово Русь. Я бы скорее поверил автору, если бы ему в имени Жанна д’Арк послышалось слово Франция. Но давайте посмотрим, что автор имел в виду.

Прочитаем внимательно первый абзац: “В мае 1971 года в семье Распутиных появилось пополнение: родилась дочка. Назвали её Машей, но с первых же

дней все родственники стали звать её по старой русской (а точнее – деревенской) традиции Марусей. Валентин был счастлив. *Ещё с рождения сына Серёжи вошло в правило, что отец ежедневно гуляет с ребёнком, читает ему сказки, а когда малыша снарядили в школу, папиной обязанностью стало посещение родительских собраний*. Обратите внимание, как после первых трёх предложений, посвящённых рождению дочери писателя, автор неожиданно перескакивает на сына (выделено курсивом), оставляя читателя в полном недоумении. Более того, автор ухитряется допустить в этом же предложении сразу две неточности. Скажу вам по секрету: а) не было такого правила в нашей семье, чтобы отец ежедневно гулял со мной или с моей сестрой; б) он довольно редко посещал родительские собрания в школе. И в этом нет ничего зазорного, но автору уж очень хочется немного приукрасить, и он с удивительной лёгкостью прибегает к преувеличению и вымыслу, стремясь выдать желаемое за действительное.

Продолжая старательно вырисовывать портрет писателя как примерного отца, автор приводит слова Марусиной школьной учительницы начальных классов Александры Ивановны Бушмагиной:

“Валентин Григорьевич был первым помощником во всех наших внеклассных начинаниях. То зайдёт в школу, то позвонит мне: “Какие у вас заботы, чем помочь?” Дарил классу книги. И не только свои, но и тех авторов, которых отличал, ценил. Ребята любили “классные часы”, которые он проводил. Мы выбирали тему беседы, а Валентин Григорьевич готовился к разговору. И всегда детям было интересно с ним. Он был в нашей школе своим человеком”.

У меня этот рассказ сразу вызвал подозрение. Во-первых, такая общительность совершенно не в характере отца, а во-вторых, детям в начальных классах вряд ли есть смысл дарить книги Распутина и “тех авторов, которых он отличал, ценил”. Я не поленился и встретился с Александрой Ивановной, которая до сих пор работает в школе №17. По её словам, Валентин Григорьевич пару раз приходил к ним на “классные часы”, но не более того. Про “первого помощника во всех внеклассных начинаниях” даже после моих специальных наводящих вопросов не было сказано ни слова.

Сразу к рассказу Александры Ивановны безо всякого перехода автор приклеивает другую цитату, теперь уже из воспоминаний моей тёти (маминой младшей сестры) Евгении Ивановны о жизни нашей семьи на даче в порту Байкал. Непонятно, что заставило автора пойти на такой неожиданный и совершенно нелогичный шаг. Возможно, ему эта главка на полторы страницы показалась слишком короткой, и, чтобы увеличить её, он решил, как говорится, “до кучи” добавить ещё пару абзацев. Мне кажется, что автор их не читал. Во всяком случае, речь в данном отрывке идёт совсем не о моей сестре и тем более не о том, каким внимательным, чутким и заботливым был Валентин Григорьевич по отношению к своим детям и их одноклассникам.

Этой цитатой и заканчивает автор главку “В имени слышится: Русь...”, точнее, резко обрывает на полуслове, так и не раскрыв читателю смысл её пафосного названия.

Позвольте мне остановиться ещё на одном символическом примере, показывающем, как автор в своей книге относится к фактам, насколько для него важна та или иная информация и чем он руководствуется при жизнеописании своего героя. Речь идёт о Б. Дмитриеве. Фотограф не раз упоминается в книге А. Г. Румянцева и даже делится своими воспоминаниями о писателе. Когда читаешь их, возникает ощущение, будто Б. Дмитриев был с писателем в дружеских отношениях. Да, действительно, был – до одного случая, после которого их общение полностью оборвалось. Подробно об этом написала в статье “Все беды – от наших заблуждений” В. А. Семёнова. Суть его в следующем.

Писатель получил премию правительства РФ за книгу “Сибирь, Сибирь...” 2006 года издания. Автор фотоиллюстраций Б. Дмитриев награждён не был. Он направил протестное письмо в правительство, где предупредил, что, если его права как соавтора книги не будут удовлетворены, он подаст в суд. Затем он позвонил писателю и сообщил ему эту новость. Как мне известно, отец сначала оторопел от такой наглости, однако принял решение отдать фотографу половину премии (500 000 руб.), несмотря на очевидную нелепость его претензий. “Шаг для Валентина Григорьевича настолько естественный, что никто не удивился”, – пишет Валентина Андреевна. Я почти уверен, что Дмитриев, зная отца, на это и рассчитывал, когда звонил ему.

Очевидно, он отдавал себе отчёт, что в суде шансов у него нет никаких. Отец же, идя на такой “естественный” шаг, стремился как можно скорее закрыть тему и избавить себя от общения с человеком, который вызывал у него теперь только чувство брезгливости.

С другой стороны, предлагая фотографу половину премии, писатель, возможно, пытался дать ему последний шанс. Он как бы искушал его кругленькой суммой и ставил перед выбором: взять чужие деньги, на которые при любом раскладе у того не было никаких прав, и окончательно потерять лицо, или хотя бы попытаться остаться, — конечно, с большим натягом — порядочным человеком, натянув на себя маску “борца за справедливость”, ищущего “правду” в суде. Дмитриев деньги взял, не моргнув и глазом, и навсегда исчез из жизни писателя. Многие иркутские литераторы расценили тогда его поступок как вымогательство.

Но речь не о Дмитриеве. Речь о книге, которую мы обсуждаем. Прочитав рукопись, я предложил автору раскрыть всю правду. Сказал “А”, упомянув фотографа в своей книге, так скажи и “Б”. Но автор предпочёл этот злополучный инцидент замолчать, сделав вид, будто ничего не произошло. А зря. Мне кажется, что подобные истории из жизни героя в сто раз интереснее и ценнее, чем целые отрывки из его произведений, которыми так бесцеремонно злоупотребляет автор. Потому что не только работа и творчество, но и поведение человека в непростых ситуациях характеризует его как личность.

И ещё: есть что-то лицемерное в этих дружеских воспоминаниях фотографа о писателе без правдивого рассказа о том, как полмиллиона рублей, принадлежавшие писателю, чудесным образом оказались в кармане его “друга”.

Все вышесказанное наводит меня на мысль о том, что труд о замечательном человеке должен создавать настоящий исследователь, вдумчивый, ответственный перед читателем и требовательный к своему творчеству. Он, как учёный, должен проявлять уважение к фактам и спокойно, не торопясь, дотошно и кропотливо собирать их из самых разных источников, не забывая проверять на достоверность. Затем ему предстоит проанализировать и осмыслить всю информацию, “переварить” её, пропустив через себя, выдвинуть предположения, поделиться своими размышлениями. В серьёзном исследовании такого рода его автор обычно старается избегать однозначных выводов. В конечном счёте, перед ним стоит невероятно сложная задача: постичь внутренний мир своего героя, чтобы честно и достоверно поведать о нём современникам и потомкам.

Автор же книги “Валентин Распутин” выбирает иной путь, не требующий значительных творческих сил. Он решает по максимуму упростить себе работу и берёт за основу чужие тексты и чужие мысли. Он предпочитает представлять слово другим, а сам склонен оставаться в стороне. Даже описывая студенческую жизнь писателя, с которым он учился вместе в университете и даже прожил целый год в одной комнате в общежитии, автор охотно цитирует красноярца Владимира Зыкова, а своими воспоминаниями делится крайне скупно.

Наверное, поэтому книга напоминает мне больше реферат студента филфака, чем серьёзное исследование. Ведь как бы студент делал реферат, скажем, об известном писателе? 1. Расписал бы по пунктам биографию. 2. Распечатал бы библиографический справочник. 3. Продумал бы части, составляя библиографические и библиографические данные в хронологическом порядке. 4. Изучил бы литературную критику творчества объекта исследования, посмотрел бы, какие спектакли и фильмы были поставлены по его произведениям, нашёл бы пару неопубликованных писем и несколько воспоминаний о нём известных личностей. 5. Собрал бы всё это вместе, как конструктор, и — реферат готов. Даже больше, чем реферат, но до полноценной дипломной работы ещё далеко.

Упрощаю? В любом случае, такая аналогия напрашивается не случайно.

И возникает вопрос. Не лучше ли, если вас, например, интересует родословная писателя, познакомиться с нею в оригинале? Сотрудники Иркутского областного архива ещё при жизни Валентина Григорьевича провели исследование и выпустили любопытнейшую по содержанию книжечку. А если вы захотите узнать, что сказал Распутин о Пушкине, Толстом, Леонове, Свиридове, Шукшине, Вампилове, может быть, стоит прочитать полностью, без сокращений, его статьи и очерки об этих выдающихся личностях в книге

“В поисках берега”? А вместо главы 14 “Что в имени твоём, Сибирь?” просто взять само произведение “Сибирь, Сибирь...”? Вместо главы 16 “Смысл давнего прошлого” найти опубликованные в ежемесячной газете “Литературный Иркутск” замечательные эссе “Из глубин в глубины” – к 1000-летию Крещения Руси и “Ближний свет издалека” – о Сергии Радонежском? Вместо главок “Жупелы: один, два, три...”, “Зажги свечу – растает тьма” и “Жрецы “новой” культуры” купить книгу “Эти 20 убийственных лет. Беседы с Кожемяко”?

А сколько потрачено бумаги на главы, посвящённые повестям “Деньги для Марии”, “Последний срок”, “Вверх и вниз по течению”, “Живи и помни”, “Прощание с Матёрой”, “Пожар”! И зачем? Неужели достаточно для книги из такой серьёзной и уважаемой серии, какой является (или уже не является?) “ЖЗЛ”, проскакать *галопом по европам* – по основным произведениям писателя, надёргав оттуда бесчисленное количество цитат? Разве литературные критики не сказали своё слово об этих сочинениях? Или мы узнаем здесь что-то принципиально новое?

Не скрою: есть в книге места, которые вызвали у меня интерес, например, главки, посвящённые отношениям Астафьева и Распутина в 90-е годы, или интервью писателя журналисту “Литературной газеты” о том, как он создаёт свои повести и рассказы, или воспоминания о писателе современников, наших и зарубежных. Очень хорошо сказали о нём актёр Михаил Ульянов, прозаик Владимир Карпов, французский исследователь русской литературы Жорж Нива и другие. Любопытна история, упомянутая ещё в начале книги, как писатель ступил на творческую стезю случайно, оставшись без стипендии. Но и здесь центральное место занимают цитаты, а слова автора играют в основном лишь связующую роль. И стоит только собрать вместе и опубликовать все эти и другие, не упомянутые в книге, воспоминания, не говоря уж о полном собрании произведений писателя, включая его речи, статьи, письма и интервью, как ценность книги, и так не слишком высокая, упадёт ещё ниже.

Мне кажется, что немалая доля ответственности за качество этой работы лежит на издательстве. Ведь если бы в “МГ” не устраивали гонку, чтобы отдать книгу в печать к определённой дате, а главный редактор поставил бы перед автором вопрос ребром, обозначив чёткие требования к тексту, и дал ему для работы ещё хотя бы год, она, по крайней мере, имела бы хоть какой-то шанс получиться более добротной. И тогда выиграли бы все: и автор, и издательство, и читатель, ради которого, по большому счёту, и пишутся книги. Что же касается информационного повода, если он так был необходим, – чем хуже 80-летие писателя годовщины его смерти? По-моему, даже лучше.

Насколько я знаю, главный редактор “МГ” отдавал себе отчёт в том, что это произведение, даже при многочисленных исправлениях, априори не может получиться сильным. Но для него, скорее всего, главную роль сыграла скорость. Дело в том, что А. Г. Румянцев начал писать книгу о Распутине ещё при жизни писателя и к моменту его смерти уже имел, как я подозреваю, существенные наработки. Тем самым автор автоматически получил преимущество перед другими литераторами, которые почти наверняка подошли бы к этой работе более ответственно и выполнили бы её более профессионально и талантливо.

Остаётся лишь надеяться, что после знакомства с книгой “Валентин Распутин” благодаря многочисленным цитатам из произведений писателя у читателя возникнет желание ещё раз (а может быть, и впервые) прикоснуться к его творчеству. А это самое главное.

ВЛАДИМИР БУШИН

МАДАМ, РУКОПИСЬ НА БОЧКУ!

(К вопросу об авторстве “Архипелага ГУЛаг”)

Я прочитал эту книгу раньше многих, приобретя её ещё в 1979 году на Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне, где довелось побывать в составе делегации московских писателей. Это был год столетия со дня рождения Троцкого, ну, и не так давно вышел в парижском издательстве YMCA-PRESS в трёх томах, напечатанных мелким шрифтом, сей “Архипелаг”. Сочинения Льва Давидовича и Александра Исаевича красовались на всех прилавках: бери — не хочу. Троцкого я не брал, хотя потом он каким-то образом появился в моём книжном шкафу. А “ГУЛаг”, конечно, схватил. Ведь столько разговоров о нём! Да и с автором я был хорошо знаком и по переписке, и лично.

Когда уже дома я начал читать, то, прежде всего, был поражён, изумлён, ошарашен элементарной безграмотностью текста, обилием примитивного орфографического вздора. Тот, кто видел это сочинение в издании “Советского писателя” 1989 года тиражом в 100 тысяч или в том, что в 2007 году вышло в Свердловске тиражом уже в 4 тысячи (за 18 лет падение в 25 раз! А редактор — сама Н. Солженицына), может мне не поверить: ведь там, по крайней мере, с орфографией вроде всё в порядке. А дело в том, что в 1989 году у нас во всех редакциях существовал институт внутренних рецензий, были редакторы, бюро проверки, наконец, корректоры. Только благодаря этому сочинение Солженицына и вышло у нас в грамматически пристойном виде, за одно это ему следовало бы благодарить Советскую власть.

Но издание, которое я приобрёл во Франкфурте, вышло в Париже в таком зачуханном издательстве, где по скаредности хозяина или директора Никиты Струве нет ни редакторов, ни корректоров — ведь им надо платить! Там книги выходят в таком виде, в каком автор представил рукопись, то есть тут он голенький, без обработки, правки и прикрас. Что ж, это имеет свои достоинства с точки зрения подлинного знания об авторе.

Некто Николай Андреяшин 3 октября заявил в отклике на статью в “Литературной газете” о нашем герое: “Обвинять Солженицына в безграмотности может только безграмотный тупица”. Это тот самый Андреяшин, который, объявив себя анархистом, всех с ним не согласных объявляет ничтожествами. Тот самый, который заявил, что Шолохов после смерти Сталина назвал его... неприлично повторять. Откуда он это взял? Да у такого же пустопляса или из собственного анархического кумпола. На самом деле, когда Сталин умер, Шолохов написал статью “Прощай, отец”, которая началась словами: “Как внезапно мы осиротели...” (Правда. 8 марта 1953). А потом, отменяя клевету на Сталина, говаривал: “Был культ, так была и личность!”

Между прочим, рассказывая, каким держимордой он был на фронте, как помыкал подчинёнными, Солженицын откровенно признавался в “Архипелаге”: “Я метал подчинённым беспспорные приказы, убеждённый, что лучше тех приказов и быть не может. Сидя, выслушивал я их, стоящих по стойке смирно. Обрывал, указывал. Отцов и дедов называл на “ты”... Ещё на формировке заставил нерадивого солдатика Бербенёва шагать после отбоя под команду непокорного мне сержанта Метлина. А на фронте посылал подчинённых под снарядами срращивать разорванные провода, чтобы только не попрекнуло начальство (Андрейшин так погиб)”. То есть из боязни начальственного упрёка послал человека на смерть. И этот человек, анархист Андрейшин, ваш однофамилец, а может, и родственник. Конечно, это никакого отношения к грамотности не имеет, тут скорее нечто мистическое. А своё глумление над солдатами Солженицын, разумеется, оправдывал: “Вот что с человеком делают погоны!” Они, мол, виноваты. Я видел на фронте немало человек в офицерских погонах, и до сих пор помню их: полковники Горбаренко и Звездич, майор Амбрузов, капитаны Ванеев, Елсаков, Шуст, старшие лейтенанты Ищенко и Савчук, лейтенанты Павлов, Дунюшкин, Михайлин, Эткинд, младший лейтенант Гудкова... И, пожалуй, только один-два из них были с задатками Солженицына. Остальные – вполне достойные люди и командиры. С Алексеем Павловым, ныне полковником в отставке, живущим в Алуште, дружим до сих пор, бывали в гостях друг у друга, переписываемся, я даже стихи ему посвятил в связи с возвращением Крыма.

Что ж, драгоценный Андрейшин, пойдёмте прогуляемся по тексту “Архипелага”. Вам-то, анархисту, что, а я сразу – чуть не в обморок: асС... нивел-Лировать... балЛюстрада... агЛломерат... мусСаватист... карРикатура и даже – анНальное отверстие... Придя в себя, я подумал, что ж, это всё-таки слова иностранного происхождения, не будем строги. Но с другой стороны, ведь автор имел высшее образование, окончил Ростовский университет, был там сталинским стипендиатом, да ещё два курса знаменитого Московского Института истории, философии и литературы (ИФЛИ). Как же так? Неужели он там не грыз гранит науки, а только ковырял в отверстии? За что же стипендия? Как видим, ошибки однотипные – ненужное удвоение согласных. Это наводит на мысль, что писал один человек.

Но вот ещё: военная кОмпания... РККА обладалО... прЕуменьшено (1,439). Ну, первое словцо опять иностранного роду-племени, второе – аббревиатура, тоже случай непростой, да и с этими “пре” и “при” многие путаются. Но имеет ли на это право нобелевский лауреат? Как думаете, анархист?

Однако же вот слова исконно, кондово русские, но и тут такая же достослёзная картина, и моё изумление подскочило ещё выше. Судите сами. Вместо “навзничь” автор пишет “ничком” и наоборот. Или: запАдозрЕть... женщина в шёлковом платьеИ... мы у них в презреньИ... рассказ об одном воскресеньИ... при многолюдьИ... на мелководьИ... в ПоволжьИ... в ЗаполярьИ... Опять однотипная неграмотность!.. Или: “вещи бросаются в ту ж стоящИю бочку”... “Маркелов стал НЕ много, НЕ мало председателем месткома”... Но если всё это были ошибки, так сказать, вполне “доступные” русскому человеку, то вот уж нечто вовсе запредельное: восСпоминания и даже – подпис-Си (2,475)... Нет, так не мог написать русский человек, это что-то заморское. А разве может русский человек, русский писатель написать “дети околевали”. Как о щенка! Но он же вроде русский? Да и среди тех, у кого отчество Исаакович, редко встретишь такое диво.

И с географическими названиями то же самое. Ну, ладно, опять же он не знал, как правильно писать название немецкого города Вормдитт, в котором его арестовали в феврале 1945 года, простим ему и Маньчжурию с мягким знаком, не будем стыдить и за то, что в США на одном митинге он воскликнул по поводу радостной встречи: “Я должен был встретиться с американцами ещё на Эльбе, но меня арестовали!” А на самом деле 48-я армия, в которой он служил, шла не на Эльбу, а на Вислу в направлении горда Эльбинг, который он спутал с Эльбой... Но не будем стыдить покойника, не будем...

Однако же ведь нобелиат в таком духе упрямо твердил и о советских городах: КишЕнёв (1,134)... КишЕнёв (1, 565)... КишЕнёв (3,538)... юристы Алмы-Аты... И даже знаменитый Халхин-Гол у него превратился в Халхингол. А казалось бы, незабываемая Таруса, где он провёл свой медовый месяц,

у него ТарусСа, как и ТартусСкий университет. Не умел правильно написать Лодейное Поле, Наро-Фоминск, Иваново-Вознесенск, Хакасия, посёлок Железинка, Бауманский район... Пусть бы уж писал, как хочет, иностранные имена: ТрумЕн (3,52) или Мао-дзе-Дун (1,265). Но ведь и простые русские имена вышли из-под его пера в неприличном виде: ВячИслав... КЕрилл... А у Солженицына был друг юности Кирилл Симонян, с которым он во время войны переписывался. Неужели так и писал: “Дорогой Керюша!” А тот не обижался?

И вот что ещё изумляет. Он же такой верующий, что аж возомнил себя “мечом Божьим”, и однако же библейский ГОулиаф у него ГАулиаф... Ещё и КесСарийский... И уж вовсе умопомрачительная трансформация: не Троице-Сергиева, а ТроицКО-СергиевСКАЯ лавра. Будто она получила название не в честь святой Троицы и своего основателя преподобного отца Сергия, а в память каких-то безвестных товарищей Троицкого и Сергиева.

А то вздумал ещё блеснуть знанием немецкого, но вместо die Sowietunion лихо выдал Soviet Union. Другой раз для понту вставил в текст известную английскую поговорку My home is my castle (Мой дом – моя крепость). Похвально. Только англичане, которые настоящие, предпочитают в таких случаях говорить не home, а house. В другой раз вернул nach der Heimat (домой, на родину). Весьма интеллигентно. Но немцы, которые вполне грамотные, говорят в этом случае не nach der, а in die. Или nach Hause, heim. Словом, дикое невежество на любой вкус, в том числе на иностранный! И при всём при этом он ещё гневно и презрительно восклицал: “Безграмотная эпоха!” А спустя двадцать с лишним лет предал гласности тот ужаснувший его факт, что какой-то инспектор райпо в Казахстане в какой-то ведомственной бумаге написал не “ботинки”, а “батинки”. Да он, вероятно, и не русским был.

Что же всё это означает? Мало того, что человек имел полтора высших образования, но Наталья Решетовская, первая жена сочинителя, вспоминала, что муж был очень аккуратен, дотошен, делал бесконечные выписки из прочитанных книг и мечтал, чтобы в доме стояла ваза с карточками, на которых разного рода цитаты и даты, а он, проходя мимо, запускал бы руку в вазу, вытаскивал несколько карточек и проверял себя. Голубая мечта зубрилы...

Но ведь дело не только в столь загадочной орфографической безграмотности. В этой великой книге мы на каждом шагу встречаем ещё и великое множество нелепостей совсем иного рода – исторических, географических, китайско-бытовых и т. д.

Вот один из её персонажей говорит, что в 1812 году из-за лесов и болот “Наполеон не нашёл Москвы” (1,387). Ну, он может быть дурак дураком, но его словам никто же не удивляется, никто не возражает, не переспрашивает, принимают как само собой разумеющееся. Выходит, что и автор, и все персонажи этой сцены согласны, что не было ни Бородинской битвы, ни пожара Москвы, ни Березины, ни гибели 600-тысячной армии двенадцати языков, а наткнулся Наполеон на болота, повернулся и пошagal домой, где его ждала красавица Жозефина. И Ватерлоо не было, и русской армии в Париже не было. Интересная история... Замечу, что эту дичь, как и многое другое, столь же высококачественное, вдова писателя, не шибко превосходящая его на поприще знаний, в помянутом екатеринбургском издании 2007 года, которое редактировала лично своею любящей рукой, – эту дичь оставила в неприкосновенности (1, 356).

А вот мы читаем, что после революции и гражданской войны население у нас было 180 миллионов. Это супруга милосердно поправила: 150. Может, вспомнила поэму Маяковского, так и называвшуюся – “150 миллионов” (1919). В другом месте читаем, что в 1941 году население у нас было 150 миллионов, а на самом деле, как известно, около 195 млн. Иначе говоря, в одном случае ему в лживых и клеветнических целях захотелось уменьшить цифру на 45 млн, в другом в тех же целях – увеличить на 30 млн, и он без колебания в обоих случаях манипулирует цифрой населения родины либо действительно не знает его. Писал также, что за каждым из руководителей Беломорканала числится тысяч по 30 загубленных душ. Вдове показалось мало, добавила 10: по 40 тысяч (2007. С. 79). Всё, что он писал о Беломорканале, великой стройке Первой пятилетки, имевшей огромное народнохозяйственное и военное значения, – первоклассная туфта. Как он нам пригодился в 1941 году!..

Есть в этом сочинении и о кошмарах в какой-то Михневской области, и Атан Платонов, и Кипр вместо Крита, и подарил он Марксу книгу Энгельса “О положении рабочего класса в Англии”, которую тот написал ещё до знакомства с Марксом... Вот это очень примечательно. Ведь Солженицын до тех пор, пока не сделался “мечом Божиим”, считал себя завзятым марксистом, намерен был написать книгу “Люби революцию”, считал, что Сталин отступает от марксизма, и негодовал по этому поводу, писал жене с фронта, чтобы она закупила марксистскую литературу, так как опасался, что она исчезнет, — и вот, пожалуйста, путает Маркса с Энгельсом! Вдове надо бы поправить, да она и не знает, кто это такие, так и печатает лажу (2, 221).

Ну, ладно, он приписывает Бёрнсу стихи, которые тот никогда не писал, но как цитирует любимого Пастернака, его “Лейтенанта Шмидта”! Он у него говорит на суде:

*Я тридцать лет вынашивал
Любовь к родному краю,
И снисхожденья вашего
Не жду и не теряю!*

Как это — не теряю? Чтобы потерять, надо иметь. Бессмыслица же! И это сталинский стипендиат? У Пастернака, конечно же, “и не желаю”.

Я уж не говорю о таких приступах слабоумия, как байки о целом составе, в каждое вагонное купе которого, рассчитанное на четверых, запикивали, мол, по 36 заключённых, то есть в 9 раз больше, чем полагается, и три недели зачем-то везли с Камчатки в Москву (1, 492); или о камерах на 20 человек, в которых-де отбывали срок 323 заключённых (1, 523), то есть в 16 раз больше; или о тюрьмах, рассчитанных, дескать, на 500 человек, а в них сидело 10 тысяч, то есть в 20 раз больше (1, 536). Слышите, анархист, — врёт в двадцатикратном размере! Да уж не был ли и он анархистом?

Кому этого мало, может прочитать и такое: “Роту заключённых около ста человек ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ДНЕВНОЙ НОРМЫ ЗАГНАЛИ НА КОСТЁР — И СОЖГЛИ” (2, 54. Выделено им). В другой раз за то же самое заморозили в лесу 150 человек (там же). Итак, истребили 250 человек. А кто за них будет завтра выполнять план? Ведь за план-то начальство взыщет! Кто будет выполнять? Да, видно, сам Солженицын, его жена, сыновья да вот этот самодельный анархист. Но это что! А ещё был случай, говорит, когда просто так, от нечего делать, просто патроны были лишние, взяли и за три дня расстреляли 960 человек (2, 381). Вот так же писатель Ч., ныне покойный, уверял, что маршал Жуков на Ленинградском фронте “батальонами расстреливал”. Я ему говорил: “Ну, допустим, расстрелял два-три батальона. А кто же вместо них оборону держать будет?” Этого Ч. не знал... Удивительно, как желание сказать гадость убивает способность здраво соображать. А Солженицын уже не мог остановиться: “заключёнными в зоопарках живьём кормили хищников” (1, 492).

Ну, на этом, я думаю, пора сделать вывод. По-моему, совершенно ясно, что иметь такого уровня грамотность, нагородить столько несусветного вздора (а тут лишь малая часть) не мог психически нормальный взрослый русский человек, имеющий высшее образование. И есть веские основания полагать, что “Архипелаг” написан если не целиком другим человеком, не русским, или несколькими иностранцами, плохо знающими и русский язык, и русскую историю, то во всяком случае при их весьма активном участии.

В нашей прессе неоднократно приводились такие вот строки из воспоминаний бывшего американского посла с СССР и разведчика Д. Бима: “Когда мои сотрудники в Москве принесли мне ворох листов за подписью Солженицына, я вначале не знал, что мне делать с этим бредом. Когда же я посадил за редактирование и доработку десяток опытных и талантливых редакторов, я получил “Архипелаг ГУЛаг” (Н. Федь. Литература мятежного века. М., 2003. С. 512).

Действительно, француженка по рождению Ольга Андреева-Карлайль, внучка известного писателя Леонида Андреева, в книге “Возвращение в тайный круг” (М., 2004) рассказывает, что Солженицын первоначально планировал издание своего бессмертного “Архипелага” в крупном американском издательстве “Харпер энд Роу”, где до этого с помощью Ольги Вадимовны и её

мужа Генри роскошно был издан роман “В круге первом”. Она писала: “Я представляла себе, что мы – наша тайная организация с базой в США – была телом, а голова этого тайного организма находилась в Москве. Получая распоряжения от головы, тело претворяло их в жизнь” (с. 110). Супруги пять лет возились с рукописью “Архипелага”, устроили её перевод на английский, и всё было готово к изданию, но вдруг у “головы” поехала крыша, она заподозрила “тело” в финансовых махинациях и написала супругам, что они могут перевод сжечь, “голова” отказалась от их услуг, да ещё по своему лагерному сексотскому обыкновению обвинила их в том, что по их вине она была выслана из СССР. А книгу издали во Франции.

А вот ещё и докладная записка председателя КГБ Ю. В. Андропова в ЦК от 10 апреля 1972 года, в которой есть такие строки: “По полученным данным, РОСТРОПОВИЧ, на даче которого продолжает проживать СОЛЖЕНИЦЫН, 27 марта посетил посла США Д. Бима и беседовал с ним в течение двух часов” (Кремлёвский самосуд. М. 1994. С. 221). О чём они могли беседовать, как не о Солженицыне! О чём, кроме тогда уже готового “Архипелага”.

Ну, а талантливость упомянутых Бимом редакторов, если они действительно работали над рукописью, как мы могли убедиться, не высокого полёта. Но они могли быть именно людьми плохо знающими и русский язык, и русскую историю. О чём говорить, если в США даже президенты путают Ливию и Ливан, Австрию и Австралию, если их фильм о нашей Отечественной войне назывался у них “Неизвестная война”. Вполне могли они думать, что и “Наполеон не нашёл Москвы”.

И вот что примечательно. В своём “Телёнке” (М., 1996) Солженицын орёт на переводчиков Бурга и Файфера: “Проходимы!” Рычит на переводчика Р. Паркера: “Прихлебатель! Халтурщик!” Визжит на издателя Фляйснера: “Лгун!” И поносит всех вместе: “Они испоганили мне “Один день Ивана Денисовича”!..” Что ж, такое буйство можно понять, если они действительно перевели и издали плохо. Но ведь всё-таки это лишь не очень большой рассказ, а тут – эпопея в 1500 страниц, Книга Жизни, но издана позорнейшим образом, однако – ни слова упрёка в адрес Никиты Струве. В чём дело? А судя по всему, вот в чём. Если это своя собственная непотребщина, то – на кого же орать? Сам виноват, что предстал перед читателем телешом. Ты же знал, что это за издательство, в котором даже корректоров нет! И он уверяет, что именно сам: “Всю весну 1968 года мы печатали “Архипелаг” с Воронянской, Люшей Чуковской и Надей Левитской”. И называет их “умными-умными людьми” (там же. С. 332). Да неужто все три умницы были так малограмотны? Неужели ни одна из них не решилась сказать Солженицыну: “Батюшка гений, ну, что ж вы врётё-то так беззащитно?” Невозможно поверить!

С другой стороны, если это дело рук бимовских “талантливых редакторов”, то батюшке опять лучше промолчать, чтобы скрыть их участие в создании своей Книги Жизни. Вот и молчал.

В декабре 1962 года вскоре после известной встречи руководителей партии и государства с деятелями культуры Солженицын безо всякого повода вроде юбилея или награды написал Шолохову, с которым виделся на этой встрече, весьма чувствительное письмо:

“Многоуважаемый Михаил Александрович!

Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, помешали мне выразить Вам тогда моё неизменное чувство, как высоко я ценю автора бессмертного “Тихого Дона”. От души хочется пожелать Вам успешного труда, а для того прежде всего – здоровья!

Ваш Солженицын”.

“Неизменное чувство”... Но прошёл недолгий срок, и он о той встрече с Шолоховом уже пишет в “Телёнке” так: “Хрущёв миновал Шолохова стороной, а мне предстояло идти прямо на него, никак иначе. Я шагнул и так состоялось (! – Словно без его участия. – В. Б.) рукопожатие. Ссориться на первых порах было ни к чему (При первой встрече ссориться – из-за чего? Из-за места за столом на банкете? Да ещё на правительственном приёме! – В. Б.). Но и тоскливо мне стало (Не из-за того ли, что “Тихий Дон” написал не ты? – В. Б.), и сказать совершенно нечего, даже любезного (А через несколько дней наговорил столько любезностей, что хоть святых выноси. – В. Б.).

— Земляки? — улыбнулся он под малыми (!) усами (у самого-то и таких тогда не было. — **В. Б.**), растерянный (Ещё бы! С такой глыбой встретился. — **В. Б.**), и указывая путь сближения.

— Донцы! — подтвердил я холодно и несколько угрожающе (О Господи, он ещё и угрожал Шолохову! Уже! Да чем же? Слово-то сказано самое безобидное. — **В. Б.**)”.

И дальше уже, совершенно как Бенедикт Сарнов, критик: “Невзрачный Шолохов... Стоял малоросток и глупо улыбался... На трибуне он выглядел ещё более ничтожным”. Тут не хватает только слов Сарнова: “Совершенно неписательская внешность...”.

И ещё: “Моё сердце терзали чекистские когти — именно в эту осень сунули Нобелевскую премию в палаческие руки Шолохова”. “Сунули” не осенью, а зимой 1965 года. И все честные люди радовались. А вот тебе не “всунули”, а впарили, как потом Горбачёву. И все честные люди плевались так, что повысился уровень Тихого океана.

Тут не обойти “палаческие руки”. О солдате Андрияшине, погибшем на фронте из-за холуйства Солженицына перед начальством, я уже упоминал. Но это не единственный труп на его пути к Нобелевской премии. В лагере, где, по собственному признанию в “Архипелаге”, он был сексотом, когда уже подходил к концу его срок, 22 января 1952 года заключённые хотели устроить массовое выступление и потребовать освободить из карцера своих товарищей, оказавшихся там, как они считали, несправедливо. Пронюхав об этом, Солженицын 20 января написал начальству донос, будто готовится восстание. Этот донос неоднократно печатался и за границей, и у нас. Вот его текст:

“Сов. секретно

Донесение с/о от 20.1.52 г.

В своё время мне удалось, по вашему заданию, сблизиться с Иваном Мегелем. Сегодня утром Мегель встретил меня у пошивочной мастерской и полузагадочно сказал: “Ну, всё, скоро сбудутся пророчества гимна: кто был ничем, тот станет всем!” Из дальнейшего разговора с Мегелем выяснилось, что 22 января з/к Макушь, Коверченко и Романович собираются поднять восстание. Для этого они уже сколотили надёжную группу, в основном, из своих — бандеровцев, припрятали ножи, металлические трубки и доски. Мегель рассказал, что сподвижники Романовича и Маклуша из 2, 8 и 10 бараксов должны разбиться на 4 группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать “своих”. Далее разговор дословно. “Она же займётся и стукачами. Всех знаем! Их кум для отвода глаз тоже в штрафник затолкал. Одна группа берёт штрафник и карцер, а вторая в это время давит службы и краснопогонников. Вот так-то!” Затем Мегель рассказал, что 3 и 4 группы должны блокировать проходную и ворота и отключить запасной электродвижок в зоне.

Ранее я уже сообщал, что бывший полковник польской армии Кендзирский и военлёт Тищенко сумели достать географическую карту Казахстана, расписать движения пассажирских самолётов и собирают деньги. Теперь я окончательно убеждён в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-видимому, хотят использовать его для побега. Это предположение подтверждается и словами Мегеля: “А полячишка-то, вроде, умнее всех хочет быть, ну, посмотрим!”

Ещё раз напоминаю в отношении моей просьбы **обезопасить меня от расправы уголовников**, которые в последнее время донимают подозрительными расспросами.

Ветров

20.1.52” (ВИЖ № 12’90. Перепечатка из журнала “Neue Politik № 2’78. Гамбург).

Это фрагмент из книги “Der Bart ist ab” (“Без бороды”) швейцарского писателя Франка Арнау. Его, как сказано в редакционной врезке, “сильно занимал миф, который возник на Западе вокруг личности и сочинений Александра Солженицына и особенно вынашивался теми, кто хотел бы возродить холодную войну”. Арнау удалось собрать обширный материал о Солженицыне, он ездил для изучения этого в Советский Союз, встречался с его однолагерниками Л. Копелевым и др. В предисловии к фрагменту сказано, что книгу “ни одно издательство не хочет публиковать, хотя автор — писатель, пользующийся успехом”. Он умер в феврале 1978 года. И фрагмент напечатан с согласия его вдовы Этты Арнау.

Донос Ветрова своей чрезмерной обстоятельностью, дотошностью и некоторыми другими важными особенностями должен был вызвать сомнение у тех, кому он поступил. В самом деле, при совершенно случайной встрече с Ветровым не в каком-то укромном месте, а у пошивочной мастерской Мегель ведёт себя, по описанию доносчика, чрезвычайно странно: излагает план бунта до мельчайших подробностей вроде отключения движка. С какой стати? Он же крайне заинтересован в сохранении полной тайны, но вдруг выкладывает всё до точки такому человеку, как Ветров. Ясно, что тот всё выдумал, и позже, описывая это событие в “Архипелаге”, признал, что, вопреки его доносу, никакого восстание не планировалось. Донос был чистой провокацией, каких Солженицын устроил в жизни немало. Но эта оказалась с кровью, с трупами.

У администрации лагеря времени разобраться в доносе уже не оставалось, надо было действовать срочно. Утром заключённые действительно собрались на плацу, стали требовать, страсти накалились, как может повернуться дело, было неясно, и администрация, видимо, в растерянности и страхе, применила оружие. Несколько человек погибли. На чьей это совести?.. Да ещё нельзя не вспомнить Елизавету Воронянскую, покончившую жизнь самоубийством после того, как у неё изъяли этот самый “Архипелаг”, вручённый ей Солженицыным. Так какие же у него руки?

А Шолохов своими “палаческими руками” не только написал действительно бессмертный “Тихий Дон”, но и отчаянными письмами Сталину в 1933 году спас от голодной смерти десятки тысяч своих земляков.

А всё дело с возрождением клеветы о плагиате “Тихого Дона”, видимо, в премиях. Солженицына выдвинули в 1963 году на Ленинскую – и прокатили, а Шолохов в 1965-м получил Нобелевскую, которую заслужил ещё лет тридцать тому назад. Стерпеть это Солженицын не мог. Уверял в “Телёнке”, будто Твардовский сказал заведомо культуры ЦК В. Ф. Шауро: “Вы думаете, первый русский писатель – кто? Михаил Александрович? Ошибаетесь!” (с. 170). Вот сказанул и побежал к Солженицыну порадовать его. Это Твардовский-то, который уже презревал от “новомирской” мороки и говорил ему: “У вас нет ничего святого... Ему с... в глаза, а он – Божья роса!... Вы страшный человек. Если бы я пришёл к власти, я бы вас посадил” (там же. С. 103, 139, 95). Это о Солженицыне-то, который называл Твардовского трусом и пьяницей (О. Андреева. Возвращение в тайный круг. М. 2004. С. 132).

Да, он тут же возродил возню вокруг “проблемы авторства “Тихого Дона”, которая началась ещё в 1929 году, когда появились изумившие всех первые части этой великой книги. И ведь на первый взгляд, сомнение понять можно: автор так молод! Но вот мы отмечаем сейчас юбилей Лермонтова, прожившего всего 26 лет. И кто-нибудь сомневается в его гениальности? А Пушкин однажды заметил: “Гений постигает истину с первого взгляда”.

Тогда была создана комиссия во главе с М. И. Ульяновой, и после того, как Шолохов представил рукопись, во всём разобрались, об этом было напечатано в газете, и возня прекратилась. И вот спустя тридцать пять лет – снова. Конечно, у Солженицына нашлись подпевалы: С. Стариков, Рой Медведев, а некая И. Н. Медведева-Томашевская целую книгу накатала, но то ли надорвалась от чрезмерной спешки, то ли совесть заела, – тотчас почил в Бозе. И все шумели: “А где рукопись? Представьте рукопись! Нет же рукописи!” И действительно, с тех давних пор она куда-то запропастилась. Долгое время не знали, что ответить. Но вдруг рукопись, наконец, нашлась у вдовы погибшего на войне приятеля Шолохова Василия Кудашева, которому писатель тогда, в 1929 году отдал её, не очень-то заботясь о сохранности. И рукопись с предисловием Феликса Кузнецова, знатока проблемы, много тут поработавшего, была опубликована. Читайте.

Так вот, курам на смех аж за четыре с половиной года (целый президентский срок!) специальным Указом создана Комиссия по празднованию 100-летия Солженицына. Времени много. Первым делом эта высокая Комиссия пусть и займётся поисками рукописи “Архипелага” и опубликует её. А мы читаем. А как же иначе, мадам?

В июльском номере журнала была опубликована подборка стихотворений Вадима Ковды, в которой стихотворение “Вот оно, эти райские кущи...” по вине сотрудника редакции было опубликовано с большими искажениями.

Мы приносим свои извинения перед поэтом и приводим полный и правильный текст этого стихотворения:

ВАДИМ КОВДА

* * *

*Вот оно, эти райские кущи,
этот утренний царственный звон.
Вот земля, я не видывал лучше!
Вот где счастье черпать исконо!
Всё едино — трава и ромашки,
палисадник и старый сарай,
небеса и холмы, и овражки,
тут и правда — всамделишный рай.
И какая-то ранняя птичка,
что стремглав улетает в зенит,
чирканёт о пространство, как спичка,
и литое пространство звенит...
Что со мной, что со мною творится?
И за что столько счастья дают?
Вот щекастые детские лица
в белом облаке песню поют.
И ничто на земле не заклято.
Зло мирское увидеть — тщета.
Возлежат и гуляют телята.
Как ни сдвинутся — всё красота!
Всё вокруг бесконечно и вечно,
всё рождает немеркнущий свет:
небеса, и пригорок, и речка...
Только мне бесконечности нет.*